FANOTEKA

СЛАВЯНСКОЕ ФЭНТЕЗИ

АНТОЛОГИЯ

Мария СЕМЁНОВА,
Андрей ВАЛЕНТИНОВ, Елизавета ДВОРЕЦКАЯ,
Ник. РОМАНЕЦКИЙ, Фёдор ЧЕШКО и другие

FANOTEKA

СЛАВЯНСКОЕ ФЭНТЕЗИ

·АНТОЛОГИЯ·

Мария СЕМЁНОВА, Андрей ВАЛЕНТИНОВ,
Елизавета ДВОРЕЦКАЯ, Ник. РОМАНЕЦКИЙ,
Фёдор ЧЕШКО и другие

Санкт-Петербург
Издательский Дом «Азбука-классика»
2008

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6
С 47

Оформление Антонина Калласа
Иллюстрация на обложке Алексея Баландина

© В. Арешев, П. Болдырева, А. Валентинов, С. Васильева, Ю. Гавриленко, Е. Дворецкая, Г. Лондин, Е. Евдокимова, В. Калашов, Минна Граф, П. Молитвин, Е. Мурашова, Е. Ольшанская, Н. Ракитина, П. Романецкий, Э. Сафин, М. Семёнова, Д. Тедеев, Ф. Чешко, 2008
© П. Молитвин, А. Цимерман, составление, 2008
© А. Баландин, иллюстрация, 2008
© Издательский Дом «Азбука-классика», 2008

ISBN 978-5-395-00222-8

Дмитрий Тедеев, Мария Семёнова

БУСЫЙ ВОЛК – 2

(отрывки из романа)

ЛАТГЕРИ

Тёмное облако как-то неожиданно наползло на луну, и сосновый лес, только что стынувший в прозрачном серебре, превратился в сплошную стену отчётливо зловещего мрака.

Быть может, уцелевшим жителям деревни эта тьма казалась спасительной и благодатной, но Латгери распознал в ней неотвратимо-тяжеловесную поступь гибели.

Чужой мрак шёл к нему семивёрстными шагами, чтобы растоптать уже окончательно, и он не промахнётся...

За первой громадиной-тучей, налетевшей с востока, клубился сомкнутый строй таких же чёрных великанов, переполненных тяжёлым сокрушительным гневом. Острие этого гнева искало Латгери и должно было рано или поздно его отыскать, но мыслимо ли сразу нашарить в беспорядке свежего бурелома маленькую обречённую жизнь?.. Тьме не будет позволено даже на время стать милосердной. Небо вспыхнуло от края до края, разорванное ветвистой огненной молнией.

Латгери не успел зажмуриться и увидел среди туч рыжебородое мужское лицо, застывшее от горя и ярости. Целый миг, показавшийся бесконечным, распластанный на земле мальчишка и Небесный Воитель смотрели друг другу в глаза. Латгери успел понять, что вот сейчас просто умрёт от непереносимого ужаса, но миг кончился, и на земную твердь обрушился звук удара Божественной Секиры. Чудовищный гром расколол и заполнил собой мироздание, заложил уши, вышиб напрочь способность соображать, бояться, ощущать боль...

Вселенная содрогнулась, и тут же последовала новая вспышка, новый, ещё более страшный громовой удар, счастливо прошедший мимо сознания Латгери... — а за ним ещё и ещё. Стеной хлынул дождь, уже не солёный, исторгнутый продранным брюхом Змеёныша, а самый настоящий, тёп-

лый и пресный. Бог Грозы нёсся над ночным лесом, гвоздя удирающего Змеёныша своей Огненной Секирой, и каждый такой взмах, должно быть, открывал ему новые причины для гнева.

Лес, над которым летела облачная колесница, был чудовищно осквернён и изгажен. Злую силу, сотворившую непотребство, отбросила совокупная воля людей и заступницы-Луны, последние поганые остатки её корчились в божественном грозовом пламени... Но там, внизу, по зелёной плоти Земли неровной полосой пролёг уродливый след, и его сумеет теперь залечить лишь неторопливое время.

Только вчера здесь высились стройные великаны-сосны, совсем недавно радовали глаз своей красой и величием, задевали кронами облака, о чём-то шептались со звёздами... Ныне лесное воинство было вырвано с корнем, медовые стволы — исковерканы и расколоты в щепы, свежая хвоя — смешана с грязью.

Как будто прекрасное женское лицо перечеркнуло ударом безжалостного кнута...

Страшно гневался Бог Грозы и люто досадовал, мало не опоздав оборонить свою землю от нежданной беды.

Тучи тяжело ворочались в небе, умывали раненый лес, силились очистить от скверны...

Тугие струи дождя пробудили Латгери от беспамятства. Глаз он больше не раскрывал, но того первоначального страха больше не было. Ну пришиб бы его Небесный Воитель, дальше-то что? Далеко не самое страшное, что с человеком может случиться... Лёжа на спине с раскинутыми руками, Латгери ловил ртом небесную влагу. Не потому, что так уж мучился жаждой. Не потому, что от этого питья ему мог быть какой-нибудь прок. Просто открывать и закрывать рот, глотать дождевую воду — было единственным, что он теперь мог.

Латгери плоховато помнил, что же с ним стряслось. Кажется, его зацепило, когда вепры сумели как-то отпугнуть или одурачить Змеёныша и ошалевшее чудище накинулось на своих. Не помогли ни завесы Свирелей, ни спешно воздвигнутые охранные заклинания! Кто мог предвидеть, кто мог поверить в подобное? Латгери, как все, смотрел вверх, в вихрящееся жерло, падавшее им на головы, и, как все, не

мог поверить собственным глазам... Зато смог заметить, как лопнула, словно изнутри взорвавшись, крона высоченной сосны. Как мелькнул толстый сук или даже обломок ствола, который швырнуло вниз, именно швырнуло, ибо летел он быстрей всякого падения, только Латгери почему-то успел с тошнотворной окончательностью понять — не просто так летит, а именно к нему, и увернуться, отскочить уже никак не получится... Тяжёлый обломок в самом деле настиг Латгери и вроде бы не особенно сильно задел его по загривку... и краем сознания он успел с облегчением отметить ничтожность ушиба: подумаешь, назавтра и не вспомню... только ноги почему-то сразу же подкосились... да не просто подкосились, пусть и удивительно бестолково, а как бы вовсе исчезли... сразу и окончательно... Латгери увидел их нелепо раскинутыми и чужими, утратившими ощущение, а дальше была тьма.

Та самая, которой не позволили даже на время стать милосердной.

Очнувшись в первый раз, ещё до грозы, Латгери сразу вспомнил о беде с ногами и, не теряя самообладания, решил их ощупать...

Руки тоже не повиновались ему.

Вот когда навалился непроглядный, нерассуждающий ужас. Латгери открыл рот заорать, чтобы хоть так выплеснуть из себя малую толику вселенского страха... Рот смог исторгнуть всего лишь слабенький не то хрип, не то стон. Тогда Латгери рванулся изо всех сил, сумел дёрнуть ещё повиновавшейся ему головой — и опять провалился в беспамятство, на сей раз от боли.

Теперь он лежал очень тихо, глотал дождь и пытался сообразить, что же ему теперь делать. Делать? Вернее, как теперь быть... насколько, собственно, это вообще от него зависело...

Отчасти утешало только одно. Есть боль — значит, есть жизнь. Вот если она начнёт утихать, тогда вправду останется лишь стиснуть зубы и ждать скорого конца. А пока она вспыхивает огнём и жжёт сотнями раскалённых углей, значит, не исчезла надежда сделать ещё усилие и переплавить её в движение и жизнь...

Латгери согласен был вынести любое страдание ради того, чтобы шевельнулся хоть палец, но пока ничего не полу-

чалось. В свои неполные тринадцать зим он хорошо знал, что происходит, когда у человека перешиблен хребет, и это заставляло его яростно гнать прочь все мысли о раздробленных позвонках и оборванной мозговой жиле. Нет! Он не собирался сдаваться. «Я просто сильно зашибся. Сейчас я немного отдохну, соберусь с силами и встану. Я обязательно встану. Заставлю это глупое тело подняться, и пусть только посмеет ослушаться...»

Он помнил, как ему удалось дёрнуть головой, и решил повторить это движение, только не так резко, чтобы снова не провалиться в беспамятство. Собравшись с духом, Латгери напряг мышцы... Разум немедленно залила гасящая сознание боль, но мальчишка был готов к ней и лишь заскрипел зубами от ярости, силясь сдвинуть голову ещё хоть на вершок.

Он поворачивал её влево: он чувствовал, что там, совсем недалеко, находился кто-то живой.

Когда глаза всё-таки залила чернота, сквозь которую были бессильны пробиться поредевшие вспышки Небесного Огня, а гул в ушах похоронил даже звуки громовых раскатов, — голова Латгери перекатилась на сторону. «Я смог! Пока совсем немного, но смог! Главное — начало... Я — Латгери... Я не зря ношу это имя...»

Вот только дальнейшие успехи покамест не торопились к нему. Латгери лежал на холодной мокрой земле, раз за разом собирая на вдохе волю в огненный шар. Он сжимал этот шар в плотный жгучий комок и на выдохе пускал его вдоль позвоночника, по рукам и ногам, приказывая ожить, заранее ощущая, как это будет...

Руки и ноги всё не оживали. Тело оставалось чужим и мёртвым, ниже шеи его как бы даже вообще не было. Латгери сумел кое-как повернуть голову, но приподнять её и посмотреть на себя было за пределами его сил.

И он — нет, не прекратил, а лишь временно отложил эту борьбу, решив для начала рассмотреть того, кто тихо сипел и задыхался где-то поблизости.

О да, совсем рядом умирал человек. Не просто мучился беспомощностью и болью, как вполне живой Латгери, а именно умирал, в этом никаких сомнений быть не могло. Латгери успел повидать смерть в самых разных её проявлениях. И он нипочём не ошибся бы, спутав умирающего

от ран с просто раненым, даже весьма тяжело. И даже если слышал только дыхание.

Ему понадобилось до предела скосить глаза, но всё же при вспышке далёкой молнии Латгери сумел разглядеть силуэт человека, вроде бы обнявшего высокий расщеплённый пень. Человек стоял, прижимаясь к дереву грудью и держась руками за лезвия длинных смолистых мечей, в которые ярость Змеёныша превратила прочное дерево...

«Зуррат, – с первого взгляда узнал его Латгери. – Зуррат...»

Голова десятника медленно покачивалась туда-сюда, мокрая грива спутанных волос не давала рассмотреть лицо, однако Латгери успел увидеть достаточно, чтобы воочию представить глаза, закатившиеся под лоб, и ощеренный рот, хрипящий в последней муке. Стоять-то Зуррат стоял, но только потому, что упасть уже не мог. Та же сила, что отняла у Латгери способность к движению, играючи насадила Зуррата на острый древесный отщеп и оставила умирать на нём, как на колу.

Вот забавно, старый десятник, которого никакое чудо уже не могло спасти, всё никак не желал расставаться с ускользающей жизнью, всё длил и длил её мучительные мгновения, и пропоротая грудь, надо же, совершала очередной вздох...

Для Латгери это сипящее, хлюпающее дыхание зазвучало сладостной музыкой. Сосредоточившись, он принялся жадно пить страдание Зуррата, смакуя каждый глоток драгоценной силы, припадая к источнику волшебного могущества, равного которому не знал даже Владыка. О да, Зуррат был силён, и неравная схватка со смертью высвобождала сейчас всю его силу, всю до конца, заставляла извлекать её из самых тайных глубин...

Латгери пил, как прежде грозовую воду, пил и старался не обронить ни капли.

Пожалуй, умирать Зуррат будет ещё долго, его мучения вряд ли прервутся до рассвета. А значит, Латгери посетило везение, какого вряд ли дождался бы недостойный. До рассвета надо успеть так насытиться жгучей силой не желающего умирать чужого тела, чтобы обязательно суметь пробудить к жизни тело собственное. А дальше... А там видно будет, что дальше. Сейчас – пить, глотать, впитывать в себя силу... Только бы ничто этому не помешало...

К тому, кто думает о победе, приходит победа. А того, кто ждёт отовсюду погибели, эта самая погибель очень скоро и настигает.

Между переплетением изломанных древесных стволов Латтери увидел цепочку зеленоватых огоньков, то ли отражавших Луну, то ли наделённых собственным светом... Огоньки приближались бесшумно и очень быстро. Серые волки, братья веннов, именовавших себя Волками. Наверняка они теперь прочёсывали чащу в поисках уцелевших врагов...

Латтери даже толком испугаться не успел, настолько всё быстро произошло. Вот вокруг приблизившейся пары зелёных огней сгустилась лесная тьма и обернулась... Ох, что это был за волк!..

Мальчишка, думавший, что уже неспособен чего-либо бояться, испугался до такой степени, что сделал худшее из возможного: представил себя... даже не представил, это не то слово, — на какое-то время он действительно *стал* мёртвым. Латтери умел это делать, жестокая наука Владыки не прошла даром. Только став мёртвым, можно превратиться в непобедимого воина. Только мёртвый может воистину почувствовать движение чужой жизни. И не просто почувствовать, но и предвосхитить это движение, распознать его задолго до того, как оно состоится. Чтобы оборвать жизнь сильного врага, надо ощутить эту жизнь лучше, чем сам враг. А для этого необходимо вначале умереть. Путь воина — это путь навстречу смерти.

И Латтери умер. Перестал дышать, ощущать страх и ненависть, вообще перестал мыслить. Он не вздрогнул, даже не моргнул, когда холодный волчий нос ткнулся в его лицо. Волк немного постоял над изувеченным мальчишкой, обнюхивая человеческое дитя, зачем-то прикинувшееся пищей, потом отошёл к взрослому, хрипевшему неподалёку.

Этот чужак тоже вошёл в лес со злом. Он умышлял против людей, кровных братьев лесных охотников. В обоих постепенно затихало биение жизни. Хорошо... Незачем вести сюда двуногую родню... Волк, фыркнув, шагнул прочь и сразу исчез, растаял в ночи без следа.

Латтери ощутил его уход и попытался вновь вернуться к жизни. Получалось плохо, погружение в смерть оказалось слишком глубоким. Возвращение и раньше скверно удава-

лось ему, а уж теперь... теперь, когда его жизнь трепетала, как язычок пламени на порывистом ветру, а пучины беспамятства обещали такой долгожданный, такой желанный покой...

«Ну нет, — сказал себе Латгери, и ярость вернулась к нему. — Я не умру. Пусть явится настоящая смерть и призовёт меня, но и тогда я ей не поддамся без боя! Никто и ничто не сможет меня победить, покуда я сам не признаю своего поражения! А я его нипочём не признаю...»

Слабо застонав от жестокого напряжения, мальчишка ощутил наконец, что сумел нащупать и зацепиться за тонкую ниточку собственной жизни. Вот и хорошо. Теперь — вслушиваться в утробные хрипы умирающего Зуррата и пить, пить, пить драгоценную силу, собирать, взращивать, копить её в себе. Латгери ещё поборется, ещё сумеет сразиться с врагами, ощутить сладость крови, выпущенной из их жил. Он, Латгери, — сумеет.

Недаром ведь сам Владыка дал ему это имя... И пообещал при всех, что, мол, этот маленький Латгери когда-нибудь станет настоящим Латгаром! А пока и Латгери, стало быть, великая честь! Сказал, и сопляк-мальчишка всей кожей ощутил лютую зависть взрослых, опытных воинов. Ещё бы! Мавут наградил его именем зверя, никогда не сдающегося в бою. Да, он убежит от заведомо более сильного, потому что безрассудная храбрость есть глупость. Но когда бежать некуда, Латгар примет бой, кем бы ни был стоящий перед ним враг. Без страха и сомнений бросится он навстречу погибели и станет биться яростно и отважно, без мольбы о пощаде. И может быть, ещё одержит победу!

Кто же мог предвидеть, что решительный бой придётся вести в мокром ночном лесу, где никто не увидит его малодушия и не воспоёт его мужества... Латгери всё равно не сдастся и не отступит, просто потому, что он — не кто-нибудь, а Латгери! Крысёныш!

ВОЛЧОНОК

Небо в восточной стороне начинало понемногу светлеть и вот уже явственно засинело, отделилось от чёрной стены леса, густая предрассветная тьма начала таять и торопливо

отбегать в по-прежнему непроглядную чащу... Всё равно даже там ей не отсидеться! Ещё немного, и юный Бог Солнца явит себя *просыпающемуся миру*, согреет его ласковым теплом, озарит ярким светом, от которого тьме не спастись даже в самом густом подлеске, под старыми корягами и замшелыми валежинами. В кротовые норы, в глубокие подземелья загонит её пресветлое утро...

Сторонний путник, бредущий без дороги глухими лесами венской страны, этого самого утра ждал бы если не как избавления, то уж точно как позволения снова тронуться в путь. Не таковы здешние чащи, чтобы кто попало разгуливал здесь по ночам! Тут же провалится нога сквозь сплетение скользких корней, и хорошо, если кости не хрустнут. А вытащишь ногу, и в лицо, в самые глаза ткнутся острые обломанные концы нависших ветвей. Успеешь отвести их ладонью, и вот уже крутанулся камень под сапогом, и вот уже ты съезжаешь куда-то с отвесного гранитного лба, и не за что зацепиться, и высоко ли падать и что ждёт на дне — неведомо, пока не долетишь...

Надо думать, такого путника насмерть перепугали бы шестеро молодых Волков, парней и подростков, легконогих и босых, во всю прыть *бежавших* сквозь подёрнутые туманом непролазные дебри. Мелькнули бы в самых дальних отсветах костерка — и исчезли бы, не остановившись, даже шага не сбив и оставив бедного путника до утра творить охранительные знамения: люди то пробежали? Или, может, бесплотные духи лесные?..

А им что, Волкам, они были здесь дома. И лес свой знали не хуже, чем избы с дворами. Те самые ловчие корни и опасные кручи стелились им под пятки ровной дорожкой, а хищные сучья лишь расчёсывали пепельно-русые кудри.

Особенно теперь, когда венны из рода Волков спешили ему, лесу, на помощь.

Ну ладно, не всему лесу, конечно, а всего одному существу, ждавшему спасения, но всё равно...

Перепрыгивая кусты, Бусый всё прислушивался к ровному дыханию бежавшего сзади Ульгеша. Была у чернокожего парнишки удивительная способность пускаться с другом-венном, с Бусым то есть, в разные вылазки, куда его звать, в общем-то, не собирались, полагая затеваемое дело чуждым Ульгешу и по рождению, и по сноровке, — а он увязывался

всё равно, причём делал это как-то так, что замечали его уже погодя, когда поздно бывало ради него возвращаться. И шёл себе, и, глядишь, радел о веннских делах, словно тут родился, да ещё и сноровку являл вполне удивительную для умника и тихони. Что когда-то на лыжах, что вот теперь. Видно, правду молвил дедушка Аканума, — отец парня действительно был великим вождём. А и не ошиблась веннская поговорка, утверждавшая — доброй крови не спрячешь... как и дурной...

Двое друзей быстрыми ящерицами пробирались сквозь месиво изувеченных стволов, мягко касаясь, словно поглаживая их ладонями. И Бусого вдруг остро кольнула жуткая мысль, что опорой его рукам служили не бесчувственные брёвна, а ещё живые израненные тела воителей, что, не умея отступать, приняли неравный бой с лютым врагом, пали на родную землю и теперь отдавали ей последнюю кровь. И даже того больше: воины эти его, Бусого, ласковые прикосновения ощущали и всем сердцем на них откликались...

Ощущение было мимолётным, нахлынуло и исчезло. Позволить себе в этом беге-полёте отвлечься на постороннюю мысль значило тут же расшибиться о пень или корягу. А расшибаться было нельзя, недосуг. Следовало спешить. Братья ждали подмоги.

После нападения Змеёныша на деревню никто из Волков в эту ночь так и не сомкнул глаз. Не до того было. Все понимали, что Змеёныш явился не сам по себе, его сюда *привели*, привели враги, и враги эти, именем Мавутичи, были где-то недалеко. А ещё было очень похоже, что раненый Змеёныш, обозлённый нежданным отпором, уже издыхая, набросился на самих Мавутичей. Здорово небось потрепал, но вот насколько здорово? Вдруг кто-то уцелел? И захочет всё-таки сунуться в деревню?

Если их хозяин, Мавут, хоть вполовину соответствовал тому, что говорил о нём Бусый, это были не пустопорожние страхи. А что, пусть попробуют сунуться, коли охота. Есть чем встретить... И проводить...

Мавутичи — это не Змеёныш, отчего ж с ними не совладать и без помощи свыше!

Оттого Волки, и взрослые охотники, и старики, и женщины, и детвора, все до единого, простояли ночь под от-

крытым небом. Впитывали в себя огненную ярость Божественной грозы, торжественно очищались от скверны, принимали священное омовение тёплым грозовым ливнем. Когда Громовержец унёсся на сверкающей колеснице прочь — стали вслушиваться в начавшуюся перекличку своих братьев, лесных волков. Летом волки в стаи не собираются, ни к чему, но сегодня случай был особый, и на призывный клич вожака собралась вся большая семья. Собралась — и словно частой гребёнкой принялась вычёсывать лес, отыскивая, как поганых блох, уцелевших врагов.

Нашли очень немногих. Да и то — совсем неопасных, о чём тут же оповестили двуногих братьев в деревне.

А незадолго до рассвета позвали на помощь.

И как только Волки услышали этот призыв, Севрюк тут же, не мешкая, отправил в путь пятерых юнцов, считавшихся самыми быстроногими. И Ульгеша, дёрнувшегося с ними, ни рукой, ни словом не остановил. Поди не лишним окажется. Нечасто звала на помощь лесная родня, но уж если звала...

Мальчишки добрались до места, когда стало уже почти светло.

Бусый с Ульгешем добежали чуть вперёд остальных, последнюю валежину они перепрыгнули разом, но зрелище двух серых теней, поднявшихся навстречу, заставило потомка Леопарда сбиться с ноги. Ну то есть на чернокожего мальчишку никто не собирался нападать, он не был врагом волков и Волков, но он не был и Волком, и оба зверя покосились на него так, что он счёл за благо остановиться.

Бусого они встретили точно любимого брата.

Когда валежину перелезли остальные подростки, слегка отставшие и задохнувшиеся от напряжённого бега, Бусый уже сидел на коленях, с очень прямой спиной, и... безмятежно улыбался. Совершенно особой улыбкой, породило которую отнюдь не веселье. На его ладони, протянутые вперёд, сквозь разошедшийся туман упал первый солнечный луч, и Волчатам на миг показалось, что руки парня источали собственное золотое свечение.

Ибо он их простирал над телом волчонка. Рядом лежала мёртвая волчица, жутко бесформенная, похожая на смятую тряпку. На мать с малышом рухнул кусок толстого сучковатого бревна, обломок дерева, никогда не виданного в здешних краях. Откуда приволок его Змеёныш, из какого отрав-

лешного, напоённого злом далека?.. Волчице повезло, она умерла сразу и не слышала жалобного плача сынишки. Острый сук воткнулся под правую лопатку волчонка и, словно копьё, пронзил его насквозь, чтобы уйти глубоко в землю. И этот же сук остановил непомерную тяжесть чужого бревна, не позволив ему оказать малышу последнюю милость.

И волчонок ещё жил, ещё с болью и надеждой, с тихой *радостью* смотрел на родню, зверей и людей. Бусый сумел даже на время облегчить его страдания, отвести боль, и неразумное звериное дитя решило, что теперь уж всё будет хорошо. Наконец-то его нашли свои. Взрослые, умные, сильные и добрые родичи. Больше не о чем плакать, теперь его обязательно спасут. Не важно как, что-нибудь придумают. Вот только мама не отзывается...

Пользуясь тем, что волки вроде бы больше не обращали на него пристального внимания, Ульгеш обошёл кругом бревна, присел рядом на корточки, осторожно коснулся... Да-а, под рукой ощущалось совсем не то, что успела запомнить ладонь во время бега по лесу. Змеёнышу понадобилось вывалить посреди суши топляк, умерший так давно, что все воспоминания о зелёной солнечной жизни успели захлебнуться тёмной мёртвой водой... если и были они когда, эти воспоминания! Правда, изначально мёртвых деревьев никто не видал, как им, мёртворождённым, расти-то? Тем не менее Ульгеш сомневался. Он знал подобные топляки, что таились в стоячей непроглядной воде, как уснувшие крокодилы. Вздумаешь наступить, и нога не найдёт опоры в осклизлом гнилье. Но если надо защемить лодку или остановить плот, тот же самый топляк внезапно обнаруживает железную крепость. Все ножи затупятся, иззубрится лезвие топора, покуда перерубишь последний сучок...

Сук, который нужно перерубить...

И нож, который не иззубрится и не затупится...

Ульгеш подхватился с земли, осснённый, оглянулся на друга...

Бусый всё так же улыбался *особенной* улыбкой, его правая рука продолжала творить странные, но завораживающе красивые и полные силы движения над телом распластанного малыша, а левая в это время...

Левая рука Бусого тянула из поясных ножен подарок Крылатой родни.

Вот он погладил волчонка по голове, низко наклонился к нему, что-то прошептал в мохнатое ухо...

И Ульгеш замер, так и не произнеся ни звука. Перед ним вершилось Волчье таинство, в котором ему, чужеплеменнику, не было места. Что сейчас сделает Бусый? Быстро и милосердно взмахнёт ножом, чтобы мама наконец-то отозвалась волчонку — уже там, в священных лугах, куда добрые звери возносятся между вздохами, прямо посередине прыжка, не очень-то и заметив мгновение смерти...

— У меня отец почти так же напоролся, — самым обычным голосом сказал Бусый. И примерился лезвием к окровавленному сучку. — Помнишь? Ну, тогда?

И Ульгеш сразу вспомнил когда, и снова начал дышать, и услышал в утреннем лесу робкое, какое-то растерянное, но всё же пение птиц, и понял, что жизнь будет продолжена.

— Две слеги приготовьте, потолще да подлиннее, — распоряжался Бусый. — И с разных сторон под бревно их подсуньте. Вот здесь и вот здесь...

Не надо учить венна, как жить и обходиться в лесу, даже если венн этот — сущий мальчишка. Ребята мигом вырубили надёжные жерди, напоминавшие скорее потолстые брёвнышки — из неломающейся рябины, и то-то, знать, радовалось славное дерево, сбитое бурей с корней, но сумевшее оградить ещё одну жизнь!

Бусый быстро и осторожно работал в это время ножом, надрезая сук над спинкой волчонка. Ульгеш поднял отлетевшую деревяшку... На миг он ужаснулся, заподозрив в ней благородный маронг, но только на миг. Древесина маронга отливала глубокой бархатной краснотой, а здесь был цвет мертвечины.

Мальчишки между тем приспособили слеги под бревно, примерились, взялись поухватистей, приготовились...

— Давайте потихоньку... Потихоньку, сказано вам! Так, ещё... Ещё немного... Стой... Ещё... совсем чуточку... Вот так замрите!

Крепкие Волчата и Ульгеш не посягали откатить в сторону Змеёнышево бревно, они лишь подвесили непомерную тяжесть на своих слегах, в то время как нож Бусого плавно скользнул поперёк подрезанного сука — и отделил его от ствола. Волчонок слегка трепыхнулся, но не взвизгнул.

— Теперь выше поднимайте! Ещё! Держите!

Перехватив нож зубами, Бусый подсунул одну ладонь под брюшко волчонка, а другой принялся быстро и осторожно выгребать из-под него дёрн. Устроив ямку, принялся кромсать лезвием нижнюю часть глубоко воткнувшейся деревяшки...

Бревно висело у него прямо над головой, цепляя крючьями веток волосы на затылке, но кому ещё доверит себя венн, если не кровной родне да стальному клинку? Не подвели ни нож, ни родня. Сук распался под лезвием, как масло. Спасибо тебе, Брат Огня из племени вилл, пусть небо всегда будет просторно под крыльями твоего симурана!..

Бусый выпрямился.

— Бросай!

Змеёнышев топляк с многопудовым глухим чмоканьем лёг на прежнее место, просев во мху ещё ниже, потому что его больше не поддерживал сук. Парни вытирали рукавами рубашек мокрые лица.

Волчонок лежал на ладонях у Бусого, маленький, мокрый и жалкий, почти такой же бесформенно-смятый, как и его мать, но — живой. Пока ещё живой. Вот он было решил, что уже стало всё хорошо, и попробовал шевельнуться, но тут же взвизгнул и снова притих.

Бусый наклонился к нему.

— Держись, малышка.

Его ладони поили теплом замёрзшего, измученного волчьего ребёнка. Тот вдруг чуть повернул голову и... лизнул Бусого в щёку.

«Летун...»

Беспокойная память немедля подсунула предсмертное пожатие Летуновой пасти.

«А что, если...»

Нет. Летун был собакой, веннским волкодавом, а собак в роду Волков не держали. Зачем, если есть братья волки? Но братья волки обитали в лесу, а не во дворах. Такой не будет ждать хозяина на пороге и умывать ему языком заплаканное лицо. Волк — плохая собака, как и собака — плохой волк. Кого выбрать? И надо ли выбирать?..

«Может, я скверный Волк... или не совсем Волк, я же только по отцу...»

Бусый шёл, очень быстро шёл, размашисто и мягко ступая. Быстрее в деревню, к дедушке Соболю! Вот бы ещё

изловчиться через тот завал с волчонком на руках перелезть! Ладно, там видно будет, не перелезем, так обойдём!

«А что, если я в самом деле нового Летуна на руках несу?..»

ПЛЕВОК

Солнце стояло уже высоко, когда вепны разбрелись по Змеёнышеву Следу в попытке сообразить, сколь же дорого обошлась победа их лесу, а стало быть, им самим. Не задело ли ближние ягодники и болотце, питающее ручей Бубенец? Не затронуло ли Журавлиные мхи, на которых вернувшиеся птицы как раз выводили птенцов?..

Постороннему человеку Волки напомнили бы погорельцев, которые, отстояв половину дома, довольно-таки растерянно бродят среди головней, оставшихся от второй половины, и внешне бесцельно перебирают измазанную копотью утварь: что уцелело, что нет? Что может ещё сгодиться в хозяйстве?..

Густо пахло разогретой солнцем смолой, точно на лесосеке, когда расчищают землю под огород.

— Я читал в книге про такой След, уразивший[1] землю Нарлак, — сказал Ульгеш. — Путешествующие доносят, будто он занимает чуть не четверть страны. Купцы гонят упряжных лошадей по два-три дня, не смея остановиться на отдых или ночлег!

Бусый покосился на мономатанца и недоверчиво хмыкнул. Он уже попривык доверять учёности друга, но это было уж слишком. Такое вот жуткое месиво вздыбленных корней, обломанных веток, земли, травы и воды — да на трое суток пути?..

— Ты лучше подумай, — сказал Ульгеш, — каков должен быть тамошний Змей, чтобы подобный След сотворить!

Бусый честно попробовал. И почувствовал себя букашкой, которая увернулась от воробья и взялась за победные песни, полагая, будто страшней воробья нет птицы на све-

[1] *Уразивший, уражать* — поражать, наносить раны, увечить.

те. Ощущение было не из тех, от которых за плечами появляются крылья. Бусый нахмурился и буркнул:

— Беззаконный народ, верно, живёт там, в этом Нарлаке. Иначе с чего бы такой Змей раз за разом находил к ним дорогу!

Ульгеш спокойно отозвался:

— Можно и так сказать, а можно по-другому. Например, что нарлакскому племени особое дело на свете отведено, за все другие народы против Змея стоять... — Смутился под изумлённым взглядом Бусого и поспешно добавил: — Это не я выдумал, это Салегрин Достопочтенный так пишет, и Эврих из Феда не опровергает его...

А Бусый оглянулся на тихое «Ух ты...» шедшего рядом с ними Ярострела и успел уловить мечтательный, светящийся взгляд мальца. Ярострел, по свойству всех на свете мальчишек, успел отодвинуть от себя ночной страх. Взошло солнце, и ему уже хотелось в Нарлак, порадеть и постоять против летучей напасти ещё хуже вчерашней. Бусый вдруг почувствовал себя ужасно взрослым, видевшим жизнь. Давно ли он сам был таким, как меньшой братец Ярострел? Казалось — очень давно...

А Ульгеш продолжал:

— Знаешь, очень на многое можно посмотреть с одной стороны, а можно — с другой. И окажется, что нет в этом ни греха, ни ошибки. Дедушка Аканума рассказывал мне про императора Дакори, взявшего власть восемьсот лет назад. Он дал мне прочитать две разные книги: в одной говорилось, что Дакори был из народа сехаба, а в другой — что он вышел из племени мибу. Одна описывала его жестоким завоевателем, другая — мудрым собирателем земель. И обе обладали внутренней стройностью, и каждая звала на свою сторону.... — Ульгеш говорил задумчиво и так, как рассказывают о чём-то очень важном. — Я спросил дедушку, где же тут истина, и он ответил мне: «Знаешь, в нашем городе люди посейчас иногда ещё режутся насмерть из-за того, возлагал ли Дакори на себя белые перья сехаба или буйволиные хвосты мибу. Им кажется, что стоит выяснить это с окончательной определённостью, и настанет вековечная слава либо вековечный позор. Ты можешь, конечно, сделать выбор и отстаивать его до конца жизни. А можешь попробовать объять оба воззрения и разобраться, что же следует из каждого для нашей сегодняш-

ней жизни...» — Ульгеш вздохнул. — Я вот думаю, может, не случайно мой великий и неназванный отец вручил меня именно дедушке Акануме, жрецу Мбо Мбелек Неизъяснимого... Может, однажды я должен буду на что-то с разных сторон посмотреть... и не поторопиться хвалить или осуждать...

Бусый молча положил руку ему на плечо, крепко сжал. Он-то знал теперь имя отца и мог произнести его в любое мгновение, когда пожелается: Иклун Волк. А вот Ульгешу такого счастья было не дано. Пока?

Бусый остановился около павшего дуба, чьи вывернутые корни ещё грозили, ещё пытались схватить давно улетевшего Змеёныша. Изба с крышей легко поместилась бы среди этих корней... Вообще-то дубы водились здесь неохотно, они предпочитали западные чащи с их снежными, но менее морозными зимами. В краю Волков им было холодновато, обычно они не вырастали высокими, всё жались под защиту Земли. Этот же — гордость деревни — стоял на своём холме великаном. Даже теперь, поверженный, изувеченный, он непостижимым образом сохранил суровую красоту и достоинство. Как убитый в бою воин. Сражённый, но не побеждённый, не сдавшийся. Даже жестоко изрубленный, с разбитым стволом и обломанными ветвями — он продолжал сражаться с врагом. *До самой смерти. И встретил эту смерть, не дрогнув, не отступив, не склонив гордой головы...*

Рядом послышался тихий вздох. Незаметно подошедшая тётушка Синеока тоже во все глаза смотрела на погибший дуб и явно думала о том же, о чём размышлял Бусый. Итерскел стоял подле. Наученный горем, всё водил глазами по сторонам, надеялся оборонить Синеоку от всякой напасти. От врага, если такой рядом вдруг загаился... Бусый в который раз вспомнил Колояра и подумал, как они всё-таки похожи, Колояр и Итерскел. Друг на друга и... на дуб этот, каким он был, покуда красовался здесь, на холме. Та же спокойная надёжность, бесхитростный нрав, неумение склониться перед злом. Даже если зло это сильнее окажется...

Почувствовав, что глаза вот-вот обожгут слёзы, Бусый подошёл к поверженному дубу и обнял его. Мать Белка научила его приникать телом к благим, почитаемым веннами деревьям. Просить добрых сил у сосны, берёзы, липы, ореха... У дуба — в первую очередь. И деревья всегда охотно делились с чело-

вековым ростком частичкой своей спокойной, несуетной силы... Только сейчас Бусый ничего не просил. Скорее наоборот: пытался отблагодарить частью своей силы. За то, что дуб этот его, Бусого, от Змеёныша телом своим пытался прикрыть...

Дуб мальчишеского подарка не принял... Смертельно израненный, он был ещё жив, потому что деревья живут и умирают иначе, чем люди. И он даже сейчас попытался утешить пожалевшего его маленького человечка, укрепить его дух, влить в него остатки своей безбрежной некогда силы. «Это — жизнь, росточек. Мы уходим в землю, чтобы снова встать из неё. Это — жизнь...»

И Бусый ощутил неожиданное облегчение, на душе стало светло. Благодарно потёршись о ствол щекой, мальчишка выпрямился и пошёл дальше, тихонько прикасаясь ладонями к другим деревьям, прощаясь с ними, пытаясь утешить...

Деревья откликались ему. На разные голоса откликались уже из глубин последнего сна, превращавшего живой *изломанный лес* в обычный *валежник*...

Потом Бусый оглянулся на Синеоку и увидел, что его малая тётка куда-то смотрела — пристально, во все глаза. Да не на завал, а куда-то дальше, *сквозь* мешанину стволов.

Итерскел тронул её за руку, но девушка, отмахнувшись, двинулась дальше вдоль сваленных в неряшливом, непристойном беспорядке деревьев. А потом указала рукой куда-то вглубь Змеёнышева Следа, в самые дебри, невнятно замычала и... попыталась полезть туда. И конечно, сразу упала бы, не подхвати её Итерскел.

— Что там, тётушка Синеока?

Она замахала руками, указывая направление, силясь что-то ему объяснить. И Бусому, как обычно некстати, в который раз подумалось, что — ну нет, дурочкой, как многие полагали, его малая тётка ни в коем случае не была. Глубоко внутри она по-прежнему всё понимала и обо всём верно судила, только ни сказать, ни телом внятно выразить не умела. Потому что в далёкий и страшный день некая часть её души съёжилась до того крепко, что расправиться уже не смогла...

— Что там, тётушка?

— Ммм...

Вот так-то: он только что с деревьями разговаривал, разумея их речи, а с собственной тёткой объясниться не мог.

— Нам полезть туда? — спросил Бусый. — Посмотреть?

Синеока отчаянно задёргала головой, движение вышло беспорядочным, но Бусый успел подметить самое его начало и понял: девушка пыталась кивнуть.

И мальчишки полезли. Гибкими ужами — между расщеплёнными, грозящими бедой сучьями и стволами. Нет, деревья никого не хотели обидеть, просто в телах своих они были вольны не более, чем несчастная Синеока. Пачкая в смоле одежду и руки, Бусый с Ульгешем и Яростелом пробирались туда, где — птицы хорошо видели это сверху — среди бурелома имелась маленькая прогаль.

Вот уж не ждал Бусый, ступая на мягкую, взбитую ночным вихрем землю и щурясь от брызжущего в глаза солнца, что здесь его перво-наперво... ударят! Причём вполне чувствительно, неожиданно и жестоко! А главное — непонятно кто, непонятно как!.. Да ещё и — вовсе не прикасаясь, не трогая тела, одним внутренним устремлением!..

Он понял только, что его посягали *убить*. И убили бы, добавься к решимости, помноженной на лютую ненависть, ещё хоть сколько-нибудь силы. А поскольку сил не было, вместо сокрушительного удара получился шлепок — муху прихлопнуть.

Всё это Бусый сообразил за мгновение, понадобившееся ему, чтобы отыскать на прогали нападавшего. Сперва его ищущий взгляд остановила фигура широкоплечего воина, обнявшего рослый, сплошь окровавленный пень, но воин был мертвей мёртвого, и взгляд Бусого скользнул дальше, чтобы нащупать мальчишку.

Вот так-то: его подстерёг и тщился предать смерти ровесник.

Этот ровесник лежал на спине, беспомощно разбросав руки и ноги, мокрый, закиданный землёй, ветками и клочьями дёрна, похоже, нешуточно покалеченный, со странно подвёрнутой шеей, на бескровном лице жили одни глаза, но взгляд этих глаз внятно говорил: убил бы тебя, если бы мог.

Но — не мог.

Последних встреченных в его жизни врагов ему уже не удастся сразить. Хотя он честно пытался, сделал всё, а может, даже и больше. И оттого ему нечего было стыдиться...

Бусый вдруг вспомнил бывшего венна, его страшно расширившиеся зрачки и железное мужество перед лицом жес-

токой боли и казавшейся неминуемой смерти. А ещё ему невесть почему вспомнилось, как когда-то, совсем мальцом, он увидел в клети с припасами крысу. Схватил веник и погнал её, и думал уже, что в угол загнал, — а крыса вдруг как развернулась в узком проходе меж кадками да как бросилась на него, тут и веник из руки выпал...

Подошедший Ульгеш сунулся было мимо Бусого, но тот его придержал. К этому мальчишке надо было подходить как к раненому животному: и помочь совесть велит, и что он сейчас выкинет — почём знать. Судя по тому удару, настоянному на желании и умении убивать, при малейшей к тому возможности этот парень дел мог наворотить — не расхлебаешь потом.

— Эй, — окликнул Бусый негромко.

Он понятия не имел, разумел ли незнакомец по-веннски, и подавно не представлял себе, откуда здесь, на Змеёныше-вом побоище, было взяться мальчишке. Не Змеёныш же, действительно, приволок его из неведомой дали, чтобы сбросить из-под облаков?.. Стоило подумать об этом, и память тотчас же подсунула топляк, убивший волчицу и мало не убивший волчонка.

— Слышь, мы тебя не обидим...

Вместо ответа ровесник плюнул в сторону Бусого. Это простое движение вычерпало уже самые последние силы, плевок шлёпнулся здесь же, возле щеки, мальчишка равнодушно прикрыл веки, полностью утратив интерес к врагам и к тому, что они дальше будут с ним делать, лицо стало изжелта-серым.

— К нему с добром, а он вон как! — возмутился Ярострел. И ругнулся: — Крысёныш!

— Язык-то попридержи, — окоротил его Бусый. Не сознаваться же при меньшом, что ему самому стало здорово не по себе. — Кто в болезни лишнее молвит, никаким судом не судим!

РАЗГОВОРЫ В БАНЕ

Деревенские дворы уже затопили вечерние сумерки, но небо ещё оставалось светлым, когда Волки, взрослые мужчины и парни со старшими мальчишками, вернулись до-

мой. Ну то есть не совсем пока что домой. Под кров, за общий стол, к жёнам, детям и матерям им пока что было нельзя. С самого рассвета они собирали по лесу мёртвых врагов. И предавали их погребению. Не так уж много было Мавутичей, но, содей Змеёныш своё дело, как следовало по замыслу Владыки Мавута, — вполне хватило бы *добрать* уцелевших...

Теперь им самим Волки выбрали подходящее место в десятке вёрст от деревни, там, где чёрные ели мешались с дрожащими вечной дрожью осинами, и вырыли одну большую могилу — на всех.

И не то чтобы ёлки с осинами чем-нибудь провинились, венны тоже чтили их как благие деревья, только их благо было особого рода. Они не дарили человеку добрую силу, они, наоборот, забирали дурной жар, лихорадку и боль. Оттого-то испокон века венны заговаривали зубную боль на еловую палочку, а злобную нечисть спроваживали хорошим осиновым колом, загнанным в сердце, чтобы не вылезла из могилы... Чем, собственно, Волки сегодня до вечера и занимались.

Прикосновение к мертвецу, тем более чужому и непотребно погибшему,— оскверняет. Здесь только что нарушалась граница живого мира, на ту сторону уходила замаранная злобой душа, в муках истекала из тела, насаженного на пень или стиснутого в древесном расщепе... И как знать, затянулась ли нарушенная черта, и не проскочило ли навстречу уходившей душе что-нибудь такое, о чём на ночь глядя не стоит и поминать?

А стало быть, после нынешних трудов одного омовения было недостаточно. Не отгонишь скверну, пока благодать Воды не умножится благодатью Огня.

Ульгеш знал, конечно, что такое баня. Сколько они с дедушкой жили у веннов, столько и мылись по-веннски. Топили каменку, радовались горячей воде... Мылись, правда, сам-друг, вполуха и вчуже, с удивлением слушая рассуждения белокожих северян о квасе и вениках...

Сегодня Ульгеш в самый первый раз отправился в баню вместе с веннами, уже не как гость, — как свой.

Честно сказать, веников юный мономатанец побаивался. Всё представлял, как это его станут с размаху хлестать пучками прутьев, отмоченных в кипятке. Берёзовыми, дубовы-

ми... даже подумать страшно — сосновыми. Получалось нечто похожее не на омовение, а скорее на жестокую порку. На родине Ульгеша это считалось наказанием для рабов. Как вытерпеть, да ещё и не показать добрым хозяевам ни обиды, ни боли? Ведь они не унизить его желают, не истязать, а доставить радость и удовольствие!..

Вот мужчины окатились водой, смывая пот и первую, *внешнюю* грязь, а потом, заранее покряхтывая от удовольствия, стали забираться на полки́. Молодые и те, кто поотчаянней,— под самую крышу, кто поскромней — чуть пониже, жару и пару и здесь достанет в избытке. Загодя подогретый квас начал щедро выплёскиваться на раскалённые камни и взрываться облаками невидимого прозрачного пара, жгучего и душистого. Ульгешу показалось, что этот пар беспрепятственно проникал сквозь кожу, расплавлял мышцы, добирался до самых костей, согревая корни души...

— Ложись,— сказали Ульгешу.

Юный мономатанец потихоньку вручил себя Неизъяснимому и растянулся на выскобленных досках, ожидая свистящих ударов наподобие тех, что уже раздавались поблизости. Однако вместо ударов веник лишь заметался над его спиной, почти не касаясь кожи, лишь обдавая горячими облачками пара, плотного, как ласковая рука. На миг отлучился — и, возвратившись, начал поглаживать, сперва осторожно, потом всё уверенней и крепче... И наконец принялся хлестать, но что это было за хлестание! Так плещет крыльями лебедь, так взмахивают ветвями, роняя лепестки, цветущие деревья на весеннем ветру...

Ульгеш блаженствовал, его душа словно воспарила над телом и витала отдельно, кувыркаясь и возрождаясь в раскалённой купели,— когда его подхватили с полка и под локти выставили из огненного пекла прямо наружу, во влажный сумеречный холодок.

— Ладно, хватит с тебя, пока не сомлел.

Под ногами сами собой пронеслись растрескавшиеся мостки, и — а-ах-х! — распаренное тело приняла студёная и тёмная вода банного пруда. Ульгеш вынырнул, отфыркиваясь и чувствуя, как душа возвращается обратно в плоть, а рассудку возвращается ясность.

Следом за Ульгешем начали выходить вешны, их белые от природы тела пламенели огненным свечением. Кто-то

пробегал по мосткам и, ухая, поднимал брызги в пруду, кто-то обливался из вёдер на берегу... Улыбались, поглядывали на Ульгеша, вылезшего из воды. Ох и чёрен парнишка! Неужто после пара с вениками чернота даже чуточку не отошла?

Переведя дух, вернулись в парилку, но парились уже степенней, умиротворённей, без той отчаянно-весёлой ярости, что поначалу. Длили праздник очищения тела и души.

Выйдя наружу в третий раз, начали рассаживаться на завалинке и чурбаках, медленно, с наслаждением потягивали квас, переговаривались, прикидывали работу на завтра. Говорили, конечно, взрослые, мальчишки встревать без спросу не смели.

— А я говорю, нельзя эти деревья на избы пускать!

— Деды наши из буревала не строили и нам не велели...

— Что у нечисти в зубах побывало, не свято.

Речь шла о том, что же делать с великим множеством леса, погубленного Змеёнышем. Венны, умевшие заменить деревом железо, камень и глину, никогда не взяли бы для строительства дома лесину, засохшую на корню. Они знали, что в таком доме хозяева очень скоро начнут чахнуть и сохнуть, и никакой лекарь не разберёт отчего. Никогда не вставили бы в стену и бревно с глубоким сучком, чтобы через этот сучок Незваная Гостья не вытянула чью-нибудь душу. И нипочём не подошли бы с топором к дереву, внешне здоровому, но жалобно скрипящему на ветру. Срубишь его — и не даст спать ночами душа замученного человека, оказавшаяся заключённой в стволе...

Что же делать с деревьями, с немалым множеством деревьев, погибших нехорошей, злой смертью — от бури, накликанной злым колдовством?

— На дрова разве пустить, да и то, не было бы пожара нам от таких дров...

— Погодь, Бронеслав. — Седой Севрюк положил руку на колено. — Так можно сказать, что нам и шапки на земле надо было покинуть, коли у нас их тем вихрем с голов поснимало.

Мужчины засмеялись. Бронеслав, выходец из рода Барсука, такой же седой и кряжистый, как Севрюк, буркнул что-то и замолчал, однако другие слово брать не спешили. Можно было назвать весь След нечистым и воспретить де-

тям приближаться к завалам. И после не удивляться заведшемуся там злу. Можно было дождаться сухой погоды и просто всё сжечь. Или можно было пустить в дело поваленные стволы — и ночей не спать, размышляя, а не беду ли в гости зовёшь себе и всему своему роду...

— А у вас как о таких делах судят? — спросил вдруг Севрюк, обращаясь к Ульгешу.

— У нас... — Юный мономатанец жарко смутился, ведь он, срам вымолвить, знал свою родину больше по рассказам и книгам. И хоть вины его в том и не было, всё равно срам. — У нас... Дедушка говорил, даже благородный маронг бросят на лесосеке, если при его падении кто-то погибнет...

Сказал и только тут заметил, какие отчаянные рожи корчил ему Бусый, сидевший по другую сторону круга. Бусый ждал от него каких-то иных речей, но вот каких?..

Севрюк встал, потянулся и сказал с усмешкой, сразу всем:

— Ладно, Волки. Пошли, ещё пар погоняем. Сами к согласию не придём, может, жёны чего на ухо нашепчут... Зря ли говорят, утро вечера мудреней. А сами не вразумимся, значит, совета спросим у Тех, кто мудрей... — И Севрюк с надеждой посмотрел на небо, в котором дотлевала розовая заря. — Ну, пошли, пока каменка не застыла!

Раскалённые камни и не думали застывать. Опять парились, поддавали, хлестались до багровой красноты вениками, опять поддавали, опять хлестались. Крякали, блаженно охали, переговаривались...

— Я-то думал, ты им скажешь, как нам с Яростелом тогда, — шепнул другу Бусый. — Ну, что можно с одной стороны посмотреть, а можно с другой...

И вроде совсем негромко шепнул, одному Ульгешу на ухо, однако был услышан. И не кем-нибудь, а Бронеславом, тем самым, что всех яростнее радел за нечистоту павших деревьев.

— Ну-ка, ну-ка? — свёл кустистые брови Барсук. — О чём взялся шушукать?

Бусый вздрогнул, беспомощно отыскал глазами дедушку Соболя, которому первому хотел поведать осенившее, да вот нелёгкая дёрнула за язык. Однако деваться было некуда, и Бусый храбро ответил:

— О том, дедушка Бронеслав, что на всё можно посмотреть справа, а можно и слева, и которая сторона воистину правая, вовек не узнать. Ну, хоть про камень вот этот: он наполовину остыл или наполовину ещё горячий? — Барсук дёрнул мокрой бородой, открыл рот и закрыл, не придумав, чем осадить разговорчивого юнца, а мальчишка продолжал: — Вот и наши деревья... Можно так молвить: сгубила их Змеёнышева нечистота, кабы где не прилипла!.. Да!.. А можно инако...— И Бусый выдохнул жарче банного пара, всей силой души: — Они же, хранители наши, за нас стояли стеной! Они первыми удар приняли, от нас его отводя! — Сглотнул и докончил: — Они там живые ещё лежат... за нас умирают... А мы судим тут, много ли скверны на них!

Теперь на него смотрела вся большая общинная баня. Бусого затрясло. И с чего это он взял, будто Посвящение произойдёт в один особо избранный день, назавтра после которого в его жизни станет всё по-другому — равным звать примутся, а слово его — слушать и чтить?.. Не-ет, тот избранный день Посвящение лишь довершит. Того прежде эту честь ещё заслужить потребно. И в том числе — речами в мужском кругу. Разумными и достойными...

Севрюк ободряюще хлопнул Бусого по плечу, переглянулся с Соболем.

— Доброй крови не спрячешь, как и дурной,— проворчал он, невольно отвечая на мелькнувшие кувырком мысли Бусого.— У твоего мальца, Соболь, все были разумом пригожи: и прадед, и дед, и отец... когда таким же отроком бегал. Да ещё и не боялись объявить, что в груди накипело.

И в это время Бусый, как порою бывало с ним от душевного напряжения, внутренним слухом уловил обрывки мыслей находившихся рядом. Сегодня — особенно отчётливо, может быть, потому, что кругом была родня. Или это банный пар истончил завесу, дал Бусому подслушать то, что каждый таил сам для себя?

«Да уж. Дед Ратислав вон всё своим умом жить хотел, и много ли нажил? Отраду вдовицей оставил, дочь — дурочкой, а и сынка не сберёг...»

«И внук в ту же породу. Не приведи Соболь мальца к нам в деревню, не было бы ни Змеёныша, ни его Следа...»

«И поди знай, что ещё за беды через него припожалуют?..»

Все голоса бубнили одинаково невнятно и глухо, поди догадайся, где чей. Бусому стало холодно в натопленной бане, кожа пошла пупырышками. «Мама..» Да не та мама, которую он тщился спасти, дотянувшись ей на выручку сквозь чужую память, а Митуса Белочка, чьи объятия совсем недавно были для него утешением и непрошибимой стеной от любой беды и обиды. «Мама...»

«Глупенький,— ответил ему неведомо кто и неизвестно откуда, он не разобрал даже, мужчина или женщина, и почему-то подумалось о Горном Кузнеце, сидящем на берегу задумчивого ручья, по которому плывут щепки.— Мысли, они на то и мысли, чтобы не всякую высказывать вслух. Есть думы, как сор, да язык на то и не помело, чтоб мести что попало вон из избы. Тебе вслух хоть слово сказали? Деда и отца твоего оскорбили? А и неча подслушивать, самому чтобы не обижаться потом...»

«МАМА...»

Мальчишку, найденного в буреломе, Волки устроили по тёплому времени в одной из клетей. Ну в самом-то деле, не к очагу же святому его сразу нести? Судя по кинжалу на поясе и по расчётливому удару, которым он встретил Бусого, мальчишка вполне мог быть из Мавутичей. Но мог и не быть. Мужественного человека хочется видеть другом, а не врагом, а уж мужества мальцу было не занимать, и Бусый вовсю придумывал ему причину оказаться подле Мавутичей, но — не из их числа. Может, он крался за ними лазутчиком, думал выведать замыслы? Или Змеёныш его вовсе в иных краях подхватил и сюда случайно забросил?

Ладно, откроет глаза, заговорит — тут всё и узнаем...

Покамест мальчишка не говорил ничего.

Лежал на широкой скамье, устроенный так, чтобы можно было убирать из-под него и двигать всё тело, оберегая от пролежней, а шею, с превеликим трудом вправленную Соболем, совсем не тревожить. При смутлом лице и чёрных глазах у мальчишки были серебристо-светлые волосы, при огне казавшиеся седыми. За эти волосы, из которых Синеока понемногу вычесала сосновые иголки и грязь, мальчишку повадились именовать Беляем. Надо же было хоть как-то его называть?

Вот заговорит, тогда и посмотрим, ладно ли на нём сидит такое доброе имя...

Но Беляй говорить не торопился. Волки слышали его голос, только когда лесного найдёныша окутывало забытьё. Мучительные стоны, тихие вскрики, обрывки непонятных слов...

Порою Латтери — чего с ним давным-давно не бывало — видел себя совсем ещё малышом. Вот он тайком улизнул из дома, чтобы искупаться в Обезьяньем Озере, ласково бурлящем, таком тёплом даже зимой... Вот и берег, осталось только с обрыва спуститься...

И тут начинается Сотрясение Гор, и малыш срывается вниз, прямо на камни. И шею пронизывает боль, да такая, что вмиг делается понятно — окончательная. А Сотрясение Гор длится, не сильное и вроде бы совсем не опасное, но боль в шее растёт и растёт, заполняя всё тело, и Латтери — то есть не Латтери, а малыш, ещё не узнавший Владыку, — плачет и зовёт маму, только голоса нет.

И знает, почему-то совершенно точно знает, что мама не придёт. Не найдёт его здесь и не выручит из беды... И это знание — куда страшнее боли...

Откуда же эта мягкая рука, неожиданно и так знакомо касающаяся его головы?

«Мама! Мама... Ты всё-таки пришла... Видишь, мне плохо... Прости меня, я не послушался...»

Мама что-то отвечает, но Латтери никак не может разобрать слова. Что-то мешает ему, и постепенно он догадывается — что.

Его имя, Латтери. То самое, которым он привычно гордится. Надо вынуть его из ушей и вложить на его место то имя, которым его звала мама, и тогда он сможет понять.

Надо только вспомнить... Сделать усилие и вспомнить...

Не удаётся...

«Мама! Назови меня по имени! Пожалуйста!»

Мама гладит его по голове. Кажется, она тоже не понимает его. Но отчаяние постепенно проходит, и Латтери успокаивается, потому что рядом с ним, без сомнения, мама. Её руки, её голос ни с чьими больше не спутаешь. И говорит она на их родном языке. Ну и что из того, что говорит почему-то без слов...

«Мама... Как хорошо... Ты нашла меня, и больше мы не расстанемся... никогда-никогда...»

Синеока с самого начала взялась ходить за Беляем. Умерить горячечный жар, отогнать дурные видения, забрать на себя часть боли — нет такой веннской женщины, которая бы этого не умела, и Синеока, даром что дурочка, не была исключением. Когда Бусый заглядывал в клеть, ему порой даже казалось, будто его малая тётка тихонько что-то говорила, склонившись над раненым...

Говорила? Немая Синеока? Нет, конечно. Но мальчишка, только что стонавший от боли, начинал вдруг улыбаться в ответ на её бессловесное воркование. И на лице у него была совсем не та улыбка лютой ненависти и ожидания смерти, что в лесу. Она была совсем детская и беззащитная, жалобная и слегка виноватая. Так улыбается малыш, споткнувшийся впопыхах о порог, вдребезги расколотивший кувшин с молоком и сам изрядно зашибившийся. Улыбается матери, что прибежала на шум и ещё не смекнула, что делать: дать подзатыльник или утешать дитя бестолковое. А малыш просто знает себе, что от мамы ему ничего плохого не будет. И теперь, когда она рядом, всё обязательно наладится. И боль утихнет. И новый кувшин с молоком найдётся вместо разбитого...

КАМЕНЬ

Бусый часто заглядывал в эту клеть, но не ради Беляя; кто таков он, этот Беляй, чтобы Бусому о нём печься? Просто в той же клети, в уголке, положили маленького Летуна, и Бусый не пропускал случая проведать его. Гладил мохнатого сироту, поил молоком, на руках выносил понюхать свежую травку. Волчонок его узнавал, радовался, тянулся носом к рукам...

В ночь после бани Бусый пришёл в клеть спать. Всё равно под избяной кров было пока нельзя. Да и тётушке Синеоке помочь, если вдруг что...

Он думал, что после банного потения голову на тулупный рукав опустить не успеет, как заснет, однако ошибся. Сон не шёл, Бусый долго ворочался, припоминал и переживал подслушанные мысли сородичей. Лишь когда из-за

кромки леса поднялась луна и укутала серебряным покрывалом деревню и лес, тягостные мысли отступили от Бусого, усталость взяла своё, он пригрелся, блаженно вытянулся и без оглядки провалился в сон...

Тёмное облако как-то неожиданно наползло на луну, и сосновый лес, только что стынувший в прозрачном серебре, превратился в сплошную стену отчётливо зловещего мрака. Тьма, одну за другой гасившая в небесах звёзды, не была обычной темнотой, кутающей землю с вечера до рассвета. Это была особая тьма, живущая своей, особенной жизнью вставшего зачем-то из могилы мертвеца. Древний ужас, сгустившийся в темноте. С двумя огромными, от края до края неба, чёрными крыльями. С пронзительным леденящим взглядом, от которого кровь в жилах останавливала свой ток...

Знакомый взгляд чудовища безжалостно шарил по земле, что-то выискивая, и не было укрытия от нечеловечески упорного взгляда, не было никакого спасения. Крылатая тьма приближалась...

Бусый беззвучно застонал во сне, заметался, и пальцы нащупали на шее оберег: кожаный мешочек и в нём — каменный желвачок, подарок Крылатых. Мальчишка крепко сжал его в кулаке, подтянул колени к груди, сворачиваясь в плотный клубочек, чтобы стать совсем маленьким, невидимым для приближающейся Смерти, горошиной закатиться вовнутрь чудесного камня...

Помогло.

Добрая Луна рассеяла тьму, дурной сон утратил огромность и стал просто дурным сном, от которого можно проснуться, тряхнуть головой, улыбнуться и позабыть.

Бусый увидел маленького крысёныша: тот метался, не находя выхода, а кто-то невидимый и недобрый хлестал его тяжёлой плетью. Не так, чтобы сразу убить, больше ради лютой забавы, чтобы помучился. Крысёныш сперва силился увернуться, но после, ощерив крохотную пасть, бросился на мучителя. Покатился, сшибленный ударом, но встал и, волоча перебитую лапку, молча бросился вновь.

И взгляд у зверька был — в точности как у Беляя, когда Бусый с Ульгешем его только нашли. А в здоровой лапке вдруг возник... меч. Серебристый, дивно светящийся, точно

осколок лунного света. И дрогнула плеть, промедлила в свистящем замахе...

Бусый сквозь сон рванулся на выручку крысёнышу. И проснулся.

Немного полежал с открытыми глазами, тяжело дыша, хмуря брови и пытаясь отделить приснившееся от яви. Луна, поднявшаяся высоко над деревней, безмятежно смотрела на него с высоты. Безмятежно и немного насмешливо.

— Спасибо, матушка Луна... — одними губами сказал ей Бусый. Погладил насторожившего уши волчонка, тихотихо поднялся и бесшумно, чтобы не потревожить прикорнувшую Синеоку, скользнул к двери.

Луна царила в чисто вымытом небе, бледные весенние звёзды стыдливо прятались, не смея ревновать к такой красоте.

«Таемлу...»

Маленькая жрица. Идущая-за-Луной... Вот кого он хотел бы сейчас увидеть рядом с собой, вот кому показал бы эту дивную ночь и обо всём случившемся рассказал...

Бусый вышел на берег Звоницы, остановился у самого края обрыва. И тут-то все тягостные и тревожные мысли покинули его разом и без следа. Мальчишка просто замер, захлебнувшись восторгом.

Босые ноги холодила росистая трава, ночной ветерок веял в лицо каким-то высшим покоем. Да попустит ли спасительница Луна, чтобы изгнанная Тьма опять кого-то пугала, во сне или наяву? Её серебро омывало и исцеляло, и простор за рекой, уже ставший таким знакомым, жил в этом серебре. Гряда за грядой островерхого леса, всё вдаль и вдаль, сколько мог различить глаз, до самого небосклона... уютные шорохи ночной жизни, ощущение переполнившей душу и тело звонкой, радостной силы, предчувствие чего-то доброго и хорошего...

«А ведь я... дома!»

Бусый вдруг почувствовал это пронзительно и остро, каждой частичкой своего существа. Он был здесь своим среди своих. Наконец-то. И это была его земля, земля его родичей, его предков. Земля Волков. На которой, доколе светит Луна, нечего бояться маленькому Волчонку.

«Потому что я — тоже Волк. Как все...»

Пальцы снова обошлись без осознанной мысли, сами собой нащупали на груди оберег.

— Спасибо, камешек, — прошептал Бусый.

И тут-то неожиданная мысль поразила его. Он никогда ещё не вглядывался в камень ночью, в лунном сиянии. А что, если чудесный оберег вдруг покажет ему Тасмлу?..

Сказка в глубине камня дышала тем же таинством, что и ночь наяву. Леса в лунном серебре, бескрайние, дремучие... превратившиеся при совсем лёгком повороте камня в такое же бескрайнее море... Ещё поворот, и волны явили себя горами, со склонов которых срывались потоки звонких ручьёв, исчезавших в густых зарослях... Бусому померещился даже запах ночных цветов, едва уловимый, определённо чужой и всё равно — смутно знакомый. Бусый запомнил его у Горного Кузнеца, на его озере. И Поющий Водопад... образы, что в нём проплывали... если призадуматься — ведь точно как здесь!..

Бусый принялся поворачивать камень таким образом, чтобы в него заглянула и в нём отразилась Луна.

— Таемлу... Та-ем-лу...

Ровный свет проник в камень и залил — *настоящий* свет залил — привидевшийся в нём мир. Бусый задохнулся от ужаса и восторга, поняв: ЭТО случилось. Границы меж мирами дрогнули и растаяли. Бусый смотрел и смотрел, доверяя Луне, словно матери, в присутствии которой с бестолковым малышом недоброго приключиться не может...

БЕРЕСТЯНАЯ КНИГА

Ночь, лес, озарённый лунным светом, и Бусый как будто летит над этим лесом, с огромной высоты глядя на землю... На симуране летит? Нет, не похоже. Ни свиста ветра в ушах, ни холода, ни замирания в животе от стремительности полёта. Просто он, Бусый, как бы смотрит на этот лес глазами самой Луны...

На высоком берегу речки — деревня Волков. Ну, то есть нет, не Волков, показалось... Совсем другая веннская деревня, пусть и очень похожая... Там тоже ночь и тоже весна, и в деревне что-то происходит. Что именно — с высоты подробно не разглядеть. Мельтешение огней и теней,

лязг железа, крики боли и ярости... оборвавшийся детский плач...

В деревне враги, и эти враги не щадят ни старых, ни малых.

Мавутичи!

Уж не показывает ли ему Луна, что могло случиться с Волками? Но тогда где же Змеёныш с его ревущим вихрем и Тьмой?..

Бусый чуть повернул камень, чтобы лучше видеть... Зря он это сделал, видение расплылось и исчезло.

— Эх...

Досадуя, Бусый попытался вернуть камень в прежнее положение и... невольно отпрянул, едва не угодив головой в костёр.

Это был очень недобрый костёр. И горел он, Бусый сразу понял, в той самой деревне. В огонь летела хорошо знакомая веннская утварь, которую враги сочли малоценной добычей. Детские игрушки, девичьи прялки, резные ковши, младенческая зыбка, мальчишечьи деревянные мечи... Вот в огонь полетел родовой столб, и Бусый с безмолвным ужасом понял, что род погиб. Ведь останься в живых хоть один человек, кто бы позволил чужакам надругаться над самой главной святыней?..

Столб не сразу поддался огню, но наконец вспыхнул и он. Деревянная резьба озарилась, и Бусый едва не умер на месте. Пламя пожирало родовой столб Волков!

На самом деле Бусый этого столба ещё не видел ни разу, ибо не прошёл Посвящения, и представлял его себе лишь по рассказам. Вот со страху и померещилось, будто в огне корчились, погибая, деревянные облики его, Бусого, Предков. Даже мысль успела мелькнуть, а не предостерегает ли камень: дескать, не видать тебе, малец, Посвящения...

Нет, снова ошибся. Из пламени скалился веннский волкодав, схожий с волком, словно враждебный и неуступчивый брат...

А потом в огонь полетела книга. Вроде тех, что таскает с собой Ульгеш. Но только у Ульгеша книги — поменьше, полегче, написанные на бумажных листах и мелкими буквами, путешественникам для удобства. Та же книга была большой и тяжёлой. Не для дальнего пути — для домашнего сохранения. Со страницами из берёсты. С обложкой

из деревянных дощечек, искусной резьбой любовно украшенных. Чтобы гладить её ладонью, возложив на колени, потом неспешно раскрывать...

И в который раз облило холодом сердце. Резьба на деревянном окладе была веннская. Но кто хоть раз слыхивал про веннские книги?

Беспомощно распахнувшись, она опрокинулась внутрь костра, в самый жар. Оставшись без защиты обложки, берестяная страница отделилась от остальных и тотчас вспыхнула, и в огне ярко проступили, умирая, непонятные знаки, начертанные неведомо кем...

Бусый вскрикнул и бросил руку в огонь — спасти гибнущую книгу, покуда не поздно, совсем позабыв, что увидел этот костёр не наяву...

Камень подпрыгнул в ладони, и всё исчезло уже окончательно. Но в самый последний миг Бусый успел заметить, как чьи-то руки — мальчишеские руки, в точности как у него самого — выхватили-таки горящую книгу из погибельного костра...

Тяжело дыша, он даже поискал её в траве рядом с собой. Книги не было. А вот дымом вправду разило. Нет, не уютным печным дымком, долетевшим из деревни. Воняло злой и смертной гарью пожара. Бусый принюхался и понял, что пахло от его собственных рук.

И волдыри на ладонях наливались самые что ни есть настоящие...

Григорий Дондин

НЕДОСКАЗАННОЕ ЗАКЛИНАНИЕ

1. ДИРХЕМЫ ЕСТЬ ДИРХЕМЫ

Человечек в землянично-красных сапогах и темно-синей полотняной куртке с двумя серыми заплатами прилепился к Индригу возле Додолиных столбов.

— Михась Грек, — робко представился человечек. Он счел неуважительным говорить конному с пешим и потому соскочил со своей рыжей крестьянской лошадки. — Странствующий кощунник, или обаятель, если угодно.

Индриг не понаслышке знал о странных повадках и еще более странном чувстве юмора богов. Ему подумалось, что эта пестро одетая личность вполне может оказаться ответом на его молитву. Ну не зря же смешно одетый человечек появился сразу, как только Индриг положил на святое место половину каравая, завернутого в кусок льняного полотна. И это соображение было единственной причиной, по которой Индриг сию же секунду не погнал незнакомца тумаками.

— Еду в Ливград, — продолжал Михась, смелея на глазах. — А вы, позвольте узнать, туда или оттуда?

Индриг одарил его одним из самых мрачных своих взглядов, каким обыкновенно отпугивал на рыночных площадях назойливых торговцев, пытающихся втюхать всякую бесполезную мелочугу навроде безвкусных медных брошек или снадобья от клопов. Михась съежился, соображая, что именно он сделал не так.

— Туда, — сухо сказал Индриг.

— Ну так, может, вместе поедемте, если, конечно...

Индриг положил обе руки на гриву черного и довольно злобного на вид жеребца. Ловко прыгнул в кавалерийское седло с высокой лукой.

— Можно вместе. А можно и порознь. Тебе чего от меня надо?

— К делу так к делу, — развел руками Михась. — Так даже лучше получится, если я сразу скажу.

— Не тяни.

Собираясь с мыслями, Михась взобрался на лошадку. Кинул голодный взгляд на сверток, оставленный Индригом в святом месте.

На этой дороге волколак завелся, — начал странствующий кощунник. — Страх, что про него рассказывают. Говорят, такой лютый, что хуже и не придумаешь. Я пять дней в «Семи елках» сидел, пока ехать решился. Хозяин трактира всякий раз, как про эту зверину речь заходила, бледный делался, будто молоко. Он этого волколака как-то раз издали увидал. И еще ночью слыхал, как зверина воет где-то в чаще.

— Лютый, значит? — хмыкнул Индриг, направляя злого жеребца в сторону Ливграда.

— Еще как лютый! — подтвердил Михась, догоняя воина. — Зael старушку отшельницу, двух бортников из Супяти, крестьянского мальчонку и одного купца не из местных. А когда сборщик налогов ему на зуб попал вместе со своим сундучком, воевода Турмаш... — Здесь Михась не удержался от смешка. — На самом деле Турмали его зовут, байстрюк одного аварского князька. Когда зверина его сборщика налогов заел, он так взбеленился, что послал сюда три десятка латников для расправы над нечистью. Только всем понятно было, что никакого волколака латники не поймают. Они так своим железом громыхают, что любую зверину на десять верст вокруг спугнут.

Тракт петлял по лиственному лесу, пахшему сыростью и пожухлой листвой. Осень старательно расписала окрестности желтым и бордовым. В красочных рядах березняка и ольховника иногда темными пятнами мелькали одинокие ели. Выдавшийся необычайно теплым август и последовавшие сразу за ним сентябрьские дожди вызвали подлинное буйство осенних грибов. Местами земля под деревьями была желтой не от опавших березовых листьев, а от россыпей заячьих ушек. Михась исходил слюной, вспоминая, сколь хороши эти грибы, поджаренные с яйцом и луком. Еще он думал о вареных заячьих ушках, о сырной похлебке с заячьими ушками, о пирогах с заячьими ушками. Кулинарные фантазии отозвались урчанием в животе, и странствующему кощунику сделалось нехорошо. В последний раз он ел что-то серьезнее диких яблок два дня назад.

Грибы были большими, перерослыми. Волколак насмерть перепугал местных жителей, обыкновенно подчистую выбиравших дары леса. Люди не решались заходить в лес даже в светлое время, и оттого собирать заячьи ушки было некому.

— Значит, не поймали?

— Да где им?! — презрительно воскликнул Михась, запрещая себе думать о еде. — Затыкали копьями стаю простых волков, шкуры посдирали, у кузнеца из Супяти клещи стянули, чтоб зубы выдрать, и с докладом к воеводе. А зверина, как только они ушли, на Светлой речке за прачками погнался. Только не поймал ни одну. Смешная, поди, картинка была, как они, задирая подолы, с визгом улепетывали.

Михась начал было смеяться, но умолк, ощутив на себе еще один мрачный взгляд Индрига.

— Но и страху они натерпелись, конечно, тоже, — сказал он уже вполне серьезно. — Турмаш велел своим латникам плетей всыпать, а за клыки звериные серебро обещал любому, кто эти самые клыки из нечистой пасти вырвет. Но пока смелого человека не нашлось. — Михась помолчал и добавил: — Одному мне в Ливград ехать страшно.

— А со мной, выходит, не страшно?

— Так я чего в «Семи елках» сидел? Думал, может, какой торговый человек с охраной мимо проезжать будет или другая вооруженная оказия случится. Только зря сидел. Слух о зверине далеко разнесся, и никто этой дорогой больше ездить не желает.

— Потом у тебя деньги закончились, — предположил Индриг, поглядывая на скучное осеннее небо, с которого начал накрапывать противный дождичек. Он пришпорил жеребца, начиная злиться оттого, что придется весь день мокнуть в седле.

— В точку, — грустно признал Михась, колотя пятками в бока рыжей лошадки, чтобы та поспевала за черным жеребцом. — В долг трактирщик кормить-поить не хотел, а заработать там не было никакой возможности. Людям нашей профессии, чтобы заработать, публика нужна. То есть люди. А их всех зверина распугал. В «Елках» кроме меня всего один постоялец был. Тогда я перекрестился и поехал с...

— Пере — что? — вопросом оборвал его Индриг, впервые за все время разговора искренне заинтересовавшись услышанным.

— Осенил себя крестным знамением, если так будет понятнее, — поучительным тоном объяснил Михась.

— А-а, — протянул Индриг, вновь утрачивая интерес к собеседнику. Прежде он встречал странных людей, веривших в иноземного бога и читавших молитвы на чужом языке.

— Иесус не оставил меня, — благодарно заметил Михась. — Мне был послан ты!

— А что я?

— Ну вон на тебе тегиляй стеганый с железными шишками, да и саблю аварскую носишь, поди, не только за тем, чтоб она пояс оттягивала.

Индриг не ответил. Он вспомнил взгляд, которым его новый знакомый провожал дары, оставленные в святом месте. Не сбавляя ходу, он достал из седельной сумки оставшуюся часть каравая и протянул Михасю. Не то чтобы ему так уж сильно хотелось накормить спутника. Просто надоело поддерживать разговор. Михась набросился на черствый хлеб, как волколак на старушку отшельницу. Индриг хмыкнул: видно, деньги у странствующего коцунника закончились дня за два до того, как он покинул «Семь елок». И в Ливград его гнал обыкновенный голод.

К огорчению Индрига, Михась продолжал болтать и с набитым ртом:

— Я так понимаю, ты не против моего скромного общества и я могу ехать под твоей защитой?

— Ты уж версты две как едешь, — холодно ответил Индриг и опять пришпорил злобного жеребца, надеясь, что крестьянская лошадка Михася немного поотстанет.

Свинцовое небо и мелкий сентябрьский дождь всегда навевали хандру и желание побыть в одиночестве.

— Стоило менять «Семь елок» на одну, — ворчливо заметил Михась, приваливаясь спиной к Индригу.

Железные шишки на кафтане воина болезненно уперлись ему в лопатку. Он заворочался, пытаясь устроиться так, чтобы за ночь не намять синяков. Ему и раньше случалось ночевать с попутчиками, укрывшись одной конской попоной, но те, прежние спутники, не имели привычки носить на теле столько металла.

Они остановились, когда сумерки плавно приглушили освещение почти до нуля. Михась пытался возражать, че-

рез слово поминая волколака, всеми способами демонстрировал бодрость и выражал готовность ехать без остановок, если уж на то пошло, еще сутки. Индриг заверил его, что бояться нечего и надо отдохнуть. Особо отметил собственный зад, онемевший от седла. Добавил также, что у них больше шансов попасть в беду, если они заблудятся в темноте, нежели угодить в лапы к волколаку. Михась покорился, но ел свою половину вяленого леща, извлеченного все из той же седельной сумки Индрига, так, будто это был последний ужин приговоренного — медленно и торжественно.

Костра разводить не стали, сочтя это пустой тратой времени. Дождь, моросивший с полудня, вымочил все на свете, включая и хворост. Кровом им стали раскидистые ветви старой ели, плачущей каплями смолы. Характерный запах разносился далеко вокруг. Индриг ногой отпинал от ствола упавшие шишки и бросил на хвойный ковер несколько охапок лапника. Михась тем временем надрал папоротника, чтобы выложить им колючую постель. Было уже совсем темно, Михась не решился заходить далеко в чащу, так что постель оказалась довольно тощей.

— Почему нельзя было попросить ночлега на каком-нибудь хуторе? — спросил Михась, устроившись так, чтобы железные шишки не упирались в кости.

— Осень, — сонным голосом отозвался Индриг.

— И что — осень? Чем она хуже лета или весны?

— Казима за данью идет, — пояснил Индриг. — Дождался, пока местные урожай соберут, продадут излишки, при деньгах будут и с провиантом. Теперь за своей долей идет. Это раз. Кудесник какой-то напакостил, криксов болотных, наворожил тьму. Озоруют, коз таскают, на людей кидаются. Теперь в темное время без рогатины из избы не высунешься. Это два. Да еще волколак, не к ночи будь помянут. Сейчас вокруг Ливграда так неспокойно сделалось, что даже вольница разбежалась и попряталась.

— А мы тут при чем? — не понял Михась.

— Дурень ты, хотя и грамоте обученный. В такое скверное время двое путников на хуторе скорее вилами в бок получат, чем кусок хлеба и ночлег. Крестьяне, если их напугать хорошенько, хуже самой лихой вольницы становятся. Страх их злыми делает.

— Может, караулить будем по очереди, — не унимался Михась. — Я первым согласен.

— Злодей посторожит, — зевнул Индриг.

— Какой злодей? — встрепенулся Михась.

— Да не дергайся ты так! Спать мешаешь, хвост кроличий! Коня моего Злодеем звать.

— Он у тебя заместо собаки? — хихикнул Михась.

— Он у меня заместо коня, но, если чужой подойдет, шум поднимет.

— А за что Злодеем обзываешь?

— Подойди к нему. Хочешь — спереди, хочешь — сзади. И все тебе ясно станет.

— Ну нет! Он на меня весь день так кровожадно зыркал, будто решал, что лучше сделать — лягнуть в ребра или зубами за щеку хватануть. Это у вас с ним общее. Глянете — все равно что по носу саданете.

Индриг промолчал. Тогда Михась сообщил, что его крестьянская лошадка не той породы, чтобы имя получить. Поэтому он ее зовет Просто Лошадь. Индриг отреагировал на эту информацию сонным:

— Угу.

— А твое имя как? Мы уже день знакомы, а я о твоем коне знаю больше, чем о тебе.

— Индриг. — Воин подскочил оттого, что огромная холодная капля, долго копившая силы на одной из еловых веток, наконец упала ему на нос.

— Сам чего дергаешься?! — не упустил случая отыграться Михась.

— На нос капнуло, — зло ответил Индриг, с головой залезая под попону.

— Так как, говоришь, зовут?

— Сказал же ведь — Индриг!

Михась испуганно отпрянул от воина и, зашипев по-кошачьи, несколько раз торопливо перекрестился.

— Что еще? — возмутился Индриг.

— Не хочешь имени говорить — не надо. А так не шути! Плохо это!

— Не угомонишься сию секунду, пойдешь под куст почевать! — рассвирепел Индриг. Он вылез из-под попоны и сел, скрестив ноги на восточный манер.

Михась не придал угрозе ни малейшего значения, перекрестился еще раз, пробормотал что-то на странном языке.

— Интра — он же зверь! Он царь змеиный! Он рекс подземный! Демон, по-нашему, по-христиански! А ты его именем себя называешь! — с укором говорил бывший язычник.

— По-вашему, по-христиански, — передразнил Индриг, — демоны — это дети и слуги Чернобога. Мне ученый человек рассказывал. Черномонах византийский — не чета тебе. Интра сын доброго Дыя. Он воинам помогает, клинок в бою направляет, а то, что он зверушек любит и гадов ползучих, так разве это преступление? Да и зовут его Индрик-зверь! А я Индриг-склавий! Теперь мы можем спать?

В темноте, над самым ухом Михася фыркнул Злодей, привлеченный рассерженным голосом хозяина. Странствующий кощунник трезво рассудил, что лучше провести ночь подле воина, нежели в кустах возле коня.

— Хорошо. Буду называть тебя Индригом.

— Да хоть бычьим хреном! Я спать хочу!

Они вновь устроились под елью, для тепла прижавшись спина к спине.

— Почему ты назвался греком? — спросил Индриг уже без злобы. — Я встречал греков. Они курчавые, смуглые, остроносые. Глаза как скорлупа лещины изнутри. Ты русый, нос — что фига, глаза — ледышки синие. Не похож на грека.

— Носы-то у нас с тобой одинаковые, — колко заметил Михась. — По крови я такой же склавий, как и ты. А Греком прозвали за то, что язык их понимаю и в бога ихнего верю. Иегове Есть Спасение. А в одно слово ИЕСус получается. Во как.

— Спасения, значит, ищешь?

— Ага!

Михась начал в лицах рассказывать, как он несколько лет прислуживал в богатом трактире, где все время останавливались иноземные купцы, наемные ратники и путешествующие скоморохи. Там он выучил греческий и еще пару языков, освоил грамоту и наловчился бренчать на гуслях, нараспев рассказывая кощуны. В том же трактире византийский священник Александр пристрастил его к христианской вере. Когда душной летней ночью трактир сгорел в угли, Михась решил в корне поменять характер собствен-

ного существования. Прихватив с пожарища чудом уцелевшие гусли, синюю полотняную куртку, прожженную всего в двух местах, и греческую книгу об Иесусе, он отправился в путь, влекомый романтикой профессии странствующего кощунника.

— Индриг?

Нет ответа. Только Злодей фыркнул где-то рядом, ожидая продолжения рассказа.

— Индриг!

Воин сквозь сон пробормотал невнятное ругательство и больно пихнул локтем Михася.

— Хорошо, хорошо! Будем спать, — примирительно сказал Михась, потирая ушибленное место, и тут же боязливо поежился, напуганный уханьем филина.

Когда он не слышал собственного голоса, его уши начинали воспринимать звуки ночного леса: возню мышиного семейства в листве, хлопанье крыльев промокшей и нахохленной вороны, шорох падающих листьев, треск веточек под копытами Злодея и Просто Лошади. Заурядный лесной шум в темноте казался крайне зловещим. Потревоженный ветром куст принимал очертания крадущегося волколака, а капля дождевой воды, сорвавшаяся с березовой ветви и звонко разбившаяся о корягу, вызывала яркие ассоциации с клацаньем огромных зубов зверины. Он так и уснул — со вздыбленными на затылке волосами и длинным острым засапожником, бережно прижимаемым к груди.

Вопреки опасениям Михася и к его огромному облегчению, волколак так и не удостоил вниманием их лагерь. Криксы также обходили его стороной. Ночь выдалась спокойной, хотя и мокрой. Вечером следующего дня они въехали в Ливград. Сам город был невелик, если считать городом сотню крытых древесной корой и соломой изб, втиснутых в кольцо земляного вала. Снаружи к нему прилепилось великое множество землянок и мазанных глиной сараев. Были там еще шалаши, навесы и полотняные кибитки на колесах, но как-то не верилось, что и в них круглый год обитали люди. Особенно в это не верилось, когда налетал очередной порыв мокрого осеннего ветра, лезущего промозглой лапой под одежду и неприятно обдающего лицо изморосью.

Оказалось, Индриг в городе личность известная. Причем с какой-то очень нехорошей стороны. Михась с недоумением отметил ту трусливую резвость, с которой простолюды отскакивали в сторону, уступая дорогу черному красавцу Злодею. Реагировали они так вовсе не на коня, а на его хозяина. Михась видел, как торопливо простолюды прячут глаза, лишь бы не встретиться взглядом с Индригом. Слышал, как с шипением бросают ругательства ему вслед. Чаще всего употреблялись «нелюдь», «выродок» и «волчина». Иные даже плевали, но только когда оказывались на безопасном расстоянии от воина, облаченного в тегиляй с железными шишками и с широким поясом, оттянутым аварской саблей.

— Хоть ты и скуп на слова, Соловушка, услышал я уже достаточно,— пробасил Турмаш, грузный бородач, явно имеющий в себе треть, а то и добрую половину аварской крови.— Теперь мне хотелось бы увидеть.

Воевода сидел за обеденным столом, накрытым в небольшой горнице с узкими застекленными окнами. Подле Турмаша, надменно и чересчур сурово поглядывая из-под нависших пучков седых бровей, стоял худощавый высокий старик, назвавшийся Барбуной. Он степенным кивком выразил согласие с мнением воеводы и произнес:

— Дирхемы получишь в обмен на зубы.

— Ты ведь принес зубы? — поддакнул Турмаш.

Индриг засомневался, кто из них кому служит. Старец вел себя в палатах воеводы как законный хозяин, и Турмаш вроде бы не возражал. Даже напротив, пытался как-то угодить Барбуне. Раньше воин не встречал старика и про истребление волколака уговаривался с самим воеводой. Он пожал плечами, рассудив, что дирхемы останутся дирхемами, из чьих бы рук они ни были получены.

— Верно,— с довольной улыбкой сказал Барбуна.

— Что верно? — спросил Индриг, доставая из кармашка, пришитого к внутренней стороне пояса, окровавленную тряпицу.

Из-под седых бровей сверкнули холодные глаза, нацеленные на сверток.

— Дирхемы они и есть дирхемы.

Старичок-то не простой, сообразил Индриг. Ведун. Мысли читает, и мне это дал понять для острастки. Странно

только, что кудесник всего один. На чудищ и проклятую кровь они обычно слетаются, как жирные мухи на коровью лепешку. Он протянул сверток Барбуне. Тот отшатнулся, брезгливо махнув руками.

— Мог бы и вымыть! Разверни!

Индриг подчинился. В свертке оказалось два желтушных клыка в палец длиной. На сломанных корнях малиновыми комочками торчали подсохшие обрывки плоти. Индриг особо не церемонился с поверженным чудищем и просто выбил зубы рукоятью сабли. Турмаш и Барбуна разом склонились над клыками и молча таращились на трофей. Индриг ждал.

— Они? — спросил Турмаш, расчесывая пятерней черную бороду.

— В точности,— с видом знатока подтвердил Барбуна.— Клыки волколака, также именуемого ликантропом или вурколаком. Про́клятая кровь!

— Ты видел его личину? — спросил Турмаш, подняв взгляд от ладони Индрига на его лицо.— Знаешь, кто это был?

— Я не стал ждать, пока тело вернется к человеческому состоянию,— не моргнув глазом, солгал Индриг. Он дождался обращения, узнал несчастного и зарыл в землю неподалеку от Додолиных столбов. Семье бедолаги ни к чему знать о проклятии, постигшем их кормильца. Наименьшее, чего они дождутся от соседей, если тайна откроется,— поджог избы и позорное изгнание за городские пределы.

— Напрасно,— проворчал Турмаш.

Барбуна взял со стола серебряный кубок, опорожнил его двумя глотками и протянул Индригу.

— Брось сюда,— велел он.

Индриг вытряхнул клыки из тряпицы в кубок. Зубы глухо клацнули о металл. «Ведун, а про́клятой крови коснуться боится,— подумал воин.— Странно как-то. Должно быть, в собственных охранительных заговорах не уверен». Барбуна прочел и эти мысли. Его ноздри раздулись, седые брови изогнулись, выражая негодование.

«Если старик не скажет воеводе имени про́клятого, которое выведал в моей голове, я буду молчать о его некачественных заговорах»,— думал Индриг, взвешивая на ладони мешочек с серебряными монетами. Барбуна зло сверк-

нул глазами и согласно кивнул, улучив момент, когда Турмаш не смотрел в его сторону.

— Ты не в первый раз служишь мне, — заговорил воевода. — И всегда добротно исполняешь поручения. Если, конечно, забыть о той истории с трехголовым идолищем мохнатым.

— Одна у него голова была, — проворчал Индриг, уже уставший от напоминаний о случившемся с ним приступе милосердия. — Твоим латникам от страха померещилось не пойми что. Спереди у идолища хвост был толстенный, а по его бокам два зуба в руку длиной каждый. Твои вояки решили, что это три головы. Ел тот зверь не человеческие потроха, а ветки ольховые. Я сам видел. От людей же он бегал шустрее зайца.

— Ну не все ли тебе равно, что оно ело? Я же велел извести.

— Незачем изводить было, — в который раз упрямо возразил Индриг. — Неопасное оно было. Я его с твоей земли прогнал, и довольно.

— Не о том речь, — вмешался Барбуна.

— Верно, что дело прошлое, — согласился Турмаш.

— Что тогда? — заинтересовался Индриг. — Волынщу замордовать надо или еще какое чудо в лесу завелось?

Турмаш поморщился.

— Десяток прыщей тебе на язык, Соловушка. На сей раз саблей махать не нужно.

— А я ничего другого не умею.

— Экий скромник! — засмеялся Турмаш. — Я не зря твои прошлые заслуги поминал. Тебе доверять можно. Надежный ты. Все, что велят, делаешь. Философствовать и рассусоливать не приучен. Если, конечно, забыть о той истории.

— Забыли, — процедил Индриг.

— Казим-хаган к нам опять пожаловал.

— Тоже новость! — хмыкнул воин.

— Погоди смеяться. Вспомни, как раньше было, когда его дружина в город входила. Девок перепортят, торговых людей оберут до нитки. Драки, поджоги, поножовщина.

— И чем я здесь помочь могу?

— Не нужен Казима в Ливграде, — продолжал Турмаш. — Лишнее это. Надо, чтоб надежный человек ему навстречу

поехал и все причитающееся на большаке отдал. Не один, разумеется, поедешь. С десятком латников. Чинно и важно, как подобает законному посланцу.

— Про Ливград скажешь, что холера здесь начинается, — присовокупил Барбуна. — Если не хочет Казима, чтобы треть его войска тут от кровавого поноса передохла, пусть город стороной обходит.

Такого предложения Индриг никак не ожидал. Ему льстило оказанное доверие, но в то же время в голове роились подозрения. Он — да и не только он — как-то не представлял себя в роли посланника. Такая работа подходила ему, как козе воловья упряжь.

— Ты хотя и дань ему платишь, по отцу вы все-таки братья. Почему сам с ним на большаке не встретишься?

— То-то и оно, что братья! — воскликнул Турмаш, оскаливаясь. — Семейная неурядица у нас с Казимой вышла. Большего тебе знать не надо.

— Так бы и сказал, что братца на дух не переносишь и видеть его не желаешь. А то развел здесь: девок перепортят, избы пожгут...

— Поговори мне еще! — огрызнулся воевода.

— Когда ехать нужно?

Турмаш поразил Индрига. Вместо того чтобы ответить самостоятельно, он вопросительно уставился на Барбуну.

— Завтра, — сказал старик. — Как только солнышко над землей покажется, так и поедешь. Аккурат к вечеру о Казиму споткнешься. И не вздумай по дороге в мешки с дарами руки запускать. Даже не заглядывай, чтобы искушению не поддаваться. Дирхемы есть дирхемы.

«Мог бы и не напоминать, что мысли читаешь», — подумал Индриг.

От городских ворот они направились прямиком к палатам воеводы. Индриг не звал Михася следовать за собой, но и не гнал. Проще сказать, не замечал странствующего кощунника, плетущегося за ним на своей лошадке, будто хвост за кобелем. Таким манером Михась проник во двор Турмаша, огороженный частоколом. Он хотел было войти и в палаты следом за Индригом, но латники в начищенных до блеска колонтарях поверх красных кафтанов скрестили тяжелые наконечники рогатин перед самым его носом.

Дожидаясь возвращения Индрига, Михась не тратил времени зря. Он сразу же, безошибочно и быстро, вычислил по характерным запахам избушку, служившую кухней. Работая в трактире, он привык питаться вкусно, регулярно и досыта. Про рацион странствующего кощунника нельзя было сказать ни первого, ни второго, ни третьего. За время своих скитаний Михась успел отведать такие специфические блюда, как амбарная крыса на вертеле, гнилая капуста, тушенная с вороньим мясом, уха из лягушек, ивовая кора в собственном соку. Так что о еде он думал почти постоянно.

Обнаруженная в избушке полная розовощекая девка, выдержав первую волну комплиментов, рассмеялась и дала Михасю блин с завернутым в него творогом. Вторая волна, более тонкая и изысканная, вогнала ее в краску. Михась вылетел с кухни, охаживаемый мокрым полотенцем. Вслед за этим он помог ребятишкам выучить пушистого рыжего щенка сидеть, чем произвел сильное впечатление на подвыпившего десятника. Тот оказался человеком щедрым и общительным. Михась охотно отхлебнул из его фляги ржаного самогону. Расспросил о том о сем. Еще раз отхлебнул, пошутил, посмеялись, отхлебнул, неудачно пошутил, получил в ухо...

Индриг вышел от воеводы довольный и вместе с тем озадаченный. К тому моменту Михась просто бурлил от накопленных слухов, новостей и вопросов. Потрогав распухшее ухо, все сразу выкладывать не решился. Начал издалека. По второму уху не хотелось. Индриг, занятый какими-то беспокойными мыслями, прервал его, предложил поесть и выпить. Михась обнаружил, что путешествовать в обществе Индрига не только безопасно, но и выгодно. Люди воеводы устроили их на ночлег во вполне приличный сарай на заднем дворе, сухой и чистый. Полная розовощекая кухарка, косо поглядывая на Михася, за два захода притащила туда горшок капустного супа со свининой, копченый бараний бок, головку сыру, хлеб, уже знакомые блины с творогом и бочонок сурьи.

— Так ты и правда тот самый? — спрашивал Михась, зубами сдирая отдающее дымком мясо с бараньего ребра.

— Дело прошлое. Выпьем, Грек!

Они пригубили из внушительных глиняных кружек. Сурья была отменной, из личных запасов Турмаша.

— Подумать только! Сам Соловей-разбойник! — восхищался Михась. — Только мне одно не понятно. Если муромский воевода тебя волоком за кобылой на казнь притащил, как ты здесь со мной сидишь, мед пьешь?

— Славная была драка, — ответил Индриг, принимаясь за блины. — Сперва бились крепко и всерьез. Людей посекли примерно поровну. Когда совсем не ясно стало, чья возьмет, кто домой вернется, а кто вечно на той прогалине гнить останется, мои лихие людишки в одну сторону бежать кинулись, а Илюшины дружинники в другую. Тем все и кончилось. А насчет того, что он меня на веревке куда-то там тащил, — это Илюша сфантазировал для репутации. И кто из нас больший плут и тать, кто в жизни лиха больше наделал — я или воевода муромский, еще смотреть надо и долго сравнивать. Выпьем, Грек!

Бочонок опустел уже наполовину.

— А правда, что от твоего свиста всадники с лошадей падают?

— Врут, конечно, — ответил Индриг, ногтем ковыряя между зубами. — От свиста и лист с дерева не упадет.

— Врут, — эхом повторил Михась.

Съели сыр с хлебом.

— Почему ты мне тогда в лесу не сказал, что убил волколака? Я ж всю ночь трясся от страха.

— Слышал я, как ты трясся! — с хохотом сказал Индриг и довольно реалистично изобразил храп.

Михась надулся.

— Разве ж я храплю?

— А то?! — Индриг расхохотался еще громче.

— Но сказать-то мог!

— Вот признайся честно, ты бы мне тогда поверил, скажи я, что прикончил проклятого?

Михась почесал затылок, посопел, обдумывая вопрос.

— Нет, пожалуй.

— Выпьем, Грек!

Разлили остатки сурьи по глиняным кружкам. С сожалением встряхнув над ухом пустой бочонок и ничего не услышав, Индриг откатил посудину в угол сарая. Выпили.

— Знал я еще одного охотника за головами. — Михась икнул и заглянул в свою кружку, надеясь, что там осталось еще на глоточек. Кружка была пуста. — Его только те на-

грады интересовали, которые за людей обещаны. А всякие чуда, упыри, про́клятая кровь — этим он брезговал. Хотя я-то знаю, что на самом деле он боялся. И все другие боятся. Особенно крови проклятой. Ведь попади она в твою, и ой-ей, что с тобой сделается! Сам звериной обратишься!

Индриг отмахнулся.

— Мне что человек, что чудо. Я заговоры знаю. — Он начал перечислять, загибая пальцы: — От меча, от стрелы, от сварливой бабы, от огня, от... нет, от воды не знаю, от хворей знаю, от воды — нет. От про́клятой крови знаю, от меча, ну и еще там разные. Вот. Дирхемы есть дирхемы. А за чью они голову, зубы, уши или сердце, мне без разницы.

— Выходит, ничем тебя не проймешь?

Воин вдруг помрачнел. В свой черед заглянул в пустую кружку. Мешочек, полученный от Барбуны, становился все ощутимее и тяжелее, притягивая к себе внимание. В голове шумела сурья из личных запасов воеводы.

— Смерть, и та меня не приняла, — сокрушенно пожаловался он. — Сперва схватила не глядя, а потом присмотрелась, не-ет, говорит. Не заслужил, говорит, ты, Соловушка, чтоб вот так легко и быстро. Поживи еще. Послужи.

— Кому послужить-то просила? — затаив дыхание, спросил Михась.

— А ну ее! — Мешочек за пазухой стал невыносимо тяжелым. — Пойдем лучше в корчму к Родомиру!

Михась сконфузился.

— Я бы с радостью, да только, видишь ли...

— Знаю я, что у тебя и на плесневый сухарь денег не наберется! — Индриг обнадеживающе подмигнул. — Гуляем на Барбуновы дирхемы!

— Идет! — расцвел Михась. — Тока обожди маленько, гусли возьму.

Он поднялся с соломенной подстилки и неуверенной походкой двинулся к скарбу, сваленному в углу за дверью.

— Барбуна — это который волхв?

— Угу. Странно, что только один.

— Что ж тут странного? — Михась извлек несколько нестройных писклявых звуков из инструмента.

— Ты уверен, что можешь играть на этом? — засомневался Индриг.

— Могу. — Он вновь коснулся струн. На этот раз звуки оказались гораздо приятнее. — А еще на дуде и на ложках.

— На ложках и я сыграю!

— Могли бы вместе народ на майданах радовать!

— Мне скорее конского навоза в шапку накидают, чем монет, — запротестовал Индриг, выходя из сарая в осеннюю тьму и сырь. — Ты же слышал, как меня тут любят, чего мне вслед шипят — нелюдь, выродок. С таким компаньоном, как я, ты с голоду помрешь.

— За что тебя так?

— Я ж Соловей-разбойник, тать лесной, волчина свирепая и душегуб известный. Ну а коли уж я чудищ не боюсь и крови про́клятой, значит, точно со злыми духами, с упырями знаюсь. Так люди рассуждают.

— Боятся они тебя. Вот и не любят.

— Да хрен с ними! У Родомира мне всегда рады! Идем скорее!

— Ты так и не ответил.

— Что?

Индриг уверенно шел по темным узким улочкам Ливграда. Высокие деревянные заборы, едва различимые на фоне черного неба, зубастыми рядами нависали над дорогой. Тявкали дворовые псы. Под сапогами хлюпала грязь, обильно перемешанная с помоями. Воняло навозом.

— Волхв Барбуна один — и что в том удивительного? — спросил Михась, торопливо перебирая ногами по грязи. Он боялся потерять Индрига в темноте. Если отстанет, точно до утра будет блуждать в этом вонючем лабиринте частоколов.

— Ведуны, волхвы, целители, да и прочие кудесники с чародеями обычно стаями на про́клятую кровь и чудищ слетаются. Ну прям как воронье на падаль. Стоит где-нибудь злобной твари объявиться, как эти из своих нор вылазят и ждут, когда нечистую силу кто-то вроде меня изведет. Тогда они на тушу набрасываются и давай делить. Хе-хе! Скандалят, ругаются, морды друг другу бьют. Спорят, кому уши брать, а кому хвост.

— Зачем им эта дрянь? — ежась от холода, подивился Михась.

— Для волшебства. Из таких трофеев, при должном обращении, огромную колдовскую силу извлечь можно. Вот я и удивился, когда за этим волколаком один только Барбуна

и приехал. У меня еще сердце, хвост и уши, солью присыпанные, запрятаны. Барбуне они, видите ли, без надобы. Буду думать, кому продать. Веллевеллу, пожалуй. Старому кряхтуну. Хе!

— Удивился, говоришь? А я тебе объясню! — гордо заявил Михась, переполняясь ощущением огромной своей значимости от собственной осведомленности.

— Давай!

— Не за волколаком Барбуна приехал. Совсем не за ним.

— Вот еще! Зачем же тогда?

— Из-за Казимы он здесь. Что да почему — не знаю. Но Казим-хаган его куда больше занимает, чем твои хвосты и уши. А другие волшебные люди в Ливграде тоже были. Только, пока ты по лесу за звериной гонялся, Турмаш им от ворот поворот дал.

— Да ну тебя! — Индриг остановился, обмозговывая услышанное. — Откуда знаешь? Тебя ж здесь не было! А?

— Люди говорят.

— На хрен твоих людей! Еще и не такого наболтают! Хотя... — Индриг крепко призадумался. — Вроде все складно выходит. Казима... Барбуна... Зубы...

— Так мы идем к Родомиру или как? — нетерпеливо воскликнул Михась, начиная коченеть на холодном ветру. Наступившая ночь была морознее предыдущей. Конунник порадовался, что ее не придется провести под елкой, поблагодарил Иесуса и перекрестился.

— Уж, считай, пришли.

2. И МОЛВИЛ ВОЛК В ДЕВИЧЬЕЙ ШКУРЕ

Утро встретило его мерзким вкусом во рту, резью в области диафрагмы, хаосом в мыслях и странным позвякиванием, доносящимся откуда-то извне. Индриг сел и закашлялся, продирая глаза. Сплюнул вязкую, горькую слюну на дощатый пол сарая. Осмотрелся, отыскивая источник назойливого звяканья. Смуглая женщина расчесывала длинные черные локоны. Она сидела на коленях, спиной к Индригу. Глядела в ведро с водой, как в зеркало. Рядом с ведром в желтой лужице воска торчал огарок свечи. Пламя дергалось и подпрыгивало. На шее женщины висел добрый

десяток бус, каждое из ушей блестело дюжиной колец, руки от запястий и до локтей покрывали всевозможные браслеты, на лодыжках также были браслеты. И вся эта красота ритмично звякала, чутко отзываясь на каждое движение хозяйки.

Индриг вспомнил ее. Вспомнил, как зашел в корчму, оттолкнув блюющего у входа пьянчужку. Вдохнул знакомые запахи пота, перегара и горелой каши. Ответил на приветствия. Публика, собирающаяся у Родомира, не брезговала обществом Индрига. По ночам здесь кутили такие же отщепенцы, как и он сам. Наемники, жулики, бродяги, игроки, девки, воры. И среди пьяной своры, будто заблудившаяся княжна, эта аварка. Приятное личико, гордый взгляд, лисья шубка до пояса, черные шелковые шаровары, блеск украшений. За спиной мрачные бородатые физии варяжских наемников, грубо отталкивающих любого, кто решался приблизиться к их весело щебечущему сокровищу. Говорить с ней дозволялось лишь с почтительного расстояния. Кто она и как ее занесло на эту человеческую помойку?

— Аварская прорицательница,— сказал над самым ухом Индрига подоспевший Родомир, одноглазый, лысый хозяин корчмы, вне зависимости от времени года расхаживающий в сальном фартуке и черных валенках. Он никогда и никому не рассказывал, при каких обстоятельствах потерял глаз и обморозил ноги. Индриг подозревал, что это как-то связано с отметинами от невольничьих колодок на его запястьях.— Что ни речет, все сбывается!

Она была центром, той осью, вокруг которой вращалась корчма Родомира. Уже несколько ночей кряду она пророчествовала в этой дыре. И каждый лиходей, каждый пьяница, каждая блудная девка жаждали спросить ее о чем-то своем, о заветном. Они спрашивали, а она отвечала, используя общеславянский с заметным аварским акцентом. Что удивительно, денег она за предсказания не просила. Если кто-то предлагал плату по собственному желанию, мило улыбаясь, отказывалась.

— Я сам ей платить готов, лишь бы она тут и дальше чревовещала,— сообщил Родомир, выставляя на липкий от грязи стол кувшинчик с самогоном, два глиняных стаканчика и миски с квашеной капустой и крупными кусками жареной свинины. На бурой столешнице заплясал серебря-

ный дирхем. — Народ на нее так и валит! И пьют втрое больше обычного. Кто от радостных новостей. Кто от горьких. Выручка небывалая!

Индриг встал с соломенной подстилки, подошел к ведру, служившему аварке зеркалом, и тоже глянул в него. Картина открылась безрадостная. Припухшее лицо, воспаленные веки, синяк под глазом, соломинки и прочий сор в спутанных волосах, на шее царапины, покрытые корочкой засохшей крови. Прорицательница перевела взгляд на воина, звякнув украшениями. Улыбнулась. На фоне смуглой кожи ее зубки казались невероятно белыми.

— Это было хорошо,— сказала она голосом, от которого тут же внизу живота разливалось тепло, а грудь наполнялась истомой.

— Ты прелесть,— произнес Индриг, улыбнувшись в ответ. Ему подумалось, что его потрепанная улыбка смотрится совсем не так обворожительно и белоснежно, как ее.

Он взял ведро, обхватив его обеими руками, и начал жадно глотать воду. Как вышло, что она оказалась здесь со мной? Ага. Все началось с Грека.

Прорицательница молвила очередное предсказание, когда Михась подкрался сбоку и начал тренькать на гуслях, подбирая мелодию в такт ее голосу. Получился восхитительный дуэт. Всем понравилось. Общественность потребовала еще. Не прошло и часа, как аварка оказалась за их столом. Она сразу заинтересовалась Индригом, звонко смеялась над его шутками, бодро осушала подносимые стаканчики с самогоном, сверкала глазками. Чуть позже прорицательница мурлыкала ему на ухо по-аварски и потягивалась, словно кошка. При этом из-под расстегнутой лисьей шубки выпирала ее грудь, натягивая зеленую шелковую рубашку. Индриг смотрел на внушительные округлости и ждал, когда же наконец лопнет зеленый шелк. Он так и не лопнул.

— Откуда это? — спросил Индриг, указывая пальцем на синяк.

Аварка весело засмеялась.

— Ты стучал ложками!

— Как? — растерялся Индриг.

Она поняла вопрос буквально.

— Так, так и вот так! — Прорицательница со смехом изобразила удары деревянными ложками по ладони и ко-

леням. — Задавал ритм, — пояснила она. — А твой друг играл на гуслях и пел что-то очень красивое. Жаль, я слов не запомнила.

Индриг кровожадно глянул на Михася, мирно посапывающего в обнимку с розовощекой кухаркой.

— А синяк?

— Людям с той улицы, где вы взялись музицировать, отчего-то не понравилась ваша мелодия. Они кричали из-за заборов, что хотят спать. Ты начал браниться. Грозил поджогом. Тебя попытались ударить оглоблей. Ты здорово дрался. Разбил несколько носов, прежде чем тебя повалили и начали бить ногами. Тогда вмешались мои варяги.

Индриг почувствовал, что начинает багроветь от стыда.

— Не думал, что в этом городе у кого-то из простолюдов хватит смелости напасть на меня, — пробурчал он, возвращаясь на солому.

Ты очаровательно самоуверен. — Аварка грациозно присела рядом. Браслеты на руке ласково позвякивали, когда она вытаскивала соломинки из волос Индрига. Говорила тихо, с нотками нежности в голосе: — Думаю, тебя просто не узнали в темноте. Но я рада. Рада, что ты не схватился за меч. И мне кажется, это не было проявлением презрения к неукложим противникам. Дело в том, что ты не хотел брать их жизни. Твое сердце не такое злое и черное, как о нем говорят.

— Кто говорит?

— Люди.

— На хрен людей! — огрызнулся Индриг, отталкивая ее руку. Рассуждения прорицательницы заставили его испытать неловкость.

Аварка расхохоталась, запрокинув голову. Ее настойчивая ладонь с аккуратными красивыми пальчиками, обманув руку Индрига, скользнула под его рубашку.

— Ты похож на других мужчин, — шептала она. Пальчики гладили мускулистую грудь. — Я говорю не о свиньях с дешевыми мечами и похотливыми душонками. Ты похож на других воинов, считающих себя суровыми мечевластителями, чтящих придуманный для самих себя кодекс чести и чванящихся своей инаковостью. Однажды, через много-много-много лет, таких воинов назовут рыцарями в сияющих доспехах, охотниками на драконов.

— Драконов не существует.

— Я могла бы с тобой поспорить, но речь не об этом. В действительности такие воины до старости остаются трогательными, застенчивыми мальчиками, прячущими милосердие за хмурым взглядом и сводом благородных правил, отражающим их комплексы.

— Их — что?

— Не суть.

Индриг окаменел, объятый неопределенностью. Он понятия не имел, как следует поступить с женщиной в такой странной ситуации и стоит ли с ней как-то поступать вообще. Красивые пальчики гладили его грудь, блестящие глаза изучали лицо. Дыхание прорицательницы пахло цветами вишни.

«Вот странно! Пила наравне со мной, а перегара нет и в помине. Пожалуй, приняла какое-то снадобье».

Молчание. Долгое, неопределенное молчание, нарушаемое лишь звоном украшений и сопением Михася. С улицы донеслась спасительная варяжская брань и раздался громкий стук в дверь сарая. Похоже, долбили ногой.

— Соловушка! Эй! Солнце встает, и тебе пора! Скоро ехать, — прозвучал голос одного из воеводиных десятников.

Вновь варяжская брань и, кажется, угрозы. В ответ крепкие слова на общеславянском, произнесенные удаляющимся голосом все того же десятника.

Он хотел было встать, открыть дверь, окликнуть десятника. Прорицательница удержала, обхватив за плечи.

— Ты смерть свою привез с собой. — Теперь ее шепот стал напряженным. От прежней неги и таинственности не осталось и следа.

— Смерть отказалась от меня.

— Знаю. То была другая смерть.

— Смерть всегда на одно лицо.

— Неправда.

— Какая разница?

— Не уверена, что это тебя особенно волнует, но все-таки прими к сведению — твоя смерть приехала в Ливград вместе с тобой.

— О чем ты?

— Ты погубишь себя. И ты погубишь людей. Очень много людей. Вот это тебя должно взволновать, царапнуть по больному милосердию.

— Я не понимаю! — выкрикнул Индриг, вырываясь из объятий аварки. В нем зародилось некое новое чувство. Чувство, похожее на страх.

— Не имей дел с воеводой! Откажись от работы и уезжай отсюда! Уезжай немедля!

— Почему?

— Если уедешь сию секунду, я последую за тобой.

Индриг зло махнул на нее рукой и распахнул дверь сарая. Не оборачиваясь, бросил через плечо:

— Дирхемы есть дирхемы.

Сумерки быстро отступали. Восток окрасился в светло-серые тона. Снаружи у входа деревянными истуканами застыли варяжские наемники. Они дежурили здесь всю ночь. Такая прилежная и добросовестная служба берсеркеров стоила немалых денег. Индриг попробовал угадать, сколько прорицательница платит охранникам. Цифры вызвали легкую зависть к северным великанам.

«Может, и правда ну его, этого Турмаша! Сбежать с аварской гадалкой, пожить эту зиму за ее счет...»

Он глянул на высящиеся в сумерках палаты воеводы. Ухватил мутное, замаранное алкогольным дурманом воспоминание. Вроде как он выходил среди ночи из сарая, разбуженный странным воем, и вроде как вой тот был человеческим. Доносился он из палат, над которыми плясали огоньки, похожие на те, что ночами на болотах заманивают путников в гиблые топи. Спросил варягов о ночном происшествии. Северяне покивали — мол, не понимаем. Мимо проскользнула прорицательница. Варяги двинулись следом. Индриг решил, что она даже не обернется. Ошибся.

— На вашем языке мое имя будет Оксана. Оксана из Ринга. Прощай.

Он смотрел ей вслед, вспоминая о времени, проведенном в Ринге — главной крепости аваров. Хорошее было время.

Хотя поначалу Индриг сказал «Нет!», Михась все равно поплелся за ним. Бледный как привидение от выпитого накануне самогона. Он талдычил, что хороший кощунник всегда должен быть в самой гуще событий или, во всяком случае, неподалеку.

— На дедовских кощунах, которые всем уже оскомину набили, много не заработаешь, — говорил Михась, выпроваживая из сарая розовощекую кухарку. — Надо слагать свои собственные. Это дух нашего времени. Людям непрерывно хочется новизны. А как я их сложу, не имея материала? Как, я спрашиваю?

Индриг махнул рукой. Он рассудил, что если гадалка не соврала и Грек действительно опасен, пусть лучше всегда будет на расстоянии, удобном для удара саблей. Быстро собравшись в путь, они наблюдали, как латники под руководством Барбуны грузят на подводу дары для Казим-хагана. Там была окованная медью шкатулка с монетами. Были мечи без клейм на оголовьях. Индриг узнал работу Филимы — лучшего ливградского оружейника. На голоменях клинков красовался один и тот же узор, похожий на ветви тысячелистника. Рисунок появлялся на булате оттого, что несколько прутов различной стали, накалив добела, переплетали особым образом и лишь потом проковывали, придавая им форму лезвия. Сделанное таким образом оружие не ломалось даже на самом лютом морозе и спокойно рассекало железные гвозди, не зазубриваясь. Только искуснейшие из мастеров могли похвастать абсолютно одинаковым узором на всех своих мечах. Филима относился именно к таким. Его клинки продавались по весу за серебро один к одному. Были среди даров золотые и серебряные чаши, небрежно увязанные в полотняную скатерть. В последнюю очередь латники загрузили несколько мешков, плотно набитых пушниной. Подвода, запряженная могучим черногривым тяжеловозом, неторопливо заскрипела по дороге. Латники под началом Индрига двинулись вперед, шугая с дороги ранних прохожих.

Ближе к полудню им стали попадаться крестьяне, бегущие со своих хуторов под защиту Турмаша. Те, что победнее, несли узелки с добром в руках, погоняя перед собой коз и коров. Те, которые побогаче, везли имущество на волокушах, запряженных саврасками, как две капли воды похожими на Просто Лошадь Михася. Совсем уж зажиточные гнали обозы из нескольких телег, на которых помимо узлов с вещами стояли клети с галдящими курами и гусями, визжали поросята, кричали дети и бабы.

Индриг ехал в голове отряда. Он бесцеремонно стребовал в одном из обозов крынку простокваши и теперь с задумчи-

вым видом потягивал кислый напиток, бальзамом разливающийся по обожженным самогоном внутренностям. С самого утра он безуспешно пытался сложить два и два. Турмаш, Барбуна, Казима, Оксана, волколак, Грек и он — охотник за головами Индриг-склавий. Сложение упорно не давало результата. Тайное по-прежнему было тайным, а явное так и оставалось подозрительным и странным.

Михась, с утра ехавший позади отряда и так болтавшийся в седле, что латники начали биться об заклад, свалится он с лошади или нет, теперь ожил. Поравнявшись стремя в стремя с уже знакомым ему десятником, Грек начал рассказывать об Иесусе. Десятник понимающе кивал и время от времени позволял кощуннику смочить пересохшее горло из своей фляги. Оба уже захмелели. Остальные латники также с интересом прислушивались к рассказу о странствующем кудеснике, исцеляющем немощных и изгоняющем бесов. Иногда кто-то задавал обезоруживающие вопросы, навроде:

— Вот ты заладил — пустыня да пустыня! Ей-ей в толк не возьму, что енто за пустыня-то такая? Давай растолковывай!

Михась, никогда не видевший пустыни и знающий о ней ровно столько же, сколько и спросивший его латник, начинал озираться на тянущийся вдоль большака ивняк и ольховник. Потом многозначительно пояснял:

— Пустое место это. Пустое и гиблое.

— Как болото, что ль?

— Ага.

— Так бы и дышал, что Иесус твой к топям молиться ушел! Так-то ведь понятнее. Верно я говорю, братушечки?

— Верно, — кивали дружинники.

Михась продолжал рассказ, послушно называя пустыню болотом.

Сразу как миновали Патрянин овраг, влажный ветер донес запах жареного мяса. Впереди на большаке кто-то устроил походную кухню. Скорость отряда непроизвольно увеличилась. Было уже за полдень, и мысли сами собой вращались вокруг краткого привала. Вслед за ароматом пищи ветер принес звуки возбужденных голосов. По правую руку плотная багрово-желтая стена ольховника расступилась, открыв взгляду небольшую поляну. Там столпились человек пятнадцать. В основном галдящие крестьяне. Сре-

ди затасканных серых кожухов и грязных войлочных шапок Индриг рассмотрел зеленые тегиляи с нашитыми на груди перекрещенными золотыми стрелами.

— Это ж надо! Экие когтищи! — удивлялся пожилой землепашец. То и дело поправляя войлочный колпак на седой голове, он пялился на что-то, лежащее у его ног. — Рысь, да и только! Ан нет! Не рысь!

— У рыси покрюкастей будут, — важно заметил лесничий в зеленом тегиляе. — Эти, вишь, прямые почти.

— Но вострые! — вставил другой лесничий. Подняв правую руку, он выставил на всеобщее обозрение три ровных параллельных разреза на боку своей легкой брони.

Крестьяне дружно заохали, и человеческое кольцо вокруг предмета на земле разом сделалось шире.

— Я думал, издохла, зараза, — продолжал лесничий, не опуская руки. — Тока к ней наклоняться, а она хвать лапой!

Кольцо сделалось еще шире.

— Стал быть, топориком ее и угомонили, — пояснил первый.

— Как ножами саданула, — не унимался второй, тыча пальцем в дыры на тегиляе. — Еще малость, и печенку б из-под ребер вынула!

Крестьяне вновь дружно заохали.

— Хорошо, что я с топориком подоспел, — напомнил первый.

Собравшиеся так увлеклись разговором, что не заметили, как разложенные на углях куски кабаньего мяса начали подгорать. Подъехавших всадников они тоже заметили далеко не сразу. Индриг приблизился к крестьянам верхом на Злодее и заглянул поверх голов в центр круга. На земле лежало существо, покрытое серой, как у крысы, шерстью. Костлявое, с непропорционально длинными, тонкими конечностями, увенчанными длинными, почти прямыми когтями. Застывший оскал на вытянутой морде обнажил два ряда мелких острых зубов. Из тела торчали стрелы с таким же черным оперением, как и у тех, которые были в колчанах лесничих. На шее твари зияла рубленая рана от топорика.

— Вот, господа служивые, кикимору извели, — хвастливо сказал Рваный Бок, заметив наконец подъехавший отряд.

— Во, мля, образина! — проговорил десятник, скорчив при этом забавную гримасу. — И где вы ее?

— Тут рядышком, в Патрянином овраге, — ответил Рваный Бок.

— Кабанчика взять хотели, — добавил его товарищ. — И тут на́ тебе! Нечистая его вперед нас взяла!

— Мы ей этого так не спустили! — сказал Рваный Бок, гордо выпячивая грудь.

— Худые времена наступают, — задребезжал седой землепашец, вновь поправляя войлочный колпак. — Худые и недобрые! Ране-то энтих вон не на кажном болоте жило. А и жило, так по одной! А теперь среди бела дня кучами по большаку шастят! Давече Косоносик, Климов сын, тремя верстами выше еле ноги унес от энтих! Худые времена настают, говорю вам!

— Да что ране? — воскликнул Рваный Бок. — Еще летом их на всю округу полторы штуки было! А теперь на болото ни-ни! Тама они, и в большом количестве!

— Сжечь ее, паскудницу! — выкрикнул землепашец.

Остальные крестьяне поддержали его нестройным хором.

Рваный Бок с сожалением посмотрел на трофей.

— Сжечь-то, конечно, надо бы, — кисло согласился он.

— Дуралей ты лесной, — обругал лесничего десятник. — В соль ее и бегом до ближайшего волхва.

— Почто? — заинтересовался Рваный Бок.

— Я слыхал, кудесники за такую падаль хорошую цену в серебре дают.

— А и я слыхал! — припомнил лесничий, звонко хлопнув себя по ляжкам. От открывшейся перспективы скорого обогащения у него разгорелись глаза.

— Вон хоть у Соловушки спроси. — Десятник кивнул на Индрига. — Охотник за головами лучше нашего понимает в таких вопросах.

Все взгляды обратились на Индрига.

— Мясо горит, — сказал воин, не особо расположенный к разговору на профессиональные темы.

— Чего? — не понял Рваный Бок.

— Мясо, говорю, горит. Кабанчик. — Индриг ткнул пальцем в сторону костра на краю поляны.

Трое парней в крестьянской одежде, как по команде, кинулись спасать погибающий обед.

— И где мне волхва взять, так вот чтоб сразу? — озадаченно спросил Рваный Бок.

— Чтоб так вот сразу — не знаю, — съехидничал Индриг. — В Ливграде у воеводы один гостит. Только не обольщайся особо. У меня он мало что купил. На твоего крикса болотного тоже вряд ли позарится.

— Сжечь ее надо, и всего делов, — настырно повторил седой землепашец.

На этот раз его предложение уже не имело такой поддержки, как вначале. Вперед выступил другой крестьянин. Полный низкорослый бородач с веселыми и хитрыми глазами.

— Скока за совет дашь? — спросил он, обращаясь к Рваному Боку.

Тот насупился.

— Нету денег. Шкурку беличью могу дать.

— Две, — начал торговаться хитроглазый.

— Пусть две будет, — согласился Рваный Бок. — Но только если совет дельный.

— У меня других не имеется, — весело сказал хитроглазый. — Трое кудесников на моем хуторе постояльцами жили. Чем-то их там Турмаш нашенский обидел. Ругались очень. Какого-то Барбуну худым словом поминали. Сегодня утром в сторону Ихтыни подались. При деньгах были — это с ручательством.

— Полдня пути разница — разве ж за ними угонишься? — раздосадованно всплеснул руками Рваный Бок.

— Пешие они были, — добавил хитроглазый, многозначительно подняв брови. — На савраске к вечеру нагонишь.

Идея лесничим понравилась. Индриг не стал дожидаться появления на сцене беличьих шкурок. Он отправился к костру. Латники выменяли у крестьян половину кабана на бочонок воеводиной сурьи и шустро поглощали слегка подгоревшее мясо вприкуску с хлебом из собственных запасов. Михась был уже там.

Настроение Грека поднималось по мере насыщения. Бросив в угли очередную обглоданную кость, он задорно посмотрел на Индрига. Тот поморщился и выплюнул попавшуюся ему горькую обугленную корочку.

— И что в тебе такого? — с загадочным видом спросил Михась.

Индриг промолчал, не понимая, о чем речь.

— Прорицательница ради тебя одного в Ливград приехала, — продолжил кощунник. — За тридевять земель примчалась.

Индриг поперхнулся.

— Чего мелешь?

— Это не я, — с улыбкой протянул Михась, принимаясь за следующий кусок мяса. — Это люди так говорят.

Последнее слово прозвучало невнятно, поскольку Грек по привычке пытался одновременно болтать и жевать. Индриг уже готов был послать тех людей вместе с их сплетнями, но смолчал. Два и два вдруг сложилось. Он брезгливо бросил на березовое бревно, служившее им лавкой, подгорелый кусок мяса. Есть расхотелось.

— Дело в милосердии.

— Чего?

— Она толковала о милосердии. В этом все дело.

Михась хохотнул.

— Девицы слетаются на твою славу, будто мухи... мм... мотыльки на свет. Какое ж здесь милосердие? Ха!

— Она приезжала, чтобы убить меня, — уверенно заявил Индриг.

Теперь поперхнулся Михась.

— Сдурел ты, братец Соловушка! Если б ты такое про ее бычков-хранителей ляпнул, я бы еще задумался. Рожи у них что ни на есть злодейские были. Но чтоб она сама на тебя с ножом покушалась — это сказки!

— Оксана из Ринга — не иначе как сама Ласковая Роксани. Я слышал о ней, когда жил среди авар. — Губы Индрига тронула улыбка. — Мне даже льстит, что за мной послали именно ее.

Михась наконец перестал жевать.

— Кто она?

— Сама смерть, принявшая облик женщины.

Грек с сомнением покачал головой.

— Не-е. Смерть я бы узнал в любом обличье.

— Чудо ты греческое! Я говорю метафорически. Мне казалось, кощунники должны понимать такие образные сравнения.

Михась оскорбленно надулся и не счел нужным отвечать.

— Ласковая Роксани из того же цеха, что и я. Охотница за головами. Платная убийца. Лучшая среди ныне живу-

щих женщин, промышляющих этим ремеслом. Среди мужчин, пожалуй, тоже.

— Если гадалка — это и вправду твоя Роксани, почему ты еще жив? — с подозрением спросил Михась. Ему казалось, что Индриг затеял какой-то странный розыгрыш. — Все удобства для покушения у нее имелись. Темная ночь, пьяная вусмерть жертва, бычки на стреме. А?

— В голове у нее что-то перекосилось, — смутившись, ответил Индриг. — Со мной так бывало. Вроде бы выследил приговоренного. Вот он, голубчик, в угол загнан. Остается только голову снять и заказчику отнести. А руки меча поднимать не желают.

Грек ехидно ухмыльнулся.

— Я у путников иноземных как-то байку подслушал о крокодиловых слезах. Крокодил — ящер огромный. Жрет людей и рыдает.

— Иди в задницу! — рявкнул Индриг и отвернулся.

В ту минуту ему страстно хотелось двинуть Михасю в ухо. Он сдержался. Смачно и зло сплюнул. Принялся разглядывать пожелтевший ивовый куст. Стало ясно, что незримая черта, к которой он так боялся подходить в отношениях с людьми, в данном случае уже давно осталась позади. Он шагнул через нее, даже не заметив. Теперь он не сможет причинить зла этому нелепому человечку в синей залатанной куртке и земляничных сапогах, даже если того потребуют обстоятельства.

Михась мечтательно закатил глаза.

— Хорошая кощуна может выйти. Обиженная аварская княжна нанимает обольстительную душегубку, чтобы наказать изменника. А та влюбляется в свою жертву, обнаружив, что у них очень и очень много общего. Затем...

— Это не месть, — оборвал его Индриг, продолжая пялиться на куст.

— Тогда что? — заинтересовался Грек.

— Я не должен делать... — Индриг задумался.

— Чего?

— Отстань, репей!

— И все-таки?

— Я не должен сделать того, что мне предначертано. Некто весьма влиятельный заглянул в мое будущее и уви-

дел, как я ломаю его планы. Вот и весь сказ. Никакой кощуны не выйдет.

— И верно! Сплошные «нскто» и «чего-то». Никакой конкретики! Идея с обиженной княжной мне больше нравится. Я бы назвал эту кощуну «Дева-смерть».

Они выехали на перекресток с Ихтыньским трактом как раз вовремя, чтобы увидеть двух крестьянских девок, с визгом сиганувших в придорожный кустарник. Вдали маячил кавалерийский отряд в десять-двенадцать сабель. Слышался топот коней, идущих галопом.

— Авары, тьфу ты, ети мать их за ногу и через коромысло, — выругался десятник, вглядываясь в быстро приближающихся всадников.

— Не иначе, гонцы, — высказал предположение один из латников, пытаясь успокоить пляшущего под ним коня.

— Верно, — обрадованно согласился десятник, — гонцы до воеводы. Едут вперед. Сказать, чтобы Турмаш дорогих гостей встречал.

Он еще раз внимательно присмотрелся к аварам.

— А может, и не гонцы. Тогда плохо дело. Что скажешь, Соловушка? Ты у нас за старшего, тебе и думать.

— К бою, — с неестественным спокойствием тихо произнес Индриг. Таким тоном распоряжение об убийстве мог отдать лишь тот, для кого резня была делом привычным, а вид крови не вызывал никаких эмоций.

— Если все-таки гонцы, тогда что? — засомневался десятник. Затевать драку с аварами ему не хотелось.

— К бою, — прежним спокойным тоном повторил Индриг. Интонация — каменная глыба, а в душе круговерть. Ему будто палкой по затылку треснули.

«Вот сейчас я сделаю то, чего делать не должен!»

В только что пустой руке блеснула темная сталь аварской сабли. Воин выхватил ее быстрым, отточенным многократными повторениями движением.

— Поговорить с ними надо, — неуверенно предложил Михась. — Объяснить, кто мы, куда и зачем.

— Короткий разговор получится, когда они узнают, что у нас на возу. А знать это они непременно пожелают. Пискнуть не успеем, как каждому по железяке в бок достанется.

— Может, деру дадим? Пропустим для общего спокойствия? — с надеждой спросил десятник.

— С этим ты деру давать собрался? — Индриг кивнул на неповоротливую подводу, груженную ценностями.

Десятник досадливо проследил за взглядом.

— С этим не получится, — признал он.

— Тебе воевода что велел?

— Что? — глуповато спросил десятник.

— Казимин оброк беречь и меня слушаться.

— Слово в слово так и велел, — закивал десятник. — Значится, к бою, братушечки.

Латники неохотно начали вытягивать из джидов, притороченных к седлам, легкие боевые сулицы с узкими наконечниками. У двоих почему-то оказались не военные, а охотничьи, с лезвиями, формой повторяющими березовый лист. Авары приближались. Стали слышны их гиканье и визг, которые могли значить как «Уступи дорогу!», так и «Умри, собака!». Латник, правивший подводой, принялся торопливо разворачивать свой неуклюжий транспорт. Он изобретательно бранил черногривого тяжеловоза с толстенными мохнатыми ногами и охаживал кнутом его могучую спину. Индриг окинул взглядом свое малое войско, по-прежнему не выказывающее особого энтузиазма касательно драки с аварами, которые вполне могли оказаться безобидными гонцами.

— Поздоровкаемся с басурманами! — крикнул десятник, раззадоривая не столько бойцов, сколько самого себя. Он вынул из ножен прямой меч с закругленным острием, рассчитанный только на рубящий удар. Вышло это у него далеко не так эффектно и быстро, как у Индрига. — Глянем, какого цвета у них потроха!

Склавии направили коней навстречу аварам, быстро увеличивая скорость и оглашая округу воем, призванным устрашить противника. Инстинкт и здравый смысл подсказали Михасю единственно верное решение. Просто Лошадь была целиком согласна с мнением хозяина и проявила небывалые для себя прыть и резвость, удаляясь от эпицентра конфликта в сторону Ихтыни. Единожды обернувшись, Грек увидел взмывшие в воздух сулицы. Вслед за первой стайкой тут же взвилась вторая. Боевые кличи смешались с криками боли.

Михась отвернулся и вдарил пятками по раздувающимся бокам. Он так бы и гнал рыжую лошадку, пока у той оста-

вались силы, если б не внезапно возникшее препятствие. Две костлявые твари, покрытые серой, как у крыс, шерстью, выскочили из ольховника прямо под копыта. Просто Лошадь, жалобно заверещав, поднялась на дыбы. Михась едва не слетел на землю. Криксы, угрожающе шипя и похрюкивая, разом кинулись на всадника. Просто Лошадь шарахнулась в сторону. Михась завопил от страха. Вопль получился необычайно звонким и странным, совсем не похожим на человеческий крик. Он-то и спас кощунника. Необычный резкий звук насторожил чудищ, сбил ритм атаки, предоставив Просто Лошади секундную фору. Животное воспользовалось заминкой и рвануло прочь, храпя и мотая головой от ужаса.

Кощун опомнился лишь возле подводы. Прямо перед ним черногривый тяжеловоз с печальными глазами подергивал ушами и фыркал. Латник, который должен был править повозкой, лежал на мешковине, укрывающей добро. Руки широко раскинуты. Череп с левой стороны смят и залит кровью. Правая нога еще подергивалась, но это уже не было проявлением жизни. Дальше по дороге, среди двух десятков бездыханных тел и ставших бесхозными коней верхом на Злодее гарцевал Индриг. Он был единственным, кто остался в седле после короткой и жаркой стычки. Крестьянские девки, выбравшись из своего укрытия в кустах, пытались вытащить саблю, насквозь пронзившую плечо одного из латников. Служивый стонал и злобно ругался, но при этом здоровой рукой хватал девок за ноги и лез под подолы. Те вроде не возражали.

Михась боязливо подъехал к Индригу. Просто Лошадь все еще тяжело дышала и едва переставляла копыта после выпавшей на ее долю бешеной скачки. От крепкого запаха выпущенных на свет и разодранных внутренностей она со страхом прижимала уши и озиралась. Индриг провел большим и указательным пальцами по голоменям сабли, стирая кровь прежде, чем та свернется. Убрал оружие. Посмотрел на Михася и ободряюще подмигнул. Кощунник съежился. Желание что-либо говорить исчезло. Лицо воина было страшным. Кровь из широкого пореза на лбу залила щеки, малиновыми комками повисла на бровях и ресницах, бурыми пятнами растеклась по тегиляю.

— Псьи дети, сука ваша мать! — раздался горестный крик пришедшего в сознание десятника. — Комарика закололи, паскудники!

Они спешились и помогли десятнику выбраться из-под придавившего его Комарика. Из груди коня торчало сломанное оскепище кавалерийской пики. Десятник бранился и горевал о животном, не замечая ни погибших товарищей, ни собственного раздробленного колена. Кровь из рваной раны на виске широкой полосой стекала ему за шиворот. Он начал осознавать происходящее, только когда Индриг занялся его искалеченной ногой. Срубленные тут же на обочине ивовые ветви пошли на шины, зафиксированные кожаными ремнями, снятыми с убитых. Глядя, как руки Индрига затягивают узлы, десятник перестал истерично причитать и разумно сказал:

— Ох, Соловушка. Плачет по твоему заду длиннющий кол. Ох, плачет! — Вздохнул и огорченно добавил: — Да и по моему тоже.

За спиной Индрига вырос очухавшийся аварский боец. Воин понял это по изменившемуся выражению лица десятника и испуганному вскрику Михася. Он быстро обернулся. Мелькнула сабля. Авар повалился на спину с рассеченным горлом, из которого ударили небольшие, пульсирующие и при этом булькающие фонтанчики. Индриг вернулся к наложению шины. Он выглядел спокойно и буднично.

— Казиминых посланников посекли, — начал перечислять десятник, настороженно выискивая взглядом других уцелевших противников, — своих людей положили. Мирную уплату дани, почитай, уже сорвали — будет грабеж и разорение. Умудрились напакостить обоим братцам единовременно. Так что если дело кончится колом, считай, что легко отделались. Вон там еще один закопошился. Добей, раз уж начал.

Индриг молча посмотрел в указанном направлении. Подошел к стоящему на четвереньках авару. Мелькнула сабля. Пальцы смахнули кровь с голоменей.

— Здорово ты наловчился ихним кривым мечом махать, — прокомментировал десятник. — По мне, так лучше дедовский, прямой.

— Воевода нас так и так приговорил, — отозвался Индриг. — По его мнению, нам не следует жить дольше чем до сегодняшнего вечера.

— С чего бы это?

— Гадалка нагадала, — сказал Индриг, одного за другим осматривая мертвецов. Он искал медальоны, бляхи и другие отличительные знаки.

Михась невнятно забормотал, заскулил. К странствующему кощуннику пришло понимание истинного масштаба и ужаса случившейся резни. О возможных последствиях он боялся и помыслить. Достаточно было того, что находилось перед глазами.

— Это та что ль, — десятник усмехнулся, — которую ты всю ночь жалил?

— Да хоть бы и она. — Индриг взял одного из погибших авар за руки и волоком оттащил в сторону.

— Дурость это! — рассердился десятник. — Дурость, которая всего этого ну никак не стоит. — Он обвел рукой место схватки.

Индриг оттащил в сторону еще два тела с овальными серебряными бляхами на шеях — послы Казим-хагана.

— Может, и обойдется, — сказал он.

— Ага! Жди! — проворчал десятник.

3. МЕШОК ЛИХА

«Ты когда-нибудь видел, как аварское войско обращается в бегство?» Не задай Индриг этого вопроса, как знать, где бы в тот вечер оказался Михась. Скорее всего, он провел бы его в корчме Родомира, еще засветло вернувшись в Ливград. Хороший кощунник всегда мог заработать на выпивку и закуску в подобных заведениях. При меньшем везении он сам стал бы закуской для обнаглевших болотных криксов.

Прежде Михась никогда не видел такого количества мертвецов зараз. При убийстве же присутствовал лишь единожды, когда в трактире, где ему довелось прислуживать, вспыхнула пьяная драка. Тогда рассорившиеся купцы похватались за ножи и один повалился на пол с кровоточащей дырой в животе. Стоило ли так горячиться из-за долга в три солида? Индриг не был похож на тех купцов. Он убивал спокойно и сноровисто. Без суеты и эмоций сек человеческую плоть и кости своей ужасной саблей. Так мастер-кожевенник выделывает телячью шкуру, или плотник собирает скамью, или иной какой человек занимается своим обычным ремеслом.

В глазах Михася охотник за головами сразу утратил романтический ореол, которым Грек наделил его поначалу. Те-

перь Индриг предстал перед ним в своем подлинном обличье. Он был мастером, чьим ремеслом являлась смерть. И Михась не желал путешествовать в обществе этого страшного человека. Причиной тому был не страх. Михась ощутил по отношению к убийце то же чувство, которое питали жители Ливграда, — отторжение и неприязнь. Он уже собирался с мыслями, прикидывая, как бы так поделикатнее распрощаться с воином, когда Индриг задал свой вопрос:

— Ты когда-нибудь видел, как аварское войско обращается в бегство?

— Признаться, я не видел и самого войска, — ответил Грек, в котором любопытство мгновенно пересилило все прочие чувства.

Над трактом слышались клацанье стали, топот копыт, конское ржание и человеческие голоса. Все это сливалось в единый устрашающий гул, волной катящийся по землям склавиев. Там, за поворотом, извиваясь по Ихтыньскому тракту огромной стальной змеей, двигалась дружина Казим-хагана. Пять сотен конных аварских воинов. Им навстречу неторопливо катилась подвода, запряженная черногривым тяжеловозом.

Индриг с того момента, как впервые уловил надвигающийся гул войска, смотрел не столько на дорогу, сколько по сторонам. Он что-то выискивал взглядом среди кустов и деревьев. Михась молчал. Иногда он тоскливо оборачивался назад. Где-то там остались Злодей и Просто Лошадь. Поначалу они плелись за подводой, привязанные уздечками к деревянному поручню. Потом Индриг освободил животных и с минуту шептал на ухо своему жеребцу, поглаживая его по шее. Михась не разобрал слов, но был уверен, что это один из пресловутых заговоров. Послушав хозяина, Злодей заржал, будто соглашаясь со сказанным, замотал головой.

Когда подвода вновь тронулась в путь, конь остался стоять на месте. Он перебирал передними ногами, бил копытом, тоскливо покрикивал и неотрывно смотрел вслед хозяину. Но не двигался. Просто Лошадь пошла было за подводой. Встала через несколько шагов, покрутила головой, нерешительно глядя то на людей, то на Злодея, а затем вернулась к жеребцу. У Грека от воспоминаний об этой

сцене мурашки начинали бегать по коже. Можно было подумать, что животные прощаются с людьми. Навсегда.

Индриг предлагал Михасю остаться с лошадьми, посторожить их. Странствующий кощунник решительно заявил, что пойдет с воином, ибо теперь он просто обязан увидеть, чем все закончится. Заслышав вдали лязг доспехов и топот сотен копыт, он начал жалеть о своем решении. Было неимоверно страшно ехать навстречу Казим-хагану с телами его послов, небрежно брошенными поверх мешковины, укрывающей дары. Грека передернуло от воспоминания. Он помогал Индригу укладывать трупы на воз, прикасался к быстро остывающей коже на запястьях покойников, вымазал рукав синей куртки в их крови.

— Здесь,— уверенно произнес Индриг, натягивая поводья.

Черногривый тяжеловоз послушно остановился.

— Что дальше?

— Дальше?

Индриг спрыгнул на землю и двинулся к запримеченной делянке возле обочины. Кто-то из местных крестьян заготавливал здесь дрова. Теперь же небольшой пятачок покрывали свежие ольховые и осиновые пеньки. На земле всюду валялась щепа, светло-желтая от пропитавшей ее осенней влаги. На дальнем от дороги краю делянки лежала огромная ель, вывороченная с корнем. Это время и ветер уронили лесную великаншу. На дрова смолянистая древесина не годилась, и крестьяне, хозяйничавшие здесь, забросали ее ветками.

— Ну да, дальше-то что?

Михась, как приклеенный, следовал за воином. Оставлять свой скарб на попечение Просто Лошади он не решился и теперь сам таскал вещи. В котомке, переброшенной через плечо, лежали книга об Иесусе и краюха хлеба, прихваченная с воеводиной кухни. За спиной на широком ремне висели гусли. Индриг не взял из седельных сумок ничего, кроме короткого чекана. Теперь за его широким поясом помимо аварской сабли торчал еще и этот железный клюв на деревянной рукояти, незаменимый при стычках с противниками в тяжелой броне.

Они подошли к поваленной ели. Индриг внимательно осмотрел бурелом. Откинул несколько ольховых веток. Привычно быстрым и эффектным движением обнажил клинок

темной стали. Грек испуганно отшатнулся. Воин недовольно посмотрел на него.

— Плохо ты сейчас обо мне подумал, братец.

— Вовсе нет! — поспешно заверил его Михась.

Индриг подрубил одну из еловых лап. Отогнул ее и протиснулся под ствол. Там было совсем немного свободного места, окруженного вствями, будто прутьями клетки. Пахло сыростью, смолой и плесенью. Индриг попробовал на прочность окружающие его сучья. Оставшись доволен результатом, посмотрел через просветы на тракт.

— Что ты там делаешь? — Михась суетливо прыгал вокруг бурелома, пытаясь понять, чем занят воин.

— Смотрю.

— Куда?

— На телегу.

Михась обернулся, ожидая увидеть что-нибудь интересное. Ничего. Тот же чернигривый, лениво подергивающий ушами, те же тела на возу. Рука одного из аваров сползла и свесилась через край. Индриг вылез из-под дерева, отряхивая с одежды веточки и хвою.

— Забирайся туда, — распорядился Индриг.

Михась озадаченно пробежался взглядом по бурелому.

— Я не против, но все-таки хотелось бы узнать...

— Зачем мы здесь? — докончил за него Индриг.

— Вот-вот.

— Прибирая к рукам отцовские владения, Казима извел всех своих братьев, которые могли претендовать на его место. Турмали — бастард, да еще и полукровка — был не в счет. Он так и останется воеводой в маленьком городишке, если с Казимой ничего не случится до того момента, как его старшенький достигнет сто восьмого месяца и будет посвящен в мужчины. А произойдет это следующим летом. Неудивительно, что Турмали отвел нам роль палачей Казимы.

Михась аж подскочил.

— Нам? — только и выдавил он.

— Мне и тем латникам, которые остались на перекрестке. А ты по собственной дурости в это влез. Не обессудь.

— Как?.. Я хочу сказать, каким образом?

Индриг пожал плечами:

— Волшебство. Мы привезли его на этой подводе. Не берусь сказать, какое именно. Но, полагаю, чары здесь не-

обычайной силы. Они должны убить Казиму, а заодно и нас. Свидетели Турмашу ни к чему.

— Барбуна?

— Он и есть. Ночью наш кудесник так ворожил в воеводиных палатах — стены тряслись! Мне, пьяному дураку, невдомек было, что старый шкодник затеял.

— Барбуна, которому ты продал зубы волколака? — осипшим голосом спросил Михась. Его воображение плодило страшные картины.

Индриг поскреб пальцами в волосах, обдумывая свежую идею.

— Пожалуй, в твоих словах есть доля истины, греческая твоя душа. Давай под елку! Если тут замешана проклятая кровь — дело дрянь.

— Что ж ты раньше-то не сказал, Соловушка? — бормотал Михась, суетливо протискиваясь в проделанный Индригом ход. Убежище показалось ему совсем ненадежным и не внушающим доверия. — Я б лошадок сторожить остался.

— Я думал о монгольском порохе и греческом огне. От них можно укрыться. Зубы как-то со всем этим не вязались. Теперь мне думается иначе.

Произнося это, воин печально улыбался. Он не мог с уверенностью дать определение своим эмоциям. Вначале смешались страх и возбуждение. К ним добавилось безразличие обреченного. Появилось любопытство. И еще своеобразная гордость от мысли, что если ему суждено погибнуть в ближайшие часы, то смерть эта будет достойной и весьма необычной.

Индриг вслушался в нарастающий гул. Войско совсем уже близко. Того и гляди, первые всадники покажутся из-за поворота. Он собрался последовать за Михасем, но вдруг остановился:

— Не могу я так, — развернулся и бегом кинулся к подводе.

Грек видел через прорехи в паутине ветвей, как Индриг торопливо распрягает черногривого, шепчет ему на ухо. Тяжеловоз отреагировал на тайные слова в точности как и Злодей. Заржал, замотал головой. Только вместо того, чтобы застыть столбом, резво затрусил прочь. В сторону, противоположную приближающемуся войску. Индриг проводил его взглядом и широкими прыжками вернулся к бурелому. Отдуваясь, залез в нору.

— Тесная берлога, — сказал он, опускаясь на колени и еще раз оглядывая убежище.

Грек смотрел на него, склонив голову.

— Ты знаешь, что скоро здесь погибнут люди.

— Верно, — кивнул Индриг.

— Знаешь, что сам можешь погибнуть.

— Знаю.

— И при этом заботишься о том, чтобы лошади не пострадали?

Индриг захлопал глазами, смутился.

— Не могу я так вот запросто приговорить скотину. Жалко мне ее. Понял?

— А людей?

— Иногда.

— Иногда?

— Заткнись!

Первые всадники, которых они увидели, настороженно и возбужденно закружили у подводы, сдерживая приплясывающих коней. Среди аваров особенно выделялся великан с длинными обвислыми усами. Он казался слишком большим и тяжелым для своей черной в белых яблоках лошади. Вислоусый тыкал рукоятью плети, указывая на покойников, и удивленно, а порой сердито восклицал. Остальные галдели, не соглашаясь с ним.

— Узнали мертвецов, — перевел Индриг. — Спорят, кому ехать к Казиме. Хаган может выпороть гоневестника.

— Странная традиция, — заметил Михась.

Вислоусый сорвал широченной лапищей посольскую бляху с одного из тел. Силой вложил ее в ладонь оказавшегося ближе всех остальных воина. В ответ на возражения грозно рявкнул и указал рукоятью плети направление. Назначенный гоневестником боец, зло ругаясь, ускакал.

— Все идет как надо, — удовлетворенно сказал Индриг.

— Ты знал, что передовой отряд не прикоснется к возу до прихода Казимы, если там будут трупы послов.

Индриг не ответил, но по его лицу можно было догадаться, что он воспринял слова Михася как похвалу. Замысел, родившийся на перекрестке одновременно с командой «К бою!», начал реализовываться. Через минуту войско Казимы шумной крикливой волной нахлынуло на обозримый участок тракта, заполонило усеянную пеньками деляи-

ку. Теперь сквозь просветы в переплетениях ветвей можно было увидеть лишь конские брюхи, хвосты и ноги. Порой мелькал сапог, упирающийся в стремя или оскепище копья. Под ель проник крепкий запах конского пота и немытых человеческих тел. Освещение заметно убавилось. Грек сжался в комочек. Он шепотом затараторил молитву, часто поминая Иесуса и мелко крестясь. Индриг отрешенно уставился в одну точку, начал быстро-быстро потирать ладони друг о друга, ничего не замечая вокруг себя.

Однородный гул, схожий с тем, который можно услышать на рыночной площади в разгар большой ярмарки, прорезали властные окрики. Мельтешение вокруг бурелома усилилось, достигло пика и резко пошло на убыль. Стало светлее. Вскоре на делянке осталось не более десятка всадников. Михась вновь мог видеть тракт и стоящую на нем подводу. Тел на возу уже не было. Два воина в добротных одеждах и украшенных золотыми завитками колонтарях стаскивали мешковину, укрывающую дары. За ними нетерпеливо наблюдал...

«Быть не может!»

Михась позабыл о молитве, тряхнул головой и посмотрел еще раз. Действительно, человека в черном меховом плаще и золоченой кольчуге, сидящего верхом на абсолютно белой породистой кобыле, издали можно было принять за Турмаша. Те же грузная фигура, округлое лицо, борода. Даже осанка такая же, как у ливградского воеводы. И все-таки это был не Турмаш. Казима, смекнул Грек. Хотя они братья только по отцу, сходство меж ними необычайное.

Воины, шурующие на возу, поочередно демонстрировали хагану трофеи. Вот шкатулка с монетами, вот мечи, идущие по весу за серебро один к одному, вот золотые и серебряные чаши. Хаган безразлично смотрел на сокровища. Зато у Михася глаза разгорались, как уголья на ветру. Индриг продолжал свою странную медитацию с потиранием ладоней и бессмысленным взглядом в никуда. Ему ни до чего не было дела.

Авары принялись потрошить первый мешок с пушниной, когда Индриг замер, издал короткий, натужный и болезненный стон. Лицо воина перекосилось. Жилы на шее натянулись и стали отчетливо просматриваться. Он развел ладони, чуть-чуть, на ширину куриного яйца — не больше. И меж ними появился колючий, пульсирующий комочек голубого света. Бережно удерживая его, будто опасаясь, что

случайный ветерок может задуть волшебный огонь, Индриг выписал сведенными ладонями символ. Отливающая синевой, трепещущая руна «Мир» повисла в воздухе между воином и кощунником.

Михась напрягся не меньше Индрига. С неимоверной медлительностью он оторвал взгляд от лисьих и беличьих шкурок, мелькающих в руках аваров, и обернулся. Сперва зрачки до упора двинулись влево. Затем начала поворачиваться голова. Рука невольно совершила крестное знамение. Губы зашептали молитву:

— ...Твое есть царствие, и сила, и слава! Вовеки!

Авары открыли второй мешок. Они не поняли, что их убило, и даже не испугались. Ошметки тел разлетелись по кустам. Казим-хаган прожил на мгновение дольше своих слуг, но тоже ничего не понял. Однако испугаться успел. Будто рой разъяренных ос из раздавленного гнезда, из мешка ударила буро-серая струя. Взметнулась к затянутому облаками небу и осыпалась на землю сотнями чудищ. Вой и леденящий визг ударили в уши.

Скользкие, чешуйчатые руки, растопыривая длинные пальцы с черными коготками, разом со всех сторон потянулись к людям, укрывшимся под буреломом. Михась видел сквозь прорехи в защитной путанице ветвей мерзкие рожицы с приплюснутыми носами, маленькие злые глазки. Вой сделался невыносимым. Индриг конвульсивно дернулся. Глаза закатились. Из носа, из уголков глаз, из левого уха покатились алые струйки. Сжатые в оскале зубы порозовели от крови. Руна «Мир» колыхнулась и стала ярче. Твари мигом отпрянули от поваленной ели. Злобно вереща, запрыгали на безопасном расстоянии. Михась шумно выдохнул, осознав, что уже продолжительное время сдерживает воздух в груди. Благодарно посмотрел на Индрига. Перекрестился. Зашептал:

— ...Придет царствие твое, будет воля твоя!

Молитва, завещанная людям самим Иесусом, дала подобие успокоения и надежды. Твари напали во второй раз. Колючие ветви с трудом сдерживали их натиск. Руна «Мир» начала тускнеть. Длинные пальцы с черными коготками тянулись все ближе.

Индриг ничего этого не видел. Перед глазами клубился багровый дым. Тело жгло так, словно кровь подменили расплавленным свинцом. Печень ныла нестерпимо. Сердце било

в ребра кузнечным молотом. «Не удержу! — вертелось в голове. — Не удержу!.. А надо! Надо держать! Жжет-то как!.. Не удержу! Не кудесник я! Нету во мне такой силы, чтоб еще миг держать... Надо... Надо! НАДО держать! Крепись, Соловушка...»

И тишина.

Когда он открыл глаза, ничего не изменилось. Темнота была абсолютной. Темнота, в которой существовала лишь головная боль. Индриг шевельнулся, и боль усилилась многократно. Он невольно застонал, зажмуривая глаза.

— Я думал, ты умер, — обрадованно сказала темнота голосом Михася.

— Вроде бы нет, — неуверенно ответил Индриг, осторожно потирая кончиками пальцев пульсирующие виски.

— Я пытался послушать твое дыхание и не услышал ничего. — Слова сопровождались шорохом одежды.

Михась придвинулся поближе.

— Что случилось?

— Полагаю, врата ада приоткрылись на секундочку. Теперь я знаю, каким будет последний день мира перед Страшным судом. — Голос в темноте стал серьезным. Таким тоном ученые люди рассуждают о метафизике.

— Что случилось со мной? — уточнил вопрос Индриг.

— Ты ворожил, ворожил, потом начал исходить кровью и, наконец, свалился. Замертво, как мне показалось. А бесы тянули ко мне свои лапы. Твое чародейство пшикнуло и исчезло.

— Тогда почему мы живы?

Индриг спросил это с искренним удивлением. Если его жизненной силы не хватило на то, чтобы питать защитную руну, все должно было кончиться очень и очень плохо. Славно, доблестно, но плохо.

Михась смущенно засопел.

— Прежде чем свалиться, ты велел звать Чура. Значит, «Зови Чура!» и — хлоп! Волшебство — пш-шик! Бесы верещат! От страха впору штаны испачкать.

Индриг молчал, ожидая продолжения и облегченно провожая отступающую головную боль.

— Идолопоклонство преступно, — виновато и в то же время назидательно заметил Михась. — Для принявшего истинную веру — в особенности.

— Но ты все же позвал?

— От страха, — оправдывающимся тоном поспешно сказал Михась. Зашуршала одежда. Индриг понял, что кощунник крестится. — Позвал, как мамка учила. Если в беду попадешь-де, молви то-то и то-то. И пальцы вот так сделай. Рожками.

— Помогло? — с сомнением спросил Индриг. Он не помнил, как и почему велел кощунику призвать бога Чура. Это средство от нечисти всегда казалось ему по меньшей мере ненадежным. Индригу был известен единственный достоверный случай, когда крестьянин отбился таким образом от навии. Все прочие свидетельства относились к категории слухов и легенд.

— Я, Михась, прозванный Греком, говорю к тебе, Чур Оберегович, бог границ и законов, и к отцу твоему, Оберегу Сварожичу, защитнику людей. Чур меня границею отграничь от злого и недоброго, от взгляда косого, от лиха лихого, от нечистой напасти. Меня и спутника моего. Оберег, встань за людей, заступись.

Вновь синяя куртка с заплатами зашуршала от быстрых крестных знамений.

— Ну?

— Я обескуражен. Мое обращение к Иесусу не возымело никакого действия, а это... — Он замолчал и издал звук, похожий на всхлип.

— Продолжай.

— Я ведь отрекся от всего этого.

— Значит, подействовало?

— Поначалу, нет. Я повторил заговор еще раз. И еще. А они уже задевали меня руками, хватали за одежду, царапали. Я шептал заговор снова и снова, и вдруг их отринуло! Будто невидимые сильные руки оттолкнули бесов. Больше они не могли подойти. Хотели, но были не в силах. Барьер или какая-то незримая граница, непреодолимая для всего дурного.

— Чем закончилось?

— Должно быть, бесов призвал их темный хозяин. Они обратились в дым, когда еще было светло. Я до сих пор боюсь, что они могут вернуться. Сижу здесь и молюсь.

Индриг кожей ощутил исходящие от Грека волны разочарования и потерянности. Религиозные воззрения стран-

ствующего кощунника подверглись серьезному испытанию, и это событие значило для него больше, чем избавление от смертельной опасности.

— Твой Иесус нездешний. Откуда ему знать, как управиться с местной нечистью?

— Насмехаешься? — неожиданно для Индрига обиделся Михась.

— Н-да. Глупое объяснение вышло.

Воин решил, что больше не будет затрагивать эту тему. Касаться чужой веры, пусть даже с намерением поддержать и укрепить ее, — себе дороже. Пусть Грек сам разбирается со своими богами. Будь здесь старик Веллевелл, он бы сказал что-то вроде: «Когда бог один, у него руки не доходят до судьбы отдельного человека. Засим следует почитать многих божеств, из которых каждое заботится об отдельной ветви мироздания». Индриг не был ученым старцем, но придерживался такой же позиции. В его личном пантеоне места хватало на всех. В том числе и на целителя Иесуса.

Вновь шорох в темноте, но уже не такой, как прежде. Дребезг случайно задетой струны. Затем более эстетичные звуки гуслей. Сперва робкие, пробные. Потом более уверенные. И вот уже тихая приятная мелодия потекла над невидимой прогалиной.

— Никогда не думал, что смогу играть в кромешной тьме,— сообщил Михась, продолжая музицировать. Немного помолчал. Заговорил в такт мелодии: — Для чего мы остались здесь? Почему не бросить сатанинскую повозку и быстро назад? Зачем было терпеть весь этот ужас?

— Я должен был убедиться, что смерть нашла именно того, к кому ее отправили.

— Ты старался прилежно выполнить работу, невзирая на то, что Турмаш желал твоей гибели не меньше, чем гибели своего брата. Странный ты человек. Наверное, все платные убийцы со странностями.

— Все вполне закономерно, — возразил Индриг. — Мне нравятся некоторые авары, но в целом это вражий народ. И мое служение Турмашу закончилось на том перекрестке. Сюда я ехал по собственной воле и желал лишь одного — сокрушить врага. Лягнуть оккупанта в мошонку — это ли не высшее удовольствие для воина, стоящее дороже любых дирхемов, солидов и милисариев?

Мелодия стала резче и ритмичнее. Лирика уступила место маршу.

— Здешние простолюды плюют тебе вслед. Князья, рексы и воеводы заочно приговаривают к смерти. За твою голову готовы платить серебром и даже золотом. Тебе следовало бы возненавидеть земли склавиев и все их население. А ты вместо этого... — Михась хмыкнул. — Странный ты человек, Индриг-склавий, прозванный Соловьем-разбойником. Очень странный.

— Кто бы говорил!

Боль в голове утихла, оставив едва заметный ноющий отголосок в затылке. Индриг решил, что теперь может позволить себе движение. Он осторожно сел, готовый в любую секунду встретить новый приступ мигрени. Боль не вернулась. Он выждал еще несколько минут, слушая мелодию, вернувшуюся к лирическому ключу. Затем заливисто и протяжно засвистел. Михась от неожиданности прекратил теребить струны. Индриг свистнул еще раз.

— Тебя за это Соловьем прозвали?

Индриг не ответил.

— Кто они были — эти бесы? — спросил Михась, начиная новую мелодию.

— Их зовут упырями. Очень злобные и опасные твари. Мне доводилось видеть, как волхвы ради научного интереса обращают проклятую кровь в навий и упырей. Но чтобы так! Барбуна могуч и искусен. Такие сильные кудесники, как он, — большая редкость. Зубы одного-единственного волколака превратил в толпу упырей и всех их затолкал в мешок. Могуч, зараза!

— Почему никто ничего не заметил? Мешки выглядели вполне безобидно, пока их не начали развязывать.

— В этом-то и хитрость. Я думаю, Барбуна использовал недосказанное заклинание.

— Проклятие предмета, — сказал Михась, довольный собственными познаниями в колдовской терминологии.

— Можно сказать и так. Я всегда относил недосказанные заклинания к бабкиной ворожбе, чародейству дилетантов. Простейший способ напакостить неугодному соседу. Поднимает человек на улице монетку, или картинку покосившуюся на стене поправляет, или кубок стеклянный от края стола отодвигает, чтобы не опрокинуть ненароком. А на следую-

щий день, глядь, куры передохли, молоко у коров пропало, сам хворый стал, да еще и кошель в рыночной толчее увели. И невдомек такому человеку, что монетка на улице не случайно лежала или картина та же не сама собой покосилась. Совершил действие — докончил чье-то паскудное заклинание. Видишь, как Барбуна приспособил бабкину ворожбу?

Михась что-то промычал, теребя струны, как это обычно делают, подбирая к тексту мелодию. Затем продекламировал:

— Он упырей в мешок запрятал
И заклинание состряпал.
Последней строчкой узел был.
Хагана узел погубил.

— Хм... Надо запомнить. Пригодится для кощуны. Только *«запрятал»* и *«состряпал»* — рифма так себе. Позже переиначу.

— Складно,— одобрительно прокомментировал Индриг.

Вдали прозвучало радостное конское ржание. Индриг встрепенулся и протяжно свистнул. Злодей откликнулся еще более радостно.

— И молвил волк в девичьей шкуре:
«Когда б не хмель от сладкой сурьи,
Не память о полночной ласке...»

Индриг беспардонно прервал сложение кощуны о своем подвиге. Сердце вдруг зашлось.

— Она была здесь?

— Была,— подтвердил Михась.— Ехала по тракту со своими бычками. Не спеша так, разглядывая кусочки, из которых раньше состоял Казима. У телеги остановилась и посмотрела сюда. Прямо на нас, будто видела сквозь все эти ветки.

— Сказала что-нибудь? — с неясной надеждой и сильным волнением в голосе спросил Индриг.

— Что-то по-аварски. Я не понял. А на общеславянском только одну фразу.

— Какую?

— «Ну и делов ты наделал, Соловушка!»

— И все?

— Все. Кивнула своим истуканам и дальше поехала.

Смутная надежда, зародившаяся было в душе Индрига, угасла.

— «Память о полночной ласке» — слишком избито и затаскано, — заключил Михась. — Лучше так:

Когда б не хмель от сладкой сурьи,
Не шепот нежный на рассвете,
Иной была б добыча смерти.

Злодей опять подал голос. На сей раз совсем близко. Уже можно было различить стук копыт. Индриг ответил свистом.

— Если бы она убила тебя, на перекрестке не случилось бы драки. Так?

Индриг молча кивнул, позабыв о том, что Михась не видит в кромешной тьме. Мысли воина целиком заняли воспоминания о Ласковой Роксани.

— Казимины гонцы беспрепятственно сунули бы нос в воеводины подарки и мешок лиха до хагана не доехал?

— Она предвидела это, — со вздохом сказал Индриг.

Злодей бодрой рысью вбежал на делянку, зафыркал, забил копытом, приветствуя хозяина. Следом появились запыхавшиеся Просто Лошадь и Черногрив. Им эта скачка далась с большим трудом, нежели породистому боевому коню. Индриг на ощупь раздвинул ветви, выбрался наружу, обнял за шею Злодея. За спиной копошился Михась, зацепившийся одеждой за сук.

— На рассвете здесь будет Турмаш. Уж точно не упустит случая поглазеть на то, что осталось от нелюбимого братца. Нам с ним встречаться резона нет. — Индриг тяжело забрался в седло. Силы, вытянутые защитной руной, еще долго не восстановятся.

— Куда направишься?

— К Веллевеллу. Надо продать остатки волколака. Заодно обо всем об этом посоветоваться. Барбуна с Турмашом так просто от меня не отцепятся.

— Позволишь с тобой? За компанию?

— Догоняй!

Декабрь, 2007
Ярославль

Андрей Валентинов

ВЫШЕ ТЕЛЕЖНОЙ ЧЕКИ

Глава первая
ХАРПИЙСКИЕ ВОРОТА

— Кей, засада!

Велегост невольно поморщился — сторожевой кмет кричал слишком громко. Парень попал в войско не так давно и, похоже, слегка растерялся. Кей привстал в седле и поглядел вперед. Горы, седловина, узкая дорога ведет в ущелье... Если и быть засаде, то именно здесь.

— Хе? — Хоржак был уже рядом, круглое лицо улыбалось, щерились крупные зубы. Сотник напоминал голодного зверя, почуявшего дичь.

— Погоди! Остановимся...

— Стригунок! Что случилось? — Кейна Танэла, ехавшая впереди, у Стяга, возвращалась, лицо казалось озабоченным, в серых глазах — тревога. — Говорят...

— Харпы! — Велегост улыбнулся как можно беззаботнее. — Помнишь, мы все гадали, как нас встретят? Вот и встречают!..

«Стригунком» — молодым необъезженным жеребенком — он был для старшей сестры с самого детства. Она же, приемная дочь Светлого Кея Войчемира, была для него попросту «апа» — «матушка».

— Кей! Кей!

Хоржак, успевший съездить к передовой заставе, возвращался, желтоватые зубы хищно скалились.

— Говори!

Сотник спрыгнул с коня, потер руки:

— Сотни две. Копья, клевцы, луки, щитов — и тех нет. В общем — мясо! Дай мне четыре десятка...

Велегосту вспомнилось лицо отца. «Не спеши, сынок, не спеши! Харпы — они того, харпы и есть...»

— Пошли человека, — решил он. — Пусть скажет этим медведям...

Сотня спешилась — намечался короткий отдых. Велегост присел прямо на траву, рядом устроилась сестра, а поблизости, словно случайно, оказались шестеро кметов, образовав широкий круг. Охрана, выученная Хоржаком, службу знала. Велегост оглянулся, надеясь увидеть Айну, но девушки рядом не оказалось. Наверное, в передовой страже, она, кажется, еще с утра просилась...

Сестра пыталась завязать разговор, но Велегост лишь покачал головой. О чем говорить? Все и так ясно!

Для сестры он был «Стригунком», для отца и брата «младшим», для матери же — «Кеем Велегостом». Светлая Кейна Челеди не любила сына. Лишь Дий Громовик да Матерь Сва ведали — отчего. Поговаривали в Кеевых Палатах, что не может Челеди забыть первого мужа — славного воителя Кея Сварга, и будто старший сын — тоже Сварг, не от Войчемира, недаром родился через три месяца после свадьбы. И Кейну Танэлу, приемную дочь, не очень привечала, поэтому и сошлись младший брат и старшая сестра.

Любимцем был Сварг — черноволосый, веселый, скуластый. «Огрин» — звали его за глаза, но вслух говорить боялись. В младшем же, всем на удивление, казалось, нет ни капли огрской крови. Старики, помнившие давние годы, шептали, будто Велегост — сколок со своего деда, Кея Жихослава. Впрочем, говорили об этом недолго. После несчастливой охоты, когда разъяренная рысь исполосовала в клочья лицо Кея, его лишь жалели. Тихий мальчик, спокойный, вежливый — ни друзей, ни приятелей. Только сестра да верный Хоржак, которого приставили к маленькому Велегосту с самого детства, дабы хранил и оберегал Кея. Так и жил младший сын Светлого до четырнадцати лет, пока не опоясали его дедовским мечом и не послали в спокойную тихую Тустань. Куда же еще посылать мальчишку — не на полдень же, где, что ни год, появляются румские галеры! И никто не ведал о Меховых Личинах, которые, словно снежная буря, обрушатся на сиверов с полночи, о Битве Солнцеворота и о том, что из Тустани вернется не Стригунок, не тихий мальчик с изуродованным лицом, а Кей Железное Сердце — Меч Ории...

Словно из-под земли, вынырнул Хоржак. Велегост неторопливо встал.

— Хс! — Теперь усмешка сотника была злой. — Они говорят, что это их земля и они не знают никаких Киев. Пропустят, если сдадим оружие. Кей, дозволь!

Велегост еще раз окинул взглядом близкие горы. Не хотелось начинать так, но, видать, доведется...

— Хоржак! Слева — вершина, та, где леса нет. Туда — двадцать стрелков с гочтаками. Справа — ложбина, там, кажется, есть тропа...

— Кей! — Сотник обиженно хмыкнул. — Уж не маленький, догадаюсь! Пленных брать?

По голосу Хоржака было ясно — пленных брать он не собирался. Велегост вздохнул — порой он и сам начинал побаиваться верного слуги. А ведь еще вчера вместе в бабки да салки играли!

— Всех, кто бросит оружие, — сюда. И — старшего! Поглядим, кто все это затеял.

Хоржак недовольно покрутил головой, буркнул: «Есть!» и вскочил на коня. Рядом зашумели кметы, предвкушая близкий бой. Велегост невольно усмехнулся — соскучились! Уже полгода как не обнажали мечи. С той самой ночи, когда упал на снег последний враг в меховой личине.

Десятники негромко отдавали приказы, кметы строились, и вскоре вокруг Кея осталась лишь недвижная охрана. Сам Велегост не спешил. Он уже успел хлебнуть крови и не рвался в первую же схватку. К чему? Еще успеется, этот бой только первый...

И тут впереди послышались крики. Далеко — там, где был враг. Велегост недоуменно переглянулся с сестрой. Атакуют? Эти медведи что, с ума сошли? Рука была уже на уздечке. Миг — и Кей взлетел в седло. Белый огрский конь, подарок старшего брата, нетерпеливо заржал, перебирая копытами. Рядом бесшумно, привычно садилась на коней охрана.

— Жди здесь! — крикнул он сестре и помчался вперед, туда, где кричали.

Дорога расступилась, деревья сменились густым кустарником, и вот впереди показалось заросшее лесом ущелье.

— Кей! — Хоржак оказался рядом, схватил белого за повод. — Гляди!

Из леса выбегали люди — много людей. На них не было доспехов, только длинные меховые куртки без рукавов. Велегост успел удивиться — и не жарко им летом! — но тут

же заметил оружие. У каждого было копье или клевец, кое-кто держал в руках лук, а некоторые имели и кое-что посерьезнее — секиры. Кеевы кметы уже строились, готовясь встретить врага. Стрелки деловито заряжали гочтаки.

— Цельсь! — прошелестело по рядам.

Сейчас враги пересекут невидимую черту — черту Смерти, и рой «капель» из «свиного железа» помчится навстречу. И тут случилось нечто еще более странное — один из бегущих остановился и бросил копье. За ним другой, третий...

— Стой! Не стрелять!

Велегост крикнул, боясь опоздать. Похоже, боя не будет. Рядом недовольно заворчал Хоржак, но Кей лишь мотнул головой. Сдаются! И хорошо, да только непонятно. Почему эти медведи сбежали вниз, почему просто не ушли?

Теперь оружие бросили все — сотни полторы в одинаковых куртках мехом наружу. Войско превратилось в толпу — безоружные парни уныло стояли на солнцепеке, ожидая своей участи. И тут совсем близко, на опушке блеснула сталь.

Стрелки вновь подняли гочтаки, но Велегост жестом остановил кметов. Вот оно в чем дело!

Тех, кто вышел из леса, было немного, десятка четыре, но это была не толпа — войско. Стальные латы, шлемы, длинные мечи и даже, кажется, гочтаки. Кей переглянулся с Хоржаком. Выходит, и здесь нашлись друзья! Интересно, кто?

Один из латников вскочил на коня и помчался вперед, прямо на толпу в мохнатых куртках. Испуганный крик — кто-то упал под копытами, но всадник, не обратив внимания, гнал коня дальше. И тут Велегост с изумлением понял — мальчишка! Лет четырнадцати, не старше.

— Не стрелять! — на всякий случай повторил он и ударил белого каблуком. Всадник был уже близко, и Велегост решил встретить его на полдороге.

— Чолом, Кей!

Из-под стального шлема улыбалось безусое мальчишеское лицо. Велегост улыбнулся в ответ:

— Чолом! Ты меня знаешь?

— Знаю, Железное Сердце! — Глаза мальчишки стали серьезными. — Ты — сын Светлого Кея Войчемира и его наместник!

Велегост невольно дотронулся до изуродованного лица. Да, узнать нетрудно...

— Я Ворожко, сын Добраша, дедич тамги Барсука. Извини, кажется, не дал тебе перестрелять это быдло!..

Он обернулся туда, где толпились сдавшиеся.

— Холопы посмели взяться за колья! Ничего, сейчас живо очухаются! Рада решила не пускать тебя к харпам. Эти скоты вообразили, будто могут приказывать Кеям!

— Рада?

Вспомнилось: дядя Ивор говорил о том, что харпы не очень почитают дедичей и правит ими Рада — сход всех сельских громад...

— Но мы, дедичи харпийские, решили объяснить им, кто хозяин в Крае. Я привел своих легеней, остальные подойдут чуть позже...

Внезапно Велегост понял — вот он, ключ к Харпийским Воротам! Вольные громады не желают пускать наместника из Савмата, но дедичи верны Кеям. Отец рассказывал: так было у волотичей, у сиверов, в Валине. Именно так Кеи покорили Великую Орию.

— Мы, дедичи, никак не можем объединиться, — невесело усмехнулся Ворожко. — Но теперь, когда ты здесь, Кей... Разреши, я разберусь с этим стадом!

Он кивнул в сторону сдавшихся, и в молодых глазах блеснула ненависть.

Велегост поглядел на тех, кто осмелился заступить ему путь. Теперь, вблизи, они казались жалкими — козопасы, пытавшиеся остановить Кеево войско.

— Никого не убивать! Пусть вернутся домой — и всем расскажут!

* * *

Лагерь разбили тут же, возле ущелья. «Легени» Ворожко заняли проход, но Велегост распорядился выставить и свои посты. Береженого и Дий бережет! В чужой земле нельзя верить никому.

Возле костров почти никого не было. С ужином покончили быстро, и теперь вся сотня, оставив часовых, разбрелась по опушке. Велегост остался; не хотелось ни гулять, ни разговаривать — даже с Танэлой.

...Ранней весной, когда по велению Светлого Кей Железное Сердце привел свои войска из далекой Тустани, из-

за Денора пришла нежданная весть — Великий Хэйкан Тобо-Чурин, сын Алая, тяжко болен. И сразу же стало ясно: начинается что-то необычное — и очень важное.

Прежде всего в Савмат приехал Сварг. Старший брат в последнее время редко бывал в родных краях, месяцами пропадая у своих огрских родичей за Денором. Велегост догадывался — не зря. Боги не даровали детей Тобо-Чурину, и Белый Шатер мог опустеть в любой день. Кей Сварг, сын Челеди, внук Великого Хэйкана Ишбара устраивал всех — и огров, и сполотов. Об этом шептались давно, но вскоре стало ясно, что Белый Шатер — только начало. «Огрин» целыми днями беседовал с матерью, звал на совет Кеевых мужей, говорил с отцом, и вскоре по Палатам пронесся слух: Светлый Кей Войчемир завещает Железный Венец старшему сыну, чтобы тот смог править по обе стороны Денора.

Так ли это, Велегосту узнать не довелось. Его вызвал отец, но разговор пошел не о Белом Шатре и не о Венце. Младшего сына, только что прославившего свой меч в Битве Солнцеворота, отправляли на край земли — к харпам. И не одного — вместе со старшей сестрой, с единственной из семьи, кто мог поддержать его в споре за Венец.

Всю дорогу они говорили об этом с Таиэлой, и апа, как могла, успокаивала младшего брата. Но обида не проходила, становясь все сильнее. Велегост хорошо помнил, что случалось с теми, кто проигрывал спор. Дед Жихослав, дядя Рацимир, дядя Валадар, дядя Сварг, дядя Улад... Отец выжил чудом. А что ждет его? На чью милость может рассчитывать Кей Железное Сердце? Матери? Брата?

Один раз, не выдержав, Велегост заговорил об этом с Хоржаком — и тут же испугался. Сотник, внезапно став очень серьезным, без привычных шуточек и ухмылок заявил, что Кеевы мужи в Савмате не хотят «Огрина», не желают, чтобы давние враги из-за Денора правили в столице. А главное, этого не хочет войско. И стоит Велегосту намекнуть...

Кей велел Хоржаку замолчать, но разговор запомнился. Стоит ему намекнуть... И дядя Ивор тоже говорил об этом!

— Кей!

Хоржак, легок на поминс, вежливо кашлянул, а затем самым невинным тоном поинтересовался, ставить ли Кею шатер.

В эти теплые ночи Велегост спал просто на траве, завернувшись в плащ. Но в шатер к нему могла прийти Айна...

Не дождавшись ответа, Хоржак хмыкнул и, обернувшись к охране, строгим голосом велел ставить два шатра. Велегост уже знал — шатер для сестры поставят подальше. Хоржак умел предусмотреть даже это. Он был догадлив, друг детства, и от этой догадливости Велегосту порой становилось не по себе.

— Кей! Я притить!

Велегост усмехнулся — Айна не говорила, она докладывала. После таких слов так и хотелось скомандовать «Вольно!».

— Садись! Ну, как там?

Он всегда задавал этот не особо понятный вопрос, с интересом ожидая, что ему ответят на этот раз.

— Порядок имеет, Кей. Жалеть я только, что воевать сегодня нет. Соскучить...

Айна присела рядом — маленькая, худая, похожая на двенадцатилетнего мальчишку. Но Велегост помнил, какая она в бою. Чего удивляться? Не простая девушка — поленка!

...Тогда, прошлой зимой, он глазам своим не поверил, когда из заснеженного леса, наперерез войску, вылетели всадницы. Много, не сотня, не две. У кметов отвисли челюсти — о таком они слыхали только в сказках. Велегост и сам немало слышал о поленках — девах-альбиршах, живущих где-то на полночи, но в это не очень-то верилось. За четыре года, пока он правил в Тустани, о поленках не было ни слуху ни духу, и он окончательно решил, что это — только давние легенды. И вот теперь...

Альбирши разворачивались в лаву, пытаясь обхватить войско с флангов. Впереди, на черном как смоль коне, мчалась высокая женщина в сверкающих латах с конским хвостом на шлеме. В воздухе свистнули стрелы...

К счастью, обошлось без боя. Удалось договориться — поленки сами боялись Меховых Личин и согласились пропустить Кеево войско через свои владения. Сотня невысоких скуластых девушек присоединилась к Велегосту. Кей улыбнулся, вспомнив, как кметы поначалу перемигивались и пересмеивались, но вскоре смех стих. Поленки дрались отчаянно — и столь же отчаянно царапали рожи тем, кто

на привалах пытался подойти слишком близко. Впрочем, пару раз в ход пошли сабли. Кметы поутихли и стали поглядывать на своих новых товарищей с некоторым страхом.

После Ночи Солнцеворота те, кто уцелел, вернулись в свои леса. Но Айна — скуластая неулыбчивая девушка со странным именем — осталась. Велегост так и не понял почему. Как не мог взять в толк, чем он приглянулся маленькой альбирше. Иногда думалось, что ей просто приказали. Не Хоржак ли? С него станется!

— Мне уйтить? Кей размышлять? — Голос девушки был по-прежнему холоден и бесстрастен, и Велегост рассмеялся:

— Кмет Кеева войска Айна! Приказываю остаться. Только не вздумай отвечать: «Слушаюсь, Кей!»

— Слушаюсь, Кей. Не буду!

Велегост знал — Айну не переспорить. Да и к чему спорить? Кей дотронулся до того, что у других людей было лицом, и грустно усмехнулся. Девушка приходит к нему по ночам — и хвала Матери Сва! Днем бы... Днем бы он просто не смог взглянуть ей в глаза.

— Я соскучить! — строго повторила Айна. — Я соскучить по война. Я соскучить по наши леса. Я соскучить по Кей Велегост!

Такое можно было услышать не каждый день. Почудилось даже, что бесстрастный голос поленки дрогнул. Велегост хотел переспросить, но руки девушки уже обнимали его. Кей еще успел подумать, что ни разу, даже тогда, когда ни о чем не помнишь, Айна не дотронулась до его лица...

* * *

Мапа никуда не годилась. Харпийские Ворота были еще обозначены, а вот дальше шла пустота. Где-то посередине два маленьких домика изображали Духлу — главный город харпов. Впрочем, Кей уже знал, что Духла — даже не город, просто поселок, городов в этих диких краях не было. Те, кто составлял мапу, рисовали вприглядку, наобум. Велегост вздохнул. Хорошо, что и здесь нашлись друзья! Без них в этих горах делать было бы нечего.

Кей встал и выглянул в маленькое, похожее на бойницу окошко. Улица, совершенно пустая еще час назад, теперь была полна народу. Велегост усмехнулся — выползли! Ну кроты!

Поселок они взяли после полудня. Обошлось без боя — закрытые ворота просто вышибли бревном. Никто не пытался сопротивляться. Те, кто жил здесь, словно провалились сквозь землю. А жили не бедно. Дома были построены прочно, на каменной основе, балки украшены затейливой резьбой, внутри же оказалось полно брошенного в спешке добра — даже золотые украшения дивной алеманской работы.

Кей строжайше запретил что-либо трогать. Расположив отряд в большом доме у главного майдана, он решил ждать. И дождался — люди появились. Интересно, где они прятались?

Теперь маленькое войско Велегоста увеличилось вдвое. За перевалом, как и обещал Ворожко, к нему присоединилось еще шесть десятков кметов, приведенных тремя окрестными дедичами. Эти трое были в годах, но, к удивлению Кея, во всем подчинялись сыну Добраша, который время от времени принимался даже покрикивать на своих соседей. Юный дедич тамги Барсука оказался и в самом деле важной персоной.

Ворожко и указал Кею на этот поселок, называвшийся как-то странно, то ли Мегеш, то ли Негеш, пообещав, что можно будет обойтись без боя. Так и вышло.

Дверь скрипнула, Кей поднял голову и улыбнулся:

— Апа? Ну, что видела?

На сестре была сверкающая румская кольчуга. На этом настоял сам Велегост — в чужих краях рисковать не хотелось. Шлем Кейна надевать категорически отказалась, и теперь светлые волосы свободно падали на плечи, до самого пояса. Косы Танэла заплетать не любила.

— Уже торгуют.— Сестра усмехнулась и присела на лавку.— Все как у нас, только побогаче.

Заметив удивленный взгляд брата, она поспешила пояснить:

— Дома́ ты сам видел. В таких у нас только дедичи живут. И еще... У девушек — золотые бусы, у парней — серебряные фибулы. Никто не носит лаптей...

Кей кивнул — сестра имела острый глаз.

— Отец говорил: «Ищи лапотников!»,— усмехнулся он.— Боюсь, с этими будет непросто. Войт появился?

— Прячется! Ворожко послал своих парней, но тот — как сквозь землю. Говорят, Рада поручила ему оборонять Мегеш...

— ...А он спрятался. Интересно, что сейчас делается в Духле?

Танэла хотела что-то сказать, но не успела. Дверь снова скрипнула — на пороге стояла Айна. Велегост еле сдержался, чтобы не вскочить, но скуластое лицо поленки казалось холодным и невозмутимым. Сейчас она была просто кметом — кметом, несущим стражу у порога.

— Молодой бачка притить, — низким, чуть гортанным голосом доложила она и вопросительно взглянула на Кея.

Сполотский поленке давался с трудом. Впрочем, Велегост научился ее понимать. «Бачка» — «господин». Не Ворожко ли?

— Пусти!

Это действительно оказался Ворожко — веселый, ухмыляющийся.

— Поймали, Кей! — с порога сообщил он. — Взяли!

— Войта?

Юный дедич мотнул головой:

— Извир с ним, с войтом! Дочку самого Беркута поймали! Эту дрянь, эту...

Тут он заметил Кейну и слегка покраснел.

— Поймали, это хорошо, — усмехнулся Велегост. — А теперь давай по порядку. Кто такой Беркут и зачем нужно ловить его дочь?

— Беркут? — Дедич явно изумился. — Беркут — Старшой Рады! Этот старый мерзавец, эта гадюка...

Укоризненный взгляд Танэлы вновь заставил парня покраснеть.

— Ну, в общем... Мы ее около твоего дома взяли. Лазутчица! И меч при ней был. Кей, дозволь с ней разобраться! Я у этой стервы ремни из спины нарежу. У нашего рода с Беркутом счеты старые!

Брат и сестра переглянулись. Велегост понял без слов — «разбираться» надо самому.

— Сюда ее! — строго приказал он. — И оставь нас одних!

Дедич исчез, и на пороге вновь появилась Айна. В руках она держала меч — короткий скрамасакс в дорогих, отделанных серебром ножнах. Положив меч на стол, поленка вышла и тут же вернулась — но не одна.

В первый миг Кею почудилось, что перед ним мальчишка, немногим старше сына Добраша. Наверное, виной

тому были уже знакомая куртка мехом наружу и высокие сапоги с широкими голенищами. Да и лицо у пленницы было мальчишеское, если бы не яркие тонкие губы — и не глаза. Большие синие глаза, глядевшие на Кея с неприкрытой ненавистью. На щеке краснела свежая царапина, руки скручены за спиной — дочь Беркута явно не хотела сдаваться без боя.

Велегост вздохнул — вот и разбирайся! Он вдруг увидел себя глазами этой девушки. Она наверняка ожидала увидеть страшилище. И не ошиблась...

— Ты — дочь Беркута?

В синих глазах сверкнул вызов.

— Я — дочь Беркута, сполот! Я пришла, чтобы умереть за нашу свободу. Сейчас я умру — но ты тоже умрешь! За меня отомстят. Харпы никогда не склонят голову!

Ее голос звучал под стать словам, но в конце предательски дрогнул. Похоже, девушке все-таки очень не хотелось умирать.

Сбоку послышался вздох — Танэла грустно улыбнулась и покачала головой. Велегост взглянул на сестру, кивнул и вновь нахмурил брови.

— Имя!

Тон подействовал. В синих глазах мелькнул страх.

— Стана... Дочь Беркута.

— Зачем ты здесь?

Стана гордо вздернула голову:

— Отец приказал узнать численность твоего войска, сполот. И, если удастся, убить тебя!

— Ну и батюшка у нее! — негромко проговорила Кейна по-огрски. — Я бы дочку на такое не послала!

Велегост вновь кивнул, выждал несколько мгновений.

— Ну и как?

— Можешь делать со мной, что хочешь! Я слыхала, на что способны сполоты. Вы, убийцы и грабители, пришли, чтобы уничтожить нашу землю! Но я не боюсь — ни петли, ни меча, ни огня. Не надейся — не закричу!

— Кто же их так запугал? — удивилась Танэла. — Ведь мы им ничего не сделали!

— Не наш ли дядя из Валина? — отозвался Кей. — Помнишь, он все предупреждал, какой здесь дикий народ?

Стана прислушивалась к непонятным огрским словам, лицо оставалось бесстрастным, но в глубине глаз вновь мелькнул страх.

— Итак, ты решила убить человека, которого даже не знаешь? Думаешь, ты поступаешь благородно, Стана, дочь Беркута?

И тут девушка испугалась по-настоящему. Губы дрогнули, в глазах блеснули слезы...

— Брат! — снова вмешалась Кейна, и Велегост легко ударил ладонью по столешнице:

— Стража!

При этом слове Стана побледнела и отшатнулась к стене. Вошедшая Айна вопросительно взглянула на Кея.

— Развяжи, — вздохнул он. — Только руку не выверни!

Поленка кивнула, взяла девушку за плечо и покачала головой. Похоже, «легени» Ворожко перемудрили с узлом. Айна взяла со стола скрамасакс, вынула из ножен и подошла к пленнице. Та испуганно подалась в сторону. Поленка вновь схватила ее за плечо и легко взмахнула мечом. Стана жалобно вскрикнула, и Велегосту стало жаль несостоявшуюся героиню.

— Вот так! — заметил он удовлетворенно. — Я тебя выслушал, Стана, дочь Беркута. Теперь послушай меня. Ты и твой отец ошиблись. Мы — не убийцы и не грабители. Все! Сейчас тебя накормят — и отпустят на все четыре стороны.

Теперь оставалось ждать. В синих глазах по-прежнему был ужас, но вот что-то изменилось, страх сменился изумлением, легко дрогнули губы:

— К-как?

— А так! И меч не забудь. У меня свой есть — получше.

И тут случилось то, чего Кей не ожидал. Стана неуверенно взглянула на лежавший на столе скрамасакс и вдруг решительно топнула ногой:

— Но я не хочу! Я не ребенок!

— Домой не хочешь?

Внезапно Велегосту стало весело. А девчонка-то с характером! Молодец, девчонка!

— Я должна... Отец приказал...

— Разведать? — усмехнулся Кей. — В моем войске двести двенадцать человек. Отсюда мы пойдем прямо на Духлу. Что еще хочешь узнать?

— Но... — Девушка осторожно прикоснулась к рукояти скрамасакса. — Отец приказал... Ведь ты — Кей Железное Сердце?

— Хочешь меня убить?

Взгляд синих глаз неуверенно скользнул по его лицу.

— Но ты ведь Кей Железное Сердце! Тот, кто пришел уничтожить нашу свободу, сжечь наши села! Или...

— Меня зовут Велегост. — Рука невольно коснулась щеки. — Извини, если мое лицо тебя напугало.

— Лицо? — Девушка явно смутилась. — У тебя... У тебя самое обычное лицо, Велегост! Но ведь ты... не Железное Сердце?

— А кто он, этот Железное Сердце? — осторожно поинтересовалась Танэла.

Глаза Станы сверкнули синим огнем.

— Разве ты не знаешь? Это враг всех племен Ории! Он сжег землю сиверов, уничтожил их села, отдал их девушек на поругание своим волкам. И теперь он идет к нам. Он... Он старый, страшный, как болотный упырь, жестокий, в каждом городе он приказывает кметам искать самых красивых девушек и тащить к нему в логово...

Велегост вновь провел рукой по лицу. Логово! Неплохо придумано! Разве что насчет «старого» промашка вышла.

— Ты, Велегост, служишь ему?

Девушка спрашивала столь серьезно, что Кей не выдержал и усмехнулся, хотя в этот миг было не до смеха.

— Нет. Я не служу этому... упырю. Тебе рассказал отец?

— Отец? — Стана явно удивилась. — Нет, об этом знают все харпы! К нам приехал посланец из Валина от самого Палатина Ивора, он выступал на Раде, и отец...

— Ясно...

Говорить больше было не о чем. Кей заметил, как побледнело лицо сестры. Они так верили Великому Палатину! Велегост вспомнил, как в детстве ждал приезда «дяди Ивора». Тот всегда появлялся с подарками — красивый, широкоплечий, веселый. Он умел нравиться — и убеждать. Отец, Светлый Кей Войчемир, до сих пор верит своему наместнику...

— Ты свободна, Стана, — вздохнул он. — Делай, что хочешь! Меч забери...

— Меч? — Девушка неуверенно прикоснулась к скрамасаксу. — Но он мне больше не нужен! Я... Я должна была

убить врага харпов, а вовсе не... Извини, Велегост, если я обидела тебя и твою...

— ...Сестру,— подсказала Кейна.— А у тебя есть сестры, Стана?

Хоржак уже несколько раз заглядывал в дверь, всем своим видом намекая, что самое время обедать, но Велегост лишь нетерпеливо отмахивался. Сотник разводил руками и исчезал — до следующего раза.

— Может, пообедаем, Стригунок? — вздохнула сестра.— Все равно когда-то надо и обедать.

— Сыт,— грустно усмехнулся брат.— Сыт по горло, апа. Вот тебе и добрый дядюшка Ивор! Говорил я тебе!..

— Но почему? — Кейна встала, дернула плечом.— Ивор предлагал тебе союз. Предлагал руку дочери...

— Палатин хорошо играет деревянными фигурками, апа! Знаешь, есть такая игра, Смерть Царя? Там надо считать ходы, и он, похоже, неплохо выучился. Ведь что выходит? Когда дядя Улад погиб, а отец был у огров, Ивор правил в Савмате. Один!

— Но... Он же не мог стать Светлым! — перебила сестра.— Только наша семья...

— Да! Могу представить, что он чувствовал, когда встречал отца у Огрских ворот! Но Ивор не прогадал, отец даровал ему Великое Палатинство в Валине. Ты знаешь, Великий Палатин может передавать свою власть по наследству...

— Но у него нет сына,— вновь вмешалась Кейна.— Только дочь!

Велегост зло усмехнулся:

— Боги завистливы, апа! Валинские дедичи не потерпят эту носатую...

— Брат!

— Ладно, ладно, эту красавицу с плечами, как у Кея Кавада. Ты заметила, ей двадцать, а отец не спешит выдавать дочурку замуж. Теперь понимаешь, почему? Он хочет, чтобы его зять стал Светлым, и тогда Савматом будут править его внуки! Вернее, он сам — ему-то сейчас едва сорок...

— Поэтому...— Кейна задумалась.— Он узнал, что отец хочет передать престол Сваргу, и решил...

— ...Помочь мне. Сварту-то, скорее всего, пайдут невесту за Денором. Вот он и начал хлопотать. Сосватать носатую

за урода! Но я, как помнишь, апа, стал крутить носом... Точнее, тем, что у меня от носа осталось. И вот тогда он решил слегка меня подтолкнуть. Если харпы начнут войну, мне понадобится помощь. А кто мне сможет помочь, кроме доброго дядюшки Ивора? Не зря он набрал три новые сотни! Я поклонюсь, тогда он подведет меня к своей доченьке...

Кей не договорил и умолк. Танэла резко встала, светлые волосы рассыпались по плечам.

— Надо сообщить отцу. Он должен знать!

— Сначала надо разобраться с харпами, — вздохнул брат. — Иначе мне все равно придется обратиться к Ивору. Он прав — если старший наденет Железный Венец, нам с тобой понадобится помощь. Ты же помнишь, что началось, когда умер дед...

И вновь воцарилось молчание. Внезапно Кейна улыбнулась:

— Если бы Беркут был Ксем — или великим дедичем харпов... Ты бы просто женился на этой девочке, и все бы решилось. Беркут не глупее дяди Ивора. К тому же Стана, по-моему, тебе понравилась. Во всяком случае, с носом у нее...

— Ты что? — Велегост растерянно поглядел на сестру. — Она же... Она же красивая!

* * *

Дорога вилась по ущелью. Вокруг было тихо, горы дышали покоем, от близкого леса веяло прохладой, и казалось, ничто не может нарушить сонную тишь этих забытых богами мест. Но люди были настороже.

— Кей, на горе пастухи! Трое!

Велегост прикрыл глаза ладонью, чтобы лучи Солнца — Небесного Всадника — не мешали видеть. Все верно: стадо, рядом три маленькие фигурки. Правда, один Дий да Матерь Сва ведают, что у этих пастухов на уме.

— Там летнее пастбище, — подсказала Стана. — Тут поблизости село...

Девушка ехала рядом с Велегостом, бок о бок. Теперь на ней, вместо нелепой куртки не по росту, были нарядное платье и легкий плащ с узорной румской заколкой. Об этом позаботилась Танэла. Сама Кейна ехала чуть сзади, без слов уступив свое обычное место гостье.

— А у твоего отца много овец? — Кей искоса взглянул на девушку.

— Много! — Стана вздохнула и начала загибать пальцы. — Два... Четыре... Восемь! Восемь стад! И еще козы. И коровы, только не здесь, а в долине.

— Небедно живете! Любому дедичу впору!

Он шутил, но девушка оставалась серьезной:

— Мой отец — не дедич, он — свободный харп! Мы все свободные. У нас даже холопов нет!

— А кто же стада пасет? — хмыкнул Велегост.

Он уже знал немало и о харпах, и о семье старого Беркута. Две жены, пятеро сыновей и четыре дочери. Стана — младшая, любимая.

— Закупы, конечно! — удивилась девушка. — Те, кто задолжал отцу. Они очень стараются. Отец их даже не порет, разве что иногда...

Хотелось поинтересоваться, чем закупы старого Беркута счастливее холопов, но Кей сдержался. Девушка прожила всю жизнь в глухих горах, и эта жизнь казалась ей единственно возможной и единственно правильной.

— Почему ты спрашиваешь, Велегост? У вас, в Савмате, иначе?

— Немного. — Он вновь не смог сдержать улыбки.

— А как? А, знаю! У вас правят злые Кеи! Они отбирают у селян овец и насилуют их жен. У нас тоже так было. Дедич мог прийти на свадьбу и увести невесту... Ну, это неинтересно! Так что там у вас, в Савмате, расскажи!..

Иногда Велегосту казалось, что девушка тоже слегка подшучивает над ним, но каждый раз он убеждался — Стана спрашивает всерьез. И неудивительно! Савмат для нее, что земля Чуго или Алатырь-остров — то ли есть он, то ли просто выдуман.

— Савмат... — Велегост задумался. О чем тут расскажешь? Не о матери же, не о брате Сварге!

— У нас в Савмате стены каменные строят. И вежи. Высокие — как три дерева.

— Каменные? — поразилась девушка. — А зачем? У вас там деревья не растут, да? Я слыхала, что есть места, где ни леса, ни гор.

Синие глаза горели любопытством, и Велегост не мог поверить, что совсем недавно эта девушка сжимала в руке

скрамасакс, надеясь убить страшного и злого «старика» с железным сердцем. Теперь перед ним был ребенок — наивный, искренний. Ну и заморочили же девчонке голову!

Когда вопрос о каменных вежах был, плохо ли, хорошо, разрешен, Стана, временно потеряв к Савмату всякий интерес, замолчала, а затем принялась что-то тихо напевать. Велегост прислушался — эту песню он не знал.

— О чем ты поешь?

— А ты не знаешь? — вновь удивилась она. — Это весенняя песня, ее поют, когда прилетают первые ласточки. Но ты, наверное, не поймешь, Велегост, она на нашем наречии...

Странное дело, Стана говорила по-сполотски почти без ошибок. Похоже, Ксеву власть в этих краях еще не забыли.

— А ты спой! — попросил он. — Может, и пойму.

— Ну... — Девушка задумалась. — Когда мы видим ласточку, то садимся в круг и... Ну, в общем...

На миг она смутилась, затем усмехнулась и негромко запела:

— Птахо-весняпко,
Прилети к нам зранку,
Неси, пташко, пирья
На мое подвирье,
Принеси ты сонэчко
У мое виконэчко.
Щоб усэ проснулося,
Щоб зима минулася.
Зийды, зийды сонэчко,
На татове полэчко,
На бабино зиллячко,
На наше подвирьячко,
Над вишнею, над сливою,
Щоб я була щасливою!

Велегост закрыл глаза. Ярко светит Небесный Всадник, красивая девушка поет о первой ласточке... Наверное, они тут счастливы, в этих горах. А он в детстве и не пел почти — разве что о войне. И почему в Савмате так много поют о войне? Ведь и в Савмат ласточки прилетают!..

— Кей! Ушелье!

Голос Хоржака заставил очнуться.

— Узко, Кей! Как бы чего...

Велегост оглянулся. Слева и справа — крутые голые склоны, наверху — зеленая стена леса...

— Ничего не видно, Кей. — Сотник с сомнением помотал головой. — Но...

— Ты прав.

Велегост вновь оглянулся. Его маленькое войско растянулось на много сотен шагов. И неудивительно — половина тех, кого привели дедичи, пешая, да еще дюжина возов с припасами.

— Конницу — рысью! Нападут — в галоп, в бой не вступать. Соберемся на другом краю. Вперед!

Солнце исчезло. Прохладная сырая тень укрыла отряд. Люди замолчали, осторожно осматриваясь. Вокруг стояла странная неживая тишина, и Велегост мельком отметил, что замолчали птицы. Не залетают? Или... спугнули?

О чем-то спросила Стана, но Кей лишь покачал головой. Не время! Отряд рысил быстро, но пешие отставали, а ущелье тянулось дальше, склоны становились круче...

— Там! — Хоржак вновь оказался рядом, рука с зажатой в ней плетью указывала куда-то вверх.

Велегост всмотрелся — у опушки мелькнула маленькая фигурка. Пастух? Но что ему тут делать, без стада?

Хоржак махнул рукой, и охрана со всех сторон окружила Кея. Велегост посмотрел назад — пешие отставали все сильнее, один из возов и вовсе остановился.

И тут послышался легкий шелест. Маленький камешек катился вниз по склону. За ним — другой, третий...

— В галоп!

Кей выхватил из-за пояса плеть и что есть силы хлестнул коня по теплому вспотевшему боку. Скорее!

...Камни, огромные серые валуны, неровные, в темно-зеленых пятнах мха, появились словно из воздуха — или из сырых земных глубин, будто кто-то бросил на край ущелья огромное серое ожерелье. Но ожерелье не лежало на месте — невидимая нить лопнула, дрогнула земля. Серые камни медленно, словно нехотя поползли вниз...

— Скорей! Скорей! — Кей гнал коня, стараясь не смотреть вверх, не слышать нарастающего гула, эхом отдающегося в ушах. Надо успеть! Конец ущелья уже виден, вот он — за двумя высокими скалами. Только бы не распался

строй, не попал под копыта лошади камешек-предатель! Пару раз Велегост поглядывал вправо — Стана мчалась, как стрела, распластавшись на шее своей каурой кобылы. Дорога сужалась, и просто чудо, что кметы до сих пор не сбились в кучу, не сломали ряды...

Ущелье заполнил грохот — валуны были уже близко. Откуда-то сзади, где осталась пехота, послышался отчаянный крик. Оглядываться было некогда. Краем глаза Велегост заметил огромный камень, катящийся слева, прямо по ходу. Свистнула плеть. Огрский скакун не заржал — закричал и ударил копытами по пыльной дороге...

И тут снова крик — человеческий, негромкий, полный отчаяния. Еще не веря, надеясь на чудо, Велегост посмотрел вправо — и похолодел. Стана исчезла.

Рассуждать было некогда. Велегост бросил взгляд на катившуюся сверху смерть — и резко рванул удила, бросив коня вправо. Белый взвился свечкой, и на какой-то миг Кею показалось, что все кончено. Сейчас они упадут, конь навалится на него потным боком, а через мгновение серый валун размажет их по пыльной дороге... Но конь не упал. Резко выпрямившись в седле, Велегост бросил взгляд назад. Вначале он увидел лишь дорогу — и ряды всадников. Мимо промчался серый конь Танэлы, и Кей успел порадоваться, что сестра не заметила его. А камни были уже близко, совсем рядом. Стана! Где же она?

Сначала он увидел коня — тот лежал на боку, дергая гривастой головой и пытаясь встать. А рядом...

Вновь свистнула плеть. Велегост пустил коня по склону, чтобы не столкнуться с теми, кто мчался по дороге. Сзади мягко прошелестела каменная громада, еще один валун проборонил неровный склон прямо перед мордой коня. А сверху катились все новые камни, и Велегост помянул Сва-Заступницу. Он жив. Он должен успеть!

Девушка лежала на земле. Увидев Кея, она попыталась приподняться, подняла руку... Плеть полетела в сторону. Велегост резко наклонился, рука вцепилась в ткань платья. Есть! Белый заржал, почуяв двойную ношу, и Велегост что есть силы ударил коня каблуком. Сзади гулко ударился о землю огромный валун. Еще один лежал на дороге, и Кей успел бросить коня влево. Но валуны преграждали путь, а сверху катились новые бусины лопнувшего серого ожерелья. Веле-

гост услыхал стон лежавшей на седле девушки, закусил губы — и тут чья-то крепкая рука схватила коня за повод. Рывок — и они уже мчались, забирая все выше по противоположному склону, подальше от дороги, от серой смерти, катящейся с вершины.

Мелькнули скалы, кто-то бросился к коню, и Велегост почувствовал, что падает. Но упасть не дали — подхватили, опустили на землю, рядом уложили слабо стонущую Стану. Кей нашел в себе силы усмехнуться. Жива! Он все-таки успел!

— Стригунок!

Над ним склонилась Танэла, но Велегост уже пришел в себя:

— Все в порядке, апа! Все живы!

Он встал, помотал головой, прогоняя только что пережитый ужас, и оглянулся. Со Станой, кажется, все в порядке, девушка открыла глаза и даже улыбается. Ну и повезло же им! Нет, не повезло! Кто же выручил, кто так вовремя направил его коня?

— Хе! — Хоржак был уже рядом, довольный, ухмыляющийся, и Велегост улыбнулся в ответ:

— Кто?

— Догадайся, Кей! — Сотник внезапно подмигнул и кивнул в сторону.

Велегост оглянулся. Маленькая Айна стояла отвернувшись и гладила по шее взволнованного дрожащего коня.

— Она?! — Кей рванулся к девушке, но почувствовал на плече руку сотника.

— Не спеши, Кей! Потом...

Велегост кивнул — охрану не благодарят, охрана выполняет свой долг. Да и не время. Он жив, жива Танэла, жива синеглазая девушка. А остальные?

...Кей ошибся — выжили не все. Трое его кметов погибли, еще четверо ранены, но сотня отделалась легко. Тем, кто был сзади, пришлось туго. Треть тех, кого привели дедичи, превратилась в кровавое месиво, а от возов остались одни щепки. Об этом рассказал Ворожко, бледный и злой, как Извир. Его конь сломал ногу, под левым глазом у парня краснела ссадина, и юный дедич хотел одного — мести.

— Еще не время. — Велегост заставил себя улыбнуться. — Так сколько осталось до Духлы?

* * *

Айна легкой тенью проскользнула в шатер и, не сказав и слова, присела в углу. Велегост хотел подойти к девушке, но не решился. Вечером он уже пытался поговорить с ней, поблагодарить, но поленка не пожелала слушать.

— Айна! Что с тобой?

— Я больше к тебе не притить, Кей Велегост!

Сердце упало. Ну конечно, зачем он ей!..

— Я тебе не нравить, Кей Велегост! Ты смотреть на красотку с синим глазами! Ты ее спасать. Кей не должен спасать всякая девка!

Велегост чуть не ахнул. Так вот оно что! Стана! Маленькая альбирша просто ревнует!

Он подошел ближе, сел рядом, обнял девушку за узкие крепкие плечи:

— Она гостья, Айна! Гостей нельзя бросать.

— Гостья! — Поленка фыркнула. — Гостья с мечом притить...

Она всхлипнула, и Кей понял, что бесстрашная альбирша сейчас заплачет. Он осторожно дотронулся до ее щеки, погладил, коснулся губами.

— Кмет Кеева войска Айна! Я запрещаю тебе меня бросать. Я запрещаю тебе думать о синеглазых красотках!

Айна вновь всхлипнула и уткнулась лицом ему в плечо.

— Если... Если она приходить к тебе в шатер... Я ее убить! Я ее...

Велегост покачал головой. Поленка! А ведь действительно — убьет!

— Она не придет сюда, Айна! Ты же знаешь, ни одна девушка никогда меня не полюбит. Кроме тебя, наверное. Я — чудище, урод...

— Ты! Не говорить так! Не говорить, Кей...

Обида была забыта, девушка прижалась к нему, обняла?

— Не говорить так, мой Кей. Ты — самый красивый. Ты самый красивый для я! Ты...

Велегост улыбнулся, но улыбка получилась невеселой, благо в шатре было темно. Красивый! Она приходит к нему ночью. Она даже не касается его лица...

— Иди ко мне,— прошептал он и вдруг подумал о Стане. Нет, сюда синеглазая не придет. И на сердце вдруг стало горько.

* * *

Луна еще не взошла. Вокруг стояла тьма, даже звезды исчезли, скрытые густым пологом леса. Под ногой хрустнула сухая ветка, и Велегост по привычке замер, но тут же заставил себя успокоиться. Он не в бою и не в разведке. Он просто идет в гости.

— Не спеши, Кей. Успеем!

Хоржак, как всегда, был рядом — спокойный, веселый.

— Пусть старикан поскучает. Невелика птица!

— Почему — невелика? — усмехнулся Велегост.— Беркут все-таки.

...Два дня пути, минувшие после страшного камнепада, прошли совершенно спокойно, а на третий, рано утром, отряд встретили посланцы Беркута. Трое молодых парней в привычных безрукавках, но не меховых, а из дорогой ткани, шитой бисером, склонились в поклоне и передали приглашение. Старшой Рады ждал Кея Велегоста на Поляне Волатов.

— Кажется, здесь...

Хоржак знаком велел Кею обождать, прошел вперед по узкой тропинке и тут же вернулся.

— Костер. Возле него — двое. А что дальше — и не видать. Эх, Кей, охрану надо было брать, говорил тебе!

Деревья расступились, вдалеке блеснул огонек. Кей шагнул вперед и невольно остановился. Поляна Волатов! Вот, значит, почему!

Сначала он увидел стены, вернее, то, что от них уцелело. Тьма скрывала детали, но даже в темноте можно было заметить громадные, в рост человека, камни. Это были не глыбы, не бесформенные валуны — чьи-то руки аккуратно обтесали темный гранит, камни лежали впритык, гладкие, полированные, между ними нельзя было вставить даже лезвие кинжала. Велегост прошел чуть вперед, дотронулся рукой до холодной, остывшей за день поверхности. Стена, рядом еще одна. Дом? Нет, таких домов не бывает, скорее вежа. Кей прикинул, какой высоты она могла быть, и невольно покачал головой. Да, такое только волатам под си-

лу! Стены уходили за край поляны, в лес, и стало ясно, что все это погибло очень давно, много веков назад, и на руинах теперь стоят столетние сосны.

Возле костра, как и говорил Хоржак, были двое. Кто-то высокий, худой — и девушка. Неужели Стана?

Он отпустил дочь Беркута вместе с посланцами. Стана возражала, ей хотелось прибыть к отцу вместе с отрядом, но Кею хотелось, чтобы Беркут, прежде чем они встретятся, поговорил с дочерью. Пусть послушает, что она скажет.

После случая в ущелье Стана долго не могла прийти в себя. Девушке казалось невероятным, что кто-то пытался убить их всех. Она горячилась, пыталась уверить, что это — страшная случайность, нелепица. Ведь с войском была она, отец не мог приказать такое! Похоже, дочь Беркута быстро забыла, зачем сама приехала в Мегеш. Велегост не спорил. Пусть спросит отца, может, и польза будет!

Костер был уже рядом. Их заметили, высокий остался на месте, а та, другая, шагнула вперед.

— Велегост, здравствуй!

Сердце дрогнуло. Стана! Все-таки пришла!

— Отец ждет. Пойдем!

Рядом заворчал Хоржак, но Кей жестом велел ему обождать. Опасности нет, иначе старик не пришел бы с дочерью.

— Пойдем!

Девушка взяла Велегоста за руку, подвела к костру. Высокий медленно оглянулся.

— Отец! Это Велегост!

Неяркий свет упал на худое, высохшее лицо. Большие седые усы почти закрывали подбородок, темные глаза смотрели холодно, равнодушно. Бледные губы дрогнули:

— Здравствуй, Кей Велегост! Иди, дочка...

Стане явно не хотелось уходить. Она вздохнула, неохотно отпустила руку Кея и исчезла в темноте. Велегост невольно улыбнулся:

— Чолом, Беркут! Почему мы должны встречаться именно здесь?

Старик ответил не сразу. Наконец широкие плечи дрогнули, послышался негромкий смех.

— Я бы и не встречался с тобой, Железное Сердце! Но так решила Рада. Я лишь выполняю ее волю. Большинство

Рады хочет переговоров. Только я не знаю, о чем говорить с тобой...

Велегост не поверил. Им с Беркутом, конечно, есть о чем поговорить. То, что он слышит, — лишь пустые слова.

— Давай поговорим о твоей дочери. Зачем ты посылал ее на смерть? Или у тебя так много дочерей?

Темные глаза вспыхнули гневом:

— Она вызвалась сама! И не ее вина, что твой змеиный язык...

От неожиданности Велегост рассмеялся. Змеиный язык? Ну сказанул!

Смех заставил старика отшатнуться, и Велегост внезапно почувствовал уверенность. Похоже, харпы вовсе не жаждут войны — войны хочет Старшой Рады. И еще — Великий Палатин. Кажется, они с Беркутом хорошо понимают друг друга.

— Давай откровенно, Беркут. Как бы ты ни относился к нам, мое войско уже здесь. Ты не собрал ополчение и, похоже, не соберешь. Твои посланцы пытались убедить харпов, что на них напали упыри, но правду скрыть трудно. Мы не грабим и не убиваем...

— Это все — пока! — Голос старика стал тихим, еле слышным. — Ты оказался умнее, чем я думал, Кей. Но я знаю, что будет потом! Так было всюду — у сиверов, в улебской земле, у волотичей...

— Волотичи дрались вместе со мной на Четырех Полях, Беркут. Дрались и умирали за Орию! А ты подумай, что защищаешь: свободу харпов — или свою власть? Ты ведь не прочь править харпами и дальше? Или я ошибаюсь?

Велегост ждал гневной отповеди, но Беркут молчал. Затем глубоко вздохнул:

— Присядем, Кей! Когда мы стоим, все время кажется, что кто-то не удержится и выхватит меч...

У костра было теплее. Велегост устроился поудобнее, расстегнул застежку плаща и откинулся на спину. В глаза ударила звездная россыпь. Так бы и сидеть, глядя на дивные узоры созвездий! Отец учил распознавать их: Лось, Лосенок...

— Сколько тебе лет, Велегост?

Кей удивился — старик впервые назвал его по имени.

— Девятнадцать. А что, старше выгляжу?

Вновь послышался негромкий смех.

— В этом возрасте все хотят выглядеть старше. Ты понравился Стане...

— Я? — Велегост резко выпрямился.

Созвездия исчезли, прямо перед ним было лицо старика.

— Чему ты удивляешься? Но я не об этом. Мне семьдесят пять, Кей, я помню еще твоего прадеда, Хлуда. Я даже видел его, когда был в Савмате. И я хорошо знаю, что такое власть Киев. Когда вы не воюете между собой, жить плохо, но еще можно. Но когда начинается война... Сколько людей погибло, чтобы твой отец стал Светлым? Сколько сел опустело? Думаешь, это была последняя война? Разве я могу допустить, чтобы харпы платили кровью за чужой престол? Но даже не это главное...

Старик замолчал, а затем взглянул Велегосту прямо в лицо.

— Ты пришел покорить харпов, Железное Сердце. Тогда скажи зачем? Зачем Кеям Харпийские горы? Мы ведь мы и так платим дань, и платим исправно. Или твой отец боится, что мы призовем соседей — мадов или алеманов? Мы бы давно сделали это, если б хотели, но нам не нужна чужая власть. Сполоты все-таки родичи, и мы согласны платить дань, чтобы вы не посылали войска. Или тебя призвали дедичи?

Велегост пожал плечами:

— Ория — наша земля, Беркут! Боги даровали ее Кею Каваду.

— Боги! — Старик покачал головой. — Я слыхал другое. Когда-то, очень давно, Кей Кавад был изгнан родичами из родных краев. Много лет он странствовал, пока не пришел со своими кметами на берега Денора. Он был великий чаклун, а его войско имело железные мечи. Сполоты покорились, а затем помогли покорить всех остальных. Но оставим то, что было так давно! Почему бы нам не договориться, Кей?

Договориться? Велегост не удержался от усмешки. Вот к чему все эти речи!

— За этим я сюда и пришел, Беркут. Впрочем, договариваться нам стоило раньше, еще у Харпийских Ворот. Ты не захотел и приказал тамошним козопасам остановить мое войско. Потом ты хотел убить нас в ущелье. Не только меня, но и свою дочь!

— Думаешь, я не люблю Стану? — Глаза старика блеснули. — Но есть вещи более важные, чем даже жизнь твоих близких.

— Так думали и мои предки, — сухо бросил Кей. — Так думал мой дед, когда хотел убить своего брата. Так думали мои дядья, когда резали друг друга...

— Нет! Твои предки дрались за власть, а мы боремся за свободу. Ты этого не поймешь, Кей Велегост!

Кей заставил себя сосчитать до десяти. Сначала по-сполотски, затем по-румски. Старик вызывал на спор, на ссору. Спросить об Иворе? Намекнуть, что это — не тайна? Нет, поддаваться нельзя!

— Значит, не понимаю, — вздохнул он. — Тогда объясни! Наверное, ваша свобода в том, что харпами правишь ты?

— Не я. Правят громады. И в этом — наша свобода. Каждое село само решает, как жить. А всем краем управляет Рада...

— Но Рада не хочет войны! — усмехнулся Кей.

— Да. Поэтому я пришел сюда. Так чего хочешь ты, Кей Велегост?

Разговор был долгим. Над поляной взошла кривая ущербная луна, серебристый свет упал на старые камни, на высокую сухую траву, на темные кроны деревьев. Костер догорел, Велегост и Беркут встали и не торопясь пошли к опушке. Проходя мимо того, что когда-то было стеной, Кей, не удержавшись, положил руку на холодный камень.

— Это действительно построили волаты, Беркут?

Старик усмехнулся, покачал головой:

— Волаты? Пойдем!

Он подвел Велегоста к большому плоскому камню, почти полностью утонувшему в земле. Камень был необычный — прозрачный, словно слюда, с гладкой поверхностью, на которой долгие века не оставили даже царапины.

— Стань посередине. Там, где углубление.

Велегост осторожно ступил на гладкий камень. Ноги сразу заскользили, словно под подошвами был лед. А вот и углубление — небольшая ямка, как раз чтобы стать человеку.

— Повернись на закат. Туда, где камни.

Вначале Кей ничего не увидел. Та же поляна, разрушенные стены, темные кроны старых сосен. Велегост хотел переспросить, но внезапно замер — лунный свет сгустился,

и вдруг показалось, что стены начали расти ввысь. Вот над землей поднялся второй ряд камней, за ним третий, вот показалась дверь. Нет, не дверь, целые ворота, всадник с копьем проедет...

— Видишь? — донесся до него голос старика. — Только не отводи взгляда!

...Вежа росла вверх, и теперь приходилось задирать голову, чтобы рассмотреть призрачную громаду. Лунные блики упали на бесчисленные бойницы, огромные, в рост человека. Кей попытался определить высоту, но понял — не сумеет. Будь это действительно дом, то этажей здесь должно было быть... полсотни? Больше? Сва-Заступница, да зачем? Что-то чудовищное, невероятное стояло перед ним, и Велегосту стало казаться, что он различает неясные тени, прильнувшие к бойницам...

— Кей! Кей Велегост!

Знакомый голос заставил очнуться. Хоржак? Да, это он, стоит рядом со стариком.

— Что это было, Беркут?

Велегост с трудом заставил себя отвести взгляд. Все исчезло, перед ним вновь были поляна и старые руины, заросшие травой и кустарником.

— Я показал тебе то, что знаю сам. Об остальном ведают боги. Говорят, волаты построили здесь громадную вежу. Ее тень до сих пор видна в лунные ночи. Вежа была такой высокой, что прогневила богов, тогда Всадник-Солнце спустился с Золотого Неба, и его конь ударил копытом по крыше. Так ли, нет, не знаю. Наша земля очень древняя, Кей, не забывай об этом! Прощай, увидимся в Духле.

Велегост поднял руку, прощаясь, но Беркут уже уходил. Кей вздохнул и осторожно ступил на гладкий камень. Хоржак подбежал, подал руку.

— Чего-то долго, Кей!

Велегост поглядел вслед старику, усмехнулся.

— Договорились! Нас пустят в Духлу.

— Хе!.. — Хоржак почесал затылок. — Я бы этому старикану не верил!

— Верить? — Кей рассмеялся. — О чем ты?

— Значит... — Друг детства всегда понимал его с полуслова. — Ловушка?

— Думаю, да. Но в Духлу идти надо.

* * *

Слепые глаза идола смотрели равнодушно, рот кривился усмешкой. Небольшие кривые руки сжимали топорик-клевец, за поясом торчал рог, а шею украшало странное ожерелье. Велегост вгляделся и покачал головой — вместо бусин неведомый мастер вырезал маленькие человеческие черепа.

— Неужели Дий? — поразилась Танэла. — Но почему так?

— Ворожко говорил, что его привезли издалека. — Кей еще раз окинул взглядом каменную тушу и усмехнулся. — Беркут приказал. Похоже, старику нравится.

Перед ними был обрыв. Внизу, в ущелье, шумела река, а за спиной возвышался густой частокол Духлы. Кей оглянулся и вновь прикинул, что поселок выстроен умело. Из ущелья не подняться, а единственную дорогу, что вела через лес, легко перекрыть.

— Ночью старик снова посылал гонца, — негромко проговорил Хоржак. — Это уже пятый.

Здесь, у каменного идола, можно было поговорить. Никто не мешал — вокруг недвижно застыла охрана и можно не бояться чужих ушей. В самой Духле, в большом бревенчатом доме, где они поселились, Кей старался не проронить лишнего слова — даже по-огрски.

— Завтра я скажу Беркуту, что хочу проехать по всему краю. — Велегост вновь усмехнулся. — Обрадую!

— Да, пока нам здесь не очень рады, — согласилась сестра.

— Нас боятся, Кей, — продолжал сотник. — Ворожко узнал — им сказали, что мы удвоим дань. Нам не верят.

Велегост кивнул. Да, не верят. Большой — почти на тысячу домов — поселок оказался наполовину пуст. Уехали многие, исчезла семья Беркута, семьи других старейшин. Зато остались молодые парни, глядевшие на сполотов с явным вызовом.

— Они что-то готовят, Кей. Если разрешишь, я этой ночью...

Хоржак оскалил неровные желтоватые зубы, но Велегост покачал головой:

— Нет. Поступим иначе. Смотрите!

Он развернул мапу и удовлетворенно погладил неровную бересту. Три дня в Духле не прошли даром – теперь мапа выглядела совсем иначе, пустота исчезла, сменившись хитрыми изгибами горных дорог и маленькими домиками поселков. Ворожко и его друзья имели острый глаз и неплохую память.

— Почему нас пустили сюда? Почему не дали бой?

— Испугались. — Кейна пожала плечами. — Рада не хочет войны.

— Зато войны хочет Беркут. Допустим, он готовит ловушку...

— Допустим? — не выдержал Хоржак. — Да нас просто перережут! Этот старый Извир собирает людей...

— Похоже, — невозмутимо кивнул Кей. — Нас полторы сотни, включая тех, кого привели дедичи. Если Беркут соберет своих и нападет на нас, Раде придется объявить войну.

Рука указала на три маленьких домика, приютившихся посередине мапы.

— Это Духла. Завтра мы пойдем на закат. Что сделает Беркут?

— Соберет людей и двинется за нами,— проворчал сотник.

Велегост улыбнулся:

— Возможно. В горах нас перехватить легче. Беркут считает меня мальчишкой, которого легко обмануть. Но на сборы ему понадобится несколько дней. А мы пойдем сюда!

Все склонились над мапой. Хоржак недоуменно хмыкнул.

— А что там, Кей?

Велегост пожал плечами:

— Ничего! Место! Харпы зовут его Лосиный Бугор. Очень удобное место, почти как здесь. Обрыв, вокруг лес, много воды... И двести вооруженных кметов!

— Чьих? — вырвалось у Танэлы, и Кей невольно рассмеялся:

— Угадай! Двести лехитских латников. Как думаешь, откуда они взялись?

Хоржак уткнулся носом в мапу, затем выпрямился, глаза его горели.

— Хе! Ну, Кей! А я-то, дурак!..

— Отец послал к лехитам тысячника Ворота еще два месяца назад. Он поехал к князю Савасу, тот наш давний

союзник. Савас должен привести двести латников к Лосиному Бугру где-то дня через два. Он возьмет с собой плотников... Теперь понимаете?

— Сва-Заступница! — ахнул Хоржак. — Крепость!

Велегост кивнул.

— Думаю, за неделю построим — лесу много. Ворожко кликнет своих дедичей, они помогут с припасами. Потом мы двинемся к границе с мадами. Там будет вторая крепость. И пусть Беркут собирает своих медведей!

Он довольно потянулся и лег на спину, глядя в белесое, горячее небо.

— Ну что, апа? Понравилось?

— Не хвастайся, Стригунок! — Кейна легко щелкнула брата по лбу. — Ты еще не победил.

— Еще нет, — согласился Кей. — Да лучше бы и не побеждать. Надеюсь, когда эти медведи узнают о новой крепости, воевать их уже не потянет. А чтоб нас не тронули дорогой, потребуем заложников...

— Стану? — бросила сестра, отвернувшись.

Велегост пожал плечами. Беркут явно не верит дочери. Неужели старик прав и он поправился синеглазой?

— Поговорю с Беркутом, — вздохнул он. — Еще вопросы?

— Какой дорогой пойдем?

Велегост удивился — и было отчего. Если б его об этом спросил Хоржак, тогда понятно. Но Танэла прежде никогда не интересовалась такими вещами.

— Дорогой? — Он нехотя приподнялся, расправил мапу. — Здесь два пути. Один долиной, это на полдень, второй — горами. Долиной, конечно, удобнее...

Кейна долго смотрела на мапу, затем выпрямилась:

— Мы пойдем горами, Стригунок.

Велегост недоуменно поглядел на Хоржака, тот развел руками. Кейна не советовала, не просила. Она приказывала.

Кей вновь взглянул на мапу.

Ладно! Можно рискнуть. Правда, в горах наша конница бесполезна, случись что...

— Мы пойдем горами...

Голос Кейны был тверд и решителен, и Велегост удивился еще больше. Что это с сестрой?

— Ты дашь мне мапу. Мне надо переговорить с Ворожко.

Велегост невольно потер лоб. Чудеса!

— Слушаюсь, Кейна! Какие еще приказания будут, сиятельная?

Но Танэла не стала отвечать. Отвернувшись, она глядела на бесстрастный лик каменного идола, и Кею внезапно подумалось, что он плохо знает свою старшую сестру.

* * *

— Я поеду с тобой, Велегост. Отец разрешил!

Стана не вошла — вбежала к горницу, и Кей невольно вскочил, едва не опрокинув лавку. На девушке было белое платье, шею охватывало ожерелье из красных камней, на руке золотом сверкали браслеты. Дочь Беркута явно принарядилась, прежде чем идти в гости.

— Садись! — Он кивнул на лавку и присел рядом, не зная, что сказать. Час назад он потребовал у Беркута заложников — шестерых, включая кого-то из его близких. И вот — Стана...

— Ты не рад? — удивилась девушка. — Думаешь, меня опять придется спасать? Но отец мне все объяснил, нас тогда приняли за разбойников. Кроме того, ты ведь с ним обо всем договорился!..

Хотелось просто сказать «да», но Велегост понимал — не так все просто. Старик прислал заложницей дочь. Дочь, которой не верит и которая приглянулась ему, Кею Железное Сердце...

— Я тебе все покажу, Велегост! Я хорошо знаю весь наш край...

— Погоди...

Стана удивленно замолчала, а Кей все еще не знал, как сказать о таком.

— Понимаешь... Ты будешь не просто проводницей. Твой отец прислал тебя как заложницу...

— Но так всегда делается! — перебила она. — Когда приезжают знатные гости, их сопровождает кто-то из нашей семьи. Я же тебе говорила, нас просто обманули! Сказали, что ты хочешь разорить землю харпов, что ты старый и страшный...

Рука невольно коснулась лица. Обманули? Если и да, то не во всем.

— А ты мне расскажешь о Савмате, о сиверской земле, о волотичах. Ты — и твоя сестра. Она такая умная, даже румский язык знает...

Велегост улыбнулся, но тут же вновь стал серьезным:

— Стана! Если что-нибудь случится... Если твой отец... Если харпы поднимут мятеж, заложников казнят. Понимаешь?

— Нет-нет! — Девушка даже засмеялась. — О чем ты, Велегост? Ты же не собираешься жечь села, насиловать невест. Нам просто рассказали страшную сказку про Железное Сердце...

Она не понимала — или не хотела понять. Порой Кею даже казалось, что для девушки Железное Сердце действительно кто-то другой, жуткое чудище из сказки, а не ее знакомый по имени Велегост, который так интересно рассказывает о неведомых краях.

— Хорошо, — улыбнулся он. — Собирайся!

— А я уже коня выбрала! Гнедого, мне его отец два года назад подарил. Он все понимает, я с ним даже разговариваю...

Велегост хотел спросить на каком языке, не на румском ли, но девушка уже выбежала, улыбнувшись на прощание. Кей вновь потер лицо рукой и опустился на скамью.

— Она ездить с нами?

От неожиданности он вздрогнул — в дверях стояла Айна. Первый раз она решилась заговорить с ним днем не о службе.

— Д-да, — неохотно отозвался Кей. — Она будет заложницей.

Поленка задумалась, затем на скуластом лице мелькнуло что-то похожее на улыбку.

— Хорошо! Харпы бунтовать, а ты ее сажать на кол. Или ее убить я!

Узкие раскосые глаза взглянули в упор, и Кею стало не по себе. Если старый Беркут и в самом деле вздумает поднять меч... Но Велегост тут же вспомнил — решать будет он, а значит, все это — попросту ерунда. Даже хорошо, что синеглазая будет с ними — безопаснее. Нет, не «даже»! Просто хорошо!

* * *

Выступили перед рассветом, когда Духла еще спала. Узкие улицы были пусты, и топот конских копыт разносился далеко вокруг. Велегост ехал впереди, возле свернутого Стяга. Рядом была Танэла, а чуть сзади пристроилась Стана, которую разбудили посреди самого сладкого сна. Девушка отчаянно зевала и героически пыталась не задремать.

У ворот стояли столь же сонные стражники из числа тех, кого привели с собой местные дедичи. Они оставались здесь, в Духле. Кей вздохнул — если Беркут задумал измену, никто из этих молодых «легеней» не увидит родного дома. Они остаются здесь, словно кость, брошенная собаке...

Ворожко ехал с ними — молодой дедич будет нужен там, у Лосиного Бугра. Выходит, людей можно делить на нужных и не очень? Думать о таком не хотелось, но Кей знал — и так бывает. Сын Добраша должен уцелеть, а вот эти парни... А эти парни — как выйдет.

Деревянные, кованные темным железом ворота медленно, со скрипом отворились. Дорога была свободна. Кей обернулся, хотел отдать приказ и тут заметил, что их провожают. За воротами, возле старого, почерневшего от времени идола, стоял Беркут. Велегост невольно улыбнулся — раненько же пришлось вставать Старшому Рады! Но ведь не проспал! Их глаза встретились, взгляд старика был холоден и насмешлив.

Не было сказано ни слова. Кей поднял руку, Беркут слегка наклонил седую голову, и Велегосту внезапно подумалось, что оба они уверены, будто перехитрили друг друга...

До Лосиного Бугра было еще далеко, не меньше недели пути. Кей с сожалением вспомнил, что так легко уступил сестре, согласившись идти через горы. Вечером он подробно расспросил о дороге. Рассказ не порадовал — не дорога, а тропа, то над обрывами, то через перевалы. Местами и верхом ехать опасно, разве что в поводу коней вести. Велегост хотел было еще раз переговорить с сестрой, но не решился. Не подумал, согласился — значит, сам виноват.

Впрочем, начало пути не предвещало плохого. Дорога нырнула в густой хвойный лес и начала медленно подниматься по склону. Солнце — Небесный Всадник — уже поднималось над деревьями, сразу же стало веселее, и кто-то из кметов затянул песню. Велегост усмехнулся — песня была улебской, не иначе в Валине услышали. Кажется, дядя Ивор тоже как-то пел ее. Да, лет восемь назад, когда Великий Палатин приехал в Савмат и отец собрал всех на пир...

Кей Огар идет походом,
За Денор ведет он рать.

Только войско не готово —
Надо жабу подковать.

Кей Огар сердит изрядно,
Кметам всем сулит погост,
Только войско не готово —
Прищемили мышке хвост.

Кей Огар от злости красный,
Гневом пышет все лицо.
Только войско не готово —
Жук попал под колесо.

Кей Огар зовет рахманов,
Чаклунов и мудрецов.
Только войско не готово —
Блохи съели молодцов.

Пели весело, со смехом и присвистом, и Кею вспомнилось, как смеялся отец, как все они подпевали Ивору. Да, подпевали...

Солнце было уже высоко, из близкого леса доносился запах горячей хвои, а в белесом небе беззвучно парили ширококрылые птицы. Разговоры смолкли, кметы ехали молча, то и дело вытирая пот со лба. Конечно, можно было снять кольчуги, но Велегост понимал: опасно. Лучше солнце, чем стрелы.

Зато не молчала Стана. Как-то незаметно она пристроилась рядом с Кеем, и Велегосту пришлось вновь рассказывать обо всем, что знал, — о Савмате, об оврах, о черных румских галерах и даже о воительницах-поленках. Девушка слушала, открыв рот, затем нетерпеливо кивала и задавала новый вопрос. Кей и сам хотел о многом узнать, но не спешил. Успеется, путь долгий!

Дорога шла то вверх, то вниз, позади остались несколько перевалов, бурная горная речушка, которую довелось переходить вброд; дважды отряд останавливался на короткие привалы, а вокруг было по-прежнему тихо, только птицы, словно соглядатаи, сопровождали людей. Хоржак несколько раз высылал вперед заставы, но кметы каждый раз сообщали одно и то же — дорога пуста.

Лишь однажды, уже ближе к вечеру, вдали показалось село — небольшое, прилепившееся к склону громадной, по-

росшей лесом горы. Велегост приказал надеть шлемы, но отряд встретила веселая стайка детей, а затем на дорогу вышли трое стариков с резными деревянными топориками и, низко поклонившись, приветствовали нежданных гостей, пригласив их на ночлег. Стало ясно — здесь их не боятся. Похоже, старый Беркут и его Рада не имели в этих местах особой власти.

Кей поблагодарил за приглашение, но останавливаться не стал. До заката еще далеко, а ночевать летней ночью можно прямо в лесу.

* * *

За селом дорога стала заметно уже. Пришлось перестроиться и двигаться по одному, в затылок друг другу. Хоржак вновь выслал вперед заставу и приказал не снимать шлемов. Впрочем, предосторожности были пока излишними, горный лес молчал, и даже птицы, весь день сопровождавшие отряд, исчезли.

Велегост приказал искать подходящее место для ночлега. Стана, узнав, в чем дело, подсказала — впереди будет небольшая речка, а возле нее — поляна. Все складывалось удачно. Велегост уже начал подумывать о шатре и о том, что надо объясниться с Айной, как вдруг впереди послышался громкий топот копыт.

— Кей! Кей!..

Застава возвращалась. Кметы гнали коней галопом, и Велегост понял — неспроста.

— Кей! Там, впереди...

Десятник, старый вояка, которого Кей помнил еще с Тустани, доложил четко и понятно: дорога расширяется, впереди речка, перекресток, возле перекрестка большой камень, а возле камня — человек. Один. Но не простой.

Благостные мысли о шатре тут же исчезли. Перекресток, речка — там и быть засаде. А то, что человек один, — это и тревожно. Одиночке нечего торчать на дороге. Приманка?

Оставалось узнать, почему этот человек «непростой». Десятник на мгновение задумался, почесал затылок и осторожно сообщил: всадник, конь настоящий, боевой, да и сам ездок явно кмет. Во всяком случае, вооружен — но уж очень странно.

Стало любопытно — если уж опытный вояка, прослуживший в Киевом войске не один десяток лет, удивлен, то кто же может их встречать? Огрин? Румиец? Лехит?

Десятник помотал косматой головой — не лехит, этих знаем, не румиец — видели, и, уж конечно, не огрин. И даже не мад — тех тоже встречать доводилось.

Кей задумался, затем кивнул Хоржаку, указал на тропинку и, не торопясь, шагом, двинулся вперед. Сотник заворчал, но подчинился. Кажется, и ему стало интересно.

Шагов через двадцать тропинка действительно стала шире. Лес расступился, впереди послышался негромкий шум льющейся воды. Речка! А вот и она — узкая, перешагнуть можно. Камень — огромный, поросший седым мхом...

В глаза ударил блеск полированного металла. Вот он! Человек?

Всадник стоял неподвижно, словно вкопанный в землю. Закатное солнце горело на стальных латах. Ни лица, ни рук — все закрывал сверкающий, словно чистое серебро, металл. Конь, огромный, гривастый, тоже был в металле, даже на морде сверкали стальные пластины. Закованная в железо рука всадника сжимала огромное копье.

— Хе? — Хоржак скривился. — Кей, а он живой?

Велегост улыбнулся. В первый миг он тоже подумал, что перед ними — железный идол, такой, как делают румы.

— Это доспех. У отца есть похожий. Кажется, франкский.

Кей вновь усмехнулся. Вспомнилось, как отец когда-то пугал его, еще совсем маленького. «А это, сынок, страшный железный человек. Будешь шалить — отдам тебя ему!» Доспехи, когда-то подаренные отцу огрским хэйканом, и в самом деле смотрелись страшновато.

— Франкский? — Сотник смерил неизвестного недоверчивым взглядом. — А если из гочтака попробовать?

Словно в ответ стальная рука дрогнула, неторопливо поднялась к глухому шлему. «Железный» человек открывал забрало.

Велегост не выдержал и легко ударил коня каблуком. Белый медленно, словно блюдя Киево достоинство, двинулся вперед. Под копытами хлюпнула вода, вот ручей уже позади... И тут послышался голос — звонкий, молодой. Вначале Велегост удивился, но потом понял — говорил неизвестный.

Теперь они стояли лицом к лицу. Впрочем, лица всадника было не разглядеть — узкая щель позволяла увидеть только глаза. Неизвестный продолжал что-то говорить, но Велегост уже понял — этого наречия он не знает. Кей выпрямился и поднял руку:

— Чолом, альбир!

Всадник умолк, прислушиваясь, и Велегост запоздало сообразил, что неизвестный едва ли говорит по-огрски. Оставалось заговорить по-лехитски, но ответом был недоуменный взгляд из-под стального шлема. Кей и сам немного растерялся, но затем вспомнил. Румский! Говорят, этот язык знают все в странах Заката.

— Радуйся, доблестный воин!

Глаза неизвестного блеснули.

— Радуйся и ты, славный риттер! Радуюсь и я, ибо поистине великая радость — встретить в этих глухих местах истинного собрата по доблести.

Слова были не очень понятны, да и говорил неизвестный со странным произношением, но Велегост облегченно вздохнул.

Сзади заворчал Хоржак, но Кей нетерпеливо махнул рукой.

— Меня зовут Велегост. Велегост, сын Войчемира. А ты, я вижу, издалека?

— Уи, это истинно так! — Кею показалось, что «железный» человек улыбается. — Я Лоэн-гэру, сын Парса, из страны, называвшейся в давние годы Логра, ныне же именуемой Землей Бретов. Скажи, Велегост, сын Войчемира, имеешь ли ты обет, который еще не исполнен, или, может, желаешь сразиться за честь своей дамы? Тогда я к твоим услугам, и мы скрестим копья, как и положено доблестным риттерам. Но если тебе нужна помощь, мое копье и мой меч не подведут ни меня, ни тебя.

— Помощь? — Велегост оглянулся на мрачного, насупленного Хоржака. — А скажи-ка, Лоэн, где тут лучше разбить лагерь? А об остальном поговорим за ужином, хорошо?

Рука в стальной перчатке опустила копье. Лоэн долго снимал шлем, наконец облегченно тряхнул головой.

— Лагерь лучше разбить прямо за скалой. Я развел костер, но, боюсь, он уже погас...

Парень улыбался, и Велегост улыбнулся в ответ. Без шлема Лоэн уже никак не походил на «железного» человека. Белокурые волосы падали на плечи, ярко горели карие глаза. Кей невольно вздохнул и еле удержался, чтобы не провести рукой по изуродованному лицу. Красивый парень, такие и любы девицам! Но тут же прогнал непрошеные мысли. Лоэн, сын Парса, не виноват в его беде.

Кей оглянулся, кивнул Хоржаку. Тот понял и повернул коня, чтобы привести отряд.

— Однако же поведай мне, Велегост, — продолжал Лоэн, отстегивая тяжелые стальные рукавицы. — Истинно ли я нахожусь в земле, именуемой Ут? А если это и вправду так, то кто правит ею ныне и кто наместник этой провинции, именуемой, если я правильно понял, харпийской?

Ответить на такое оказалось непросто. Память подсказала: уты — древний народ, когда-то ставивший свои вежи у Денора. Утья Переправа — там погиб дядя Улад...

— Мы называем нашу землю Орией, Лоэн. И правит в ней мой отец, Светлый Кей Войчемир, сын Жихослава. Я же — здешний наместник.

— О-о! — Глаза парня широко раскрылись. — Поистине начинаешь верить древним сказаниям! Ибо только в сказаниях да еще здесь, в глухих горах, можно встретить на заброшенной тропе риттера столь благородного рода. Еще раз приветствую тебя, сын Светлого Кея! Однако же поведай мне, не нарушил ли я, сам того не желая, ваши порядки и обычаи? Ибо изъездил я много стран, и в каждой — свой закон.

Велегост невольно рассмеялся:

— Ты ничего не нарушил, риттер. Но почему ты надел доспехи? Разве тут опасно?

Парень растерянно оглянулся, развел руками:

— Но... разве нет у вас такого обычая? Ежели благородный риттер подъедет к перекрестку или к мосту, или к переправе, обязан он выждать должное время, дабы встретиться с иными риттерами, что путешествуют в поисках славы и подвигов. Посему и надел я доспех, хотя день, признаюсь, был весьма жарким...

Сзади послышались голоса. Велегост оглянулся — передовые кметы уже переходили ручей. Один из всадников поторопил коня. Велегост улыбнулся — Танэла!

— Брат! С кем ты...

Кейна бросила удивленный взгляд на незнакомца. Тот поглядел на девушку и явно смутился.

— Лоэн-гэру, сын Парса, из Земли Бретов.. — кивнул Кей. — Он понимает по-румски.

— Радуйся, Лоэн,— улыбнулась Кейна, перейдя на румский.— Каким ветром тебя занесло в эти горы?

— Ветер был с заката, о прекрасная дама! — Риттер поправил белокурые волосы. — Однако же назови мне свое имя, чтобы мог я запомнить его и восславить в песнях, а если понадобится — обнажить за тебя верный мой клинок. Ибо подобна ты вечерней звезде, которой пристало время подняться на небосвод!

— Не удивляйся,— шепнул Кей на привычном с детства огрском, но сестра лишь усмехнулась:

— Меня зовут Танэла, риттер. Ты угадал, мое имя действительно означает «Звезда» на древнем лелегском наречии. Но это лишь имя, и незачем прославлять его в песнях. И не называй меня прекрасной, Лоэн. Излишняя похвала не прославит!

Кейна отвечала спокойно, с достоинством, как и надлежит дочери Светлого, но — странное дело! — Велегост заметил, как ее щеки заливает румянец. Оставалось удивиться — вечер выдался совсем не жарким.

* * *

Огонь костров падал на темные, поросшие белесым мхом камни. Шум вокруг медленно стихал. Стража была выставлена, и кметы устраивались поудобнее на ночь. Велегост подбросил в огонек сухую ветку и вновь откинулся назад. В глаза ударил свет звезд, и Кей невольно вздохнул. Интересно, сколько их всего? Тысяча? Нет, конечно, больше! Вот бы сосчитать, наверное, вся жизнь на это уйдет!

Рядом сидела Кейна, накинув тяжелый темный плащ. Лоэн пристроился напротив. Стальной доспех был снят, и на рыцаре были простой каптан серого сукна и узкие штаны-кюлоты. Риттер о чем-то задумался, глядя в безоблачное небо. Может, тоже звезды считает?

— Откуда он? — негромко спросила сестра.— Я ничего не слыхала о такой стране.

Велегост пожал плечами:

— Как я понял, она еще дальше, чем земля франков. Этот парень добирался сюда два года — один. Вот удалец!

— Риттеры — они как наши альбиры?

Кей бросил быстрый взгляд на их нового знакомого.

— Вроде. Кажется, «риттер» по-алеманскн означает «всадник». Но риттеры — не просто воины. Они...

— ...Ждут подвигов возле каждого перекрестка и славят прекрасных дам, — улыбнулась Кейна. — А ты заметил, что он ехал не с заката, а с полночи?

— Ну и что? — удивился Велегост. — Он был у лехитов...

— И куда, по-твоему, он ехал?

Вопрос показался странным. Даже не сам вопрос, а тон. В нем не было праздного любопытства, сестра словно на что-то намекала...

— Так давай спросим. Лоэн!

— Уи! — Риттер оторвал взгляд от мерцающих звезд и улыбнулся. — Простите меня, доблестный Велегост и прекрасная Танэла! Ибо залюбовался я ночными светилами, забыв о должном вежестве...

— Ты говорил, что расскажешь о том, какая причина привела тебя в эти края...

Велегост невольно поморщился — вопрос был задан так, словно он допрашивал пленного. Но риттер и не думал обижаться.

— О, без сомнения, славный Кей, и ты, прекрасная Кейна! Ведомо вам, что многие причины влекут отважных риттеров в дальние края. Но не тщусь я, подобно иным, искать Небесную Чашу или поднимать копье против лютых Змеев. Рад я прийти на помощь юным девам, страждущим безвинно в холодных темницах, но темниц повидал я немало, безвинных же там не нашел, хоть и надеялся в глубине сердца своего. Не манят меня и случайные схватки на больших дорогах, ибо хоть и молод я годами, но, скажу не ради хвастовства, но ради истины, рано довелось взять в руки меч...

Велегост и Танэла переглянулись. Несмотря на непривычный слог, Лоэн говорил искренно. Кей вздохнул — ему самому пришлось взять дедовский меч в четырнадцать.

— А прибыл я в землю Ут, которую зовете вы Орией, по повелению деда моего, славного дукса Анхортаса. Он же и указал мне дорогу, послику мало кто ныне ее ведает.

Лоэн помолчал, а затем грустно усмехнулся:

— Два года ехал я, и ныне даже не знаю, живы ли дед мой, отец и брат, живы ли мои милые племянники, ибо покидал я наш замок, когда приближались к нему враги. Однако же получил я приказ и обязан его выполнить. А приказал мне дед мой, славный дукс Анхортас, узнать, что сталось с родичем его, доблестным Зигурдом, сыном Сигмонта...

Риттер замолчал, а Велегосту внезапно подумалось, что неведомый ему дукс Анхортас поступил излишне жестоко. Или наоборот? К замку приближались враги, и он отослал внука в дальние края, спасая от верной гибели?

— А кто это, Зигурд? — негромко спросила Танэла.

Лоэн удивленно раскрыл глаза, затем развел руками:

— Поистине, прекрасная Кейна, далеко заехал я от дома. У нас это имя известно каждому, ибо Зигурд, сын Сигмонта, — правнук Зигурда Змеебойца, владыки Детей Тумана. И сколь ни славен прадед его, но и правнука помнят в наших краях.

— Мир велик, — заметила Танэла. — Лишь богам ведомо все.

Лоэн кивнул:

— Истинно так, прекрасная Кейна. Однако же доведется поведать мне все с самого начала, ибо история эта тянется с давних времен. Многие имена героев уже забыты, но Зигурда Змеебойца и каана Атли помнят по сей день...

— Атли? — удивился Кей. — Вождь утов?

— Да... Великий Атли, тот, кто владел половиной мира, тот, кому и достались сокровища Детей Тумана.

Лоэн прикрыл глаза и проговорил негромко, чуть нараспев:

— Уснул державный Атли в неведомой земле,
Забылась слава утов в веков далекой мгле,
Лилась кровь за наследство, как талая вода,
Но клад Детей Тумана потерян навсегда.

— Это из песни, которую сложили еще наши деды. Так все это кончилось. Ну а начало... — Риттер задумался, потом покачал головой: — Нет смысла, о мои благодарные слушатели, пересказывать все подвиги отважного Зигурда Змеебойца. Ибо хоть и короткой была его жизнь, но слава доблестного героя облетела весь свет. Однако же следует сказать, что после того, как поразил Зигурд Великого Змея Фарлафа, что жил на Ледяном острове, прибыл он в Землю

Тумана и там сразился с ее владыкой, ибо возжелал тот погубить славного риттера. И вновь победил Зигурд, и выбрали его Дети Тумана своим новым дуксом. Бедна Земля Туманов, не растет там хлеб и даже негде выпасти доброго коня. Однако же в глубокой пещере, что обита серебром, хранился Клад. И не было в мире ничего ценнее этих сокровищ...

— А что там было? — не удержавшись, перебила Танэла. — Золото? Серебро?

Лоэн покачал головой:

— Было там и золото, и чеканное серебро, однако же хранилось там нечто иное, чему нет цены. Называли его Мерилом, но никто уже не скажет точно, в чем был тот давний секрет. Говорят, правда, будто владелец Мерила мог, словно Господь, управлять миром, однако же не станем верить столь кощунственным речам! Так стал Зигурд владыкой Клада. Но тянуло его домой, и вернулся он в родную землю, женился на прекрасной Трунхальде и прожил с ней три года и три месяца. Но никто, даже великий герой, не властен над судьбой. Братья Трунхальды предательски убили своего зятя и захватили Клад. Так погиб славный Зигурд...

— Сказка? — негромко проговорил Кей по-огрски; Танэла улыбнулась и приложила палец к губам.

— ...Но недолго владели убийцы тем, что похитили у мертвого героя. Атли, владыка утов, напал на них и забрал Клад себе. А поскольку был он не только смел, но и мудр, то спрятал он доставшиеся ему сокровища столь надежно, что жадные наследники, перессорившиеся у его погребального костра, не смогли ничего найти. Искали долго, но Клад не давался в нечестные руки. Так прошло восемь десятков лет...

Велегост уже не сомневался: все, что он слышит, — просто легенда. Он и сам немало знал подобных баек. И о Кладе Кея Атли слыхать доводилось. Клад тот, говорят, в кургане, а вокруг кургана двенадцать свечей горит, а хранит тот Клад слепой старик с черными крыльями...

— Понимаю, о чем вы думаете, о благородный Кей, и ты, прекрасная Кейна, — усмехнулся риттер. — Ибо баснословны давние времена, и лишь Господь наш ведает, что из услышанного — истина. Однако же история эта имеет продолжение, и тут уж готов поклясться я в каждом слове, ибо поведал мне о ней дед мой, Анхортас... Ведайте же, что сто лет назад,

через восемьдесят лет после смерти Атли, родился Зигурд, правнук Зигурда. И был не чужим он мне, ибо дед мой приходится ему внучатым племянником. Зигурд был поистине достоин своего великого предка. Однако же, не скрою, говорили о нем, что рискует он величайшим сокровищем — душой своей — ради сокровища иного. Много странствовал Зигурд, общаясь с чаклунами и ворожбитами. И вот однажды вернулся он в свой замок, и собрал вассалов своих и друзей своих, и сказал им, что ведомо ему место, где великий Атли скрыл Клад. Многие поверили, и тогда собрал он войско и ушел в сторону заката. Надо ли говорить, что из похода никто не вернулся. И оплакали их, и забыли в свой срок. Но дед мой, славный дукс Анхортас, помнил о своем родиче...

— Значит, Зигурд пропал где-то здесь, в Харпийских горах? — понял Кей.

— Уи. Говорят, что был он в этих местах и что именно здесь, у горы Обдугаус, искал он Клад Детей Тумана... Простите меня, ибо рассказ мой многоречив, вы же, наверное, желаете отойти ко сну...

— Спасибо, Лоэн! — Танэла улыбнулась. — Я бы слушала тебя еще. Правда, брат?

— Конечно! — Кей встал и протянул руки к гаснущему огню. — И куда ты сейчас держишь путь, Лоэн?

— Он поедет с нами! — негромко проговорила Кейна по-огрски. — Не смей его отпускать!

Их глаза встретились, и Кей впервые за много лет не нашелся что ответить сестре.

* * *

Наутро все решилось само собой. Лоэн, достав из вьюка старую мапу, нарисованную на потрескавшейся от времени коже, заявил, что ему следует повернуть на закат. Итак, им было по пути, и Велегост, конечно, не стал возражать.

За перекрестком дорога пошла резко вниз, в долину. Пришлось ехать осторожно, то и дело останавливаясь. К счастью, Ворожко неплохо знал эти горы, и Кей вместе с юным дедичем возглавил колонну. Стане было велено ехать посередине — места были опасные, внизу жили те, кто поддерживал старого Беркута.

Дважды дозорные поднимали тревогу, однако те, кто прятался в лесу, успевали уйти. Час шел за часом, отряд дви-

гался дальше, а преследователи не давали о себе знать. Но они не исчезли — Велегост кожей чувствовал на себе внимательные взгляды из гущи старого леса. Казалось, сами деревья следят за непрошеными гостями. Разговоры смолкли, лица кметов посуровели, и Кей порадовался, что утром уговорил сестру надеть шлем.

Вечер был уже близок, когда узкая, поросшая лесом долина осталась позади. Велегост облегченно вздохнул и приказал разбивать лагерь. Людям и коням требовался отдых.

Тяжелый день вымотал, и Кей, поводив коня по кругу, устало опустился на траву.

— Устал, Стригунок? — Сестра присела рядом, облокотившись о его плечо. — Я тоже устала...

— Мне показалось, что я снова у сиверов, апа! — Велегост покачал головой. — Мы так же шли через лес, а Меховые Личины следили за нами. Правда, тогда была зима, и они зарывались в сугробы. Представляешь?

Кейна погладила младшего по руке:

— Ничего, Стригунок... Ты у нас молодец! Лоэна видел?

— Нет. А что?

За этот трудный день Велегост почти забыл о странном риттере. А вот Танэла, выходит, помнила.

— Взгляни!

Велегост привстал — и почувствовал, как у него отвисает челюсть. Лоэн-гэру, доблестный риттер из Земли Бретов, сидел у старого вяза и о чем-то оживленно беседовал со... Станой! Сердце упало — девушка улыбалась кареглазому парню, а Лоэн что-то рассказывал, быстро, горячо, и тоже улыбался.

— Вот так! — вздохнула сестра. — А ты что думал?

— Ничего... — Кей коснулся было лица, но отдернул руку. — А что я должен был... думать?

— То же, что и я. — Кейна отвернулась. — Конечно, эта девочка моложе меня — и красивее. Не спорь, Стригунок, мне уже двадцать один... Вначале я подумала, что Беркут выучил ее румскому, но, оказывается, оба они знают мадский. Я подслушивала, понимаешь? Я! Ксйна, дочь Светлого!

— Брось! — Слова рождались с трудом, но Велегост заставил себя усмехнуться. — Какой-то бродяга...

— И какая-то дикая девчонка... Ладно, Стригунок, мы оба хороши. Пойдем!

— Куда?

Сестра не ответила. Велегост недоуменно пожал плечами, но подчинился.

Поляна исчезла за деревьями, стихли голоса. Танэла остановилась и посмотрела на небо.

— Когда-то мне все хотелось узнать, где прячется по ночам Солнце. Помнишь, я даже Патара об этом спрашивала? Нам скоро придется расстаться, Стригунок!

— Почему скоро, апа? — удивился брат. — С этими харпами еще придется повозиться...

— Нет. Я уеду завтра.

— Что?!

Велегост решил, что ему почудилось. Уехать? Посреди чужой земли, когда за каждым кустом ждет засада?

— Я уеду завтра, — повторила Кейна. — Ты дашь мне десять кметов и, если можно, кого-нибудь из местных.

Она не шутила, и Кей поневоле вспомнил: разговор о дороге, мапа, непонятные вопросы...

— Но куда, апа?! Ты хочешь вернуться?..

— Из-за этого белокурого мальчика? — горько усмехнулась Танэла. — Я Кейна, Велегост! И если я говорю, что мне надо тебя покинуть...

— Нет! — Велегост помотал головой. — Уезжать? Сейчас? Да ты с ума сошла! Что скажет отец?

— Он знает.

Удивление сменилось гневом. Пусть Танэла и старшая сестра, но он не позволит. Это же надо такое выдумать!

— Танэла... Я... Извини, но я сейчас старший. Я наместник Светлого, и я запрещаю тебе...

— Нет. Взгляни!

Кейна подняла руку, и глазам стало больно от золотого блеска. Все еще не веря, Велегост подался вперед. Золотая табличка, на ней — распластавший крылья Кеев Орел...

— Внимание и повиновение, Кей Велегост! У меня — Тамга Светлого. Моими устами говорит наш отец!

— Я... повинуюсь, Кейна...

В горле пересохло, в висках застучала кровь. Тамга Светлого! Ее дают только в самых крайних случаях, даже у него, когда он вел войска на битву, не было таблички с Орлом! Что же происходит, Сва-Заступница?

— Наверное, мне следовало рассказать об этом раньше, Стригунок. — Рука Кейны коснулась его плеча. — Но так приказал отец. Помнишь, ты все удивлялся, почему меня отправили с тобой? Вот тебе и ответ.

— Это... Это не ответ, апа! — с трудом выговорил он. — Я... Значит, мне не верят? Ни отец, ни ты...

Ему было больно. Так больно, как не было даже в Савмате, когда Кей узнал, что его высылают из столицы. Танэла, старшая сестра...

— Хорошо, Стригунок, — вздохнула Кейна. — Я не имею права говорить, но... Завтра дорога повернет на полдень. Там, в двух днях пути, находится гора Абдугай...

Велегост пожал плечами. Какая-то гора! И что за название нелепое — Абдугай?

— Возле этой горы есть то, что очень интересует отца. Больше ничего сказать не могу, извини!

Кей кивнул. Обида постепенно уходила. Сестра права, они — Кеи. Приказ отца — закон. Но ведь...

— Хорошо, — вздохнул он. — Но неужели ты думаешь, апа, что я отпущу тебя одну?

— А как же крепость? — удивилась Кейна. — Стригунок, это мое дело!

— Крепость? — Кей пожал плечами. — Хоржак справится, да и мы скоро вернемся. Ну что, согласна?

Сестра задумалась, покачала головой:

— Я рассчитывала на другую охрану. Есть человек, который тоже спешит к этой горе. Догадываешься, кто?

Велегост хотел удивиться, но вдруг все услышанное и увиденное сложилось в одну цепь. Клад Детей Тумана, Харпийские горы, Обдугаус... Абдугай! «Он поедет с нами! Не смей его отпускать!»

— Лоэн-гэру! — ахнул он. — Но почему?

Глава вторая
АБДУГАЙ

Сторожевой кмет возвращался. Топот копыт далеко разносился по пустой дороге. Скалы отвечали глухим эхом, и могло показаться, что вслед за всадником скачут призраки — невидимые, но неумолимые, не отстающие даже на

шаг. Велегост усмехнулся: чего только в голову не взбредет! Но тревога не уходила. Слишком глухими были эти места, слишком безлюдными.

— Нет там никого! — Стана похлопала своего гнедого по шее, и конь отозвался радостным ржанием. — Я же говорила. Это же Коло!

Сама девушка явно не боялась. Ни пустых брошенных сел, ни заросшей травой и кустарником дороги, по которой никто не ездил. Коло — по-харпийски означало «Круг». Но Круг не простой...

— Кей! — Верховой осадил коня, привычно взмахнул рукой. — Пусто! Пять домов, все покинуты...

Велегост переглянулся с Танэлой и кивнул, разрешая двигаться. И это село брошено — уже пятое. Третий день пути, и все одно и то же.

Добраться до загадочной горы оказалось не так-то легко. «Легени» Ворожко, да и сам дедич, знали путь, но категорически отказывались ехать с отрядом. Ворожко, отозвав Кея в сторону, принялся шептать, что места там гиблые, недаром тот край Колом зовут, а вот чьим, это даже произносить боятся. А в том Коле люди уже полсотни лет как не живут, и звери не живут, и даже птицы, говорят, улетели...

Выручила Стана. Дочь Беркута, узнав, в чем дело, сразу же согласилась провести маленький отряд. О Коле да о пустых селах она слыхала, но была уверена, что все это — давние сказки. Просто много лет назад в тех местах была война. Многие погибли, а остальные ушли — и не вернулись. Так, во всяком случае, ей рассказывал отец.

Итак, проводник был найден, а с остальным все решилось просто. Кей отобрал десятерых опытных кметов, с немалым трудом заставив верного Хоржака остаться с отрядом. Лоэн попросился сам. Велегост не стал спорить, ведь именно у горы Абдугай следовало искать следы пропавшего Зигурда.

Айну Велегост брать не стал. Узнав об этом, поленка не проронила ни слова, и даже взгляд узких темных глаз, казалось, не изменился. В ночь перед отъездом Кей велел Хоржаку поставить шатер, но напрасно — девушка не пришла.

...Первый дом был уже виден — приземистый, из почерневшего дерева. У порога росла высокая трава. Кей уже

знал, что внутри пусто. Те, что уходили, унесли все, даже деревянные лавки. Значит, уходили навсегда. Брошенные села наводили тоску, и отряд ни разу не ночевал в пустых избах. В лесу, среди живых деревьев, было как-то веселее.

Кметы спешились и начали осторожно обходить село. Впрочем, беды никто не ждал. Вода в заброшенном колодце была чистой, на старой яблоне у дороги зрели плоды, а пугливые аисты свили гнездо прямо посреди подворья.

— Мы словно в Ирии, — негромко проговорила Танэла, глядя на мертвое село. — Говорят, там раздолье для птиц, и души людей тоже становятся птицами.

Велегост спешился, присел в густую тень и развернул мапу. Абдугай не так далеко, где-то день пути, самое большее — полтора. Значит, задерживаться не стоит, надо ехать дальше, чтобы к завтрашнему вечеру...

— Кей! Кей!

В голосе кмета было удивление и одновременно — тревога. Велегост поднял взгляд.

— Кей! Здесь люди!

Велегост оглянулся — узкая сельская улица заросла травой, от ближайшего плетня осталось лишь несколько гнилых черных прутьев. Люди? Здесь?

— Веди!

Возле дальнего дома, прилепившегося к склону невысокого холма, собрались его кметы. Близко, впрочем, не подходили. Старший — пожилой десятник, знакомый еще по Тустани, поспешил к Кею и молча кивнул на подворье.

В первый миг показалось, что этот дом брошен, как и все остальные. Разве что двор был чище, и плетень новее. Зато дом выглядел совсем ветхим, почерневшая соломенная крыша провалилась, рухнуло высокое крыльцо...

— Вот он!

Человек сидел чуть в стороне, на куче черных потрескавшихся бревен. В глаза бросилось белое полотно рубахи — неожиданно яркое, словно вчера сотканное. И столь же белыми были волосы, спускавшиеся до самых плеч.

— Ждите здесь!

Кей прошел через узкую калитку, остановился, немного подождал. Человек сидел неподвижно, закрыв глаза, но при звуке шагов бледное лицо еле заметно дрогнуло. Он слышал.

— Здравствуй, хозяин!

Легкий кивок — старик не двинулся с места, глаза оставались закрыты, на большом костистом лице не дрогнул ни один мускул. Велегост не знал, что делать дальше. О чем говорить, о чем спрашивать? И тут неподвижное лицо еле заметно дрогнуло, бледные губы шевельнулись:

— Кто ты?

— Я Кей Велегост, наместник Светлого.

— Кей?

Старик медленно встал, и Велегост невольно поразился. Если бы не лицо, не седые волосы, можно было подумать, что неизвестному нет и сорока. Он был высок, на голову выше Кея, широк в плечах, длинные руки бугрились мышцами. Странный старик никак не походил на сельского пастуха.

— Жаль, мне не увидеть тебя, Кей...

Веки медленно раскрылись, и Велегост невольно вздрогнул — неизвестный был слеп, пустые черные глазницы смотрели холодно и равнодушно.

— Кто... Кто ты?

— Это не важно. — Голос старика звучал глухо и спокойно. — Когда здесь еще жили люди, меня звали Одинак...

Одинак? Кей вспомнил: по-харпийски это значит «одинокий». Точное прозвище!

У калитки послышались шаги. Велегост оглянулся — Танэла! Он поспешил приложить палец к губам, сестра бросила быстрый взгляд на старика и понимающе кивнула.

— Кей... — На неподвижном лице Одинака вновь что-то дрогнуло. — Кем же ты приходишься Светлому Кею Гораю?

В первый миг Велегосту подумалось, что старик ошибся. Кей Горай? Но тут же вспомнились рассказы отца. Его дедом был Жихослав, прадедом — Хлуд...

— Кей Горай? Я его... — Велегост на мгновение запнулся. — Я его праправнук!

Рядом громко вздохнула Танэла. Старик обернулся, и Кей поспешил добавить:

— Это моя сестра — Кейна Танэла. Мы дети Светлого Кея Войчемира...

— Приветствую тебя, сиятельная!

Старик поклонился, и Велегост понял — перед ним не селянин и даже не дедич из глухого медвежьего угла. Кто же он?

— Давно Железный Орел не залетал в эти горы! — Одинак покачал головой. — Кто привел вас сюда? Вы не могли добраться сами.

— Мы пришли сами! — удивленно заметила Кейна. — Дорога была пуста...

— Нет... Но можете не отвечать, это ваше право.

Брат и сестра переглянулись — странный старик говорил загадками. Или долгие годы одиночества уже помутили его рассудок?

* * *

Велегост приказал остановиться в селе. Ворожко ошибся — у загадочной горы живут люди. Значит, следовало не спешить.

Со стариком поговорили после обеда. На подворье собрались впятером — сам Одинак, Кей с сестрой, риттер Лоэн и Стана. Старик всжливо поздоровался со всеми, а услыхав неуверенный голосок Станы, даже улыбнулся:

— Не бойся меня, маленькая госпожа. Я не так страшен!

На какое-то мгновение лицо изменилось, и стало ясно — когда-то, очень давно, этот человек был красив.

— Я не боюсь! — храбро ответила девушка и поспешно отодвинулась поближе к Лоэну.

Старик вновь улыбнулся:

— Значит, это ты привела всех сюда? И тебе не было страшно?

— Почему — страшно? — Дочь Беркута была явно удивлена. — Здесь нет ничего страшного. Ты же здесь живешь?

— Я? — Теперь удивился Одинак. — Верно. Ну что ж, похоже, времена меняются... Но мы говорим по-харпийски. Понимает ли нас тот, кого вы назвали Лоэном?

— Ты знаешь другие языки? — поспешил поинтересоваться Велегост.

Старик лишь пожал плечами.

— Я понимаю по-румски, почтенный Одинак, — заметил Лоэн, когда Кейна объяснила ему, о чем идет речь. — Этот благородный язык знаком здесь всем, кроме...

— ...Кроме маленькой госпожи, — закончил старик по-румски и вновь улыбнулся. — Но я думаю, риттер Лоэн, ты сможешь ей все пояснить.

Лоэн-гэру немного смутился, а Стана, когда ей перевели, слегка покраснела. Велегост не выдержал и отвернулся.

— Вы хотите о многом спросить. — Одинак помолчал, лицо его внезапно стало суровым и даже мрачным. — Но я прошу, уважьте старика. Уже много лет сюда заходят лишь пастухи, не ведающие даже, что творится в соседнем селе. Скажи, Кей Велегост, твой отец по-прежнему платит дань хэйкану?

Велегост изумленно раскрыл глаза. Дань?

— Нет! С ограми у нас мир, даже союз. Я сам... То есть моя мать — дочь Великого Хэйкана.

— Да, времена меняются, — невозмутимо повторил старик. — Извини, если напомнил о прошлом, которое вы не любите вспоминать. Я сам теперь — прошлое... А кто сейчас правит Логрой, Лоэн?

Лицо риттера внезапно побледнело.

— Логры... нашей страны больше нет, почтенный Одинак. Последний гэну, наш владыка, погиб тридцать лет назад.

— Вот как? Значит, и Логра не устояла... Как же могло случиться такое?

Лоэн ответил не сразу, было заметно, что риттеру не по себе.

— Гэну погиб, у него не осталось сыновей. Власть захватил один разбойник, его звали Арх-тори — Большой Медведь...

— Значит, род Пэндру пресекся?..

— Нет! — Лоэн даже растерялся. — Но те, что остались, уже не думают о престоле.

— Времена меняются! — сказал в третий раз старик. — Кто мог подумать в дни моей молодости, что великой Логры не станет, а правители земли Ут будут дружить со степняками!.. Но довольно, я узнал, что хотел. А что хотел узнать ты, молодой Кей?

От неожиданности Велегост вздрогнул. Пустые глазницы смотрели в упор, и ему показалось, что странный старик видит — и лишь притворяется слепым.

— Я... Мы хотим узнать, почему эти места считаются опасными. И что нас ждет впереди?

— Впереди? — Одинак покачал головой. — Скорее всего смерть, если вам не поможет тот, кто помогал до этого дня.

— Но почему? — удивилась Стана.— В этих местах давно уже все спокойно! Мне отец рассказывал — здесь была война, люди бежали...

По лицу старика промелькнула улыбка:

— Ты права, маленькая госпожа! Здесь была война... Хорошо, вы хотите знать правду? Расскажу вам, что смогу...

Одинак замолчал, бледное неподвижное лицо вновь стало суровым.

— Это случилось давно, когда на свете еще не было ни вас, ни ваших дедов. Тогда харпами правил мадский наместник. И вот однажды по краю разнеслась весть — войско из страны алеманов нарушило границу. Их было много — риттеров в блестящих доспехах. Они были храбры и молоды...

— Но... почтенный Одинак, ты говоришь о войске Зигурда? — Лоэн вскочил, карие глаза вспыхнули.— Зигурд — мой предок, я приехал, чтобы...

— Тебе виднее, Лоэн. — Старик покачал головой. — Тогда здешним обитателям было не до расспросов. Войско шло по харпийской земле, и они думали только о том, как уцелеть. Наместник собрал своих воинов, но мады были разбиты в первом же сражении. Пришельцы не боялись никого и ничего. Они взяли Духлу и сожгли ее, а потом войско повернуло сюда...

— К горе Обдугаус? — вновь не выдержал риттер.

— Да. К горе Абдугай. Никто уже не решался вступать с ними в открытый бой. У них были железные мечи и железные латы, а у харпов — лишь луки и клевцы. Но самые смелые все же шли за врагами, надеясь улучить момент и нанести удар. Каждую ночь они подползали к вражескому табору, надеясь застать пришельцев врасплох, но огни горели, а стража не спала...

Одинак вновь замолчал, лицо его словно помолодело, и Велегосту показалось, что он видит на бледной коже отсвет давно угасших костров.

— Но странное дело! Каждый вечер пришельцы хоронили погибших. Такое бывает, люди умирают и без сражений. Однако погибших было много, слишком много. И тогда смельчаки рискнули следить за врагом не только ночью. В первый же день, около полудня...

Старик умолк, затем заговорил медленно, тщательно подбирая слова. В его речи проскользнул странный акцент, и Кей

мельком подумал, что Одинак — не харп. Не харп, не сполот, не лехит. Может, мад?

— Представьте... По дороге идет войско — в блестящих латах, на боевых конях. Вокруг пусто, даже птиц нет. И вдруг — крики. Кто-то выхватывает меч, кто-то машет копьем, войско пытается строиться, идет в атаку... Это было похоже на безумие. А потом на дорогу стали падать убитые — один за другим...

— С кем же они сражались? — поразилась Танэла.

— С кем? — Старик покачал головой. — Вокруг никого не было, Кейна! В детстве я слыхал сказку про шапку, которая делает человека невидимым. Но это только сказки, у харпов не было шапок-невидимок... Потом... Потом те, кто следил за войском, подобрали раненого. Он был еще жив, но умирал. Ему дали воды, перевязали. И он рассказал...

Голос Одинака звучал тихо, еле слышно, в нем прорезалась боль.

— Его вначале не поняли, он говорил по-румски. Говорил что-то страшное — про великанов, про гигантских Змеев, которых он называл «драгонами», про птиц с железными клювами. Те, кто его расспрашивал, решили, что слышат бред. Но вечером пришельцы вновь хоронили погибших, а ночью удалось взять пленного. Теперь уже сомнений не было — на пришельцев нападали враги, которых никто, кроме них, не видел...

Все переглянулись. Стана, которой Лоэн негромко пересказывал услышанное по-мадски, поспешила сложить пальцы знаком оберега. Велегост нахмурился. Что-то страшное случилось в этих местах много лет назад.

— Но риттеры все равно шли к Абдугаю. Они были храбры, им казалось, что впереди — великая цель. Последние из них погибли уже возле самой горы. Там лежат их кости...

— А их предводитель — славный Зигурд? — воскликнул Лоэн. — Не ведома ли тебе его доля?

Черные глазницы в упор взглянули на молодого риттера.

— Знаю одно — из пришельцев никто не вернулся домой. Но беда не кончилась. Когда последний из риттеров упал мертвым, местные жители вернулись. Они похоронили погибших и решили жить дальше. Но...

На бледном лице мелькнула грустная улыбка.

— Вы уже догадались. Страшное волшебство не исчезло. И теперь каждого, кто появляется здесь, ждет опасность.

— Призраки? — воскликнул Велегост. — Но мы никого не видели!

— Поэтому я и спросил, кто привел вас. Да, призраки. Но для тех, кто их встретит, они не кажутся видениями. То, что сгубило пришельцев, до сих пор здесь, возле Абдугая.

— Коло! — негромко проговорила Танэла.

Старик кивнул:

— Да, Коло. Круг, в котором не успокоилось зло. Люди ушли, остался лишь я. Мне уже нечего бояться. Не ходи к Абдугаю, Кей Велегост!

* * *

Солнце уже давно исчезло за вершинами старых елей, из леса тянуло прохладой, а костер медленно догорал. Но никто не ложился спать. Люди собрались у алеющих углей, лишь стража недвижно замерла по краям большой поляны.

Село осталось позади. За день отряд прошел немало, и Абдугай, таинственная гора, был уже где-то близко. Весь вечер дорога шла на подъем, а впереди медленно вырастали заросшие хвойным лесом склоны. Где-то за этими холмами и был Абдугай.

Кей ничего не сказал кметам о разговоре со стариком. Но тревога передалась и воинам. Разговоры стихли, кметы то и дело оглядывались и уже без всякой охоты соглашались идти в передовую стражу.

Ближе к вечеру дозорный остановил отряд. Кей поспешил вперед, кметы спешились, некоторые без всякой команды стали надевать шлемы. Но и на этот раз никто не поджидал их. Никто — из живых.

...Их свалили кучей, прямо в доспехах. Яму наскоро засыпали, но лисы и росомахи давно раскидали землю. Мертвецы лежали друг на друге, их было много, не десяток, не два. От лат уцелели лишь ржавые обломки, но можно было понять — погибшие не сполоты и не харпы. Когда-то они носили такие же блестящие латы, какие были на риттере из Земли Бретов. Надежные латы, способные спасти от всего — но не от того, что погубило пришельцев...

Постепенно кметы осмелели, кто-то склонился над разрытой могилой, стал разглядывать желтые остовы. Веле-

гост и сам видел — смерть не была случайной. На черепах чернели дыры, кости белели сколами. У некоторых не осталось даже голов. Может, виной этому были звери, раскопавшие могилу, но Велегост помнил слова старика. Значит, и это правда!

На деревьях, окружавших поляну, где упокоились погибшие, были прибиты щиты — небольшие, треугольные. На некоторых еще можно было разглядеть остатки яркой краски. Лоэн пояснил, что риттеры часто рисуют на щитах свою тамгу. Если бы рисунки уцелели, он мог бы догадаться, кто лежит здесь. Но время не пощадило даже давней славы.

Спать долго не ложились. Завтра с первыми лучами солнца надо было идти дальше, но Кей не торопил своих спутников, засидевшихся у костра. Ему и самому не спалось. Они почти в самом сердце Кола. Третий день на исходе, но ничего не случилось. Или случилось?

— Я ему не очень верю,— негромко проговорила Танэла.— Он какой-то... ненастоящий...

Пояснений не требовалось — Кейна говорила о старике.

Лоэн задумался, затем негромко заговорил со Станой по-малски. Потом вздохнул.

— Не могу не согласиться я с тем, что сказала ты, сиятельная. Верю его рассказу, но не ему самому. Да простит меня прекрасная Кейна и ты, благородный Кей, ибо желаю спросить не о важном, а о безделице. Видели ли вы на почтенном Одинаке одежду, какую носят в здешних краях, а именно куртку без рукавов, шитую многоцветным бисером?

— Куртку? — вырвалось у Велегоста.— Он был в белой рубахе! Я еще подумал, что рубаха совершенно новая...

— Он был в плаще! — перебила Кейна.— В сером плаще, очень старом, с заплатой у плеча!

Лоэн-гэру кивнул.

— Потому и спросил я... Ибо видела Стана на Одинаке описанную мною куртку, я же зрел плащ, но не серый, а ярко-алый, подбитый горностаем, какой носят знатные риттеры в моих краях. Дивно! Лик его для нас виделся вроде бы сходно, платье же — по-особому...

— Он... — Кей прикрыл глаза, вспоминая старика.— Высокий, широкоплечий, худой, очень сильные руки, лицо бледное, глаза... С глазами что-то случилось...

Рука невольно коснулась лица. Тогда, много лет назад, глаза уцелели чудом. Одинаку повезло меньше.

— Уи! Истинно так, о благородный Кей! Сходно зрели мы лик его, однако же одежду каждый видел по-своему. Словно тщился кто-то, дабы увидели мы главное, о прочем же просто забыл, или не хватило у неведомого чаклуна колдовской силы...

— Призрак! — вырвалось у Кейны, и Велегост почувствовал, как холодеют руки. Призрак?

— Еще добавлю, — задумчиво проговорил риттер. — Вспомните рассказ его. Верится, что видел он все своими очами, ныне угасшими, однако же ни разу не молвил он слова «я» или же «мы». Так что не верю я ему, хоть и привык уважать чужие седины.

Кей задумался и понял — Лоэн прав.

— Не ведомо мне покуда, кого мы встретили, о прекрасная Кейна и ты, благородный Кей. Истинно ли это призрак, или попался нам по пути могучий чаклун или кто иной, нам неведомый. Однако же, мыслю, не зря он явился к нам, ибо хотел предупредить. И не пусты его слова...

Велегост вспомнил: «Впереди? Скорее всего, смерть!» Да, их предупредили! Может, само Коло предупреждает нарушителей невидимой границы?

Ночью Кею не спалось. Наконец пришел сон, но не принес забвения. Тревога осталась. Велегост шел по темному глухому подземелью, вокруг не было ничего, кроме гладкого, словно полированного камня, в руке чадил умирающий факел, а тени становились все гуще, подступали со всех сторон, словно готовясь броситься на того, кто посмел нарушить покой вечной ночи...

Наутро яркое солнце развеяло грустные мысли. Отряд двигался дальше, и ничто не стояло на его пути. Кметы повеселели, даже Танэла уже не хмурилась, а молодой риттер и Стана беспечно беседовали, пристроившись в середине строя. Велегост ехал первым. Странное чувство тревоги не покидало его. Он не верил — ни яркому солнцу, ни чистому небу, ни птичьему пению. Даже рассказ Станы казался теперь подозрительным. Старый Беркут уверил дочь, что здесь нет ничего опасного. Зачем? Старшой Рады не верит

в призраков? Или просто догадывается, куда держит путь Кеев наместник? Почему бы и нет, ведь об этом мог проведать Великий Палатин! Не так и глупо — заманить пришельцев туда, откуда нет выхода.

Но пока ничто не предвещало беды. Холмы приблизились, выросли, дорога по-прежнему ползла вверх, и вот слева и справа стали неторопливо подниматься знакомые скалы. Ущелье! Велегост невольно поморщился. Где ущелье — там жди беды! Передовая застава каждый раз сообщала одно и то же: путь свободен, опасности нет, но Велегост не верил даже своим кметам. Те, что носили блестящие латы, тоже поначалу не видели врага.

Солнце — Небесный Всадник — уже подбиралось к зениту, когда сторожевой кмет доложил о том, что ущелье кончается, а за ущельем видны дома. Еще одно село, небольшое, полдюжины почерневших от времени домов. Можно было не останавливаться, но Кей приказал заставе вернуться и вновь осмотреть брошенные жилища.

Дома заросли крапивой, малинник, прилепившийся к склону горы, превратился в непроходимые заросли, но даже сквозь высокую траву можно было заметить кости. На маленькой улочке, на подворьях, у домов лежали лошади. Их насчитали два десятка — желтых остовов, скаливших неровные зубы. Это были не крестьянские клячи — рядом валялось то, что когда-то было седлами, а на некоторых скелетах сохранились остатки стальной брони.

Людей — того, что от них уцелело, — не было, но Кей уже не сомневался — всадники сумели уйти недалеко. Если вообще сумели.

Он не ошибся и в этом. В первом же доме лежали скелеты — четверо в ржавых латах. Один из мертвецов так и не выпустил меча из железной рукавицы. Странное дело, стальной меч почти не заржавел. Оружие уцелело, но его хозяевам пришлось туго. Шлемы были расплющены, а у стены лежала оторванная вместе с куском брони рука...

В соседнем доме нашли двоих. От одного из погибших не осталось даже скелета — кости вперемешку с кусками ржавого железа были разбросаны по полу, большой двуручный меч лежал рядом, согнутый в дугу. К стене был прислонен щит, на котором уцелел рисунок — маленькая корона над острыми зубцами каменной вежи.

Все остальные лежали в доме, что стоял в самом центре села. Сколько — подсчитать было уже невозможно. Кости были изломаны, разбросаны по углам, на столе скалил зубы череп с огромной дырой на затылке. От оружия остались только проржавевшие обломки. Что-то невероятной силы уничтожило все — людей, доспехи, стальные клинки. Воздух был спертым, горьким, казалось, в нем до сих пор чувствуется запах крови.

Никто не разговаривал. Кметы мрачно озирались, словно давняя беда была готова вернуться, даже Стана умолкла и жалась к Лоэну. Риттер был бледен, тонкие губы то и дело подергивались. Казалось, он хочет о чем-то рассказать, но не решается.

Танэла покачала головой и кивнула брату. Они отошли в сторону, подальше от остальных. Кейна грустно улыбнулась:

— Кажется, я завела тебя в плохое место, Стригунок! Но что поделаешь... Пора нам кое-что узнать. Позови Лоэна.

Риттер рассказывал Стане что-то веселое. Девушка, забыв о плохом настроении, беззаботно смеялась, и Кей почувствовал, как дрогнуло сердце. Но тут же преодолел слабость и, заставив себя улыбнуться, подошел ближе.

— Велегост! — Стана вскочила, радостно усмехнулась. — Где ты ходишь? Лоэн как раз собирается рассказывать о...

Их глаза встретились, и девушка удивленно замолчала. Кей спохватился — так и напугать можно!

— Стана! — проговорил он как можно мягче. — Разреши нам с сестрой ненадолго похитить твоего риттера...

Девушка покраснела. Лоэн-гэру, сообразив, что речь идет о нем, поспешил встать.

— Не нужна ли моя помощь, о благородный Кей? Прости, что заговорился я с этой юной девицей...

Кажется, риттер был смущен не менее «юной девицы». Велегост вздохнул:

— Кейна хочет поговорить с тобой. Пойдем!

Они прошли на край поляны, откуда была видна уходящая вдаль по ущелью дорога. Танэла смотрела куда-то в сторону. Велегост хотел отойти, чтобы не мешать, но сестра решительно покачала головой:

— Останься! Это касается нас всех... Лоэн, сколько еще до Абдугая?

Велегост удивился. Риттер ни разу не бывал в этих местах. Почему же...

— Два часа верхами, сиятельная.

— Дорога спокойная?

— Уи... Столь же спокойная, как и раньше. Нам ничто не грозит, по крайней мере до Мертвых Риттеров...

— Мертвые Риттеры? Что это?

Лоэн пожал плечами:

— Скалы. Не знаю, ведомо ли тебе, сиятельная, но к подножию Абдугая ведет единственная дорога. И придется нам ехать мимо сих двух скал, хоть и предпочел бы я в тот миг превратиться в птицу...

Кейна задумалась.

— Если... если мы решим подъехать к подножию вдвоем... или втроем... Мы сможем оставить остальных где-нибудь поблизости?

— Ты уже поняла, сиятельная, — негромко проговорил риттер, на какой-то миг оставив свой пышный слог. — Те, кто не пойдет с нами, обречены. Ехать надо всем вместе. Или никому.

И тут Велегост вспомнил. «Кто привел вас сюда?» Именно это спросил у него слепой старик. Кого же он имел в виду? Сестру? Лоэна?

— Тогда... — Кейна помолчала, затем прямо взглянула риттеру в лицо. — Тогда все останутся здесь. Дальше мы поедем втроем — я, ты и мой брат.

Велегост уже не удивлялся. Там, возле Абдугая, спрятана тайна. Тайна, которую хотят узнать двое — отец, Светлый Кей Ории, и неведомый Анхортас, дукс из страны Бретов.

— Но... — Лоэн явно растерялся. — Смею ли я...

— Это наша земля, риттер, — перебила Кейна. — Я здесь по воле Светлого. И ты пойдешь с нами. Если сможешь сделать что-то для остальных — сделай!

* * *

Все было решено. Оставалось отдать приказ тем, кто будет ждать их в лагере, но Кей не спешил, поглядывая на Лоэна. Риттер повел себя странно. Почему-то Кей думал, что тот начнет читать заклятия, прикажет обложить табор камнями или прочертить чаклунский круг. Но ничего подобного не случилось — Лоэн просто лег на траву и закрыл

глаза, словно решил подремать под ярким солнцем. Лежал он долго, и Велегосту показалось, что риттер действительно заснул. Но, подойдя ближе, он едва удержался, чтобы не вскрикнуть: лицо Лоэна стало белее мела, тонкие губы подернулись синевой, на лбу блестели капельки пота. Велегост, стараясь не шуметь, подозвал Танэлу. Та молча покачала головой, и Кей решил не мешать.

Риттер открыл глаза, неуверенно поднял голову и улыбнулся. Миг — и он уже был на ногах, веселый и бодрый, как прежде. Оглянувшись, он заметил Велегоста и неуверенно проговорил:

— Не будет ли с моей стороны, о благородный Кей, излишней дерзостью, сжели дам я твоим кметам некоторые... советы?

— Конечно,— кивнул Велегост.— Но, может, будет лучше, если я им прикажу? Что нужно сделать?

Кей подозвал десятника. Этого белокурого сивера, носившего забавное имя Крачун, он знал еще с Тустани. Крачун прошел вместе с ним всю войну, был ранен в Ночь Солнцеворота, и Кей верил, что парень не подведет. Указания Лоэна оказались простыми — днем не отходить от поляны далее чем на тридцать шагов, вечером же и ночью оставаться на месте.

Дочь Беркута, узнав, что остается с отрядом, явно расстроилась и даже испугалась. Спорить не решилась, но смотрела так жалобно, что Велегосту стало не по себе. Лоэн отозвал ее в сторону, долго что-то объяснял, а затем снял с шеи какой-то странный амулет на серебряной цепочке и передал девушке. Стана немного успокоилась и даже улыбнулась. Можно было ехать, Велегост уже был готов вскочить на коня, но не выдержал и огляпулся. Кметы, не дожидаясь приказа, выстроились в ровную шеренгу, провожая Кея. Внезапно вспомнились те, кого Велегост оставил в Духле — как приманку, как наживку для мятежников. Теперь он оставляет этих — самых верных, самых преданных.

Кей услышал негромкий голос сестры и кивнул. Пора! Что сделано, то сделано, и да поможет Сва-Заступница его ребятам! Да сохранит она Стану...

Первые полчаса никто не сказал ни слова. Поляна осталась далеко позади, дорога продолжала идти вниз, а ущелье

постепенно расширялось. Вместо отвесных скал слева и справа теперь были заросшие густым кустарником склоны. Велегост то и дело посматривал по сторонам, но вокруг было пусто. Не только люди и звери, но даже птицы, казалось, покинули это место. Невольно вспомнились рассказы Ворожко, и Кей понял, что молодой дедич в чем-то прав. Здесь, в сердце загадочного Кола, эта странная пустота стала ощутимой, звенящей, и Велегосту начало чудиться, что все вокруг — и горы, и колючий кустарник на склонах, и даже белесое жаркое небо — всего лишь мара, призрак, за которым ничего нет. Только тьма, холодная бездонная тьма, куда попадают изгнанные из Ирия души...

Кони перешли на шаг. Стук копыт звучал как-то необычно, глухо, Кею даже показалось, что исчезло эхо, и он еле сдерживал себя, чтобы не крикнуть во все горло. Несколько раз он попытался завязать разговор, но Лоэн отвечал неохотно, а сестра лишь молча качала головой, думая о чем-то своем. Было ясно — Кейне не по себе, и Велегост в который раз попытался понять, почему отец дал это поручение именно ей. Неужели Светлый считает, что младший сын не справится?

— Брат!

Голос Кейны заставил его очнуться. Танэла, остановив коня, указывала куда-то в сторону. Вначале Велегост ничего не увидел. Все тот же склон, отвесная серая скала, перед ней — несколько невысоких деревьев, покрытых черной, потрескавшейся корой...

— О-о! — Лоэн тоже придержал своего вороного и прикрыл глаза ладонью, всматриваясь. — Поистине, нам стоит свернуть, о благородный Кей!

И тут только Велегост понял. По ровной поверхности скалы причудливо изгибались искусно выполненные узоры. Нет, не узоры! Чья-то рука нанесла на твердый камень странные фигуры. Кею даже показалось, что он видит чей-то огромный лик...

— Туда!

Рука Кейны указала на скалу. Велегост не стал спорить и повернул коня.

Уже подъезжая, он понял, что не ошибся. Из камня на него смотрело лицо — гигантское, скуластое, с плотно закрытыми глазами. Толстые губы загадочно улыбались, лоб

украшала странная диадема, напоминающая цепь из неровных звеньев. Узор тоже был — сверху и снизу тянулся причудливый орнамент. Такой же орнамент был по бокам, но линии казались короткими, словно оборванными.

Некоторое время все молчали, затем Кейна покачала головой и повернулась к брату:

— Знаешь, я видела такое. Догадайся где, Стригунок!

Велегост лишь пожал плечами, не отводя взгляда от Лика. Странное дело, лицо казалось живым, словно тот, кого изобразил неведомый мастер, лишь уснул и вот-вот готов раскрыть глаза.

— На Волатовом Поле. Там, где погиб дядя Рацимир.

— Могу ли я спросить... — растерянно проговорил Лоэн, и тут только Кей понял, что они с сестрой говорят по-сполотски.

— Кейна уже видела такое, — пояснил он.

— Да, — подхватила Танэла. — Лет пять назад я была на Волатовом Поле. Это на полночь от Савмата, за лесами. Там, на холме, есть такой же идол, его называют Каменной Рожей. Считают, что таких идолов изготавливали Первые — те люди, что жили до нас.

— Довелось и мне видеть и слышать подобное, — негромко проговорил риттер. — Почти в каждой земле есть легенды о дивных великанах, что жили в далекие времена. Одни считают, что сгубил их потоп, посланный Небом, иные же верят, что те, кого ты, прекрасная Кейна, назвала Первыми, сгубили сами себя в своей неизбывной гордыне. Но такого Лика зреть мне еще не доводилось. Недаром говорят, что в земле Ут старые легенды еще живы...

Он слез с коня и подошел к самой скале.

— Дивно! Ибо не заметен след резца. Поистине можно вообразить, что некто не вырубил, а вылепил все сие... Однако же хоть и не видел я подобного, но письмена такие знаю...

— Письмена? — поразился Велегост, но тут же понял. Орнамент! Вот, значит, что это такое!

— Видел я их в земле энглов, и в румской земле, и у нас, в Логре. И сколь печально, что нет тут деда моего, славного дукса Анхортаса, ибо много ведает он о письменах древних и даже тщится прочитать их, порою не без успеха.

— Брат! Смотри!

Кей оглянулся — Танэла отъехала в сторону, к самому краю скалы. Велегост поспешил к сестре.

Край странного орнамента оказался отбит. Здесь уже явно работали резцом. Поверхность была грубо выровнена, а поверх чьи-то руки изобразили что-то очень знакомое. Время, ветер и дожди оставили лишь неясные контуры, но узнать все же было можно.

— Кавадов Орел! — ахнул Велегост. — Отец Дий!

— Но... что тут такого? — удивилась сестра. — Наверно, кто-то из наших предков...

Кей помотал головой:

— Нет! Нет! Смотри, апа! Наш Орел держит крылья вверх, его лапы свободны. А у этого — наоборот, крылья опущены, в лапах — Железный Венец. Вспомни, нам рассказывали! Такая тамга была только у Кея Кавада, понимаешь? Никто, даже его сыновья, не имел права на Орла с Венцом!

— Это знак вашего рода? — понял Лоэн, с интересом рассматривая тамгу. — Поистине, тесен Мир Господень! Однако же неведомо мне, к вящему стыду мосму, имя державного Кавада. Давно ли он правил землей Ут?

Брат и сестра переглянулись. Кей усмехнулся:

— Мой отец, Светлый Кей Войчемир, его тридцать второй потомок. Я — тридцать третий. Кавад завоевал Орию девять столетий назад.

Риттер долго молчал, затем вздохнул:

— Поистине дивно, благородный Кей! Однако же не столь дивно, как показаться может. Ибо место сие непростое, и не один Кей Кавад тщился пройти к горе Обдугаус. Вы показали мне Орла. Я покажу вам Змея.

Пришлось возвращаться. Змей был выбит справа, чуть в стороне, на небольшом скальном выступе. От него уцелело еще меньше, чем от тамги Кавада, но Велегосту показалось, что следы резца свежие. Просто неведомому мастеру не хватило времени, и многие линии удалось лишь кое-как наметить.

— Это Змей Фарлаф, тамга рода Зигурда, — пояснил риттер. — Его еще называют Маги Драгон — Великий Змей. Поистине дивно — Орел и Змей собрались вместе!..

— Словно сторожат, — улыбнулась Кейна. — Значит, Зигурд все-таки добрался сюда?

— Уи, и это не наполняет мое сердце радостью, о прекрасная Кейна! Ибо если смог он дойти до этого места, то поистине велики были силы потомка Зигурда Змеебойца. Однако же ведомо, что не дошел он до Обдугауса и не вернулся назад. Значит, то, что его погубило, — впереди...

От этих слов повеяло холодом. Кей понял, что Лоэн прав. Призраки погубили риттеров, но не смогли остановить Зигурда. Но ведь и они сумели добраться сюда без помех! Что же впереди? Велегост и сам чувствовал опасность — пустая дорога, безмолвные горы, даже эха нет. Он осторожно оглянулся, поднял с земли небольшой камешек, бросил... Звук получился странный, словно камень был из дерева.

Они вернулись на дорогу и не спеша, шагом, поехали дальше. Разговор вновь прервался, хотя Велегоста так и тянуло поговорить с сестрой. Не Лик поразил его и даже не тамга Зигурда. Кей Кавад! Ни в Савмате, ни в Валине, ни в Тустани — нигде от Великого Кея не осталось зримой памяти. Только Железный Венец, хранимый, как величайшая святыня, — и этот Орел на скале. Кей вспомнил, как спорил со старым Беркутом. Один Дий да Сва-Заступница ведают, кто из них прав. В детстве Велегост верил давним легендам о Кее, победителе Огненных Змеев, пропахавшем борозду до самого моря, летавшем на орле до самого Золотого Неба. Но теперь понимал — Беркут, возможно, не ошибся. Кавад, Кей-изгнанник, потерявший родину и нашедший — завоевавший — новую. Велегост даже догадывался, что помогло его далекому предку. Старый секрет, скрытый у Абдугая, тот, который так понадобился Зигурду, правнуку Зигурда, а теперь — и Светлому Кею Войчемиру. Что же задумал отец? Неужели новую войну?

Скала со странным Ликом еще не успела исчезнуть за очередным поворотом, когда ущелье расступилось и впереди, из-за невысоких холмов, показалась пологая, поросшая лесом вершина. Лоэн остановил коня, вытер ладонью вспотевшее лицо.

— Обдугаус!

От неожиданности Велегост дернул повод, и конь, обиженно заржав, замер на месте. Абдугай? Почему-то Кею казалось, что таинственная гора будет огромной, под самые небеса, со скалистой острой вершиной, исчезающей в серых тучах. Кейна, похоже, тоже удивилась.

— Лоэн, ты уверен? Такая... маленькая!

— Уи, сиятельная. — Риттер улыбнулся. — Мне и самому думалось, что Обдугаус выше Белых Громад, что стоят на границе алеманской земли. Однако же ошибки нет. Зрите! Вот дорога, а те скалы — суть Мертвые Риттеры.

Знакомое название заставило насторожиться. Мертвые Риттеры! Место, за которым ждет беда!

Велегост посмотрел вперед. Дорога сворачивала вправо, слева тянулся обрыв, а далеко впереди, у самого подножия, темнело два небольших пятнышка.

— Ты говорил, Лоэн, что дорога проходит между скалами. А нет ли другого пути?

Риттер покачал головой, не отводя взгляда от поросших лесом склонов:

— Увы, благородный Кей! Не ведаю я, боги ли сотворили так или кто иной, но наш путь ведет именно туда. Если доберемся, ты и сам поймешь.

«Если»! Велегост невольно вздрогнул. Впервые за много лет он почувствовал себя беззащитным и даже слабым. Будь впереди враг, он знал бы, как поступить. Пусть даже на Абдугае спрячется целая тысяча Меховых Личин! На миг проснулся страх, но тут же сменился нетерпением и злым азартом. Мертвые Риттеры? Ладно, давай сюда этих Риттеров!

* * *

Вблизи скалы уже не казались серыми. Камень был бурый, покрытый белесыми пятнами лишайника. Обычный камень, да и скалы казались ничем не примечательными — бесформенные, в глубоких трещинах, больше похожие на крупные приземистые валуны, они менее всего напоминали воинов. Кей невольно подумал, что у тех, кто дал скалам такое странное имя, было плохо с воображением. Он бы назвал скалы Бурыми Жабами.

Велегост осторожно прикоснулся к теплому камню и отошел в сторону. Сестра сидела на траве, глядя вперед, туда, где зеленели близкие склоны Абдугая.

— Как думаешь, ана, что он делает? — спросил он по-гэрски, незаметно кивая на Лоэна.

Кейна пожала плечами, вздохнула:

— Ему виднее. Отдохни, Стригунок!

Лоэн и в самом деле вел себя странно. Когда до Мертвых Риттеров оставалось полсотни шагов, он предложил сделать привал. Никто не возражал, но риттер не собирался отдыхать. Оставив коня, он долго стоял возле бурого камня, словно прислушиваясь к чему-то, а затем сел прямо на пыльную дорогу, лицом к Абдугаю. Велегост решил не мешать. Сестра права, если кто и знает, что делать, то это, конечно, Лоэн.

Кей вновь, в который раз, поглядел на гору. Вблизи она уже не казалась такой маленькой. Но и особенного в ней ничего не было. Зеленый лес на склонах, небольшие проплешины ближе к вершине, слева — обрыв с тремя острыми скальными зубьями.

Между тем Лоэн-гэру медленно встал, покачал головой и не спеша направился к своим спутникам.

— И что увидел, риттер? — улыбнулся Кей.

Лоэн ответил не сразу. Затем повернулся к Танэле:

— Прекрасная Кейна! Могу ли спросить у тебя... Какой совет дал тебе твой державный отец, Светлый Кей Войчемир?

— О чем? — не сразу поняла Танэла. — Об этих скалах? Но... отец мне ничего не говорил, Лоэн! Он лишь описал дорогу...

И вновь, уже в который раз, Велегост удивился. Откуда отцу знать такое? Ведь Светлый никогда не бывал в этих горах!

Риттер вздохнул:

— Увы, и мне ведомо немного. Даже дед мой, славный дукс Анхортас, знает лишь смутные предания, кои лучше назвать баснями. Будто в давние годы те, кто хранил гору, поставили у дороги двух могучих воинов, одев их в камень. И хоть мертвы они, но стражу несут зорко. И дал мне дед мой, Анхортас, три совета...

Лоэн помолчал, бросил взгляд на дорогу, нахмурился.

— Камень не должен гудеть, воздух — дымиться...

— Гудеть? — Велегост вспомнил, как прикасался к бурой скале. — Мне кажется...

— Камень молчит и не дымится воздух. Однако же есть третий совет...

Он вновь умолк, а затем проговорил медленно, словно читал заклинание:

— Верь себе. Сомневаешься — остановись! И нет у меня веры этой тишине, о благородный Кей и прекрасная Кейна!

— Но... но что же делать, Лоэн? — удивилась Танэла.

— Был бы я один, сиятельная, то не постыдился бы вернуться, чтобы в должный час прийти сюда снова, уже во всеоружии...

Вернуться? Внезапно Велегост ощутил радость и невиданное облегчение. Дий с нею, с этой горой! Рисковать жизнью Танэлы и ради чего? Ради старых сказок?

— Мне надо вперед, — тихо проговорила Кейна. — Наверно, ты прав, Лоэн, но я все же попытаюсь.

Кею стало стыдно. А он еще считал себя храбрым! Тоже мне, Железное Сердце!

— Побудьте здесь! — Велегост встал и оглянулся, чтобы подозвать коня. — Съезжу-ка я вперед! Погляжу...

— Нет! — Лоэн тоже вскочил. — О благородный Кей! Да не совершишь ты это безрассудство!

Велегост лишь дернул плечом. Он даже не стал садиться на коня. Сейчас он просто зайдет за скалу, постоит, посмотрит...

Кей быстро прошел вперед, остановился и, не заметив ничего подозрительного, шагнул дальше. Внезапно нога наступила на что-то странное. Велегост невольно остановился. Камень... Впереди не было камня! Но камень лежал перед ним. Красный камень. Красный?

Он не верил своим глазам. Исчезла дорога, скалы, зеленая трава. Под ногами была багровая растрескавшаяся твердь. Велегост поднял взгляд — и замер. Небо стало желтым! Нет, оно вообще исчезло, перед глазами клубилось огромное облако, страшное, пузырящееся. Из кипящего марева беззвучно сверкнула острая молния, повеяло холодом, и тут из самых глубин тучи начало медленно проступать что-то черное. Кей поднял руку, отгоняя видение, но туча не исчезла, она лишь приблизилась, чернота сгустилась, превращаясь в темно-лиловый шар. Холод усилился, сковал руки, ледяными когтями вцепился в лицо. Шар рос на глазах, менялся, терял очертания, гладкие бока змеились шевелящимися щупальцами... Уродливые отростки дрогнули и медленно, неторопливо поползли навстречу. Велегост невольно отшатнулся, и тут откуда-то сбоку начала проступать гигантская черная тень...

— Стригунок!

Резкий рывок — кто-то дернул за плечо. И тут же все исчезло. Перед глазами вновь была пустая дорога, зеленые склоны горы...

Велегост обернулся. Рядом стоял Лоэн, держа за руку Кейну. Лицо сестры было белым словно мел.

— Я же тебе говорила, Стригунок! Ты как?

Ответить было не так просто. Велегост выдохнул застрявший в легких холод, с силой провел рукой по изуродованному лицу.

— Вы... видели?!

Лоэн покачал головой:

— О нет, нет, благородный Кей! Мы видели только тебя, однако же и этого хватило...

Велегост облегченно вздохнул. Мара! Ему просто привиделось! Но перед глазами по-прежнему была красная пустыня, руки все еще чувствовали ледяной ветер...

— Это... это то, что убило риттеров Зигурда? — понял он. — Сва-Заступница!

Лоэн-гэру кивнул:

— Увы, даже через век злое чаклунство не развеялось. А посему не должно нам отходить друг от друга, особенно здесь, где Обдугаус столь близко...

Кей вздохнул. Хотелось расспросить подробнее, но он понимал — не время. Ясно и так, что кто-то из них троих способен защитить от злой ворожбы. Конечно, не он. Тогда кто? Сестра? Или этот кареглазый? И тут он подумал о Стане. Она там, в таборе, без защиты! Что она видит в этот миг?

— Брат! Стригунок! — Рука Кейны легла на его плечо. — Мы должны идти.

Велегост кивнул, заставил себя усмехнуться. Да, нужно...

Риттер печально вздохнул:

— Не ведаю, что впереди, однако же сердце говорит, что последняя дорога — самая трудная. Но не буду спорить. Оставим же здесь наших коней, хоть и не знаю я, увидим ли мы их по возвращении. И идти должно нам рядом, не удаляясь ни на шаг.

С ним не спорили. Коней стреножили и привязали к ближайшим кустам. Лоэн, покопавшись в мешке, достал небольшой свиток из старой кожи, развернул, быстро проглядел и спрятал за пазуху.

— Пошли!

Кейна улыбнулась и взяла Велегоста за руку. Лоэн протянул свою, и все трое ступили на дорогу, ведущую мимо бурых, поросших белым лишайником скал. Вокруг стояла полная тишина, лишь под ногами мягко шуршала потревоженная пыль. Мертвые Риттеры остались позади, дорога вела дальше, к подножию молчаливой горы. Несколько раз Велегосту казалось, что впереди, у самого Абдугая, он видит какую-то тень, но это были лишь старые деревья, росшие у опушки. Десять шагов, двадцать... Кей начал постепенно успокаиваться. Какая беда может их ждать? Лишь бы не оказался вновь под ногами багровый камень, не плеснула в глаза кипящая желтизна. Он представил, что видели в последний свой миг неведомые риттеры, искавшие сгинувший Клад, и содрогнулся. Одинак говорил о Змеях, о великанах, о мертвых всадниках. Наверное, те, что выжили, просто не нашли подходящих слов.

Лоэн начал что-то негромко напевать, и Велегост вновь позавидовал кареглазому. Интересно, все ли риттеры такие? Наверное, нет. В этом парне было что-то особенное, необычное...

— Дорога! — внезапно проговорила Танэла. — Видите?

Кей невольно взглянул под ноги, но под подошвами была все та же серая пыль.

— Мне кажется... — Кейна остановилась, поднесла руку к лицу. — Гора... Она теперь дальше, чем была!

Лоэн тоже остановился.

— Так ли это, не так, однако же должно идти.

Танэла кивнула, ее пальцы сжали руку брата. Велегост ободряюще кивнул, но на сердце был холод. Он видел — Кейна права. Они прошли уже треть пути, но Абдугай не становился ближе. Кей невольно ускорил шаг, еле сдерживаясь, чтобы не побежать. Еще сотня шагов позади, еще полсотни — но гора, словно издеваясь над непрошеными гостями, отступала куда-то вдаль. Внезапно в затылок ударил знакомый холод.

— Стойте! — Велегост резко оглянулся. — Лоэн, смотри!

Испуганно вскрикнула Танэла. Риттер замер, и Кей заметил, как бледнеет его лицо.

Там, откуда они вышли, клубилась чернота. Пропали скалы, сгинули дальние холмы, даже небо исчезло, будто

кто-то всесильный безжалостно обрубил его край. В сотне шагов от них дорога обрывалась, словно падая в пропасть. Но в этой пропасти не было ничего, только черная тень — глухая, безвидная. И эта тень наступала, затапливала долину, обтекала дорогу, неслышно катилась к горизонту...

Велегост, все еще не веря, посмотрел вперед — и ахнул. Абдугай исчез, провалился в черную пропасть. Клубящаяся тьма мчалась навстречу...

— Стригунок!

Танэла прижалась к брату, уткнула лицо в плечо. Велегост вновь оглянулся, рука привычно легла на рукоять меча — и тут же соскользнула. Сражаться не с кем. Против того, что окружало их, бессильна верная сталь.

Лоэн что-то крикнул, взмахнул рукой, и тут Кей заметил, что риттер выхватил меч. Миг — и клинок вонзился в землю. Лоэн-гэру повернулся, резко дернул рукой. По пыли зазмеилась глубокая борозда. Риттер вновь что-то сказал, и тут только Кей понял. Круг! Лоэн пытается начертить круг! Но разве это поможет? Впрочем, терять было нечего. Велегост достал меч, и через миг неровные линии сомкнулись. Риттер ткнул рукой на середину круга, Кей кивнул и схватил сестру за руку, отводя ее от черного края. Лоэн встал рядом, скрестил на груди руки...

И тут их захлестнуло. Чернота плеснула со всех сторон, поднялась до самого неба, погасила солнце. Через миг они стояли на небольшом неровном пятачке. Под ногами была земля, пыльная земля, истоптанная подошвами сапог, а вокруг плескалась тьма. Несколько мгновений они стояли неподвижно, затем Лоэн глубоко вздохнул и устало опустился на землю. В глаза ударили лучи исчезнувшего солнца, и риттер прикрыл лицо ладонью. Велегост невольно поразился — Небесный Всадник исчез, но внутри круга было светло. Он вновь оглянулся, надеясь заметить хотя бы небольшой просвет, щель, через которую можно увидеть исчезнувший мир, но тьма стояла недвижно, словно черная болотная вода.

Кейна судорожно вздохнула, пытаясь сдержать слезы. Велегост осторожно погладил сестру по плечу, затем, не спеша, вложил в ножны бесполезный меч и присел рядом с Лоэном. Риттер покачал головой:

— Увы мне! Не поверил я деду моему и не поверил себе. Чувствовал, однако понадеялся на удачу...

— Ловушка? — Велегост кивнул на черную стену.

— Уи! Поистине те, кто хранил тайну, были предусмотрительны.

Танэла тихо застонала, затем резко провела ладонью по лицу.

— Извините... Кейны не плачут, правда, брат?.. Лоэн, можно что-то сделать? Хоть что-то?!

Риттер медленно покачал головой:

— Рад бы вселить надежду в твое сердце, о прекрасная Кейна, но, увы... То, что я уже сделал, отдалит беду на час, может, на два. Более помочь нечем.

— Два часа? — Велегост оглянулся, словно пытаясь найти выход.— Но за два часа можно что-то... что-то придумать!

Лоэн не ответил, и Кей понял — надежды нет.

Прошел час, затем еще полчаса. Ничего не изменилось. Исчезнувшее солнце все так же освещало пыльную землю, а вокруг стеной стояла черная тьма. Оттуда не доносилось ни звука, даже слова гасли в подступившей темноте. Все трое сидели спина к спине, стараясь не смотреть на близкую смерть.

Молчать было страшно, слова позволяли забыться, не думать о неизбежном.

— Немного ведомо мне, о благородный Кей и прекрасная Кейна.— Голос Лоэна был негромок, но спокоен.— Говорят, что мир наш, сотворенный Господом, отнюдь не единственный, и граница между мирами иногда проходима. Рассказывают также, что Зигурд, сын Сигмонта не зря учился у неведомых чаклунов, и стало ему доступно великое умение — переходить эту границу по собственному желанию. Однако же здесь, возле Абдугая, силы, ему подвластные, вырвались на волю. Посему и гибли его славные риттеры, ибо поражали их неведомые существа иного мира, от которых в нашем нет защиты.

— Я видел багровую пустыню,— вспомнил Велегост.— Над ней была желтая туча...

— Так и возникло то, что назвали Колом. Ибо нарушена здесь граница между мирами. Дивно это, ибо думалось, что восстановится обычный порядок со смертью храброго Зигурда. Почему случилось иное, не ведомо мне. Может, дед мой, славный дукс Анхортас, в силах разгадать эту за-

гадку. То, что мы видим,— не наш мир и не мир соседний. Думаю я, что, с попущения Господнего, перенесло нас за пределы всех миров в некую пустоту, подобную той, что существовала до Дня Творения. И хоть сумел я неким могучим заклинанием отгородиться от гибели, но невелики мои силы...

Велегост окинул взглядом черную стену. Вот, значит, что было, пока Золотой Сокол не принес в клюве первую щепоть песка! Жаль, никому уже не расскажешь...

— Я должна была убить тебя, Лоэн,— внезапно проговорила Танэла.— Прости, если можешь!

Кею показалось, что он ослышался. Убить?! Убить Лоэна? Да за что?

— Так повелел тебе твой державный отец?

Лоэн горько усмехнулся, а Велегосту показалось, что он начинает сходить с ума. Отец? Отец приказал убить человека, которого никогда в жизни не видел?

— Да... Не удивляйся, брат. Отцу сообщили, что некий чародей из далекой страны собирается пробраться к Абдугаю. И этот чаклун знает о тайне, которую отец хотел сохранить любой ценой. И не только знает, но готов употребить ее во зло. Поэтому и послал Светлый меня вместе с тобой, Стригунок. Когда я поняла, что тот человек — это ты, Лоэн, мне стало страшно, но... Я поклялась отцу!..

Велегост все еще не мог прийти в себя, но в душе вновь шевельнулась обида. Отец доверил тайну сестре. Сестре — не ему.

— Поистине те, кто сказал такое Светлому Кею, лжецы пред Ликом Господним! — Голос риттера звучал твердо.— Ибо менее всего стремился я творить зло. Жаль, не удастся мне стать лицом к лицу с клеветниками!

Кейна промолчала, Велегост бросил взгляд на черную пелену и почувствовал, как сжалось сердце. Темная стена была уже совсем рядом.

— Лоэн! — шепнул он, стараясь, чтобы не услышала сестра.

Риттер повернул голову, вздохнул:

— Увы... Мои силы кончаются.

— Говорят, в Ирий нельзя уходить со злобой в сердце и грехом на душе.— Голос Танэлы дрогнул.— Перед тобой, брат, и перед тобой, Лоэн-гэру, я признаюсь, что собира-

лась убить невинного человека, хоть и по повелению отца, но в нарушение обычаев людских и Божьих. Это моя первая вина. Вторая же в том, что, умирая, оставляю я своего сына без матери, и поистине эта вина не меньше первой...

— Сына?! — От неожиданности Кей даже привстал. О чем это она? Разве у сестры есть сын?

— Ты не знал об этом, Стригунок! — Танэла грустно улыбнулась. — И никто не знал, кроме отца. Тот, с кем я хотела связать жизнь, погиб на полдне, он был в войске Сварга, когда румы высадились у Акелона. Моему сыну три года, он живет с кормилицей недалеко от Стрежня. Наверное, я плохая мать, Стригунок, но отец прав — в Савмате не любят Кеев-бастардов. Наша мать не простила бы, ты ее знаешь...

Ноги ощутили холод — черная бездна подползла совсем близко. Велегост встал. Остальные тоже поднялись, и теперь все трое стояли, спина к спине. Кей нащупал руку сестры и крепко сжал.

— Мне тоже тяжело уходить с кровавой ношей, — вздохнул он. — По моему приказу убили безоружных людей, которые искали моей милости. Я жертвовал своими воинами, посылая их на верную смерть. И хотя я лишь выполнял свой долг, долг Кея, их души все равно потребуют суда в Ирии. Но не только в этом моя вина. Я не верил своему отцу и завидовал брату. Завидовал — и был готов поднять на него меч. Да смилуются надо мною Золотой Сокол и Матерь Сва!

Холод стал сильнее, ледяное дыхание опалило лицо, и Велегост закрыл глаза. Найдут ли их души путь в теплый Ирий из этого черного безмолвия?

— Вы вините себя в сделанном, но мой грех тяжелее, — заговорил Лоэн. — В час, когда решалась судьба моей страны, я не взял в руки меч и не вышел на битву. И хотя запретили мне это мой отец и мой дед, должно было пренебречь запретом, ибо решалась в тот день судьба Логры и был на счету каждый боец. И был я плохим мужем и плохим отцом. Оставил я свою семью, хоть и по велению долга, но в нарушение законов Божьих и людских. Да смилуется надо мною Творец!

Все было сказано, и трое замерли на пороге Вечности. Мгновения тянулись, холод подступал к сердцу, наплывало забытье, и черная пелена уже затуманивала разум. Даже сквозь сомкнутые веки было видно, как темнеет вокруг.

— Звезда...

Голос сестры донесся, словно издалека, и Велегосту почудилось, что Кейна просто произнесла свое имя. Танэла — Звезда. Отец называл дочь Звездочкой...

— Звезда! — Голос Кейны прозвучал громче. — Стригунок, звезда! Она светит!..

Открывать глаза было трудно, почти невозможно, но Велегост все-таки разлепил заледенелые веки. В глаза ударил свет — острый, яркий. Звезда горела где-то далеко, в неизмеримой дали, но ее лучи пронзали черную тьму, рождая нежданную надежду.

— Лоэн!

Риттер отозвался не сразу:

— Я не верил. Господи, прости мне неверие мое!

Свет стал сильнее, он уже слепил глаза, звезда росла на глазах. Дышать стало легче, ледяные клещи отпустили сердце. И вот огонь, невыносимо яркий, живой, загорелся совсем близко. На миг Велегосту показалось, что он видит очертания огромной светящейся чаши, от которой исходит золотистое сияние. Видение исчезло, и тут тьма дрогнула. Луч цвета старого золота, разрубив черную пелену, упал, превращаясь в узкую тропу, висевшую прямо над бездной. Пахнуло теплым воздухом, в висках бешено застучала кровь...

— Велика сила Небесной Чаши! — Лоэн медленно поднял руку к черному небу. — Пойдемте, ибо это — наш путь!

Он первым ступил на золотистую тропу, затем повернулся, подал руку Кейне. Велегост шагнул последним, и тут же за его спиной неслышно сомкнулось темная стена. Золотая дорога казалась тонкой, невесомой, но ноги ступали ровно, и каждый шаг словно прибавлял силы. Сначала медленно, затем все быстрее и быстрее, тропа расширялась, становилось теплее, и вот в глаза ударил яркий солнечный свет. Негромко вскрикнула Танэла. Велегост обернулся — и ахнул. Исчезла черная бездна, над ними голубело безоблачное летнее небо, вокруг лежала знакомая долина, а впереди зеленел лес, росший на склоне загадочной горы.

* * *

Они вновь сидели, но уже не на дороге, а в душистой траве. В двух шагах была опушка, а над ними возвышалась недвижная громада Абдугая. Вдали темнело два небольших

пятнышка. Страшные скалы — Мертвые Риттеры — казались отсюда безобидными камешками.

— Поистине неисчислимы силы Небесной Чаши, — негромко рассказывал Лоэн. — И пока хранит ее дед мой, славный Анхортас, не страшны нам ни меч, ни ворожба. Тридцать лет, с того несчастного дня, как погиб гэну Удер, последний правитель Логры, наша семья бережет святую реликвию. Не отдали мы ее безбожному Арх-тори, коего недаром прозвали Медведем-Волопасом. Не смог он добыть ее, хоть и многих посылал он разбойников во все стороны света. Но не открыли мы ворота твердыни нашей и сберегли Чашу для тех, кто ее будет достоин...

Риттер замолчал и улыбнулся. Велегост тоже усмехнулся. Приятно чувствовать себя живым. И хорошо, что где-то существует загадочная Чаша!

— Эта Чаша... Она может все?

Лоэн рассмеялся:

— Все может лишь Господь! Однако же сил Его Чаши и мудрости деда моего хватило, чтобы даже через полмира следить за неразумным риттером, который пренебрегает мудрыми советами, и вовремя спасать его, как спасают из проруби слепого щенка... Но не пора ли нам двинуться в путь? Если прекрасная Кейна уже отдохнула...

— Прекрасная Кейна отдохнула. — Танэла встала, поправила длинные светлые волосы. — Лоэн... После всего... Мне нечего стыдиться, но все равно — прости! Я не виновна, что получила именно этот приказ, а не другой.

— Полно! Мы все сказали правду, а правда не может обидеть. — Лоэн достал из-за пазухи свиток, развернул, прищурил глаза. — Однако же поиск наш не закончен...

— Нам направо, — вздохнула Кейна. — Это совсем рядом.

Велегосту оставалось лишь удивиться — в очередной и явно не последний раз. Он уже понял, что карегазый парень не иначе как из семьи чаклунов, может, даже рахманов, ведь Патар Урс рассказывал, что рахманы живут по всему свету. Но Танэла!.. Как плохо он знал старшую сестру!

Тропа, еле заметная в густой траве, вела вдоль опушки. Кей то и дело оглядывался, однако ничего загадочного заметить пока не мог. От горы приятно веяло прохладой, вдоль тропы росли невысокие колючие кусты, а если что

и привлекало внимание, так это отсутствие птиц. Впрочем, к этому он уже успел привыкнуть.

Тропа резко свернула влево, пошла вниз...

— Здесь!

Велегост удивленно оглянулся. Прямо перед ними была круглая поляна, посреди которой лежал большой бурый камень, издали напоминающий грубо сколоченный стол. За ним возвышалась серая, в белесых пятнах лишайника скала. Кей недоумевающе посмотрел на сестру. Неужели это и есть та самая тайна?

— Поистине так. — Лоэн остановился и глубоко вздохнул. — Как сладостно, о друзья мои, узреть окончание столь долгого и столь нелегкого пути! Дивлюсь лишь я, о прекрасная Кейна, сколь точно и быстро ты нашла это место.

Танэла не ответила. Быстро оглядевшись, она направилась к скале. Велегост последовал за сестрой, все еще недоумевая. Камень весьма походил на жертвенник, а скала — на сотни иных скал, которые довелось увидеть по пути.

— И здесь тоже! — Кейна указала рукой куда-то вверх.

Велегост поднял взгляд и усмехнулся. Старый знакомый!

Кеев Орел распластал широкие крылья по серому камню. Когти сжимали Железный Венец. Годы пощадили тамгу Кея Кавада; если б не пятна лишайника, можно было подумать, что лишь вчера острый резец врубался в скалу.

— Змея нет, только Орел. — Танэла отступила назад, внимательно оглядывая серый камень.

— Уи, сиятельная. — Лоэн подошел к скале, осторожно коснулся рукой. — По всему видно, не смог славный Зигурд пройти этот путь до конца.

Между тем Танэла тоже подошла к скале, быстро провела рукой.

— Есть! Смотрите!

Прямо под Орлом чьи-то руки вырубили странное углубление. Словно могучий волат со всего размаху ударил пятерней по камню. Края уже стерлись, местами осыпались, и Велегост понял, что след — очень давний. Куда более давний, чем залетевший сюда Кеев Орел.

— Ну что, Лоэн? — Кейна улыбнулась и отошла на шаг.— Кто приложит руку — я или ты?

Риттер улыбнулся в ответ и молча поклонился.

— Лоэн! Сестра! — не выдержал Велегост. — Да объясните же!..

Кейна задумалась, вздохнула:

— Я клялась, что не выдам тайну... Я плохо исполняю клятвы, Стригунок! То, что ты видишь, лишь камень — каменная Дверь, за которой спрятана невиданная сила. Знаешь, как погиб дядя Улад?

Кей поневоле удивился. Вспомнились рассказы отца...

— Дядя Улад погиб, когда боги сотрясли землю. Сдвиг-Земля! Это случилось двадцать лет назад, он вел свое войско за Денор против дяди Алая...

— Не боги! Теперь понимаешь?

Не боги? Велегост с ужасом посмотрел на отпечаток руки, врезанный в камень. Не боги?! Неужели...

— Отец знал об этой Двери. Знал — и даже видел ее в чаклунском Зеркале. Знал он, знали Патар Урс и великий шайман Тай-Тэнгри. Тогда, возле Утьей переправы, именно Тай-Тэнгри сделал так, чтобы малая кровь остановила большую...

Кей покачал головой — слишком многое пришлось узнать за этот день. Да, тогда, двадцать лет назад, оба войска погибли, погибли дядя Улад и дядя Алай. Но разве человек в силах совершить такое?

— Значит, если я приложу пальцы, — Велегост осторожно протянул руку, но тут же поспешил отдернуть, — эта Дверь... откроется?

— О нет, благородный Кей! — усмехнулся Лоэн. — Тот, кто создал то, что твоя сестра назвала Дверью, не был столь безрассуден. Нужен человек, которому Господь или судьба даровали такое право. Без него камень останется просто камнем.

— Человек-Ключ, — кивнула Кейна. — Стригунок, ты ведь помнишь, я приемная дочь. Я была еще в колыбели, когда кто-то захотел уничтожить Ключ. Уничтожить меня, понимаешь? Все наше село вырезали, но Урс, он тогда еще не был Патаром, вывез меня и мать. Через год мать умерла, и тогда Светлый удочерил меня. Ты не удивлялся, почему у меня такое странное имя? Мать — моя настоящая мать, звала меня Зирка — Звездочка. Но у Кейны не может быть столь простого имени. Так стала я твоей сестрой, Стригунок! Во всей Ории только я могу открыть Дверь. Я и...

Она посмотрела на Лоэна. Риттер развел руками:

— Я поведал уже почти все. Я тоже родился с этим даром, и дед мой, славный дукс Анхортас, направил меня в страну Ут к горе Абдугай. Не лгал я, говоря о родиче своем, Зигурде, сыне Сигмонта, ибо он тоже был Ключом и надеялся пробудить великую силу, что скрыта за этим камнем. Говорят, что сотворили это некие древние люди, которых, как узнал я, вы именуете Первыми. Мы, логры, иначе называемые дэргами, — их потомки. Думаю я, что и Дети Тумана — тоже нашего племени. И даже у вас, в земле Ут, живут наши родичи, что унаследовали от предков не только кровь, но и великие знания... Теперь понимаю я твоего отца, сиятельная, и, коли так, не смею первый стучаться в Дверь. Попробуй ты. Но если нужна помощь, я буду рядом. Не бойся! От одного прикосновения Земля не сдвинется с места.

Он вновь поклонился и отошел в сторону. Велегост нерешительно поглядел на сестру и последовал его примеру. Они прошли к краю площадки и присели в высокую траву.

— Не подходите! — послышался негромкий сдавленный голос Танэлы. — Что бы ни случилось — не подходите!

— Это... Это не опасно? — шепнул Кей.

— О нет, нет! — улыбнулся Лоэн. — Не опаснее, чем разжигать костер. Однако же костер следует разжигать умело...

Несколько мгновений Танэла неподвижно стояла у скалы, затем ее рука медленно поднялась, прикоснулась к камню, исчезла в углублении. Кей замер — но ничего не произошло. Танэла стояла не двигаясь, серый камень молчал. Велегост уже успел подумать, что отец ошибся, как вдруг послышался сдавленный крик. Кейна отдернула руку, отшатнулась, ладони закрыли лицо...

— Апа!

Велегост бросился к сестре, обнял за плечи. Кейна опустила руки, глаза глядели растерянно:

— Что... Что это было?

— Мы ничего не видели! — растерялся Кей, но тут послышался негромкий смех.

— Прости меня, сиятельная Танэла! — Риттер улыбался. — Не над тобой смеюсь я, просто вспомнил, как довелось мне впервые так же приложить руку к Двери. Было это далеко отсюда, но давние секреты сходны... Тебе не объяснили?

— Нет! — Танэла растерянно взглянула на скалу. — Отец сказал, что нужно просто приложить руку, а дальше я пойму сама...

Лоэн вновь улыбнулся и кивнул:

— Станьте здесь. И не бойтесь ничего, ибо если сие и волшебство, то не злое. Смотрите!

Он замер на мгновение, поднял взгляд к небу, затем осторожно прикоснулся ладонью к камню. И тут же свет померк, исчезло солнце, пропала серая скала. Велегост еле удержался от крика — в глаза вновь ударила знакомая чернота. Но страх мгновенно прошел, сменившись восхищением. Звезды! Черное небо было полно звезд — ярких, лучистых, подобных той, что светила им на краю гибели. Звезды были всюду: сверху, рядом, даже под ногами, — и Велегост понял, что он уже не стоит, а неподвижно висит в черном пространстве...

— Стригунок? Это ты?

Кей обернулся — и замер, пораженный. Тело Танэлы светилось, горело теплым серебристым огнем. Он взглянул на себя — и только вздохнул. Так, наверно, выглядят боги.

— Лицо! Стригунок! Твое лицо! Шрамы исчезли!

Рука привычно коснулась щеки, и Кей горько усмехнулся — нет, таких чудес не бывает. Шрамы никуда не делись, как и перебитый нос, порванные губы. Все это только видение, мара.

— Поистине, не видел я большей красоты! — Лоэн подошел ближе, поднял взгляд к черному, полному звезд небосводу. — И хоть не впервые зрю такое, однако же каждый раз дивлюсь!

Тело риттера тоже светилось, теплым огнем горело лицо, от пальцев рук исходило яркое сияние. Велегосту даже показалось, что парень стал выше ростом.

— Говорил мне дед мой, славный дукс Анхортас, что именно так выглядели наши пращуры, те, кто сотворил это чудо. И лишь потом обрели они низкую плоть. Так ли это, не ведаю... Однако же Дверь открыта. Чего желаешь ты, прекрасная Кейна?

Танэла нерешительно провела рукой по воздуху. Несколько светящихся искр сорвалось с пальцев, и тут же где-то совсем рядом закрутился яркий светящийся водоворот. Кейна замерла.

— Отец хотел проверить, — неуверенно проговорила она. — Хотел узнать, действительно ли я могу... И еще. Он хотел, чтобы Дверь нельзя было использовать для злых дел. Чтобы нельзя было разрушать, жечь, сотрясать землю...

Лоэн кивнул и легко вскинул вверх правую руку. Велегост даже не понял, что произошло. На миг ему показалось, что рука риттера коснулась одной из звезд. Пальцы Лоэна засветились ярче, и над его ладонью начал быстро расти маленький золотистый шарик. Вот он стал размером с яблоко, затем с голову ребенка. Лоэн отступил на шаг — шар был уже огромен, он заслонял звезды, по золотистой поверхности пробегали яркие сполохи. Риттер вновь взмахнул рукой и схватил еще одну звездочку, совсем маленькую, горевшую голубым огнем.

— Поймал!

Послышался негромкий смех, Лоэн провел ладонью по воздуху, и синяя звездочка превратилась в маленький шарик. Риттер удовлетворенно кивнул и внезапно резко взмахнул левой рукой.

Негромко ахнула Танэла. Звездная россыпь исчезла, пропал золотистый шар, а перед ними в голубоватой дымке плыла неровная поверхность, покрытая синими и коричневыми пятнами. Лоэн нетерпеливо дернул ладонью. Пятна выросли, налились цветом...

— Узнаете? — Светящаяся серебристым огнем рука указала куда-то в самый центр, где по зеленовато-бурому простору тянулась узкая неровная голубая полоска.

Велегост решил, что Лоэн шутит, но внезапно в голубых изгибах почудилось что-то знакомое. Он уже видел это!

— Денор! Денор! Это... Это Ория?!

Да, он уже видел такое — на большой мапе, что хранилась у отца. Все верно, Денор, слева — желтые пятна Змеевой Пустыни, на полдне — Змеиное Море, Харбай, а вот и Савмат — маленькая точка на изгибе синей ленты.

— Страна Ут! — кивнул Лоэн. — Таковой не видят ее даже птицы, ибо не по силам и орлу подняться в заоблачную высь. Отсюда не увидеть многого, однако же стоит лишь захотеть...

В его руке каким-то чудом оказалась серебристая палочка — светящаяся, невесомая. Острие ткнуло куда-то влево, в темное неровное пятно. И тут же пропал Денор, темные пятна выросли, превращаясь в поросшие лесом склоны, мелькнули знакомые камни.

— Сва-Заступница! — Велегост протер глаза. Перед ним была серая, покрытая лишайником скала, возле нее — трое в знакомых плащах...

— Это... Это мы! — Танэла тоже узнала и в растерянности отступила на шаг. И в тот же миг другая Танэла, та, что стояла у камня, сделала то же самое.

— Так и есть, сиятельная! — Лоэн легко двинул ладонью, и скала исчезла, уступив место громадной, поросшей лесом горе. — Ибо только нам дано видеть истинную Дверь, все прочие узрят лишь мертвый камень. Однако же не зря обратил я внимание ваше. Глядите!

Гора отодвинулась, скрывшись за легким полупрозрачным облаком. Лоэн закрыл глаза, немного подумал и медленно провел по воздуху ладонью. Миг — и пропала зелень горного леса, а перед глазами начало медленно проступать огромное, похожее на гнойный нарыв багровое пятно, окруженное тонкой синей каймой. Пятно дрожало, пульсировало, словно пытаясь разорвать непрочный обруч.

— Вот оно, Коло! — Риттер махнул рукой, и в воздухе закрутился серебристый вихрь. — Цвет неба — цвет нашего мира, иной же — знак мира чужого. Здесь, у Абдугая, сместились миры, и да простит Господь того, кто допустил это. Но довольно! Пора вернуть истинный лад!

Легкое движение — и вихрь окутал багровое пятно. Громадный нарыв на миг замер, затем дрогнул, словно пытаясь вырваться из серебристой сети. Синяя кайма стала тоньше, подалась в стороны, но выдержала. По багровой поверхности пошли волны...

— Почему мы смогли пройти через Коло? — негромко спросила Танэла. — Кто нас провел, ты или я?

— Никто бы из нас не прошел один, сиятельная. Однако же вдвоем смогли мы противостоять чужому миру. Потому и стремился я, дабы не расставались мы надолго, особенно здесь, у Обдугауса...

Велегост вспомнил о Стане. Как она там? Смог ли Лоэн защитить девушку?

Багровый цвет сменился красным, затем начал светлеть. Синяя кайма выросла, подалась вширь, серебристый вихрь кружился, рассыпая легкие, невесомые искры. Велегост с трудом оторвал взгляд — в глазах рябило.

— Почему это не сделал сам Зигурд?

Лоэн-гэру пожал плечами:

— Думаю, не смог он пройти мимо Мертвых Риттеров, чтобы отворить Дверь. Да и не Дверь искал он. Нужна ему была она лишь для того, дабы отыскать Клад Детей Тумана. Но не возмог он, лишь привел беду в эти края.

— Он искал Мерило? — вспомнила Кейна.

— Уи, спятельная. Мнится мне, что вещь, Мерилом именуемая, дарует невиданную силу — открывать Дверь, даже не подходя к ней и ее не видя. И не нужен для этого Ключ, довольно лишь нехитрых знаний, что доступны любому чаклуну. И хвала Господу, что не отыскан доселе сей Клад, ибо не счесть бед, ежели попадет он в руки глупца или злодея...

Розовый круг сжался, превратился в точку и сгинул, смешавшись ровной голубизной. Лоэн облегченно вздохнул:

— Конец злому чародейству! Жаль, не ведал я об этом прежде, чем тронулся в путь, ибо очистил бы дорогу и не было нужды нам претерпевать беды... Однако же сделанного довольно. Что еще показать вам?

— Савмат! — усмехнулась Танэла.

Лоэн поднял руку. Легкая вспышка — и перед глазами блеснула тихая гладь Денора. Слева желтела кромка высокого берега, а дальше темнели десятки крыш, обрамленные белым кольцом каменных стен.

— Красиво! — вырвалось у Кейны. — Лоэн, а что можно еще?

— Дождь, — улыбнулся риттер.

Левая рука дрогнула, и на город начала медленно наползать серая пленка облаков.

— Только дождь? — осторожно спросил Велегост. Увиденное почему-то напугало.

Конечно, чаклун вызовет дождь и без всякой Двери, но чтобы так, одним движением ладони!..

— Увы, нет! — Риттер вздохнул. — Дождь может стать ливнем, ливень — грозой, гроза же — ураганом...

...Тучи уже затянули весь город, стало темнее, и вот облака прорезала острая вспышка молнии...

— Нет! — вскрикнула Танэла. — Не смей!

— Помилуй, прекрасная Кейна! — Риттер опустил руку. — Неужто похож я на злого чаклуна? Над стольным городом, где правит твой державный отец, пройдет дождь,

и не будет от этого беды. Однако же вы спросили, и я дал ответ. Дождь может быть простым, но может — огненным. Река может выйти из берегов или повернуть вспять. И земная твердь способна стать подобной воде...

— Сдвиг-Земля! — вырвалось у Кея.

— А разве не вы сотворили это двадцать лет назад? Разве не вы сотрясли землю у Денора? Не вы ли погубили тысячи людей?

Внезапно Велегост почувствовал стыд. Он не виновен в давней беде, он даже не знал об этом. Но ведь отец знал, и, может, не только знал!

— Тогда была война! — быстро заговорила Кейна. — И эту войну нужно было остановить, даже такой ценой! Это сделал Тай-Тэнги, огрский шайман, но он умер, умер два года назад. Перед смертью он велел передать отцу, что его Дверь закрыта навеки!..

— Но эта открыта, о прекрасная Кейна! Сейчас твой отец хотел не подпустить к Двери меня, пусть и не задумывал я ничего злого, а через год пожелает, чтобы ты предотвратила новую войну...

— Нет... — неуверенно начала Танэла. — Он никогда... я...

— Лоэн прав! — вздохнул Велегост. — Мы уже выпустили Смерть на свободу. Тебе прикажут, сестра, и ты сделаешь.

Кейна не ответила. Все трое молчали, а перед глазами клубились темные тучи, сквозь которые беззвучно сверкали молнии. Савмат исчез, накрытый грозой. Велегост вновь взглянул на кипящие облака и внезапно понял, что он видит. Нет, не грозу! Не дождь, внезапно обрушившийся на Кей-город! Он видит свое будущее — такое же грозное, в тучах и пламени. Достаточно узнать, как обращаться с неведомой силой, и тогда... Сестра поддержит его, и он поведет на столицу не кметов с мечами и гочтаками, а тучи, готовые разразиться дождем — огненным дождем! Перед этим будет бессильно все — интриги матери, хитрость брата, серебро Кеевых мужей. И сквозь огненный вихрь блеснет для него, для Кея Железное Сердце, Венец Кавада. Но это станет лишь началом! Огры, румы, лехиты — что они смогут против ЭТОГО?!

— Нет! — прошептал он, словно отгоняя нежить. — Нет! Нет! Никогда!..

— Стригунок! Стригунок!

Сестра что-то говорила, трясла за плечо, Лоэн поддержал за локоть, помогая сесть, но перед глазами Кея по-прежнему стояли тучи, разрезаемые молниями. Его, Велегоста, сына Войчемира, называют Железным Сердцем. Тогда, наутро после Битвы Солнцеворота, он поклялся, что больше никогда не прикажет убивать безоружных. Поклялся... Но потом, когда он узнал, что Венец достанется другому...

— Не должно употреблять эту силу во зло, — негромко заговорил риттер. — Лучше запереть Дверь навеки — и забыть о ней. Когда погиб славный Зигурд Змеебойца, предки мои закрыли Дверь, что была в земле Детей Тумана. И моя семья тоже закроет Дверь, когда враги ворвутся за наши стены. Однако же сколь жаль уничтожать великое чудо!

Лоэн задумался, а затем медленно провел рукой перед лицом Кея. Исчезли кипящие тучи, пропал Савмат, а вместо этого Велегост увидел легкое серебристое облако. Светящийся туман заструился со всех сторон, обволакивая тело, словно кокон. В висках застучала кровь, внезапно заныли зубы, в ладони вонзились сотни маленьких иголок...

— Не бойся, Кей! Ждать недолго, и не принесет тебе это зла...

Велегост кивнул и прикрыл глаза. Что задумал риттер? По телу разливался сухой жар, начал ныть затылок, боль от невидимых иголок на миг стала невыносимой... И вдруг все кончилось. Кей открыл глаза. Вокруг ярко горели знакомые звезды, а рядом стояли два светящихся призрака. Лоэн-гэру улыбался.

— Прости, что не предупредил, о благородный Кей, однако же хотелось доказать сказанное прежде. Сила, которую скрывает Дверь, может многое — если не все. Среди прочего способна она пробудить силы, что скрыты в нашей душе и в нашем теле. Не спрашивал я тебя, что сталось с твоим лицом, Кей Велегост, ибо не должно спрашивать попусту. И не сочувствовал, ибо такое сочувствие лишь унижает истинного риттера. Однако же теперь могу сказать, что Дверь, за которой ты видел только смерть, способна подарить надежду...

Ладонь уткнулась в изуродованный нос, легла на губы...

— Что? Что ты сказал, Лоэн?!

Риттер вновь улыбнулся, и Велегосту почудилось, что свет, идущий от сверкающей фигуры, на миг стал сильнее.

— Тело наше само способно лечить раны. Искусный знахарь не станет поить страждущего отваром из болотных лягушек или прикладывать к ране крысиное мясо. Должно лишь разбудить силы, что спят в каждом из нас. Теперь эта сила проснулась и в тебе, о благородный Кей. Небыстрое и непростое это дело, однако же не ошибусь, ежели скажу: через год, много — через полтора, быть твоему лицу таким, каким и должно, без шрамов и рубцов. И не благодари меня, ибо не мне обязан ты.

Велегост с трудом отнял руку от щеки, все еще не веря. Нет, такого не бывает! Даже боги не способны на это!..

— И лечить возможно не одного, а целые села и даже народы. Так остановил дед мой, славный дукс Анхортас, Черную Смерть, что стояла у наших границ. И не однажды случалось это...

Лоэн резко взмахнул рукой. Черное небо засеребрилось мириадами ярких искр — и тут все пропало. В глаза ударило яркое солнце. Вместо светящейся сферы перед ними вновь была серая скала, покрытая белесым мертвым лишайником. Кей с трудом перевел дух. Виденное казалось сном, даже бредом. Но ведь это было! Ладони еще помнили следы уколов, слегка ныли виски...

— Ты — великий чаклун, Лоэн-гэру, — негромко проговорила Танэла, осторожно притрагиваясь к холодному камню. — Теперь я понимаю, почему тебя так боятся!

— Боятся? — Риттер явно растерялся. — Меня нечего бояться, сиятельная! Ежели возжелаешь, научу и тебя, как открывать Дверь, ибо не так и сложно искусство это...

Кей молчал, хотя и понимал, что молчать нельзя. Нужно поблагодарить... Нет, поблагодарить можно и потом! Надо объяснить сейчас, пока они еще здесь, что Дверь нельзя оставлять открытой! Перед глазами вновь встали серые тучи, разрезаемые молниями...

Велегост быстро оглянулся, словно кто-то мог подслушать его мысли. Нет, он не желает зла — ни брату, ни матери. Он никогда не попросит сестру, чтобы та разбудила Смерть, убившую дядю Улада! Он никогда не разверзнет землю перед конницей брата, который посмеет посягнуть на Венец! Он не взбунтуется против отца...

— Стригунок! — Рука Танэлы легко коснулась плеча, и Велегост вздрогнул, словно к горлу приставили холодное лезвие кинжала. О чем он думает? Сва-Заступница, о чем он смеет думать!

— Нам надо возвращаться. — Первые слова дались тяжело, но дальше пошло легче. — Сестра, ты все узнала? Все, что велел отец?

Кейна неуверенно поглядела на Лоэна, затем кивнула:

— Я должна все рассказать Светлому. Лоэн, ты поедешь с нами в Савмат!

Последние слова прозвучали твердо, как приказ. Впрочем, риттер и не пытался спорить и лишь молча поклонился. На душе у Кея стало легче.

— Надо возвращаться, — повторил он. — Нас ждут.

Имени Станы он называть не стал, но заметил, как на щеках Лоэна вспыхнул легкий румянец. Кей отвернулся, ладонь коснулась лица. Риттер обещал... Такие, как Лоэн, не лгут, но парень из неведомой земли мог просто ошибиться. Впрочем, разве дело только в разорванных губах и сломанной переносице? Недаром говорят, что любовь даруют боги...

* * *

Закатное солнце отражалось в гладкой стали. Сторожевой кмет был виден издалека, и Велегост облегченно перевел дух. Живы! До поляны, где ждал отряд, было далеко, но Кей уже пытался угадать, кто тот парень, что стоит на посту. Хорошо, если уцелели все — и десятник со смешным именем, и его кметы, и, конечно, синеглазая девушка.

Хотелось подбодрить усталого коня, бросить его галопом, но Кей сдержался. Ничего не случилось, они возвращаются, целые и невредимые, сейчас он окликнет часового, пошутит, спросит, не соскучились ли...

Наконец Велегост узнал кмета. Улог, из-под Савмата, отец — конюший в Палатах отца...

— Кей!

Голос был незнакомый — хриплый и тихий. Парень повернулся, на Велегоста взглянули полные боли глаза.

— Кей...

Руки похолодели, заныло сердце, но Велегост все же попытался улыбнуться:

— Чолом, Улог! Что невесел?

Кмет ответил не сразу:

— Чолом! Остался за старшего, Кей. Девушка жива. И... у нас гость...

Велегост кивнул, соскочил с коня и, с трудом сдерживаясь, чтобы не побежать, шагнул вперед. Ноги скользнули по чему-то мокрому. Кей взглянул вниз — и еле удержался, чтобы не вскрикнуть. Да, он уже видел такое, и не раз, и не два. Но тогда кровь была на белом — на холодном зимнем снегу...

...Трупы лежали на поляне — один на другом, тяжелые, недвижные. Никто не бросил оружия. Мертвый десятник сжимал в руке меч, из расколотого черепа стекал желтый мозг. Рядом лежала чья-то рука — оторванная, с красными нитками жил. Ленивые мухи неторопливо ползали по засыхающей крови. Велегост невольно отвернулся. Теперь он понимал, как погибли риттеры Зигурда...

— Вернулись...

Голос был знаком, но Велегост не спешил оборачиваться. Почему-то он ждал, что еще увидит этого человека. Может, не здесь, но обязательно увидит.

Странный старик сидел на земле, держа на коленях голову Станы. Девушка была без сознания, побелевшие губы сжались, светлые волосы закрывали лицо.

— Вы вернулись поздно, но все же не опоздали. Маленькая госпожа жива.

Черные глазницы смотрели в упор, и Кею вновь показалось, что старик видит. Рядом еле слышно плакала Танэла. Лицо Лоэна было белым как мел.

— Пусть она спит. Я сделал, что мог...

Одинак осторожно уложил голову Станы на землю и медленно встал. Тут только Велегост заметил, что на нем уже не белая рубаха, а красный, отороченный золотом плащ. В седых волосах неярко блеснула серебряная диадема.

— Ты напрасно не сказал нам правды, Зигурд, сын Сигмонта, — негромко проговорил Лоэн. — Я догадался слишком поздно.

На миг Велегост почувствовал изумление, но тут же все сложилось в единую цепь: мертвые риттеры, невидимые враги, потомок Зигурда Змеебойца, соединивший два мира в один. И — Одинак, единственный, кто не боялся проклятого Кола...

— Вы тоже не сказали мне правды. — Старик медленно покачал головой. — Когда я понял, что эти люди оставлены умирать, я пришел и пытался помочь. Что еще мог я сделать?

— Предупредить! Рассказать, что нас ждет! — не выдержал Кей. — Тебе мало того, что уже случилось?

— Рассказать? — В мертвых глазницах, казалось, вспыхнул огонь. — Разве это остановило бы тебя? Ты — не первый, кто пытался завладеть моим наследством, просто ты более удачлив, чем прочие.

— Поистине, это нет так! — Лоэн шагнул вперед, в голосе звенел гнев. — Не ведаю я, кто ты — Зигурд или призрак Зигурда, но должен ты ведать, что все это принадлежало Детям Тумана! И ни ты, ни прадед твой, хоть и славен он был среди риттеров, не имели права передавать тайну другим!

— Добавь: другим людям. — В тихом голосе промелькнула насмешка. — Узнаю гордыню дэргов, Лоэн-гэру, сын Парса! Вы, нелюди, всегда боялись, что ваша тайна станет известна непосвященным!

Нелюди? Что за бред? Велегост, не понимая, повернулся к сестре. Она лишь пожала плечами, и Кею подумалось, что старик все же повредился рассудком.

— Поистине злость не бывает правой! Мы всегда делились тем, чем владели, и прадед твой должен был ведать это лучше прочих. Но многие тайны — поистине слишком тяжкая ноша. Что сделал ты, Зигурд, своим злым чаклунством? Впустил в наш Божий мир чудищ, коим нет имени и названия? Опустошил целый край? А после оставался на руинах, дабы прочие не проникли к Обдугаусу?

— А ты, Лоэн-гэру, всех спас. — Бледные губы искривились усмешкой. — Радуйся, ворожба дэргов вновь оказалась сильнее. Но это ненадолго! Логра, твоя земля, уже пала, пала страна Детей Тумана, придет черед и дхаров. Пока же ухожу я, поистине отплатив добром за зло. Прощайте!

— Постой!

Велегост бросился вперед, но старик поднял правую руку, и тут же его высокая фигура начала бледнеть, медленно исчезая в вечерних сумерках. Вскрикнула Танэла, Кей закусил губу, чтобы не выдать страха. Лоэн вздохнул, пальцы коснулись лба, затем плеча...

— Прощай, злосчастный Зигурд, и да смилуется над твоей душой Тот, Которого ты не чтил! Однако же должен ли я объясниться, о благородный Кей? Ибо слова его...

— Ты ничего нам не должен, Лоэн! — перебила Танэла. — Лучше принеси воды, Стане плохо.

И тут только Велегост опомнился. Люди, нелюди! Они тут болтают!.. Он бросился к девушке, осторожно приподнял голову. Стана негромко застонала, губы дрогнули...

— Ничего, Стригунок! — Кейна опустилась на колени возле девушки, руки скользнули по виску, затем прикоснулись к бледной щеке. — Хвала Матери Сва, у нее просто обморок.

Подбежал Лоэн, неся в шлеме воду. Кей обмакнул руку, смочил сжатые губы. Стана вновь застонала, веки слегка дрогнули:

— Ты... Велегост, ты здесь? Ты пришел? Лоэн... Кейна... Вы вернулись? Мы... Я так ждала...

В первый миг Кей даже растерялся, не зная, что сказать.

— Я вернулся, Стана! Мы...

— Я знала... — Синие глаза медленно открылись. — Ты ведь победил их всех? Этих... этих страшных... Правда?

Велегост не нашел что ответить, а девушка внезапно всхлипнула и уткнулась лицом в его плечо. Кей сидел неподвижно, боясь даже пошевелиться, а Стана плакала, повторяя сквозь слезы одно и то же:

— Вернулся... вернулся... вернулся... вернулся...

Глава третья
ЖЕЛЕЗНОЕ СЕРДЦЕ

Кнеж Савас был толст, усат и громогласен. Издали он походил на бочку — на очень большую бочку, по чьему-то странному недомыслию наряженную в богатый парчовый каптан и увенчанную высокой красной шапкой. И гудел он под стать бочке, даже еще громче. В те редкие мгновения, когда кнеж пытался смирить свой голос, гудение не прекращалось, становясь лишь немного глуше.

— Давно, давно тебе, Кей, надо было меня позвать. Без моих гурсаров тебе вовек не справиться, клянусь Перку-

ном! Куда твоим заморышам до наших орлов? Всем вы, сполоты, хороши, да только трем вещам не обучены — рубиться, пить и хвастать!

Обижаться было нельзя. Кнеж был давним союзником отца, кроме того, толстяк явно шутил — маленькие глазки смеялись, а пухлая рука так и лезла крутить левый ус. Усы у Саваса были приметные — длинные, как у бродников, к тому же выкрашенные в ярко-рыжий цвет. Правый, который явно крутить не полагалось, был лихо заломлен за ухо, украшенное большой серебряной серьгой.

Велегост и не думал обижаться. Кнеж честно выполнил обещание, приведя две сотни одетых в бронь латников в самое сердце Харпийских гор. Привел он и мастеров, сделавших невозможное — за неделю Лосиный Бугор превратился в настоящую крепость. И теперь довольный Савас водил Кея вдоль пахнущего свежей сосной высокого частокола.

— Глиной обмажем — век стоять будет! — Пухлая ладонь похлопала по бревну.— Нет, Кей, не справиться тебе без лехитов. Даже если пить да рубиться научитесь, так, как мы, хвастать все равно не сможете!

Велегост улыбнулся — кнеж свое дело знал. Теперь его мастера строили вторую крепость у самой мадской границы. Через несколько дней дорога на закат будет надежна закрыта.

— Хвастаться, говоришь? — Кей бросил взгляд на высокую деревянную вежу, на вершине которой еще возились плотники.— Так похвастай, кнеж!

Толстяк удовлетворенно хмыкнул. Миг — и в воздухе сверкнула голубоватая сталь.

— Погляди на этот меч, Кей! Такого меча ты нигде не сыщешь. Все разрубит — и сталь, и тонкий платок. Да не тем он хорош. Щербинку видишь?

Действительно, тонкое, как бритва, лезвие имело еле заметный изъян.

— Прадед мой, кнеж великий Лашко, исщербил этот меч о ваши ворота, когда вступал с войском в Савмат. И теперь во всей земле лехитской нет меча славнее!

Велегосту показалось, что он ослышался. Лехиты брали Кей-город? Когда? И кроме того...

— Исщербил, значит? — усмехнулся он.— О ворота?

— Истинно так, и порукой тому...

— Каменные ворота в Савмате построили только тридцать лет назад, при Кее Мезанмире. Или твой прадед его о дерево исщербил?

Толстяк крякнул, крутанул ус и внезапно захохотал:

— Вот я и говорю, не обучены вы, сполоты, хвастать!

Все шло как должно. Уже три дня Велегост был на Лосином Бугре, и за это время сделано немало. Сотня латников с тысячником Воротом ушла к мадской границе, дедичи во главе с Ворожко собирали своих кметов, а лазутчики в Духле внимательно следили за тем, что затевает глава Рады.

Хлопот было много, привычных, обыденных, и недавнее путешествие по страшному Колу теперь казалось странным сном. Никто в крепости не знал, куда ездил Кей и почему из всего отряда вернулись только пятеро. Теперь их стало меньше — Улог, единственный из кметов, кто уцелел, умер на следующую ночь по возвращении. Заснул — а наутро рядом с товарищами лежал уже окоченелый труп.

Стана, все еще не пришедшая в себя после случившегося, почти не показывалась из своего шатра, и Лоэн, которому не досталось работы на строительстве, проводил время в долгих беседах с Танэлой. Велегост заметил, что сестра заметно повеселела. Кейна рассказала брату, что Лоэн пытается объяснить, как управляться с Дверью. Румские слова не очень помогали, и риттер то и дело принимался что-то рисовать прямо на земле.

Каждую ночь Велегост ждал Айну, но поленка ни разу ни пришла. Днем же девушка держалась невозмутимо и строго, не говоря ничего сверх того, что полагается кмету.

Были и другие новости. Среди кметов, пришедших с Савасом, Кей сразу же заметил знакомое лицо. Этого молодого парня он встречал в Валине. Полусотник Чемер служил при дворе Палатина, но не тем славился. Чемер, единственный сын Кошика Румийца, считался достойным наследником своего знаменитого отца. Но Велегост вовсе не был рад. Наверняка Палатин прислал этого парня неспроста. Терпеть соглядатая под боком не хотелось, но Кей решил не ссориться раньше времени. На советах Чемер молчал, ни во что не вмешиваясь и не пытаясь ничего подсказывать. Бледное ли-

ко полусотника казалось равнодушным, даже сонным, словно Чемеру невыносимо скучно в этих глухих краях. Лишь однажды он обратился к Кею с неожиданной просьбой: не может ли тот дать ему десяток плотников, еще лучше — полтора десятка, да не простых, а из тех, что поопытнее. Люди требовались на строительстве, но среди новобранцев-харпов оказалось немало людей, умевших владеть топором и способных заменить мастеров-лехитов. Итак, нужные работники нашлись. Чемер коротко поблагодарил, небрежно добавив, что у него наметилось одно дельце. Так и сказал — «дельце», не пожелав, однако, ничего пояснять. Велегост решил не настаивать. Стало интересно. Что задумал сын всезнающего Кошика?

* * *

Танэла поселилась в единственном доме, который уже успели выстроить. Правда, до крыши руки еще не дошли, поэтому поверх просто накинули плотную шатровую ткань. Не было и окон — только проемы, даже без рам, но Кейна не жаловалась. Лето было в разгаре, и ночью воздух не успевал остыть.

Когда Велегост зашел, сестра что-то увлеченно чертила на покрытой воском доске. Увидев брата, Кейна улыбнулась и отложила острый стилос.

— Письмо? — Велегост кивнул на восковку.— Кому пишешь, апа?

Танэла покачала головой:

— Учусь. Лоэн кое-что мне объяснил...

— Дверь?

Кей удивленно поглядел на доску. На ней ничего не было, кроме черточек и кружков. Кружки оказались разные — побольше и поменьше.

— Дверь, Стригунок. Я, конечно, очень глупая ученица, но думаю, через месяц-другой все же рискну приложить руку к скале. Дождь сразу не обещаю, конечно...

Велегост кивнул. На это он даже и не надеялся. Лоэн сам предложил помощь. Правда, как объяснил риттер, учиться придется не год и не два.

— Вот так и становятся чаклунами. — Танэла кивнула на восковку.— Знаешь, Лоэн считает, что это вовсе не колдовство.

— Думаешь, Лоэн не чаклун?

Кейна усмехнулась:

— Я как-то спросила его. Он, бедняга, даже растерялся. По-моему, Лоэн не считает себя чаклуном. Для него Дверь — это вроде мельницы...

— Как?!

— Ну, понимаешь, чтобы стать мельником, тоже надо учиться.

Мельница? Вспомнилось черное, покрытое звездами небо, темные тучи над Савматом, острые вспышки молний...

— Мельники — они и есть первые ворожбиты, апа! Помнишь, что говорил тот старик?

— Что дэрги — нелюди, — спокойно кивнула сестра. — Помню. Знаешь, Зигурд куда больше походит на нелюдя, чем Лоэн.

Спорить не имело смысла, но ведь риттер и не пытался возразить старику!

— Рука, — напомнил Велегост. — Его рука!

— Рука? — Кейна подняла ладонь, по лицу скользнула усмешка. — Выходит, что и я — нава или оборотень? Нет, Стригунок! Мы люди — и я, и ты, и Лоэн. Мы говорили с ним. Помнишь, ты сам рассказывал о Первых?

Кей молча кивнул. Вспомнилась темная поляна, старый Беркут — и светящаяся вежа, когда-то достававшая до Небес. Вежа, разрушенная Всадником-Солнцем.

— Наверное, и я, и Лоэн — потомки Первых, поэтому Дверь и слушается нас. Лоэн рассказывал, что у них есть легенда. Когда-то, очень давно, Бог сотворил землю, а затем слепил из глины первого человека.

— Как Золотой Сокол?

— Да, как Золотой Сокол. У Бога есть слуги — Посланцы. Они стали спускаться на землю и, как бы это сказать... подружились с некоторыми девушками...

— Угу!

— Вот тебе! — Последовал звонкий щелчок, и Велегост потер ушибленный нос. — В следующий раз вообще ничего не буду рассказывать!.. Так вот, дэрги, Дети Тумана и дхары, что живут у нас на полночи, — потомки этих посланцев...

— ...И девушек, — подсказал брат, с трудом уклоняясь от следующего щелчка.

— Поэтому они могут быть одновременно людьми и... не совсем людьми. Помнишь, какими мы видели друг друга у Двери? Лоэн называет это «эхно лхамэ» — «быть как свет».

Велегост кивнул. Да, они были как свет — серебристые призраки, горящие ровным холодным огнем. Тогда еще подумалось, что именно так выглядят боги...

— А еще он говорит, что некоторые из дэргов могут превращаться в чудищ, вроде наших чугастров. Будто бы их вождь Арх-тори...

— Постой-постой! — перебил брат.— Отец рассказывал! Он когда-то встретил чугастра, а Патар Урс его потом расколдовал!..

— ...Помню. Вот так, Стригунок! Так что если будешь себя плохо вести, твоя старшая сестричка превратится в чугастра и надерет тебе уши!

В такое, конечно, не верилось, но рассказ Танэлы заставил задуматься. Дэрги далеко, Дети Тумана, если верить Лоэну, сгинули в давние годы, но дхары — почти рядом, у Ольмина. Вспомнилось, что отец всегда одергивал тех, кто предлагал послать войско на полночь, дабы проучить лесовиков.

Кей решил сам поговорить с Лоэном, но не успел. Поздно вечером, когда над лесом всходил тонкий серп луны, полуживой от усталости гонец принес весть, которую ждали, но все же надеялись не услыхать.

Духла восстала.

* * *

Военный совет затянулся за полночь. Ворожко, бледный, еле сдерживавший гнев, рассказывал долго, хотя все стало ясно с первых же слов. Рада, убежденная старым Беркутом, объявила войну Кеям. Кметы, стоявшие в Духле, перебиты все до единого, а харпийское ополчение уже занимает перевалы, чтобы наступать на Лосиный Бугор.

Велегост слушал молча, время от времени поглядывая на тех, с кем придется идти на врага. Такое уже было — почти год назад, только тогда на дворе стояла поздняя осень и воевать предстояло не с харпами, а с Меховыми Личинами, которые уже шли, вырезав передовые заставы, прямо на беззащитную Тустань. У молодого наместника имелись всего

полсотни кметов и триста безоружных ополченцев, и нужно было продержаться до подхода подкреплений, считая каждый день, каждый час... Велегост помнил страх, застывший в глазах сиверских дедичей. Многим тогда казалось, что спасения нет. Никто еще не знал, что тихий парень с изуродованным лицом станет Кеем Железное Сердце.

Теперь все иначе. Кей видел — никто не боится. Напротив, люди рвутся в бой, и удержать их в крепости будет потруднее, чем разбить вооруженных дубинами и кольями харпийских козопасов. Да и сами харпы не едины. Ворожко сообщил, что громады на закате и полночи не поддержали мятеж, остальные колеблются, Духла может рассчитывать лишь на окрестные села и на многочисленную родню Беркута. Да, бояться нечего, но ведь бой предстоит не с чужаками, не с дикарями в звериных шкурах! Когда-то покойный дядя Сварг заливал кровью землю непокорных волотичей. Неужели настала очередь харпов?

Только под утро Кей закрыл за собой полог шатра. И тут же темная тень неслышно кинулась навстречу. Велегост замер, еще не веря.

— Айна?

Девушка молча ткнулась лицом ему в грудь, прижалась, обхватила крепкими, привыкшими держать меч руками. Внезапно Кей почувствовал на своей щеке ее маленькую ладонь. Он застыл, боясь, что сейчас рука отдернется, как от раскаленного очага, но поленка, все так же молча, гладила покрытое шрамами лицо, порванные губы, сломанный нос.

— Кей! Кей! Я притить...

...Потом, когда у обоих уже не оставалось сил, они лежали на густом ворсе брошенных на землю шкур. Айна, словно кошка, прижималась к его плечу, что-то тихо шепча на своем непонятном языке, а Велегост, ни о чем не думая, смотрел на темный полог. Внезапно представилось, как он привозит поленку в Савмат, ведет в Палаты под изумленными взглядами Кеевых мужей. То-то лицо будет у Светлой Кейны! Еще год назад мать запретила младшему сыну жениться, пока старший, Сварг, не найдет себе невесту. Ну а когда об этом услышит дядюшка Ивор в своем Валине!..

— Ты не думать обо мне, Кей Велегост!

В голосе Айны звенела обида, и он невольно усмехнулся:

— Думаю. Ты поедешь со мной в Кей-город?

Девушка вздохнула, чуть отодвинулась, привстала:

— Зачем Кей Велегост говорить? Я в Савмате делать нечего. Война кончаться, я вернуться в свой лес. Но пока я буду приходить к Кею. Теперь я буду снова нужна Кею. Эта девчонка теперь повесить, ты снова любить я...

— Что?!

Подумалось, что Айна перепутала непослушные сполотские слова. «Эта девчонка», — конечно, Стана. Айна не забыла — и не простила. Но повесить?! Что за бред?

— Я ждать — я дождаться. Харпы восстать. Сотник Хоржак приказать заложников под стража крепкая брать. Теперь эта девчонка висеть...

Он забыл! В суете, в хлопотах он напрочь забыл о заложниках! Зато не забыл Хоржак. Все верно, заложники для того и берутся, чтобы отвечать жизнью за верность своих родичей и господ.

— Почему... Почему ты хочешь ее смерти? — с трудом выговорил Кей. — Она же ничего тебе не сделала!

— Я слепая не быть, Кей Велегост! Я видеть, как эта девчонка смотреть на Кей! Если надо, я умирать за тебя, Кей! Но она умирать раньше.

Велегост понял — спорить бесполезно. Маленькая альбирша любит его, как умеет. Да, она умрет за него без колебаний — и так же, без колебаний, затянет петлю на шее дочери Беркута.

В предрассветных сумерках сторожевой кмет узнал его не сразу. Резкий окрик, парень вскинул копье — и тут же застыл, признав Велегоста. Заложников держали в одном из шатров. Ни острога, ни поруба в недостроенной крепости не было и в помине.

Оставалось похвалить бдительного часового, спросить, все ли спокойно, пошутить — и лишь после этого приказать привести заложницу. Кей знал — завтра же придется объясняться с Ворожко и наверняка с Хоржаком. Они не поймут — ни юный дедич, мечтающий о мести Беркуту и его семье, ни верный сотник. Идет война, а он, Кей Железное Сердце, отпускает дочь врага! Конечно, можно устроить «побег», но тогда пострадают и этот парень, и его десятник. Нет, лгать нельзя!

Стана, сонная и испуганная, радостно вскрикнула, бросилась ему навстречу и начала что-то быстро говорить, от

волнения забыв, что Велегост не понимает по-харпийски. Переспрашивать не было времени, Кей взял девушку за руку и повел к воротам, где уже ждал один из кметов с оседланным конем. Вначале Стана не сопротивлялась, но, увидев открытые ворота, внезапно остановилась и, перейдя на сполотский, заявила, что никуда ехать не хочет, а хочет остаться здесь, с ними, с Велегостом и Кейной Танэлой. Бежать же ей незачем, скоро все устроится, Кей помирится с ее отцом, и они вместе вернутся в Духлу...

Кей попытался объясниться, но вышло только хуже. В синих глазах вспыхнула обида. Стана покачала головой, сказав, что все понимает, не понимает лишь, почему Велегост считает ее неблагодарной. Он спас ей жизнь, стал ее другом — и теперь, когда началась война, она нужна здесь, потому что Велегосту будет трудно в чужой земле, а она сможет помочь. Ей почему-то казалось, что она, Стана, нужна ему...

Сердце дрогнуло, но Велегост пересилил себя. Ее не пощадят. Он сам не сможет пощадить дочь Беркута. Оставалось одно — приказать, резко, грубо, как приказывают нерадивому кмету. Дочь Беркута отшатнулась, в синих глазах была боль. Велегост подсадил Стану в седло, зачем-то поправил уздечку. Девушка отвернулась, вздохнула и, внезапно наклонившись, ткнулась губами в его покрытую шрамами щеку. Миг — и конский топот затих в предутреннем тумане. Велегост повернулся, чтобы приказать страже закрыть ворота.

— Напрасно, Кей!

Он вздрогнул, словно от удара. Человек в темном плаще, невысокий, слегка сутулый, стоял совсем рядом, в двух шагах.

— Я не спрашивал твоего совета, Чемер, сын Кошика!

— Извини. Но в Духле ей опаснее, чем здесь. Что будет, когда мы придем туда?

Теперь голос улеба вовсе не казался сонным и равнодушным. Чемер говорил решительно, твердо, и этот тон заставил на мгновение забыть о неприязни к посланцу Ивора.

— Любишь давать советы?

— К сожалению. — Послышался негромкий смешок. — Отец мне долго объяснял, что Кеям давать советы опасно.

Велегост кивнул стражникам, и ворота медленно закрылись. До рассвета оставалось не меньше часа, и Кей понял, что все равно не заснет.

— Хочешь поговорить, полусотник? Хорошо, пойдем...

Они прошли в шатер. Велегост кивнул гостю на единственный табурет, а сам присел на лежавшую на земле шкуру. Рука нащупала что-то твердое. Фибула! Айна, уходя от него, спешила и просто накинула плащ, забыв застегнуться...

— Тоже не спится, Чемер?

Улеб кивнул:

— Работал. Потом почувствовал, что голова начинает пухнуть, и решил подышать воздухом. Извини, если влез не в свое дело, Кей, но когда мы возьмем Духлу...

— Хватит. Я понял.

Гнев прошел, сменившись острым любопытством. Улеб всю ночь работал — над чем? Почему он так уверен, что Духла падет? Но не это было главным.

— Зачем ты здесь, Чемер?

Узкие плечи дрогнули, вновь послышался негромкий смешок:

— Напросился сам. Палатин был не против, наверное, решил, что я стану его соглядатаем.

— А это не так?

Кей тут же пожалел о своем вопросе, но Чемер и не думал обижаться:

— И о чем я сообщу в Валин? Что харпы восстали, а ты разбил их в пух и прах? Это было ясно сразу. И очень хорошо, что они восстали сейчас.

Оставалось спросить «почему», но Велегост сдержался. Наверное, улеб имеет в виду, что мятеж подготовлен плохо. Беркут поторопился.

— Говорят, твой отец знает о войне все?

Чемер задумался.

— Пожалуй... Палатин Ивор — сильный и умный человек, но без моего отца он бы не стал тем, кто он сейчас.

— А ты что, хочешь помочь мне?

Подозрения вспыхнули с новой силой. Он не верит брату, не верит даже матери. Как же можно верить этому чужаку?

— И что ты хочешь предложить, полусотник?

Чемер покачал головой:

— Пока ничего. О войне ты знаешь больше, чем я. Но есть что-то, еще более важное, чем война.

Кей кивнул. Кажется, он начал понимать.

— Держава.

— Да. Держава. У румов есть целое искусство, они называют его «полития». Искусство строить державу. Строить — и управлять.

Велегост задумался. Улеб к чему-то клонит, на что-то намекает. Хотя почему намекает?

— Ты хочешь стать советником Светлого?

Чемер покачал головой:

— У твоего отца сто советников, Кей. Нет, я не хочу быть советником Светлого Кея Войчемира. Я хочу стать твоим советником, Кей Велегост. И сейчас, и потом, когда ты будешь Светлым...

Разговор становился опасен. Даже с Хоржаком Кей не всегда решался говорить о Венце. Разве можно верить этому улебу? То, что он сказал,— почти измена! Но любопытство все же взяло верх.

— Тебе надо было прийти к моему брату Сваргу. Я — младший сын.

— Ему не стать Светлым, Кей. Если хочешь, мы поговорим с тобой об этом позже, когда ты начнешь мне верить. Извини, я напросился к тебе в гости среди ночи...

Гость встал, явно собираясь уходить. Велегост вскочил, поднял руку:

— Погоди! Ты сказал или слишком много, или слишком мало. Объясни!

Чемер помолчал, затем проговорил негромко, спокойно:

— Твой брат никогда не станет Светлым, потому что пастухи и землепашцы не смогут ужиться в одной державе. Тот, кто поверил в сказку о Великой Ории от Харпийских гор до Итля,— уже проиграл. Ни огры, ни венты не поддержат его. Это первое. А второе... Вы, Кеи, считаете себя богами, но вы не боги. Вы делаете лишь то, что вам позволено — и богами, и людьми. Румы говорят: полития — искусство возможного. Если ты поймешь это, Кей, то победишь...

* * *

Наутро пришли новые вести. В селах, поддержавших Беркута, шли расправы с дедичами, отказавшимися примкнуть к мятежу. Но говорили также иное. На закате, возле мадской границы, собралась другая Рада. Громады не хотели войны и не спешили поддержать восставшую Духлу.

Все утро Велегост, велев страже никого не пускать в шатер, просидел у большой мапы, отмечая значками расположение мятежников. Он понимал — старый Беркут что-то задумал. Глава Рады умен и не станет действовать наобум. Велегост много раз пытался представить себя на месте Беркута. Он начинает мятеж, рискуя всем — властью, нажитым добром, жизнью близких. Начинает, хотя и знает, что власть Киев в зените и на помощь наместнику в любой момент могут прийти закованные в латы сполотские альбиры. Значит, нужна победа — быстрая, ошеломляющая, такая, чтобы Савмат надолго забыл о харпах...

Кей вновь взглянул на мапу. Вот она, Духла! Отсюда, с Лосиного Бугра, к ней ведут две дороги. Одна — горами, та, по которой они и добирались сюда, неудобная, опасная. Вторая же куда длиннее, зато путь ведет долиной — широкой, удобной для конницы. Три дня пути — и войско будет возле Духлы. Просто — очень просто. Слишком просто...

После полудня два отряда выступили в поход. Пышноусый Савас повел три десятка своих гурсаров по длинной дороге через долину, Хоржак же двинулся через горы, к перевалу. Велегост решил не спешить. Если обе дороги проходимы, Духлу можно будет взять в кольцо. Если же нет... Если же нет, следовало крепко подумать.

Тем временем в крепости становилось шумно. Пришли подкрепления — полторы сотни кметов, приведенные окрестными дедичами. Ворожко сиял — под его стягом с изображением барсука собралось уже не меньше шести сотен. С заката тоже подоспели добрые вести. Вторая крепость уже стояла, и окрестные громады договорились с тысячником Воротом о мире. Даже мады прислали посольство, заявив, что не будут вмешиваться в дела Киев, если сполотские войска не нарушат границу.

За всеми заботами Кей совсем упустил из виду Чемера. Вспомнил он о нем после полудня, когда улеб неожиданно попросил разрешения отправить кметов в ближайшие села. Оказывается, сыну Кошика потребовалась кожа — тонкая, крепкая, причем в немалых количествах, а также полотно, которым славились здешние ткачи. Велегост, в который раз удивившись, все же разрешил. Не утерпев, он прошел за крепостной частокол, где Чемер расположился со своими мастерами, но так ничего и не понял. Плотники превратили

бревна в тонкие доски. Доски имели пазы и, как догадался Велегост, могли складываться во что-то отдаленно напоминающее оконные рамы. Чемер поглядывал на странные приготовления с совершенно невозмутимым, даже скучающим видом, похоже ожидая прямого вопроса. Но Кей смирил любопытство, решив подождать. Улеб хочет его удивить? Что ж, пусть удивляет!

Разведка вернулась к вечеру. Первым прибыл Савас. Вид у лехита был весьма довольный. Подкрутив свой длинный ус, он сообщил, что ехал весь день, но врагов так и не увидел. Не иначе разбежались, заметив на дороге его славных гурсаров.

Велегост взглянул на мапу. Итак, дорога через долину свободна. Оставалось узнать, что видел Хоржак.

Сотник появился уже в полной темноте — злой, в окровавленной повязке вместо шлема. Из его людей вернулась только половина, но и это было удачей. Горная дорога оказалась перекрыта. Хоржак потерял десяток кметов, сам оказался ранен — и был вынужден повернуть назад.

Все стало ясно, но эта ясность не успокоила. По горам не пройти, зато путь долиной свободен — легкий, удобный. Велегоста словно приглашали, звали идти этой дорогой. Тревога не уходила. Кей долго смотрел на мапу, а затем не выдержал и приказал позвать Чемера. Больше посоветоваться было не с кем: Савас да Хоржак хороши, когда надо сходиться с врагами лицом к лицу.

Улеб внимательно выслушал, бросил беглый взгляд на мапу, кивнул:

— Знаю. Я говорил с Ворожко, даже кое-что нарисовал...

На стол легла новая мапа, точнее, просто кусок белой ткани, украшенный черными и синими разводами.

— Ты ведь был в Духле, Кей?

Велегост всмотрелся. Такой подробной мапы у него не было. Вот она, Духла — несколько домиков, притаившихся возле толстой черты.

— Обрыв? — вспомнил он.

Тонкие губы улеба искривились усмешкой:

— Отвесный — шею сломать можно. Это на полночи. На полдень — гора, со стороны Духлы на нее не подняться...

Кей вспомнил — Стана рассказывала ему. Гора называется Верла, там, на самой вершине, находится какое-то древнее капище.

— Итак, Духла между горой и обрывом. Теперь дороги...

Голос Чемера звучал снисходительно, даже поучающе, но Кей и не думал обижаться. Этот странный улеб — зазнайка и гордец, но дело свое знает.

— Одна идет вдоль горы на закат и дальше, к перевалу. Как я понял, ее хорошо охраняют. А вот вторая подходит с восхода...

Длинный палец указал на тонкую линию, которая шла по ущелью, затем поворачивала направо...

— Дорога через долину?

— Да. Очень интересная дорога, Кей! Всем хороша, а то, что последний ее отрезок проходит вдоль обрыва, — мелочь. — Чемер усмехнулся. — Правда, тут есть еще речка...

Речка тоже была обозначена — синей краской, чтобы не спутать. Велегост вспомнил — отряд переходил ее по мосту. В памяти осталось и странное название — Опир. А вот и мост! Правда, теперь его наверняка сожгли или разобрали.

— Река спускается в долину, там даже, кажется, целый водопад, а дальше течет на восход...

Чемер замолчал, выжидательно глядя на Кея.

— Что еще? — не понял тот.

— Тропа. Обычная козья тропа. Или овечья. Но человек пройдет.

Тропа, обозначенная на мапе прерывистой линией, тянулась от входа в ущелье к подножию Верлы.

— Здесь, и только здесь, на гору можно подняться. Я все правильно понял, Кей?

Велегост невольно удивился. Похоже, улеб думает, что его решили проверить, или, наоборот, сам Чемер хочет посмотреть, понимает ли Кей Железное Сердце такие простые вещи? Ущелье, дорога, река, водопад...

— А как думаешь ты, полусотник?

Сын Кошика удивленно пожал узкими плечами:

— Думаю? В этом ущелье можно погубить даже десятитысячное войско! Мне казалось, что ты хочешь поговорить о горе.

Велегост вновь взглянул на мапу. Тропа! По ней можно подняться на гору, не заходя в ущелье. Конница не пройдет, но пехота сможет. А дальше? Отвесные склоны, разве что по веревке спуститься можно. Да и стража в Духле дремать не будет.

— Что посоветуешь, Чемер? Подняться на гору?

Темные брови улеба поползли вверх:

— А что еще? Часть людей, конечно, придется послать в ущелье. Тех, кто тебе не очень нужен. И хорошо бы нарядить кого-то в твой плащ. Пусть их лазутчики решат, что ты поверил. В общем, придется потерять где-то четыре десятых войска...

Тонкие губы Чемера вновь еле заметно скривились, и Велегост внезапно почувствовал острую неприязнь к этому холодному, равнодушному парню. Четыре десятых! Наверно, он мастер играть в Смерть Царя, где на доске стоят деревянные фигурки.

— Это то, что ты хочешь предложить?

— Я? — удивился Чемер. — Мне казалось, что ты и сам так решил, Кей. Я лишь хотел сказать тебе, что с горы спуститься можно. Думаю, я все успею подготовить.

Вспомнились страшные деревянные дощечки. Спуститься? Этот улеб что, решил выстроить лестницу?

Спрашивать он не стал. Кажется, сыну Кошика можно верить — и в том, что спуск с Верлы возможен, и в четыре десятых, которым суждено погибнуть. Значит, опять придется выбирать! Кого оставить, кого послать на смерть...

— Можно придумать что-то другое, — неуверенно проговорил Кей.

— Переговоры? — удивился Чемер. — Но зачем? Этот мятеж — подарок богов! Все твои враги собрались вместе, их не придется выискивать долгие годы по одному. Всегда следует проявить вначале твердость, и лишь потом — мягкость.

— Так учит твоя полития?

— Да!

Невозмутимость исчезла, Чемер заговорил быстро, горячо:

— Правителю всегда приходится проливать кровь, Кей! Но лучше сделать это сразу, уничтожить врагов, а потом править спокойно. Чем более кровавым будет начало, тем спокойнее — конец! Первая кровь забудется быстро, зато потом, когда все успокоится, казнить врагов следует с осторожностью и только тогда, когда это не вызовет большого недовольства...

— А если вызовет? — усмехнулся Кей. Рассуждения улеба показались ему пустыми. И это он называет искусством!

— Тогда следует наряду с виновным казнить и невинного, но того, кто не люб народу и знати. Лучше всего обвинить их в одном и том же...

Велегост поморщился. Похоже, дядюшка Ивор так и поступает. Нет, ему не нужна подобная мудрость. А если спросить о другом?

— Ты хочешь давать советы, Чемер? Тогда представь, что у меня есть оружие. Тайное — и страшное, какого еще не знал мир. Могу ли я применить его сейчас?

Об этом он думал с самого утра, даже хотел поговорить с Лоэном. Но — не решился...

— Оружие? — Глаза улеба сузились. — Надеюсь, ты шутишь, Кей? Применять его сейчас, против этих дикарей? Тогда оно перестанет быть тайной. Побереги его на потом...

Странно, Чемер совсем не удивился. Удивился Велегост. Что имеет в виду этот улеб? Что станется «потом»? Нападение неведомого врага — или что-то совсем иное?

— Итак, четыре десятых, Чемер?

— Четыре десятых, Кей. Отправь их долиной, а остальное доверь мне. Твои кметы будут в Духле следующей же ночью.

Улеб вновь улыбнулся, и Велегосту стало не по себе. Этот парень считает людей на десятые доли. Но ведь так поступает и он сам, разве что слова, которые приходится говорить перед битвой, звучат иначе. Чемер, по крайней мере, не лжет.

* * *

Вокруг снова стояли горы — молчаливые, спокойные, но на этот раз на покрытых травой опушках нельзя было увидеть даже овец. Войско шло третий день, а долина была все так же пуста. Села, попадавшиеся на пути, стояли безлюдные, а на месте некоторых темнели лишь кучи свежего пепла. Харпы уходили в горы, унося и сжигая все, что могло послужить врагу.

Велегост привстал в седле, оглянулся. Войско растянулось на сотни шагов — конница, пехота, громоздкие возы обоза. Из Лосиного Бугра вышла почти тысяча кметов. Правда, больше половины не имели доспехов, да и вооружены были не лучше беркутовских ополченцев. Зато эти «легени» хорошо знали родные горы и пользы от них могло быть куда больше, чем даже от славных гурсаров князя Саваса.

Сам кнеж ехал чуть сзади. На этот раз бочка оделась в сверкающую сталь. На Савасе были толстая броня с острыми крыльями за спиной и глухой шлем, закрывавший лицо вместе с усами. Столь же грозно выглядели и его гурсары — стальные птицы на закованных в железо конях. По сравнению с ними сполотские кольчуги смотрелись бледно, но Кей знал, что в бою его сотня не уступит лехитам. Итак, две сотни латников, сотня скверно вооруженных дедичей на неуклюжих клячах и шесть с лишним сотен молодых парней с копьями и луками. Немало, совсем немало, если не помнить, что старый Беркут собрал не менее трех тысяч.

Врагов могло быть и больше, но случилось то, на что Кей и рассчитывал. Рада, собранная громадами заката и полдня, прислала послов, предлагая мир. Новый глава Рады, со странным именем Курапи, обещал платить дань — но не Беркуту, а непосредственно Кею. Выгода была очевидна — в последние годы Духла оставляла себе почти четверть того, что собирала со всех громад.

Велегост вновь огляпулся. Сестра ехала чуть сзади, рядом с Лоэном. Кей так и не смог уговорить Таиэлу остаться в крепости. На Кейне были знакомая кольчуга и все тот же шлем, скрывавший пышные волосы. Лоэн же надел свои сверкающие латы, вновь став похожим на «железного» человека. Велегост вздохнул — когда начнется бой, удержать горячего риттера будет трудно. Лоэном рисковать нельзя — и не только потому, что парень из далекой земли нравится его сестре...

Послышался топот. Кмет из передовой заставы возвращался, подгоняя плетью взмыленного коня. Велегост насторожился. Хоржак выехал вперед, махнул рукой, подзывая посланца, затем резко развернул коня.

— Впереди, Кей! Хе! Не меньше пяти сотен!..

На лице сотника играла мрачная усмешка. Рана на голове, обернутая грязной повязкой, все еще кровоточила, и Хоржак был не прочь поквитаться. Кей кивнул, разрешая, и глаза сотника радостно сверкнули. Резкая команда — всадники начали разворачивать строй. Велегост решил не вмешиваться. Пять сотен мятежников — невеликая сила против его латников. Что же задумал Беркут? В широкой долине пехоте делать нечего...

Сполотская сотня уже развернулась в лаву. Замысел Хоржака становился ясен. Враги, конечно, будут ждать атаки...

Велегост кивнул Лоэну, порывавшемуся проехать в первый ряд, велев оставаться на месте, и повернулся к сестре. Танэла вопросительно взглянула на брата, но Кей покачал головой. Бояться нечего. Это еще не настоящий бой. Настоящий — впереди.

Сзади послышалась громкая команда по-лехитски. Кнеж Савас, не дожидаясь приказа, разворачивал своих гурсаров. Велегост вновь поглядел вперед, в сторону врага. Харпы перегородили долину, но их было слишком мало, два-три человека в ряд, без шлемов, без доспехов.

— Поистине, дивлюсь я сим простолюдинам! — Лоэн подъехал ближе, подняв тяжелое решетчатое забрало. — Не иначе Господь лишил их разума!

Велегост не ответил. Да, полтысячи козопасов в серых куртках — легкая добыча для двух сотен латников. Неужели Беркут не понимает? Нет, тут что-то не так...

Передовая сотня выстроилась. Хоржак повернул коня, лицо кривилось ухмылкой:

— Хе! За дураков принимают, Кей. Впереди, в траве!..

Велегост всмотрелся, но ничего не заметил. Трава по двум сторонам дороги стояла высокая, нетронутая, и нужны были рысьи глаза сотника, чтобы разглядеть там хоть что-нибудь.

Хоржак вновь усмехнулся и подъехал к сотне.

— Вперед! Шагом!

Лава двинулась, мерно, неторопливо. Усатый Савас вопросительно взглянул на Кея, но тот помотал головой. Рано! Гурсарам еще найдется дело.

Теперь оставалось одно — ждать. Велегост выехал в первый ряд и надвинул на голову шлем. День был жаркий, и Кей невольно поморщился. Только бы Хоржак не вздумал раньше времени гнать коней!

Но сотник не спешил. Латники медленно приближались к застывшему в ожидании строю. Чего ждут харпы? Безоружную толпу ничего не стоит растоптать, даже не вынимая мечей из ножен. Что там увидел Хоржак? Трава стояла недвижно, высокая, начинающая желтеть, но вот сбоку что-то еле заметно колыхнулось — раз, другой...

Сотня Хоржака перешла на рысь. До врага оставалось не больше трехсот шагов. Сейчас! Если эти медведи и в самом деле что-то задумали...

Трава колыхнулась, и перед строем вырос новый ряд в серых куртках. Лучники! Велегост усмехнулся — угадал! Впрочем, это не хитрость, против сполотского доспеха стрелы хороши только вблизи...

Стрелы взлетели в воздух неровной редкой волной. Кей покачал головой — стреляли козопасы скверно. Конница даже не замедлила хода, воины прикрывались щитами, вот упал один, затем еще, еще. Но остальные двигались дальше. Велегост прикинул, сколько раз эти увальни успеют выстрелить. Один, от силы — два. И это все?

Второй залп был удачнее, но кметы Хоржака были уже совсем рядом. Велегост заметил, как мчавшийся впереди сотник налетел на одного из стрелявших, толкнул конем, рука с мечом резко дернулась. Через несколько мгновений уцелевшие лучники бежали назад, чтобы укрыться за строем своих товарищей, но конники догоняли, рубили с налету, втаптывали в траву. До харпов оставалось не больше полусотни шагов. Велегост затаил дыхание. Или он ничего не понимает в войне, или...

...Или! Серый строй колыхнулся. Миг — и первый ряд ощетинился сотнями копий. Даже не копий — огромных заостренных кольев. Ряды сомкнулись, издалека долетел громкий крик...

И словно в ответ, послышалась громкая команда. Лава застыла как вкопанная. Кей усмехнулся — молодец, Хоржак! А сейчас — самое главное!

Кметы соскакивали с коней, строясь в редкую ровную цепочку. Харпы вновь закричали — громко, уверенно, но Велегост уже знал — это кричат мертвецы. В руках сполоты держали гочтаки. Сейчас Хоржак скомандует: «Цельсь!»

Первый залп Кей пропустил. Он лишь заметил, как дрогнул вражеский строй, как колыхнулись копья. «Капли» из «свиного железа» били в упор. Велегост покачал головой — с пятидесяти шагов «капля» пробивает стальные латы. Все! Конец!

Харпы не хотели умирать. Над долиной стоял крик — громкий, отчаянный. Строй колыхнулся, двинулся вперед. Последний шанс — добежать, выбить врага из седла, ударить клевцом...

Кметы продолжали стрелять — раз за разом, целясь тщательно, как на учениях. До врага оставалось не более десятка

шагов, когда послышалась новая команда, и сполоты вскочили в седла. В землю ударили сотни копыт. Резкий поворот — всадники мчались назад. Но вот лава остановилась, кметы спешивались, наводили гочтаки...

Кей повернулся, ища взглядом Саваса, но лехит был уже рядом. Усы возбужденно топорщились, щеки налились краской.

— Вперед!

Кнеж оскалился, махнул рукой. Солнце блеснуло на стальных крыльях. Гурсары мчались на врага — неодолимые, беспощадные, как сама смерть. Бой кончался. Харпы бросали копья, строй распался, уцелевшие бежали прочь, но сотня Хоржака уже вскакивала в седла, готовясь догонять. Велегост отвернулся — теперь действительно все...

Пленных не было. В горячке боя зарубили всех — даже раненых. Кметы пересмеивались, вытирали окровавленные мечи, водили по кругу запаренных лошадей. Можно было двигаться дальше, но Кей внезапно почувствовал тревогу. Нет, что-то не так! Какой смысл бросать людей под конские копыта? Не безумец же Беркут!..

— Умные люди!

Велегост вздрогнул, узнав голос Чемера. Он оглянулся — на лице улеба играла снисходительная улыбка.

— Умные?

Сын Кошика пожал плечами:

— Этот старик... Беркут, кажется? Он так трогательно пытается не пустить нас в долину! Я чуть было не поверил.

Велегост удивился, но вдруг понял — улеб прав. Пустая дорога может вызвать подозрения, и Беркут послал на верную смерть сотни своих «легеней»...

— Не забывай про гору, Кей!

Велегост вновь удивился, но тут же вспомнил. Гора Верла, на которую можно подняться по козьей тропе. Подняться — но не спуститься...

Верлу увидели уже в сумерках. Долина стала уже, впереди показались высокие скалы, за которыми начиналось ущелье. Гора возвышалась слева, огромная, покрытая густым темно-зеленым лесом. Внизу, под горой, была Духла, невидимая из долины, но уже близкая — протяни руку, достанешь.

Велегост не спешил, приказав разбивать лагерь и выставить усиленную стражу. Их ждали — над одной из скал вспыхнул огонек дальнего костра, к темнеющему небу взвился столб черного дыма. Разговоры и шутки стихли, кметы осторожно оглядывались, но вокруг было по-прежнему пусто.

Наступала ночь — прохладная, тихая, но спать не ложились. Костры горели, однако никто не сидел возле них. Велегост приказал зажечь огней с запасом, чтобы невидимые лазутчики сбились со счету. Хитрость старая, но верная. Теперь Беркут трижды подумает, прежде чем попытаться напасть.

Узкий серп молодой луны стоял уже высоко, когда Кей приказал воеводам собраться у шатра. Костра не зажигали. Свет нужен для карты, но карта уже не требовалась. Все и так рядом — ущелье, Духла, гора...

— Духла рядом, — Кей кивнул в сторону невидимых в темноте скал. — Что будем делать?

Молчание длилось недолго. Послышалось знакомое «Хе!».

— Как рассветет, конницу вперед, Кей. Через час будем там! — В голосе Хоржака звенело нетерпение. — На дороге они нас не остановят!

— Пошли моих гурсаров! — прогудел Савас. — А то хлопцы уже скучают. Порубим песью кровь!

Остальные молчали. Кей услышал, как рядом вздохнула Танэла.

— Все согласны?

Он ждал, что отзовется Чемер, но улеб промолчал. Похоже, сын Коника не спешил откровенничать перед остальными. Велегост вновь поглядел в сторону ущелья. Где-то там — Духла. Что задумал хитрый старик? Хоржак, Савас, Ворожко, да и остальные уже поверили в легкую победу. Внезапно Велегост вспомнил Стану. Может быть, девушка где-то там, у обрыва, и тоже смотрит сейчас в темноту. Рука невольно коснулась лица, и Кей вздохнул. Ничего не изменилось. Лоэн ошибся...

— Сделаем так. Войско делится на три части. Я беру с собой четыре сотни и иду прямо на Духлу, по ущелью...

Четыре сотни. «Четыре десятых войска»...

— Две сотни поднимаются на гору. Их поведешь ты, Хоржак.

Ответом был недоуменный вздох.

– Выступишь за два часа до рассвета. Ворожко даст тебе проводников. Возьмешь с собой полусотника Чемера.

– Мне нужно двадцать человек, – быстро проговорил улеб. – Нужно перенести... кое-что.

«Кое-что»! Странные деревянные дощечки и куски кожи везли на трех повозках. Интересно все-таки, что задумал хитрый парень?

– Кей! – Теперь в голосе Хоржака слышалась тревога. – Но зачем? Что я буду делать на горе?

– Ждать. Ждать – и смотреть. Если я возьму Духлу – возвращайся. Если нет... Если что-то случится – ждешь до ночи, а ночью спустишься вниз и атакуешь Духлу. Там отвесный склон, спуститься нельзя, но ты спустишься. Когда будешь готов, подашь знак – три костра – или пришлешь гонца.

И вновь все недоуменно молчали, но в этом молчании уже ощущалась тревога.

– Хорошо, Кей, – негромко вздохнул сотник. – Если что-то случится, ночью я буду в Духле.

– Ты, кнеж, останешься с четырьмя сотнями здесь. Прикроешь, если попытаются ударить в тыл. Все остальное скажет тебе Кейна Танэла. Будешь выполнять ее приказы. Со мной пойдет Ворожко и его люди. Вопросы?

Никто ни о чем не спросил. Велегост встал, коротко кивнул и повернулся, чтобы уйти.

– Если Кей позволит...

Чемер оглянулся, быстро шагнул вперед:

– Прошу прощения, Кей, но в ущелье должен пойти кто-то другой. Прикажи ему надеть твой плащ...

Улеб не говорил – шептал, и Велегосту внезапно стало смешно:

– Плащ? А может, и голову?

Вновь захотелось спросить о том, что задумал сын Кошика, но Кей сдержался. Он верил улебу. Но даже если его замысел не удастся, Хоржак найдет выход.

Ночью тяжелый полог шатра колыхнулся. Айна неслышно скользнула внутрь, тонкие сильные руки легли на его плечи.

– Я притить! Я притить, мой Кей!

Ладонь поленки скользнула по его изуродованному лицу. Велегост отстранился, мягко перехватил руку.

— Не надо! Тебе... тебе неприятно...

Девушка негромко рассмеялась:

— Ты бывать очень глупый, Кей Велегост! Но я не спорить с тобой. Эта ночь — последняя ночь быть. Нам спорить — глупо быть!

— О чем ты?..

Последняя? Сердце замерло. Конечно, чего он ждал? Странно, что Айна не бросила его раньше!

Девушка легла рядом, прижалась всем телом, вздохнула:

— Глупый, глупый Кей! Я не оставлять тебя, Кей Велегост. Просто сегодня я слышать моя мама. Она звать меня — долго звать. Она петь колыбельную...

Вначале Велегост не понял, но затем вспомнилось: мать Айны погибла много лет назад.

— Завтра будет бой, Кей Велегост. Я быть с тобой рядом...

— Погоди! — Он привстал, осторожно отстранился. — Если ты веришь в это... В такую чушь... Тебе нельзя идти в бой! Ты останешься с Кейной Танэлой.

Поленка вновь рассмеялась — негромко, невесело:

— Тогда тебе придется убивать я, мой Кей! Я обещала быть рядом с Кей Велегост, и я быть с тобой рядом. Но я тебе говорить — не надо нам спорить. Я хочу, чтобы ты любить я — долго, всю ночь. Я очень любить тебя, мой Кей! Очень любить! И здесь — и в Ирии. Говорят, там души терять память. Но я всегда помнить о мой Кей — даже там!..

Айна вновь прижалась к нему, обняла, мягкие губы скользнули по покрытой шрамами щеке. Велегост закрыл глаза, подумав, что сам записал девушку в «четыре десятых». Ее — и сотни других. Он сам поведет их на смерть. И внезапно то, что еще совсем недавно виделось ему долгом, показалось просто подлостью.

...Ему снился лес. Высокие сосны тянулись к полуденному солнцу, на большой поляне стоял цветастый шатер, его окружали кметы в сверкающих кольчугах. Велегосту подумалось, что он видит во сне сиверскую землю, которую довелось изъездить из края в край, но лица кметов были незнакомы, у пояса не висел дедовский меч, а вместо привычного красного плаща на Кее была грязная белая рубаха. Велегост успел удивиться, и тут понял, что он уже не сто-

ит, а бежит, в руках у него гочтак, а перед ним мелькают изумленные бородатые лица. Внезапно все исчезло. Он стоял рядом с девушкой, на которой была такая же белая рубаха, и лицо ее было совсем рядом. Кей решил, что видит Айну, но тут же понял, что ошибся. Нет, не Айна, не Стана, но тоже знакомая. Вспомнить он не успел — рука с гочтаком дернулась, и Велегост понял, что сейчас выстрелит. Он даже видел, куда попадет «капля» — прямо в горло, наверняка. И тут пришел страх. Он не хотел убивать! Не хотел!..

* * *

Утро выдалось ясным, на траве блестела роса, обещая жаркий день, а высоко в безоблачном небе неслышно кружили чернокрылые ласточки. Скалы — огромные, серые, издали похожие на больших неуклюжих медведей, остались позади. Отряд въехал в ущелье. Слева нависала громада Верлы, справа, сколько хватало глаз, тянулись острые каменные зубья. Отвесные склоны зеленели пятнышками травы, каким-то чудом выросшей на сером камне. Велегост невольно поморщился — за эти недели он уже успел невзлюбить ущелья, так похожие на разверстые каменные могилы.

Слева послышался глухой шум. Кей невольно оглянулся, но тут же вспомнил. Водопад! Вот он — сверкающая стена воды между острыми каменными зубьями. Яркое солнце отражалось от ровной, чуть дрожащей поверхности, горя разноцветным огнем маленьких радуг. Вода заливала огромную каменную чашу, переполняя ее и устремляясь вдаль, к противоположному концу ущелья.

Велегост вспомнил карту. Все верно, теперь дорога пойдет слева от речки, пока не пересечет ее возле подъема. Но для этого надо проехать до самого конца. Что же задумал Беркут? Подъем за ущельем пологий, засаду ставить бессмысленно...

— Духла! Духла, Кей!..

Ворожко, ехавший рядом, махнул плетью, указывая куда-то наверх. Кей поднял голову — высоко, над серым склоном, чернели острые зубья частокола. Велегост смерил взглядом высоту и покачал головой. Не подняться. Такое только птице под силу!

— Кей! — Сын Добраша бросил взгляд на недосягаемый поселок и нахмурился. — Нам с тобой надо договориться, Кей! Когда мы возьмем Духлу...

— ...Тогда и поговорим!

— Нет! Поговорим сейчас. Духла и все племя Беркута должны быть уничтожены. Полностью! Пока будет жив хоть один, пусть это даже ребенок, земля харпов не покорится.

— Всех, кто выше тележной чеки, — негромко проговорил Кей. — Так?

— Тележной чеки? — Ворожко вначале не понял, затем радостно усмехнулся. — Правильно! И я постараюсь, чтобы чека была над самой землей. А главное, достать Беркута — его и все отродье. Всех! Здесь больше не будет громад, Кей. Править будем мы, дедичи! И, клянусь богами...

Казалось, его услышали. Дрогнула земля, зашелестели тронутые с места камешки, словно предвещая близкий гром. И гром грянул — оглушительный, сбивающий с ног. Испуганно заржали лошади, воздух потемнел, подернулся пылью...

— Кей! Кей! Сзади!..

Велегост так и не понял, чей это голос. Осадив и наскоро успокоив обезумевшего коня, он резко обернулся. Вот оно!

Горловина ущелья исчезла, скрывшись за гигантской тучей серой пыли. Пыль клубилась, уходила к самому солнцу, и сквозь нее стало проступать что-то черное, плотное.

— Скалы! Они обрушили скалы!

Вначале Кей не поверил, но вот пыль чуть поредела, и Кей еле слышно помянул Сва-Заступницу. Самое время...

Скалы исчезли, словно сваленные чьим-то могучим ударом. Исчезло и ущелье — там, где был проход, теперь громоздилась чудовищная масса каменных глыб.

— Промахнулись! — Ворожко уже пришел в себя, юное лицо кривилось ухмылкой. — Вот дураки!

Кметы тоже начали успокаиваться. Смерть опоздала, прошла мимо. Послышались шутки, кто-то засмеялся, но Кей оставался серьезен. Дураки? Промахнулись?

И тут мелькнула догадка — смутная, еще неопределенная. Ущелье, река, водопад...

— Вперед! — Он повернулся, взмахнул рукой. — Конные — в галоп! Остальные — бегом!..

До конца ущелья было еще далеко. Кей понимал — не успеть, разве что конные. Доскакать, вырваться из каменной могилы...

Ударили копыта. Кметы, еще ничего не понимая, гнали лошадей. Велегост прижался к теплой конской шее, моля

Сва-Заступницу подождать, отвести руку, готовую ударить. Серые камни на краю ущелья приближались, казалось, еще немного, и дорога вырвется из теснины. Копыта стучали, упругий воздух бил в лицо, темное горло прохода росло, высокий скальный венец уже бросал свою тень...

— Стой! Стой! Назад!..

Он не услышал, даже не увидел — почувствовал. Медленно, медленно, словно во сне, черная каменная глыба над проходом сдвинулась с места...

— Назад! Назад!

Теперь они мчались обратно, в спину уже гремело, тряслась земля, грохот закладывал уши...

— Стой!

Они успели. Каменная смерть, обрушившаяся со скального венца, никого не задела. Успели, чтобы увидеть, что выход исчез, погребенный под гигантским завалом.

Кметы, все еще не понимая, испуганно оглядывались. Подбегала пехота — растерянные «легени» в светлых рубахах.

— Опять промахнулись, Кей!

Ворожко смеялся — он тоже еще ничего не понял. Велегост вздохнул:

— Не промахнулись. Ловушка!

— Ловушка? — Ворожко покрутил головой, пожал плечами. — Почему? Разберем завал...

И тут только до него начало доходить. Парень побледнел, снова оглянулся:

— Река! Мать богов, река!

Кей кивнул. Он понял сразу. Все, как и предсказывал Чемер, — ущелье, водопад, река. Да, здесь можно погубить десять тысяч, но, кажется, обойдется и «четырьмя десятыми». Не понадобятся ни стрелы, ни клевцы. Завал перекрыл течение, и теперь вода начнет заливать ущелье. Их утопят — как крыс.

И тут сверху, от черных бревен частокола послышался крик — громкий, победный. За ними следили. Следили — и теперь дали волю радости. Тут же вспомнилось: «Пусть твои люди держатся подальше от полуночного склона...» Духла как раз на полночи...

Кей вновь окинул взглядом ущелье. Река взбухла, кое-где мутная вода уже начала выступать из берегов. Конечно, ущелье велико, чтобы заполнить его водой, потребуется вре-

мя, но долго ждать не придется. Как только вода дойдет до коленей, и люди, и лошади уже не смогут воевать. По отвесным склонам не подняться. Течение быстрое, уже через несколько часов вода покроет дорогу. Сколько они продержатся? День? Три дня?

Что-то говорил Ворожко — быстро, горячо. Кей обернулся.

— Надо возвращаться! Идти к завалу. Мы переберемся!

Велегост кивнул, разрешая, но надежды было мало. Горцам не привыкать перебираться через каменное месиво, но Беркут наверняка предусмотрел и это.

Своим всадникам он приказал оставаться на месте. Латная конница здесь бесполезна, но если у Ворожко получится, они подоспеют вовремя.

Две сотни «легеней» в светлых рубахах быстрым шагом двинулись к краю ущелья, туда, где еще совсем недавно стояли серые скалы. Велегост взглянул наверх — Духла молчала.

— Кей должен снимать плащ!

Он обернулся — Айна! Скуластое лицо поленки было спокойным, выдавал лишь взгляд — напряженный, острый.

— Зачем?

— Кей должен снимать плащ! — упрямо повторила девушка. — Плащ красный. Сверху видеть. Сверху стрелять. Я отвечать за жизнь Кей Велегост!

Кей посмотрел наверх, в сторону черного частокола. Стрела не долетит, но Беркут может придумать что-нибудь другое. Красный плащ хорошо заметен...

— Нет! Меня должны видеть кметы. Видеть, что я не боюсь.

Поленка отвернулась и, не сказав больше ни слова, отъехала в сторону. Кей хотел окликнуть, поблагодарить за заботу, но слов не нашлось. Он взял девушку с собой. Взял — хотя и понимал, что ждет их всех...

Издалека послышался крик. Велегост посмотрел в сторону завала. Светлые рубахи уже карабкались наверх, но вот в воздухе мелькнуло что-то темное. Стрелы!

Кметы Ворожко не сдавались. На смену упавшим становились другие, светлые рубахи медленно ползли вверх. Но вот дрогнула вершина. Громадный камень неспешно, словно нехотя, пополз вниз, затем другой, третий. Снова крик — но уже полный отчаяния. Кметы в светлых рубахах

падали, сметаемые каменным градом, катились вниз, на них сыпались стрелы...

Кей подозвал десятников, приказав найти места повыше, куда можно будет поставить лошадей. Нужно продержаться до ночи. Хоржак, наверное, уже все знает. До ночи... Но Беркут, надо думать, предусмотрел и это. Спуститься с Верлы можно — хотя бы на веревках, но внизу, конечно, ждет засада...

Бой у завала все еще продолжался — горячий, безнадежный. Кметы Ворожко опять ползли наверх, упорно, словно муравьи. Но невидимый враг был начеку. Воздух потемнел от стрел, а затем с острого гребня вновь двинулись вниз громадные камни. Велегост вспомнил, как легко, почти играючи, они перебили тех, кто пытался остановить их в долине. Теперь роли поменялись...

— Кей! Кей! Назад!..

Айна? Велегост обернулся — рука девушки указывала наверх, в сторону частокола. Маленькие фигурки возились возле чего-то большого, неровного...

— Назад! Назад!

Кметы тоже заметили. Послышался недружный крик, пехотинцы отбегали к противоположному краю ущелья, всадники торопили коней. Вовремя! Огромный камень уже катился вниз по склону, срывая редкие колючие кусты. Велегост замер — на мгновение почудилось, что неровная громада несется прямо на него, чтобы ударить, сбить с коня, раскатать по земле неровным кровавым пятном. Нет, пройдет левее! Кей облегченно вздохнул. Камень, подпрыгнув на небольшом уступе, обрушился в воду, но не остановился, а покатился дальше — мокрый, с прилипшей к бокам дорожной пылью. Наконец глыба медленно, словно нехотя, ткнулась в противоположный склон ущелья и замерла.

Сверху вновь раздался крик, но теперь он звучал иначе. Велегост поглядел на черный частокол, но маленькие фигурки уже исчезли. Похоже, камень, сброшенный вниз, оказался единственным. Кей представил, каково было его волочь через всю Духлу, и покачал головой. Поистине ненависть придает силы!

Что-то негромко ударилось о землю возле самого берега. Велегост усмехнулся — стрела! И здесь не угадали, слишком высоко, да и расстояние приличное. Нет, тут их не достанут.

Еще несколько стрел бессильно ткнулось о берег Онира. Кметы уже приходили в себя, выстраиваясь возле противоположного склона. Старшие вопросительно глядели на Кея, но тот не спешил. Что там у Ворожко?

Светлые рубахи уже возвращались — толпой, без всякого строя. Сосчитать было трудно, но Велегост видел — вернулись не все, хорошо, если половина. Он взглянул на речку. Берег исчез, вода, ставшая вновь чистой и прозрачной, уже лизала края дороги.

— Кей! Кей!..

Ворожко подскакал ближе, тяжело дыша. Шлем исчез, на лбу краснела свежая ссадина, светлые волосы спутались.

— Кей! Мы... Мы...

— Видел! Вы сделали, что могли.

Лицо дедича исказилось гневом, глаза блеснули:

— Беркут! Это все он! Я его, гада этого, живьем жечь буду! Кей, когда стемнеет, мы попытаемся снова. Мы прорвемся!

Велегост поглядел наверх, на недоступную Духлу, покачал головой:

— Они будут ждать. Подождем и мы...

Вокруг стояла тьма, лишь где-то далеко вверху неясно светили бледные звезды. Ущелье утонуло во мгле. Было тихо, только время от времени слышался негромкий плеск. Вода была всюду — под ногами, под копытами коней. Пока еще она почти не мешала, доходя лишь до щиколоток. Но этого хватало — кметы угрюмо молчали, даже сполоты явно пали духом. Велегост понимал — к утру, когда вода дойдет до коленей, в бой уже никого не пошлешь. Жаль, что нельзя поговорить с Хоржаком! Велегост отдал бы пару лет жизни за несколько слов. Но такого не могут даже боги...

Рядом с Кеем неподвижно застыла в седлах охрана. Конь Айны стоял рядом, бок о бок, и Велегост ждал, что поленка заговорит. Но девушка молчала, она даже не смотрела в его сторону, глядя куда-то вдаль. Кей хотел окликнуть Айну, но так и не решился. Сейчас она — просто кмет, берегущий своего вождя. Да и говорить не о чем. Велегост вдруг подумал, что, если уцелеет, обязательно привезет Айну в Савмат. Интересно, что скажет отец? Когда-то Светлый сам рассказал сыну о поленках, потомках древних Воительниц. Еле-

гост улыбнулся, представив, как он входит в Кеевы Палаты, ведя Айну за руку. Мать пусть тоже увидит. То-то порадуется!

Рядом захлюпала вода. Подъехал Ворожко, устало потер лицо:

— Пора, Кей?

Велегост покачал головой. Ждать, ждать! Что там у Хоржака?

— Я... Можно с тобой поговорить, Кей? Один на один?

Велегост удивился, но не стал спорить. Они отъехали в сторону, Ворожко оглянулся, вздохнул.

— Мы... дедичи харпийской земли, решили собраться — как только возьмем Духлу. Ты знаешь, мы никак не могли договориться, но теперь, кажется, удалось. Мы выберем старшего дедича, того, кто будет помогать тебе править харпами...

Кей улыбнулся:

— Тебя?

— Ну... — Ворожко замялся. — Наверное. Мой род очень древний...

— Поздравляю!

Кажется, он сумел сдержать усмешку. Сын Добраша явно смущен, но это пока. Пройдет.

— Я... Я не о том, Кей! Мне поручили поговорить с тобой. Сейчас. Это важно!

— Важнее Духлы?

— Да! Важнее! Те крысы, что сидят там, — рука указала на невидимый в темноте частокол, — они уже мертвецы. Даже если погибну я, все равно власть голодранцев кончилась, отныне земля харпийская вновь принадлежит Кеям. Поэтому мы должны знать...

Он умолк, собираясь с мыслями, затем заговорил неторопливо, взвешивая каждое слово:

— Беркут умен. Вначале он пытался пугать харпов тобой, Кей, но быстро понял, что ошибся. Голытьба любит сильную власть — настоящую, не ту, что рождается в крике на площадях. Его посланцы утверждали, что ты заберешь легеней в свое войско, а девиц — в свой терем. В результате в каждом селе уже спорят, кому идти первому...

Дедич коротко рассмеялся.

— О дани говорить не приходится. Беркут собирал столько, что ни я, ни ты не решимся. Тогда он стал говорить дру-

гое — будто сполоты уже покорились оград. Твоя мать — дочь хэйкана, Кей. Здесь об этом знают. Об этом и о том, что твой брат скоро сам станет хэйканом. Извини, но это так...

Кей кивнул. Обижаться не на что, все правда. Вспомнился Чемер с его «политией»: «Пастух и землепашец никогда не будут жить в одной державе».

— Но что вам сделали огры? Здесь же их не было!

— Были! Очень давно, когда пал Великий Валин. Но их помнят, Кей! И теперь Беркут пугает всех, что вскоре сюда прискачут страшные косоглазые разбойники, потащат красных девиц на арканах куда-нибудь за Денор, а всех остальных заставят пить кобылье молоко. Он говорит, что об этом ему сообщили верные люди в Валине...

Велегост зло усмехнулся. Ай да дядя Ивор!

— Мы не верим в эту чушь, но мы хотим, чтобы харпами правил Светлый Кей Ории, а не Великий Хэйкан. Если твой брат станет Светлым...

— Погоди! — Велегост даже растерялся. — Но мой отец жив. Он правит Орией!

— Да пошлют боги долгую жизнь Светлому Кею Войчемиру! Но, увы, все мы смертны. Кто станет его наследником? Если Огрин Сварг, то мы не хотим жить в такой стране. Лучше договоримся с мадами, они по крайней мере не пьют кобылье молоко. Мы, харпы, хотим жить в Ории, а не в Огрии. Я не прошу ответа немедля, Кей. Но тебе придется что-то решать...

Что-то решать! Яснее сказать невозможно. Харпийские дедичи предлагали Венец ему, младшему сыну. Выходит, если Великий Хэйкан Сварг попытается стать Светлым, против него выступит не только Валин? Его, Велегоста, наверняка поддержат сиверы, да и многие сполоты. Ивор намекал, что сумеет договориться с Коростенем...

Велегост попытался отогнать страшные мысли. Нет, нет! Он не должен даже думать о таком! Двадцать лет назад сыновья Мезанмира залили страну кровью. Но ведь теперь крови не будет? Достаточно открыть Дверь...

— Кей! Смотри!

Рука Ворожко указывала куда-то вверх, в сторону Духлы. Велегост вздрогнул, вспомнив о каменном гостинце, но в голосе дедича не было страха. Ворожко был удивлен, даже поражен.

— Вот! Птица!..

Птица? В темном безлунном небе мелькнуло что-то еще более темное, на мгновение заслонив бледные звезды. Черная тень неторопливо скользнула над краем ущелья. Вначале показалось, что это громадный орел, но Велегост вспомнил — орла ночью не увидишь. Да и не бывает таких орлов!

Черная птица парила над ущельем, то снижаясь, то поднимаясь выше. Громадные крылья были неподвижны, да и полет казался странным. Так птицы не летают! Вокруг послышались возбужденные голоса. Кметы снимали с плеч гочтаки, кто-то уже начал натягивать тетиву лука.

— Стойте! — крикнул Кей. — Не стрелять!

Черная птица снизилась, пройдя над самыми головами. Кей замер, не веря своим глазам. Орел нес в когтях человека! Нет, орла никакого не было, летел человек! Человек, над которыми темнели громадные черные крылья...

— Не стрелять! — вновь крикнул Велегост.

Этот крик подхватили, кметы сбегались со всех сторон, кто-то махнул рукой, и тут из поднебесья донесся ответный крик. Черное крыло наклонилось, резко дернулось — и внезапно камнем пошло вниз.

— А! — крикнул кто-то, и наступила тишина.

Человек падал, крылья, только что несшие его, теперь тянули смельчака к земле. Громкий треск, плеск воды — и река жадно схватила в свои объятия то, что упало с неба.

Растерянность длилась недолго. Кметы бросились вперед, громко расплескивая сапогами воду. Велегост с трудом перевел дыхание. Тот, кто прилетел к ним на черных крыльях, упал с небольшой высоты, значит, мог уцелеть...

— Жив! Жив!

Кметы, стоявшие по пояс в воде, возбужденно махали руками. Кей улыбнулся — смельчаку повезло. Но кто же это?

Человека подняли, помогли встать на ноги, вывели из воды. Вслед за ним несли крылья, точнее, одно огромное крыло, с которого свисали оборванные кожаные ремни. Велегост ударил коня каблуком и поспешил навстречу. Человек-птица был высок, широкоплеч и, хотя тьма не позволяла увидеть лицо, внезапно показался знакомым. Но ведь этого не может быть!

Человек остановился, отстранил державшие его руки. Короткий поклон...

— Приветствую тебя, о благородный Кей, и поистине радостна эта встреча!..

— Лоэн!

Велегост соскочил с коня, бросился к риттеру, обхватил за мокрые плечи.

— Лоэн-гэру? Ты?! Откуда?

Риттеру он приказал оставаться с Танэлой и кнежем Савасом. Можно было лишь подивиться.

— Ежели скажу, что с небес, то будет это лишь половиной правды. — Лоэн весело улыбнулся. — Вся же правда в том, что прибыл я с горы, что именуется Верла, и прибыл с добрыми вестями.

Растерянность прошла. Каким-то чудом риттер научился летать, но о чуде можно будет поговорить потом. Верла? Что там?

Кей махнул рукой, приказывая кметам вернуться на посты, и покачал головой:

— Ты, кажется, ослушался приказа, риттер?

— Увы! — Лоэн по-прежнему улыбался. — Ибо невмочь было отсиживаться, когда те, кого чту я друзьями, рискуют жизнью. Отправился я с отрядом храброго Хоржака, и прибыли мы на гору еще утром, как встало солнце. Помня приказ твой, начали мы искать спуск, но тщетно. Хоть и была там в прежнее время тропа, однако же спуститься можно было лишь по вервию, ибо поистине круты склоны Верлы. Вервие же сие обрезано оказалось, внизу же поставлена верная стража, числом немалая...

Велегост кивнул — крутой склон, веревка, по которой спускались пастухи, стража. Можно сбросить новое вервие, но харпы поднимут тревогу, а Духла совсем рядом...

— Посему решили мы ждать темноты, однако же не в бездействии. Ибо мудрый человек из земли улебской по имени Чемер озаботился о том, что поистине столь просто, сколь и прекрасно.

Они подошли к крылу, и Велегост осторожно коснулся черной поверхности, словно перед ним и вправду лежала раненая птица. Вот для чего Чемеру нужны были плотники — а заодно и прочная кожа! Тонкая, но крепкая деревянная рама, кожаные ремни, обтяжка из темного полотна...

— Неужели это... летает?

Риттер покачал головой:

— Поистине нет, ибо летают лишь птицы да Посланцы Господни. Однако же может сие крыло парить, хоть и трудно с непривычки такому, как я, управлять небесным конем. Десять крыльев сделал мудрый Чемер. Как стемнело, девятеро воинов, духом храбрых и телом легких, вызвались спуститься вниз, к подножию Верлы. Трое погибли, и поистине риттерской была их кончина. Шестеро же спустились благополучно и с превеликой дерзостью обнажили мечи, дабы расчистить нам путь. Стоит ли говорить, что не ожидали бунтовщики их удара, и сбросили мы вервия, о коих тоже позаботился мудрый Чемер. Не прошло и часа, как сотни наши были уже внизу. Я же решил уподобиться птице и пролететь над Духлой мятежной, дабы сообщить тебе, благородный Кей, эту радостную весть. Знай же, что сейчас храбрый Хоржак уже ведет своих кметов на бунтовщиков злокозненного Беркута.

Велегост бросил взгляд на невидимую во тьме Духлу. Если Хоржак ворвется в поселок, ему придется туго. Две сотни против нескольких тысяч! Значит, план надо менять. И побыстрее...

— Ворожко! Сюда!

Велегост прикинул, сколько у него осталось воинов. Три с небольшим сотни — мало! Но выбирать не приходилось.

— Берешь половину — и ко входу в ущелье. Я — к выходу. Встретимся в Духле!

Ворожко кивнул, лицо искривилось в усмешке:

— Я знал, что боги за тебя, Кей Велегост. Мои «легени» говорят, что с нами теперь сам Небесный Всадник!

Велегост бросил взгляд на Лоэна, скромно отошедшего в сторонку, но не стал спорить. Пусть легени верят в Небесного Всадника!

— Боги за нас, Ворожко. И да помогут они нам дожить до утра!

Дедич вновь улыбнулся, махнул рукой и вскочил на коня. Велегост проводил его взглядом, повернулся к застывшим в ожидании кметам:

— Вперед! Да поможет нам Сокол! На Духлу!..

Впереди, за утонувшими во тьме высокими бревенчатыми домами, были враги. Ночь молчала, но Велегост знал, как обманчива эта тишина.

...Бой шел всю ночь, все утро, весь долгий жаркий день и стих только к полуночи, когда силы иссякли, и наступила короткая неверная передышка. Заснули все, кроме часовых, но Велегосту не спалось. Бой не отпускал, в ушах все еще стоял крик — отчаянный крик сотен людей, сцепившихся среди узких улочек Духлы. Харпы стояли насмерть. Не помогали ни выучка, ни стальные латы, ни отчаянная смелость. Удалось лишь оттеснить мятежников из полуночной части поселка — и это было все. Наутро предстоял новый бой, и Велегост понимал, что ждет его кметов. У Беркута оставалось не менее двух тысяч, а сполотов вместе с лехитами Саваса и легенями Ворожко — не больше семи сотен.

Кей вновь поглядел в сторону невидимого врага. Наверное, Беркут тоже не спит, готовясь к завтрашней схватке. Киево войско вырвалось из западни. Вырвалось — но не победило.

Совсем рядом послышался негромкий шум. Кто-то шагнул из темноты, узкоплечий, в коротком военном плаще.

— Кей! Можно с тобой поговорить?

Стража заступила путь, но Велегост, узнав Чемера, махнул рукой, веля пропустить улеба. В суете боя они так и не успели перекинуться словом.

— Ждешь благодарности, полусотник?

— О чем ты?..— Сын Кошика явно удивился.— О крыльях? Не стоит, Кей! Такие крылья давно известны в земле Чуго, отец как-то дал мне одну фолию, там был рисунок... Нет, я пришел не за благодарностью. Ветер с полночи, Кей!

Велегост устало потер лоб. Опять загадки? Да, ветер с полночи, прохладный, сильный. Наконец-то можно вздохнуть полной грудью!

Чемер покачал головой:

— Жалеешь их? Напрасно! Под утро Беркут нападет, и нам придется отступить. Их слишком много, Кей!

— Жалею? — Велегосту показалось, что он ослышался.— О чем ты, полусотник?..

— Ветер с полночи! — повторил улеб.— Мы на полночи, Беркут — на полдне. Дома деревянные, загорятся сразу!

На миг Велегост даже растерялся. Жечь? Но ведь...

— Там женщины и дети, Чемер. Их тысячи!

— А нас несколько сотен. В Ночь Солнцеворота твоя рука не дрожала!

Кей еле сдержался, чтобы не ударить улеба прямо в кривящийся усмешкой рот. Как смеет этот наглец!..

— Там были враги, полусотник. Звери! Харпы — не Меховые Личины, они — наши подданные, такие же венты, как ты и я!

— Нет! — Усмешка исчезла, маленькие глазки смотрели в упор.— На Четырех Полях ты воевал с дураками, Кей! С дураками, которые сунулись не в свою берлогу. Враги здесь! Беркут собрал всех, кто смеет спорить с Кеями. Сожги их — и пусть пепел разлетится по всей Ории!

И вновь Велегост еле удержался, чтобы не ударить, не закричать. Пепел? Дай такому Ключ... Нет, об этом страшно и подумать!

— Так учит твоя полития? Пролить море крови, чтобы потом прослыть добрым?

Чемер хотел что-то ответить, но Велегост не стал ждать. Кровавая мудрость улеба вызвала тошноту. Но сын Кошика прав в одном — к утру бой начнется снова. Надо что-то решать. Кей вновь взглянул в сторону затаившегося во тьме врага и направился обратно в лагерь, заранее жалея, что придется будить Хоржака.

* * *

— Они не ответят, Кей!

В голосе сотника слышалось раздражение. Велегост понимал Хоржака: уже больше часа они ждали, что скажет Беркут, но мятежники по-прежнему молчат. И наверное, не просто молчат — подтягивают свежие силы, укрепляют улицы, готовят оружие, чтобы с рассветом начать все сначала.

— Беркут не сдастся. А если и пообещает — то обманет.

Велегост пожал плечами. Он сделал, что смог. Посланец передал Старшому Рады его волю — поутру сложить оружие и выйти из Духлы. Мертвых не воскресишь, но уцелевшие смогут жить дальше.

Кей терпеливо ждал. Беркут — не безумец. Никакая свобода не стоит тысяч жизней. Тогда, в Ночь Солнцеворота, у Кея Железное Сердце не было выбора, но сейчас еще не поздно. А может — мелькнула страшная мысль — и на Четырех Полях надо было рискнуть и пощадить страшных чужаков, упавших на колени перед Кеевым Орлом? Может, он просто испугался? Ведь и Меховые Личины — не безум-

цы и не людоеды. Уже потом ему рассказали, что на далекой полночи начался голод и у дикарей просто не было выбора...

— Велегост, сын Войчемира! Кей Велегост, ты здесь?

Голос из темноты крикнул по-харпийски. Хоржак предостерегающе поднял руку, но Кей не стал ждать:

— Я здесь! Что вы решили?

— Подойди! С тобою будет говорить Беркут, Старшой Рады!

— Хе! — Хоржак покрутил головой. — Может, им еще и оружие отдать? Кей, это ловушка!

Велегост задумался. Да, идти опасно, но что будет, если он останется здесь, слишком ясно. На кону тысячи жизней — и сполотов, и харпов.

— Я иду! Не стреляйте!..

Темные силуэты домов приблизились, в предрассветной мгле промелькнула чья-то черная тень.

— Стойте! Кей Велегост, дальше ты должен идти один!

Велегост обернулся — они отошли уже далеко. Дальше — враг.

— Беркут здесь?

— Я здесь, Кей Велегост! — Знакомый голос звучал спокойно, чуть насмешливо. — Кажется, нам теперь есть о чем поговорить?

— Да!

Велегост решился и шагнул вперед.

— Хорошо! Подними руку, чтоб я мог тебя увидеть.

Кей удивился, но все же поднял правую руку — и тут же послышался знакомый свист. Что-то ударило по стальному зерцалу, отбросило назад...

— Стреляйте! — В голосе старика звучало торжество. — Смерть Кеям!

— Смерть! Смерть! — повторили десятки голосов.

Снова свист — и левую руку обожгла боль. Уже падая, Велегост понял — гочтак. Значит, у харпов есть не только луки да клевцы!

— Смерть! Смерть! — орали харпы.

В ответ послышалось дружное:

— Кей! Кей! Спасайте Кея!

Подбежала охрана. Его подхватили, заслонили собой, рядом яростно ругался Хоржак, выдирая застрявшую в коль-

цах кольчуги стрелу. Кто-то упал, послышался негромкий стон, а харпы продолжали посылать стрелу за стрелой. Спасла темнота. Уже через несколько шагов целиться стало трудно, и уцелевшие смогли вернуться.

Велегост с трудом снял шлем. Голова гудела, пульсировала болью. «Капля» не смогла пробить прочную сталь, но изрядно оглушила. Раненая рука занемела, кровь текла по запястью, капала с пальцев. Хоржак, продолжая ругаться, уже рвал чью-то рубаху, чтобы наскоро перевязать рану. Кей поморщился — глупо! Как глупо!

На шум уже сбегались кметы, появился сонный Савас с мечом наголо, но Кей махнул рукой, приказав возвращаться назад. Ничего не случилось, он даже не ранен — так, царапина! Велегост порадовался, что здесь нет сестры. Еще в начале боя он отослал Танэлу вместе с Лоэном к ближайшему перевалу. Чтобы горячий риттер не вздумал вернуться, Велегост дал ему десятерых латников, велев охранять пустую дорогу.

Когда перевязка была окончена, Велегост хотел поговорить с воеводами, но внезапно почувствовал, что кто-то тянет его за руку.

— Кей! Можно тебя?

Голос Хоржака звучал странно — тихо, растерянно. Еще ничего не понимая, Велегост кивнул и прошел вслед за сотником за ближайший дом. Здесь собрались кметы, о чем-то тихо переговариваясь, а посреди, прямо на земле, лежал темный плащ, из-под которого торчали остроносые огрские сапоги. Сердце дрогнуло.

— Кто?

Ему не ответили, и это молчание почему-то показалось самым страшным. Велегост медленно опустился на колени, рука потянулась к краю плаща, замерла.

— Нет...

Он уже понял. Все понял...

Лицо Айны было спокойно и сурово. Побелевшие губы кривились, как будто последняя боль не отпустила поленку даже после смерти. Скрюченные пальцы словно тянулись к горлу, в котором торчал обломок стрелы.

«Я очень любить тебя, мой Кей! Очень любить!» Ладонь привычно скользнула по изуродованному лицу, и Велегост еле удержался, чтобы не завыть от боли, как воет

смертельно раненный волк. Безумие! Безумие, что Айны больше нет! Безумие, что он послал ее в бой, не уговорил, не приказал! Он слишком привык к ней, к тихой храброй девушке, неправильно выговаривавшей сполотские слова...

Что-то говорил Хоржак, но слова проносились мимо, не задевая сознания. Боль росла, перехлестывала через край, мутила разум. Айна выжила прошлой ночью, чтобы погибнуть сейчас — не в бою, не в жаркой сече. Проклятый Беркут все-таки попал ему в сердце!

Велегост поднял неподвижную ладонь девушки, прислонил к щеке, замер, затем поцеловал холодеющие губы и резко встал.

— Всех! Сюда!..

Крик заставил людей отшатнуться, кто-то бросился в темноту, громко повторяя приказ. К Велегосту уже бежали старшие кметы, появился Савас, прибежал сонный и растерянный Ворожко.

— Слушайте все! — Голос Кея окреп, налился металлом.— Что ждет мятежников, посягнувших на власть Киев?

Тишина длилась миг — не дольше, и вот прозвучало глухое, негромкое:

— Смерть...

— Что ждет псов, кусающих руку, что их кормит?

— Смерть! Смерть!

Велегост глубоко вздохнул. Смерть! Это же кричали те, что убили Айну...

— Я предложил этим псам пощаду, но они сами выбрали свою участь!

— Смерть им, Кей! Смерть!

Растерянность исчезла, глаза кметов горели радостью, словно у охотников, обложивших дичь.

— Ветер с полночи! Приказываю — сжечь это осиное гнездо. Тех, кто вырвется,— рубить без пощады. Всех! Всех, кто выше тележной чеки!

Ответом был радостный вопль. Вспыхнул факел, за ним другой. Кей обернулся, бросил взгляд на обреченную Духлу:

— И да помогут нам боги! Сокол!

— Сокол! Сокол! Без пощады!

Крик ширился, гремел, темнота отступила, отброшенная трепещущим пламенем факелов. Велегост устало закрыл глаза, но свет проникал даже сквозь плотно сомкнутые веки.

И вдруг он увидел поле, покрытое грязным, истоптанным снегом, редкий строй кметов и молодого парня, которого только что назначил сотником. Сейчас Кей отдаст приказ, глаза волотича вспыхнут яростным огнем, и он поведет остатки сотни в ночь, чтобы убивать, убивать, убивать. Всех, кто выше тележной чеки. Всех! Всех...

* * *

Под сапогами чавкала липкая грязь. С утра прошел короткий дождь, загасивший последние угли, и пепелище затянуло удушливым сизым дымом. Наконец дым исчез, и люди смогли войти через черный остов сгоревших ворот в то, что когда-то было Духлой. Поселок сгинул, превратившись в угли и пепел. Сквозь запах гари уже пробивался иной дух — удушливый смрад сотен разлагавшихся трупов.

Духла горела два дня. Ветер с полночи гнал пламя к обрыву, превращая дома под соломенными крышами в гигантские костры, чадящие густым черным дымом. Спасения не было. Тех, кто вырывался из огня, ждала скорая смерть от мечей и гочтаков. Наиболее отчаянные пытались спуститься в ущелье, но и там их сторожила погибель — сотня «легеней» Ворожко встречала беглецов острыми кольями. Над гибнущим поселком стоял дикий отчаянный крик сотен голосов. Он не смолкал ни днем, ни ночью, и стих лишь на третью ночь, перед тем как пошел дождь.

Велегост неторопливо ехал по сгоревшей улице к центру, туда, где стоял дом Беркута. Ему уже доложили, что прочный камень уцелел, сгорела лишь крыша, но удушливый дым сделал свое дело — живых найти не удалось. Среди трупов нашли двоих сыновей Беркута, но сам старик исчез, то ли сгинув в огне, то ли каким-то чудом найдя дорогу в близкие горы.

Рядом, бок о бок, ехала на своем сером коне Танэла. Глаза Кейны, не отрываясь, смотрели на черные руины, лицо казалось бледным и неподвижным. Лоэн держался чуть сзади, внешне спокойный, невозмутимый. Кей догадывался, что риттеру из далекой земли доводилось видеть такое. Может, и не раз, и не два.

Сполоты и лехиты молчали, некоторые даже хмурились, зато харлы, из тех, что пришли с Ворожко, не скрывали

радости. Они обшаривали сгоревшие дома, выискивая уцелевших, но мстить было некому. Повсюду были лишь трупы — почерневшие, уже начавшие тлеть.

Улица осталась позади, копыта коня ударили по мокрому камню. Площадь уцелела — гореть на ней было нечему, только у деревянных идолов, вкопанных возле большого каменного дома, обгорели усатые лица. Сам дом чернел выбитыми окнами, дверь висела на одной петле, а изнутри слышались возбужденные голоса — кметы обшаривали каждый закуток, надеясь найти спрятанное добро.

— Так и должно быть, Стригунок? — Кейна, грустно усмехнувшись, кивнула на мертвый дом. — После победы?

Велегост только пожал плечами. Ответил Лоэн:

— Поистине так, о прекрасная Кейна! И не бывает зрелища страшнее, ибо ненависть уходит, жалость же возвращается в сердца. И не радуешься ты даже гибели злейшего врага.

Внезапно крики стали громче. Кто-то выбежал на крыльцо, махнул рукой:

— Кей! Кей! Нашли! Здесь живые!..

Велегост ударил каблуком коня, поспешив вперед. А на высокое крыльцо уже тащили чьи-то неподвижные тела — одно, другое, третье.

— В подвале прятались, Кей. Хитрые! Ничего, сейчас попляшут!

Велегост соскочил с коня, взбежал на крыльцо. Перед ним лежали трое в белых, испачканных сажей рубашках. Бледные лица казались неживыми, но вот веки одного из парней дрогнули, послышался негромкий стон.

— Это Хован, сын Беркута! — Ворожко подбежал, склонился над неподвижным телом. — Не ушел, мерзавец. Кей, разреши!..

— Брат! — шепнула Танэла, но Велегост молча покачал головой.

Эти люди уже мертвы. Как сотни других. Как Айна. Даже если он запретит, их все равно убьют. Смерть вырвалась на волю.

Хован начал приходить в себя, застонал, приподнял голову, но его уже схватили, грубо вздернули, поставили на ноги. Шею захлестнула веревка. Миг — и пленного потащили наверх, на второй этаж. Короткая возня, крик — и дергающееся в конвульсиях тело вывалилось из окна. Не-

громко охнула Танэла, а кметы уже тащили второго, затем третьего — так и не очнувшихся, беспамятных. Велегост хотел отвернуться, но заставил себя смотреть. Он не хотел этого. Не хотел — но сделал. Отворачиваться поздно.

— Здесь еще одна. Девка! Живая!..

Велегост вздрогнул. Страшная догадка заставила похолодеть. Дом Беркута, его семья. Нет, только не она!

Неподвижное тело вынесли на крыльцо, грубо бросили оземь. Испачканное белое платье, нитка красных бус, светлые волосы покрыты сажей... Велегост резким движением отстранил сбежавшихся кметов, склонился — и бессильно закрыл глаза. Сва-Заступница, но почему?..

Стана лежала не шевелясь, лишь еле заметно подергивались длинные ресницы. Кей хотел приказать принести воды, позвать знахаря, но голос не слушался. Перед глазами встало бледное лицо с кривящимися усмешкой губами. «В Духле ей будет опаснее, чем здесь!» Проклятый Чемер оказался прав! Девушку пощадил огонь, но люди страшнее огня...

— Кто это? — Ворожко нетерпеливо наклонился, юное лицо расплылось в ухмылке. — Дочь Беркута? Гадюка! Ну, наконец-то!..

Кметы радостно закричали, и Кей понял — помочь ничем нельзя. Он сам выпустил зверей на волю...

Веки вновь дрогнули. Стана медленно открыла глаза, побелевшие губы шевельнулись.

— Железное Сердце...

Кей вздрогнул, словно от удара. Железное Сердце — страшный Кей из страшной сказки. Чудовище, посланное убивать невинных...

Он встал, глубоко вздохнул, руки сжались в кулаки. Нет, он не позволит!

— Не трогайте ее! Прочь!..

— Кей! Она должна умереть! — Ворожко походил на пса, у которого отнимают добычу. — Два раза ты миловал ее. Она дочь Беркута, дочь твоего врага! Я... Мы все требуем ее смерти. Мы — дедичи харпийские, слуги Киев!

Толпа откликнулась дружным ревом. Велегост понял — если он запретит, Ворожко обнажит меч, и все, ради чего он здесь, придется начинать сначала. Им мало крови — все еще мало...

— Брат! — Рука Танэлы легла на плечо. — Сделай что-нибудь!

Кей оглянулся. Харпы уже собирались вокруг Ворожко, лица были угрюмы, руки сжимали клевцы. Сполоты переглядывались, все еще не понимая, но на всякий случай тоже сбивались поближе к Кею. Откуда-то вынырнул мрачный Хоржак, заворчал, рука легла на рукоять меча.

— Кей Велегост! — Голос Ворожко окреп, загустел, словно с Кеем говорил не четырнадцатилетний мальчишка, а тридцатилетний муж. — Если ты пощадишь врага, мы больше не сможем тебе верить. Ни тебе, ни всем Кеям. Мы, дедичи, ваша опора, без нас ты не сможешь править харпами. Выбирай — или мы, или эта девка!

Их глаза встретились, и Кей почувствовал, как душу охватывает гнев — невыносимый гнев бессилия. Чемер прав — они, Кеи, не боги. Только боги могут спасти синеглазую девушку, что так славно пела о весенней ласточке...

— Отдай! — ударил в ухо шепот Хоржака. — Косматый с ней! Потом я этого мальчишку на куски разрублю!..

Велегост помотал головой. Он не смог спасти Айну, не смог спасти сотни и сотни других. Хватит!

— Кеям не ставят условий, дедич. Наше слово — закон!

Лицо Ворожко дернулось, рука скользнула к мечу.

— Аригэ!

Короткое румское слово ударило, словно стальной клинок. Лоэн неторопливо вышел вперед, поправил сбившийся плащ, подошел к Стане.

— Стойте! — повторил он. — Прекрасная Кейна, переведи им мою речь!

Танэла чуть помедлила, затем кивнула и встала рядом с риттером.

— Скажи мне, храбрый Ворожко, существуют ли в вашей земле благородные обычаи? Ведомы ли они тебе?

Площадь стихла. И харпы, и сполоты слушали негромкий голос Кейны, переводящий слова риттера. Ворожко кивнул:

— Конечно, доблестный Лоэн! Я знаю, что негоже требовать смерти юной девушки, но она — дочь врага, предателя. Это он убьет ее своей изменой, не мы!

— Тогда ты знаешь и другое, храбрый Ворожко! Всякая девица, даже виновная в тяжких грехах, вольна искать себе защитника. Того, чей меч не даст ей погибнуть.

Внезапно Велегост почувствовал, как в сердце вновь вспыхнула надежда. Риттер прав! Почему же он сам не подумал об этом?

Дедич задумался, затем покачал головой:

— Обычай такой есть и у нас, но...

— Благородный Кей Велегост, заступившийся за эту девицу, не может скрестить с тобой меч, ибо он тот, кому ты служишь. Однако же род мой не менее знатен, и ежели ты не сочтешь поединок со мной бесчестьем, то я — к твоим услугам. Впрочем, ты еще юн и вправе выставить вместо себя защитника.

Лоэн шагнул к дедичу. В лучах утреннего солнца сверкнула синеватая сталь. Ворожко отшатнулся, лицо пошло красными пятнами:

— Кейна! Переведи риттеру Лоэну, что я не хочу драться с таким славным и благородным воином, как он. Но я не трус! Пусть нас рассудят боги!

Он выхватил меч и расстегнул фибулу, сбрасывая плащ на землю.

— Ты разрешаешь, Кей? — Лоэн повернулся к Велегосту. — Разрешаешь суд Божий?

— Не надо...

Велегост, уже готовый дать согласие, удивленно обернулся. Танэла стояла возле неподвижного тела девушки, ее лицо было бело как мел.

— Поздно, Стригунок. Стана... она умерла.

Внезапно показалось, что воздух исчез, в легкие плеснула колючая холодная пустота.

— Боги... За что?!

Кей поднял взгляд к горячему светло-голубому небу, но там не было ничего — даже легкого облачка.

Боги молчали.

Елена Евдокимова

УКРОТИТЕЛИ МИРОВ

Над серебряным блюдцем кружился туман. Сизая воронка то раздавалась, и тогда в прорехе появлялось темное, в мерцающих звездах небо, то вновь смыкалась, пряча картинку от глаз.

Виляя и покачиваясь, наливное яблочко двинулось на третий круг. Картинка в блюдце очистилась от серой пелены, и на замшелой стене далекого замка проглянули силуэты танцующих привидений. В воздухе поплыл аромат первых цветов, донеслись переливы тихой, чуть грустной мелодии. Яблоко завертелось на месте и остановилось.

Звук пропал сразу. Картинка выцвела, смазалась и тоже исчезла. В начищенном до зеркального блеска серебре отражалось конопатое, окруженное светлыми кудрями мальчишеское лицо.

— Да что ж это такое? — пробормотал Никита. — Опять, да?!

Кулак с грохотом опустился на стол. Блюдце звякнуло, яблоко дернулось и перекатилось на другой бок. Стоящий рядом берестяной туесок закачался, но устоял. Никита потер ладонь и, поостыв, осмотрел строптивый фрукт. У самого черенка обнаружилось пятнышко — то ли насмешка, то ли привет от обосновавшейся за окнами весны.

Ох уж эти «приветы»! Никита вытащил из-под стола короб. Яблоки едва закрывали дно. В нос ударил запах прелой листвы и гнили. Паренек покачал головой и захлопнул плетеную крышку. Все, довольно! Три неудачи подряд! А времени потеряно!.. Одну Ваську два дня уламывал, чтоб заклинание для замка сказала. И работу давно сдала, и привидений до поросячьего визга боится, а вот, поди ж ты, вредничает!

— Никита! — донеслось из распахнутого окна. — Ники-ит!

У плетня стояли Ванька с Емелей. В руках — по удочке, Емеля, как старший, тащил ведро. Приятелей знала вся округа. Ванька коренастый, серьезный, а Емеля, наоборот, тощий как жердь, рот до ушей. И всегда вместе, особенно если созорничать требуется.

— Привет рыбакам! — Отдернув занавеску, Никита устроился на нагретом солнцем подоконнике.

— Ты чего дома сидишь? — спросил Емеля. — Случилось что?

— Ничего не случилось. — Никита скосил глаза на блюдце — оно стояло в тени, и от плетня его было не разглядеть. — Я к завтрашнему показу готовлюсь.

— Никак опять на Берез-горе колдовать собрались? — встрепенулся Ванька.

— Да не боись! В этот раз тучи не тронем.

— Точно?

— Точно, точно — тема не та... Как порыбачили?

Емеля ухмыльнулся:

— Двенадцать лещей и одна щука!

— Говорящая?!

— Да какая там говорящая! Самая обыкновенная, для ухи пригодная. Во!

Емеля вытянул щуку из ведра. Серая в черных крапинах чешуя тускло блеснула на солнце.

— Неинтересно! — исподтишка разглядывая добычу, заявил Никита. — Вот если бы говорящая...

— Ну, это ты, брат, хватил! — пробасил Ванька. — Кто тех говорящих видел? Перевелись, поди, все.

— Не скажи! Вон, Демьян прошлым летом не растерялся и печь самоходную получил!

— Слыхали, слыхали, — махнул рукой Ванька. — И про то, как Баба-яга новоселье справляла и как за новую избушку отблагодарила. Вот только с Ягой связываться — себе дороже.

— Бабуся она пакостная, — согласился Никита, — но коли одарит — в обиде не будешь!

— А что ж твой отец-чародей за то дело не взялся? — усмехнулся Емеля.

— Не мог он. Они с Ягой не разговаривают.

— И из-за чего?

— Отец не сказывает.

— Или не помнит уже?

— Как это — не помнит?! — взвился Никита. — Отец все помнит! Выкладывайте, зачем звали. У меня забот невпроворот!

— «Выкладывайте!» — проворчал Ванька. — Мы о нем беспокоимся, а он... Бросать тебе надо колдовством баловаться — вот что! Делом бы занялся.

— Это каким же: на речке посидеть да воробьев пострелять?

Емеля тут же прикрыл рукой заткнутую за кушак рогатку.

— Поду-умаешь! — протянул он и замолчал.

— Пойдем мы, — сказал Ванька. — Дома нас, поди, заждались. А ты колдуй, коль нужда такая.

Приятели ушли. Никитка вернулся за стол. На душе было скверно: дело не ладилось, с ребятами сдва не поссорился... или поссорился? Одно ясно: о привидениях из далекого замка можно забыть. И что теперь? Выдумкой воспользоваться? Слова да рисунки в живую картинку превратить?

Лавка у соседнего окна была завалена сестрицыными игрушками. «Мне бы давно выволочку устроили, а Аленке все с рук сходит!» — подумал Никита. На глаза попался расписной утенок. Подставкой для него служила книжка. Сказки, простенькие конечно, до серьезных сестренка не доросла, серьезные нужно искать в ином месте.

Никита с трудом поднял крышку старого, отданного родителями за ненадобностью сундука: рваные шапки, в прошлом — невидимки; обломки мечей, по слухам — кладенцов; пара путеводных клубков с запутанной ниткой... Достать огромный, потемневший от времени том оказалось непросто. Непростой была и книга. Каждый лист в ней — новая сказка. Прочтешь страницу — ей на смену следующая явится, а кончится сказка — лист сам перевернется. И листов таких не счесть. То есть счесть-то можно, да сколько ни пересчитывай, второй раз то же число никогда не получится. А о картинках и вовсе сказ особый: яркие, взгляду подвластные, иногда — смешные, чаще — страшные. Бывало, начнешь смотреть и засмотришься: рукотворные птицы, чадящие повозки, тонкие книги в высоких шкафах. Иные тома даже открыть можно, только без толку: не помогут

премудрости, в тех книгах писанные. Для иного они мира — без волшебства, без чудес.

Никита пролистал том: дворцовые перевороты, войны, смуты. И на каждой странице — кровь, смерть, предательство. Не захочет это Патрикеевна смотреть! Ох, не захочет! Мало того что учительница, так еще и волшебница, к тому же — добрая. А что таким может прийтись по душе?

Разбирать рукописные завитки стало труднее. Паренек поднял голову: золотая полоска на стене — вот и все, что осталось от заливавшего горницу солнца. И на что время ушло? Никита провел рукой по огромному тому:

— Книжечка, миленькая, помоги по старой памяти. Мне бы случай какой аль событие — доброе, яркое. Чтоб душа радовалась.

«Книжечка» вздрогнула, пыль с листов стряхивая, и замерла. «Вот вредина! Все простить не может, что в сундуке оказалась», — обозлился Никита, но виду не показал.

— Книжечка, миленькая, ну, пожалуйста! Я тебя на полку поставлю, сестренке покажу. Она до сказок страсть какая охотница — не оторвешь!

По книге будто волна прошла. По горнице разнесся вздох. Листы зашуршали, переворачиваясь, и остановились. Никита пробежал глазами по строчкам: число, по сказочному летоисчислению; в который раз изменившееся название теперь и не царства, а просто — государства и, наконец: «...произведен запуск первого в мире космического корабля-спутника „Восток“ с человеком на борту».

Паренек озадаченно хмыкнул. Летать выше неба — забавно, но непонятно куда и зачем: до тридевятого царства и клубок доведет, а скорость нужна — ковер-самолет у Яги взять можно или, вон, Горынычей попросить.

Книга перевернула страницу. В каждой строчке — удивление и восхищение, на каждой картинке — улыбки и смех. Отодвинулись, словно по невозможному здесь волшебству исчезли на время вражда и злоба, тревога и страх. Радостные, счастливые, поздравляющие друг друга люди смотрели со страниц диковинной сказки.

— Спасибо, книжечка! Вот помогла, так помогла! — искренне поблагодарил Никита и, схватив со стола туесок, снял с него крышку.

Чудесный гриб-сморчок выпал из берестяного укрытия и, чмокнув, присосался к листу. Рукописные буквы поблекли, будто вглубь книги ушли. Впитывая сказку, сморчок разбух и из коричневого превратился в янтарный — точь-в-точь прозрачный пузырь, тягучим медом заполненный. Отяжелев, гриб покатился с листа. Изловчившись, Никита поймал его в туесок и, закрыв берестяную крышку, с мстительным удовольствием принялся жевать строптивое яблоко.

Бóльшая часть задания была выполнена, а насколько удачно — спрашивать следовало у домового.

Пристроив туесок на печном столбе, Никита положил на лопату сдобный пирог и подлез к подпечку:

— Дедко Демушка!

Под печкой зашуршало, и Никита решил, что можно продолжать:

— Дедко Демушка, длинна бородушка, отзовись, сделай милость, укажи силу сказки!

Из подпечка метнулась тень. Пирог исчез. Никита едва успел прислонить лопату к стене — из-под печки потекла пыль. Пепельно-серые хлопья закружились по комнате. Никита чихнул, глянул вниз и замер — на полу лежали две брюквы и горошина.

— Ну и?..

Из подпечка послышалось чавканье — домовой уплетал пирог. Отвлекать Дему от еды — на такое даже отец не решался. В другое бы время Никита рискнул потревожить овинника, но припасенный для хранителя хлеба пирог сегодня утром нашла и слопала сладкоежка Аленка.

Никита почесал затылок. Разозлить Деминого приятеля: тут не только на себя — на всю семью беду накликать недолго. И что остается?.. От печки плясать?

Никита с осторожностью протиснулся между беленой кладкой и Деминой загадкой. По сизому от пыли полу пролегла дорожка темных следов. Брюквы оказались у ног, горошина лежала дальше — на соседней половице. Узкая щель походила на черту. Никита рассмеялся. И как раньше не сообразил? Горошина, черта и две брюквы. Получается... одна вторая? Так и есть: сказочный мир в два раза слабее настоящего.

Никита ставил на полку сборник сказок, когда с улицы донесся смех. Так заливисто и громко умела смеяться только Алешка.

Утром следующего дня Никита стоял у доски: в руках чудо-гриб, рядом над полом — шар размером с арбуз. Между грибом и шаром тянулась радужная, шириной в ладонь, лента. Солнце заглядывало в класс, слепило глаза, но мальчик терпел. Воздушная дорожка истончилась и, блеснув в последний раз, оборвалась. На ладони у Никиты остался бурый комок. Шар внешне не изменился — те же пестрые разводы, те же искры, проскакивающие в глубине. Разве что вращаться начал поживее.

— Ну что ж, Никита. — Учительница встала из-за стола. — Со сморчками ты управляться научился. Это я вижу. Надеюсь, с картинками дело обстоит не хуже.

— Варвара Патрикеевна, я же говорил...

— Одна вторая. Я слышала. Редкий результат. Надеюсь, правдивый.

От парт долетел смешок. Никита обернулся: физиономии одноклассников остались невозмутимы.

«Как пить дать Васька!» — решил паренек.

— Я также надеюсь, — продолжала учительница, — что кроме этого сморчка у тебя найдется еще один.

— Какой еще... — начал Никита и запнулся.

Как он упустил?! Варвара Патрикеевна — известная перестраховщица! Одна вторая или одна треть — она и проверять не станет, а вот без защиты к показу ни за что не допустит! Сколько раз повторяла: «Если вы строите летучий корабль, убедитесь, что и на волнах он будет неуязвим!» Это на летучем-то корабле! По морю! Но с Патрикеевной спорить — почти как с домовым.

— Варвара Патрикеевна, можно я домой пойду?

Учительница подошла к ученику:

— Опять спешишь? Подумай, что для защиты бы подошло?

— Да какая разница?! Ну, что-нибудь яркое, запоминающееся... Да бесполезно это! Не смогу я вот так, сразу.

— Ничего, помогу. Ну, так как?

— Картинка бы подошла. — Никита поднял голову. — Точно бы подошла! Только взять мне ее негде!

— Ой ли?! — Волшебница улыбнулась. — Школа на горе стоит. Вид далеко открывается. Да что там, лучшего во всей округе не сыскать! Запечатлеть сумеешь... или домой пойдешь?

Никита просиял:

— Сумею! Тут делов-то! С зеркалами разве что...

Варвара Патрикеевна взяла со стола оправленный в серебро кружок.

— Вот одно, а второе... — Она обернулась к ученикам: — Есть у кого с собой зеркало?

Встала Васька: щечки нарумянены, бровки подведены, а уж бус на шее!.. Словно не в школу пришла, а на гулянье. Изобразив на лице смущение, одноклассница протянула Никите зеркальце:

— На, держи, и, если хочешь, могу помочь.

— Правильно, Василиса, помоги, — кивнула любимице Варвара Патрикеевна. — С такими зеркалами одному не справиться.

Васька улыбнулась, наигранным движением перебросила косу на грудь и, не спеша, проследовала к выходу.

— Спасибо! — буркнул Никита и поплелся вслед за ней на высокое крыльцо.

Варвара Патрикеевна, как всегда, оказалась права. Не только место, но и время для запечатления выдалось замечательным: на небе — ни облачка; листва на березах точно дымка — и глаз радует, и вид не закрывает; да и речка, что под самой горой течет... Такой, как сейчас, Никите речку никогда прежде видеть не доводилось. Отсюда, сверху, открывался весь ее долгий путь от темных дремучих лесов на севере, через луга и рощи, к большому, как море глубокому, озеру на юге. А за речкой, за недавно подновленным после половодья мостом, раскинулось родное село. За селом — светлый бор, куда Никита не раз бегал по грибы, по ягоды. А над бором...

— Ой, смотри! — воскликнула Васька. — Горик крылья пробует. Какой молодец! Ты знаешь, он в конце зимы перепонку порвал. Боялись, летать не сможет. Варвара Патрикеевна и Горынычиха с ним намучались!.. Обошлось, стало быть.

Никита поморщился. Восторгов одноклассницы он не разделял, но ждать, пока трехголовая ящерица уберется восвояси, времени не было.

— Ты с первым зеркалом разберись,— распорядился он,— а с остальным я сам управлюсь.

Васька обернулась.

— Сам, значит? Ну-ну!

Она уселась на перила. Под насмешливым взглядом хитрых глаз Никите сделалось неуютно. Особенно досадно стало, когда понял: одному с зеркалом и сморчком не совладать.

— Вась, возьми и второе, пожалуйста,— краснея, выдавил он.

Вдвоем управились быстро. Одно зеркало — в сторону речки. Другое отражает то, что видно в первом, а вместо третьего — гриб-сморчок.

— Ну как? — спросила Варвара Патрикеевна, когда ученики появились на пороге.

— Все, сделали! — выпалила Васька.

Никита поджал губы, но промолчал. Озорно стрельнув в него глазами, Васька уплыла на свое место.

— Вот теперь можно начинать,— быстро переправив картинку в шар, сказала волшебница.

Никита забыл и о Василисе, и о досадной ошибке — шар погас: висел неподвижный и черный, как пасмурная ночь. Затем в глубине возник огонек — словно свеча зажглась за замерзшим стеклом. С каждым мгновением все шире становился ореол, все ярче — разноцветные вихри. Шар вздрогнул и завертелся: медленно, потом быстрее. Размытые образы сложились в четкие фигуры, сказочный мир обрел глубину, краски, звук...

— Никита! — Резкий тон учительницы заставил паренька вздрогнуть.— Кто определял силу сказки?

— Дема, домовой наш.

— Он так и сказал: одна вторая?

— Нет, он... — Никита покосился на шар: живую картинку окутала огненная паутина.— Он знаками показал.

— Какими?

— Горошина и две брюквы, через щелку.

Лицо учительницы застыло.

— Через какую щелку?! — медленно проговорила она.

— Меж половицами.

— Через какую щелку, Никита?! Горошины не для счета даются — для сравнения! Горошина маленькая, брюквы —

большие и означают они большое, целое число!.. Две брюквы означают двойку! Понимаешь?! Двойку!!!

За спиной загалдели одноклассники.

— Такого не бывает! — воскликнул Никита. — Варвара Патрикеевна, вы же сами нам говорили!

— Мало ли что я говорила! — Голос учительницы впервые сорвался на крик. — Ты сотворил мир, чья сила в два раза превосходит силу нашего!

— Это не мир, это — событие. Да и какая разница?! Это же сказка!

Шар разбухал: теснил парты, заставил учеников отбежать к стене. Паутина превратилась в сеть — яркую и пульсирующую.

— Нас уже ничто не спасет, — прошептала волшебница. — Мы слабее и займем их место, а они — наше! Понимаешь?!

— Н-нет, — пролепетал Никита.

Он правда не понял — не успел. Шар сбросил путы. Сеть рванулась в небесную синь и развернулась. Огненные ленты пали на широкие луга, дремучие леса, чистые реки и высокие горы. Вывернувшись наизнанку, сеть начала стягиваться снова.

* * *

Синяя полоса рванула на белую, проглотила четверть и замерла. Леша подвигал мышкой: неужто подарок предков завис? Нет. Ноутбук исправно перебрасывал странички из одной папки в другую. В окно заглянуло солнце. Свет лампы поблек, стекло экрана превратилось в зеркало. Леша нахмурился: извечную причину насмешек — оттопыренные уши — лучи светила превратили в розовые полупрозрачные ломтики. Пришлось задернуть занавеску. На экран вернулись привычные окошки программ. Синяя полоса дернулась и одним прыжком одолела половину пути. Леша улыбнулся: представилось, как завтра в школе небрежным движением положит на парту изящный чемоданчик.

Пусть друг наслаждается победой — Леша отыграется, но потом, и новый фильм посмотрит, но вечером. Сейчас важнее всего факультатив. И тема самая что ни на есть подходящая: теория синтеза вымышленных миров.

Предложи ее физичка месяц назад — народ бы только поморщился: теория хоть и любопытная, но, как о ней ни рас-

сказывай, теорией и останется. Но теперь в отдельном кабинете, оберегаемый от учеников и пыли, стоял подарок шефов: пространство-синтезатор. Увидеть его в действии мечтал весь класс. Тем напридумывали — на год хватит! Но физичка запросила расчеты, и крикуны опустили глаза. Один Леша обрадовался — вот он, повод! И заветный чемоданчик в класс принести, и себя показать. А тема... есть тема!

Синяя полоса рванула к финишу. Странички застыли и сгинули. Новая, и последняя, порция историй про Иванов и Василис добавилась к прочим, выуженным из Сети за неделю. Леша трижды сплюнул через левое плечо и запустил программу.

С природой и нарядами ноутбук справился сам. Разбираться с персонажами пришлось Леше. Такого подвоха он никак не ожидал. С Аленами и Емелями понятно — они герои. Снегурочку с Дедом Морозом к «климатическим особенностям» можно приписать. Конька-Горбунка со Змеем Горынычем — к фауне. А Бабу-ягу куда: в злодеи... или в помощники?

Потаскав вредную бабусю по папкам, Леша почувствовал, что проголодался. Пришлось лезть за шкаф — выуживать припрятанное от сестры печенье. Мальчишка едва успел надорвать пакет — дверь в комнату приоткрылась и в щель просунулась голова шестилетней Насти. Блеснули заколки, глаза сверкнули озорством.

— Лё-ёш, ты же обещал, — заранее плаксивым голосом протянула сестра.

Брат отправил в рот крендельек.

— Отстань! Не видишь? Я занимаюсь.

— Ну, Леш, дай порисовать!

— Сгинь! Надоела!

Настя вошла в комнату и встала, уперев руки в бока.

— Ах надоела?! Да? А вот я маме все про тебя расскажу! Флэшку он потерял, как же! На прошлой неделе в войнушку по сетке продул!

Издав приглушенный рык, Леша повернулся к сестре.

— Слушай, Настена, будь хоть раз человеком! Чем тебе стол в гостиной не подходит?

— Там неудобно.

— Ага! Там надо аккуратно раскрашивать, а здесь можно и кисточкой по столу помалевать!

— Ну, Леш, я случайно, чес-слово!

— Случайно, да? Дом с елкой, и все — случайно?!

Настя всхлипнула.

— «Ну, Леш»! — вставая, передразнил брат. — На, злыдня, садись! Все равно ж не отвяжешься!

Забрав ноутбук и, после краткого боя, отстояв бо́льшую часть печенья, Леша перебрался в гостиную. Приткнуться к розетке не получилось, да и зачем? Еще раз похвалив умный чемоданчик, Леша отыскал в меню иконку «Оценка достоверности», нажал и... чертыхнулся. Программа сообщила примерное время расчета: два часа.

На столике кипой лежали журналы. «Абсолютно достоверные миры: курьез или угроза?» — вопрошал верхний, купленный недавно отцом. «Тоже мне, юмористы!» — подумал Леша. Кого это он опасаться должен? Змея Горыныча? А может, Царевну-лягушку? Лягушка, пожалуй, опасней будет. Представив, как красавица-царевна взмахом изящной ладошки отправляет в небытие танки и авианосцы, Леша рассмеялся и вытащил из-под журналов потрепанный том. «Два часа!» Леша устроился на диване и, прекрасно обойдясь без помощи чудо-синтезаторов, перенесся в мир благородных мушкетеров и коварных гвардейцев кардинала.

Алмазные подвески плыли через Ла-Манш, когда насмешливое «тр-рям» прервало путешествие по миру фантазии. Леша подлетел к столу. Поздно! Компьютер мигнул красным глазом и отключился. «А чтоб тебя!..» Леша подхватил ноутбук и поволок его к себе в комнату: подальше от книг, поближе к розетке.

Настены не было.

Кое-как оттерев со стола цветные разводы, Леша запустил программу. Достоверность сказочного мира умный чемоданчик оценил в сорок процентов. Для показа хватило бы и тридцати. Леше бы радоваться, но физичка просила расчеты, а вот они-то и испарились, вместе с возможностью проверить результат. Парнек закусил губу: просмотр фильма откладывался... или нет?

Один запрос по Сети — и вот, пожалуйста: три окошка и три варианта расчетов с такой же, как у сказочного мира, достоверностью. Из принтера выполз готовый отчет. Леша собрал листы и просто так, из озорства, подмигнул малень-

кой картинке, что очень кстати вспомнилась ему на прошлом факультативе.

Картинка как картинка. Бабушкин брат написал. Художником мечтал стать, да погиб рано — темная история тогда вышла. Одна эта работа после него осталась. Говорят, двоюродного дедушку за нее хвалили, а посмотреть — обычный сказочный пейзаж: речка с мостком, деревушка на берегу, чуть дальше — лес, надо полагать дремучий, над лесом — Змей Горыныч, а на горизонте, если присмотреться, ступа с Бабою-ягой. Настена давно картинку к себе утащить порывалась, но Леша не дал.

Рука потянулась выключить компьютер, но червячок тревоги остановил. Леша проверил таблицу, отчет и понял, что забыл о батареях. Рассмеявшись, он поставил ноутбук на подзарядку и отправился смотреть расхваленный приятелем фильм.

Вечером предчувствие грядущего триумфа долго мешало уснуть. К полуночи усталость смазала образы, и на границе сна и яви в памяти всплыла обложка отброшенного днем журнала. Под алыми буквами «Абсолютной достоверности» из тени проступили листы расчета. Днем Леша их проскочил, а теперь запнулся — достоверность перевалила за сотню!

«Перестарались, — сонно подумал паренек. — На достоверность программа два знака отводит. Объявись третий — отбросит, и весь сказ! Да и не бывает такого». Леша повернулся на другой бок и нырнул с головой под одеяло.

Ветер за окном раскачивал деревья. Из-за туч выглянула луна. Холодный свет проник в комнату и, лизнув стену, коснулся картины. Блеснула текущая от дремучих лесов река. По чешуе Змея Горыныча пробежали серебряные искры. Но ярче и той и другой в правом нижнем углу картины высветилась подпись: Никита Патрикеев. И год создания — 1961.

Светлана Васильева

ДОЛГ

I

А все-таки крысы его боялись...

«Поющий волхв» — знаменитый переяславльский колдун, а ныне жалкий калека, узник великокняжеской тюрьмы Новогорода, Стрепет уже давно превратился в игрушку скучающих стражников. Особенно доставалось ему, когда дежурил Деряба: этот коренастый, неправдоподобно широкий в плечах тюремщик, похоже, просто не мог выдумать себе других развлечений. «Забавы» Дерябы — впрочем, как и обоих его сменщиков, — изобретательностью не отличались, однако действовали безотказно и были способны довести до полного отчаяния.

И только крысы, больше полагавшиеся на чутье, пока не смели нападать на безрукого колдуна...

Безрукий колдун... О Свароже, что может звучать бессмысленнее? Разве лишь «миролюбивый Перун»!

Стрепет посмотрел на свои обрубки. Годы и годы учений, а потом два взмаха топора — и сотни бесценных заклинаний мгновенно теряют всякий смысл. Вместе с воспоминаниями о том, что когда-то одного едва уловимого движения перстов было довольно... Хриплый, лающий кашель разносившего ужин тюремщика прервал мысли Стрепета. Сейчас знакомо стукнет засов, потом заскрипит дверь...

Засов стукнул словно бы мягче и глуше обычного, зато дверь, кажется, заскрипела особенно отвратительно. Узник зажмурился: шагнувший в камеру Деряба внес и укрепил — взамен сгоревшего несколько часов назад — факел, затем снова вышел в коридор и вернулся с дымящейся миской.

Стрепет приуныл: у вонючей тюремной похлебки еще был шанс угодить заключенному в желудок, но только не у нормальной человеческой пищи. В этом переяславлец не

сомневался, поэтому, ощутив на языке вкус настоящего наваристого бульона, сначала даже не поверил.

Стражник подождал, пока не способный самостоятельно есть узник проглотит, аккуратно зачерпнул следующую ложку, потом еще и еще...

— Нужна твоя помощь, колдун.

Ах вот оно что: значит, помощь Стрепета из Переяславля отныне стоила всего лишь миску супа! Опрокинь ее Деряба на одежду, на пол (что проделывал уже не раз); оставь опять умирать от жажды рядом с наполненным до краев водой, но слишком плотно закрытым (для не имеющего перстов) бочонком, и то не было бы так обидно и горько... Между тем стражник воспринял взгляд заключенного по-своему.

— Хочешь еще? Ты, того... не стесняйся, я мигом! — Невероятно, но пропитой голос Дерябы зазвучал как будто нежнее и мягче.— Только глянь — это по твоей части, а я уж не обижу.

— А если нет? — усмехнулся Стрепет.

— Замучаю.

Что и говорить, для знавших Дерябу угроза непустячная.

«По крайней мере, честно...» Не то чтобы Стрепет боялся — скорее, не узнавал себя: оказывается, он соскучился не только по нормальной человеческой пище, но и по обычному — пусть даже и такому непритязательному — разговору. Это он-то! М-да, похоже, подземелья великокняжеской тюрьмы были способны изменить кого угодно...

— Ну, выкладывай, что там у тебя.

Торопливо, словно боясь, что Стрепет передумает, Деряба сунул руку за пазуху и выложил завернутый в несколько тряпок, изъеденный личинками прошлогодний лист. Уголки губ заключенного неприметно дернулись.

— К городскому колдуну ходил?

— Ходил, да он столько запросил!

Естественно, накормить казенным супом оголодавшего узника куда дешевле! Стрепет засмеялся: нет, простодушие и бесхитростность стражника (от которого со страху разило так, что это казалось чересчур даже для зловонной тюремной камеры) переяславльцу определенно нравились.

— Ты только скажи, стоит платить или нет? — допытывался Деряба.— Сам-то, ясно, теперь ничего не можешь.

Стрепет шумно вдохнул: за полгода унижений и издевательств никому так и не удалось выдавить из него и сле-

зинки — от этой же, невзначай оброненной фразы слезы едва не хлынули ручьями.

— Выброси и забудь.

— Чего?

— Выброси и забудь, — повторил узник. — Городской колдун подбрасывает их специально, чтобы потом тянуть из вас золото.

— И я не заболею? И... не умру? — Деряба потянулся было к злополучному листу, но вдруг спохватился: — Поклянись!

— Клянусь Сварожичами...

* * *

Только когда стражник закрыл за собой дверь камеры, оставшийся в одиночестве Стрепет, кажется, впервые по-настоящему осознал, что сотворил с ним Мстислав. Да, Великий князь Новогородский предусмотрителен: он не упустил шанса избавиться от человека, обладавшего не меньшей властью, чем его собственная. Предусмотрителен и умен, но... не мудр, ибо мудрость несовместима с бессмысленной жестокостью. Если бы заодно с руками Мстислав приказал отрубить Стрепету также и голову, то хотя бы проявил милосердие, но нет: князь отдал его на потеху скучающим стражникам.

«Сам-то, ясно, теперь ничего не можешь...»

Огонь факела лениво тянулся к расположенной под самым потолком щели-отдушине; где-то за стеной возились крысы.

«Сам-то, ясно, теперь ничего...»

Но тогда почему крысы, способные загрызть любого, даже не заглядывали в его камеру?

* * *

Стрепет задумчиво рассматривал обезображенные руки. Раньше его персты с равным успехом плели сложнейшие заклинания и перебирали струны гуслей — музыка и теперь еще звучала, но лишь в голове: после казни голос «поющего волхва» потерял прежнюю силу и гибкость.

— Наверху дождь?

Вместо ответа стражник смачно выругался...

С того памятного дня, когда Стрепет сберег Дерябе пару целковых, между ним и тюремщиком установилось подобие

приятельских отношений. Деряба, вероятно, в надежде, что с помощью увечного колдуна удастся сэкономить еще, заключенного не обижал, даже частенько подкармливал. Стрепет, в свою очередь, старался не замечать покровительственно-пренебрежительного тона, который оскорблял переяславльца, пожалуй, больше всего остального.

— Ты-то откуда знаешь? — запоздало спохватился тюремщик.

Узник ухмыльнулся: невидимые кисти рук ныли со вчерашнего вечера. Невидимые, но тем не менее существующие — теперь уж Стрепет в этом не сомневался: иначе откуда взяться боли? Его руки продолжали жить — пусть пока и неподвластной, но все-таки достаточно реальной жизнью. Что ж, когда-то и настоящие — из плоти и крови — персты были не очень-то послушны, и только благодаря настойчивости и тренировкам...

У него было сколько угодно времени, а ненависть и желание отомстить не позволяли терять его понапрасну. Однако, несмотря на все усилия, дело почти не двигалось, и радость маленьких побед все чаще сменялась приступами безнадежности и отчаяния. Стрепет явно что-то упускал. Что-то необыкновенно важное, но что...

— Ну и жарища! — отдуваясь, сообщил Деряба. — Солнце...

«Солнце... — машинально повторил про себя Стрепет. — Солнце...»

Деряба продолжал говорить, но узник его уже не слышал: в памяти с поразительной четкостью всплывал золотящийся на солнце песчаный берег, плотная серая вода... Плещеево озеро — вот куда Стрепет перенесется в первую очередь. И только потом будут дворцовые интриги, Мстислав...

— Колдун, а, колдун, да ты меня хоть слышишь? Ну-ка глянь, чевой-то мне тут опять подбросили?

— Не прикасайся!

Совершенно непроизвольно — как сделал бы это, будь у него руки, — Стрепет сотворил знак тройной защиты... Сделал и только тогда осознал, что наконец получилось.

«Получилось! О Сварожичи, получилось...»

От ужаса у Дерябы подогнулись колени: он мог поклясться, что видел, как в воздухе мелькнули руки кол-

дуна — и валявшийся на земле сверток с шипением исчез...

— Я тебя прощаю, Деряба, но запомни: заключенных не тронь!

Беснующийся огонь факела, бормотание стражника, пытавшегося поцеловать полуистлевшие от крови и пота лохмотья... Стрепет был еще здесь, но его сознание находилось уже далеко-далеко: там, где в серой воде золотой чешуей отражалось вечернее солнце.

II

— Этот человек, — придворный колдун указал на вжавшегося в стену Дерябу, — не врет, княже, Стрепет...

— Отрастил себе новые руки?! — перебил Великий князь, не выносивший даже имени переяславльского колдуна. — Да не обрушит Перун свой меч на земли Новогорода! Ты когда-нибудь о таком слышал, Светозар?

— Нет, зато почерк Стрепета я не перепутаю ни с чем. Он применил свой дар. Четыре или пять формул — значит, прежде чем отсюда выйти...

— Проклятье! — Нетерпеливым движением Мстислав приказал Дерябе удалиться. — Проклятье, — шепотом повторил Великий князь, — ведь это означает...

— Что я уже мертв, — спокойно договорил Светозар.

— Предлагаешь просто сидеть и ждать? — презрительно усмехнулся Великий князь.

— В свое время, — придворный колдун отвесил церемонный поклон, — я позволил себе смелость дать Великому князю совет.

— Ты был прав: его следовало казнить...

* * *

Светозар исчез на третий день: то ли до него действительно добрался Стрепет, то ли попросту сбежал. Мстислав дрогнул: по силе придворный колдун новогородский почти не уступал переяславльскому — только благодаря этой силе и удалось схватить и обезвредить Стрепета.

Мстислав мало чего боялся, однако мысль, что жаждущего мести врага не остановят ни стены детинца, ни самая

надежная охрана, не давала покоя, заставляя примечать каждый шорох, каждое едва различимое движение...

Спустя неделю Великий князь мечтал уже только об одном: чтобы поскорей случилось то, что все равно должно случиться. Но Стрепет появился позже — когда в душе Мстислава родилась смутная надежда на чудо.

Несмотря на жару, переяславлец был в длинном, плотно запахнутом плаще.

«Руки...— чувствуя, как по телу расползается липкий безнадежный страх, подумал Мстислав.— Он прячет руки».

Стрепет будто не совсем походил на себя, но что изменилось, понять князь не успел. Все так же молча колдун сбросил плащ... Нет, новых рук — хвала Перуну! — переяславлец себе не отрастил. Мстислав инстинктивно схватился за кинжал, но еще быстрее были жалкие, уродливые обрубки. Великий князь выронил клинок и начал медленно, точно во сне, оседать на пол.

— Ты допустил ошибку, Мстислав, а Новогороду нужен мудрый правитель.

В ответ раздался натужный хрип: Великий князь был жив, но не мог ни двигаться, ни говорить.

— Я не прощаюсь... — Сотворив невидимую формулу, Стрепет исчез.

* * *

Один за другим с поклоном отходили от постели Великого князя Новогородского приезжие волшебники. Мстислав — особенно после того, как персты кого-то из гостей украдкой сложились в так называемый знак тройной защиты, — и не ждал другого: лишь равнодушно отмечал, как постепенно иссякал поток смельчаков, решивших потягаться с самим Стрепетом. Слух о его чудесном побеге уже давно покинул пределы Новогорода, только добавив славы переяславльскому колдуну.

«Я не прощаюсь...»

Собирался ли Стрепет просто наслаждаться видом беспомощного врага, или в его планах было что-то более изощренное, Мстислав не знал, однако вскоре уже не мог думать ни о чем, кроме предстоящей встречи с переяславльцем. Перед ней меркло все, составлявшее ранее смысл жизни князя, который с трудом теперь находил в себе силы отве-

чать на вопросы растерянных, не привыкших самостоятельно принимать решения советников: два раза сомкнутые веки — «да» или трижды — «нет».

* * *

— Говори.

Точно: стоило появиться колдуну — и Великий князь почувствовал, что снова может говорить, но единственное произнесенное Стрепетом слово Мстислава взбесило:

— Я привык отдавать приказы, а не выслушивать чужие, колдун!

Глаза переяславльца знакомо сощурились: Мстиславу и раньше за каждым взглядом, за каждым движением Стрепета мерещилась насмешка. Он точно снисходил, даже произнося слова приветствия или кланяясь. Это и раздражало Великого князя Новогородского. Это и позволило без особых раздумий принять решение о казни. Однако сейчас ехидство лишь промелькнуло на лице колдуна, тут же сменившись непривычным для Стрепета спокойствием.

— Тому, кто отдает приказы, иногда приходится за них отвечать, княже.

— Только не перед жалким самонадеянным колдунишкой! — снова взорвался Великий князь. — Уж не думаешь ли ты, что твои чары... — Ослабевший от долгого молчания голос не выдержал: Мстислав закашлялся.

— Извини, не могу подать тебе воды.

Переяславлец беспомощно развел своими обрубками — князь конвульсивно дернулся. Никогда прежде чужие увечья не отдавались такой болью — сейчас же словно кто-то невидимый запустил руку в самое нутро. Стрепет не насмехался: он, который умел проходить сквозь стены и мгновенно переноситься на огромные расстояния, и впрямь не мог того, что было доступно каждому...

Ночью князю приснился кошмар: будто бы, следуя некоему ритуалу, Мстислав обрубил себе персты левой руки, а когда понял, что это уже навсегда...

— Убей, — попросил он, когда колдун появился в следующий раз.

— Против Новогорода варяги готовят войну. Твой сын пытается собрать под свою десницу рать, но он слишком юн, и каждый день кто-нибудь переходит на сторону врага.

Мстислав зарычал.

— Стрепет. — Кажется, он впервые назвал переяславльца по имени. — Я проиграл, Стрепет, но клянусь Перуном...

Взмах руки колдуна не позволил закончить клятву.

— Ты поклоняешься одному лишь Перуну, забывая, что существуют и другие Сварожичи. Ты ничему не научился, Мстислав, а Новгороду нужен мудрый правитель...

* * *

«Новгороду нужен», «ради Новгорода», «когда подрастешь, у Новгорода будет достойный правитель...» — только и слышал с самого детства Мстислав. И он жил Новгородом: воевал, если это было надо Новгороду; женился на той, что подходила Новгороду; ради безопасности Новгорода приказал отрубить руки талантливейшему переяславльскому колдуну. Впрочем, только ли ради Новгорода? Ведь как бы Мстислав ни относился к Стрепету, доказательств его измены — кроме предоставленных Светозаром — правитель так и не получил...

Великий князь задумался — задумался чуть ли не впервые после нескольких месяцев ненависти, боли и отчаяния. Он хорошо помнил тот день. И Стрепета — бледного, со связанными за спиной руками. Переяславлец улыбался. «Издевательски», — решил про себя Мстислав и отдал приказ.

К уху правителя наклонился Светозар.

— Довольно с него и этого, — наблюдая за тем, как постепенно блекнет, угасает взгляд приговоренного колдуна, усмехнулся Великий князь.

«Довольно...» О Перун, можно себе представить ужас Стрепета! Колдун с отрубленными руками — это ведь все равно что... что Великий князь, не имеющий власти даже над собственным телом...

Да, переяславлец явно хотел, чтобы враг побывал в его шкуре, но, похоже, он добивался чего-то еще. А иначе зачем тогда при каждом своем появлении возвращал Великому князю способность говорить? Каких именно слов он ожидал? И при чем здесь другие Сварожичи? Сколько Мстислав себя помнил, он, как и пристало воину, поклонялся Перуну... как пристало воину... Воину — по не живому мертвецу, который вряд ли когда-нибудь снова возьмет в руки меч...

* * *

— Я могу спросить, Стрепет?

— Можешь.

— Светозар тебя оговорил?

— Да.

— После казни ты хотел умереть, но решил сначала отомстить?

— Верно.

Переяславлец, сощурившись, ждал. Мстислав облизал мгновенно пересохшие губы: что говорить дальше, он не знал. До этого момента их с Стрепетом ощущения, видимо, совпадали, но потом... Мстислав не был колдуном — он был всего лишь человеком. Уставшим от неподвижности, от неумелого вранья сына, от равнодушного участия придворных. Его словно похоронили заживо — все, кроме женщины, чью спальню он по обязанности раз в неделю посещал в течение восемнадцати лет. Одна она верила, что он справится... И он справится — чтобы... она наконец стала настоящей Великой княгиней...

Сумасшествие, но сегодня Великий князь мог думать только о жене: государственные дела, счеты со Стрепетом словно отодвинулись, сделавшись чем-то несущественным, мелким. В конце концов, Мстиславу, как сейчас и его сыну, тоже едва исполнилось семнадцать, когда он начал княжить в Новгороде. Вот пусть и покажет, на что способен... А Стрепет...

«Кто откажет колдуну в праве мстить после всего, что с ним сделали?» — непривычно спокойно, без всякой злобы, подумал Великий князь. Подумал и вдруг спохватился: ненависти к переяславльцу, которой Мстислав, казалось, только и жил последнее время, не было. Она исчезла!

— Ты раздумал мстить? — еще не веря, но словно подчиняясь какому-то наитию, спросил Великий князь.

— Да. И лишь после этого смог выбраться из крепости.

— Тогда что ты делаешь здесь?

— Отдаю долг. — Переяславлец поднялся. — Ты очень многое у меня отнял, но то, что я получил взамен, оказалось дороже. Прощай, княже!

Он взмахнул своими обрубками, и Мстислав вдруг почувствовал, что наконец снова может управлять собственным телом

Ника Ракитина, Елена Ольшанская

НАВЬ

ГЛАВА 1

Туман был густой и синий, проколотый спицами солнечных лучей. Он оседал каплями на деревья, траву, провода. Туман был слоистый, как мам-Юлины пироги: зябкий снизу и теплый сверху.

Славка шел в школу кружным путем, через парк и мимо памятника героям войны — длиннее дороги просто не существовало. Но первыми уроками были математики, да еще контрольная, а он вчера целый вечер проносился с Женькой и, разумеется, ничего не выучил. Поэтому можно было не торопиться. Йоська, конечно, рассердится, ну и пускай.

Славка шел, шел, шел. Вообще-то он не очень долго шел — всего лишь от дома до парка — и остановился постоять у моста, потому что надо было как-то потянуть время. Он стоял, перегнувшись через перила, и смотрел в воду. Над водой тумана не было, бутылочные волны тихо шлепали об опоры моста и заржавленные бока плавучего ресторанчика, из которого доносился шум утренней приборки. Это не мешало Славке думать о том, о чем люди думают, когда им двенадцать лет.

Всадники появились, как в сказке. Славка не сразу услышал их, туман глушил грохот подков. Просто земля легко качнулась под ногами, и мальчишка, обернувшись, увидел летящих вороных коней с растрепанными гривами, долгие плащи, тусклый блеск кольчуг... Он решил бы, что всадники ненастоящие, если бы капли тумана не блестели на их одежде и волосах.

— Как тебя звать, отроче?!

Славка ошалел. Его обдало брызгами, хлопаньем плащей, запахами конского пота, кожи, железа; всадники промчались, как щелканье бича: вроде и не тушил свечку, а она погасла.

— Славка меня зовут! — закричал он вслед, даже не надеясь, что его услышат, и не понимая, зачем он вообще кричит: этого же быть не может!

Он явился в школу к середине второго урока с таким лицом, что никто его ни о чем не спросил; плюхнул перед собой на стол сумку, вытащил первое, что попалось под руку, и стал рисовать. Его пожалели и даже отпустили домой с последнего урока. Славка честно не понял, за что, но пошел.

Дома он швырнул под вешалку сумку, поел холодных макарон и, не раздеваясь, улегся на тахту. Нужно было подумать насчет всадников. Славка думал так усиленно, что сам не заметил, как уснул.

Проснулся он от скрежета. Как будто голодный волк клацал над ухом вставной челюстью. Славка ухом не повел, но глаза раскрыл. Вместо волка над ним сидел братец: Дмитрий Сергеич — для соседки, а также Димка для него и Женьки и Димуля для Аллочки и прочих поклонниц, бывших у брата в изобилии. Дмитрий Сергеич был хорош собой, русоволос и сероглаз, спортивен и элегантен, весь в папу. Славка ему в этом завидовал. Правда, были у брата отрицательные черты, но девушки, взятые на обаяние, этого не замечали. Зато уж Славка знал его как облупленного. Да-да, более вредного брата вообразить было трудно. Между прочим, Дмитрий тоже так считал. А его мнению доверяли не только сосунки, но и убеленные сединами преподаватели и прочили будущего инженера в аспирантуру. Инженер не сопротивлялся.

Итак, Дмитрий сидел на краю тахты и тихо, но внятно скрипел зубами. На нем были элегантные джинсы, джемпер и белая рубашка с галстуком, а над ними — лицо вампира, у которого болит зуб. Дмитрий покачивал ногой в тапочке, а рукой похлопывал по вскрытому письму.

— Ты чего? — поинтересовался Славка.

— Нет, это ты чего?

— Я ничего, а ты чего?

— Спишь, значит?!

— А чего?

— Ты это у меня брось! — гаркнул Дмитрий.

— Вот зачем на ребенка орать?..

Дмитрий иронически прищурился:

— Это кто — ребенок? Это ты — ребенок? Лихо Одноглазое!

— Во, во, во, — пробормотал Славка. — Услышала бы тебя Томочка.

Дмитрий слегка позеленел.

— Зато она тебя услышала. Зачем ты ей сказал, что я сказал, что у нее нос длинный?

— А что, неправда?

Дмитрий почесал затылок.

— Вообще-то правда... Но разве девушкам такие вещи говорят?

— А какие вещи им говорят?

— Ну, знаешь!.. И вообще, на, читай.

Славка вытащил из конверта письмо со школьной печатью и медленно прочел его сперва сверху вниз, потом снизу вверх и по диагонали. Тяжело вздохнул.

— Ну что? — осведомился Дмитрий.

— Зануда она.

— Не понял?..

— А вот: «Проявляет грубость и неуважение к учителям, игнорирует замечания, отказывается принимать участие в пионерской жизни класса и выполнять поручения, сорвал внеклассное мероприятие, невнимателен на уроках...»

— Что, неправда?

— Пра-авда, — протянул Славка, — только ихняя. А я не гвоздь, чтоб не высовываться. Пристают со своим металлоломом, будто делать больше нечего, нам одно говорят, а в учительской другое, и вообще... — Он горестно махнул рукой.

— Жалко тебе, что ли, металлолом собрать? Железок полный сарай...

Славка побледнел и подскочил.

— Не дам папин мотоцикл трогать! Лучше я тебя вместо мотоцикла сдам, чучело ты железное, совсем спятил, да?!

Дмитрий смутился. С одной стороны, следовало бы напомнить, как со старшими разговаривают, а с другой... У самого еще сердце болит, если вспомнит, хоть он уже взрослый, а Славка... Когда пришла телеграмма, что папа и мам-Юля в Крыму разбились с автобусом, дед сказал Дмитрию, а от Славки телеграмму спрятали. А тот все равно догадал-

ся. Зеркала завесили и цветы поставили рядом с фотографией, а он стал кричать со слезами, и деду пришлось рассказать. А он все равно не верил... Отцов мотоцикл в сарае стоит разобранный, и хорошо бы продать: деньги нужны, да Славка не дает. А дед умер через два года после родителей, и теперь они вдвоем. И как же трудно этого брата воспитывать...

— Ну, ладно, — сказал Дмитрий. — Ну, хорошо. — Он потрепал Славку по голове, хотя тот и отстранялся. — Давай дневник и закончим на этом.

Но Славка сказал, что ему лень слезать с тахты, тут тепло и уютно, и пусть Димка идет себе сам, если ему так нужно. Димка сообщил, что он бармаглот, и пошел.

— Что эт-то?

— Дневник, — сказал Славка.

— Это я вижу. А в дневнике — что?

В дневнике не могло быть ничего угрожающего. Учебный год только начался, и даже не по всем предметам спросить успели. А Йоськину запись о поведении Димка видел вчера.

— А что?

Тут Дмитрий сунул ему под нос раскрытый дневник.

— Ну, лошади вверх ногами, — пробормотал Славка.

— Где — лошади? Ты соображаешь хоть что?!

— В дневнике, — честно ответил он. — А откуда?

Димка сел на стул.

— Это я у тебя спрашиваю, откуда!

Славка сам ничего не понимал. С утра в голове, конечно, крутились какие-то всадники, но он думал, что это ему приснилось. И уж в дневнике он рисовать бы не стал, да и не он это рисовал, он так и не умел вовсе. Кони, скачущие наискось через страницу, — тонконогие, с длинными, искрящимися гривами; и всадники с лицами, каких у нынешних людей не бывает, от них даже жутко делалось.

— Ух ты, — восхитился Славка. — Мне бы так...

В ответ Дмитрий пообещал поймать неизвестного художника и надрать ему уши.

— Ничего ты в искусстве не понимаешь, — вздохнул Славка.

— А ты понимаешь?! Вот и объясни, что это такое!

Дмитрий даже немного закашлялся от своего рычания.

А Славка неожиданно для себя произнес неизвестное гулкое слово. Он никогда раньше его не слышал, просто вот так взяло и качнулось в голове:

— Навь.

ГЛАВА 2

Славка засунул руку под подушку и вытащил оттуда Лихо Одноглазое. У Лиха были проволочные ручки и ножки, пушистое тело с розовыми ушками и развесистый хвост. На физиономии сверкал одинокий зеленый глаз, сделанный из пуговицы. На вид пуговица была вкусная, похожая на леденец. Вторую такую же Славка отгрыз, когда ему было лет около пяти: решил проверить свои ощущения. А мам-Юля стонала, что у нее растет не ребенок, а изверг и что придется везти его к врачу вынимать пуговицу, и вообще, дед Вацак лучше бы подумал сначала, чем шить такое чудовище. «Что старый, что малый», — заявила она в конце концов и так хлопнула дверью кухни, что с потолка посыпалась штукатурка. Папа Сергей сгреб Славку и поволок в поликлинику на рентген, но пуговицы не обнаружили. Нашлась она через месяц, и дед объявил, что пришивать он не будет из принципа: а вдруг внучек вздумает откусить ее по новой. И Лихо осталось одноглазым и дожило до почтенного возраста, которого не достигли другие игрушки. Славка, однако, считал, что оно не игрушка, а друг, и обращался к нему в трудные минуты жизни. Как, например, сегодня.

Славка лежал, тяжело вздыхая, с ногами на подушке — у кого угодно заболят ноги, если полтора часа простоять в углу, — и жаловался Лиху, как трудно ему с братом живется, и нет у них взаимной любви. Одно Лихо его понимает и Женька, да и тот не всегда. Вот был бы жив дед...

— Несправедливо людей за правду в угол ставить, — сообщил Славка. Лихин глаз блеснул сочувственно. — И ископаемым обзывать. Мол, носится со своей историей, когда люди железные дороги проектируют и в космос летают. Космос, конечно, космосом, но одно другому не мешает. А если бы он узнал, что я с тобой вожусь, он бы смеялся сатанически. «Вот, детишка вымахал, двенадцать лет, а все в игрушки играет», — издевался бы. А я и не говорю, что ты

игрушка. Ты — друг, — повторил Славка, гладя Лихо по тому месту, где должен был быть нос.

Последней мыслью, с которой он засыпал, стала: а были ли всадники?

Славка вначале вообще не сообразил, отчего проснулся. Лихо мирно грелось у щеки, на потолке горел квадрат лампы: бедный Димыч делал в зале чертежи.

Цокот копыт был далеким и глухим, и оттого Славка решил, что все ему снится. Но тут громко постучали в окно. Славка подскочил на постели. Где-то заржала лошадь. И Славка бросился открывать — как был, в одних трусиках.

Дмитрий и вправду сидел за чертежами. На бегу Славка своротил табуретку, чашка, что стояла на ней, раскололась, а чай вылился на Димкины шлепанцы.

— Куда тебя черт несет? — хриплым шепотом заорал Дмитрий.

— Так стучат же...

— Брысь отсюда, — велел Дмитрий. — Сам открою.

Дмитрий был сонный и злой, и незваным гостям, пожалуй, здорово досталось бы. Вообще-то он думал, что на такие штучки способен только Женька: заявиться в три часа ночи, перебудить весь дом и с невинной улыбкой сообщить, что мама прислала его за солью. Хотя Женька жил на другом конце города. Но уж если навещал деда, то гостил у него прочно, со Славкой они были неразлейвода. Хотя непохоже, чтобы стучал мальчишка, уж больно громко и воинственно, но с Женьки станется: «Я так стучал, так стучал, думал, вы спите...»

С такими отнюдь не радужными мыслями Дмитрий распахнул дверь и, поежившись под курткой от ночного холода, двинулся к калитке.

Славка не дождался, чем кончились его переговоры с ночными гостями.

Проснулся Славка от надсадного трезвона будильника, прихлопнул его рукой. Проворчав: «Что за мода по воскресеньям часы накручивать?», сунул Лихо под подушку и поплелся на кухню. К его удивлению, Дмитрий сидел за столом и мрачно жевал бутерброд. В чашке дымился кофе. Славка втянул носом ароматный парок и осведомился:

— Ты чего тут делаешь?

— Сижу, — ответил Дмитрий, поддерживая лоб ладонью.

— А чего сидишь? Воскресенье же...

Дмитрий слегка подпрыгнул. Бутерброд шлепнулся на пол маслом вниз, хорошо, что не на джинсы. И тут Славка увидел синяк на братцевом лбу.

— Ой,— поразился Славка.— Ты где это так приложился?

— Я-а?! Это всаднички твои приложили!

Установилась тишина, в которой потрескивали электрические искры. Искры исходили от Дмитрия. Славка намочил кухонное полотенце и обмотал брату лоб. Было это делом безнадежным, но Славка не мог покинуть Дмитрия в беде.

— Ой, Димка,— вздыхал он.— Хорошо, что тебе в институт сегодня не надо...

— Издеваешься, да?

Славкины глаза обиженно раскрылись.

— Пятница сегодня,— горестно произнес Дмитрий и утер полотенцем лицо.

— Не ври! Я же уроки не сделал!

Дмитрий вздохнул и сказал, что ему бы Славкины заботы. Подумаешь, уроки какие-то...

Славка сильно удивился и подумал, чем же Димыча так стукнули, что он вдруг поумнел и перестал считать уроки главным занятием.

— Дим, а Дим.— Он потерся ухом о братнино плечо.— Ты только не злись, чем тебя звезданули, а?

Дмитрий вскочил, отшвырнул полотенце и, как раненый лев, заметался по кухне, выдавая на одном дыхании:

— Р-распускают киношников, чтоб они сгорели со своими копьями! Чтоб их...

Он поскользнулся на бутерброде, взмахнул руками и сел верхом на табуретку.

— Ну, ты талант,— оценил Славка, сияя восторгом.— Я бы точно на него грянулся.

— Сги-инь! — заорал брат.

ГЛАВА 3

В низине чуть слышно пофыркивали кони, полз, собираясь, туман и монотонно квакали лягушки. Вверху, над головами, плыли по звездному небу черные кроны сосен.

Но и кроны, и звезды были видны, только если уйти в темноту от костра. Славка сидел скорчившись, поджав под себя ноги и хлопая ладонью по плечам и голым коленкам,— комары угрызали, даже дым их не спугивал. Да и ветра тут, среди деревьев, почти не было.

Над костром в котле булькало варево. Есть хотелось страшно. Только Славка не уверен был, что накормят. Не потому, что не дали бы. Просто уж очень компания странная. «И комары их не едят»,— прошептал он сердито, озираясь. Люди сидели поодаль, за кругом света, Славка все пытался сосчитать их и сбивался. Много, в одинаковых грубых плащах с капюшонами на лицо, а может, и лиц-то там не было. Только руки кое-где видны из-под плащей — тяжелые большие ладони на рукоятях кордов, на луках, рядом еще мечи, самострелы, непонятные круглые штуковины с шипами. (Когда шарик один — это кистень, а когда много?) Из-за темноты Славка этого не видел, просто знал. И ему делалось неуютно.

На свету оставалась одна женщина — в холстинной сорочке, с надетой поверх разрезной юбкой, щекастая и простоволосая. Две тяжелые косы на голове красно-золотой короной взблескивали в свете костра. Женщина наклонялась над котлом, помешивала в нем большой деревянной ложкой, пробовала, подсыпала что-то, то морщась, то улыбаясь. Поглядывала на Славку. Лицо у нее было широкое и доброе, и когда он смотрел на повариху, почему-то становилось легче. А попробуй она положить ему руку на затылок, сказать: «Ну что ты, болезный...», Славка бы ткнулся ей в колени и расплакался. Но она только взглядывала искоса и опять поворачивалась к костру. Воины в плащах сидели, словно каменные. Славка вздохнул. И вдруг почувствовал движение. Повариха оглянулась. Тогда решил повернуться и он. И когда глаза привыкли к темноте, понял, что она не такая уж непроглядная. Сосны на холме высветил иззади месяц, и от них к костру протянулись тени, а трава между тенями серебрилась, и в ней мерцали какие-то цветы. И от сосен совсем бесшумно и плавно шел человек — не шел, скользил на ходу, лишь крылья плаща приминали травы. А за его спиной небо было совсем голубое.

Человек подошел к кругу света и опустился на траву, точно надвое разделенный светом и тьмой. Застыл, подтя-

нув к подбородку колени. Край плаща сполз случайно, и Славка разглядел худую босую девичью ногу, по щиколотке перечеркнутую черным от запекшейся крови шрамом. И тут сзади что-то тихо стукнуло.

— О господи!

Это были первые живые слова, услышанные тут. Славка даже вздрогнул от неожиданности. Повариха стояла закаменев, уронив ложку.

— Да как же это они, по живому? — Грудной теплый голос звучал испуганно.

— А как же иначе? — отозвалась незнакомка с усталой насмешкой, прикрывая рану плащом. — Только по живому и надо. Иначе разве почувствуешь?..

У Славки по спине пробежали мурашки. А повариха уже суетилась, позабыв, что вскипевшее варево вот-вот выльется в огонь. Вытащила откуда-то чистую тряпицу, склонилась над раненой.

— Эй, поди воды принеси! Оглох, что ль? Збанок не забудь!

Славка вдруг понял, что это к нему. И обрадовался, и испугался...

Женщина безразлично смотрела, как повариха смывает с ее ноги кровь, обматывает тряпицей. Потом глянула на Славку. Глаза у нее были черные, совсем мертвые. Он не успел испугаться. Незнакомка протянула руку. Понял — за збанком. Там еще оставалась вода. Отпила немного, вернула посудину.

— Надия! Щи твои, гляди, убегут.

Повариха охнула, кинулась к котлу. А женщина без улыбки вновь обернулась к Славке:

— Ну, здравствуй, отрок. Говори.

— Чего говорить? — не понял он.

— К нам с пустяками не ходят, Лихослав.

Славка так поразился расшифровке своего имени, что не нашелся, что ответить. И вообще, по правде говоря, ему было страшно. Славка попытался припомнить свои беды. Ну с Димкой разругался. Йоська в дневник записала. Все это были мелочи, внимания не достойные.

— Я сюда случайно попал, — честно сознался он.

Женщина глядела на него снизу вверх, запрокинув голову. Славка смутился под ее взглядом, уронил збанок и стал со-

средоточенно тереть исцарапанный локоть. И пока тер, вдруг сообразил, где слышал ее голос. На мосту. И после...

— Это вы Димку копьем по голове шандарахнули?

Славка прикусил язык. Мамочки, что он несет? В траве вдруг блеснуло вороненое ложе самострела. Женщина задумчиво погладила его рукой.

— Странно ты выражаешь свои мысли, отроче. Но по сути ты прав.

Славка почти успокоился: если не убили за дерзость сразу, то уже не убьют, — и попросил:

— Не зовите меня отроком, пожалуйста.

У костра рассмеялись:

— Хороший мальчонка, зубастый!

Славка вдруг увидел вокруг себя лица — усатые и безусые, веселые и мрачные, но все славные, живые. От костра вкусно потянуло щами, Надия громко стукнула ложкой. Мальчик почувствовал себя здесь почти своим. И только у той, что с ним говорила, лицо было мертвое.

Надия налила Славке полную миску, и он глотал, обжигаясь, а повариха смотрела, подперев щеку ладонью, и сердобольно вздыхала. Другие тоже ели, подсмеивались, нахваливали щи, и Славка удивился, что навь ест, как люди. Только *та* отказалась, опять была не как все. Сидела на плаще, гладила самострел, а где-то высоко над ее головой висела острая звезда. Потом Славка, кажется, задремал. И сквозь сон пробилось к нему: *Карна* — как удар надтреснутого колокола. Он с трудом разлепил веки. Навье воинство седлало коней. Кто-то, встав на колени, помогал женщине натянуть сапоги. Она вдруг застонала.

— Останешься? — спросил мужчина тихо, помогая ей встать.

— Нет.

Славке показалось, что он видит недозволенное. Он старательно прикрыл глаза.

Снилось ему кладбище — то, где похоронили деда. Старое, которых теперь почти не осталось вовсе. Дорожка между бревенчатых, без окошек, стен, крытые тесом крыши, а за ними холм, высокие редкие сосны с черными кронами и между сосен кресты. Обомшелые, почерневшие от непогоды, наклоненные, а то и вовсе поваленные. Даже не

кресты, каплички — столбики под двускатными крышами, в нишах иконы. На перекладинах качаются выцветшие ручники, засохшие венки, пучки бессмертников. На земле под крестами слежавшаяся иглица, сквозь нее проклюнулась трава, в низинке темное озерцо воды. Иглица глушила шаги, и он почти не боялся, что идущая впереди женщина его услышит.

Взойдя на холм, она остановилась.

Полоска зари догорала справа, за частым лесом; небо там было светло-голубое, почти бесцветное, а левей, к востоку — густо-синее, и на нем проступали звезды. А одна, давно знакомая, огромная, стояла над ее головой. Мерный шорох сосен убаюкивал, а очнувшись, Славка вдруг заметил, что вместо крестов стоят на холме всадники -- тени на высоких конях, и их тяжелые плащи опадают по обе стороны седел, и месяц блестит на копейных остриях. И тогда Славка услышал ее голос:

-- Не могу. Вы мертвые, а я живая. Я даже не знаю, встретимся ли мы потом.

И наступило молчание.

— Не могу! Не могу без вас! Возьмите...

Где-то ударил надтреснутый колокол.

Ночь протечет, и мы уйдем
во тьму, во тьму...

Сами ли собой сложились в голове у Славки эти слова, или он услышал их сейчас?.. Всадник принял женщину на седло. И, на ходу выстраиваясь по трое в ряд, навьи двинулись мимо мальчишки по проселку, белому от месячного сияния. Славке почудилось, что они видят его, он застеснялся, попятился, запнулся о какой-то корень и, опрокидываясь на спину, услышал:

— Лихослав, чертушка! Ты в школу будешь собираться?

Вздрогнув, Славка распахнул глаза и полубессознательным голосом вопросил:

— Дмитрий, а что такое «Карна»?

По горькому опыту зная, что от Славки так просто не отвяжешься, брат стал нудно объяснять то, что он помнил из «Слова о полку Игоревом...» о славянской мифологии.

— Все. А теперь в ванную и завтракать. Марш, марш! — И подумал, что дите чересчур увлеклось этой самой мифо-

логией, а Йоська, черт, Елена Иосифовна, опять намекала, что Дмитрий забросил воспитывать брата. Карна! Надо же! «Ох уз эти всадницки!..» — скопировал он интонации любимого мультика и расхохотался.

ГЛАВА 4

Кричала, надсаживая горло, срывая голос. Коротко тренькали тетивы. Бухали конские копыта, расплескивая воду и грязь. Валились, надламываясь, измызганные кусты.

— Упредил кто-то... эх! — с горьким сожалением.

Сухо и страшно хряснуло под копытами.

Бежать, как заяц, петляя и волоча ногу... Бежать?!

Кони шли по ней с глухим чавканьем, сминали, били по рукам, заслоняющим грудь. Розовая пена лопалась на губах вместе с дыханием. Она все старалась отклонить голову от занесенного заляпанного грязью копыта, вжаться, втиснуться щекой в болотную жижу. Ударило вскользь, содрало кожу на виске. Серебряные гвоздики на подковах...

— Огневица прикинулась...

— Не жилица, нет.

Слова донеслись, как сквозь плотный ком тумана. Потом — смачное хряканье. Почудилось — конь вновь навис над ней. Попыталась уклониться.

— Лежи, лежи... — Испуганное.

Смяли всю, истоптали. И бросили на что-то острое, но это почти не больно. Догадалась — сосновые лапки. Концы на них обрубили. Чтобы Чернобог не дотянулся. Все равно дотянется. Он и сверху, и снизу, всюду. И в ней самой.

— Жива, Живица, разрыв-травица... На росы утренние, на зори вечерние... отведи: отпусти... камень-Горюн на море стоит...

Слеза потекла по щеке. Даже стереть ее не может. Но слеза точно сожгла туман. И она увидела низкую столь, дымовую дыру, пучки травы, подвешенные к матице. Смолкой запахло. А на себя она не смотрела.

— Очнулась, дитятко, очнулась... — С таким ласковым, безмерным удивлением.

— Нет,— ответила глухо, прикрывая глаза.— Убили меня. Убили.

Заговоры-наговоры, как паутинка пряжи на веретено. Боль тупая изнутри, отовсюду. Когда шевельнуться пыталась — резало, как ножом. От сосновых лапок шел смоляной запах. Мешался с духом высохших трав. Больше всего отчего-то пахло бессмертниками. Сухо и сладко. И отовсюду смотрели их желтые венчики.

— К осени идет...

— Вынесь на порожек, на солнышко. Солнышком прогреет, ветерком обдует...

— Войско княжье...

Она даже не прислушивалась — так это теперь было далеко.

— Жить должна хотеть, жить! Ну что ты говоришь, середешная моя! Выжила ведь!..

Болью накатывало на нее: болото, сломанный лук, всадники, вороные кони, воронье...

— Кто остался? Где я?!

— Вот, взвару выпей.

Повторила свое злым, настойчивым голосом.

— Мы тут живем, на отшибе. Старый на охоту пошел...

Прикрывшись ряской, поджидало черное «окно»... Кони бились, хрипели. Кричали, пытаясь вырвать ноги из стремян, кольчужные. Она удивилась, что еще помнит это...

Им пришлось своей кровью оплатить гордый ответ полоцкой княжны. Но те, что выжили в этой резне, позавидовали мертвым. Ибо им суждено было видеть, как пылают деревянные стены города, как, вздымая на копьях, швыряют в огонь младенцев, как сестер и матерей насилуют подле убитых кормильцев. И кровь, смешиваясь, не высыхала на деревянных мостовых, и Полота была кровавой...

Набат, треск огня, ржание коней, лязг оружия, крики, смех завоевателей, тяжелый, ползущий по улицам горький дым и гнилой и сладкий запах крови — как над болотами в жару. Некуда от него деться...

Ее волокли по мостовой за косы, полуголую, в разодранной сорочке. Гогочущие дружинники в царьградских бронях — такие же, как и те, что надругались над ней. До сих пор слышатся их голоса...

Копыта зависают над головой, ладные подковы с княжьим титлом...

Рогнеда не видела пылающих стен, князь увез ее на юг...

Женщина кричала об этом разбитым искусанным ртом, а воины не слышали и смеялись. Снег падал в пожары и таял, не долетев...

Она помнит огороженный тыном терем. Луна на ущербе стояла над крышей. Луна была похожа на повисший на колу череп, и от нее шли морозные радужные круги. Снег похрустывал под босыми ногами.

Ее перехватили у леса, волосяная петля затянулась на лодыжках, дернули и поволокли.

Снег под костром протаял, набряк водой, а дальше был слежавшийся, грязный, перемешанный с навозом и соломой, густо и мелко забрызганный кровью. От тына хрипели, надрывались лаем псы, усиливая гвалт, стоящий над двором. Болезненно морщился воевода. Воздух пах жженым рогом, и горячим железом, и снегом — свеже и морозно, и когда срывался ветер, запах зимы перебивал остальные запахи. Ей хотелось пить, и она схватила зубами снега — он царапал язык и не таял...

Подошел ее черед, и ее повалили на снег. Она вырывалась, и тогда двое придавили ее коленями и держали за руки, распяв на снегу, а третий подходил, неся в руках зажатое щипцами вишневое от жара железо. Но она еще не видела этого, а видела звезды над двором, а после — нетерпеливо переступающие черные с золотом сапоги. Потом над головой зависло раскаленное кольцо с черным рисунком внутри и стало опускаться... Так клеймили скот и холопов, не делая разницы между ними. Но она же вольная-а!

Она дернула головой, клеймо скользнуло боком, опалив волосы, и впечаталось в висок.

...Копыта выбивали шальную дробь. Тучи клубились над головой. У конских ног вился туман, забрызганный звездами. Листья рождались из почек зеленым дымом, разворачивались, набрякая росой, темнели, потом ударяли в желтизну. Перун крутил над яром золотые усы. От костров стелился дым. Белые срубы поднимались над пепелищами. Над срубами на стропила стелили золотую свежую солому, стерня пахла дымом, по ночам осыпались яблоки. С неба падали заревские звезды.

Но не утихала Обида, и Месть бурлила, как жижа в болотах, вскипая пузырями и кругами расходясь по жел-

той воде. Ползла, как Жель, тайный огонь, что тлеет до поры в земных недрах, но когда вырывается из земли, то все сметает на своем пути. Копыта выбивали шальную дробь, вершники неслись, припикая к гривам, ощетинясь сулицами и чеканами, и то боярин повисал в петле, то валился в пыль разрубленный от плеча княжеский тиун. С холопов сбивали цепи, жгли долговые грамоты, и над боярскими подворьями лопотал крыльями красный петух.

Копыта выбивали шальную дробь. Гремели била. Надрывался вороний грай. Ка-ра, Кар-на... Кар-на...

Было ли это имя той беглой полочанки, или имя Обиды, или имя земли, которая подняла на мщение своих детей? Кони летели, дробя копытами оранжевое солнце.

Был зарев с его золотыми туманами и тяжелыми житними снопами, когда княжьи дружинники выследили их. И шли по следу, как волки, когда они гонятся за добычей — приблизив нос к земле и вытянув хвосты. У беглецов устали кони, а лошади дружинников были свежими, и сзади вели поводных. Они скакали в призолоченном заревском лесу, кони были в пене, и рты до крови разодраны удилами. А погоня была уже со всех сторон, и со всех сторон хрипло перекликались рога. Ошалелый русак порскнул из-под копыт. Карна натянула поводья:

— Добрич! Уходите тропой через палище!

Какое-то время она следила, как други сворачивают к тропе и ветки колышутся, смыкаясь за конскими крупами, а потом пустила Чалого в намет.

Она не могла знать, что за палищем ждет засада. И что они не смогут пробиться через нее и повернут назад, к болоту. А когда поймут, что не уйти, честно встретят смерть.

ГЛАВА 5

Каким наивным кажешься себе ты недавний, когда занятия, важные еще день назад, ну пусть не важные, а хотя бы забавные — то, что считается нормальной жизнью, — вдруг отступают перед желаниями рисовать и видеть сны. Ты не смеешься ни над собой, ни над другими, ты еще не успел осознать, что изменилось, и изменилось ли вообще,

но мир поражает красками, и ты спешишь, спешишь ухватить эту звенящую радугу, это...

— Зборовский! Я с тобой разговариваю!

Голос классной показался пронзительным. Славка вздохнул и повернулся к окну. У входа в школу сгружали новую мебель, и директор, припадая на левую ногу, озабоченно прыгал вокруг. Памятник зенитчицам перед школой был на месте, и елочки тоже. Тоска-а...

Усилием мысли Славка отодвинул звуки класса, скрипучие и занудные, как осенний дождь, и так же мало замечаемые, и стал просто думать о том, что станет сегодня рисовать. Никогда еще он не рисовал так, как в этом сентябре. То есть, конечно, рисовал, только это все чепуха была, самолеты, танки там всякие, мушкетеров иногда с такими вот усами, ну и прочее, как все рисуют. А теперь — теперь было другое. Прибегал домой и сразу за краски, и внутри что-то так сосало, когда доканчивал; тревожно было. На альбомных страницах гремели колокола, било искрящееся пламя, пленник полз по темнице, волоча за собою цепи, Славка и звон этих цепей слышал, и треск подожженных стен и видел сами стены, темные, деревянные, с пожелтевшим мхом в пазах. И невесть откуда появлялись на Славкиных рисунках воины в округлых шлемах, и кони, кони, кони, топчущие недоспелую рожь. Зеленой наклонной полосой ложилась она на лист, а над всем этим было синее до звона небо. Такое небо, которого сейчас не видит никто. Славка вчера сидел на полу, и вокруг рисунки разбросаны, и краски стоят, и вода в банке. Димка зашел, посмотрел и вопросил грозно, где он все это взял. Славка, конечно, обиделся. А Димка: «Ни в жизнь не поверю, что это ты рисуешь». А когда Славка тут же, на месте, предложил ему что-нибудь нарисовать, тот и слушать не стал. Пообедал — и за чертежи. А Славке велел заниматься уроками. До чего же все взрослые одинаковые...

Руки Славки механически скатали шарик из бумаги и сунули в рот. Он пожевал-пожевал и плюнул в затылок Светки Матюшевской. Светка развернулась, замахиваясь, и Славка поймал в ее глазах осколок неба.

...в глазах Карны. Расколотый лед. Если лед может быть коричневым, теплым, как янтарь. Если блеклое небо может

быть живым. Если мертвые могут любить. Отчего же душу выворачивает наизнанку от желания прикоснуться к просыпавшейся пряди, когда женщина стоит вот тут, на холме, среди незримых мертвых, как слепая, поворачивая лицо и морща кожу на переносице, словно пробуя... услышать? Она знает, что мы тут есть. Как знает, что навалится сутонье, и мы уйдем — мы не можем не уходить. Я был на месте нашего последнего боя. Иней выгладил траву, и ямки от подков затянула леденеющая вода. И уже ничего-ничего не осталось от нас, кроме нашей неверной памяти, которая гаснет в сумерки, совсем как тогда, когда на тебя, увязшего в бою, обрушилось гулкое небо. И погасло.

...тут кровавого вина упились и свои, и чужие; посеченные, пострелянные, повалились в едином объятии — смерти не разомкнуть. Ты смотрел, свесясь с коня, как лежит «пернач», растопыря напитанные кровью ржавые перья, — вот он, такой же, висит у седла. И скалится, усмехается с неба конский череп. Глотает красное вино заката. Ты ладонью ощутил теплую шершавость плаща и рукояти корда. Рисунок одноглазого солнышка — нити истрепались и повылезли, ну и что? А тот, что лежал под копытами, изрубленный, добиваемый уже после смерти от злости, стыда, от слепой беспомощной ярости... тот был не ты. Ты признал по одежде — и не поверил. Но когда вынул корд добить бьющегося со вспоротым брюхом коня (он какое-то время полз, как человек, оставляя широкую красную полосу на траве), а рука прошла сквозь него, — вот тогда ты умер.

ГЛАВА 6

Как бы ни начинались Славкины сны, его всегда неминуемо выбрасывало к этой дороге. Это была заброшенная железнодорожная колея на окраине города, сразу за обрывом Подгорной. Трухлявые шпалы и рельсы, пахнущие ржавчиной, а вокруг болотца талой воды, сохраняющиеся до осени, зарастающие ряской и стрелолистом, со вполне живыми лягушками внутри. Когда Славку негостеприимно стряхивало с обрыва, перемазав глиной и выкачав в шариках чертополоха, квакухи начинали недовольно орать. Слушая их вопли, он очищал майку и старенькие шорты от

грязи и щепок, выбирал колючки из волос, пушистых, как цветки этого самого чертополоха, когда они уже доцвели, и, перепрыгнув зеленеющие лужицы, вскакивал на пути. Поезда здесь не ходили, и можно было прыгать со шпалы на шпалу или, раскинув руки, бежать по рельсу туда, где дорога пряталась в тумане среди отряхивающих воду кустов и где — всегда — дожидался игреневый конь. Или чалый. Честное слово, Славка не умел разобраться. Но каждый раз жалел, что во сне не оказывается в кармашке шорт куска сахара. Конь медленно переступал, звеня удилами, тепло дышал в ладонь и иногда позволял себя погладить. В последних снах на коне был всадник. Славке хотелось узнать, кто это, но тот каждый раз медленно уезжал в сторону ракит, пустоши и бурьяна, а Славка торопился за ним в туман. И потом, скатившись с насыпи и вытряхнув щебенку из сандалий, знакомой тропкой бежал сквозь мокрые заросли, осыпая на себя водяную морось, спускался в ложбину и разжигал костер.

Время не имело значения. Времени не было. Не было вчера и завтра, и братание пращура с медведем и танковая атака под Прохоровкой были здесь и сейчас. И только от Славки зависело, какое «где» выбирать. Но были черные сосны над холмом, треск веток и рождающиеся в костре янтарные замки и города. И человек, в серебряном сееве сходящий с холма и вдруг перечеркнутый надвое светом и тьмой. Сладкий запах кипрея и головки ромашек, сбиваемые отяжелелым от росы крылом плаща. Корзна.

— Ну, здравствуй, отрок. Говори.

Могли иногда разниться детали: в котле оказаться кулеш вместо борща, потянуть внезапным холодным ветром или, наоборот, теплом, запáхнуть пижмой и рябиной; звезды могла перечеркнуть вынырнувшая ниоткуда тень мохнатой кривой сосновой лапы, которой не было «вчера» и не будет «завтра», но был вечен рисунок созвездий над головой, тяжелое крыло плаща и лицо в лунном серебре. Всегда. Неизменно.

И янтарь костра осенял ночь.

Даже если дома было утро.

«Мне снился сон, короткий сон длиною в жизнь:
земля в дымах, земля в цветах, земля в тиши...»

Однажды он пришел *раньше*. Или позже. Потому что был ноябрь. Потому что Славка стоял в холодном осеннем лесу, чувствуя, как пропитываются леденящей моросью шорты и рубашка и зубы начинают выстукивать дробь. Потому что ветер остервенело рвал с кленов и осин последние листья, они разбегались по земле с шорохом вспугнутых зверей; и над лесом, почти задевая ветки, неслись серые тучи. А в поле оказалось еще хуже, и не только потому, что ветер, смешанный с дождем, резко ударил в спину, а скользкая грязь разъехалась под ногами. И не потому, что сандалия утонула в мутно-желтой воде, а он выбрался жалкий и грязный, жалея, что не остался под деревьями. Случаются плохие сны.

Их можно проснуться.

Или переснить.

Но сон цепко держал его клеткой измызганного кустовья, липкостью глины, волглостью опадающих листьев. И самое страшное в этом сне было, что сон *чужой*.

Хорошо дома прыгать через канавы, прокопанные нерадивыми газовщиками, оскальзываться, шлепаться, поднимая грязь и брызги, и опять нестись, расплескивая янтарь глинистых луж, а потом греться с Женькой у батареи, наперебой обсуждая, как было здорово. Не было ни Женьки, ни батареи, ни нормальной городской осени — только это поле и поднятые в немом проклятии руки сосен вдали. Над холмом. И бредущая вверх старуха в паутине осенней мороси. Черная от воды сорочка, худые лопатки, слипшиеся волосы... а что старуха и воин в лунном серебре, сходящий с холма, — одно... Неправда! Неправда! Не...

— Да-а, — сказал Женька и замолчал, потому что других слов у него не было.

Славка стыдливо переминался с ноги на ногу. С одежды текли на аккуратный коврик под дверью грязные ливни. Зубы Славки стучали громко и отчетливо.

— Раздевайся, — приказал Женька. — А то челюсти выпадут.

— Ш-швои... н-не вы-выпад-дут...

Прыгая на одной заледенелой ноге, Славка пробовал всунуть другую в тренировочные штаны, предложенные Женькой, а тот героически включал стиральную машину.

— Ну? — спросил он коротко, бросая Славке полотенце и ставя на газ чайник.

— Что?

— Солнышко.

— Где?

Женька покрутил пальцем у лба и показал на окна веранды.

— А еще Никодимовна деду рассказывала, как ты исчез посреди улицы.

Никодимовна была их общая соседка, ябеда и сплетница. Но в конце концов, растворяться у нее на глазах — это не повод. Было видно, что Женька не отступится. Спас Славку закипающий чайник. Женька забегал с ним в поисках подставки и временно отстал. А Славка подвернувшимся под руку огрызком карандаша стал корябать покрывающую стол газету.

— Здорово,— оценил неслышно подкравшийся Женька. (Вот интересно, а если бы он *слышно* подкрадывался?)

Славка взглянул на свои художества. Газету украшал впечатляющего вида самострел.

— Сделать можно. — Женька водрузил чайник на край стола.

— В школе много шуму было?

— А-а... — Друг пожал плечами.— Звонок прозвенел. Но она грозилась брату сообщить. На варенье.

— Пусть. Она сообщала уже.

Славка задумчиво зачерпнул, не глядя, и тут же метнулся к раковине, жутко плюясь и хватая воздух открытым ртом.

Женька удивленно потянул себя за ухо. Оказалось — больно.

— Ты сдурел?

— Я-а? Это ты сдурел! На!

Банка с вареньем очутилась у Женьки под носом. Женька осторожно принюхался.

— А, солидол. Это я велик смазывал. Так будешь рассказывать или нет?

Славка пришел домой, когда уже темнело. Полез за учебниками. Из тетрадки по математике выпал листок. «Навь. Надия». Силуэт всадника. «Карпа. Димка сказал — страхолюдина. Димка дурак. Ночь протечет...» Какой он глупый был еще

позавчера. С Олькой драться полез, потому что она на весь класс объявила, что он стихи пишет. Ну и что! Лицо Карны стояло перед ним. Славка единым движением сбросил со стола учебники, расправил альбомный лист и нацелил карандаш.

ГЛАВА 7

— Сла-ва! — грозным тоном вопросил Дмитрий. — Куда ты девал анальгин из аптечки?

— Кончился, — невнятно буркнул Славка, дорисовывая хвост коня.

— Он не мог кончиться, там четыре пачки было.

— Ну, тогда я его съел.

— С упаковкой?! — Брат сегодня явно не страдал чувством юмора.

— Не, упаковку я в унитаз выбросил.

Считая, что разговор окончен, Славка вновь уткнулся в рисунок. Дмитрий взял его за плечо:

— Владислав, я говорю совершенно серьезно! Я, конечно, не верю, что мой брат самоубийца...

— Угу. — Славка ткнул кисточкой в черную краску.

— Славка! Повернись ко мне немедленно! А то я тебя изуплю.

— Это непедагогично, — сообщил Славка, но все же повернулся.

— Куда ты дел таблетки?

— Правду говорить?

— Правду.

— Если я скажу правду, ты все равно не поверишь.

Дмитрий мысленно схватился за голову. И посочувствовал Елене Иосифовне, от души.

— Изверг, — сказал он мрачно. — Все равно говори.

— Это для Карны.

Дмитрий молча сел на стул. Анальгин и древнее божество у него в голове никак не вязались.

— Не пори чепухи, — сказал он уныло.

— Я же говорил, что не поверишь.

— В общем, так, — твердо объявил Дмитрий. — Или через полчаса анальгин лежит на месте, или ты от меня шагу не ступишь, ясно?

— А на твои свидания мы тоже вместе ходить будем? — невинно поинтересовался брат.

— На свидания я тебя запру! В ванной!

Славка тяжело вздохнул и вернулся к недокрашенной лошади. Вот и говори взрослым правду, думал он, себе же хуже. Из кухни донесся запах жарящейся картошки. Может, голодовку объявить?

— Эй, Лихослав! — весело крикнул оттуда Дмитрий. — Что за дама у тебя над кроватью? Я ее раньше не видел!

— Я же не интересуюсь, куда ты Аллочку свою вешаешь, — буркнул Славка.

Нахмуренный Дмитрий вырос на пороге.

— Алла — очень хорошая девушка. И я *оч-чень* тебя прошу, отзывайся о ней уважительно.

— А ты — о Карне.

Дмитрий снова сел на стул.

— Еще раз услышу в доме это имя!..

— Услышишь, — пообещал Славка зловеще. Вспомнил, как братцу досталось древком сулицы по лбу, и решил, что это ненадолго помогло. И вздохнул.

Если бы еще Женька был в городе. Но Женьку услали в санаторий. Он только успел вызвать Славку посреди ночи условным мяуканьем (вот не чужд был классики) и сунуть свернутую трубочкой тетрадь, страшным шепотом потребовав: «Только при мне туда не заглядывай!» Славка и не заглянул, честно продержался до утра — тем более что спать очень хотелось. А утром уже было можно.

На первой странице Женька писал, что обязательно напишет. Положим, это просто вранье. Или времени не будет, или лень окажется, да и зачем переписываться, разъехавшись на какие-то двадцать четыре дня? Но все равно было приятно. А дальше Димка позвал завтракать. Даже не позвал — потребовал. Хотя какая там вермишель... ведь интересно. «Землетрясение в Сан-Франциско ... года. „Титаник“ за два часа до столкновения. Всадник в кольчуге на заледенелой палубе. Списали на шок... И когда за Припятью вспухла малиновым заревом Звезда Полынь, припоздавшие давеча прохожие не связали это и проскакавших по ночному проспекту всадников — по тому проспекту, по которому через два дня пойдут автобусы с детьми... Не видят. Или не верят тем, кто замечал. Один-единственный

раз навьи упоминаются серьезно — в летописи. Похоже, тогда еще верили собственным глазам, а не *авторитетному мнению».*

Славка вспомнил, как выслушивал его Женька, завалясь на диван и закинув на поручень обутые в кроссовки ноги, как теребил многострадальное оттопыренное ухо, выдавая:

— Это же какой-то летучий отряд получается. Бери и используй. Только чем потом платить?

— Дурак.

— Да, я дурак, — покорно согласился Женька.

И тут же выдал историю про прадеда, который ездил до войны на полуторке и к которому подсела странная женщина, стояла и махала красным платком. Другие не подбирали, а он подобрал. И она сказала ему, когда начнется война. До минуты. Он поверил — и уцелел. Ну и что, что тогда все комсомолки в красных косынках бегали. Во-первых, платок, а не косынка. А во-вторых, из закрытой кабины так запросто не исчезают... «„Навие полочан побияху". Двери и окна перед сумерками захлопывали так, что косяки вздрагивали. Считалось, что если кто-то выглянет на стук копыт — навь утащит с собой. А утром найдут мертвым. Теперь считается, что было моровое поветрие. Конечно, если не хоронить заразных мертвецов, они утащат кого угодно. А может, они пытались предупредить?» «Они» было тщательно подчеркнуто. Умный человек Женька. И основательный. Но когда Славка, запихнув в рот очередную ложку вермишели, перевернул страницу...

Ночь протечет, и мы уйдем
во тьму, во тьму...
Утро нас уже не застанет здесь.
Но все равно, все равно мы вернемся
к костру своему,
покуда его не задули,
покуда он есть.

Славка переглотнул. Слезы стали где-то очень близко к глазам. Потому что это было как его сны. Только словами. Потому что...

...резкий запах травяной и кровавый, и проходящая сквозь мир рука... как сквозь небо.

Время гладит волосы Карны и раздувает уголья в костре и черную хвою над головой. А смешной солдатик-француз, утонувший в Березине, теребит струну гитары. А ты рубишься с ратником, которого придавило бревном во взятой Батыем горящей Рязани. От сердца рубишься, щедрой рукой. Мертвым не болит. А *твое* «больно и страшно» тает сейчас в сухом дрожании клинка. И исходит мгновениями ночь, у которой отобрали сумерки. И щербатый череп луны ухмыляется на закраине набрякшего кровью небосклона. Что думаешь ты, полочанин, беглый холоп, ночной тать, душегубец, когда видишь прижатые ко лбу ледяные руки Карны? Или не думаешь ничего, а просто, присев в повороте, рубишь с плеча, с хаканьем, всю силу тела вкладывая в удар, и меч опускается сверкающей полосой, от которой нет защиты? Каково тебе, мертвому? *Болит?*

А значит, *живой.*

Вы падаете в сумерки, как в темный омут, чтобы не помнить — и возвратиться. Сюда, к этому костру, всегда одному и тому же. И что за дело, коли трава по склону прихвачена зазимком, а глубже, под соснами, можно сыскать спелую землянику... и ландыши. Которые цветут! Ночь *ваша* — единственная, одна на всех, и без того куцая, как заячий хвостик, а ее еще располовинили... Ну пусть не половину, пусть треть... оторвали у без того мертвых, откусили край: так волки откусывают край луны — щербатое блюдечко, конский череп на закраине небосклона... А ту, что пробует вспомнить, — наградили болью. Воткнутый в землю меч захлебывается палой иглицей. Похмельные гнилые столбы с выжженными глазами — вот они мы. В замети листьев истлевают имена.

Но ведь что-то есть в сумерках, если они под запретом?!

Карна, не надо, не думай. Не надо, Карна.

* * *

Славка все старался выпутаться из длинных рукавов Димкиной пижамы, а тот не давал, заворачивал сверху, подтыкал одеяло, так что Славка оказался как бы в гнезде и наконец смог согреться. А за окном была ночная гроза, и то и дело вспыхивали, точно клинки, короткие молнии. Славка пил, обжигаясь, чай, поданный братом, а тот ворчал:

— Лихо мое! И в каком болоте ты извозился?

Славка кивал, а когда Дмитрий на минуту вышел, быстро слез с кровати и заглянул за дверь, где спрятал лук.

— Карну ранили, — бормотал он, засыпая.

— Ну что ты городишь...

— Она на то... капище... ходила-ходила. И они ночью, перед дорогой, ей являлись.

— Какое кладбище? Кто являлся?

— Навь, — хрипло выдохнул Славка.

Дмитрий пощупал ладонью его лоб — лоб был горячий.

Славка очнулся, когда кукушка в часах лениво пробормотала одиннадцать. В комнате горела прикрытая рубашкой настольная лампа, Дмитрий похрапывал за стеной. Гроза давно окончилась, и только в отдалении ворчал запоздалый гром. Славка знал, что засыпать больше нельзя. Он встал и распахнул окно.

...в холодном осеннем лесу. Ветер остервенело рвал с кленов и осин последние листья, раздувал пламя костра. В костре свистели мокрые сучья, листья разбегались по земле с шорохом вспугнутых зверей. Над лесом, почти задевая за ветки, неслись облака.

Славка тряхнул головой, возвращаясь в знакомую комнату. Веки слипались, першило в горле. Сухая ладонь легла на его лоб, в губы ткнулся холодный край чашки. Славка проглотил («Горькое!..») и открыл глаза. Карна наклонялась над ним. Славке сделалось хорошо, даже горло болеть перестало.

— Тебя не ранили?

— Не ранили, пей. — Она снова поднесла чашку к Славкиным губам.

— Горько, — проворчал он.

— Пей.

Сколько он ни вертелся, чашка все время оказывалась перед губами. Пришлось выпить. А Карна взглянула на портрет над постелью:

— Это ты рисовал? Красиво.

Славка, покраснев, ткнулся головой в подушку.

В комнате Дмитрия что-то стукнуло, Карна резко обернулась, и тогда Славка, холодея, увидел аккуратный шов на ее рубашке — там, куда в его сне ударила стрела.

ГЛАВА 8

На стуле возле Славкиной кровати стоял стакан с водой и лежала полураскрытая яркая коробка. Дмитрий выругался:

— Уже до импортного снотворного добрался, изверг!

Потом перевел взгляд на кровать и окаменел. На кровати спал человек. Что это не Славка, брат понял сразу, хотя тот с головой был укрыт тяжелым плащом. Человек спал неспокойно, метался. Край плаща сполз на пол, Дмитрий наклонился, машинально поправляя, и тут же увидел торчащую из-под подушки рукоять меча. У Дмитрия отнялся язык. «Ну все! Душу вытрясу!» — взвыл он в сердце своем и кинулся искать «лихо». Лихо жевало на кухне холодные макароны.

— Владислав! — начал Дмитрий не предвещающим хорошего голосом.

— Димка? Я думал, ты только ночью вернешься.

— Как видишь, я вернулся сейчас. — Дмитрий зловеще усмехнулся. — И я все знаю.

— Ничего ты не знаешь.

— Это почему?

— А потому что Аннушка уже не только купила, но и разлила масло.

— Что? — опешил Дмитрий.

— Ничего. Классику читать надо.

— Ты, Славка, не шути и мне зубы не заговаривай. Кто у тебя в кровати?

— Карна.

Дмитрию на секунду показалось, что он сейчас ударит брата. Он на всякий случай спрятал руки за спину. И спросил очень спокойно:

— И как это понимать?

— Понимаешь... — Опустив взгляд, Славка стал возить мыском по щели в половице. — Она простудилась. Нельзя же осенью в лесу... А я могу и на полу.

— А моим мнением ты поинтересоваться не хочешь?

Славка промолчал.

— Та-ак... — протянул после паузы Дмитрий. — И надолго это... гостеприимство?

— Не знаю, — честно сказал Славка.

Дмитрий нервно сдвинул табурет, из конца в конец прошелся по кухне.

— Влади-слав. Я честно обещаю, что тебе ничего не будет, только объясни: как ты устроил этот спектакль?

Славка подавился слюной.

— Это не спектакль.

— Владислав, мы же взрослые люди. А тут сначала хулиганы с копьями, а теперь божество с простудой. Хватит!

— Это не спектакль, — четко выговорил Славка.

Он встал, вытянувшись во весь рост, с твердой точкой во взгляде, мучительно напомнив Дмитрию отца.

— Слава, этого не бывает. Сейчас конец двадцатого века. Ты это выдумал.

— Неправда.

Эхо раскатилось дробью подков, зазвенело в кухне шибами. Дмитрию стало вдруг понятно, что брат вырос, что не прижмешь к себе ощетиненного дошколенныша, согревая в руках. Брат вырос и уходил куда-то, куда ему, Дмитрию, не было дороги. Где сосны мучительно взметнулись в небо и куда идет по ноябрю женщина в паутине дождя.

— Карна, — произнес Дмитрий неловкими губами, и Славка обернулся за ним.

В саду, тяжелые, как ртуть, осыпались яблоки, падали в размокшую землю, золотыми елочными шарами светились на голых ветках, с черноты которых, как вспугнутые зверьки, с шорохом разбегались листья. Над домом, над садом плыло в тучном небе вечное яблоко полной луны; серой патиной на жесть холодеющих крыш ложилось время. Оно сбегалось в «здесь» и «сейчас» холодной дребеденью капель, дребезжаньем водостоков, мокрым яблоневым листом, налипшим на оконное стекло. Одиннадцать веков сумасшедшего времени, застывшего в глазах женщины яблоками и лунами. Раздробленного грохотом копыт в ледяные осколки. Не умеющего лгать.

— Другие дети ведут себя, как дети, увлекаются машинами, футболистами, на худой конец носятся с деревянными мечами. Но у вас-то мечи не деревянные! А вдруг я однажды узнаю, что он убит?!

— Нет, — сказала Карна.

— Ладно. — Дмитрий стиснул зубы. — Только все равно... это не для детей.

— Для людей.

— Он ребенок!

— Я знаю. Только судьба не смотрит, когда выбирает, ребенок или большой.

— Знаешь,— сказал Дмитрий раздраженно,— это вы там, в своем глухом Средневековье рассуждайте о судьбе. А Славку оставьте. Ему в школе учиться. И все.

...Меч захлебнулся палой иглицей. Ты брела, как старуха, едва передвигая ноги, отбитое нутро болело. Ты не знала, решишься ли на следующий шаг. Седой закат туманом заволакивал глаза, сек лицо пыльной моросью. Иногда ты перегибалась пополам, заходясь кашлем, и стирала с губ кровь небрежно сорванным комком травы. Ты шла. Грязь расползалась под ногами. Дорога натужно взбиралась на холм, под черные шатры сосен.

Карна поднесла руку к горлу.

— Может... быть. Только когда к Полоцку подошло войско Владимира, у нас тоже не спрашивали, хотим мы этого или нет.

— Здесь не война!

Она отшатнулась. Закрыла руками лицо. Дмитрию сделалось неуютно. Хорошо, ладно, кричать не стоило. Но при чем тут Славка? Почему *он?*

— Славку оставьте. Оставьте, ясно?

Он встряхнул Карну за плечи. Почувствовал щекой и шеей ее мокрую щеку.

— О господи! Да что с тобой? Не смей, слышишь? Не умирай!

— Я не умру. Я не человек. Навь.

...Било. Растресканный воздух. И мальчик в твоем сне. Иногда впереди, иногда — догоняя, дрожа под осенним дождем в легкой рубашке и куцых гаштях, поджимающий и трущий одну о другую ноги. И однажды, когда ты не смогла идти и упала на колени, бросившийся к тебе с криком:

— Карна!

Это имя некому уже было знать. Тебя охватила мгновенная ярость и стаяла, уходя слезами.

Белые волосы мальчика темнели от дождя. И кажется, он тоже плакал.

«Не плачьте обо мне...»

Карна медленно, не открывая глаз, качнула головой. Слезы просочились сквозь ресницы. Это было глупо, неправильно. Мертвые не плачут. Да что же это делается? Он — ее — *целует?*

ГЛАВА 9

Славка проснулся от шороха. Громко цокали ходики, на раскладушке возился и постанывал Димка. Славка на цыпочках пробрался к своей комнате. Дверь была приоткрыта, на пол перед нею ложился смутный свет. Карна стояла у окна, закалывая плащ на плече, почти готовая в дорогу. Под ногой у Славки скрипнула половица, и женщина вскинула голову.

— Славушка? Помоги мне.

Он почувствовал под пальцами ледяные кольца кольчуги и едва не отдернул руки, а ткань плаща была шершавая, теплая, и застежка у запоны очень тугая. А запона красивая — на овальной пластинке летящий олень. Славка бережно коснулся выпуклого рисунка. Олень казался живым.

— Все, — вздохнул Славка. — Ты уходишь?

— Пора.

— Но ведь нельзя же!

Карна взъерошила волосы на его макушке.

В прихожей Славка быстро накинул на плечи куртку, сунул ноги в сапоги.

— Я провожу, до калитки, — буркнул он.

Ночь обожгла холодом, мокрые черные ветки глухо стучали на ветру, по небу неслись рваные тучи, тьма то внезапно густела, то рассеивалась блеклым светом луны и качающегося на столбе у ворот фонаря. Славка едва не потерял сапоги, бредя по вязкой грязи дорожки, и только у калитки поднял глаза. Всадники стояли слитно, темнее, чем ночь. Чалый Карны приветствовал ее радостным ржанием. Прежде чем сесть в седло, она обернулась. Славка вцепился в протянутую руку — пальцы были горячие и сухие.

А край кольчужного рукава обжег стылым холодом. Славке сделалось страшно за Карну, хотелось упросить, чтобы она не ехала, но слова отчего-то застряли в горле, и он выдавил только:

— Ты вернись. Обещаешь?

— Обещаю.

Назавтра, возвращаясь из школы, он увидел, что трава у забора и дорожка истоптаны копытами, а на плоском столбике калитки лежит что-то блестящее. Это была запона с оленем. Славка задохнулся слезами. Он сжал запону в кулаке, исколов ладонь, размахнулся выбросить — и раздумал. Поплелся в дом.

— Оладыч! — оживленно приветствовал брат, высовывая голову из кухни. — Обед счас будет.

— Не хочу.

Славка мрачно бросил под вешалку сумку, стащил куртку и ботинки.

— Двойку огреб?

— Отстань.

Он почувствовал, что сейчас расплачется всерьез. Кинулся к себе в комнату и замер на пороге.

Карна сидела в кресле, положив на колени толстую книгу, и сосредоточенно шевелила губами. На изумленное восклицание Славки она ответила:

— Читать по-вашему пробую, отроче. Трудно.

Славка, удивляясь безмерно, спросил, что она читает, а узнав, что «Слово о полку Игореве...», с тоской вздохнул:

— Я начинал. Только скучно.

Карна погладила книгу ладонью, откинулась на спинку кресла и начала мерным речитативом:

— Не лѣпо ли ны бяшеть, братїе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстїй о плъку Игоревѣ, Игоря Святъславлича?..

Старый язык, казавшийся непонятным и смешным, вдруг зазвучал отчаянно и тревожно. В нем, как на Славкиных рисунках, летели всадники, пузырилась кровь на траве, лисы лаяли на красные щиты и раскидывала вещие синие крылья дева Обида.

— Чрьна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровїю польяна: тугою взыдоша по Руской земли.

Славка видел поле с росными травами и багровый солнечный свет, и два войска сходились по черной траве.

— Нмизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхутъ посѣяни — посѣяни костьми рускихъ сыновъ.

Карна сдва дотянула строчку, тяжело закашлялась.

— Не надо! Не надо больше!

Точно возвращаясь из неведомых далей, она открыла глаза.

— Опять напугала тебя, Славушка? Прости.

Он принялся болтать всякую чепуху — про школу, про мышь, которую грозились подсунуть вредной математичке, про то, как Никодимовна окаменела над следами копыт... А сердце отбивало шальную дробь. Поз-дно...

Тут на пороге появился Дмитрий.

— Здрасьте вам! Лихослав, ты что это творишь?

— А что? — растерялся Славка.

— Обормот.

Димка решительно вынул из его рук стакан молока и кусок батона, обильно политый медом. Причем изрядно отпитый и надкусанный.

— Если у тебя совести нет, — сообщил братец ядовито, — то давай, лопай дальше.

Славка покраснел. И вперед Димки вылетел из комнаты.

Старательно прикрыв кухонную дверь, они слегка пошипели друг на друга в воспитательных целях.

— Мое дело, конечно, сторона, — сообщил Дмитрий наконец. — Только знаешь, братец, если она по ночам будет летать невесть где и возвращаться насквозь мокрая, то проживет у нас до морковкина заговенья. Если от воспаления легких не помрет.

Славка только головой мотнул. Во-первых, у него молоко убегало. А во-вторых, знал он, что Димочка врет. То есть заливает. То есть лапшу на уши вешает. Славка его с рождения знал со всеми его закидонами. И без разницы было, что Дмитрий стоял спиной, упираясь лбом в стекло. Потому что даже эта спина светила и сияла. И Славка понимал, что Димка Карне рад. Очень.

В кухне повисло молчание.

— Да, кстати, — сказал Дмитрий не своим голосом, — я тут горчичники достал. Через ту Томочку, мм...

Славка сел на табурет. Очевидно, предстоял очередной сеанс войны с Димкиными воздыхательницами. На тему: «Нет, одобрить такие уши определенно невозможно!»

— Так ты это... — продолжил Дмитрий.

Славка понял и порадовался, что сидит.

— Я не умею.

— Я тоже. — Дмитрий сверкнул глазами из-под насупленных бровей и скрестил руки на груди. Короче, самоустранился.

Славка привычно провел мыском по половице.

— Дим, а?

— Надо.

Под зловещим взглядом Дмитрия блюдечко вырвалось у Славки и разбилось, горячей водой укусив колени. Карна обернулась, приподнявшись на локте.

— Нет, нет,— заторопился он, собирая осколки. — Я так... выскользнуло.

Он врал и знал, что и Карна, и Дмитрий это чувствуют, но ведь...

— Баклан, — сказал Дмитрий, отбирая у Славки новую порцию горячей воды. — Иди уж.

Помог Карне поднять рубашку и наткнулся рукой на шрамы...

— ...Так будет, так станет, когда задуют свечу...

Дмитрий прижал ладонью звенящие струны. Сейчас, щелкнув, соединятся контакты, ток побежит по проводам, и вспыхнувший в вакуумной колбе свет заставит тени сделаться тенями. Так проще. И так, пожалуй, честнее. Мертвым лучше оставаться мертвыми.

ГЛАВА 10

— По-моему, ты с ним либеральничаешь. — Алла грациозно потянулась, прекрасно сознавая производимый эффект. — Эти рисунки, всадники...

— Самое странное, что они есть.

Алла взмахнула ресницами:

— Мало тебя на кафедре ругали? Дмитрий, ты же взрослый человек!

— Да, — сказал Дмитрий.

Яркий ноготь Аллочки брезгливо ткнулся в рисунки.

— Не знаю, как ты, но я в своем доме такое держать бы не стала.

Дмитрия слегка покоробило, но он смолчал. Любимым девушкам иногда стоит прощать ригоризм.

— Ну что, что ты в этом находишь? — завелась она. — Веришь в ерунду! Иногда мне кажется, что ты меня не любишь.

Она произнесла это патетическим шепотом — как в сериале, и осторожно, чтобы не размазать тушь, промакнула платочком глаза.

— Да, — сказал Дмитрий. И вдруг опомнился: — То есть как это?!

Лицо у него в этот момент, по мнению Аллочки, было преглупое.

— Ну-у... — Она капризно выпятила губы. — Вот когда-то любили. Эти самые... рыцари. Для дам были готовы на все. Ну там, со скалы прыгнуть...

— Ага! - по-воешному рявкнул Дмитрий, лихорадочно соображая, есть ли в окрестностях Гомеля скала и не сойдет ли за нее труба в парке Луначарского.

Алла поморщилась:

— Дурак. Ты для меня даже эти рисунки сжечь не решишься.

— Зачем — сжечь? — удивился Дмитрий. — Славка...

— Ну да, конечно. — Девушка всхлипнула. — Он тебе брат, а я никто. Тебе для меня даже этих бумажек жаль!

— Да не жаль! — с досадой выкрикнул Дмитрий, пробуя ее обнять.

Алла отшатнулась.

— Да, конечно, брат и все такое. И Карна.

— Что?

— Что слышал! Думаешь, у меня глаз нет?!

Она рванула со стены портрет в тонкой деревянной рамочке.

— Я не стану жечь.

— Тогда я сама сожгу!

Она сгребла рисунки в охапку и понесла к ласково подмигивающей в углу зала печке. Листы разлетались по до-

роге, Алла подбирала их, роняла следующие. Ломая ногти, обжигаясь, дергала дверцу. Швыряла листы в огонь. Их было много, они не вмещались, свернутые, не хотели гореть.

— Кочергу дай! — со злыми слезами в голосе крикнула она. Перемазанная сажей, с растрепанными волосами и размазанной косметикой, она походила на ведьму.

Дмитрий машинально исполнил приказание.

Она разворошила рисунки кочергой, огонь разгорелся. И она бросила портрет Карны вслед за остальным. Славка вошел неслышно. Он увидел разбросанные по полу альбомные листы, злорадные глаза Аллы, жадно гудящий в печке огонь. Оттолкнув Аллу, метнулся к устью. Не чувствуя боли, выгребал рисунки из пламени. Скрученные, почерневшие, они лежали на полу. Словно в насмешку, проступали на уцелевших лоскутах цветок, морда лошади, осколок синего неба. Глянули из обожженной черноты глаза Карны. Славка хотел закричать — и не смог. Сердце вдруг замерло, потом упало куда-то вниз и забилось часто-часто. Он глянул на мертвое лицо Дмитрия, на ухмылку Аллочки: «Посмотри, как сходит с ума твой братец», — и сказал тихо:

— Ты их убила.

Там догорали сейчас деревянные стены Полоцка, и копье вонзалось Добричу в грудь, и несжатые колосья падали под копыта, потому что *здесь, сейчас* совершалась подлость. А он не успел помешать. И он увидел свой последний ненарисованный рисунок: поле, железнодорожная насыпь, комья земли на ней с торчащей желтой травой. А на ржавых рельсах, повернутых к горизонту, вороной длинногривый конь без седока.

Эльдар Сафин и Юлия Гавриленко

ВАСИЛИСА

Умная женщина — это дьявол
в состоянии интриги.

Ж.-Б. Мольер

Алексий вышел из дома, легко вскочил на оседланного Вьюжка, быстро пробежался руками по притороченным вещам — кольчужка, шелом, длинная плотная рубаха. Попробовал, как выходит из ножен Кладенец, — легко идет, хорошо. Отъехал шагов на двадцать, обернулся — в окошко выглядывала Василиса.

О такой жене мечтают. Ладная, красивая, хозяйственная. Не каждому князю так со спутницей угадается — а уж простому воеводе на дальней заставе и мечтать нельзя! А вот же — повезло.

Алексий мягко хлопнул коня по шее — с таким другом и уздечка-то не нужна, сам все поймет. Вьюжок легко перешел с шага на рысь, потом в галоп.

Чем раньше начнем — тем раньше закончим. Эх, что ж так зачастили в Нежинку Змеи Горынычи?

Василиса отпустила занавеску на место, сладко потянулась и решила было еще поспать — но одумалась. Время дорого, это в старости она позволит себе поваляться, пока дети да внуки хозяйничать будут — да и то невесток поди заставь что-нибудь путное сделать!

Жена воеводы пока еще не рожала — но уже загадала если не на этот год, так на следующий точно подарить мужу наследника. Она прошла в свою горницу, сняла хитро заколотую булавками тряпицу с громадной рамы и продолжила работу над давно начатым покрывалом.

На холсте уже виден был Алешка, во весь рост, точно как в жизни, с теми же родинками, морщинками в уголках глаз, с длинным шрамом на левом предплечье. Василиса вышивала его обнаженным, в полный рост. Точно таким,

каким помнила, — ну разве что с мужским достоинством чуть польстила любимому мужу.

Иногда, даже не замечая за собой, она начинала чуть слышно напевать что-то из детства — про серых гусей, белых лебедушек, ясных соколов.

— Василиса, хозяюшка, надо ж грустненько петь, — запричитала одна из приживалок — бабка Нюша. — Муж-то твой на бой ускакал, а вдруг как не воротится? Вот ты весело поешь, а потом плакать будешь!

Остальные зашептали, соглашаясь. Василиса улыбнулась приживалкам, хотя сердце ёкнуло — после этих слов ей и впрямь стало не так весело. Эх, беда с этими суевериями! И ведь не объяснить им никак, что Лешке ничто не угрожает! Ну куда Змею против былинного богатыря в расцвете силы?

— Каждое утречко муж-то твой выезжает в поле чистое биться с врагами земли Русской! — гнула свое баба Нюша. — Вот только четыре дня об этом месяце нормально отдохнул. Так ты ж не ломайся, спой про березоньку, про куропаточку спой, которую коршуны заломали. А там, глядишь, и вернется наш воевода с победой! И тебе радость двойная, что предчувствие дурное не сбылося!

Василиса мрачно молчала. Тугая русая коса, спускавшаяся почти до коленей, легонько подрагивала, подсказывая, что молодая женщина уже почти в бешенстве. Однако старухи этого не замечали.

— Жена мужа бояться должна! — заявила бабка Фрося. — И за мужа бояться должна! Потому как если муж ударил, все одно будто погладил. А без мужа тебе жизни точно не будет!

— Ты за ним как за стеночкою каменной, — подтвердила бабка Анфиса. — А ну как разобьют ее, что ж ты делать-то одна будешь, горемычная?

И вот так — каждый день. Только Алексий за порог, как бабки тут же его чуть ли не хоронят! Василиса знала, что надо просто подождать немножко, помолчать спокойно, и приживалки почти сразу начнут ссориться между собой.

Но невозможно было слушать их кудахтанье, и Василиса перенеслась мыслью в чистое поле. Что там есть, что будет? Навели все-таки бабки печаль-тревогу, вот и думать

уже, как они, начала. И тревожно так стало, даже зажмурилась, а руки-то сами продолжают работу над вышивкой, Василиса тело любимое как помнит, так и ведет узор, ни одного стежка ошибочного не сделает, ничем милый образ не исказит.

Звонкий голосок прервал внезапно работу:

— Купцы приехали!

Василиса встрепенулась. Мигом спрятала рукоделие, топнула на приживалок, перекинула косу на плечо, провела легонько ладонью по лицу.

Вроде и нет колдовства-ведовства какого, а девка Аленка и бабки в который раз удивляются: только что хозяйка в горнице была — и нет уж ее. Сидит прекрасная девица, руки белы, щеки красны, коса гладка, а завиток шаловливый выбивается. И не думы о хозяйстве-пропитании думает, а о чем-то своем девичьем мечтает. Ни одной морщинки — только улыбка легкая и витает на челе.

Бабки же — затаились на лавке привычно, будто и нет их вовсе. Знают: ворчать и причитать можно сколько угодно, Василиса их ни одним словом не попрекнет, только бы при Алешеньке да при купцах молчали.

Гости вошли почти неслышно. Сразу стало ясно: этим ковер с оленями и цветами не глянется. Людей с южных земель красивым узором не заманишь.

Пока гости устраивались, Василиса три раза хлопнула в ладоши. Аленка — маленькая, но шустрая. Никогда не путает. Вынесла дивный ковер — тонкий, легкий, нежный. Посреди голубого озера — лебедь плывет белая. Хороша лебедь, но глаза печальные. Смотрит она ввысь, и будто стон ее слышен.

Приживалки расплакались, Аленка, пока ковер расстилала, влагу с ресниц украдкой смахивала, даже купцы — уж на что суровые люди, да и то прослезились. Спрашивают:

— Почему же она такая грустная?

— А чего же ей не грустить? Всякая птица в небо рвется, негоже ей в чулане пылиться.

— Верно. Как и договаривались.

Пока купцы отсчитывали монеты, Василиса тихонько прищелкнула пальцами. Раз пошло дело — можно и другой ковер предложить.

Расстелила Аленка новое чудо — на отвесных скалах терем прилепился. Вроде и на пряник похож, но со стороны не подобраться никак.

Покачали головами купцы.

— Э, нет, хоть ты и умница, — старший запустил пятерню в бороду и покачал головой, — но сразу видно: не знаешь мира, не понимаешь, что и кому предлагать. Не годится нам твой замок — земли у нас сухие, песок один. Да и не строят у нас так.

Василиса с сожалением вздохнула, но ничего в ответ не сказала. Только рукой по ковру с лебедью провела — а купец зорко вглядывался в эти движения.

Скоро он выйдет из терема, выведет своих людей в чистое поле, расстелет ковер, так же проведет по узорам рукой — и выпростаются лебединые крылья, поднимут людей вверх, и полетит вытканный Василисой чудесный ковер туда, куда, мягко ведя по вышитым линиям, направит его купец.

— Ну, спасибо, хозяюшка, — негромко произнес торговый гость. — А как мои заказы на огненный ковер и ковер с булатными мечами?

— Неинтересно мне, — еще тише ответила Василиса. — А когда неинтересно — как душу в ковер вкладывать?

Когда гости ушли, бабки вновь принялись за свое, да еще между собой поругались: одна говорила, что веселые песни ни девушке, ни женщине петь вообще не должно, другие утверждали, что можно — но только если муж позволяет.

Потом хозяйке совсем надоели препирания, она оставила покрывало, хитрым образом прикрыв его. Покинув горницу, взяла на лестнице лампадку, зажгла ее, вошла в подвал и, затворив за собой дверь, погасила чадящий огонек.

По щелчку пальцев перед ней мигнул веселый шарик света. Женщина спустилась вниз, к леднику, мягко пробираясь по старым деревянным ступеням.

— Что, Премудрая, утомили тебя безумные бабы? — Между кадкой с квашеной капустой и бадейкой медовухи сидел худощавый мужик в длинном черном плаще. Чтобы вместиться в пространство между полок, он согнулся вдвое, но чувствовалось, что такое положение дел его не смущает. — Я бы на твоем месте каленым железом вычистил этот очаг мракобесия.

Когда гость улыбался, становилось видно, что верхних передних зубов у него нет, а нижние выгнуты жутковатым образом. В глазах гостя поблескивали желтоватые огоньки, а из-за спины торчала рукоять меча, обтянутая потрескавшимся кожаным ремешком.

— Если ты... — Василиса не шагнула — проплыла шаг к гостю, — еще раз... — и снова шажок, — назовешь меня Премудрой... — третий шажок, и молниеносным движением гость вынимается с полки и выкидывается на пол, — то я тебя, Кощеюшка, несмотря на все твое бессмертие, изничтожу напрочь!

Кощей решил не вставать — только поправил плащ, чуть сдвинул за спиной меч и, отсмеявшись, продолжил разговор лежа:

— Вот я вас, баб, совсем не понимаю! Возьми любого мужика, каким он захочет остаться в летописях — Ванькой Умным или Ванькой Красивым? Хрен ведь кто на красоту позарится! Через полтыщи лет плевать всем будет на красоту. А умных — запомнят. Премудрая ты, и этим все сказано!

Василиса вновь замахнулась, но ничего не сделала — ясно было, что ей сложно ударить лежачего, видимо, на то и был расчет. Кощей расхохотался.

— Ну что, Василиса, поговорим о делах?

Хозяйка мрачно посмотрела на него.

— Сколько?

— Змею пять гривен надо, он и так слабый уже, четвертый раз за год ему все головы снимает твой Лешка. Абылай-хан отказывается вести в Нежинку орду, и никакие деньги тут не помогут — хазары ропщут, не любят они проигрывать. Баба-яга за гривну прилетит — но на следующей неделе. Кикиморы по четверти гривны, но они ненадежные, хорошо, если три из пяти придут, а по лицам их даже я не различаю, чтобы к ответу призвать.

— А тебя за сколько?

— Меня за две гривны. — Кощей поморщился и привстал, опершись спиной о полки. — Но я старый, Лешка мечом быстро машет, какое ему удовольствие — если начнем битву на рассвете, то к полудню уже хоть как зарубит. Ну, парочку лешаков с собой приведу, оборотня еще могу. Вместе со мной — три гривны.

— Завтра сможешь?

— Нет, завтра хоть как свободный день у Лешки твоего. После Змея Горыныча — святое дело.

Василиса раскрыла кошелек и отсчитала десяток тяжелых монет, подумала и добавила еще пяток.

— За каждую отчитаешься!

— Не извольте сомневаться, Ваша Прекрасность! — растянул губы в щербатой улыбке бессмертный злодей. — Все будет в лучшем виде.

Хозяйка еще не вышла из погреба, когда легкий ветерок пронесся по леднику — Кощей переместился в свои владения.

Эпоха былинных богатырей диктовала свои правила: вся нечисть теперь пряталась по углам, не пытаясь подгрести под себя Русь, — иначе было недолго и жизнь потерять. Выживали как могли.

Вечерело. Пот щипал глаза, меч Кладенец становился все тяжелее и тяжелее. Ни рука не поднималась, ни спина не распрямлялась. Хотелось спать. Но вначале бы в баньку... А еще сгрести бы Василису в охапку да завалить...

Но милый дом и красавица-жена — только после расправы над Змеем. А его, гада, все никак добить не удавалось. Две головы с вывалившимися языками уже катались под ногами. Но третья, посередке, все никак не поддавалась.

Уворачивалась, тварь кровожадная, да еще и издевалась:

— За что же ты, Алексий, на меня так взъелся? Я хороший!

Хитрый Змей достаточно на белом свете прожил, знал много увертoк. Вставал против солнца, крутился, припадал к земле, взлетал, за спину заходил. Как попасть по вертлявой шее?

Из последних сил нежинский воевода нанес удар — да не попал, только чуть в землю меч не вогнал! Змеиный черед пришел — полыхнул гад жаром. Лишь заговоренные доспехи спасли Алексия. Богатырь устало выругался:

— Бороду подпалил, скотина!

— А ты водичкой живой умойся, — съехидничал Змей. — Новая вырастет. Нет, ну чего ты ко мне привязался? Все утро гонял, потом слова мне гадкие говорил, а теперь режешь, как теленка!

— Ты мне, вражина, зубы не заговаривай! Ползете с чужой земли один за другим. Не место на Руси чудищам обжористым!

Алексий прищурился: в косых лучах тень от Змея смотрелась смешно. Длинные-предлинные ноги и червячок шеи с горошинкой головы. По лапам ему, что ли, вдарить? Или крылья подрубить?

— Эх, Лешка, совсем ты дикий. — Змей, чувствуя, что богатырь его не достанет, принялся философствовать, не забывая держаться с солнечной стороны. — Вот пустил бы меня ближе к заставе, я бы показал... И как пить надо, вы ж пить-то не умеете! И насчет баб я тоже мастак! У вас баб-то много там? Говорят, у тебя жена красивая, пойдем, познакомишь?

Голову-то охальник спрятал, потому и глумился безбоязненно, но Алексий изловчился — вроде и не глядя против солнца, а на тень посматривая, рубанул по Змеевой лапе.

Сразу — как подкосил на одну сторону, завалился Змей направо, заорал от боли:

— Ты чего творишь?

На трех лапах не разбегаешься сильно. Тут уже был вопрос времени — снес ему Алексий последнюю голову. Подумал, да и левую лапу отрубил, для красоты. В ад и калечных пускают, Лешка специально у отца спрашивал, еще когда маленький был.

Распинал лапы и головы по разным сторонам, подозвал Вьюжка, снял туесок с живой водицей, жадно глотнул. Солнце садится — надо домой спешить. На всякий случай еще умылся живой водой — вдруг кровь у гада ядовитая, разъест кожу, а ну как разлюбит Василиса?

«Как приеду — сразу в баньку! А потом чарку! А потом к Василисе».

Каждый раз он возвращался с тревогой. Василиса — баба видная, мало ли кому приглянется. Мужа рядом нет, а от скуки такое может натворить... Сидит она за своей вышивкой с утра до ночи, вдруг дурь какая в голову придет?

Поэтому как ни был он изможден и изранен — от жены к бревенчатой стене храпеть никогда не отворачивался.

Глупые мысли, глупые. Любит его Василиса и ждет верно.

Да и кто может ее соблазнить? Нет другого богатыря, равного Алексию. Разве что Илья из Мурома раньше, еще до свадьбы, за ней приударить мог. Но он-то точно больше не соперник.

Прислал письмо недавно. Нынче воевода Киевский. Либо лежит на мягких перинах, либо сидит за накрытым столом. Ходить ему даже трудно, не то что на коня взгромоздиться. Да и какой конь его выдержит? Верного Вранко добрые советники замучили, в табун к кобылицам пустили, все хотели богатырских жеребят разводить. И что?.. Кобылицы довольны, а Вранко совсем изморился и зачах.

А жеребята под Илюхой ходить не смогут — только хребты с хрустом переламываются. И воевать ему не с кем. Былая слава всех врагов отпугивает.

Вот и валяется он день-деньской дома, строит козни, пьет горькую и жалостливые письма пишет.

То ли дело Алексий: и сила богатырская, и фигура молодецкая, и жене радость.

— Под смеющейся луной раздавался треск степной.

Из среднего обрубка Горынычева тела с мокрым шлепком выскочила голова на длинной шее. Левая и правая уже с нетерпением ее поджидали.

— А стихи у тебя плохие,— задумчиво сказала левая.— И есть очень хочется...

— Завалюся я в кабак, поем свинины на пятак,— поддержала ее правая.

Средняя немного пришла в себя и лязгнула на соседок крепкими голубовато-белыми зубами. Через неделю они вывалятся — молочные как-никак. Потом опять пережидать резь, пока нормальные не вылезут.

— Щас вам кабак, ага. До завтра потерпите. Правко, лучше подкинь лапку. Неохота новую отращивать, авось и эта приживется.

Правко попыталась дотянуться до передней правой лапы, но застарелые шрамы на месте прежних «срубов» головы не давали шее растянуться. Кожа так хрустела и скрипела, что Середко поморщилась.

— Ладно, сами подойдем, пригнись, Левко.

Левая голова откинулась на спину, и Змей подтащился к одной из отрубленных лап, загребая двумя оставши-

мися. Ну а ко второй на трех лапах уже подобраться несложно было.

— У меня после вырастания аппетит, — заныла Левко.

— Я бы тоже бы поела, чтоб в желудке не болело, — поддержала ее Правко. — А потом неплохо нам бы прогуляться бы и к бабам.

Середко же внимательно посмотрела на все четыре лапы и прикрикнула:

— Цыц! Надо нам затаиться и людям на глаза не попадаться. Поэтому никаких кабаков и девок!

— Но почему?

— Василиса нас терпит, пока мы не балуем... Работу подкидывает. А вот если не будет в следующий раз меч смазан живой водой?

Василиса сделала последний стежок, как раз когда сердце подсказало — едет домой любимый муж. Провела легонько ладонью по милому облику, усмехнулась, затворила обратно — все получилось, как она хотела.

Вышла в двери — и точно, бежит Аленка, первой успеть сказать, что с башни видели Алексия. И, как всегда, в недоумении подбегает — как узнала? Почему вышла? Может, ворожба какая?

Нет, никакой ворожбы. Только сердце женское — только любовь истинная. Василиса сжала в руке вышитый платок и почувствовала, как в глазах защипало.

Как она за него дралась! Как она настраивала князя Владимира против Алексия, жениха своего! Как ссорила Лешку с остальными богатырями, чтобы он сам уехал из Киева, гадюшника этого! Совладала со всеми навалившимися разом проблемами, вытянула мужа.

Те богатыри, что в Киеве остались, спились или поистрепались. Добрыню уже и за человека не считают — после того как он в пьяном угаре спалил собственный терем с женой и детьми. Муромец растолстел — под ним, говорят, пороги в избах крошатся, а в сырую землю он по колено проваливается, как в снег.

Так и остался Алешка единственным настоящим богатырем земли Русской. Каждый день при деле, гордится собой, чувствует, что нужен.

Не гуляет на сторону, не балует, не пьет — да и когда?

Подъехал, соскочил с коня, обнял жену — она любила его таким. Да, грязный, потный, уставший! Зато — настоящий мужчина.

Василиса Прекрасная склонила голову на плечо мужа и крепко-крепко прижалась к нему. По ее щеке скатилась маленькая слезинка.

Алеша Попович осторожно поцеловал жену в лоб и устало улыбнулся.

Вот оно, настоящее счастье-то...

Фёдор Чешко

ОН

1

Какая-то лесная мелкая дрянь (крыса, что ли?) порскнула в придорожные кусты чуть не из-под самых копыт, и конь, храпя, шарахнулся к противоположной обочине. Витязю примерещился взблеск двух красных глаз-точек там, где смутная мохнатая тень вонзилась во взбитое ветром жёлто-чёрное месиво; даже злобное еле слышное ворчание будто бы исхитрилось не утонуть в пергаментном шорохе палой и непалой листвы. Послышалось? Может, и нет — мало ли небывальщины наслучалось уже за время пути? Боевой конь испугался крысы, крыса перерычала ропот осенней пущи... Снизойди, Всеединый, позволь хоть впредь ничего странней не изведать! Ох, не позволит...

— Что это было? Слышал, твоя доблесть? Вот опять — что это?!

Ага, старик тоже расслышал крысье рыканье... Или нет, он расслышал другое. И конь, значит, испугался вовсе не крысы — конь тоже расслышал; один ты, твоя витязная доблесть, просморкал то, чего никак бы не следовало. Впрочем, тебе простительно. Столько лет добрые (а паче — недобрые) люди гремели по твоему шлему разными увесистыми предметами — от обмотанных войлоком деревянных учебных мечей до боевых палиц... Умно ли тебе после такого упрекать слух в неспособности тягаться чуткостью с конским? А старик... А что старик? Он ведь не простой старик.

— Вот опять... — жалобно проныл «не простой старик», придвигаясь вплотную к витязю.

Да, опять. То ли ещё громче, то ли ещё ближе. Тонкий плач, переливистый и надрывный, серой паутиночной нитью продёрнулся сквозь ровное полотно ветряного шуршливого бормотания, пульсирует, бьётся, словно запутавшись в полуголых раскоряченных кронах...

Конь встревоженно задёргал ушами и... Нет, понятиться он всё-таки не решился (знал: всадник может простить любое своеволие, кроме трусости), но и дальше идти не желал.

— Это волк? Скажи, твоя доблесть: волк? — Безотрывно пялясь в чащу, старик нашарил витязное колено и вцепился в него.

Витязь успокаивающе похлопал коня по шее, буркнул:

— Ты уже имел случай понять: Крылатый не боится обычных волков.

Тут он заметил наконец, что по рукаву стариковой хламиды шныряет какая-то мерзость и что оная мерзость явно склонна предпочесть полусгнившей овчине серый бархат кое-чьих штанов. Заметил, торопливо высвободился из ногтистой старческой хватки и заставил коня сделать несколько шагов по выжелтенной листопадом дороге. Конь всхрапывал, запрокидывал морду, косил на седока круглым от страха глазом, и «несколько шагов» получились равны длиной как бы не одному нормальному.

А вой тем временем оборвался — разом, вдруг, словно вывшему перерубили глотку (вот бы оно и по правде так!). Старик облегчённо перевел дух, оглянулся... и очень удивился, обнаружив, что рука болит и ни за что не держится.

Старик...

Кислоглазое лицо, облиплое жирными космами дряной бородёнки; грязные клочковатые брови, ошарашенно вздёрнутые на ещё более грязный лоб; трясущиеся губы, похожие на агонизирующих от голода пиявок...

Витязь спешно заотворачивался, чиркнул взглядом по стриженой конской гриве, по кустам, по обомшелой коре раскидистых двуохватных деревьев... Нет, поспешность не спасла. То ли это от гадливости щеку успела-таки передёрнуть невольная судорога, а то ли именно из-за торопливого порывистого движения треснули вроде бы уже начавшие подсыхать рубцы, и опять из-под заскорузлой повязки на чернёный, испятнанный ржавым нагрудник сорвалась свежая капля.

— Он ушёл?

Витязь сперва не понял этого вопроса, а когда понял, рассмеялся — хоть и чувствовал, что от смеха раненая щека засочилась ещё обильней. «Ушёл»... Дитятя напуганная, даром что при бороде и дервишеском посохе... Конечно,

тот, который выл, — он, наверное, ушёл... откуда-то. И теперь, возможно, идёт... куда-то. Вполне, кстати, вероятно, что прямиком сюда. А первейший из свитских Его Блистательной Недоступности витязей — надо же случиться такому! — безоружен. При нём, при первейшем-то из свитских, всего-навсего и есть, что кинжал. Ну палица ещё. Ну чекан. Ну ещё можно зачесть щит, которым оный витязь на своём веку напереламывал костей не меньше, чем палицей. Но что бы то ни было, витязь без меча — это как без рук за пиршественным столом: суметься-то всё сумеется, но *как!*

Тем временем старик вроде совладал и с удивлением, и со страхом (впрямь дитятя: насмешливо буркнутого его доблестью «ушёл-ушёл» вполне хватило). Совладать-то с вышеперечисленным он совладал, но вести себя по-нормальному, очевидно, не умел вовсе. Потому что вдруг замер, таращась так, будто не витязь был перед ним, а сам Всесотворивший Всеединый в грозе и славе своей.

— Ты сказал... — От возбуждения голос дряхлого оборванца сбивался то на щенячий провизг, то на сиплое перханье. — Ты, твоя доблесть, сказал: *Крылатый* не боится... Это, значит, коня твоего так кличут: Крылатый? А ведь и на щите у тебя... Так то есть ты... то есть вы... вы — это, значит, тот самый и есть? Витязь Крылатого Коня?

Додумался-таки, доскрипелся... Старый шелудивый хорёк. Грех, конечно, даже в мыслях оскорбить дервиша Всеединого, и, конечно, даже в мыслях оскорбить старика недостойно витязных обетов, а всё равно — хорёк. Старый и шелудивый. Ну вот, теперь пристанет: куда, мол, да зачем, да почему...

— Смиренно умоляю вашу доблесть извинить назойливое моё любопытствование, но откуда же вы здесь... То есть откуда — это как раз понятно... Но зачем? В одиночку странствовать по Предпустошью... В этом пробклятом Всесотворившим краю даже многочисленные рати, случалось, пропадали без вести и следа... Как же вы изволили решиться?.. Ради чего бы?

Ну вот, пожалуйте откушать. И что теперь? Лгать нельзя — дервиш же! Отмолчаться тоже нельзя (по той же причине). А рассказывать этому хорь... хор-рошему старику всё как есть... Во-первых, не поймёт, а во-вторых, просто стыд-

но. Бесы пекельные, это ж представить только: сподобил бы Всеединый хоть на миг какой-нибудь промедлить утром, и не пришлось бы теперь... Грешна мысль, и с достоинством витязя напрочь несовместима, но вот пришла же... И в ней, в мысли этой, тоже дервиш виноват: ввел в искушение... Вот же впрямь, что бы стоило с утра коню потерять подкову?! Или ветру задуть не встречь, а наоборот — тогда б верещание старика расслышалось для этого самого старика чересчур поздно...

* * *

...Прошлая ночь неожиданно выдалась почти спокойной и даже почти уютной (во всяком случае, по сравнению с двумя предыдущими). Последние скудные людские приметы в окру́ге исчезли задолго до полудня, гордиться витязным небрежением к опасностям да удобствам было не перед кем, и потому он решил не лезть в Последнюю Дебрь натемно глядя. Десятках в четырёх перестрелов от того места, где малоезженый, почти незаметный беглому взгляду караванный тракт запущенной просекой втискивался в лес, нашлась скирда. Была она рассевшейся да гнилой — видать, году этак в запрошлом какие-то полоумные... то бишь беззаветные храбрецы отважились косить здешние травы, и не сумели (что при такой храбрости вполне понятное дело) дожить до возможности попользоваться результатами косьбы.

Волглая от гнили травяная труха вряд ли сочлась бы достойной человека постелью при дворе Высокого Дома (да не потускнеет вовек Недоступность Его!); и болотного крикуна, лишь слегка только обожжённого (витязь не стал искушать судьбу разведением путного костра), придворные уж точно не посчитали бы человеческой пищей. Ну и хряку их промеж окороков, придворных-то.

Утро выдалось по-настоящему осенним. Ветер, сонным прибоем накатывая от Дебри, щемил душу горчинкой настоянного на листопаде тумана; стылая небесная голубизна пыталась кутаться в серый пух, но изветшалая облачная полсть расползалась, и из блеклых прорех лился испоконвечный бродяжий гимн — клик перелётных стай...

Конь шел вялым бесцельным шагом; приостанавливался, чтоб выдернуть из свалявшейся травяной шкуры редкие

недовыблекшие пряди; окунув наконец седока в дырявую тень траченного осенью леса, вообще встал, потянулся губами к испятнавшим приобочинные ветви кровяным сгусткам сморщенных переспелых ягод...

Витязь не понукал Крылатого. Витязю надоело спешить, ему нравилось вот так не по-витязному мешковато горбиться в седле — медленно, всей грудью вдыхая сырую пряную горечь, слушая зовущие крики с неба, горько упиваясь собственной и непохожестью, и похожестью на растворяемых далью птиц.

Птицам грустен и тревожен отлёт, но они знают, для чего сорвало их с места властное ощущение своей нужности в нездешних краях. Они знают, что нужность — это для них, что не смогут они выжить здесь, но, наверное, смогут там...

Да, возможно, они и знают.

А ты?

Витязь Крылатого Коня, самоотверженнейший защитник всех сирых и притесненных, образец чести и доблести, самый непобедимый из бойцов ойкумены, прославленный, великий, долгожданный, незыблемая опора и крепкий щит — что *ты* знаешь о занозе непокоя, без внятной причины вонзившейся в твоё сердце? О чувстве непременной немедленной нужности где-то, которое рухнуло на тебя вдруг, ни с того ни с сего, и подмяло, и вырвало с корнем из привычной обыденности, не разрешив задержаться ни на единый миг, ни на полумиг не позволив засомневаться в том, что она, нужность эта твоя, неведомо где и невесть кому, несоизмеримо важнее твоих желаний, твоей репутации, твоей присяги на верность Его Недоступности Великому Дому... О чувстве, заставившем уйти, даже бежать — ночью, по-предательски, не озаботившись испросить соизволения или хоть уведомить... О чувстве, которое беспричинно (ведь его, чувство это, не согласится считать причиной ни один здраво... да что там — просто ни один мыслящий) гонит тебя захолустными дорогами в пустынный неведомый край, на Бесовы Пустоши, о которых точно известно только одно: мало кому из людей удавалось добраться туда, и почти никому из редких этих счастливцев не удавалось вернуться.

Наставник говорил, что умение топить чувства в мыслях, а мысли в душе — это последнее из умений, которые

превращают ремесленника войны в витязя. Последнее лишь по времени овладения, а по важности — первое. Наставник был мудр. Опытный ратник въезжал бы в Дебрь, заранее изготовив оружие, зорко всматриваясь, чутко вслушиваясь, ожидая наихудшего и загодя готовясь к... К чему? Вот то-то. Нельзя заранее приготовиться ко всему плохому, которое только может случиться; особенно — в Предпустошьи; тем более — на самих Пустошах. К чему-то получится быть готовым лучше, к чему-то — хуже, а что-нибудь обязательно нагрянет врасплох, и готовность к другому окажется лишней помехой.

Вот почему в изобильной на ратников ойкумене так мало витязей.

Он вынырнул из невесёлых раздумий, из муторного омута своей души быстро, но, конечно же, не мгновенно. И как всегда оказалось, что нужное уже успело сделаться будто само собой. Конь расчётливым коротким галопом рвёт под себя просеку, шишак отстёгнут от седельной луки и надет на голову, правая рука уже всажена в латную рукавицу и вскинута для защиты лица от хлещущих веток, а левая успела перебросить со спины на грудь небольшой каплевидный щит...

Ещё загодя, по дикой мешанине взрыков, визгов и надрывных воплей, от которой ломился бьющий по лицу ветер, витязь понял: дерущиеся твари могут быть и обычными лесными, но дерутся они как-то странно. Словно бы их там с полдесятка, и каждая норовит порвать всех остальных, а все — каждую. А вот человеку, похоже, ничто особенно не грозило, хоть его истошные вопли почти глушили зверью грызню. Пока не грозило. Но уж конечно, это «пока» не могло продолжаться долго.

Двух первых тварей — матёрых волков (*просто* волков), сцепившихся посреди просеки, — Крылатый с ходу ископытил в рудую слякоть. Третьего волка, который пытался взброситься на конскую холку, надвое распластало вымахом рвущегося из ножен клинка.

Ещё два волка кидались то один на другого, то на огромное дерево поодаль от обочины. Подъехать конём мешали навислые ветви, пришлось соскочить с седла, подбежать. Одна из давящихся жёлтой пеной зверюг метнулась было навстречу, но вторая тут же вгрызлась ей в бок... удар кован-

ным клювом-бивнем щита, короткий колющий выпад... рёв обрубается смертным визгом... А в следующий миг витязю подыскался-таки достойный противник.

Жуткий в своей бесшумности бросок сзади витязь сумел угадать и без предупреждающего ржания Крылатого. Сумел угадать, и увернуться тоже сумел — длинное поджарое тело, размазанное стремительностью прыжка в серую полосу, промелькнуло мимо и всей силой немалого веса своего грянулось... Нет. Должно было бы грянуться о каменной твёрдости ствол древесного богатыря. А вместо этого успело мягко спружинить жилистыми когтистыми лапами, без малейшего для себя вреда припав грудью к бородавчатой влажной коре, и тут же, а может, раньше, ещё в прыжке, немыслимо запрокинуло уродливую рогатую голову (бесовское жёлтое пламя выпуклых глаз, трёхрядный частокол клыков и чёрная пропасть за ним) — запрокинуло так, что без малого рассадило свой вогнутый лоб о собственный же шипастый хребет... и выхаркнуло витязю в лицо струю вязкой жёлто-зелёной гнуси.

Он успел прикрыться щитом, но одновременный с плевком хлёсткий удар хвоста пришлось отмахивать мечом и, главное, почти вслепую. А о пустошных чудах слишком мало известно. Что вот у этого хвост может оказаться подобием боевого цепа — такое-то витязь угадать сумел, но что хвост у одного чуда может быть не один... С пронзительным, почти человечьим вскриком клинок разбрызгался, будто стекло под молотом, и что-то грохнуло по шлему, смахнув его с витязной головы, и что-то как кипятком обварило щеку, а еще что-то огромное мягко и тяжко ударило по правому бедру, локтю, плечу, плеснув в ноздри терпкостью вялых трав и перепрелой листвы...

Опять предупреждающе вскрикнул Крылатый, но витязь уже озверел тем ледяным всезамечающим и всемогущим зверством, которое противнику очень-очень редко судится пережить.

Вскинувшаяся, готовая рухнуть на сбитого с ног врага пустошная тварь наверняка не успела понять, как тот, уже, казалось, оглушённый и без мига мёртвый, сумел вскинуться навстречу. А ещё она не успела даже взвизгнуть, когда кованый край щита снизу вверх грохнул её по челюсти, вдрызг издробив густую заросль клыков. Не успела, потому

что клочком мгновения раньше витязный кинжал на всю длину некороткого своего клинка снизу вверх же вошел в её пустошное тварье сердце.

Потом он приходил в себя.

То есть нет, ещё ведь нужно было удостовериться, что поблизости не осталось ничего опасного. И ещё пришлось снимать с дерева вонючий овчинный куль, который сперва оказался непередаваемо грязным и напуганным стариком, а позже — когда посох свой подобрал — дервишем. Сам слезть он не мог, он даже не помнил, каким образом вдруг оказался так высоко, и совершенно искренне считал сие чудом, кое заради его персонального спасения учинил Всеединый. Появление витязя, истребившего хищную зверонечисть, старик считал вторым чудом Всемилостивого Всесотворившего.

Это уж после витязь разрешил себе усесться, а вернее — рухнуть, спиной привалясь к тому самому дереву, полуприкрыть глаза и... Нет, не получилось у него как должно погоревать о безвременно погибшем мече. Старик помешал. Устроившись рядом, он поизвлекал из заскорузлой торбы разнокалиберные глиняные флакончики, расставил их на выстеленной рыжим листом земле и занялся врачеванием. Прикосновения чешуйчатых от грязи пальцев были отвратительны; жгучая зеленоватая дрянь, которою дервиш смазывал раны своего спасителя, живо напомнила тому давешнюю тварью харкотину... Что ж, витязные обеты вменяют самоотрешение и стойкость. Но когда старец вознамерился отодрать для повязки полу своей ароматной хламиды, витязь даже про обеты забыл. После краткого, но энергичного препирательства в повязки была определена собственная щита и опоры Высокого Дома нательная рубаха (бывшая, по мнению хозяина, тоже недостаточно чистой для такого применения, а по мнению дервиша — слишком белой и дорогой, чтобы пачкать её в крови).

И всё это время — объясняя назначение мазей, препираясь, помогая его доблести хоронить остатки меча и творить над могилой прощальные священнодейства — все это время дряхлый оборванец умудрялся как-то вторым, что ли, слоем бормотать: «...и когда всякая тварь земная воспылает злобою ко прочим тварям земным, когда каждый выступит против всех, а все — против каждого, знай: это

ОН пришел... И возьмёт ОН великую власть над душами, и над сердцами, и над жизнями — дабы всякую доброту чувств обращать во зло, а всякую жизнь — во смерть... И сбывается предопределённое... Отверзь глаза и увидь: пала уже на мир тень Итога...»

Наконец витязь окончил обряд, пристроил разбитый шлем на могиле безвременно и нелепо окончившего жизнь Оружия, замер в раздумье о странном, тяжком своём пути, в котором даже первейший друг меч ему больше не спутник.

А старец, какою-то едко пахучей жидкостью смывавший со щита чудов плевок, отложил вдруг своё занятие, дотянулся трясущимися пальцами до шипастого костяного нароста на одном из хвостов мёртвой твари, сказал неожиданно звучно: «Хищные чуда выйдут с Пустошей занять место в свите ЕГО...»

А потом поднял на витязя просительный жалкий взгляд и проперхал: «Давай отправимся, твоя доблесть, а? Страшно тут...»

Витязь кивнул, коротким свистом отвлёк Крылатого от брезгливого обнюхивания мёртвых волков...

Крепкий щит Высокого Дома и бродячий святой оборванец чем-то были, наверное, друг другу сродни.

Потому что они, отправляясь, даже не удосужились спросить один одного, куда, собственно, каждый из них собирается держать путь.

Они просто отправились. Вместе. Сквозь шуршащее золото листопада, сквозь горькую туманную дымку. По просеке. Вглубь Дебри. К Бесовым Пустошам.

2

...И вот теперь...

Блёклое пятно солнца чуть ли уже не в самом зените маячит сквозь изодранные ветром кроны и облака; чуть ли уже не полдня съедено однообразными тревогами пути и тревогой однообразных мыслей. Они — мысли — разучились ходить прямо, они теперь могут только кружить... как рудничный одр, состарившийся в лямке подъёмного ворота... как безнадёжно заплуталый в нехоженой чаще путник...

Какая-то незнаемая муть поднимается, грозит ойкумене с Пустошей. Ты проезжал последние селенья, ты второй день забираешься в Предпустошье, ты не слеп и не глух, и ты почти готов уже верить в то, что, похоже, само собой разумеется для негаданного твоего святого попутчика. Туманное пророчество о том, что рано или поздно приидет ОН. И тогда...

Давнее пророчество, давнее. Чуть ли не той чёрной праэры, когда дервиши Всеединого ещё скрывались по лесам да пещерам от правящих ойкуменой истуканопоклонников. Чуть ли ещё не Первый Пророк написал его. В застенке. На сухих листах павлинихи, брошенных ему вместо ложа и пищи. Кровью ран своих написал. А нечестивые волхвы хотели предать Писание костру, но волею Всеединого пламя отторгло священные Листы, и те разметало ветром... Это с тех же пор самоотверженнейшие из дервишей объединились в Кочевое Братство — дабы выискивать обрывки пророчеств, разнесённых по всей ойкумене и даже за пределы её; дабы найти и сложить воедино всё до последнего Листа.

Так, может, в этом и есть причина овладевшего тобою, твоя доблесть, внезапного беспокойства? Может, тебя, признанного людьми несравненным среди когда-либо дававших обеты защищать и спасать, сам Всеединый отправил навстречу угрозе, страшней которой от праначал не ведала ойкумена? Но если так, почему Всеединый допустил смерть твоего меча? Говорят, его доблесть витязь Серебряного Бобра, присуждённый к разрешению от обетов, носит на левом боку подвешенный к поясу камень — просто не может жить, не ощущая привычной тяжести. Так много ль может быть толку от без-Оружного оборонителя?!

Сложны вопросы, и некому подсказать ответ... А некому ли? Наверное, зря ты посмел обозвать хорьком спутника, дарованного тебе Всесотворившим. Поздновато старец догадался, кто ты, и не к месту пристал с допросом — так что ж? Расскажи, а потом попроси совета у этого, пускай и мерзкогрязного, но, без сомнения, мудрого святого человека...

Витязь рассказал.

Пока он рассказывал, Крылатый одолел свою робость перед воем неведомого и, будто извиняясь за неё, без по-

нуканий отправился дальше. Дервиш тоже отправился дальше. И витязь, рассказывая, невольно ловил себя на том, что проникается уважением к святому неряхе. Конь не считал нужным приноравливаться к пешему хозяйскому спутнику, но спутник этот самый, шагая с виду развалисто да неспешно, без напряжения держался вровень со всадником. Видать, многоопытный странник он. Что же до мерзкогрязности... Когда ветер дует вот так, в лицо, и не очень чувствуется запах и когда пакость с овчины не может угодить на витязные штаны, то грязность, в общем, терпима... И вообще — всякий, приносящий обеты, волен иметь свои представления о самоотверженности.

Рассказ завершился вопросом, и дервиш, слушавший вроде бесстрастно, чуть ли даже не равнодушно, вдруг приостановился, воздел руки — не то с изумлением, не то в отчаянии:

— И вы еще сомневаетесь?! — Ему пришлось подобрать выроненный посох и наконец пробежать с десяток шагов, догоняя.

— Вы сомневаетесь?! — продолжил старик, переводя дух. — Назревает небывалое бедствие, всеобщий конец — так куда же и зачем может быть призван столь сверхъестественным образом первейший из витязей, не запятнавший себя ни единым?..

Он вновь захлебнулся воздухом, примолк на миг, а оттого смог услышать краткое и тихое витязево: «Это не обо мне».

— Я знаю приносимые их доблестями обеты скромности... — начал было дервиш, и тут же осёкся, будто споткнувшись о негромкий и совсем не весёлый смех собеседника.

— Скромность здесь ни при чём, — хмуро сказал витязь. — Слушай.

И он снова начал рассказывать.

О беженцах (с Листа слово не скинешь — среди них были и дервиши), зим десять назад принесших Высокому Дому страшную весть: Дом Заозёрного удела предался истуканопоклонству. Рассказы ужасали. Летучие конные отряды (всадники, с ног до головы облаченные в чёрное; людские лица и конские морды повязаны чёрными платками) врываются в сёла, выгоняют мирных поселян в степь, не позволяя взять с собой ни единой вещи и даже всю одежду заставив снять.

Витязь Крылатого Коня, слушая, будто сам видел то, невыносимое. Или это теперь ему лишь кажется, будто именно так, воображаемо, а не позже и въявь он впервые увидел, как чёрные арканные сотни с гиканьем гонят толпы голых, рыдающих, вопящих людей по заиндевелому ковылью, как несчастных, синих от холода, плетьми и копейными древками загоняют в стылую воду, принуждая натираться грязью, обмывать пупырчатую от холода кожу и натираться вновь... Над толпами истязаемых стоит уже не плач, а безумолчный тресскучий кашель, но пытающихся выбраться на берег мучители, наезжая конями, сталкивают обратно в воду. А вода сера́, как навислое ненастное небо, и, как небо, воспалена́ заревами пылающих деревень...

Дервиши из беженцев наперебой объясняли, что во всем этом кошмаре заметного заметней обряды бесовского культа Чёрной Госпожи — богини пожарного чада и потопных вод. А только Витязя Крылатого Коня дервишские объяснения не заинтересовали, и другие подробности — тоже. Он не стал дожидаться сбора Его Блистательной Недоступности войска, а бросился в Приозерье без приказа и лишь с двумя десятками лично ему подчинённых ратников. И всё подтвердилось. Всё до того подтвердилось, что он отказался слушать посланцев Заозерного наместника, а самого наместника прокричал на все четыре ветра извергом, еретиком и трусом. Старый Дом Заозерья приехал для поединка один, без-Оружный и даже вообще безоружный, но Витязь Крылатого Коня счёл это не попыткой договориться, а надеждой на какое-то прадревнее колдовство, и... Крепкому щиту всех обиженных до самого погребального костра будет помниться, как скатывалась в придорожную канаву седобородая голова...

Всё стало ясно позже. Или, вернее, поздно — слишком поздно и невозвратно поздно: когда Заозерье напрочь выморила бледная гниль. Тогда-то действительно стало ясно именно всё, до наимельчайших мелочей вроде закутанных платками лиц и чёрного цвета одежды. Споры бесовой плесени, проедающей лёгкие, лучше всего заметны на чёрном, а хоть сколь-нибудь действенная защита от них — чистота, кашель и насморк.

— А его люди? — тихо спросил дервиш. — Те, из арканных сотен, — что с ними?..

— Через день после поединка в Заозерье вошли рати Высокого Дома. Витязи и ратники Его Блистательной Недоступности пылали таким же пра-вед-ным гневом, что и... Они вырубили всех. И тех из крестьян, которые пробовали вступиться за наместниковых ближних людей, тоже.

Витязь вдруг заметил, что они больше никуда не идут. Крылатый переступал на месте, беспокойно косясь на всадника; а всадник (то есть он сам) перевесился с седла и слепо щурился в запрокинутое, серое от грязи лицо.

Потом старец выговорил:

— А те, кого он... врачевал... они что ж, не люди? Каково было им — голым, бесприютным... Это лучше смерти от гнили?

— Кто-то мог выжить даже из них. — Витязь распрямился, шевельнул поводья. — А так не выжил никто. Скажи ещё, что хвори — промысел Всеединого и что посягнувшему на право мешать воздалось по гордыне его.

— Не скажу, — вздохнул дервиш, трогаясь следом.

И только уже шагов через двадцать добавил тихо:

— Всеединый пока — увы! — не всевластен. Начертано на Листах: «Когда Всесотворивший возьмет полную власть над сотвореньем своим, приидет эра любви и радости». Вы, ваша доблесть, странствовали не меньше меня. Похоже виданное вами на эру любви?

И снова из занавешенной листяным шуршанием дали пропуталась еле слышная звериная жалоба. Хороший ответ...

В этот раз конь не проявил робости — наверное, выл *обычный* волк.

А витязь всё гнул своё:

— Тогдашнее-то хоть потом распозналось... А кто скажет теперь, сколько ещё раз я видимость за суть принимал? Сколько еще раз забывал, что не всё, с виду тёмное, по правде темно? Нет, не годен я в образчики витязства. Мне бы тогда меча из ножен не выпускать, мне бы разобраться... помочь... Жилища бы для врачуемых строить чистые... Небось носивший Серебряного Бобра, будучи в свое время послан на истребление дебряных людоядцев, и то сумел удержаться от мгновенной расправы... Мнимой очевидности злодеяния не поддался, вник — сам же Высокий Дом его потом наградил за *достоподлинную* верность обетам. А я...

Он надолго примолк, потом выговорил неожиданно спокойно и твердо:

— Всех ловчее вертеть клинком не значит быть лучшим.

Хрустко шуршала под копытами лесная подстилка; размашисто шагал златым листяным ковром бродячий святой; плавно, словно в раздумье — не вернуться ли? — облетали с деревьев рыжие клочья осени...

— Дозволительно ли мне указывать вашей доблести на ошибки, нет ли, а скажу: ошибается она, доблесть ваша. Ведь если признать, что не всё тёмное есть тьма, тогда выходит, будто не всё светлое свéтло.

— Два первых года отрочества я протирал штаны в святом Коллегиуме, — сообщил витязь. — Среди прочих наук меня там учили логистике, я знаю: то, что ты сказал, есть амонимотеза. А установлением Двадцатого всемудрейшего собора амонимотезы запрещено считать доказательствами. Иначе бы пришлось согласиться, будто наполненность тождественна пустоте — на основании тождественности понятий «наполовину пустой» и «наполовину полный».

— Что ж, бывает, когда пустота с наполненностью и впрямь суть тождество, — хмыкнул старик.

Витязь тоже хмыкнул. Такому его тоже учили в Коллегиуме премудрые магистры-логистики: чувствуешь, что переспорен, — не признавайся, а изреки глубокомысленный парадокс. Из опасения угодить в хитрую ловушку соперник непременно остережётся даже наиочевидную глупость назвать таковою. Последнее и вдобавок непонятное слово останется за тобой — ты прослывёшь мудрецом.

Дервиш, впрочем, хотел было что-то ещё сказать, но не успел.

Взвизгнув испуганным щенком, как вкопанный, встал Крылатый; его витязная доблесть, выпростав ногу из стремени, легонько пнул увлечённого спором попутчика в спину: «Замри!»

Просека впереди шевелилась.

Вот она, разница. Утонуть в мыслях — спустить чувства со шворки разума; увлечься разговором — оглушить себя... и хорошо, если только лишь оглушить.

Но теперь поздно казниться, поздно тужиться вспомнить, когда успел улечься на отдых ветер и когда ты, твоя

бубнолобая доблесть, просморкал: это уже не ветер роняет желтизну с деревьев и шуршит палой листвой.

— Смилуйся, Всеединый,— выдохнул дервиш,— сколько, сколько же их!

Старец попятился было, и Крылатый тоже поровил податься назад, но витязь хоть теперь оказался умней их обоих: он сперва оглянулся.

И увидел позади то же самое.

Земля, по которой они только что прошли, уже словно бы то ли от ужаса, то ли от омерзения дыбила рыжую чешую, и между палыми листьями все гуще проблескивала другая чешуя — аспидная, влажно блестящая...

Их были тысячи. Они выползали из Дебри, со всех сторон; и навислые ветви вдруг оживали, срывались вниз извивистыми чёрными струями, и там, на земле, бились, корчились, сплетались в тугие шипящие, хлещущие хвостами клубки...

— А я думал, они так только весной... И то — чтобы столько...

Нет, грязнобородый мудрец ошибся. Легиарды змей выбрали ненормальное место и ненормальное время не для зачатия новой жизни. Они дрались. Каждая со всеми. Все с каждой.

Витязь так и не понял, думал он что-то, решая, или верх непрошено взяло чувство нужности его там, впереди. Так, иначе ли, а только он, неожиданно даже для себя самого, рывком за вонючий ворот взвалил дервиша животом на переднюю седельную луку и сделал то, что прежде никогда и в голову его витязную не взбредало: чуть не до самых сапожных задников всадил шпоры в бока Крылатого.

Хрипя от обиды и боли, конь рванул с места сумасшедшим карьером. Жёлтые листья, чёрные стволы, чёрные гады, серо-синие клочья неба — всё стёрлось в летящую встречь бесцветную муть. Цепляясь одной рукой не за поводья уже — за гриву, другой впившись в липкий хламидный мех, витязь мог только глубже вдёргивать голову в плечи, когда перед глазами его мелькали, хлестали по раненому лицу то ли ветви, то ли змеиные тела... А потом летучая мешанина вновь слепила себя в запущенную лесную просеку, и просека эта вдруг встала дыбом, опрокинулась, всем весом тверди земной рухнув ему на голову.

Удар был страшен, но осознание не минувшей таки беды встало между витязем и беспамятством, подшвырнуло с земли, бросило через распластанного поперек дороги старца — назад, обратно, к бьющемуся в судорогах, давящемуся криком коню...

Уже вытирая кинжал об узорчатый сафьян голенища, он расслышал за спиною жалобный стон, хрусткое копошение... Расслышал и выговорил, не дожидаясь вопроса, безотрывно глядя на крохотное своё отражение в остекленелом, выпученном конском глазу:

— Изжалили ноги. Вот: нас вынес, а сам... И даже похоронить его не смогу, как должно: кублище близко, замешкаемся — выйдет, что он напрасно погиб... Ни единого друга у меня теперь не осталось. За что?!

Крепкий щит слабых, отважнейший витязь ойкумены вдруг совсем по-детски зашмыгал носом, вскинул кулаки к помокревшим глазам... И тут же, пружинисто шатнувшись вбок, успел левой рукой перехватить что-то, метившее ему... в висок? Дервишский посох... И с такой силой — ай да старик! Что он, тоже предался бесноватости, подмявшей всю Последнюю Дебрь?

Миг-другой они с дервишем так и стояли, держась за концы посоха, настороженно изучая друг друга. А потом витязь будто со стороны сам себя увидел — как он только что вскидывал на уровень глаз кулак с книзу торчащим из него недообтёртым от крови лезвием...

— Не-ет, зряшен твой испуг, старче! — Голос надежной опоры Высокого Дома сочился ядом обильней, чем змеиное жало. — Витязные обеты разрешают лишь один способ покончить с жизнью: в одиночку на вражью рать... но и то чтоб не без толку!

* * *

Все-таки годы — они посильнее и бродяжьей опытности, и даже страха. Его доблесть и дервиш всего-ничего отошли от места гибели Крылатого (витязь даже не успел по-наисподручному обустроить при поясе отстёгнутое с седельных лук), когда грязнобородый Кочевой Брат затеял сбиваться с шага, озираться потерянно, а потом вдруг и вовсе встал, навалясь на посох, жмурясь и беззвучно что-то шепча.

Витязь уже всерьёз задумался, принудить ли вусмерть, похоже, сквашенного усталостью да переживаниями старика раздеться, прежде чем взваливать его на плечи; или пакость, обосновавшаяся *на* овчине всё-таки лучше той, что беспременно окажется *под*. Но надуматься ничего не успело. Дервиш вдруг тряхнул головой и, выбуркнув решительное «Да, здесь!», с хрустом вломился в приобочинные кусты.

Ничто, вообще-то, не обязывало его витязную доблесть так уж нянчиться со случайным попутчиком. Поэтому сперва витязь с места не тронулся, а только сплюнул злобно. А потом сплюнул еще злобнее и полез вслед святому капризному дитятку.

За кустами была поляна, а точно посредине её — дерево. Древнее, даже по меркам Последней Дебри, и, даже по меркам Дебри, огромное. Оно единственное уже почему-то успело полностью облететь; а небо, оказывается, успело поненастнеть — вдруг, в считаные мгновения. И у витязя, невольно запрокинувшего взгляд к вершине древесного чудища, перешибло дыхание мучительным приступом дурноты. Показалось, будто он не на тверди земной стоит, а за ступни подвешен над головокружительно далёкой подлинной твердью — кудлатой, серой, стремительно набухающей мраком... И это в неё, в серую незнаную твердь вплетены раскидистые ветвеподобные корни дерева-чуда, это её серость да чернота вскормили гигантский неохватный ствол, вившийся корневищеподобной кроной сюда, в припорошенное золотом небо...

Бред накатил внезапно и внезапно же сгинул. Да, он сгинул, сгинул напрочь и без следа; и пришедшее ему на смену острое чувство неправильности того, что перед глазами, к мимолётному этому бреду никакого отношения не имело. Просто ярко-жёлтые листья великанского дерева, толстой кошмой выстелившие поляну, казались огромным пятном солнечного ярого света — какой бывает безоблачными спокойными предвечерьями и какого не могло быть теперь.

Да, листяной ковёр на поляне был солнечно-золотым — тем более грязным пятном гляделся на нем дервиш. Святой бродяга стоял на коленях перед деревом, провалив голову меж сгорбленными плечами. Казалось, будто он молится на

дебряного патриарха, — лишь подступив чуть ближе, витязь разглядел: дервиш сосредоточенно копается в своей торбе.

Крепкий щит обиженных набрал уже было в грудь воздуху, уже и рот приоткрыл, хоть и сам не знал пока, вразумить ли собирается Бродячего Брата или просто свою совесть угомонить: я, мол, дальше ухожу, а ты сам решай-выбирай... хочешь — со мной, хочешь — отдыхай, но чтоб без нареканий потом...

Нет, ничего такого выговорить он не успел. Он вообще ничего не успел сказать, только не то застонал, не то взвыл тихонько, когда старик, приобернувшись, спросил деловито:

— Так ваша, спросить посмею, доблесть всё ещё сомневается?

Вместо ответа его доблесть лишь вздохнул тяжко и длинно. А затем... Затем он неторопливо расстегнул щитовой ремень. А затем наступила очередь поясной пряжки.

Окостеневший, с по-нелепому вывернутой шеей дервиш следил, как витязь равнодушно и вяло, будто не вполне по собственной воле, позволяет ссыпáться наземь всему тому боевому да походному снаряжению, которое совсем еще недавно старательно вьючил на себя. Вот его доблесть взялся было за доспешные скрепы... нет, передумал (а вернее, небось поленился). Отшагнул чуть в сторону, сел, обхватив руками колени, невидяще глядя перед собой... И лишь тогда соизволил запоздало ответить:

— Нет, я уже не сомневаюсь. Ни в чём.

Голос витязя был под стать тусклости и пустоте его взгляда.

Потому что витязь понял наконец, откуда взялся и что означал тот властный, непонятный и необоримый зов, выдравший его из-под руки Высокого Дома, загнавший в бесы знают какие дебри.

Да, бесы-то наверняка знают, что это было.

Злобное волхвование — вот что.

Измена.

Заговор.

Витязя Крылатого Коня, не имеющего равных в ойкумене (ведь витязь Серебряного Бобра аж с запрошлой весны больше не витязь)... Витязя Крылатого Коня уманили,

лишили обоих близких друзей... и бросили на расправу взбесившейся Дебри. Или (что ещё хуже) на возвращение — туда, где его наверняка уже прокричали предателем да обетоотступником.

Задуманное невесть кем чёрное ведовство удалось как нельзя удачней, и в сверхъестественном зове нужды более нет.

Вот он и исчез, зов-то. В одноразье исчез — так же, как и родился.

— Почему-то ваша доблесть во всем, что лишь ни сотворись, беспременно желает видеть одни неприглядности.

— Жизнь научила,— коротко бросил витязь, мостясь прилечь.

И вдруг замер, щурясь на дервишескую сутулую спину.

А дервиш уже опять в объёмистой своей торбе копался. Увлечённо и деловито. Как, похоже, только что покопался в кое-чьих мыслях.

Пара-тройка мгновений безмолвия, замешанного на скрипах-шорохах Дебри. Потом витязь сказал:

— Если ты, старче, всё ещё в своем толковании не изверился, тогда объясни... — Голос его пресёкся от внезапной надежды: а ну как и, по правде, объяснит старый мудрец?! — Я вроде говорил уж про коллегиум... ну, что учился в нем. Так и Пророческому же Писанию тоже... Лист, помнится, Восьмой: «ОН, который грядет, непоражаем будет для любого оружья людского и для всех умений людских несовладаем...» Что ж бы за прок меня против НЕГО вести? Да ещё дорогою обез-Оруживать, спешивать — что, говорю, за прок с того Всеединому, если это впрямь его, Всеединого то есть, промысел?

Внезапный порыв стылого ветра нарядной метелью взвил лиственный золотой ковер, и вокруг намертво скогтившего землю великанского корневища проступили буро-рудые пятна сохлых да перепрелых былых листопадов. Как почти всегда — под золотой драпировкой давняя засохшая кровь... а то и что погрязнее.

А дервиш уже стоял в рост, глядя на витязя победноликующе, тыча в его сторону чем-то... чем-то буро-рудым... будто бы стародавним, но не встхим ещё широким листом... не павлинихи ли?

— Именно так! — От благоговейного восторга старческое дребезжание сорвалось щенячьим визгом. — Про Лист Восьмой — именно так, как сказано тобой... э-э-э... ваша доблесть. Только ежели вы впрямь прилежно учились, должны бы знать: фраза та про «неспоражаем» да «несовладаем» на Восьмом Листе последняя. И она не окончена. А Лист Девятый утерян. Был. До наинедавнего времени. Я его выискал! Я!!!

Ветер, словно бы напуганный последним истерично-истошным криком, опал, растворился в усталом кружении взметённой было, а теперь вновь опущенной на землю листвы.

Дервиш осекся, заозирался тревожно — вспомнил наконец, что и какое вокруг. Лишь когда неторопливое дебрянное эхо дожевало последние отголоски его несдержанности, старик осмелился заговорить вновь — теперь уже негромко и быстро.

— На Девятом Листе продолжено: «...когда войдет в полную силу свою». Разумеете, ваша доблесть? ОН только приходит, он пока не должен быть в *полной* силе своей. А ещё на Девятом... Ещё... Осмелюсь просить вашу доблесть не шевелиться и стерпеть мою непочтительность...

Пришагнув, он вдруг мало что нестарчески, а и просто нечеловечески молниеносным движением сорвал повязку с раненой щеки собеседника — витязь (витязь!) и смориуть не успел. Смазанная дервишеским зельем рана уже начинала подживать, повязка присохла — оголённая щека мгновенно взбухла сухой ломающей болью. Витязь хотел выругаться, хотел вскочить — властный удар по плечу оборвал и то и другое. Так его доблесть и остался сидеть, царапая дервиша враждебно-недоумённым взглядом. А дервиш, нагнувшись, торопливо выискал под ногами лист побольше других; прижал его к щеке витязя (тот поморщился, но стерпел); отнял, показал...

На листяной желтизне остался четкий отпечаток засочившихся опять рубцов. Четыре прихотливо изломанные ржавые линии. Как бы четыре молнии. Одинаковые. В ряд.

— Теперь взгляни сюда, тв... ваша доблесть.

Другой лист. Обтрепанный по краям, бурый, с лишь чуть заметным бурым же витьем неровных выцветших строк. А между строками — блеклый от древности своей рисунок.

Четыре прихотливо изломанные ржавые линии. Как бы четыре молнии. Одинаковые. В ряд.

— Видишь, ты, не знающий равных витязь? — Голос бродячего святого тих, надорван и вместе с тем как-то невероятно, снова-таки не по-человечески праздничен. — Все было предсказано. Давным-давно. На заре эры или даже в преддверье этой зари. ОН надвигается — и ты призван. Пока ЕГО ещё можно победить.

Витязь медленно поднимался, лицо его сделалось жутким — раны, вновь прорванные бешеным оскалом, искровавили и щеку, и плечо...

— Чем победить? Чем? Этим?! — Мозолистый узловатый палец, вздрагивая, нацелился туда, где грудой валялось вооружение. — Без-Оружный и неший — разве я витязь?!

— Витязь!!!

Никто никогда прежде не осмеливался говорить со щитом и опорой *так*. Никогда и никто — даже Высокий Дом.

— Войди — и поймёшь все до конца! Ну, слышишь? Видишь? Иди!!!

Голос кишащего паразитами старикашки лязгал и громыхал, будто изголодавшимися пиявками губ шевелил не он, а сам Всеединый. И Витязь Крылатого Коня, непревзойдённейший из бойцов ойкумены подчинился дряхлому бродяге, как подчинился бы самому Всеединому.

Потому что увидел.

Многообхватный ствол дерева-чудовища беззвучно раскололась-раздвинула трещина — узкая, но даже плечистый да кряжистый Витязь Крылатого Коня вполне мог бы протиснуться в нее.

Он и протиснулся.

Больше всего это оказалось похожим на пещеру. Или на коридор?

Больше всего это оказалось похожим на тесный коридор вроде тех, что кротовыми норами вяжут друг с другом несметные палаты Его Блистательной Недоступности. Только в потайных ходах Высокой Цитадели макушку идущего не обметает бесцветная бахрома пробуравивших своды корней. А ещё там ступени да стены осклизлы. И обомшелы. Но даже подтёки губчатого многодесятилетнего мха не мешают там различать швы вычерненной сыростью кирпичной кладки.

А тут...

Тут крутовато уводящий вниз коридор был словно пробит в сплошном монолите. Когда? Давно. Очень давно. Немыслимо, невообразимо давно.

Он умирал, он серым песком осыпáлся под витязными ногами, этот изнасилованный своей немыслимой древностью камень. Да, он казался древнее Дебри, древнее самой ойкумены — но тогда почему из него выпирали не одни лишь корни, а и скрученные ржавые прутья? Железные прутья, скрепляющие собою камень... Почему?! И почему их видно, если после первого же десятка шагов вниз по зализанным ветхостью ступеням свет позади вытусклел и исчез? То ли щель-вход скрыта вкрадчивым поворотом, то ли (что вероятней) схлопнулась она — так же необъяснимо, как появилась, — но в диковинном коридоре темней не стало.

Почему?

И почему здесь, вопреки всему, не страшно, не опасливо даже — настолько, что правую ладонь пришлось буквально заставлять улечься на кинжальную рукоять?

Ответы хлестнули по глазам к исходу третьего десятка шагов.

Потому что к исходу третьего десятка шагов коридорообразная нора изломилась крутым зигзагом, а потом упёрлась в...

Это был не тупик.

Это была цель.

«Цель есть не конец пути, а начало» — Лист, кажется, Второй... или Третий... не важно.

Небольшая пещерка, мохнатая от обвислых кореньев. Белесые, вялые, гниловатые, они казались бы непомерно разросшейся плесенью — будь такие сравнения уместны *здесь*. При этом свете, какой бывает ясным морозным полуднем в заиндевелом лесу. При *этом*, которое стоит напротив входа... ни к чему не прислонённое, ни обо что не опёртое...

Не стоит — висит.

Не оружие, и не Оружие даже.

ОРУЖИЕ.

Меч, выкованный из кристаллов инея, из молнии, из лунных бликов на родниковой воде.

Всё ещё боясь понять и поверить, витязь нерешительно потянулся к полупрозрачной, серебряным светом сочащейся рукояти... и чуть не отпрянул — такими недостойными даже прикосновения к *этому* показались ему собственные пальцы, испачканные землёй, искляксанные подсохлою кровью, обугленными кажущиеся в белом ровном сиянии сказочного Меча. Но отпрянуть не удалось. ОРУЖИЕ само качнулось навстречу; само, выгнув упругий стан клинка, вложило ему в ладонь ослепительную свою рукоять, и рукоять эта оказалась неожиданно горячей, трепетной, влажной — как прикосновение невесты, истомившейся ожиданием первой ночи.

И словно бы что-то такое же трепетное, горячее и такое же светлое, как сияние прадревней стали, окатило с ног до головы чистой искристостью, впиталось сквозь ороговелую от мозолей кожу витязных пальцев, хлынуло в кровь, в сердце, в душу...

Обратно он не шёл, а... Можно ли лететь по тесной подземной норе? Оказывается, можно.

Выход был наглухо схлопнут. При витязном приближении серая древесная препона не раздвинулась, а будто закаменела, взмокрев обильной испариной мутного сока. Витязь отчего-то уверился, что стоит лишь коснуться её оттянутым жалом изморозного клинка, и...

Так и вышло.

Преграда мгновенно треснула, распахнулась во всю свою ширь, и в нору-коридор вломился пронзительный, надорванный ужасом крик, а следом ввалилось тёмное, мохнатое, скорченное... Ввалилось и нанизало себя на светоносный клинок, выгнулось мучительно, по-последнему, и в мешанине дневного отсвета с оружейным светом витязь увидел запрокинутое лицо дервиша.

Морщинистую грязную маску скомкала и отпустила бессмысленная судорога; лишь глаза — поогромневшие, набухлые жидкими бликами — ещё что-то могли на этом лице; а вот губы обмякли, расплылись, и уже, кажется, без их помощи плеснуло из старческого горла неожиданно внятным:

— Всеединый, что я наделал?!

А снаружи, перед щелью-выходом, серым горбом на выстеленной солнечной желтизною земле стыла готовая к прыжку огромная (не меньше быка) носорогая пустошная тварь —

ощеренная заросль бивнеподобных клыков, тускло-белесые комья выпученных глаз под гребнистым навесом лба...

8

— Говорят, это сейчас не впервые.

Витязь как не расслышал: он был слишком занят конем. При изумительной стати и наверняка огромной цене тот оказался чересчур молодым и недовыученным. Можно было подумать, что Высокий Дом поручал выбор не воину, а кому-нибудь из своих казначеев. Можно было заподозрить даже, будто ценный подарок не на добро жалован. Хотя, с другой стороны, зачем бы Его Блистательной Недоступности... А-ах, бесы и молнии!!!

Конь опять споткнулся. Он из шкуры выворачивался, пытаясь быть достойным своего седока, и именно из-за дурной старательности уже в который раз едва не угробил и витязя, и себя. Скорей бы уж она выводила опять на равнину, эта Старая Караванная Дорога... Да уж, дорога. Лента щебнистой глины меж скальным обрывом, прячущим гребень в тучах, и вторым обрывом, топящим подножие в вязком тумане — дыхании невидимой гремучей реки.

Привстав в стременах, витязь оглянулся на цепочку поместных конников, растянувшуюся до самого ущельного выгиба — очень уже неблизкого, занавешенного дымкой водяной пыли. Людские кольчуги и кольчужные попоны коней блестели оседающей влагой; багряные флажки по-походному взятых «на-лямку» пик вырудели от сырости, неуклюже трепыхались на сонном ветру... будто повязки, отмокающие с гнилых застарелых ран... или как клочья по живому надодранной... Ладно. Ратничьи кони ступают по этой полутропе-полуосыпи спокойно и твёрдо; изо всех людей, отданных под твое начало, опасней других приходится пока самому же тебе — и ладно. А что сравнения, невольно на ум приходящие, суть образы недальнего будущего... Ну и что — сравнения? Походов без ран не бывает; на смертные ранения никто не кладёт повязок. Вот так. А о втором — забыть.

Ополченческий старшина, державшийся следом, оглядку витязя расценил превратно (сам-то он и не думал тре-

вожиться за своих ломаных-тёртых мужиков, которые в Припустошье даже не как дома, а просто — дома).

— Да я, ваша доблесть, говорю: почёсывает кой-кто языком, будто нынешние дела завариваются не в первый раз, — повторил он громче, напрочь теперь забивая утробным басом речной шум, ущельное эхо и конский топот, похожий на шум тяжёлого медленного дождя.

Витязь снова обернулся, теперь уже чтобы смерить озадаченным взглядом этого коренастого крепыша. Взгляд получился долговатым: там было что мерить.

— Ты о чем?

Его доблесть наконец отвернулся. И не только потому, что встревоженный непривычной всадничѐской позой жеребчик заприплясывал, кося и почти останавливаясь. Не успокой его витязь — кувыркнулись бы оба в провал, но это во-вторых. А во-первых — смоляное чернение старшинского нагрудника. Оно местами поcходило на нет, и в местах этих проступили ярко-рыжие кляксы ржавчины, похожие на...

Эх, сиволапые! Где бы ни жили они, чему их ни научи, а мужичья натура все равно выпрет сквозь любую науку. Небось какую-нибудь там соху, которой цена — дрянь дрянная, блюдёт да обиходит, потому как *своя*. А вооруженье ему тьху — даром что исправность лат на вес жизни мерится, даром что Высокий Дом припустошных ополченцев снаряжает не многим хуже, чем собственных телохранителей... Но о казённом нехай казна и печалится. Нынешнее прохудится — другое дадут. Даром. Так и неча попусту тратить силы да время, для хозяйства надобные.

В исконности глупой земледельческой жадности витязь убеждал сам себя так старательно и многословно (верней, многомысленно) лишь затем, чтоб на ум не прорвалось сходство подтёков на старшинском нагруднике с... сравнения, невольно приходящие, суть... к бесам!

А старшина тем временем гудел ему в спину:

— ...Дней так это с двадцать тому. Дряхлый, грязнее грязи, но уж краснобайствовал — заслушивались. Будто по книге чесал, да слова все больше у него длинные, непонятные — видать, страшно умный.

— Так он дервиш, что ли, был, тот прохожий? — спросил витязь рассеянно (просто так спросил, лишь бы не молчать).

Позади лязгнуло: небось старшина ополченцев дёрнул левым плечом (правое перехлёстнуто копейной лямкой, им не подёргаешь). Стало быть, по крайней мере левый наплечник у этого говоруна еле держится. Сиволапые, бесам их на обед...

А говорун все говорил, говорил...

— Ну да, я ведь так и сказал же: кочевник святой. Мужики вечером на околице собрались про жизнь посудачить, он подсел... Конишке-то окороту не забывайте давать, ваш-доблесть... Эх, проёрзал я — было б мне первым на тропу, а так и до беды не... Охрани, Всеединый... Так вот, подсел он — дервиш — и давай учить... Мол, новые Листы нашлись: Девятый и Одиннадцатый. И, дескать, до нас в ойкумене какие-то прапрапрадревние жили, и мы от них свой род тащим. А до них ещё были более древние люди, и до тех тоже. И всякий раз, как те всякие прадревние люди чересчур умны да умелы делались, Всесотворивший решал их извести. Прошлых невидимым жаром с неба спалил, запрошлых топил потопом... Вот так, так его, глупого,— не давайте дураку своеволить... Но будто бы всякий раз Всеединый людей недовымаривал, и всё снова...

— Глупости,— буркнул витязь сквозь зубы.

Старшина смолк на миг, потом сказал новым, как-то поосторожневшим голосом:

— Вы, ваш доблесть, полегче бы. Этак дервишеские речи называть еретично...

— Это ты с дервишем твоим оба еретики!

Его доблесть не выдержал, вновь оглянулся. Как он и ждал, ополченческий начальник вздёрнул брови под самый оковыш железной шапки и обалдело разинул рот (курчавая с проседью борода отвисла чуть не ниже зерцала).

— Почему это мы?..— высипелось наконец у старшины.

— А потому. Подумай, чего ты мне набуровил и кем получается с твоих слов Всеединый. Ни управить собственным же сотворением не может, ни хоть извести его в корень... По-твоему выходит, будто не его это сотворение, а кого-то сильнейшего. Так кто же тогда получается всесотворившим и кто здесь еретик?

Продолжать выворачивать шею в ожидании ответа витязь, естественно, не стал. Он, кстати, вообще сомневался, что этот самый ответ последует. И ошибся.

Некоторое (правда, изрядноватое таки) время спустя за витязной спиною перестали напряжённо сопеть и выговорили:

— Ну, дервиш-то еретиком никак быть не может. Это, верно, я чего-то недоуразумел. Больно уж много он наговорил нам тогда всяких непривычностей.

— Что ж за непривычности такие? — сквозь зубы осведомился его доблесть, сосредоточенно управляясь с опять засвоевольничавшим конем.

— Да разные. Будто, к примеру, прапрадревние люди умели сами для своих построечных нужд делать камень, скреплённый путряным железным плетением... Или что где-то в Последней Дебри есть тайник, и в том тайнике с забытых времен упрятан всепобедительный меч — якобы из серебра, но рубит-колет лучше стальных... И якобы чуть ли не своей волей... А имя тому мечу — Итог, и якобы он...

Изложение непривычностей оборвалось на полуслове.

Потому что впереди по морщинистой, подернутой шерстью вьюнка шкуре обрыва стек на тропу трескучий щебневой ручеек.

Витязь стал плавно выбирать поводья; жеребец всхрапнул, подосел на задние ноги; и копытный ропот позади вдруг тоже плавно осел, почти утонул в рокоте сварливой горной реки. Его доблесть и не глядя знал: ополченческий голова поднялся в стременах, вскинул левую руку с растопыренной пятернёй; и конная вереница уже почти остановилась (впечатляющая быстрота да умелость как для такой тропы — вот тебе и сиволапые!); и десятники, тоже привстав, тоже вскинув руки, безотрывно следят за старшиной, а остальные следят за десятниками, примериваясь разворачивать коней, если растопыренные пальцы сожмутся... А старшина — тот наверняка безнадёжно пытается хоть что-нибудь высмотреть в прилёгших на скальный гребень бурых ненастных космах.

Один из дозорных, утром высланных вдоль по ущелью, почти сразу же возвратился сообщить: дорога свободна. Больше вестей от них не было, но означать это могло что угодно. Например, что вестей действительно больше нет. Или что больше нет никого из дозорных.

Мгновения цедились натужно и бесконечно, как брань сквозь зубы. А потом сверху упал, раскололся глухим от-

сырелым эхом короткий свист, и витязь спиной почувствовал, как всё обмякло, расслабилось там, на тропе.

Только теперь он разрешил себе взгляд через плечо.

Старшина уже не смотрел вверх. А может, он и вообще туда не смотрел. Может, все эти мгновения, беременные рушащейся из поднебесья гибелью, он так и не отрывал закаменелого взгляда от витой серебряной рукояти витязного меча. Вернее, от улёгшейся на нее витязевой ладони.

— Всё, — буркнул старшина, перехватив оглядку его доблести. — Раз свистят, а не кричат по-зверьи, значит, себя выдать не боятся. Значит, точно разведали: врага в слышимой близи нет.

— Значит, — согласился витязь, трогая каблуками бока нервничающего коня.

* * *

Тропа начала сламываться под уклон — сперва исподволь, затем всё опасней, всё круче... И вдруг выплеснулась на широкий каменистый луг, с одной стороны охваченный плотным туманом над извивом речного русла, с другой — крутым выгибом далеко отпрянувших скал. А лишённое опоры небо провисло отсырелой медвежьей шкурой, всей тяжестью своей навалилось на... на... С первого мимолётного взгляда его доблесть принял это за выветренный скальный останец и, только услыхав за спиной облегченное «Уф-ф-ф, добрались-таки!», понял: деревня.

Плотный частокол на обложенном диким камнем валу. И ни шевеления вблизи, ни дымка, ни звука из-за ощеренной в небо челюсти островерхих бревен... Так бывает в здешних деревнях?

Несмотря на «уф-ф-ф» старшины, расслабляться ни он сам, ни его ополченцы не собирались. Дорвавшиеся до хоть такого непросторного простора кони с первых же шагов по лугу без понуканий срывались на машистую рысь; походная вереница расплёскивалась волчьим загоном, целясь крыльями в охват частокола; далеко слева ссыпáлись из поросших кустарником отрогов и тоже тянулись в цепь пешие лучники, дорогою сквозь ущелье заслонявшие всадников от возможного нападения с гребня...

Взъехав на пригорок близ места впадения дороги-тропы в луг, витязь придержал жеребца, намереваясь миг-

другой полюбоваться ополченческой, чуть картинной сноровкой.

Но любование не удалось.

Помешал старшина.

Косясь на своих верховых (поди, выценивал не опоздать к тому мигу, когда всаднический полумесяц, доразвернувшись, рванется к частоколу), он надвинулся на витязя сзади-справа; остановился по-недоброму вплотную — дёргая из ножен хоть меч, хоть кинжал, его доблесть или бы локтем в старшинский панцирный бок уперся, или бы принужден был откачнуться на шаг-другой, теряя драгоценные доли мига...

Да, не по-доброму встал около витязя голова ополченцев. И вопрос его тоже не показался добрым:

— А вы, ваша доблесть... за дерзость извиняйте, конечно... вы не через край ли беспечны? Шишак до сей поры не надели, щит вам даже расчехлить лень... — В голосе его, вроде бы безразличном, шустрой змейкой скользнула напряжённая вкрадчивость. — Витязную лихость этак вот кажете? Или... Прямо будто знаете, как кому там, впереди, придётся...

— Что ж, может, и знаю. — Седоватые усы витязя скривились в мимолётной мрачной усмешке. — А ты, чем беседы затевать, войско бы свое удалое попридержал пока. Разведку вышли. Но только непременно шли одного. И пешего. И не из стрелков — чтобы без дальнодействующего оружия, слышишь?

Он перехватил старшинский настороженный прищур и проворчал досадливо:

— Сам подумай. Вспомни, с кем мы нынче воевать собрались.

Миг-другой старшина мучительно хмурился: наверное, думал и вспоминал. Потом сунул в рот замысловато сложенные пальцы, длинно вдохнул, распирая воздухом и без того почти до уродливости выпуклую грудь, — аж кольчуга заскрипела, грозя рассесться. Свист, вопреки этакой подготовке, оказался на удивление тихим, почти неразличимым для слуха (даже витязный жеребец не шарахнулся, а только припал на передние да головой дёрнул, будто хлопнуло его что-то между ушей). Но качнувшаяся уже вперёд пешая цепь мгновенно замерла, а один из конных развернул коня и намётом погнал назад.

Пока старшина торопливо втолковывал подскакавшему давешние витязные советы, сам витязь ни малейшей попытки не сделал как-нибудь к своей пользе изменить неприятно плотную близость с поместным воеводой. Наверное, поэтому, когда посыльный умчался передавать выслушанное, ополченческий голова стал вдруг чуть ли не ласков. Впрочем, это лишь голос его мёдом-сахаром засочился. А вот слова...

— Я, доблестный витязь, не знаю, кто ты... Может, ты и впрямь доблестный. Но только, прощенья прошу, наверняка не витязь.

Несколько мгновений прошло в молчании. Только дальний гуд изождавшейся дела рати, только недодавленный туманом рёв балующейся камнями реки — и всё.

Старшина растерянно обмякал. Он-то был уверен в ответе, причём мгновенном и не словами... А тут...

Обвинённый будто и не слыхал оскорбительного обвинения, и на оскорбителя своего даже мельком глянуть не снизошёл. Обвинённый безотрывно следил за уменьшающимся в размерах всадником — как тот по крутой дуге обходит волнующуюся от нетерпения конную лаву. Лишь когда уже было опущенные по-боевому пики начали разочарованно вздёргиваться жалами к небу, заподозренный в невитязности витязь наконец разлепил губы.

— Я же тебе показывал фирман Высокого Дома, — то ли нехотя, то ли брезгливо выцедил он.

— Печать-то на фирмане доподлинная... — Старшина вновь напрягся. — И деревенский наш грамотей сказал: писано-де всё красиво, по-правильному. Только... — Мозолистая, чёрная от въевшейся земли мужичья ладонь плотно улеглась на рукоять заткнутого за пояс ножа. — Только грамотей ещё обмолвился, будто писано там: «шлю одного, но лучшего». А лучшего я знаю в лицо. И он — не ты.

Витязь снова скривил в улыбке усы. А голова поместных ратников продолжал, распаляясь:

— Конишка у тебя, на какого настоящий витязь и глянуть поленится. Кольчуга простая, и будто внове тебе (плечами-то всё поводишь, словно от непривычки)... А давеча, когда кременьё сверху потекло... Ты тогда за меч хватанулся, помнишь? Кабы на нас сверху начали камни кидать, меч бы без пользы... Но может, ты за него хватался не от тех, кто был сверху? Может, от тех, которые рядом?!

А посыльный уже осадил коня среди лучников, и уже заскользила по травяной бурости к частоколу крохотная за далью, нет-нет да отблескивающая железом фигурка...

– Ну что ты тужишься, как мышь жеребенком?!

Старшина не сразу понял, ему ли это выцедилось сквозь витязные до хруста сжатые зубы, или стрелку-разведчику, идущему с даже на расстоянии ощутимой опаской.

Но витязь раздражённо-коротко зыркнул через плечо, прирявкнул:

– Говори уж прямо! Думаешь, настоящего я где-нибудь подстерёг по-подлому да обобрал – так?!

– Так! – Поместный воевода задиристо вздернул бороду. – Конь витязный тебе, конечно, не дался; а в фирмане личность посланного не нарисована – вот ты и...

То ли витязь, то ли злоумышленный самозванец какой-то вдруг по-нелепому раскорячился в седле, развернувшись спиной к своему обвинителю. И сказал неожиданно спокойно:

– Сними-ка чехол со щита. С моего, в смысле.

Долю мгновения старшина промешкал. Затем решил, что если это и какая-нибудь злохитрость, он, старшина, всё равно сумеет взять верх.

Решил и неторопливо потянулся к чехольным застёжкам.

Расстёгивание да сдёргивание отсыревшей юфти оказалось делом не очень быстрым, потому что расстёгивал-сдёргивал он левой рукой, не убирая правую от ножа. А когда небыстрое это дело наконец сделалось, старшинская борода вновь отвисла чуть ли не ниже зерцала. Потому что под чехлом оказалось не то, что ожидал бородач увидеть. Лазорево-чёрное поле, а на нём серебряный бобёр – вот что оказалось на витязном каплевидном щите.

И лжесамозванец сказал невесело:

– Что подозревал – то молодец. Сейчас так и надобно. Что же до того, которого ты знаешь в лицо и не без оснований считаешь лучшим... Он исчез. Уже двадцать два дня как сгинул без вести. Сыскные Его Блистательной Недоступности в таких случаях говорят: «При загадочных обстоятельствах». Понял?

– Да ведь ты ж... ведь тебя ж... – Способность дышать к старшине уже возвратилась, а вот дар речи возвращаться пока ещё лишь начинал. – Ведь это как же ж?..

Новая полуулыбка-полусудорога скривила на миг витязево лицо:

— При нынешних обстоятельствах Высокий Дом счёл возможным забыть и мои дерзкие вздохи по его дочери, и неподобающие вздохи его дочери по мне.

Носящий серебряного бобра вздохнул грустно и длинно, словно бы объясняя, какие именно вздохи счел возможным забыть Его Блистательная Недоступность. И заговорил опять:

— Видишь ли, я сам ещё не сумел поверить. Меч трогаю-глажу постоянно, а всё равно боюсь верить, что мой, что опять вместе... А Серебряный не дожил. Ее Светлая Нед... э-эх... Не-до-ступ-ность вымолила его у отца, берегла, ухаживала, а он... всего полгода не дотерпел, не дождался... Ладно! — Витязь распрямился в седле, зашарил взглядом по подножию ощеренного частоколом холма (верно, высматривал бесы знают куда успевшего добраться разведчика). — А с чего ты дорогою вздумал рассказывать о прошлых-запрошлых людях?

— Да так... Подумалось: если прежних Всеединый недопотопил, недовыжег, то, может, и ОН с нами не совладает?..

— Может. — Витязь рассеянно передвинул из-за спины щит, взялся за подвешенный к седлу шишак. — ОН все может. Ты говорить говори, только и смотреть-то не забывай.

Старшина приподнялся в стременах, высмотрел замерший под самой частокольной подошвой крохотный людской силуэт...

— Не туда, — спокойно, чуть ли не сонно даже вымолвил витязь, застегивая подбородочный ремень шишака. — Правее смотри. На реку.

Старшина посмотрел на реку. Как раз вовремя посмотрел, чтоб успеть увидеть: ворочающийся над руслом бурчливый туман словно бы злобным порывом ветра изодрало на стремительные летучие клочья, и клочья эти, стелясь над самой травой, увеличиваясь, набирая очертаний, чёткости, плоти, раскинулись волчьим загоном в охват конной топчущейся на месте лавы.

Выругавшись длинно и грязно, ополченческий голова швырнул коня с места в карьер — туда, к то ли растерявшимся, то ли всё ещё не замечающим своей смерти ратникам.

А витязь остался стоять на облюбованном всхолмье. Стоять и смотреть.

Нет, ратники не проморгали опасность и не растерялись.

Конная лава взбурлила, скомкалась, её правое крыло начало тянуться, заламываться и вдруг оторвалось, развернуло себя сперва веером, затем — плотным широким валом, и вал этот стронулся навстречу серым клочковатым теням. Всё быстрей. Всё неудержимее. И уже застонала буротравая шкура земли под тяжким разгоном рвущейся в бой панцирной конницы, и уже сквозь этот стон продавился и пошел в рост слитный свирепый рёв — рёв-предвкушение того мига, когда чья-то плоть кровавым шматьём расхлестается о гранёные наконечники пик, когда не земля закричит под бешеной молотьбою копыт...

А вдогонку первому валу уже разгонялся второй — добивать, довытаптывать всё, что умудрится выжить под пронёсшейся кованой гремучей лавиной...

Но вышло не так.

Головная лава внезапно стала почти беззвучной, потому что резко поубавила ходу. А потом остановилась. А потом попыталась развернуться и разогнаться навстречу второй.

Они сшиблись — в слитном людском и нелюдском вопле, в лязге, в трескучем громе лопающихся древков; и эта ни с чем не сравнимая по ужасной силе своей сшибка латных конных отрядов мгновенно размозжила себя на многое множество схваток, диких, нелепых — будто бы каждый норовил рубиться со всеми, а все с каждым.

Так не бывает, так просто не может быть.

Но так было.

А носитель Серебряного Бобра, глядя на жуткую небывалую быль, вдруг улыбнулся.

Устало, но широко и спокойно.

По-настоящему.

Потом, не гася светлой облегчённой улыбки, перевёл взгляд левее, на бесноватое метанис убивающих друг друга стрелков (каждый против всех, все против каждого).

Потом запрокинул голову, высмотрел едва-едва различимую в тяжких преддождевых космах светлую тень — солнце... Глубоко вдохнул пряную влагу ветра... Ещё раз вдохнул и ещё... длинно, неспешно... будто смакуя... или будто прощаясь...

А потом взялся за привешенные к поясу латные рукавицы, отстегнул их, но не надел — уронил в траву. Словно бы вспугнутый лязгом упавшей стали, жеребец взбрыкнул, заржал визгливо и злобно, вывернул лебединую свою стройную шею, пытаясь достать зубами колено всадника... Короткий хрусткий удар кованым краем щита обрубил визг жалобным вскриком. Витязь соскочил с обмякшего, оседающего наземь коня, вздохнул сожалеюще...

И отвернулся.

И начал неторопливо спускаться с всхолмья, держа куда-то правей истребляющей саму себя конницы.

То ли туманом, то ли Бесовыми Пустошами рождённые твари не вмешивались в людские убийства. Едва различимые над жухлой травой чешуйчатые серые спины мелькали вокруг побоища, не приближаясь к нему; но стоило лишь какому-нибудь ополченцу выпасть из смертного водоворота, и тут же навстречу хлестала тусклая рычащая молния...

Носитель Серебряного Бобра не сбился с прогулочного спокойного шага и не обнажил клинок, даже когда путь ему загородили два оскаленных чуда со сгустками жёлтого пламени вместо глаз. Давясь клокочущим хрипом, твари всё плотнее вжимались в траву, всё круче выгибали спины, готовясь швырнуть себя навстречу приближающемуся человеку... и вдруг шатнулись в стороны, пропуская. Всего скорее, витязь даже не заметил их. Не заметил, потому что безотрывно смотрел на то, чему они его уступили.

Неспешно, уверенно надвигалось на него огромное (не меньше быка) чудовище — тускло-блёсые комья выпученных бельм под гребнистым навесом лба, ощеренная заросль бивнеподобных клыков... морщинистое рыло вспучено толстым изогнутым рогом с каким-то мохнатым грязно-бурым наростом...

Чудовище...

Тварь...

Конь.

И всадник на этом коне. Белые, словно бы заиндевелые латы... Треплимые ветром словно бы заиндевелые волосы... Отрешённое матовое лицо — нелюдски застылое и нелюдски красивое... Настолько красивое, что красоту эту не портят даже рубцы, исполосовавшие щеку. Приметные рубцы — как бы четыре молнии. Одинаковые. В ряд.

Рыкнув, мотнуло головой корчащее из себя коня пустошное чудо, и витязь наконец взялся за меч (вызволенный из темницы ножен воронёный клинок тихо, но грозно зазвенел на ветру). Потому что от рывка уродливой головы растрепались бурые пряди, которыми залип грязный нарост на тварьем рогу.

Нарост...

Старческая отрубленная голова. Косматая, длиннобородая, сморщенная.

И вдруг показалось витязю... может, дёрганье набирающего разбег чудовища было тому виной... Так, иначе ли, а только показалось вдруг витязю, будто из чёрных ям высохших мёртвых глазниц плеснуло мучительной сумасшедшей болью и мучительной сумасшедшей надеждой.

И ещё показалось, будто тусклые отблески воронёного клинка мучительной сумасшедшей надеждой раздробились в стеклянных зрачках всадника, обеими руками которого уже широко размахнулся невиданный серебряно-льдистый меч.

Павел Молитвин

ПЯТНИСТЫЙ ЩАСВИРНУС

— ...Ты когда-нибудь видал Пятнистого или Травоядного Щасвирнуса у нас в Лесу?
— Нет, — сказал Пух, — ни-ко... Нет. Вот Тигру я видел сейчас.
— Он нам ни к чему.
— Да, — сказал Пух, — я и сам так думал.

А. Милн. Винни-Пух и все-все-все

1

Сначала была боль, а потом долгое беспамятство. Сознание вернулось вместе с болью, и я вспомнил, что нахожусь в больнице, куда попал после пожара в подвале, где мы разводили и разваливали по бутылкам сомнительной очистки спирт. Его привозили в двадцатипятилитровых алюминиевых канистрах, и запах стоял такой, что впору закусывать. Сливы в нашем «цеху» постоянно засорялись, водка хлюпала под ногами, так что работали в резиновых сапогах, и никому, естественно, не приходило в голову закурить в помещении. А тем паче бросить окурок на пол.

Но рано или поздно незаряженное ружье выстрелит. И вчера — а может, уже позавчера? — тряпье, валявшееся в сенях нашего предприятия, вспыхнуло. Водка горит плохо, и если занялась ясным пламенем, то исключительно потому, что клиент наш, который всегда прав, получал градусы «с походом». Мы с Мишаней тоже получили свое. Остальные отделались легким испугом.

Мне стало совсем плохо, и я решил, что непременно сдохну. Если не от ожогов, то от боли. Но потом в больницу прорвалась моя вторая половина, и я получил укол, от которого мне резко захорошело. Боль ушла, и я попал в преддверие рая.

Из вереницы дивных картин запомнился залитый солнцем сад с множеством фонтанов, разбитый неподалеку от дворца, похожего на Тадж-Махал. В благоухающем цветами саду резвилась дюжина миловидных дев: они раз-

влекали меня умным и приятным разговором, потчевали фруктами из роскошных ваз, стоящих на низких столиках, а потом потащили в ближайший бассейн, посредине которого стояла мраморная наяда, обнимавшая морского коня. И еще снились мне бронзовые статуи, которые пели сладостными голосами, и текучий металл их тел был не менее соблазнителен, чем бархатистая кожа окружавших меня дев...

Очнувшись, я обнаружил, что кровать моя стоит в ряду других в коридоре, припаркованная головой к стене, и из окон на страждущих льется серый свет зимнего петербургского дня. Вместе с проснувшейся болью в памяти всплыли обрывки разговоров о том, что мест в палатах нет и меня надобно отправить в ожоговый центр. Голоса врачей и сестер мозг не зафиксировал, зато четко запечатлел резкий и требовательный голос жены. Мы с ней не очень-то ладим, но, поскольку это длится уже более двадцати лет, знакомые считают нас идеальными супругами, живущими душа в душу. Полагаю, Ирина охотно разменяла бы меня на двух двадцатидвухлетних парней, точно так же, как я ее — на двух двадцатилетних девиц, но подобного обмена нам никто не предлагает. И потому мы продолжаем осложнять жизнь друг другу. На этот раз, впрочем, она осложняла жизнь персоналу больницы, сообразив, что я — «какой ни есть, а все ж родня» — еще пригожусь ей. Меня, как старую крысу в «Маленьком принце», можно время от времени приговаривать к смертной казни, но в последний момент ее следует отменять. Ведь крыса на планете имеется в единственном экземпляре и ее надо беречь.

Сравнение со старой крысой не было обидным. Из всех приходивших мне в голову оно казалось наиболее точным. Докатиться до должности разливальщика паленой водки — куда уж дальше? Дальше — только по стопам Анны Карениной. А ведь как все славно начиналось... Помните, в годы оны было у всех на слуху имя Нади Рушевой? Гениальная девочка, умершая от порока сердца в шестнадцать или восемнадцать лет. И мальчик, о нем еще Лев Кассиль повесть написал «Ранний рассвет». Тоже блестяще рисовавший и умерший, не успев стать мужчиной... Интересно, как бы сложилась судьба этих юных дарований, если бы милосердный Господь своевременно не призвал их в райские кущи?

Моя вот не сложилась, хотя я успешно окончил живописный факультет Института имени Репина, бывшую Императорскую Академию художеств. Ту, что за сфинксами, — внушительное такое здание, созданное по проекту Жана Батиста Валлена-Деламота. А теперь вот разливаю паленку. То есть разливал. Пока не оказался обгоревшим и забинтованным до глаз в этой юдоли скорби. Где для обросшего щетиной, провонявшего водкой мужика все же нашлось место в коридоре. За что надо мою драгоценную супружницу благодарить.

Как тут не вспомнить Печорина: «Пробегаю в памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? Для какой цели родился?.. А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные...» Точнее, чувствовал. Теперь же чувствую я только боль. Равную той, что пожирала Геракла, когда он пытался содрать с себя отравленный плащ, посланный ему любящей супругой. Деянирой, кажется...

Доведенный немыслимой болью до отчаяния, могучий Геракл приказал сложить погребальный костер и сам взошел на него. Для меня костров складывать некому, и я пожалел, что не сгорел в нашем славном подвальчике. Как там было написано на воротах Бухенвальда? «Каждому свое»? Или «Большому кораблю — большая торпеда»? Везет же некоторым — косят счастливчиков сердечные приступы, инсульты, инфаркты, гипертонические кризы и прочие прелестные недуги. Но их, надо думать, Господь приберегает для любимчиков. Тех, кто ему не столь дорог, он избавляет от земной суеты и маяты посредством рака, диабета, туберкулеза, трамвая, грузовика, автобуса или ветхого балкона. А мне вот даже сгореть на работе не дал. Ну что ему стоило прекратить мою неуклюжую, незадавшуюся жизнь? И где, хотел бы я знать, носит врачей, которые должны облегчать наши страдания? До чего же больно и гадко, когда все тело горит и чешется, чешется и горит, пылает так, что самое время в голос завыть...

Эта мука длилась несколько веков, а потом стало легче, и, с трудом повернув голову, я понял, что страдания мои облегчил не врач, а лежащий рядом больной. Наши кровати ради экономии места были сдвинуты, и он положил

свою ладонь на мои выглядывавшие из-под бинтов пальцы. Чувствуя, как посланная им освежающая волна силы распространяется по телу, гася пламя и смывая боль, я хотел поблагодарить его, но не смог разлепить запекшиеся губы.

— Не стоит благодарности, — остановил меня незнакомец. — Сегодня суббота, медкоманда играет в меньшинстве и до нас еще не добралась.

Черт возьми! Мне, как всегда, не везет! Если отключают воду, ломается газовая колонка, засоряется раковина или начинает течь унитаз — это происходит обязательно с пятницы на субботу, когда сантехника днем с огнем не сыщешь. И драгоценная супруга моя, работающая сутки через двое, тоже сегодня не появится.

А может, и хорошо, что не появится. Излучаемая незнакомцем энергия почти погасила боль, тело стало невесомым, и даже льющийся из окон свет сделался как будто ярче.

— Как вам это удается? — спросил я, разлепив наконец непослушные губы и максимально вывернув голову, чтобы видеть соседа справа. — Да что это с вами?!

У незнакомца были странные, словно деформированные черты лица, но это бы еще полбеды. А вот то, что оно было бледно-лиловым да к тому же покрыто темно-фиолетовыми пятнами, поразило меня до глубины души.

— Стало быть, заметили, — изрек он, и я с изумлением понял, что его темные, почти черные губы не шевелятся, а голос звучит у меня в мозгу. — Это из-за лекарств. Остальные не видят во мне ничего странного. Да вы не трудитесь говорить, можете формулировать вопросы в мозгу, я услышу и пойму.

— Ни фига себе! Это покруче зелененьких человечков! И гурий в райском саду... Вы, я так понимаю, пришелец?

— Вас что, цвет моей кожи смутил? Уж не шовинист ли вы, батенька? — поинтересовался незнакомец, причем лицо его оставалось совершенно неподвижным. Живыми были только фиалковые глаза, которые мерцали, как драгоценные камни, когда их поворачиваешь под лампой. — Почему вас не удивляет, например, существование людей с желтой, красной и черной кожей? Это, знаете ли, всего лишь вопрос привычки.

— Почему же не удивляет? — мысленно — потому что говорить мне было трудно — обиделся я. — Еще как удивляет. Будучи помоложе, я не раз спрашивал биологов, врачей, химиков и прочую ученую братию, как получилось, что на Земле существуют люди с разным цветом кожи. И каждый втюхивал мне что-то несообразное. То есть наукообразное по форме и неудобоваримое по сути.

— Вот как? — заинтересовался мой лиловолицый собеседник. — Они что, сами не знали или объяснить не умели?

— Понятия не имею. Ландау говорил, кто хорошо знает физику, может даже ребенку растолковать, что такое закон относительности. А кто знает плохо... Те идут в учителя. Но это уже не Ландау, это из местного фольклора. Неучи придумали, чтобы свои грехи свалить на преподавателей. Вас как зовут? Меня Юрием. Бывает — Владимировичем.

— Можете звать меня Щасвирнусом. Раз уж вы о нем, глядя на мое лицо, вспомнили. Это не важно. А как вы разный цвет кожи у людей объясняете?

— Никак. По одной версии, это связано с питанием — например, когда скандинавы питались рыбой, у них были светлые волосы. А может, климатическими условиями — негры вот жили в Африке...

— И загорели? А ведь по логике вещей у них кожа должна быть приспособлена для отражения солнечных лучей, чтобы тела не перегревались. И белые волосы предохраняли мозги от закипания.

— А вы-то сами знаете, почему негры черные, а китайцы желтые?

— Знаю, — протелепатировал Щасвирнус. — Сперва все обитатели Земли были одноцветными. Согласитесь, Юрий, гипотеза о том, что четыре группы обезьян на разных материках превратились в белых, желтых, красных и черных людей, не выдерживает никакой критики. И другие общепринятые теории — тоже.

— Согласен, — радостно подумал я. Давненько не доводилось мне вести такой приятной беседы, даром что собеседником моим был пятнистый Щасвирнус.

— Развивалась цивилизация одноцветных людей, по здешним меркам, успешно. Вступив в атомную эру, они ухитрились не уничтожить друг друга, а создать фотонные звездолеты и посетить на них все планеты Солнечной системы.

А потом отправили несколько экспедиций к ближайшим звездам, и тут произошла катастрофа. Слыхали про Атлантиду?

— Слыхал, но...

— «...Когда пришел срок для невиданных землетрясений и наводнений, за одни ужасные сутки... Атлантида исчезла, погрузившись в пучину», — процитировал Щасвирнус. — Платон, «Тимей».

— Кажется, именно по поводу платоновской Атлантиды Аристотель изрек свое сакраментальное: «Платон мне друг, но истина дороже»?

— Что сказал Аристотель, к делу не относится. Факт тот, что катастрофа имела место и была зафиксирована уцелевшими на разных материках людьми. Сохранилось, например, три кодекса майя, находящимся в мадридской библиотеке, и в одном из них есть описание катастрофы, уничтожившей Атлантиду: «Шестого года К'ан, в одиннадцатый день Мулук месяца Сан, начались ужасные землетрясения... В результате их жертвой стала страна Му... Она исчезла в течение одной ночи... Земля расступилась, и десять стран, разорвавшись на части, были уничтожены. Они погибли вместе с населением, насчитывающим шестьдесят четыре миллиона человек за восемь тысяч шестьдесят лет до написания этой книги».

У индейцев племени навахо существует легенда о том, что «с неба спустился Бог в виде огненного столба и, уничтожая все вокруг, с оглушительным грохотом скрылся под землю». Европейские и азиатские свидетельства о потопе я, с вашего позволения, цитировать не буду. Если вы знаете про Платона и Аристотеля...

— Знаю, — промыслил я. — А из-за чего, по вашему мнению, эта катастрофа произошла?

— Версий существует множество, но это не имеет отношения к нашему разговору. Ничуть не хуже других выглядит, к примеру, теория американского исследователя Отто Мака, работавшего с календарями майя, обнаруженными в храме Солнца в Паленке. Он уверен, что катастрофа произошла в момент тройного затмения Солнца, Луны и Венеры, которое привело к захвату астероида, проходившего рядом с Солнцем. Под влиянием массы Венеры астероид сменил курс и столкнулся с Землей. По мнению Мака, именно

это столкновение послужило причиной гибели Атлантиды и отбросило существовавшую некогда цивилизацию на тысячелетия назад.

Согласно календарю майя, катастрофа произошла в 11 653 году до рождения Христа. По египетскому и ассирийским календарям это случилось в 11 542 году. Некоторые ученые считают эти две даты: 11 653 и 11 542 — началом и завершением эпохи катастроф.

— Ну, допустим. А как эта катастрофа связана с появлением на Земле людей с разным цветом кожи?

— Как раз к этому я и перехожу, — протелепатировал Щасвирнус. — После катастрофы уцелевшие люди продолжали жить-выживать, и тут на Землю стали одна за другой возвращаться экспедиции атлантов, посланных некогда к ближайшим звездным системам. Не получая весточек из метрополии, потомки колонистов послали экспедиции, чтобы разузнать, что случилось с альма-матер, и напомнить о своем бедственном положении. Дела в колониях, без поддержки матери-Земли, шли не слишком-то хорошо.

— Ага, — глубокомысленно пробормотал я, поняв, что выразительно промыслить это мне не удастся.

— Добравшись до Земли, экспедиционеры убедились, что катастрофа чудовищным образом изменила планету и свои проблемы колониям атлантов придется решать самим. Хуже того, они не только не обрели здесь помощи, но и лишились возможности вернуться — старые фотонные звездолеты их предков, кое-как подлатанные, дотянули до Земли, но не в состоянии были совершить еще один перелет. Им оставалось смириться со своей участью и попытаться начать на Земле новую жизнь. Наверно, вам приходилось читать о неизвестно откуда появившихся цивилизаторах, деятельности которых посвящены многие легенды древнего мира? Мифы о них существуют почти у всех народов Земли. Например, героем множества китайских мифов является «Желтый император» — Хуанди, который считается родоначальником китайской нации. Легенды утверждают, что Хуанди — кстати, титул императора был Сын Неба — спустился с небес на землю в странной колеснице, удивительно напоминавшей летательный аппарат. Вместе с ним прибыли слуги и было привезено множество удивительных и малопонятных механизмов. Хуанди и его спут-

ники обучали людей всевозможным наукам и искусствам и выступали с той же просветительской программой, что и Прометей.

В Центральной Америке просветительскую миссию осуществлял Кецалькоатль — Пернатый Змей, в Андах — Виракоча и его товарищи. Причем не везде вернувшиеся со звезд атланты выступали единым фронтом, сея разумное, доброе, вечное. Мексиканские легенды повествуют, что конец просвещенному и великодушному правлению Пернатого Змея положил злобный бог Тескатилпока — Дымящееся Зеркало, требовавший приносить людей в жертву. В глобальном сражении между силами света и тьмы, произошедшем в Толлане, Тескатилпока, чьи сторонники были вооружены ксиукоатлями — «огненными змеями», способными испускать лучи, пронзавшие и расчленявшие тела, победил Кецалькоатля, вынудив того бежать с материка. Вслед за этим, под влиянием ужасного культа Тескатилпока, в Центральной Америке снова были введены человеческие жертвоприношения, которые Пернатый Змей повсеместно заменил приношением фруктов и цветов...

Сражения между вернувшимися на Землю атлантами продолжались и на территории нынешней Индии. В «Бхагавате Пуране» и «Махабхарате» неоднократно упоминаются летающие повозки, небесные колесницы, просторные летающие машины и даже воздушные города. Равно как и оружие страшной разрушительной силы, следы которого археологи обнаружили в древнем городе Мохенджо-Даро. На камнях его сохранились следы быстрого оплавления, пожаров и исключительно мощного взрыва. По многим признакам Мохенджо-Даро напоминает Хиросиму и Нагасаки после атомных взрывов...

Зачарованный звучащим в моей голове голосом, я забыл о том, что нахожусь в больнице, забыл о странном облике моего лиловолицего собеседника, а он между тем продолжал:

— Но это так, к слову. Рассказываю я все это для того, чтобы слова мои не показались вам бездоказательным трепом. Вернувшиеся из разных звездных систем атланты начали обустраивать свою жизнь в различных уголках Земли, но у них была одна общая проблема: среди них почти не было женщин. Естественно, им пришлось брать в жены

местных дев, о чем у разбросанных по всему миру, одичавших после катастрофы атлантов остались соответствующие легенды. Вот что говорится об этом в Ветхом Завете: «Тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их к себе в жены, какую кто избрал... сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рожать им. Это были сильные, издревле славные люди».

Описания того, как боги берут в супруги женщин Земли, сохранились в легендах и мифах едва ли не всех народов. У кельтов, индусов, китайцев и многих других. Вспомним хотя бы греческие мифы, где Зевс, Аполлон, Посейдон и прочие обитатели Олимпа постоянно вступают в связи со смертными.

А теперь я хочу обратить ваше внимание на то, что под воздействием непривычных природных факторов: звездных излучений, микроорганизмов, химических соединений — поколения переселенцев, колонизировавших иные миры, подверглись мутациям, в результате которых потомки их мало походили на своих прародителей. Прежде всего бросалось в глаза то, что они отличались от них цветом кожи. Таким-то вот образом на Земле и появились люди с желтой, красной и черной кожей. Возвращались на Землю, разумеется, и другие атланты, например зеленокожие, но они оказались хуже приспособлены к здешним условиям либо обстоятельства не благоприятствовали им, и память о них навсегда канула в Лету.

— Лихо! — мысленно восхитился я. — И все же похоже на сказку.

— Так оно и должно быть. Дюжина с лишним тысяч лет — не шутка, — протелепатировал лиловолицый.

По коридору проходили больные, сестры катили тележки, накрытые белыми тряпицами, электрик протащил заляпанную белилами стремянку, но все это я видел словно сквозь туман. Зато явственно вставала перед моими глазами картина Бакста «Древний ужас», на которой художник в начале двадцатого века запечатлел свое видение гибнущей Атлантиды. Не всякий посетитель Русского музея обращал на нее внимание — она повешена в сумрачном закуте, перед служебной лестницей, но впечатление производит неизгладимое...

— Так оно и должно быть,— повторил мой странный собеседник. — Гибель или, по крайней мере, резкий откат человеческой цивилизации происходил, по мнению ряда ученых, неоднократно, и легенды о них накладывались друг на друга, искажая картину. Американская исследовательница Мюрай Хоуп, например, полагает, что это происходило дважды. Первая катастрофа была связана с разделением прамaтерика Лемурии, или Мю, на два континента, а вторая вызвала гибель Атлантиды.

В середине прошлого века американский исследователь Чурчвард предпринял тщательное исследование ряда символов, религиозных представлений, архитектурных сооружений и изображений на глиняных пластинах, после чего написал книги: «Потерянный континент Мю» и «Дети континента Мю». По его мнению, на Земле некогда существовала цивилизация, условно названная им Мю. Многие совпадения в мифах, искусстве, религиозных доктринах у разных народов мира объясняются их общим истоком — великой некогда цивилизацией.

Чурчвард писал, что она существовала пятьдесят тысяч лет назад. Срок впечатляет, ведь человек современного вида, или Homo sapiens, возник несколько позже, сорок — тридцать шесть тысяч лет назад. Значит, за десяток тысяч лет до кроманьонцев на Земле существовала высокоразвитая цивилизация, которая обладала значительными знаниями о строении Галактики, атомном ядре, структуре ДНК и многом другом...

2

Перевязка, кормление с ложечки и пользование уткой утомили меня так, что после укола я провалился в сон, как в черную дыру, и не видел ни гурий у журчащих фонтанов, ни цветущих садов, ни поющих скульптур. Очнулся я от саднящей, изматывающей боли, когда день за окнами умер, а электрический свет в коридоре был тусклым и блеклым, как в покойницкой. Кроме того, у меня кружилась голова от сознания того, что лежу я на крутящейся Земле, которая к тому же вращается вокруг Солнца, а вся Солнечная система летит с невообразимой скоростью в звездную бездну.

И мерзко было думать, что на крохотной этой планете, подверженной всем превратностям судьбы, вечно сводят счеты, собачатся, обманывают друг друга, предают и убивают микроскопические человеки, тщась оттяпать у ближнего своего толику иллюзорного и столь же мизерного счастья...

— По словам Ванги, личность после смерти сохраняется. Хотя болгарская прорицательница отказалась объяснить, что значат ее слова, они все же могут служить некоторым утешением, — произнес в моей голове голос лиловолицего. — Нам скоро предстоит расстаться, но я надеюсь, встреча наша не пройдет для вас бесследно. На свете множество тайн, чудес и загадок, разбираться в которых значительно интереснее, чем клеить красочные ярлыки на бутылки с паленой водкой, увеличивая тем самым энтропию вселенной.

— Чего?! Что ты лепишь? — вскинулся я от неожиданности, и меня ослепила и оглушила очередная волна боли.

— Тихо, тихо. Сейчас вам станет легче. — Прохладная ладонь лиловолицего накрыла мои торчащие из бинтов пальцы, и мне действительно стало легче. — Определение энтропии с позиций физики не поможет нам понять друг друга. Сойдемся на том, что энтропию принято противопоставлять порядку, хотя она может выступать и в виде сверхупорядочивания. Это происходит, когда рост организационных структур, например управленческого аппарата, приводит не к упорядочиванию, а, наоборот, к хаосу и невозможности быстро и грамотно принять единственно верное решение. Связано это с тем, что принятие адекватного ситуации решения может зависеть от сотен, а то и тысяч людей, имеющих свой субъективный взгляд на проблему. Развитие цивилизации, идущей по технократическому пути, неизбежно влечет за собой усложнение ее структур и образование новых уровней, зачастую дублирующих друг друга. А ведь любая организация, доведенная до логического конца, приводит к абсурду в действиях и, стало быть, к хаосу.

— Не понимаю.

— У вас еще будет время разобраться в этом, если придет охота. А говорю я это все к тому, что, наращивая информационные ресурсы, упорядочивая связи и включая

в этот процесс все большее и большее число людей, человечество тем самым плодит хаос, увеличивая долю энтропии. Неизбежный при этом рост внутренних противоречий усиливает нестабильность общества и ведет в конце концов к его саморазрушению. Таким образом, можно прийти к выводу, что техногенная цивилизация обречена и если ее не погубит природный катаклизм, то это сделает техногенная катастрофа или их череда.

— Веселая перспектива! — пробормотал я, забыв, что могу передавать свои мысли собеседнику без помощи звуков.

— Перспектива невеселая, но она есть. А жить с перспективой, какой бы она ни была, значительно интереснее, чем не видя ее, забывая о вечном в повседневной суете, — сообщил лиловолицый, явно намекая на мое прозябание в пресловутом подвале.

— Неужели любая цивилизация обречена и несет в себе зародыш собственной гибели?

— Пессимист сказал бы, что да, обречена, поскольку все, что некогда родилось, обречено погибнуть. Но, будучи оптимистом, отвечу, что нет, помимо исчезновения возможен переход в другое качество. Альтернативы этому не существует, ведь тот путь накопления знаний, которым идет человечество, является тупиковым. Уже сейчас ясно, что человек, даже если бы он жил вдвое дольше, был бы в состоянии усвоить лишь малую крупицу собранной человечеством информации. То есть он и впрямь превратился в винтик огромного механизма, и обезличивание отдельных особей со временем будет продолжаться и усиливаться. Наращивание знаний и таких внешних показателей культуры, как симфонии, книги, картины, скульптуры становится бессмысленным накоплением, если отдельный индивид лишается не только желания, но и возможности воспользоваться ими в должном объеме.

— Где же выход?

— Миф о грехопадении Адама и Евы в той или иной форме имеется у всех народов Земли и свидетельствует о том, что еще на заре времен неким провидцам стало ясно — человечество пошло по тупиковому пути развития. Рассуждая о развитии духа, они говорили не только о духовности в морально-этическом или религиозном понимании, но и о возможности людей получать информацию из тех инфор-

мационных полей, которые пронизывают мироздание. Природа не скупа, она экономна и все же наделила человека колоссальными способностями. Люди используют примерно девять процентов головного мозга и не более шестидесяти процентов физических возможностей. Это колоссальный запас, о чем свидетельствуют единичные случаи, когда мозг человека под воздействием каких-то внешних факторов начинал работать с бо́льшим КПД. Примеров тому тьма: это, прежде всего, предсказатели — вспомните упомянутую мной Вангу, — телепаты, телекинетики, врачи-экстрасенсы, люди, обретшие способность левитировать и... — Голос в моем мозгу умолк, и я услышал, как заскрипела пружинная кровать под моим собеседником.

— В чем дело?

— Переход к другому способу получения знаний об окружающем мире неизбежен, если человечество хочет выжить. Лучше поздно, чем никогда. А теперь, позвольте, я положу руку на ваш лоб. За мной идут, и, чтобы я мог вернуться и стать настоящим Щасвирнусом, мне понадобится ваша помощь.

— Кто идет, зачем?

— Сейчас меня будут убивать, но, если вы мне поможете, я вернусь. Не сюда и не сейчас, но... Вы готовы мне помочь?

— Готов. Хотя я могу только веками шевелить. Ну разве что еще заорать благим матом. — Я сразу поверил ему, затопленный валом обрушившихся на меня чувств: отчаяния, ужаса, надежды, которые невозможно было передать словами — только телепатировать.

— Ни слова, ни звука, иначе тут начнется настоящая бойня. Постарайтесь ни о чем не думать. Или нет, представьте, что ваша голова — ларец, наполненный драгоценными камнями, в котором еще достаточно места для одной маленькой побрякушки.

Ладонь лиловолицего легла мне на лоб, и я даже сквозь бинты ощутил ее прохладу и тяжесть. Потом представил короб, заполненный искрящимися каменьями, и меня ослепила яростная вспышка света.

— Ну, вот и все. А теперь лежите тихо и не издавайте ни звука, что бы ни произошло. Закройте глаза, блеск их может привлечь внимание, и тогда мы пропадем оба.

Щасвирнус убрал руку с моего лба, и я закрыл глаза, теряясь в догадках, действительно ли это со мной происходит, или сестра всадила мне слишком большую дозу лекарства.

— Если все кончится благополучно, за мной придут. А вы на досуге подумайте о том, что мир полон тайн, загадок и чудес. Жизнь — хорошая штука и транжирить ее, разливая паленку в подвале, — непозволительная роскошь. Вы же художник, вы можете...

Послышался тихий треск, я невольно раскрыл глаза и увидел стремительно удаляющуюся по коридору фигуру. Еще две фигуры в нескладно сидящих белых халатах пронеслись мимо моей кровати, и кто-то отчаянно вскрикнул в дальнем конце коридора.

Превозмогая боль, я приподнялся на локте и увидел, что лицо странно запрокинувшего голову Щасвирнуса стало темно-фиолетовым, а пятна на нем почернели. Пальцы безжизненно свесившейся с кровати руки были скрючены, словно их свела судорога, и, тупо глядя на них, я понял, что он мертв, хотя в одеяле его не было дыр и оно не было залито кровью...

3

Мужики привязали Смеяну к Змиеву дубу, стоящему на вершине Змиева холма, за локти. Не сильно, поскольку жалели предназначенную Огнедышащему Змию девицу, но все же так, чтоб сбежать не могла. Если бы девка сдуру развязалась и пустилась в бега, так и сама бы сгинула в непролазных Гиблых лесах — в селение-то ей путь был заказан, — и родичей своих подвела под Змиев гнев.

Свидетельством того, на что способен разъяренный Змий, был и Змиев дуб, опаленный жаром и превратившийся в страшную черную раскоряку, и Змиев холм, на котором вот уже три десятка лет не росло ни одной травинки. Словно пламя, изрыгаемое летающим гадом, не только сжигало, но и отравляло все вокруг, даже землю лишая плодородной силы на веки вечные.

— Ну, ты... эта... не трухай... Змий тебя сглотит в один присест, ты и не почуешь. Зато весь род от погибели не-

минучей спасешь, — неловко попытались мужики утешить Смеяну и, сутулясь и косолапо переваливаясь с ноги на ногу, не поднимая глаз от земли, гуськом побрели с омертвелого холма.

— Дурень, слышь, пошли отсель! — позвал один из них Дурня, примостившегося у ног Смеяны и вперившего неподвижный взгляд в изгибы Вьюн-реки, берущей начало в Моровых топях, затерянных посредь Гиблых лесов.

— Слышь, Дурень, не дури! — вновь окликнул патлатого парня сердобольный селянин.

Мужики остановились, покричали Дурня и, видя, что тот не отзывается, махнув рукой и досадливо сплюнув, зашагали прочь от холма. Жаль Дурня, пропадет ни за щепоть муки, да, видно, доля у него такая. Не тащить же его с холма силком — парень хоть умишком слаб, силушкой не обижен. Раскидает селян, надает ни за что ни про что тумаков, даром что дурень, а могутным уродился.

Баба-дуры болтают, будто потому он здоровяк этакий, что мозговая силушка ему в плечи пошла, но всяк на селе знает, что был Дурень здоров от роду и смышлен как все, пока не пожег Змий Большие Закрома. Богатое было селение, людное, однако ж за день выгорело. Вся Дурнева семья сгорела, один он выжил — выбросила его мать из горящей избы. А вот братьев, сестричек — не успела. Да и сама в дыму насмерть задохлась. С тех пор и стал малец дурнем. С пятое на десятое о чем толкуют ему понимает, словом одним — дурень, хоть и справный помощник Кожемяке. Был справным. А теперь пожжет его Змий походя, чтоб не путался под лапами-крыльями. Ну что ж, Дурню — дурацкая смерть...

Мужики ушли по лесной тропе, ведущей в сторону селения, где избы весело дымили трубами, звенели молоты ковалей, бочары гнули распаренные доски, гончары крутили свои круги, Кожемяка с помощниками превращал свиные и коровьи шкуры в добротные, годные для пошива одежды и тачания обуви кожи. Смеяна проводила их заплаканными, покрасневшими глазами, до последнего надеясь, что смилуются соплеменники, избавят от страшной гибели. Знала, что надеяться не след — раз выпало ей по жребию стать жертвой Змиевой, так и станет, иначе сожжет гад огнедышащий селение, — а все ж таки надеялась. Зря

надеялась, поняла Смеяна, и потекли по девичьим щекам медленные крупные слезы. И откуда б им взяться? Два дня с матушкой, сестрами и подружками ревела, в голос выла, казалось бы, все уж выплакала, ан нет, текут еще...

А когда слезы кончились и подступивший к горлу ком истаял, Смеяна сказала сидящему у ее ног Дурню:

— Шел бы ты, милый, отсюда. Нечего тебе здесь делать. Мне не поможешь, и сам за так голову сложишь. Хоть и дурная она у тебя, да единственная.

При звуках ее голоса Дурень встрепенулся, повернул к Смеяне голову, улыбнулся глупой своей улыбкой и промычал что-то невразумительное.

— Давай-давай, топай отсюда, уноси ноги! Худо тебе будет, когда Змий припожалует. Да и мне на твою смерть смотреть неохота. Быстренько вставай! Ну, кому говорю?!

Обычно Дурень слушался Смеяны, отчасти поэтому и прижился у Кожемяки, но теперь он почему-то не обращал внимания на слова его дочери. Смотрел вдаль, на затянутые туманной дымкой леса, будто не слыша ее ругани и причитаний.

Устав шуметь, Смеяна бессильно уронила голову на грудь, предавшись горьким размышлениям о своей ужасной участи, о том, что повыведет Змий весь их род, если и впредь будет пожирать в год по девушке. Раньше, когда недобрый жребий выпадал другим девицам-красавицам, она об этом не задумывалась и, сочувствуя им, все же испытывала облегчение — ее-то беда стороной обошла. Сейчас же, вися на веревках в ожидании Змия, она неожиданно ясно осознала — если так будет продолжаться еще пару десятков лет, окрестные селения начнут вымирать и со временем лесной край совсем обезлюдеет. А уж если она это понимала, то старики, умудренные опытом, и бородатые отцы семейств тоже, верно, догадывались, чем Змиевы поборы кончатся. Догадывались, но отдавали своих ненаглядных чад на съедение...

Сейчас в голову ей приходили странные, неожиданные вопросы, которые следовало задать раньше и которые теперь уже навсегда останутся без ответа. Зачем Змий требовал именно девиц — не все ли ему равно, кого жрать? Как узнали жители окрестных сел о необходимости платить страшную дань? Почему не собрались дюжие мужики

всем миром и не отыскали логово поганого гада, дабы избавить родную землю от великой напасти?

Задавала и себе горький вопрос: почему не думала обо всем этом раньше, в голос не кричала, когда отводили ее старших подруг Змию на съедение? И сама же себе отвечала: не умела и не хотела примерять на себя чужое горе. Зачем бы ей это? Ее дело с серпом в поле ходить, коров доить, в избе убирать. А когда досуг случится, смеяться с подругами, играть в салки и веретелки, петь у костров, бегать от ладных парней, позволяя порой самому удалому целовать себя в губы, мять в укромном уголке наливающееся соками тело. Пусть о Змиевой дани другие думают, ее авось процесет, сумеет Кожемяка дочку любимую откупить. Ан не сумел. Отдал чадо на лютую смерть. Даже проститься с ней к Змиеву дубу не пришел...

Не могла Смеяна знать — да оно, верно, и к лучшему, что отец ее, сжимая до побеления пальцев длинную, ухватистую рукоять боевого топора, весь день глаз не сводил со Змиева дуба. Пробравшись к Змиеву холму окольными тропами, затаясь в густых зарослях лещины, на которой появились уже зеленые орешки, он то скрежетал зубами, то смахивал с глаз редкие слезинки, то шепотом ругался страшными черными словами, едва сдерживаясь, чтобы не покатиться с диким воем по земле, грызя в бессильной ярости руки и кляня родовых богов-охранителей.

Был Кожемяка не трус и дочь свою среднюю любил без памяти, так что на бой бы хоть с тремя Змиями вышел. Вышел бы, кабы была хоть малая надежда победить огнедышащего, крытого железной чешуей гада. Но не было надежды. Не было.

Немало храбрецов в разных селах пытались летучего гада укараулить, и стрелы в него отравленные пускали, и мечами, и копьями достать силились. Схоронили их обожженные до неузнаваемости трупы соплеменники, поплакали, а потом начали добро убиенных к рукам прибирать. Не пропадать же сукновальне, кузне, полю раскорчеванному да засеянному, красавице-вдове. Вот эта-то мысль — змея подколодная, о красавице-жене и окаменила Кожемяку, когда в синих сумерках появился над Вьюном-рекой Огненноглазый Змий.

Запретил себе Кожемяка о Зоряне вспоминать, а все ж таки вспомнил. Старое, напрочь, мнилось, забытое вспом-

нил: как сватались они к ней в один год с Вертачом, а она три дня выбирала, кого в мужья взять. Хорош был Вертач собой, да слаба у него оказалась становая жила, иначе не пошел бы потом к Кожемяке в работники. А ежели теперь Кожемяки не станет, так, пожалуй, и заново к Зоряне посватается. И, рано, поздно ли, войдет в Кожемякову избу хозяином — не стара еще Зоряна, год-два выдюжит одна, а после кровь свое возьмет. Дескать, нужна в доме хозяйская рука, сынам молодым без мужеского ума с делом кожным не сладить, за дочками глаз да глаз нужен... Когда надобно, всяк нужное слово найдет, важную причину отыщет, чтобы и глядеться красиво, и желаемое сыскать. Словно воочую увидел, как тискают заскорузлые пальцы Вертача белосметанное тело Зоряны, как ластится к нему статная, большегрудая красавица, разомлев от ласк, бесстыже-призывно раскидывая ляжки. И ослабли сжимавшие топорище руки. Так ведь оно и будет, если он в село не вернется. С тех пор как схоронил Вертач хворую жену, нет-нет да и ловил Кожемяка жадные взоры, которыми провожал он Зоряну. При живом-то муже дальше взглядов дело не шло, а при мертвом небось стрелой полетит...

Бессильно скрежеща зубами, смотрел он, как подлетел Огненноглазый к Змиеву дубу, блеснул чешуей и сграбастал железными лапищами Смеяну. Мелькнуло в свете желтых глаз белое полотно долгой рубахи и исчезло, даже крикнуть девка не сумела. Змий же, помешкав малое время, взмыл в звездно-синее поднебесье, пригасил блеск зенок своих поганых и, сделав круг над Змиевым холмом, полетел в сторону Гиблых лесов.

Страшно закричал Кожемяка. Выронив бесполезный топор, рванул себя за волосы, так что клочья их в горстях остались, и рухнул наземь. Завыл, закричал надрывно, точно роженица...

Опамятовал он лишь к утру. Почернев лицом, на подкашивающихся ногах, поднялся на Змеиный холм, чтобы забрать останки сожженного Змием Дурня. И не нашел их. Смутно припомнил, что не дышал давеча смертоносным огнем гад летучий, стало быть, Дурень-то, скорее всего, в село ушел. Однако ж и там его не нашлось. То ли сожрал Змий убогого, не побрезговал, то ли, заплутав в ночи, попал тот на зуб медведю или волчьей стае.

* * *

Дурень объявился в селе осенью, испятнавшей леса желтыми, красными и рыжими подпалинами. Приплыл по Выпереке, цепляясь за рухнувшую в воду сосну, и, выбравшись на песчаную отмель, отправился прямиком к избе Кожемяки. Нашел его и, бессвязно что-то лопоча, сунул в руки исцарапанный кусок бересты.

Дурень не знал, что царапины эти называются рунами и означают, что нацарапавшая их Смеяна жива, здорова и находится в плену. А с ней еще много женщин из соседних сел. Если бы он мог мыслить и говорить как все, то рассказал бы Кожемяке и прочим насевшим на него с расспросами селянам много интересного. О том, что Огнедышащий Змий — всего лишь железный ящик, в который, как в лодку, забираются зеленокожие люди. Вот только ящик этот не плавает по воде, а летает. И сам он тоже на нем летал, правда, не внутри, а уцепившись за железяки, выступавшие из его днища. Что зеленокожие — сплошь мужчины и им нужны женщины, которые рожают зеленокожих детей и работают на полях, окружавших тамошнее селение, в центре которого лежит огромная железная тарелка. Он сказал бы им, что женщины, привезенные в селение зеленокожих в железном ящике, заколдованы: делают лишь то, что им велят, а в редкие мгновения просветления ненавидят и боятся своих хозяев. Что зеленокожих в селении всего три десятка, а женщин — больше трехсот, и они бы разорвали отвратных хозяев, обращавшихся с ними как со скотом, в клочья, кабы не волшебная железная тарелка. Это она испускает чары, которые лишают пленниц воли. Однако чары эти слабеют во время грозы, когда огневицы-молнии исчерчивают небо ослепительно-голубыми зигзагами. Во время одной из таких гроз и начертала Смеяна свое послание, заканчивающееся знаком молнии.

Многого, впрочем, Дурень не смог бы рассказать и объяснить, даже если бы обрел способность думать и говорить, как его соплеменники. Например, то, что не был он сожжен установленным на флаере огнеметом и не подвергся воздействию психотропного оружия зеленокожих, поскольку настроено оно было на ментальное излучение нормального, а не деформированного человеческого мозга. Что зеленоко-

жие — потомки атлантов, прилетевшие проведать метрополию, не были злодеями и поначалу пытались наладить мирный контакт с местным населением, но из-за своеобразной внешности не преуспели в этом.

Все это, впрочем, не имело значения — письмена были нацарапаны на бересте, береста доставлена адресату, и дальше события развивались по предсказуемому сценарию.

Кожемяка, с отцами отданных Змию на съедение девиц, отправился по соседним селам, и вскоре узкие длинноносые, шитые из коры лодки двинулись вверх по Вьюн-реке. На первой сидел Дурень, ведущий себя тихо и смирно, пока не почуял близость селения зеленокожих. Заметив его волнение, лодки упрятали в камышах, вперед были высланы соглядатаи, а когда прозвучали первые раскаты грома и молнии избороздили небо, мужики ворвались в лагерь зеленокожих и взяли их в топоры. Покончив со взрослыми, принялись за зеленокожих детенышей. Их оказалась тьма-тьмущая, а тут еще добрая половина баб, то есть спасенных от зеленокожих дочерей, кинулась защищать выродков, в результате чего часть их спаслась и долго еще бродила по окрестным лесам. Одни называли их лешими, другие — кикиморами, болотниками и еще всяко-разно. Потом перемерли и они, и только память о них долго жила в лесном крае, передавалась в виде сказок и песен в другие земли, в обмен на столь же малоправдоподобные истории о джиннах, пери, василисках и троллях...

4

В ту ночь мне снились странные сны, которые впоследствии подтолкнули меня к созданию нескольких серий картин и офортов, не пользующихся, надобно признать, большим успехом у публики, которая хочет, «чтобы все было как на фотографии». Зачем ей иметь такие картины, если есть фотографии, мне непонятно, но это, как говорится, тема отдельного разговора, не имеющего к моему рассказу ни малейшего отношения.

Итак, сны мои были прерваны прикосновением руки, легшей на мой лоб. Рука была холодная, я почувствовал это даже сквозь бинты и, открыв глаза, почти не удивился,

увидев склонившуюся надо мной фигуру лиловолицей женщины. В тусклом свете занимавшегося утра фиолетовые пятна на ее лице были отчетливо видны, и не стоило труда догадаться, что это соплеменница Щасвирнуса.

— Лежи тихо, — промыслила она, и мне стало удивительно хорошо и покойно.

Я смотрел в ее прозрачные, мерцающие глаза и дивился тому, что, несмотря на убийство неизвестными Щасвирнуса, совсем не скорблю о нем. Он сказал, что все будет хорошо, он еще вернется в этот мир, и я почему-то верил ему, хотя избытком доверчивости и оптимизма не отличался.

— Все будет хорошо. Теперь он действительно вернется, — промыслила женщина. — Ты оказался отличным хранителем. Спасибо тебе. И постарайся быть счастливым в этом далеко не лучшем из миров. Дальше будет интереснее, поверь мне. Если тебя не пустят на пуговицы. А это, как ты понимаешь, зависит только от тебя.

Улыбнувшись, она быстро зашагала в конец коридора, даже не взглянув на кровать, где среди ночи был убит Щасвирнус. Врачи и медсестры, кстати, утверждали, что он умер от сердечной недостаточности. Ну что ж, каждый видит то, что ему дано увидеть, и спорить тут не о чем. Если бы мне не вкатили изрядную дозу анаболиков, я бы тоже принял Щасвирнуса за обычного человека.

К добру или к худу, но работающий в нашей голове «цензор» позволяет нам видеть только то, что мы хотим или готовы увидеть. Доказано, например, что почти все дети видят ауру, по годам к пяти это умение за ненадобностью пропадает. Под воздействием большой дозы алкоголя или наркотиков люди начинают видеть то, что в обычном состоянии «цензор» отказывается воспринимать. Тот самый «цензор», о котором мы узнали еще на уроках физики, в курсе «Оптика». Помните, глаз доставляет в мозг перевернутое изображение видимого нами мира, а мозг корректирует его, переворачивая еще раз? Пытаясь обмануть внутреннего «цензора», ученые изготовили очки, еще раз переворачивающие изображение — «правильно», и группа добровольцев, надев их, неделю мучилась, приспосабливаясь ходить «вверх ногами». А потом, когда внутренний «цензор» перестроился, им понадобилась еще неделя, чтобы вернуть его в прежнее состояние, после того как очки были сняты...

Выйдя из больницы, я прочитал много любопытного на эту тему и встречался с людьми, видевшими лиловолицых, говорившими с ними. Но им, как и мне, лиловолицые не сказали ничего сверх того, что мы — теперь я в этом твердо убежден — не могли бы почерпнуть из общедоступных источников. Они не открыли нам тайн мироздания: приобщать к новым знаниям тех, кто не готов их воспринять, — напрасный труд, чреватый неприятными, если не трагическими последствиями. Но тот факт, что они ориентируются в массиве накопленной человечеством информации лучше любого из нас, доказывает, что они используют принципиально иной, несравнимо более совершенный способ получения знаний. Можем ли мы освоить его, не задействовав дремлющие резервы нашего мозга? Как активировать их и не принесет ли это вред нашему, несовершенному во всех отношениях, обществу? Не знаю.

Однако, придя в очередной раз в библиотеку, я вспомнил странные слова лиловолицей: «если тебя не пустят на пуговицы» — и бессознательно снял с полки томик Ибсена. Да-да, «Пер Гюнт». Раньше, должен признать, мне про Пуговичника ни читать, ни слышать не доводилось. А недавно пришлось встретиться с ним. Но это уже совсем другая история.

Наталья Болдырева

КОЛДУН

На чердаке было тихо.

С осени смолк дробный перебег мохнатых лап домового, даже ветер в печной трубе не завывал. Изредка поскрипывали обожженные морозом балки.

Дед Игнат приставил лестницу к открытому лазу. Прежде чем взбираться, присел на лавку — передохнуть. Изба была выстужена, и дыхание, слабыми облачками вырывавшееся изо рта, не согревало даже губ.

На столе, который Игнат вытянул на самую середку горницы, под линялой медвежьей шкурой спал Ванятка. Спал беспокойно — трясла лихоманка. Игнат повел ладонью, сметая с изголовья иней, почувствовал, как жарко и парно там, под шкурой. Еще с вечера малец, едва шевеля губами, шептал: «Холодно!» — жалился на озноб. Под утро — забылся.

Игнат встал, долго, с трудом переставляя непослушные, навсегда окоченевшие ноги, взбирался по лестничке, пока наконец не сел в изнеможении на край лаза.

Рядом, занимая половину небольшого чердачка, стоял его, деда Игната, гроб.

Обеими руками взялся за крышку и, вздрогнув, отпустил тут же. Почудилось — тронуло теплом. Положил ладонь, чтоб убедиться — нет, все-таки показалось. Откинул крышку — толкнул и сам испугался: вымерзшее до сердцевины дерево чудом не раскололось вдоль бледных, едва заметных жилок, так... пошла длинная тонкая трещинка да замерла, не добежав чуть. Приподнял лежащий в головах треух. Под новой, ни разу не надеванной волчьей шапкой тускло желтела пригоршня жита.

Ту пригоршню можно было бы замочить, отварить, а на отварс да мясистых клубнях болотного рогоза замешать по-

хлебку, добавлять в нее по ложке каши и тем протянуть хотя б неделю, до оттепели. Дед посидел еще, поджав губы и пересыпая крепкие продолговатые зернышки. Решился — перевернул треух и принялся собирать хлеб в него.

Кабы верил дед Игнат, что вернется посланный в деревню дурачок без имени, которого оставлял он «за старшого», когда уходил надолго в лес, — так не тронул бы заветную пригоршню, не опустошал бы гроб. Только, верно, загрызли парнишку волки, если не замела метель. А раз тронул Игнат горсть жита, пришлось и об остальном позаботиться.

Зерно смешал в чугунке со снегом да, совестясь, поставил к Ванятке, под шкуру — не шелохнулся малец, когда снаружи дохнуло студеным. Теперь предстояло встречать гостей. Игнат вышел в сенцы и взял рогатину, с которой по молодости ходил на того самого медведя, чья побитая молью шуба сберегала сейчас жар палимого лихорадкой тельца, отпугивала безносую оскаленной мордой. Сделал рогатину он когда-то сам, вырезал из подходящей ветки карагача, опалил, как положено травками, прочитал заговор и потому сейчас, стукнув концом о пол, с удовольствием почуял упругую дрожь доброго дерева.

Приотворил дверь — заскрипел лежалый, трехдневный снег, упал с козырька смерзшийся сугробик, разбился на три части у входа, брызнув в сенцы осколками. Игнат едва протиснулся в щель и, ломая рогатиной наст, пошел туда, где пряталась под снегом межа. Надо было выкопать, обозначить низенький межевой частокол. Долго ходил от одного столбика к другому, постукивая трижды по черному дереву и приговаривая: «Чур меня, Чур!» — пока не обошел избу кругом.

В сенцы вернулся закоченевший, повалился у порога и просидел так, не шелохнувшись, до полдня, пока не заиграл, ослепляя, искрами мерзлый наст. Игнат вздрогнул — уходило время и силы, а дел еще было невпроворот. Опираясь на рогатину, встал, прошел в горницу, кинул в печь полешек, огонь-травы сверху, ударил по кремню. Запылало ярко-голубым пламенем, занялось жарко. Кочергой сгреб тлеющие бледно-рыжие цветы в сторону. Потянувшись, снял с полатей связку петушиных гребешков — трех кочетов дед Игнат зарезал еще по осени, — вздохнув, накинул связку на рогатину. Не бог весть какой оберег, да при малых силах и не-

великая подмога не лишняя. Вынул из-под медвежьей шкуры чугунок, законченным до черноты ухватом задвинул в печь и пошел по всем четырем углам, пока каша поспевает, молитвы читать — богам старым и новым.

Когда солнце малиновым окоемом коснулось верхушек сосен, дед откинул край шкуры, положил горящую голову внука себе на колени — мокрые волосы липли ко лбу, веки подрагивали,— смочил бледные растрескавшиеся губы теплым взваром. Ванятка застонал, но сглотнул. Так и кормил, по чуточке, скатывая разваренное жито в шарики, закладывая в рот, пальцами прижимая язык к зубам, надавливая на тонкое дрожащее горло. Вспомнил, как лето целое ходили они с Ваняткой за птенцом козодоя, кормили так же вот, а тот давился, мотал глупой своей головой, выворачиваясь.

А за оконцем смеркалось. Дед Игнат накрыл чугунок рогожкой, обмотал плотно, поставил еще горячую кубышку в ноги мальцу, приговаривая: «То ты кашку грел, нехай она тебя погреет». Накинул страшную медвежью голову, спрятав Ванятку от глаз костлявой. А что придет она нынче — не сомневался. За окнами под чьими-то ногами хрустнул наст.

Подхватив рогатину, вышел за дверь, шагнул от порога, вглядываясь.

Пришел неупокойничек.

У чурок стоял Тимофей, что не возвернулся с позапрошлый год из города. Шептались, будто ушел от жены к полюбовнице... брехали, значит, псы шелудивые. Тимошку было жалко, шебутной парень, веселый — теперь лицо почернело, батогом разбитое, продавленное внутрь. Стоял тихо, не выл — на избу смотрел, на чердак. Крепко держал Чур нежить, хоть ни горячих углей, ни зерна, ни вина, ни меда не опустил дед Игнат в землю под чурбачки.

Солнце не вставало век, но как посерел лес, потянулся меж ветвями сизый, зябкий свет, дед Игнат ступил от приоткрытой двери, подошел к Тимошке — мороз глушил тяжкий дух, а все одно мерещился смрад могильный,— поглядел в черное лицо, нагнулся, постучал по чурбачку трижды и прошептал: «Чур меня, Чур!»

Весь день дед Игнат кормил Ванятку взваром, перебирал скарб в прогрызенном мышами ларе, выглядывал в окошко

на каждый скрип подтаявшего снега. Покойник стоял у межи. В сумерки Игнат взял рогатину, вышел, встал перед дверью.

Лес, ночами похрустывающий, пощелкивающий мерзлыми ветками, ожил. В чаще сверкали голодные волчьи глаза. Ухватил рогатину крепче — звякнули бубенчики, нанизанные чередой на петушиную связку. Волков Чур не остановит, а волколаков — и подавно. Захотелось нагнуться, пригоршней снега умыть лицо, да лобастый серый зверь вышел из лесу, задрал морду, принюхиваясь. Редкая шерсть поднялась дыбом. Оскалил пасть, повизгивая, и, прильнув к насту, прыгнул через межу, высоко. Принял его Игнат на рогатину, поднял как сноп, над головой запрокинул и стряхнул обратно — в голый подлесок. Заскулил щенком подранок, пополз, размазывая вязкую кровь по твердому насту, а потом извернулся и цапнул себя, вырывая кишки из раны. Взвыла волколачья стая — прижимали к голове уши, приседали на жилистых лапах, прыгали туда, где запахло кровью.

Игнат отступил на шаг, в щербатый провал приоткрытой двери. Стая кольцом рассыпалась. Боялась рогатины, а когда бил концом о косяк — соловьем заливались на морозе бубенчики, — и вовсе отскакивала от ненавистного звона. Волколаки бродили внутри межи, грызлись, поднимали морду по ветру, пробуя воздух, — чуяли теплую человечью кровь и другой, смутный, щекочущий ноздри зов, — скуля, утирали нос лапой. К рассвету Игнат отступил в сенцы и захлопнул дверь. Враз ударилось тяжко — посыпалась труха из щелей, заскреблось когтями. Задвинув засов, метнулся Игнат в избу, схватил бадейку студеной воды да плеснул под порог. Снаружи отступило, стихло. Дед Игнат держал дверь, пока не зашевелилась на столе медвежья шкура да не вынырнула из-под нее встрепанная макушка Ванятки.

За толстой бревенчатой стеной ходили, рыли то тут, то там сильными лапами — летел за окошком разгребаемый снег, — кидались на дверь, да засов держал хорошо, и вода приморозила крепко. Потом вспрыгнуло на крышу, принялось терзать соломенную кровлю. Ванятка выглядывал из-под натянутой по глаза шкуры, прислушивался, а как начинало рвать и рычать — прятался.

К полудню ослабел Чур. Под мерными человечьими шагами заскрипел наст — заглянул в окошко неупокойничек. Ванятка заплакал, глядя на черное продавленное лицо да выклеванные вороньем глаза, дед Игнат подскочил, завесил окошко рушником. Сел на стол рядышком, обнял мальца, запел, покачиваясь:

Гуси-ле-е-беди,
возьми-и-те меня,
понеси-и-те меня,
к отцу, к ма-а-тери...

А в сумерках нежданно-негаданно смолкло. Чутко дремавший Ванятка поднял голову, поглядел на деда удивленно. Игнат отпустил внука, накрыл с головой шкурой, прошел в сенцы, придержал ладонью бубенчики и тихо взял рогатину, отступил на шаг. Заскулила, зарычала волколачья стая, да не рядом, а на опушке, и снова упялось. Послышались шаги близко, и вдруг трижды стукнуло в дверь.

— Отпирай, хозяева!

Онемел Игнат, промолчал в ответ. Тогда с той стороны дернуло сильно раз, другой, а на третий хрустнула ледяная корка и распахнулась примерзшая дверь.

Богат был на госте кафтан: синего бархата, воротник стоячий, цветным шелком по борту расшитый, с лентой гарусной да серебряными бляшками по рукавам. Стынь на дворе, а душа — нараспашку. Рубаха белая грудь широкую закрывает, едва по швам не трещит, кудри черные вьются, глаза синие сверкают, только лицо, что твое полотно рубашечное, и губы, как у девки, алые. Выронил Игнат рогатину, звякнули жалобно бубенчики. Ванятка не утерпел, скинул медвежью морду, уставился на гостя во все глаза.

— Вижу, выходил ученика мне? — засмеялся гость.— А где ж моя малая хоромина? Показывай, хозяин.

Подошел и рогатину поднял — будто не глядели острые концы грозно козой, будто не звенели воинственно бубенчики, будто не петушиные гребешки засушил дед Игнат,— отдал в руки.

— А рогулю свою убереги, три дня и три почи гостить у тебя буду, внучка твоего учить. Последишь, чтоб... не шастали.

Игнат принял рогатину, повел гостя в горницу.

Ванятка сел на столе, заулыбался гостю веселому и красивому. Улыбнулся гость в ответ, потрепал по волосам, тронул щеку. Отшатнулся малец — схватился темный вихор инеем, побелела щека.

— Вот что, — подал голос Игнат, — ты мальца учи, так уж и быть, да не запугивай, а гроб... помоги спустить, один не выдюжу.

Открыли лаз, приставили лестницу, забрался Игнат в темень чердачную, присел — ноги вниз свесил, — провел ладонью по светлому дереву. Не почудилось — нагрелась сосна, обласкала руки теплом. «Чур меня, Чур!» — прошептал Игнат, и засмеялся гость. Игнат чертыхнулся, сплюнул через левое плечо трижды, ухватил гроб покрепче да спустил в ледяные ладони.

Гость поставил гроб на лавку, постучал по стенкам, приподнял крышку, покачал головой, на трещину глядя:

— Что ж, хозяин, домина у тебя с изъяном?

— Не любо — не бери, не навязываю.

Скинул гость кафтан свой бархатный, застелил ложе, примерился — да и улегся головой прямо на треух Игнатовый. Обмерло сердце, дохнуло холодом, охнул дед Игнат. На опушке завыла, зашлась плачем волколачья стая.

— Деда, а чего он в гроб твой залез?! — закричал со стола Ванятка.

Повертел гость головой, укрылся полами.

— Крышку прикрой, изнутри на щель посмотреть хочу.

Дед Игнат взял крышку, ответил Ванятке, опуская:

— Мне теперь гроб не нужен вовсе, я теперь, внучек, век не помру. А хорошему человеку за доброе дело грех не отдать.

— Доброе дело? — Ванятка покосился на закрытый гроб. — Какое доброе дело, дедушка?

Постоял Игнат, посмотрел на крышку, помолчал.

— Не хотел я тебя, внучек, ремеслу своему учить... видно, чувствовал. Нашелся тебе наставник получше.

— Лучше тебя, деда? — недоверчиво протянул мальчонка.

В крышку стукнуло, донеслось глухо:

— Снимай. Делать нечего, дареному коню в зубы не смотрят, а в своей сермяжке никому не тяжко.

Игнат откинул крышку, прислонил к стенке. Молодцем выпрыгнул гость из гроба, вынул кафтан — раскинулись полы — да, надевая, руку левую и приподнял. Мелькну-

ло — прорвана рубаха, запеклось кровью меж ребер, прямо в самое сердце.

— Это почто ж тебя, родимый, так? — прищурился дед Игнат.

Зыркнул недобро, зубы оскалил:

— В чужой сорочке блох искать? Держись, вошь, своего тулупа. — Кивнул на дверь. — Иди лучше дом стеречь. Мне мое время дорого.

Схватил Игнат рогатину, постоял да и вышел вон, только дверью хлопнул.

Снаружи потеплело, на мерзлый наст падал мокрый снег. На опушке, за межевой чертой резвились волколачьи дети, стоял Тимошка. Лучше всякого Чура держал колдун неупокойничков. Знатный колдун, не чета деревенскому знахарю. Горько вздохнул дед Игнат. Не было бы неурожая, голодной зимы да пустого гроба, без горсти жита, кабы послушали его деревенские... Если выйдут средь бела дня на небо солнце-батюшка да луна-матушка, добрый хлебопашец в поле не робит. А когда в сев разрешились до поры две бабы от бремени, одна — мальчонкой, другая — девкой, и вовсе рукой махнул, так и сказал: «Дурной год будет». И прогнали его деревенские, и его, и внучка Ванятку, и дурачка не пожалели; «Накаркал, старый!» — кричали.

Так прошел день до полночи в горьких думках. За дверью было тихо. Что там колдун чародеил-ворожил — ни половицы поскрипа, ни огонька всполоха. Только когда вышел на небо месяц, вдруг екнуло сердце, и поднялась волколачья стая, потянулась без опаски, в нахалку. Дед Игнат схватил рогатину, стукнул концом о дверной косяк. Зазвенели бубенчики, ощерилась стая. А кровь в жилах на бегу стынет. Покачнулся — закружилось под ногами небо, над головой зарычал зверь и прыгнул сверху вниз. Острые клыки пропороли тулуп. Игнат не почуял боли — кровь потекла водой, — схватил за горло, приподнял. Щелкнули зубы, хрипло заклокотало в глотке, сморщилась черная морда. Глядя в тускнеющие янтарные глаза, крепче сжимал Игнат хватку, пока не опустил под ноги вялое тело. Прижимая уши, скуля и огрызаясь, стая рвала придушенного волколака, а Игнат, перехватив рогатину, замахнулся и как дубьем ударил по хребту одного, другого. Катился градом пот, а жара не было — разливался по груди могильный холод.

К полуночи, налакавшись собственной крови, стая отступила. Дед Игнат привалился к двери, осмотрелся. Почернел снег, но не осталось на нем ни мертвых, ни подранных, ни клочка шерсти из волколачьего бока. Откинул полу — рваная рана едва сочится сукровицей. Игнат застонал, опустился в черный снег и заплакал.

Поутру отпустило вдруг — потеплело на сердце, опалило болью разорванный бок. Заскулили, отбежали волколаки к опушке. Опершись на рогатину, Игнат поднялся на ноги, смахнул с глаз застывшие слезы, толкнул дверь — изнутри заперто. Поднял кулак да, поджав губы, и опустил. Обернулся, сломал рогатиной наст, расчистил снег, присел прямо у порога. А кровь по жилам бежит, рану огнем жжет — вон уж и на тулупе пятном наливается, проступает. Улыбнулся Игнат, потрогал пальцем — теплая, поднес к губам — соленая. Прикрыл глаза от снежного блеска. Почудилось — идет он с Ваняткой по летнему лесу, по сосновому бору, солнцем насквозь пронизанному, тропка узкая, меж стволами петляет — конца края не видно. «Пить хочу!» — дергает Ванятка за рукав рубахи. «Кончилась водица, внучек!» — отвечает Игнат с хитрым прищуром. «Что же делать, дедушка?» — ясный взгляд, внимательный. «А посмотри вот». Берет Игнат тонкую веточку, обдирает от коры да кладет под сосну на муравейник, из рыжих сосновых иголочек сложенный. Смотрит Игнат, как бегут муравьи по прутику, по своим делам муравьиным, а Ванятка стоит, за плечо трясет, плачет: «Не спи, деда! Деда, не спи!»

Волколак вцепился в горло. Игнат захрипел, потянулся за рогатиной, другой рукой зашарил по поясу. Нащупал костяную рукоятку, выхватил нож железный да вонзил под левую лапу, в сердце. Ослабела волколачья хватка, и глянули вдруг на Игната человечьи глаза, упала на колени кудрявая светлая голова, разжались вцепившиеся в ворот пальцы. Игнат закричал, вскочил на ноги, увидал рогатину, к двери прислоненную, схватился было, да обжег ладони до волдырей, уронил в снег. А волколаки подбираются, смотрят жадно на тело у ног Игнатовых. Переступил через мертвеца, выставил нож. Поднялась шерсть на плешивых загривках, зарычала стая и припустила вдруг к опушке. Обернулся Иг-

пат на дверь, вытер холодный пот со лба и сказал: «Спасибо, внучек, подсобил дедушке».

Снял тулуп, накинул на мертвеца — срам прикрыть. Повернул лицом к себе, закрыл ладонью голубые глаза, убрал со лба волосы, поглядел внимательно. Нет, не деревенский. Да только, может, парень этот — молодой еще — на деле во сто крат Игната старше. Сколько мучилась душа непокаянная? Сколько еще пострадает до Страшного суда? Игнат взял нож, отошел от двери в сторонку и принялся рыть могилу. Волдыри на руках полопались, кожу с ладоней содрал начисто, а ни капли крови не упало, не оросило мерзлую землю.

Волколаки до свету бродили вдоль межи, а на рассвете уж привычно екнуло сердце. Игнат поглядел на могилу — не глубока да белым свежим снежком выстелена. «Будет тебе заместо савана». Положил мертвеца на тулуп, руки в рукава продел, полы запахнул. Глянул — на боку пятно большое, бурое, а на груди его, Игната, ладони отпечатались. Посмотрел на руки — кровь едва сочится, а боли так и нет, как не было. Покачал головой. Ухватил за ворот, стянул в могилу. Хотел отходную прочитать — не смог. Сложил на груди руки, зашептал заговор, душу в теле запирающий. Подумал, снял нательный крест, приподнял мертвецу голову, надел да под тулуп спрятал: «Мне он теперь без надобности». Выбрался из могилы и принялся сгребать землю вниз, какой-никакой — насыпал холмик. Сходил за рогатиной — хоть палила руки, да не жгла уже,— воткнул в ногах. Поднял голову — глядь, Тимошка стоит, на могилку таращится.

— Уходи, родимый. Не томи душу. Нету здесь тебе упокоения. — Посмотрел Игнат в черное продавленное лицо и пообещал: — Иди, сам скажу в городе, чтобы попы за упокой души твоей помолились, уходи только.

Постоял Тимошка да пошел прочь, пошатываясь. Игнат сел на холмик — грела его земля могильная, манила в материнские объятия.

На закате распахнулась дверь, вышел на порог колдун — кожа серая, губы синие, — поманил негнущимся пальцем, показал монетку медную. Подошел Игнат, заглянул было в горницу, да оскалил колдун кривые черные зубы — дохнуло изо рта гнилью, прикрыл за спиной дверь.

— На, держи, — сунул в руки денежку, — внука твоего всему, что знал, выучил. Эта ночь для меня — последняя. Завтра тебе, может, крови захочется, ты зажми зубами копеечку — полегчает.

Поглядел Игнат в глаза синие — еще ясные да яркие, — поклонился низко, до земли.

— Спаси тебя бог, добрый человек.

Усмехнулся колдун:

— Мужик за спасибо семь лет в батраках жил, а тебе за спасибо — весь век маяться. Пой молебен тому святому, который милует.

Развернулся, дверью хлопнул и засов задвинул.

Завыли волколаки на опушке жалобно да поодиночке в лесу сгинули. Поглядел Игнат на себя: горло порвано, руки окровавлены, на боку рана черная. Сердце так редко стукает, будто и не бьется вовсе. Положил копеечку как леденец за щеку, поплевал на ладони и пошел рыть другую могилу с первой рядом.

С утренней звездой в последний раз стукнуло сердце Игнатово и остановилось.

Сказывают, видали деревенские мальчишки, будто в оттепель ушел по дороге в город Игнатов внук Ванятка вместе с дурачком своим, обряженным в медвежью шкуру, подпоясанным вервием. А когда по весне пришли мужики к избушке знахаря, то увидали во дворе могилу его — с рогатиной взамен креста в ногах воткнутой. Чья вторая была могила — неведомо. Девять лет по кривой версте обходили гиблое место, пока не вернулся домой молодой колдун и не вырыл под окном могилу третью.

Владимир Аренев

КОЩЕЕВО ОVUM

— Не знаю насчет Кощеевой, но свою смерть я здесь точно найду. — Царевич Иннокентий в сердцах пнул узловатые корни дуба и поморщился — то ли от боли, то ли от досады. — Это ж сколько лет он здесь стоит! Вымахал!.. Как такой рубить?

Дурная привычка размышлять вслух появилась у царевича недавно: после того, как он преодолел Топи Непроходимые и Леса Дремучие. В Лесах всё и началось: чтобы не задремать, Иннокентий разговаривал сам с собой. Ну и привык понемногу...

— А зачем его рубить?

Иннокентий совсем не по-венценосному подпрыгнул на месте и выхватил из ножен меч. От разговоров с другими людьми он, признаться, отвык.

Тем более — с не-людьми.

Из-за дуба вышел кот — черный, пушистый, наглый. Мягко ступая лапками по золоченой цепи, наполовину вросшей в кору, кот взобрался на сундук и по-хозяйски разлегся на крышке.

— Тьфу, нечистый! Наверно, послышалось! — решил Иннокентий. — А ты, котофей, откуда здесь взялся? Ну-ка, иди сюда, ки-и-ис-кис-кис! Я тебе молочка дам...

— Не-а, — сказал кот (царевич еще раз подпрыгнул, но уже не так высоко). — Спасибо, ученые мы: сперва «кис-кис», а потом за шкирку и в мешок. И на рынок, продавать: «А ка-аму ко-от, гаваряш-ший ко-от!..» — прогнусавил он дурным голосом, подражая прежнему обидчику. — Хватит, и без молочка как-нибудь обойдусь!

И зыркнул на царевичев мешок. Там действительно, судя по запаху, лежало что-то вкусненькое.

— Да не нужен ты мне! — слукавил Иннокентий. — Я сюда пришел за смертью Кощеевой.

— Ясное дело, — хмыкнул кот. — За чем же еще! Ну, раз пришел — бери. Вот она, в сундуке. Ничего, что я на крышке сижу? Если хочешь, могу сойти, мне не жалко.

— Да сиди. Толку-то: дуб мне не срубить, даже если бы у меня и был топор. Сундук не отпереть — вон на нем какой замок! Даже цепи размотать я не сумею: слишком они в кору вросли. Значит, одно мне остается: перекусить хлебом да сыром, запить молоком и обратно в путь-дорогу собираться. Настоящие мужчины должны достойно принимать свое поражение.

И он — гляди-ка! — в самом деле уселся под дубом, развязал дорожный мешок и — о кошачьи боги! — вытащил оттуда сперва кусок сыра, потом хлеб, а потом — ох! и еще раз ох! — целую крынку с молоком! Свежайшим (и откуда только взял?!)!

(А взял он его очень просто: подоил корову. Проходил мимо вымершей деревушки, увидел буренку, которая сама же и поспешила к нему, — и облегчил ее страдания. Бедняжка бродила с набухшим выменем, и, видно, уже неделю, если не больше, никто о ней не заботился.)

— Эй! — крикнул с сундука кот. — Слышишь, ты, царевич так называемый. Давай-ка без упаднических настроений! Что значит «поражение»? С чего это ты взял, что — поражение?! Позорище какое: даже пытаться не стал, а сразу: «Пораже-е-ние!» — и вперед, припасы харчить! Подъем, «настоящий мужчина», тебя ждут доблестные подвиги и в конце — награда! Кстати, тебе чего от Кощея надобно-то?

— Чего всем, — хмуро отвстил Иннокентий. — Принцессу разбудить. Эту, как ее... Василису.

— Вижу, не сильно-то ты хочешь ее будить. Не понравилась?

Царевич отмахнулся и отломил еще кусок сыра. И съел.

— Ну-ладно-ладно-так-и-быть-помогу-я-тебе! — затараторил кот. — Но перестань наконец жевать, когда с тобой разговаривают, это же неприлично!

— И как ты собираешься мне помочь?

— Ну, это легко... то есть *для кота* легко. Все вы, герои, мыслите однообразно: поджечь, срубить, сломать. Нет в вас тонкости. Сам подумай: если сундук с замком, зна-а-чит...

— Он заперт.

— Значит, имеется и ключ от него!

— И ты знаешь, где он?

— Нет, — честно ответил кот. — То есть знаю, что, когда сундук сюда вешали, ключ унесли и выбросили в Синее-Синее Море, но это в данном случае все равно что «нет». И так бы ты и ушел, несолоно хлебавши, если бы...

— Почему же? — сказал Иннокентий, которому надоели шуточки кота. — Я бы сперва покушал и попил, а уж потом...

— Не перебивай! В общем, раскрою я тебе, так уж и быть, страшную тайну. Видишь ли, все волшебные ключи одинаковы. Поэтому — жди здесь и не смей есть и пить! Подвиги должны совершаться натощак!

Кот вскочил, покрутился на сундуке и наконец взбежал по цепи наверх. Не было его долгонько — Иннокентий и подремать успел, и уже всерьез проголодаться.

— Идешь? Молодешь! — Кот выскочил из-за дуба, в пасти он держал покрытый бурой тиной ключик, который бросил к ногам царевича. — Ну, дальше сам: залазь и открывай.

Кот спрыгнул на землю и с видом свойским, независимым подошел к кувшину с молоком.

— Ну а я покамест...

Он так увлекся, что не заметил, когда Иннокентий успел открыть крышку. Только по запаху и догадался. А, вот еще и по крику.

— Что? — спросил, не отрываясь от сыра.

— Воняет! — обиженно сообщил царевич. — Я-то думал, здесь медведь, заяц, утка...

— Ага, все там и есть, — кивнул кот. — А что, что?! Ну-у, ты прям как маленький. Ты представь, сколько они там лежали — это ж ни один Кощей столько не проживет! Потому и сундук прочный, с толстыми стенками: чтоб запахи не просачивались. Ты давай нос не вороти, а доставай яйцо и закрывай скорей крышку, а то в округе все мыши передохнут — на кого мне тогда охотиться? Чай, не каждый день сюда царевичи с молоком захаживают!

Иннокентий выполнил всё, как велел кот, и, открыв мешок, бережно уложил туда, в особую коробчонку, яйцо со смертью Кощеевой.

— Ну, — сказал, — пора мне. Благодарствую, котушка, за помощь.

— Это тебе спасибо, — облизнулся кот. — Если что-нибудь еще — заходи, не стесняйся. А я верну-ка вещицу на место.

Он ловко подхватил с земли ключик и молнией взлетел на цепь.

— Эй, — крикнул ему вдогонку Иннокентий. — Ты откуда его взял-то?

— Тах, у шерепахи отной отолшил, — невнятно ответил кот и скрылся в ветвях.

* * *

Кощей Бессмертный сидел на срубе колодца, свесив ноги и насвистывая простенький мотивчик (что-то из народного); рыбачил.

— А-а, Иван! — сказал Кощей. — Ну, наконец-то.

— Я — Иннокентий, — напомнил Иннокентий.

— Слушай, не будь занудой. Вас тут за столетие столько проходит — башку сломаешь, всех запоминать. Поэтому я для простоты всех зову Иванами. Хочешь Василису разбудить — потерпи. Не хочешь — скатертью дорога. И вообще, не шуми, клюет.

Бессмертный осторожно повел удочку вбок, потом дернул — и в траве забилась огромная щука.

— Отпусти меня, Емеля, я три твоих желания испо... — Щука увидела наконец, *кто* ее поймал, и выпучила глаза, беззвучно разевая рот.

Бессмертный покачал головой:

— Я мог бы, конечно, пожелать, чтобы у моего соперника, Ча-Хлыка Нэвмэрэ из восточных степей, пропала вся его коллекция, но это будет неинтересно, слишком просто. Так что — не искушай, дура! — И он, ловко ухватив щуку за хвост, швырнул ее обратно в воду. — Это издевательство какое-то! — пожаловался Бессмертный царевичу. — Уже в колодце сел порыбачить, думал, хоть здесь обычная рыба попадется — нет же, сплошь чародейская, с «жела-а-ньями»! Тьфу! Скучно, Иван, скучно жить!

Это (Иннокентий уже понял) Кощей так шутил. Бессмертный выглядел очень даже жизнерадостно: пухленький, розовощекий, голубоглазый, с русыми волосами (их он зачесывал вперед, чтоб не видно было пробивающейся лысины).

— Ну,— сказал Кощей,— рассказывай наконец. Добыл?

— Добыл.

— Покажи! — Бессмертный едва сдерживался.

— Не так скоро! — отрезал Иннокентий.— Сперва отведи меня к Василисе, там и обменяемся: яйцо на принцессу.

Кощей смерил его задумчивым взглядом:

— Ну, пойдем, Иван, пойдем. А по дороге расскажи-ка мне, как оно хоть выглядит.

Иван... тьфу ты, Иннокентий тщательно описал свою добычу.

— Оно! — Кощей аж зарделся от удовольствия.— Оно самое! Ну, Иван, если не обманул ты меня — получишь и Василису, и... ну, и еще что-нибудь тебе дам, в придачу. Хочешь в колодце моем порыбачить, а? Сам ведь видел, какой там клев.

Тем временем они вошли в Кощеев дворец и по мраморной лестнице спустились к небольшой дверце, что вела в подвал. Точнее, в Подвал — здешние подземелья достойны были только заглавной буквы. Иннокентий мельком удивился, как это Бессмертный ходит здесь без карты и не плутает,— а тот уже и карту достал из кармана, вгляделся, кивнул сам себе и повел гостя в нужном направлении.

«Надеюсь, к Василисе».

Вопреки расхожему мнению, Кощей в Подвале определенно не чах над златом — да здесь и злата не было, одни хрустальные гробы! То есть это сперва Иннокентий решил, что гробы, а потом пригляделся внимательней и понял: витрины! А в них, на черном бархате, лежали птичьи яйца, сотни и тысячи разных яиц!

— Впечатля-а-ет? — снисходительно хмыкнул Кощей.— Уникальная коллекция *ovum*'ов, мечта любого дологофила! Что такое «овум»? Эх, Иван-Иван, нельзя же всю жизнь на печи сидеть, надо и в мир выбираться или хотя бы книжки читать! «Овум» означает по-заморски «яйцо», а «дологофилия» — страсть к собиранию яиц. Птичьих,— уточнил он на всякий случай.— И перед тобой, скажу без ложной скромности, одна из величайших коллекций, именно так. Вот смотри. Тут написано по-заморски, но я, чтоб тебе было понятней, стану использовать просторечные названия. Здесь — яйцо ивы, видишь, голубовато-белое, а просвечивает зеленым. Ива обитает в странах египетских, поедает змеев, имущих крыла...

— А я думал, ива — дерево такое, — встрял Иннокентий.

— Экий ты, Иван, ограниченный! Разве не может одно и то же названье для разных вещей использоваться, а? Слушай лучше да гляди, больше-то такого нигде и не увидишь! Тут вот — яйцо парадызеа, птицы безногой, длинной и страшенной, а глаз у нее за перьями и не видать даже. Летает быстро, а когда отдохнуть хочет — уцепится за дерево и отдыхает. Рядом яйцо асиды, эта известна тем, что забывает их в земле: закапывает и улетает. Так же и езгуля о детях своих не заботится, но яйца подкидывает в гнезда другим птицам, а потом, как те их высидят, забирает птенцов обратно в гнездо. А как зима наступает, езгуля соскребает с себя перья и влазит в яму или же дупло, там и зимует... Та-ак, это не очень интересно, можно пропустить... Ага, вот гляди: яйцо барнитлега, эти вообще-то не из яиц вылупляются, а из кусков сосновой коры, ежели их пропитать морской водой. Но иногда, в виде исключения... — Кощей повертел в воздухе рукой, дескать, все равно тебе, дураку, не понять. — Ну опять же баранока яйца. бажантов разных — ерунда! Ага, вот интересное: яйцо загоски злонравной.

— Чего-то оно на яйцо езгули похоже, — заметил Иннокентий, чтоб поддержать разговор.

Кощей отмахнулся:

— Это только для постороннего глаза похоже! Ну, вот еще яйцо тупа, ломикоста, дремлиха... обычное дело. Ага, редкий экземплярчик: яйцо кокоши, едва раздобыл, и то цену пришлось немалую заплатить.

— У куриц такие же, — ляпнул, не подумав, Иннокентий.

— Похожи, конечно, — снисходительно кивнул Кощей. — А это птица любопытная, в воде живет — желвою кличут. Испускает из себя багровый пот, из него краску готовят. Такого яйца даже у Ча-Хлыка нет! Ну-с, — сказал он, останавливаясь у очередного стеклянного гроба, — а сюда, значит, ляжет твоя добыча.

— Сперва Василису покажи, — напомнил Иннокентий.

— Да вот же она! — Бессмертный прищелкнул пальцами, крышка гроба откинулась... под нею лежала, будто живая, Василиса.

«Не то чтобы прекрасная, — подумал Иннокентий, — но симпатичная, весьма. Главное, чтобы с ней за годы не случилось того же, что с медведем, зайцем да уткой».

— Давай яйцо и целуй, — махнул рукой Кощей. — Всё по-честному, я свое слово держу!

Иван достал и отдал Бессмертному коробчонку с трофеем.

— Каков экземпляр-то, каков экземпляр! И-эх! — От переизбытка чувств Бессмертного едва карачун не хватил. — Уж теперь-то Ча-Хлык обзавидуется! — Он вытащил из кармана штыречек, пробил в яйце два отверстия на острие и с противоположной стороны. — А ну-тка, каково оно на вкус...

— Осторожней, там иго... — хотел было предупредить Иван, да поздно: Кощей, переменившись в лице, фыркал и сипел; потом уронил яйцо и сам рухнул на пол, бездыханный.

— Я всегда говорил, что собирательство — пагубная страсть и до добра не доведет, — заявил кот ученый. Он каким-то макаром нашел путь в Подвал и теперь оглядывал ряды стеклянных гробов, вздыхая: — Сколько еды перепорчено. ...Ну, — сказал он Иннокентию, — чего ждешь, счастливчик? Целуй ее. Или стесняешься? Так я отвернуться могу.

— Не надо. — Царевич опустился на колени, снял с Кощея амулет с заморскими словами «Ars longa!», положил себе в карман. — Слушай, — сказал, — тут у него где-то снасти были. Найдешь?

— А молоко у тебя еще осталось? — нагло поинтересовался кот.

* * *

— ...И пусть познает о том Ча-Хлык. По щучьему веленью, по моему хотенью! — сказал Иннокентий и выпустил щуку обратно в колодец.

— Думаешь, явится? — спросил кот.

— Рано или поздно — обязательно явится! Этому Нэвмэрэ, конечно, из восточных-то степей далеченько топать. Но ты ведь сам говорил, что страсть к собирательству — великая сила!

— А целовать-то ему Василису зачем?

— А необязательно, — согласился Иннокентий. — Пусть охраняет. Желающие поцеловать всегда найдутся.

— Ты-то сам чего отказываешься?

— Незачем мне. Дома любимая дожидается, вернусь — и женюсь. Я бы и не шел сюда, так батюшка велели подвиг совершить. А мы с Настенькой об жизни простой мечтаем, поселимся где-нибудь в обычном царстве, без чудес этих дурацких, детей нарожаем, народом станем управлять по справедливости!.. Заживем как в сказке!

«Так и стало по их хотенью: вернулся Иннокентий-царевич, женился на Настеньке и зажили они без чудес, как в сказке!»

— Кеша! — позвала Настенька. — Тут к тебе... кот какой-то пришел. Говорит, твой старый знакомый. Говорит, решил погостить у нас... Говорит...

Царь вздохнул, нацепил корону и подытожил хмуро:

— Вот и сказке конец!..

Екатерина Мурашова, Мария Семёнова

СКАЗКА ПРО ПЕЧКУ

Падал снег. Крупные мягкие хлопья тихо кружились и кутали землю, стараясь потеплее одеть её к близким морозам. Только в одном месте пушистое кружево было нарушено широким чёрным пятном. Снег не мог там улечься, потому что пятно было горячее. И снежинки, не долетев до земли, превращались в капли дождя.

Дождь смешивался с дымом, что поднимался с пожарища, и свисал грязными занавесками. Занавески колыхались от порывов ветра, разнося запах мокрой гари, и кто не знает этого страшного и мёртвого запаха, тому лучше его вовсе не знать.

Ещё вчера здесь стояла деревня. Не ахти какая большая, зато крепкая и весёлая, потому что работящие и дружные деревни грустными не стоят. А теперь деревни больше не было. Совсем не было. Ни изб, ни людей. Чадный след Змея Горыныча давно развеялся в небе. Отбушевал и пожар на земле... Только высились, обречённо вздымая к низкому небу угловатые трубы, полтора десятка русских печей. Над несколькими трубами ещё курились дымки. Растопили их заботливые хозяева, поставили подходить тесто для пирогов, а сажать-вынимать те пироги уже и не довелось... Дотлеют последние угольки, и доберётся до печек талая сырость, начнёт понемногу превращать их в бесформенные груды глины и мёртвого кирпича...

Толстенный дуб на лугу за околицей подслеповато щурился в мутную колышущуюся пелену. Не движется ли что на пепелище, не осталось ли живого кого?.. Нет, напрасны были надежды старого дерева. Всё кончилось. Никто больше не придёт водить кругом дуба осенние праздничные хороводы, никто не спрячется в его тени летним жарким полднем, никто не поверит ему морозным зимним вечером мо-

лодую сердечную тайну. Никто не украсит по весне его ветвей разноцветными лентами...

— Да будь же ты проклят, Змеище! — проскрежетал дуб... и заплакал. Сочились горькие слёзы из ран в бугристой коре, где прошлась по дереву Змеева огненная струя, опалила корни, сгубила малые жёлуди на земле...

— Ну что, бабоньки, — прозвучал на пожарище глухой глиняный голос. — Видно, доля наша такая. Пришла пора помирать!

Это говорила самая большая и статная печь. Как сбил её прадед погибшего ныне хозяина, сбил из жирной красной глины на совесть и на века, так она по сей день и стояла, не старилась в каждодневных трудах. Пекла хлеб, варила и жарила-парила на всю большую семью, — и, как говорили, с годами всё только вкуснее у неё получалось. Ан не радовать ей больше добрых хозяев! Вот упала, зашипев, на мокрую землю заслонка, открылись внутри горнила последние рдеющие головни...

— Где родились, там и пригодились, — вздохнула соседская Печь, приземистая, с просторной лежанкой. Сколько деток вырастила, сколько стариков на ней грелись и в девяносто лет на спины не жаловались! — Ладно, подруженьки милые, недолго осталось... Не судите строго, лихом не поминайте!

И ещё одна заслонка свалилась в талую грязь...

— Да как же, тётеньки, бабушки! — жалобно звякнула вьюшкой самая молоденькая и маленькая Печка. — Вы за свои годы вон сколько каши наварили, молока потомили, сколько пирогов испекли и щей добрых исполнили! Больных без счёта на ноги подняли! А я? Меня только-только для молодожёнов сложили! Самый первый раз и затопили сегодня...

— Смирись, — скорбно испуская в плачущее небо последние завитки, шуршали старые печи. — Судьба наша такая, и не уйти от неё.

— Дур-ры, — прозвучал вдруг, вернее, прокаркал совсем непочтительный голос. На угасшую трубу в середине пепелища усаживалась драная ворона с двумя перьями вместо хвоста. — А вот и непр-равда!

— Это как? — обрадовалась Печечка нежданной поддержке. — Неужто впрямь видано, чтобы печка без избы по свету бродила?! Новой доли искала?..

— А то,— важно подтвердила ворона.— Про Емелю слыхала? Который по щучьему веленью, по своему хотенью?.. То-то! А девочка, что за личным счастьем в путь-дорогу пустилась? Помнишь, по пути печку топила? Не избяную, не надворную,— вовсе само-стоятельную... Тесто месила и пирожки ела, вот! — Судя по всему, ворона от пирожка бы не отказалась, только сдва живым печам нечем было её угостить.— И ещё, если подумать...

— Спасибо тебе,— тихо сказала Печечка.— Бабушки, тётушки! Благословите с места сойти, долю поискать!

Никто ей не ответил. Затихли старые печи, дотлели в них последние угольки.

— Пойду, стало быть,— распорядилась их молчанием Печечка.— Мало ли, вдруг кому пригожусь... А ты, воронушка, может, мне и дорогу покажешь? Вместе-то веселее бы...

— Вот ещё! — фыркнула ворона. Встряхнулась, вдаль полетела.

А что ей тут рассиживать, коли всё равно поживы не будет?

Но Печечка уже набралась сил и решимости. И тихонько слезла с испода...

На раскисшем оттепельном тракте народу немного. Вот проехали в кургузом возке, нестройно распевая, расторговавшиеся на ярмарке мужики с красными носами. Низко пригнувшись к холкам коней, пряча от брызг румяные лица, в противоположных направлениях деловито проскакали два Ивана-дурака. Вслед за одним из них пробежал на длинных лапах серый волк. Мелькнул между тучами карлик-Черномор с развевающейся по ветру бородой, и, держа курс на юг, низко, почти припадая к дороге, словно прихрамывая, пролетела закопчённая ступа с неряшливой, но нестарой на вид Бабой-ягой...

И никому не было дела до Печечки, которая медленно, то и дело пугливо сбиваясь к обочине, продвигалась по тракту. Только вечно голодный серый волк с мимолётным интересом глянул безжалостными жёлтыми глазами и потянул носом: не завалялось ли внутри пирога какого? Ну там, хоть Колобка...

Но от Печечки совсем не пахло съестным. И — как ни старалась она силёнки беречь — в горниле прогорало самое последнее полено. Погаснет оно — и замрёт Печечка, на обочине

притулившись, и холодный зимний дождь понемногу размоет все швы, пройдёт день, неделя, другая... А там разве вьюшку да заслонку кто-нибудь подберёт. Железо нынче дорого...

И Печечка ползла и ползла, из последних сил, на одном упрямстве. Неужели всё зря?..

Богатый дом с красной железной крышей и флюгером с петушком она приметила издалека.

«Тут меня обязательно приютят, — обрадовалась она. — Не может быть, чтобы не приютили. А в большой дом не допустят, так я не гордая. Я и в надворные с радостью. Вон у них участок какой...»

Хозяин подкатил к дому на лоснящейся вороной тройке, которую язык отчего-то чесался поименовать «шестисоткой».

— Мне бы только чуток дровишками подкормиться да малость окрепнуть, — доверчиво обратилась к нему Печечка. — А так я сильная. И много умею...

— А на что ты нам? — рассмеялся хозяин. — Ты ж эта... Ну да, видел в каталоге... русская печка? Таких теперь уже и не строят. Кому ты нужна?

— Пойми, лапотная душа, у них тут, в натуре, как в порядочных странах, — объяснил Печечке красовавшийся в большом доме Камин. — Всё, типа, как на Западе. Не изба, а коттедж, всё ци-ви-ли-зо-ван-но. И отопление, и отделка, и мебель. А ты со своим посконным рыльцем куда в ев-ро-стан-дарт?

— Но я пирожки печь могу, — тихо сказала Печка. — Масляные. С корочкой хрустящей. И кашку пшённую... с черносливом... А про тебя я что-то и разобрать не могу — как ты пироги-то печёшь? Куда их сажают?

— Деревенщина! — рассыпался Камин веселыми искрами. — Разве ж я для того предназначен? Для еды у них другая печка имеется. На микроволнах. В ней они корытца беленькие разогревают. Из су-пер-мар-кета... Надо бы им ещё с ухватами да чугунами передо мной суститься! Я — и-мид-же-вый! Передо мной по обычаю надо просто сидеть, ничего не делая, качаться в кресле-качалке... Можно ещё собаку гладить, только непременно породистую...

Печечка из слов Камина ничего не поняла, кроме одного: делать ей тут нечего. Понуро поползла было прочь, ду-

мая лишь — успеть бы покинуть ухоженный двор и подалс где-нибудь помереть. А то неловко получится. В таком цивилизованном месте, и вдруг — дохлая печка...

— Ты во-он туда загляни, — посоветовал говорливый Камин. — Там Избранники живут. Слышал я, они печку подыскивают как раз навроде тебя.

— Какие Избранники?

— Да водится тут у нас забава: обещаниями мериться. Выборы называется. Чьи посулы пригожей, тот и Избранник, ему уважение и почёт.

— Но... — задумалась Печечка. — Обещанное, его ведь исполнять надо?

— А это, — фыркнул Камин, — уже другой вопрос. Не первой очерёдности.

— А... а я им на что?

— Опять же для имиджа, — подпустил дыму Камин. — Для народности. Только они тебя растапливать не будут... В саже мараться, оно им надо? Они и готовить не умеют, всё больше по ресторанам, по банкетам-фуршетам...

— Нет уж, — вздрогнула Печечка. — Пойду я себе.

— Слышь-ка, — остановил её Камин. — А ты правда настоящими дровами питаешься?

— Да, — удивилась Печечка. — А чем же ещё?

— А я... этим вот. — И Камин кивнул в угол, где стояли — нет, не беленькие корытца из супермаркета, но тоже неплохо, импортные пакеты со специальным углём. — Дай полешко попробовать!

— Так последнее у меня...

— Ну и что? Перекрутишься, у кого-нибудь перезаймёшь! Давай, подруга, делись!

Растерялась Печечка, не могла придумать, как быть. И не попотчевать речистый и весёлый Камин казалось уже вроде нехорошо... И полено было нешуточно единственное, последнее... И как это — перекрутиться-перезанять? Она таких и слов-то не знала...

— Чурка! Чурка раскосая! — послышалось впереди.

Печка было обрадовалась, решила, что это её зазывали в гости, сулили добрых колотых чурочек, однако ошиблась. Там гнали от ворот смуглого оборванного мальчишку. Может, его ещё и побили бы, да зарычал пёс, сопровождавший

мальца: большой, всклокоченный, корноухий. Так они вместе и скрылись за поворотом, а хозяева всё не уходили с порога, всё кулаками грозили.

Хотела уже Печечка как-нибудь по другой стороне тракта мимо них проползти, но хозяева её приметили, кулаки разжали и замахали приветливо:

— К нам, к нам!

Избушка у них была небольшая, с подслеповатыми окошками и как бы присевшая на один бок. От этого казалось, будто она лукаво и зазывно подмигивала всем прохожим-проезжим. А перед крыльцом на распорках стояла вывеска с надписями и картинками:

«Молоко парное — кружка 2 коп.

Сливки свежайшие — кружка 10 коп.

Сметана — хоть ножом режь, 1 ложка — 1 коп.

Пирожки горячие, домашние, с мясом, с яблоками, с морковкой, с яйцом и луком — по 5 коп, с кашами разными — по 3 коп.

А также черви жирные для рыбалки...»

Из трубы избушки поднимался дымок.

«Пирожки, — обрадовалась Печечка. — Если они не только себе, а ещё и на продажу их выпекают... Чего доброго, и мне тут дело найдётся...»

— Ишь, какая ладненькая, молоденькая, — деловито захлопотали хозяева. — Сразу видать, на вырост сложена, на перспективу. Опять же на дороге за так пропадает... Непорядок, добро должно при хозяине быть. А нам бизнес в самый раз расширять, место выгодное, в торговый день одних Иванов-дураков до дюжины заходит, прочих не считая... Хотим вот на заднем дворе пруд с карасями да с рыбалкой устроить. Ты насчет ухи как? Сможешь?

— А то как же! Десяти сортов! — обрадовалась Печечка. — Хоть тройную, хоть постную, хоть с манкой...

— Хорошее дело, — облизнулись хозяева.

— А место у вас для меня найдется? — осторожно спросила Печечка. — Избушка-то у вас, гляжу, небольшая... — Она уже двинулась было к порогу, но остановилась. — Я и в сараюшке могу...

— Зачем в сараюшке? — удивился хозяин. — Коли сговоримся, мы старую-то печку враз и выставим за ворота.

Пускай себе дальше ползёт, вот как ты сейчас. Ей, может, даже лучше так будет!

Печечка осторожно заглянула в дверь... В избе было тепло и уютно. На низком окошке — облитой горшок с геранью. На выскобленном столе аккуратными столбиками — монетки. Копейки отдельно, пятаки отдельно, гривенники отдельно.

— Что уж теперь! — услышала она тяжёлый вздох.— Ничего не поделаешь — выгода для них главное. Если уж так подфартило — не откажутся. Видно, кончилась моя жизнь... А сколько я ещё пирогов могла бы напечь... С требухой, да с капусткой, да с кашей-грибами... Ладно, чего уж тут... Становись, бродяжка, на моё место. Смотри только, чтобы через год-другой и тебя на новую не променяли...

И широкозадая, чистая, белёная печь-труженица ещё раз вздохнула, выдула облачко серебристой золы.

— Н-нет! — попятилась Печечка. От ужаса она даже начала заикаться. — Нет! Я так не хочу! Я так не б-буду!

— Печка, постой! — звали её хозяева. — Куда, глупая, уходишь? Что тебе у нас в избе не понравилось? У нас же и дрова сухие, берёзовые, и золу мы всегда вовремя вычищаем...

Три последних уголька — всё, что оставалось от домашнего, тщательно сберегаемого полена — сиротливо догорали в топке, почти не давая жара. Над трактом сгустились сумерки. В разошедшихся на мгновение тучах зажглась одинокая звезда. А на земле, где-то в ближнем овраге, тоскливо и жалобно завыла собака.

Печечка огляделась и увидела красивый дом на взгорке над рекой. В доме приветливо и тепло горели окна.

«Ещё не спят,— рассудила Печечка.— Была не была, попытаю-ка счастья, попрошу меня испытать. Я бы им к утру такую кашку томлёную приготовила...»

Печечка представила себе, как тепло от свежей растопки разливается по её иззябшему телу, как тихо и уютно фырчит внутри ароматная каша в тяжёлом глиняном горшке, как свежим утром стучат ложки и просят добавки звонкие детские голоса... Она заторопилась.

Хозяева дома оказались молодыми и весёлыми. И дети в избе были. И явный, бросающийся в глаза достаток. И ще-

пок с толстыми лапами на полосатом коврике. Всё у них было...

Было — да не про Печечкину честь.

— Опоздала ты, голубушка, — смеясь, объяснили ей. — Нет бы тебе на недельку раньше к нам заглянуть, глядишь, всё бы и устроилось. Мы ведь недавно этот дом прикупили, как раз окна со ставнями и печку меняем. Старые хозяева померли, наследники в город подались, а мы, наоборот, из города. Тут лес, речка, воздух и продукты свежие, детям полезные... — И хозяева указали Печечке внутрь дома: — Вон, смотри, у нас уже и печник работает. Самый дорогой, за большие деньги нанятый. Да не за рубли за какие, а за иноземные доллары.

Из дома донёсся глухой удар.

— Ой, да зачем же старую-то печь рушить! — попробовала вступиться Печечка. — Может, её ещё починить можно?

Печь в старом доме действительно была огромная. С лежанкой, с полатями, с просторным горнилом. Прежде старики в нём и детей мыли и сами кости распаривали, отчего и жили до ста лет. Не печь, а Печища!

— Не по силёнкам тебе, дочка, меня отстоять, — одышливо пропыхтела Печища. — Я свой век сполна прожила, старики мои умерли, а эти... Куда мне на них угодить! Пора, зажилась на Божием свете... А ты, смотри, подольше живи...

— Помираю я, матушка, — тихо всхлипнула Печечка, у которой вдруг как-то разом кончились силы. — Совсем внутри огонька не осталось... И никто меня к себе не пускает, никто полешек не подкинет...

Печища задумалась. Печник в фирменном фартуке ходил вокруг, заглядывал внутрь, примеривался, как станет навсегда её разрушать.

— Тогда вот что мы сделаем! — решила она. — Гоша, ты живой там ещё? Слышишь меня?!

— Слышу, — пискнул кто-то в подпечье.

— Жизни тебе здесь при новых обычаях уж точно не будет. Но и со мной вместе помирать, как собрался, — не моги! Не велю! Хватай полено у меня из брюха и вот с ней заодно — тикайте отсюда! Будешь её покуда кормить, а как она пристроится куда, так и тебе место найдется!

— А как же... — тихо пропищал невидимый Гоша.

— Иди, я сказала! — рявкнула Печища. Печник уже подступал к ней с колуном наперевес. — Прощайте все и не поминайте лихом!

— А ты, собственно, кто такой? — спросила Печечка, чуть отогревшись изнутри и присев под большим вязом на кромке обрыва.

К последнему полену из нутра Печищи Гоша добавил сухих веток от вяза и три пригоршни коры. Снаружи Гоша был похож на крупную, но тощую кошку, для чего-то вставшую на задние лапы. Лохматая голова, треугольные закруглённые уши, жёлтые светящиеся глаза...

— Домовой я, — представился он важно. И удивился: — Будто ты домового никогда не видала?

— Не видала, — потупилась Печечка. — Меня ж только-только сложили. Для молодых... Домовёнка обещали из родительской избы подселить...

— Что случилось-то? — нахмурился Гоша.

— Сгорела изба... Вся деревня сгорела. Змей Горыныч пожёг...

Помолчали.

— Печищу жалко, — напряженным голосом проговорил Гоша. — Мы с ней — сто семь лет... Она как мать мне была...

Ещё помолчали.

— А ты почему Гоша? — спросила Печечка погодя. — Я от наших слыхала, домовых всегда вроде Кузями...

— А меня в честь его, — Гоша ткнул лапкой в сторону одинокой звезды, — Победоносца Егория. Меня ж подселили, когда прежнего Горыныча отвадить удалось... А ты про то и не слыхивала? — И вдруг вскочил, по-кошачьи вздыбившись, даже, кажется, выпустил коготки. — Кто здесь?!!

Огромное существо с волосатыми руками до коленей и клыками, торчащими из пасти в разные стороны, выломилось из чащи на полянку, присело на корточки и горестно заухало.

— Всё, сейчас сожрёт! — пообещал Гоша Печечке, но наутёк всё же не кинулся, не посрамил гордого имени.

Между тем существо нападать не спешило, и Гоша, чуть успокоившись, принялся рыться в памяти. Кикимора? Слишком крупная. Леший? А клыки откуда? Мертвяк? Навий?

Волк-оборотень? Опять не то. В конце концов домовой решил просто спросить.

— Ты вообще кто? — трясясь мелкой дрожью от страха и холода, поинтересовался он.

— Я вообще-то гоблин, — сиплым басом и с явным иноземным акцентом ответило существо.

— Этого не может быть! — отчего-то рассердился Гоша. — Тебя здесь быть не должно. У нас тут Змей Горыныч, Кощей да Баба-яга, нам и хватит. Что-то ты, брат, перепутал!

— Это не я перепутал, — уныло прорычал Гоблин. — Это у кого-то другого всё в голове перепуталось. Мода, вишь ты, пришла. На экзотику. Едем, Гоблин, будет тебе берёзовый рай! Мода ушла... Гоблина коленом под зад, Иваны-дураки косятся нехорошо, дубины поглаживают, силушкой молодецкой поигрывают: рожа у него, видите ли, нерусская, и дух тоже... А откуда, спрашивается, у прирождённого гоблина может русская рожа и русский дух взяться?! Ох, попались бы они мне, эти Мода с Экзотикой! Хо-о-лодно...

— Ну, на случай холода у нас с собой Печечка есть, — рассудительно заметил Гоша. — Ещё кто бы дровишек для неё раздобыл?

— У-у-у! — радостно взвыл Гоблин. С хрустом вломился в ближайшие заросли — и принялся длинными ручищами обламывать сухостой.

А стоило Печечке как следует разогреться, как вблизи прозвучал глуховатый тоненький голосок:

— Не уходи, пожалуйста, постой немножечко ещё, если можешь. Тепло от тебя такое идет... утешное...

Оказывается, не один старый вяз над обрывом стоял, но и маленькая яблонька — в сугробе не разглядеть.

— Грейся, милая, грейся, — обрадовалась Печечка. — Сейчас Гоблина кликну, пусть он тебя как следует от снега пообтрясёт!

Яблонька оказалась стройной, с длинными нежными ветвями. На розовой молодой коре виднелись уродливые белые шрамы.

— Это зайцы, — объяснила Яблонька. — Как Змей деревню спалил — совсем осмелели...

— Так пойдём с нами, — простодушно предложил Гоблин. — Я тебя вместе с дровами на спину увяжу, не в тягость мне.

— Я ж дерево! — грустно засмеялась Яблонька. — Мне для жизни землица родная нужна!

— Всё! — решительно пыхнула Печечка. — Больше никуда не пойдём. Здесь останемся. А весна придёт — там видно будет...

— Ой, вы правда останетесь?! — обрадовалась Яблонька и на глазах распрямилась. — А я уж и зиму пережить не надеялась! Совсем с жизнью простилась! Так страшно по ночам, темно, ветер воет, зайцы зубастые идут... а ты и убежать никуда не можешь, и подмоги ждать неоткуда... да и зима нынче не как в прежние годы. Старые деревья говорят, Змей Горыныч копотью своей небо замутил, вот и морозы крепче сделались, и снег тяжелее...

Гоблин смахнул мохнатой лапой слезу.

— Только ведь пользы вам от меня никакой нет, — закручинилась вдруг Яблонька. — Печечка греет, Гоша мудрые речи ведёт, Гоблин сильный, а я? Я даже от ветра вас укрыть не могу...

— Поживём-поглядим, — сказала Печечка. — Ты вот сюда, в тепло, ко мне под бочок...

Долго ли, коротко, но как-то незаметно пришла весна. Испятнали стежками снег ошалелые мартовские зайцы, появились круги под елями, потом побежали весёлые ручьи, зажурчала-заговорила под крутым берегом студёная речка, очистилось бирюзовое небо, взошла изумрудная трава на старых кочках и юная крапива на пепелищах, защёлкал-засвистал в роще первый соловей...

А однажды проснулись все и глазам своим не поверили — стоит их Яблонька вся в белом невесомом наряде, точно невеста. И синее небо над нею как святой храм, и аромат плывёт такой густой и нежно-медовый, что, кажется, можно его ложкой есть...

Ни у кого слов не нашлось, только Гоблин вспомнил о родине и прошептал едва слышно:

— Эльф. Чистый эльф...

А когда все налюбовались и стали жить дальше, Печечка Яблоньке и сказала:

— Ну вот, а ты печалилась, дескать, пользы от тебя никакой. От тебя — миру красота. Разве этого мало?

Яблонька ничего не ответила, только лепестки цветов слегка зарозовели у основания. От смущения, наверное.

По пепелищу, обжигая босые ноги молодой крапивой, ходила Машенька в чистом, опрятно заштопанном сарафане. Держала в руке закопчённую глиняную свистульку, что нашла в развалинах родного дома. Помнила, как братик свистулькой этой играл... Когда Горыныч Змей налетел, Машенька в соседней деревне гостила. Знакомые сиротку не выгнали, зиму прожила в приживалках, по хозяйству помогала, детей нянчила, за скотиной ходила. А всё-таки чужой хлеб горек, да и не дело это — у добрых людей на шее сидеть. Дождалась Машенька весны и связала узелок в дорогу, а перед уходом решила ещё раз на пепелище сходить.

И теперь вспоминала пирожки-шанежки в родной избе, да материны добрые руки, да братиковы голубые глазки, да отцову русую бороду — и капали да капали слёзы на чёрные головешки, сквозь которые уже иван-чай прорастал...

— Эй, девочка, зачем плачешь? — спросил кто-то.

Подняла Машенька глаза и увидела мальчика. Смуглого и черноволосого. Совсем оборванного. А с ним рядом — собаку. Большую, тощую, корноухую.

— Как же мне не плакать, — ответила Машенька. — Вот тут наша изба стояла. А вот тут — тёти Василисы и дяди Игната, они только-только свадьбу сыграли...

— Не плачь, девочка. Ты есть хочешь, да? Вот, у меня краюшка осталась... Возьми!

— Ты что! — смутилась Машенька. — Скажи лучше, как тебя зовут?

Опустил мальчик глаза.

— Вантаняром мама звала... Пока Змей степь не пожёг, кибитки не разметал...

Девочка перебросила косу на грудь.

— А я — Машенька...

— Зачем ходишь одна? Давай дальше вместе пойдём. Я тебя защищать буду, да? Я тебя никакому Змею не отдам!

Кос-как улыбнулась Машенька. Потрепала по голове страшного лохматого пса.

— Пойдём... Ванечка. Я тебе рубашку зашью...

Весной на тракте людно — только уворачиваться успевай, не ровён час, затопчут. А не затопчут, того гляди, зашибёт перелётная с юга Баба-яга, загорелая, помолодевшая, похорошевшая. Совсем низко над землёй летит её ступа, небось нагруженная сувенирами... Пронеслись те же два Ивана-дурака, и опять в разные стороны, только тот, за которым волк прежде бежал, на этом самом волке теперь и скакал, — коня, знать, потерял. Волк насторожился при виде корноухого пса и так прянул в сторону, что седока мало наземь не скинул... Чего только не приключится в дальней дороге! Крикнул на волка Иван, стукнул каблуками под рёбра, дальше помчался. Как водится, за тридевять земель, туда, где, люди говорят, всякий Дурак на халяву Царевичем делается. И под венец идёт не с кем-нибудь, а с Василисой Прекрасной. На худой конец — с Премудрой. А вовсе уж не повезёт, так с Марьей-Искусницей...

Долго ли, коротко ли шли Машенька с Ванечкой по оживлённому тракту, про то нам не ведомо. Знаем только, что в один добрый солнечный день вышли они на крутой бережок, где стоял большой старый вяз и чуть поодаль — юная яблонька, вся в цвету. И только потянулась Машенька к душистым цветам, как вдруг насторожился Корноухий, а следом выскочило из кустов косматое чудище, заревело:

— Я те дам — нашу Яблоньку обижать!

Оттолкнул Ванечка Машеньку, собой загородил, выхватил из-под лохмотьев отцовский кинжал.

— Не тронь Машеньку!

— Какую Машеньку? — прозвучал за спиной у Гоблина ещё один голосок. — Уж не ту ли, что моим хозяевам сгинувшим соседкой была?

— Печечка! — закричала девочка. — Печечка милая!..

Заплакала, бросилась мимо Ванечки, мимо Гоблина — Печечку знакомую обнимать-миловать. Опустил Ванечка кинжал. Спрятал клыки Корноухий. Гоблин когти втянул...

— Похорошела ты, Машенька, вытянулась, повзрослела, — радовалась Печечка. — Прямо красавица. А глазищи, глазищи-то!.. — Помялась, помаялась, но всё же спросила,

застенчиво так: — Скажи, не томи душу... ты пироги печь умеешь? Или хоть кашку сварить? А то с тоски дрова отборные не милы...

— Всё умею! — успокоила её Машенька. — Всему матушка научила.

И стали они жить-поживать, добра наживать.

Ваня с Гоблином брёвна тесали, Гоша объяснял, как правильно избу ладить-рядить, Машенька на всех стряпала, Корноухий стерёг. Мало-помалу начал подниматься кругом Печечки новый дом... И то сказать, с чего всему начинаться, если не с печки?

Скоро стали люди поговаривать о новой деревеньке в один двор. Первым приехал из города родной брат Игната, того самого молодожёна несчастливого. Сперва в гости, потом — насовсем решил перебраться, рядом отстроиться. И не просто так переехал, привёз с собой старого-престарого дедушку, что сто лет назад с друзьями-соратниками злого Змея отваживал. «Не хочу, — сказал дедушка, — в душном городе помирать, подышу родным воздухом напоследок!» В новом доме, однако, помирать ему совсем расхотелось, ожил старичушка, взялся посиживать на крутом берегу, из-под руки смотреть, не видать ли супостата чешуйчатого.

За первыми поселенцами потянулись другие, да всё работящий, крепкий народ. Как-то заглянули Избранники, стали речи говорить, обещания обещать, а только слушать их никто особо не стал. Налили заезжим гостям по чарочке из заветного пузыря и выпроводили вежливо. Зачем чьи-то обещания, когда свои руки есть и голова на плечах?

Год прошёл, другой миновал, а там и ещё...

Сказывают, Гоблин съездил на родину, но скоро вернулся. У них там зимой слякотно, а в зябких каменных домах — сплошные камины. Вот он и заскучал без русских морозов, без чистого снега под солнцем, без уютного избяного тепла.

Ванечка телеги проезжие чинил, колёса на оси насаживал, и колёса те до тридесятого королевства докатывались безбедно. Даром ли он в кибитке рос кочевой, отцову науку перенимал!

Машенька узоры радужные вышивала, и люди, на те узоры поглядев, ссориться переставали.

Печечка раздобрела в щедрых трудах, налилась статью-достоинством, превратилась из робкой Печечки в молодую справную Печку. Иногда только принимала она роздых — когда Ванечка растапливал во дворе очажок и жарил мясо на прутиках. Называлось лакомство степным словом «шашлык», многие в деревне выучились его готовить, но так вкусно, как у Ванечки, всё равно ни у кого не получалось.

Разрослась Яблонька, перестала зайцев страшиться, принялась сочными яблоками добрых людей радовать. Гоша холил её, Гоблин с Корноухим дичь промышляли, зайцев тех самых...

А Ванечка с Машенькой надумали свадьбу сыграть.

Чтоб никто не шептался, дескать, долго жених и невеста под одним кровом жили, по-братски, по-сестрински из одной печки хлеб ели, гоже ли, мол, после этого да за свадебку,— Ванечка к соседу сходил, к тому самому Игнатову брату, ударил челом его Печке, которую когда-то выкладывать помогал.

— Пособи, государыня! Назови своим, прими в семью, чтобы я к Машеньке посвататься мог, да?

Распахнула ему Печка тёплое горнило, впустила, выпустила, хозяин дома его братом назвал, а старый дедушка — внуком. Поклонился им Ванечка и пошёл к своей Машеньке — счастливый жених.

И вот, только-только собрались за столом весёлые гости (почитай, вся деревня на свадьбу дружно пришла), как вдруг ощетинился, зарычал Корноухий:

— Беда, хозяин! Беда!

Вскочил дедушка, ткнул суковатой палкой в небеса:

— Летит, растудыть его тридцать три раза! Летит нечисть поганая!

Подхватились гости, задрали головы кверху... И правда загудело-заревело вдали, наметилась между облаками зловещая чёрная точка. Увидело, знать, страшилище новенькие избы, почуяло ладную жизнь — и, как у нечисти водится, позарилось людское счастье нарушить.

Стиснул Ванечка старинный кинжал, вскрикнул гортанно... Да против Змея много ли проку и от храбрости его, и от кинжала?

— Без паники! — скомандовал дедушка, и на груди ладным звоном откликнулись ордена, ради свадьбы надетые. — Меня слушай, ребята! Живо тащите сюда заветный пузырь! Как скажу — быстро в Печку швыряйте и заслонку крепче держите!..

Сказано — сделано. Бегом принесли прозрачную склянницу, выпули пробку...

«Что-то будет! — поняла Печка. И собрала воедино весь жар, а жар, надо молвить, о ту пору стоял в ней знатный. — Не дадимся Змею проклятому! Один дом я через него потеряла, второй — рассыплюсь, а отстою!»

С воем падал Змей на деревню. Разевал страшную пасть, вбирал воздух, готовился выпустить огненную струю...

— Пли!!! — закричал дедушка. — То есть кидай!!!

Кинул Ванечка в горячую топку заветный пузырь.

Хорошо кинул. Так и брызнули по раскалённому поду маленькие осколки.

Гоблин могучими лапами заслонку к устью прижал...

И миг спустя Печка почувствовала, как растёт, надувается внутри неё невыносимо яростный огненный шар.

— ВВВУХХХ! — выдохнула она сквозь трубу.

Трёхсаженный столб пламени — прямо Змеищу лютому в раскрытую пасть.

Втянул Змей вместе с воздухом калёный Печечкин гнев...

И взорвался. Знать, своя огненная сила уже в самой глотке была, всё вместе и полыхнуло.

— Сдетонировал, — погладил бороду дедушка. — Учись, молодёжь!

Осыпался Змей Горыныч чёрной копотью на деревню и на поля... На древний дуб, горевавший над пепелищем... Прошумел летний дождик и смыл нечистую копоть. И зазеленели на дубе молоденькие листочки, а пепелище в одночасье процвело незабудками, вставшими на холмиках прежних печей...

С тех пор, сказывают, деревня у речки живёт спокойно и счастливо. Детей растит, землю пашет, оттого на столах и щи с пирогами не переводятся. И Ванечка с Машенькой живы-здоровы... Что не жить, если избы своими руками слажены, а в избах Печки не гаснут?

Вадим Калашов

ПРОКЛЯТИЕ

Он всю жизнь имел дело с деньгами, но никогда не видел столько золота. Он сказал бы: «Глазам своим не верю», если бы одна его глазница не была пустой, как мошна пьяницы. Что и говорить, сейчас он был счастлив, по-настоящему счастлив.

Карта старого Филиппа не обманула, и Феодор Корий Гинсавр, он же Феодор Кинтарийский, он же Феодор Отважный, он же Кривой Купец, он же Кинтарийский Циклоп, в одночасье обрёл небывалое богатство, хотя и раньше был не бедным человеком.

Он стоял на палубе корабля, пил роскошное вино, по обычаю предков разбавив его родниковой водой, и наблюдал, как гребцы, превратившиеся на время в носильщиков, подобно муравьям, снуют между пещерой и трюмом второго судна, перенося на крепких спинах тяжёлые сундуки с золотыми монетами. Глупец сейчас бы топтался возле пещеры и следил, чтобы ни одна монетка не пропала. Феодор Кинтарийский не таков. Богатство Кривого Купца оттого и не уставало расти, что, гоняясь за ним, он никогда не терял разума. Ну сколько может утаить полуголый носильщик от хозяина?.. Три, может быть, четыре монеты. Если кто-то решится так поступить, то с Феодора Гинсавра не убудет, и это не повод оскорблять недоверием тех, чьё сердце преданно, а помыслы чисты.

Многие его друзья из партии красиков, такие же, как он, купцы, так не думают. Они презирают гребцов и матросов, относятся к ним как к рабам, словно Мессия девять веков назад не говорил, что рабы — мы все, перед лицом одного Всемогущего Господа.

Они другие, не такие, как он, хотя и носят того же цвета накидку, болеют на ипподроме за тех же возниц и занима-

ются тем же делом. Не раз и не два корабли Кинтарийского Циклопа ходили в дальний поход парус к парусу с их кораблями. Не раз и не два веслом к веслу пытались оторваться от грозных пиратов, а когда это не получалось, палуба к палубе принимали жестокий бой. Каждый такой поход завершался доброй пирушкой в хорошей таверне, пожертвованиями во славу Мессии и высокими ставками на ипподроме. И здесь они снова были вместе.

Познав коллег по ремеслу и друзей по партии и в трудную минуту и в светлый день, он имел право судить о них, а они о нём. Но если своё мнение Кривой Купец даже на пьяную голову предпочитал держать при себе, то его обоюдоглазые приятели, опорожнив наполовину амфору фалернского, не стеснялись выразить порицание некоторым его поступкам. Они пытались понять его мотивы, но Феодор Кинтарийский только посмеивался в ответ и хитро щурил единственный глаз.

Он и без пьяных расспросов в хорошей таверне знал, что его поведение иногда кажется друзьям странным. Знал, что, когда начнётся шторм, никто из них не выскочит на заливаемую дождём палубу, не скинет шёлковые одежды и не станет вместе с матросами убирать парус, подбадривая команду криками, перекрывающими гром. Знал, что, когда носильщики будут переносить груз с корабля, давшего течь, даже если счёт будет идти на мгновения, они заставят бегать с мешками по дрожащему мостику и матросов, и дружину, но сами даже пальцем не пошевелят. Знал, что, когда злая болезнь свалит половину гребцов, никого из них не увидишь за веслом, даже если в затылок дышат корабли пиратов.

Только он, Феодор, уроженец Кинтарии, прозванный Кривым Купцом, может поступиться ради пользы дела амбициями, и только он настолько отважен, что не отсиживается в трюме, пока на палубе наёмники из числа викингов или словенов рубятся с пиратской ордой, а своей бронзовой булавой и воодушевляющими криками зачастую решает исход сражения.

Он знает, что друзья никогда не поймут его, поэтому и не считает нужным ничего объяснять. Всемогущий Господь пытается их вразумить, но бесполезно. То одного команда бросила на необитаемом острове, то другой потерял в до-

рожных неприятностях четверть груза, но для остальных не послужил уроком ни первый, ни второй случай. В результате, когда шесть лет назад появилась возможность провернуть выгодное дело на границах загадочной Гипербореи, Феодору пришлось идти в море одному: никто из его друзей не сумел найти матросов, которые не испугаются плыть мимо берегов грозных викингов на край света, в страну белых медведей, клыкастых тюленей и людей с пёсьими головами.

Никаких людей с пёсьими головами Феодор тогда не нашёл, зато сумел добыть легендарного северного медведя и забил трюмы доверху белоснежными клыками злых тюленей. Тюленьи клыки теперь украшают рукоятки дорогих кинжалов на поясах богатейших людей Империи, а белый медведь — императорский зверинец.

То рискованное дело удвоило состояние Кривого Купца и убедило его, что он ведёт достойную жизнь, угодную Мессии.

И сейчас, стоя на палубе с кубком разбавленного вина в могучей руке, Феодор укреплялся в этой мысли.

Да, по прибытии первым делом нужно отблагодарить Мессию. Разумеется, некоторую сумму придётся отдать в храмы Империи, чтобы не вызывать подозрений, но бóльшую часть пожертвований примет истинный Мессия, а не тот, которому поклоняются трусливые аристократы из ненавистной партии венетов и их лживый император из прóклятой Небом и предками Феодора Кинтарийского династии. Три века назад бывший солдат, ставший басилевсом, объявил истинную веру ересью монофизитства, а ложь возвёл в ранг государственного культа. Нынешняя династия продолжает ту же политику, и не проходит и трёх недель, чтобы кто-нибудь из неосторожных на язык прасинов не попал в лапы к палачу. Глупец на троне не видит очевидного: что Господь жестоко покарал правителей, отвергших свет истинной веры. Что территория Империи уменьшилась вдвое со времени начала их правления. Что набеги варваров, случавшиеся в былые времена от случая к случаю, ныне сотрясают наши границы чуть ли не каждый год.

Открой свои глаза, августейший болван, потомок удачливого проходимца, и ты увидишь знаки, которые Небо

посылало вашим предшественникам и посылает сейчас вашей династии в надежде, что вы образумитесь! Пока не поздно, возьми кнут и выгони лжецов из храма, и прекрати сам служить лжи! И когда главный собор стольного града займут те, кто сейчас осмеливается отправлять службу только в горах далёкого Кауказуса, то ты увидишь, как изменится отношение Неба к тебе. Увидишь, как границы Империи начнут снова расширяться, а злые варвары в страхе побегут от наших катафрактов.

Но, увы, басилевс так же слеп, как друзья Феодора из партии прасинов. Да, и у первого и у вторых, в отличие от Кривого Купца, на лице моргают оба глаза, однако эти глаза обладают чудесным даром не видеть очевидного. Ни божественный басилевс, ни надменные друзья Феодора Отважного никогда не поймут тех знаков, которые Небо посылает, чтобы один сменил отношение к вере, а другие пересмотрели взаимоотношения со своими людьми. Мнение Кинтарийского Циклопа, высказанное вслух, здесь роли не сыграет, потому он будет хранить его при себе, дабы не лишиться ни друзей, ни головы.

Да, приятели разделяют не все его убеждения, а многие ради спокойной жизни даже отвергли истинную веру, но самый последний из них в сто раз лучше этих спесивых аристократов и их прихвостней, которые носят голубые накидки и лебезят перед болеющим за тех же возниц императором!

Феодор вдавил сильные пальцы в древний кубок и сжал зубы, чтобы не заплакать, когда вспомнил события пятнадцатилетней давности. Жестокий бой, подаривший ему прозвища Отважный и Кинтарийский Циклоп, но стоивший левого глаза и трёх лучших друзей.

Армия нечестивых детей пустыни подошла тогда к самому стольному граду. Их злые цари отвергли предложение покинуть Империю в обмен на золото. Им не нужны были монеты, им нужны были земли и жизни тех, кто верит в божественного Мессию, а не в их лживого пророка.

Ополчение обеих конкурирующих дим — партий стольного ипподрома, приняло участие в сражении, в котором решалась судьба Империи.

Небо помогло одолеть нечестивцев, но страшной ценой далась та победа. Три дня и три ночи не смолкал плач безутешных вдов и малолетних сирот в стольном граде.

Вереница носильщиков потеряла контуры, а перед взором поплыли красные пятна. Феодор чувствовал, как гнев начинает туманить голову.

Про́клятые, трижды про́клятые венеты и их лживый басилевс!

Да, не все его друзья из партии прасинов приняли участие в сражении лично, многие просто вооружили тех, кто по бедности не может позволить себе ламиллярный доспех и хороший меч, но из тех, кто бился сам, ни один не показал служителям нечестивого пророка спину! Да, ополчение дим никогда не было большой силой на полях сражений, но таких больших жертв можно было бы избежать! Ведь даже ребёнку, ничего не понимающему в тактике, понятно, что, когда воюют люди, далёкие по профессии от ремесла воина, главное — держать строй! Не позволить сражению распасться на множество мелких поединков, когда опытный боец кладёт каждым ударом двоих неопытных! И уж тем более не допустить флангового прорыва, который опасен даже для лучших подразделений любой армии мира, а что уж тут говорить о толпе людей, половина из которых только вчера взяла в руки меч!

В тот чёрный для зелёной димы день, всё так и случилось. Ополчение голубой димы покинуло поле боя, не выдержав сонма стрел, и всадники пустыни, опустив копья, атаковали правый фланг прасинов. Лошади пустынных конников — ничтожные ослики против могучих коней гвардии басилевса, а копья — жалкие палки по сравнению с контарионами имперских катафрактов, но обладатели первых остались стоять рядом с императором на высоком холме, а владельцы вторых увлеклись давлей вражеской пехоты, прорвавшей фаланги скутариев в центре. Бронированная конница в тот день не сломала ни одного копья за судьбу пеших ополченцев. И участь их была ужасна, ибо в мирной жизни нет ничего страшнее чумы и гнева императора, а на войне, как уже было сказано, — трусости соратников и фланговой удара противника.

Много людей, среди которых были три лучших друга Феодора Кинтарийского, стали жертвами трусости венетов и последовавшей атаки всадников пустыни. Сам Феодор выжил и сохранил память о том, как божественный василевс на высоком холме стоял, окруженный блестящей свитой, а рядом с ним топтались так и не принявшие участие в бою «бессмертные» — личная гвардия императора, созданная три века назад бывшим солдатом, занявшим стольный трон. Василевс не посмел рисковать резервом, чтобы спасти погибающее ополчение, и только безрассудная отвага варяжской стражи Империи и словенской дружины полководца Льва Тансавра, ударивших на врага вопреки приказу «ждать», спасла прасинов от полного истребления.

Когда варяги, размахивая окровавленными двуручными топорами, врезались в толпу всадников пустыни, вначале проредив её бросками толстых копий, то они навсегда запомнили высокого человека в зелёной тунике поверх ламиллярного доспеха, на широкую бороду которого стекали кровь и остатки левого глаза. Своей громадной булавой он пробивал головы невысоких лошадей и сбивал на землю их смуглых наездников, а его громовой голос перекрывал шум битвы. Викинги в тот день дали этому человеку прозвище Отважный, а полководец, чей букеллярий, состоящий целиком из словенов, обратил служителей проклятого пророка вспять, назвал его Циклоном.

Феодор дрожащей рукой опрокинул в себя остатки вина, пролив часть божественной влаги на широкую бороду, бросил кубок и тряхнул кудрявой головой. Ничего, придёт и наш час. Судьба прошлых династий ничему не научила нынешнюю, тем лучше. В этот раз прасины будут подготовлены, и, когда над ипподромом снова пронесётся клич «Ника», василевсу и трусливым венетам не удастся утопить восстание в крови.

Но это дела грядущих дней, и, дай Господь, император всё-таки образумится, потому что хотя Феодор Киптарийский не был трусом, но не любил войну – он был уже трижды отцом. Ради них, троих черноглазых сыновей, он и существует на грешной земле, и только ради них плавает по бурному морю.

Мысли об этих сорванцах и об их ясноокой матери вернули Кривому Купцу хорошее расположение духа. Он принял неожиданное решение.

Господь с ними, с венетами, с басилевсом и с далеко идущими планами! К дьяволу все планы, если они угрожают благополучию трёх самых лучших созданий на этом свете!

Заработав большой живот, Феодор не потерял былой ловкости. Одним прыжком он перемахнул перила палубы и по колено приземлился в воду, подняв в воздух сонм брызг. Часть из них попала на лицо и смыла последние остатки мрачных мыслей и неприятных воспоминаний, минуту назад будораживших душу тридцатисемилетнего купца. Он выбрался на берег и направился к носильщикам.

И вовремя. Один из них, молодой Намба, поскользнулся, уронил сундук на землю и, сыпя проклятиями, отпрыгнул в сторону, махая ушибленной ногой. Работавший с ним в паре соплеменник Вамба тоже не избежал столкновения пальцев ног с металлической поверхностью сундука, поэтому не стеснялся в выражениях.

Колонна носильщиков застопорилась. Люди поставили сундуки и стали ждать развития событий. Олаф-рус и Волок-ант, предводители соответственно варяжской и словенской частей дружины, оставили военные игры и приготовились разнимать приближающуюся драку. Но их наниматель оказался проворней. В мгновение ока он достиг сжавших кулаки чернокожих, положил ногу на сундук и с улыбкой сказал на их протяжном наречии:

— Юный Намба, как я вижу, унаследовал от своих предков только силу буйвола, но никак не ловкость обезьяны!

Те гребцы, чья кожа была черна, засмеялись, а когда Кривой Купец перевёл свою фразу на язык Империи, то к веселью присоединились остальные члены команды, кроме дружинников.

Намба опустил голову, а его наниматель уже стыдил Вамбу, разумеется, тоже на его родном языке:

— А ты, я вижу, когда маленьким слушал сказку о льве и леопарде, мечтал стать не таким же преданным другом, каким был лев, а восхищался коварством леопарда, отвер-

нувшегося от того, кого знал котёнком, когда тамтамы зелёных лесов запели об опасности.

Эти слова Феодор не переводил, потому что, в отличие от легенды о предках чёрного народа, эту сказку на всех трёх кораблях знали только соплеменники Вамбы и Намбы, их одноглазый хозяин и ещё один человек.

Вамба вскинул голову. Его толстые губы дрожали, а в глазах светилась обида. Кинтарийский Циклоп отвернулся от него и обратился по очереди к Сараку из народа фракийцев, Полоху из народа булгар и Ираклию, родившемуся в горах Кавказуса. Он говорил с ними на языке Империи, но о тех вещах, которые каждый первый раз слышит на языке предков:

— Сарак, ваш знаменитый соплеменник смог бы много веков назад бежать из рабства и воевать с Вечным городом, если бы имел таких же преданных друзей, каких имеет Намба?.. Друзей, которые за ушибленный палец готовы размозжить голову.

Сарак отрицательно помотал головой. Остальные фракийцы команды были с ним согласны.

— Полох, ведь в землях твоего народа рассказывают легенду о двух братьях-царях?.. Как думаешь, о таких людях, как Намба и Вамба, сложат когда-нибудь легенды?..

Полох отрицательно помотал головой. Остальные булгары команды были с ним согласны.

— Ираклий, когда в ваших горах люди поднимают рог, наполненный молодым вином, первый глоток делают за тех, кого сейчас с нами нет, второй за тех, кого уже никогда с нами не будет, и лишь только третий за тех, кто с нами сейчас. Стал бы ты пить за таких друзей, как Вамба и Намба?..

Ираклий отрицательно помотал головой. Остальные горцы команды были с ним согласны.

— Прости меня Намба, — чуть слышно сказал Вамба.

— Прости меня, Вамба, — вторил ему собеседник.

Кривой Купец довольно улыбнулся. То-то же! Не хватало ещё раздоров в команде.

Но Феодору было этого мало.

— Ну а если Намба и Вамба настолько немощны, что не могут носить сундуки, видно, настал мой черёд занять их место, а их предназначение — занимать место моё!

Под громкий смех гребцов и матросов и даже некоторых дружинников Феодор стянул с себя зелёные шёлковые одеяния и набросил одно из них на Вамбу, а второе на Намбу. Намба и Вамба были новичками в команде и не привыкли к таким выходкам хозяина, поэтому были в полном недоумении, сменившемся искренним восхищением, когда оставшийся в одной набедренной повязке купец в одиночку оторвал от земли тяжёлый сундук, поднял его над головой и в таком положении доставил на корабль. Даже словены и викинги не скрывали восторга по поводу такой демонстрации силы.

— Теперь ваши хозяева Намба и Вамба — люди настолько немощные, что могут только командовать.

Гребцы вернулись к работе, которая теперь потекла в два раза быстрей. Каждый из них, проходя мимо оторопевших чернокожих, считал своим долгом задать какой-нибудь вопрос и, не дождавшись ответа, пройти дальше, с трудом скрывая смех.

Насмешки сыпались на Вамбу и Намбу со всех сторон.

— Намба, можно я отойду по нужде?

— Вамба, ты уже решил каким маршрутом поплывём назад?

— Хозяин, когда пойдёте покупать новые корабли, не берите у кинтарийских судоделов!

Феодор не успел взять второй сундук. Намба и Вамба упали перед ним на колени и протянули зелёные одеяния, умоляя о прощении. Тот, кого прозвали Кинтарийским Циклопом, с улыбкой натянул одежду, рывком поднял с коленей каждого чернокожего, ободряюще похлопал их по плечу и велел продолжать работу. Быстрее молнии Намба и Вамба бросились к пещере.

Кое-кто из команды пытался повторить поступок хозяина. Разумеется, ни у кого это не получалось.

Когда кто-нибудь из этих горе-силачей ронял свой сундук на землю, Феодор уже не спешил на помощь. Он умел чувствовать момент для таких поступков. В отличие от других.

Один из друзей Кривого Купца в своё время всё-таки догадался о мотивах его странного поведения и попытался подражать ему. Силы этому человеку было не занимать, поэтому он смог без вреда для здоровья разделить с коман-

дой все тяготы работы моряка. Вот только Кривой Купец, в отличие от своего незадачливого подражателя, хорошо знал, когда нужно скинуть с себя шёлковую одежду и вцепиться в длинное весло или в верёвку, держащую парус, а когда нужно попивать фалернское и отдавать суровые приказы. Через неделю команда звала того беднягу по имени, работу делала с откровенной ленью, и самый последний гребец осмеливался похлопать хозяина по плечу, когда бывал пьян, а пили на корабле с того момента каждый день. Естественно, по возвращении в стольный град пришлось менять всю команду.

Кривой Купец слышал, как на десятке языков за его спиной люди восхищаются силой хозяина. Как и многие судовладельцы, он набирал команду не по цвету кожи или глаз, а по рабочим качествам, но, в отличие от них, понимал речь каждого своего работника. И не только понимал, но и чувствовал момент, когда нужно этим знанием блеснуть. Ещё один из его подражателей попытался как-то выучить язык чернокожих гребцов, и когда понял то, что говорят о нём за глаза, то подбежал к дружинникам и потребовал, чтобы они отрубили головы всей команде, а за вёсла сели сами. Разумеется, они отказались, и по возвращении в стольный град пришлось распустить и команду, и дружину.

Взгляд Киптарийского Циклопа упал на дружинников. Он доверял своим людям и не нуждался в надсмотрщиках, поэтому и словены и викинги, когда угроза драки миновала, вернулись к любимому времяпрепровождению — военным играм.

В данный момент они образовали полукруг и наблюдали, как их предводители состязаются в умении сражаться тяжёлым мечом и управляться с большим щитом.

Непосвящённому могло показаться, что этот бой идёт не на жизнь, а на смерть, но Феодор знал, что Олаф-рус и Волок-ант — побратимы. Они никогда не поднимут друг на друга руку, если речь идёт не о дружеском поединке.

Волок-ант был нанят позже Олафа-руса. Побратимы не виделись много лет и поэтому не сразу признали друг друга. Когда Феодор узнал, что викинг и словен приятели, то он уже не мог распустить одну из своих дружин и не на-

влечь подозрений в трусости. Хотя это была не трусость, а всего лишь осторожность, древний принцип «Один сторож сторожит другого», или, как говорили жители Вечного города, «Разделяй и властвуй», но Феодор дорожил уважением команды, которого так долго добивался.

Отчаявшись справиться с побратимом, Олаф-рус броском щита попытался подбить ему ноги, но более молодой Волок-ант ловко подпрыгнул, и манёвр викинга не удался. Как настоящий воин, Волок знал, что бойцы, которые не дают противнику равных шансов, не попадают в легенды, поэтому по приземлении тотчас освободил свою левую руку. Вооружённые теперь одними мечами, побратимы медленно кружились друг вокруг друга, ожидая удобного момента для атаки.

Знакомый не только с умением вести дела, но и с ремеслом воина, Феодор, наблюдая за походкой обоих ратоборцев, сразу понял, кто из них сегодня победит. Некогда ты был великим бойцом, Олаф-рус, но время твоё прошло, пора уступать дорогу молодым.

Однако в этот день чутьё воина подвело Феодора Гинсавра. Да, Волок-ант провёл страшный удар ногой в живот, сваливший побратима на землю, но тут же сам выронил меч. Олаф, не поднимаясь с земли, ударил противника носком сапога в пах, затем в мгновение ока оказался на ногах, и его клинок несильно, но ощутимо звякнул о шлем упавшего на колени друга.

Феодор знал, что в жизни удар викинга разрубает и шлем, и голову, поэтому понял, что поединок можно считать завершённым.

Мнения дружинников разделились. Даже многие викинги осуждающе качали головой и хмурили брови, глядя на командира, применившего удар в «запретное место». Запретное, во всяком случае, для дружеских поединков.

— Волок, брат, ты жив?.. — спросил Олаф друга, помогая подняться ему с земли.

— Жив-то жив, только до девок яснооких дня три не охотник. Да и... вправду, а где мы в синем море девок возьмём?..

Опираясь на плечо Олафа, Волок морщился от боли, но находил силы шутить. Он подмигнул своей дружине и спросил:

— Кто-нибудь разумеет: где девку взять посреди синего моря?

Дружинники засмеялись.

— Только разве что русалку-щекочиху. Вот вылезет теперь из моря синего да как обнимет руками мягкими, да прижмётся телом гибким, тут любому из вас и конец. А мне теперь сия беда — не погибель. Спасибо брату Олафу, что в уд срамной метил!

Дружинники смеялись, а немолодой викинг хмурился. Ант поспешил разогнать приближающуюся грозу. Он похлопал друга по плечу, обнял и прошептал, сменив тон:

— Спасибо за урок, брат.

Пока побратимы стояли, сжав друг друга в объятиях, их наниматель подошёл совсем близко. Феодор, в котором звон мечей пробудил воинский азарт, поправил чёрную повязку на левом глазу, взял у одного из дружинников в правую руку меч, поднял другой рукой брошенный Волоком-антом щит и встал в полукруг.

— Олаф, может, и на мне проверишь свою науку?

Но проклятый варяг в очередной раз отклонил руку дружбы.

— Прости меня, Феодор Отважный, но я тебе уже не единожды говорил, издавна так повелось: дети фьордов не сражаются с теми, от кого принимают деньги, — вежливо ответил Олаф.

Затем он приказал дружине отправляться на корабль.

— Не серчай на него, Феодор Отважный, не серчай, — сказал его побратим из племенного союза антов и тоже повернул свои стопы к судну.

И Олаф и Волок разговаривали на языке словенов. Викинги, с тех пор как в стране густых лесов стал конунгом Рюрик из племени русов, хорошо освоили эту речь. Феодор Отважный, с тех пор как стал нанимать воинов-антов, тоже.

Кривой Купец, как это у него водилось, хорошо изучил не только язык, но и обычаи своих новых людей, но стать среди них своим, не потеряв статуса хозяина, у него не получалось.

Викинги и словены живут рядом. С тех пор как русы стали конунгами в стране словенов, многие даже путают эти два народа. То тут, то там кто-то скажет, что плавал в «страну русов», когда на самом деле был вовсе не там. В насто-

ящую страну русов люди плавают, только чтобы нанять хороших воинов, потому как викинги умеют лишь воевать, а в страну словенов — за сладким мёдом и умело выделанными мехами, за поделками из крепкого дерева и доброго железа, из калёной меди и звонкого золота. И при всём при этом тот, кто захочет нанять в свой букелларий не варягов, а словенов-антов, сэкономит деньги, но не потеряет боевые качества дружины.

Да, иметь в друзьях словенов выгодно, а во врагах опасно. Когда Феодор был маленьким, басилевс узнал эту истину. К счастью, в тот год словены и командовавшие ими русы остались довольны откупом и увели войска от стольного града.

В словенах много необычного, но что поражает и пугает Феодора, так это их умение поглощать другие народы. Им не нужно с мечом в руках насаждать язык и веру, достаточно пожить рядом с кем-то полвека, и этот народ сам перенимает их странную культуру. Где сейчас те черноглазые племена, говорящие на шепелявом языке, что делили со словенами пашни?.. Нет, не истреблены, а просто растворились среди высоких бородатых соседей. А русы?.. Те, кто остался жить среди фьордов, отличаются от других викингов только цветом волос, а те, кто пришёл вместе с Рюриком уже во втором поколении вместо Одина и Тора, почитают Перуна и Ярило... Страшные люди. В Империи живут сотни народов, и каждый до сих пор говорит на своём языке и тайком верит в своих богов. А вот возьми чёрного как смоль Намбу, жени на словенской красотке и отправь жить в словенский посёлок, глядишь, через пару десятков лет его сын уже и не вспомнит об обычаях чернокожих предков, впрочем, как и сам Намба.

Феодор оставался чужим и для викингов и для словенов своей дружины. Гребцы и матросы давно почитали его как отца, а он их любил почти так же, как собственных детей. Но ни русы, ни анты не хотели входить в эту семью. Для них он по-прежнему был всего лишь человеком, который платит деньги за работу, которую они хорошо выполняют. Одно слово: наёмники.

— Скажи, Феодор Отважный, а зачем тебе столько денег?..

Феодор поперхнулся. Он ожидал от кого угодно таких вопросов, но не от бывалого воина из племени русов. Пожалуй, такой вопрос уместней прозвучит из уст Гаилая. Тот, когда узнал, что старый Филипп не обманул насчёт множества сундуков с золотом, но соврал насчёт сотен старинных книг, слёг в нервной горячке и пропустил всю погрузку. Свихнувшемуся от общения с записками философов учёному мужу даже в голову не пришло, что, когда денег много, можно купить всё, в том числе и книги. Ближе к ночи Кривой Купец поделился с ним этой светлой мыслью и поклялся именем Мессии, что по возвращении в стольный град купит ему целую библиотеку. К Гаилаю после этих слов вернулась жизнь. Такого количества поцелуев, какими учёный муж покрыл его руку, Феодор Гинсавр не получал от собственной жены.

* * *

Учёного мужа он отбил много лет назад у диких племён, вознамерившихся принести его в жертву. Уже через три дня он пожалел о своём поступке. Это были мысли, недостойные того, кто верит в милосердного Мессию, но ему очень захотелось связать Гаилая, отвезти обратно, с почестями вручить это тщедушное тело диким людям и долго извиняться за то, что осмелился неделю назад прервать столь важную процедуру.

На то были причины. Если на мгновение предположить, что чернокожие язычники правы и люди произошли от духов в зверином обличье, то предком Гаилая, несомненно, был попугай. Однажды Феодор неосмотрительно принял в подарок эту птицу и потом долго не знал, как от неё избавиться. Выучив несколько слов, попугай повторял их без перерыва, не зная отдыха. В конце концов Феодор просто приказал зажарить на ужин разговорчивую птицу. Поступая так, он опускался до уровня ненавистного басилевса, который любит казнить за длинные языки, но любого человека можно довести до белого каления.

Гаилай не только повторял чужие фразы, обильно цитируя классиков эпохи Вечного города, но и вставлял в разговор собственные важные мысли — качество, недоступное его предку-попугаю. От пернатого прародителя же учёный муж унаследовал, прежде всего, неутомимость в искус-

стве болтовни, а также полное равнодушие к тому, слушают его или нет, и мистическое искусство заговаривать с людьми в самый неподходящий для того момент. Первый раз Феодор столкнулся с этим свойством ныне покойного попугая, когда пережил жену, а наглая птица села ему на спину и крикнула: «Крепись, друг! Ещё чуть-чуть, и мы в бухте!» С похожим талантом пока ещё здравствующего Гаилая он познакомился, когда играл в кости с друзьями-купцами и в момент решающего броска в руку вцепились тощие пальцы, а слегка безумный голос возвестил: «Феодор, друг! Я разгадал тайну атлантов!»

В тот день, благодаря участию Гаилая, бросок, от которого Кривой Купец ждал победы, чуть не стал для него роковым. Кости легли на редкость неблагополучно, а ставкой было целое состояние. Но умирающие со смеху друзья за такое развлечение простили долг. Мало того, они хотели ему доплатить сверху, чтобы послушать рассказ «потешного раба» (другие купцы считали Гаилая собственностью Кинтарийского Циклопа) про атлантов.

Гаилай с жаром рассказывал о загадках древнего царства, а соскучившиеся за время долгого странствия торговые люди от души смеялись над его необычной речью. Не смеялся один Феодор. Он вдруг заметил, что рассказы учёного мужа могут быть гораздо интереснее любых легенд седобородых сказителей. К тому же, в отличие от них, очень полезными. Пока его друзья потешались над манерой Гаилая общаться, Феодор делал важные пометки в голове. Следов Атлантиды, благодаря этим сведениям, он не нашёл, зато в кратчайший срок достал деньги, которые помогли покрыть ущерб от прошлого неудачного рейса и выкупить обратно быстроходную «Лань», проданную в тяжёлый год за бесценок.

Учёный муж путешествовал уже много лет, записывая легенды, сказки и обычаи народов, населяющих Ойкумену. Он называл себя странствующим историком и часто говорил Феодору, что его пергаменты — это настоящая история мира. Говорил с горьким смехом, что лично видел, как в королевстве наследника Шарлеманя, совсем недавно оплота культуры в море невежества, охватившего Западную Ойкумену, хронисты правят без зазрения совести тексты, которые написаны до них. Гаилай верил, что потомки сравнят

его пергаменты, написанные одним почерком, и исчёрканные свитки историков и разберутся, где сказана правда, а где записана ложь. Правду всегда можно отличить ото лжи, потому старинные легенды в сто раз правдивее современных хроник. И рассказ о победе воина древности, убившего огнедышащего дракона, стоит большего доверия, чем хроника Шарлеманя, на пергаменте побеждающего с сотней ратников стотысячную армию. Тем более что, странствуя по Ойкумене, он лично видел кости огнедышащих драконов, но не разу не видел, чтобы сотня ратников обращала в бегство стотысячную армию.

Феодор сомневался, что записки Гаилая принесут когда-нибудь пользу потомкам, но ему лично они приносили ощутимую выгоду. Догадывался или нет учёный муж о том, какие истинные мотивы заставляют его спасителя изучать вместе с ним старинные сказания и древние обычаи, но он был рад, что нашёл настоящего ценителя. Он называл Феодора единомышленником и сопровождал его во всех путешествиях.

Кривой Купец, когда понял, насколько может быть полезен этот болтун, быстро научился существовать с ним бок о бок. Когда же не хотелось слушать речи учёного мужа, то просто представлял, что это шумит ветер или плещутся волны.

Теперь на каждой стоянке, пока Феодор искал или, наоборот, сбывал товар, Гаилай в сопровождении двух телохранителей-антов рыскал по окрестностям с чистым пергаментом под рукой, очиненным пером за ухом и полной чернильницей в дорожной сумке. Языков он знал море и обычаи каждой страны ему были досконально знакомы, но тем не менее излишнее любопытство иной раз заводило учёного мужа в беду, из которой его мог вызволить только похожий на циклопа купец. Каждый раз Феодору было выгоднее поднять паруса и уплыть, но каждый раз он пускал в ход своё искусство дипломата или угрожал мечами дружинников, чтобы спасти из новой передряги своего странного друга. И не только потому, что надеялся извлечь из странствующего историка ещё какую-то пользу. Просто тот, кто вошёл в команду любого из трёх кораблей Кинтарийского Циклопа, тот попал в большую и дружную семью, а глава хорошей семьи не бросает в беде сыновей.

Люди Кривого Купца знали, что это так, хотя он никогда им об этом не говорил. Знали, потому что помнили, как их хозяин хлопотал, рискуя собственной репутацией благонадёжного подданного, за попавшего в лапы к палачу неосторожного на язык Полоха-булгара. Помнили, как он взял на себя заботу о сиротах погибших в сражении с пиратами четырёх матросов. И помнили, как поднял свои три корабля и ещё два временно нанятых, чтобы догнать и отбить у вооружённых до зубов людей Кувларха-работорговца молодую жену предводителя гребцов чернокожего Гамбы.

Женщина была захвачена Кувлархом обманом, но остальные девушки были куплены на законных основаниях у их полунищих отцов, поэтому властелин работорговли не стал ссориться с рассвирепевшим купцом и отдал ему чернокожую красавицу. Тем более что её он брал лично для себя, на рынках далёкого Туниса больше ценятся девушки с белой кожей. В этом и состоял секрет благосостояния Кувларха: он никогда не шёл с пустыми трюмами. В стольный град он привозил темнокожих красавиц, а в Тунис увозил совсем другой товар. Если бы король работорговли знал, чем закончится его страсть к молоденькой жене немолодого гребца, то трижды бы подумал, прежде чем волочить её в трюм.

Друзья часто называли поведение Феодора странным, но этот поступок был полной загадкой даже для него самого.

Всемогущий Господь, Божественный Мессия, почему я так поступил? — часто спрашивал себя купец. Ведь рано или поздно, но эти девушки всё равно окажутся в гареме. Стоило ли ради них губить жизни стольких отважных воинов, которые могли бы ещё жить да жить?

Можно было бы списать всё на состояние, которое учёные Вечного города называли словом «аффект». Кратковременное помешательство, охватывающее человека в минуты праведного гнева и толкающее его на страшные поступки. Но это не было помешательством, потому что ещё в порту, в спешке разыскивая дополнительные дружины, он знал, что дело кончится боем.

Разумеется, Кувларх не захотел отпустить на свободу всех пленниц. И тогда Феодор снёс ему голову бронзовой

булавой. Правда, для этого пришлось пробиться сквозь сонм дружинников врага, каждый из которых не первый день держал в руках меч.

Наёмники-анты стоят дешевле викингов, но всё равно семья Гамбы даже примерной службой в течение трёх поколений не окупит те деньги, что потратил на освобождение его жены странный хозяин. Феодор так и не смог понять своего разорительного поступка и не почувствовал удовлетворения, даже когда толпа простолюдинов встретила его появление на ипподроме рукоплесканиями и криками «Отважный! Воистину Отважный!».

Из близких людей только Гаилай оценил это событие поднятым вверх большим пальцем. С женой и детьми на такие темы Кривой Кулец не разговаривал.

* * *

— Очень интересный вопрос! — сказал Гаилай и в азарте от предчувствия хорошего спора хлопнул кубком по столу.

При этом он совсем забыл, что в кубке у самых краёв плещется вино, и божественная влага, взметнувшись морем брызг, аккуратно приземлилась на взбудораженное лицо учёного мужа.

Гамба, Волок-ант и предводитель матросов Антилай Могучий прыснули со смеху. Выходки учёного мужа давно стали в команде притчей во языцех. Вечно погружённый в себя странствующий историк даже и не подозревал, что его поведение настолько потешно. Забава себе и своим людям — в этом заключалась ещё одна выгода, которую извлекал хозяин судна, когда брал на борт Гаилая.

— Да, учёные древности не уставали думать над вопросом, что же такое счастье? И можно ли счастье купить за деньги? Сколько мы знаем счастливых богачей? Вспомним: Каракалла, Лукулл, Сулла... Разве принесло этим людям счастье их богатство и власть?.. Разумеется нет. А если вспомнить философа Диогена, представителя весьма почитаемой мной школы киников, то как не затронуть его разговор с Ксандром Великим, когда Ксандр, как вы знаете, спросил живущего в бочке и питающегося отбросами учёного: что я могу сделать для тебя? И тот ответил: не загораживай мне солнце! И в связи с этой историей...

Да, пожалуй, в устах какого-нибудь молодого бездельника, начитавшегося записок киников, этот вопрос звучал бы очень естественно. Но сегодня на философию потянуло немолодого варяга, в жизни не прочитавшего даже строчки.

Феодор, по обыкновению, отрешился от речей своего болтливого друга и сосредоточился на ответе на вопрос, который застал его врасплох. Поток Гаилаевых рассуждений обернулся шумным потоком быстрой реки, и Кинтарийский Циклоп напряг хмельную голову, пытаясь вспомнить те доводы, которые уже приводил в спорах с теми, кто считал, что копить деньги — плохо, а тратить — благородно. Не считая разговоров с одним ныне покойным человеком, которого Феодор надеялся навсегда забыть, в последний раз на эту тему он спорил в отрочестве, когда из начальной школы перешёл в школу грамматиков.

Это учреждение, в отличие от школ при храмах, не было бесплатным, и мать в своё время порицала мужа за то, что тот тратит такие деньги на образование сына. Отец же, всю жизнь остававшийся тайным монофизитом и явным прасином, мечтал, чтобы его религия и партия имела в государственном аппарате Империи своего человека. Единственный ребёнок в будущем просто обязан был стать важным чиновником, поэтому старик, несмотря на сопротивление жены, не скупился на учителей.

Школу Феодор не любил, хотя наставники говорили, что у него определённо есть способности, особенно к языкам и математике. Но гораздо больше мальчика интересовали занятия с предводителем отцовского букеллария, Давидом Красивым, крепким горцем из южного Кауказуса, в совершенстве владевшим ремеслом воина. Интереснее было только слушать рассказы отца о далёких странах.

Феодор не закончил обучения и не стал чиновником. Отец умер, когда мальчику было пятнадцать лет, а мать предстала пред ликом Мессии ещё раньше, но к тому времени их сын уже не посещал грамматическую школу Галифата Кинтарийского. У отца не было денег заплатить за обучение, потому что старая привычка к игре в кости со временем превратилась в настоящую болезнь, усилившуюся после смерти жены.

Давид Красивый покинул букелларий старого купца до того, как этот букелларий перестал существовать в приро-

де, поэтому во взрослую жизнь Феодор вступил совершенно один. С жалким кораблём, тремя десятками худших матросов стольного града, обветшалым домом, дедовскими доспехами, бронзовой булавой, служившей ещё его прадеду, и кучей отцовских долгов.

— Гаилай, клянусь Одином, что сам говорливый бог Локки спасовал бы перед тобой, доведись вам столкнуться в споре! Если бы ты так владел мечом, как языком, то мог бы в одиночку одолеть сотню русов! Но прошу тебя, остановись! Или я так плохо знаю язык Империи, или ты слишком быстро на нём разговариваешь, или просто вино сегодня слишком крепкое для моих немалых лет, но половина твоих слов для меня сплошной туман! Вопрос я задал Феодору Отважному и от Феодора Отважного хочу получить ответ! Прошу тебя, пей вино молча и дай сказать твоему хозяину хотя бы пару слов!

— Он мне не хозяин, а друг! — обиделся на слова викинга Гаилай.

Гамба, Волок-ант и Антилай Могучий снова засмеялись. Учёный муж погрузился в размышления над загадкой «Почему все уверены, что Феодор мой хозяин?», и в каюте настала непривычная тишина.

Стояла глубокая ночь, и все три корабля, набитые золотом, были готовы плыть назад. В пещере ещё оставались монеты, и за ними Феодор намеревался вернуться в очень скором времени.

Тот, кто не умеет отдыхать, не умеет и работать. Поэтому Феодор не отправился в путь немедленно, а устроил для команды небольшой пир — предвестие пира настоящего, который ждёт корабельную семью Кривого Купца в стольном граде.

Никто не напивался до состояния свиньи. Матросы, гребцы и дружина получили вина ровно столько, сколько нужно для хорошего настроения и достойного отдыха, и никто не роптал, когда хозяин приказал убирать со столов.

Феодор сидел за этими столами вместе с гребцами и матросами и разбавлял вино водой больше обычного, чтобы сберечь силы для продолжения пира в своей каюте: привилегия, на которую имеет право глава этой семьи и его старшие сыновья — предводители команд. Хотя Гамба и Антилай — это действительно сыновья, а Волок и Олаф

ими так и не стали, несмотря на то что в этот вечер Феодор дал им ещё один шанс.

Как это водится после обильных возлияний, люди устроили танцы, а затем состязания в борьбе. Феодор снова принял в них участие и снова боролся один против троих сразу, чтобы дать противникам равные с ним шансы.

Новички команды, раскрыв рты, смотрели, как хозяин опрокидывает соперников ловкими подсечками и подножками, и даже Ираклий и другие горцы, с детства знакомые с секретами борьбы народов Кауказуса, не смогли ничего сделать с тем, кого прозвали Кинтарийским Циклопом, потому что там, где не помогали ловкость и уроки Давида Красивого, Феодор действовал натиском и грубой силой.

Разгорячённый, вспотевший купец предлагал вступить с ним в схватку и Олафу, и Волоку, но снова получил отказ.

Феодор был недоволен. Он, до того как связался с русами и словенами, привык чувствовать себя самым сильным на корабле, и вот в очередной раз воины-побратимы у него это ощущение украли. Одно слово: наёмники.

— Почему ты молчишь? Или за столом ты не так отважен, как на поле битвы?

Да, они не раз сражались бок о бок с иллирийскими или тунисскими пиратами, но Олаф всё равно не стал его другом. Совместные драки не сплотили их души. Слишком велика была разница между получившим незаконченное образование грамматика купцом и викингом, воспитанным на суровых сагах.

Захмелевший викинг, сдвинув брови, смотрел на замолкшего купца. Постороннему человеку могло бы показаться, что варяг его ненавидит. Но Феодор знал, что такой взгляд для Олафа-руса дело обыденное. Так он смотрит даже на своего побратима.

Привычка философствовать — единственное, что не нравилось Феодору в соотечественниках, от чего он, до появления Гаилая, отдыхал в заморских странствиях. Там, где образование — удел избранных, народ прост и лёгок в общении, а вот в родной Империи на разговоры об этике и эстетике тянет даже возницу. Как когда-то писал один известный человек: «В стольном граде уже нельзя спокойно выпить вина! Виночерпий, пока наполняет ваш кубок, обя-

зательно выскажет своё мнение о природе божественной Троицы».

В школе грамматиков, где дети и заражаются этой болезненной привычкой к долгим разговорам на высокие темы, Феодор старался молчать. Пока другие подростки на практике постигали основы риторики в спорах, сын кинтарийского купца скучал в сторонке, потому что отец с малолетства приучил его к тому, что тот, кто верит в истинного Мессию, должен быть осторожен в словах, пока у власти проклятая Всемогущим Господом династия. Но когда кто-нибудь из мальчишек начинал цитировать Диогена и других ненавистников роскоши и богатства, Феодор не мог стоять в стороне. Не стал он молчать и сейчас.

— Я знаю, что ты имел в виду, — собрался наконец с мыслями Кривой Купец. — Ты хотел сказать, что копить деньги — это занятие, недостойное мужчины.

— Я не так хорошо знаю вашу речь, но сказал только то, что мыслил! У меня один язык и одна голова, — ответил ему викинг.

Гамба и Антилай не знали языка словенов, поэтому разговор шёл на языке Империи.

— Хорошо. Я тебе отвечу. В деньгах для меня заключается счастье. Чем их больше, тем я счастливее.

— Феодор! А как же...

— Помолчи, Гаилай! Или пойдёшь на корм акулам! — оборвал странствующего историка на полуслове Кривой Купец.

Гаилай замолчал и принял обиженный вид. Неунывающий Волок-ант хлопнул его по плечу и сказал по-словенски:

— Не грусти понапрасну, потешник. Ястреб уж на что знатная птица, но коли два орла сошлись в чистом небе, то не слышно его голоса.

Польщённый таким сравнением Гаилай гордо выпятил грудь.

— А для тебя, викинг? Разве для тебя счастье не в золоте? — вернулся к спору Феодор.

Варяг улыбнулся. Его наполовину седые усы, казалось, выросли до ушей. Кинтарийский Циклоп махнул пару раз хмельной головой, и лицо Олафа приняло прежние очертания. Феодор Отважный понял, что сегодня дал маху,

и, пока варяг собирался с мыслями, добавил в свой кубок воды до самых краёв.

— Феодор, как ты думаешь, почему я пошёл к тебе, хотя остальные купцы платят больше?

— Потому что я, в отличие от них, хорошо плачу не только на словах, — ответил викингу его наниматель.

— Честность — хорошее качество, но не она привлекла меня в тебе. Тем более что когда боги свели нас, ты честно сказал, что, пока не разбогатеешь, будешь платить очень мало, — напомнил викинг.

Феодор задумался. Действительно, Олаф-рус появился у него на службе тогда, когда Кинтарийский Циклоп уже расплатился с долгами, сменил дом и корабль, но ещё не имел возможности платить своим людям столько, сколько платят уважаемые купцы. Олаф-рус с его репутацией заработал бы гораздо больше на других судах или в рядах варяжской стражи Империи. Но он выбрал службу у небогатого купца из Кинтарии. Выбрал и не покинул его даже тогда, когда настал трудный год и мошна Феодора Отважного опустела, а быстроходная «Лань» ушла в другие руки.

Антилай, предводитель матросов, могучий, как боевой слон царей Пенджаба, и верный, как боевые псы варварских племён, ответил за хозяина:

— Потому что после смерти за службу Феодору Отважному не придётся держать ответ перед Всемогущим Господом! Потому что наш хозяин не занимается работорговлей! Потому что он не обманывает ни тех, у кого покупает, ни тех, кому продаёт, ни тех, кого нанимает! Он не ведёт дел с негодяями и не работает с подлецами! Он не боится схватиться с пиратами, но сам никогда не нанимает пиратов, чтобы справиться с богатым соперником! Слышишь, ты, воин из народа морских разбойников! Наш хозяин — благородный человек! Он не пирует с мерзавцами! Немедленно покинь наш стол, пока я не выволок тебя отсюда за усы! Ты молчишь?! Ну, тогда держись!

Антилай говорил стоя и постоянно стучал кулаком себя в грудь. До того как попасть к Феодору, он служил у другого купца. Однажды, когда они торговали в королевстве наследника Шарлеманя, им не повезло принять участие в отражении набега викингов. В том бою погиб любимый брат Антилая, и с тех пор могучий моряк ненавидел всех варя-

гов. Выпив много вина, он мог позволить себе высказать эту ненависть.

У Олафа были тяжёлый северный меч и широкий нож сакс, а у Антилая — ничего, кроме собственных кулаков, но хмель заставил его забыть осторожность. Прежде чем Феодор успел вмешаться, предводитель его матросов ударил предводителя дружинников.

Но удар этот не достиг цели. Олаф-рус не выхватил меч и не коснулся ножа. Он просто перехватил руку Антилая и, не вставая с места, вывернул её так, что могучий моряк, единственный, с кем Кривой Купец сходился в борцовском поединке только один на один, под действием страшной боли в плечевом суставе повернулся к викингу спиной и опустился на колени.

— Отпусти его! — напомнил варягу Феодор, кто здесь хозяин.

Олаф-рус подчинился.

— Ступай отсыпаться! — крикнул Кривой Купец Антилаю. — И не смей больше заводить драку с другими предводителями, если не хочешь занять место простого матроса! Я оказал тебе великую честь, оставив пировать с собой и с командирами моих людей, не для того, чтобы ты превращал мою каюту в дешёвую таверну, где вначале льётся худое вино и трещат острые языки, а потом льётся грязная кровь и трещат гнилые зубы! Ещё раз окажешь такое неуважение ко мне и к тем, кого я поставил выше других, то, клянусь Мессией, ты узнаешь, что такое гнев Феодора Кория Гинсавра! А теперь ступай!

Могучий матрос слушал своего хозяина, опустив голову. Он беспрекословно исполнил данный ему приказ, и Волок-ант, заметив, что походка Антилая далека от алмазной твёрдости, вызвался его проводить. С антами Антилай не имел никаких счётов, а добрый и весёлый нрав молодого предводителя словенов давно сделал его любимцем команды, поэтому Феодор не стал возражать. Перед тем как уйти, Волок сказал успокаивающим тоном своему суровому побратиму:

— Не серчай, Олаф, пьяный, что дитя малое. За то, что сделал, не отвечает, а что сказал, не помнит.

Они ушли, а Феодор ещё раз поразился тому, что такие разные люди, как весёлый словен и хмурый варяг, стали

друзьями, несмотря на разницу в возрасте в пятнадцать лет. Он уже знал удивительную, похожую на легенду историю их знакомства, но всё равно, наблюдая за ними, с трудом верил, что эти воины — побратимы.

Купец поднёс к губам кубок, но тут же отставил в сторону. Феодор Отважный был собой недоволен. Раньше он всегда чувствовал, когда пришла пора Антилаю покинуть каюту и вернуться к матросам. Сегодня он выпил слишком много вина и в результате допустил оплошность, которая могла стать роковой, если бы варяг чуть замешкал со встречным движением.

Но своими людьми тем не менее он был доволен. Они выдержали самое страшное искушение этого мира: искушение золотом. Это был не первый клад, который стал добычей Кривого Купца, но те сокровища казались ничтожными по сравнению с тем, что лежало сейчас в трюмах. Его люди остались такими же верными, какими были раньше. Феодор ни у кого не заметил в глазах того нехорошего блеска, какой предвещает убийство с целью наживы. Кто-нибудь другой на их месте сходил бы с ума, если бы через его руки прошло столько золота, но его люди привыкли, что на службе у Кинтарийского Циклона они получают всё, что может пожелать душа, а душа их не жаждала многого. И то, что всё золото достанется одному человеку... так это же не кто-нибудь, а их хозяин. В его руках золото не осядет в тавернах, он лучше знает, как им распорядиться. Как в хорошей семье сыновья не ропщут, что все деньги идут отцу, так и его люди довольны своей участью. Но словены и викинги не входили в его семью, поэтому в них Феодор был не уверен.

Нет, бунта антов он не опасался. Словены не из тех народов, что живут разбоем и пиратством. Они чаще защищаются, чем нападают, и в массе своей презирают путь обмана и предательства. Самое большое золото не способно заставить анта пойти на преступление. Но викинги... викинги другое дело.

Феодор знал, что варяги лучшие бойцы в схватке с пиратами именно потому, что они сами дружны с морским разбоем. Когда начинается бой, они не ждут иллирийцев или тунисцев на палубе, а сами прыгают, как зайцы, на их корабль, ещё до того, как суда столкнутся бортами. Море

словно придаёт им сил, и ударом, которым тот же викинг сносит на суше одну голову, сражаясь на зыбкой палубе, он срубает сразу две.

Да, его команда скорее умрёт, чем будет помогать тем, кто поднял на хозяина руку, но русы не анты, они знакомы и с ремеслом матроса, и с корабельными вёслами и вполне способны вести любой корабль сами.

Раньше Феодор не знал таких мыслей, потому что половина его дружинников была из антов, на случай боя на суше, а половина из викингов, на случай морского боя, но сейчас их предводители — побратимы, поэтому надо держать ухо востро.

Викинг тем временем решил, что пауза затянулась.

— Антилай был неправ. Я пошёл в отряд Феодора Отважного не потому, что боялся замарать себя некрасивыми поступками. У меня другие законы, и я верю в других богов, и мои боги не видят греха в том, чтобы дети северных фьордов отнимали золото и женщин у тех, кто не может их защитить. В отряде работорговца я не мучался бы душой, потому что тот, кто позволяет, чтобы его превратили в раба, недостоин жалости.

И тогда сказал своё слово Гамба:

— Я знаю, почему ты здесь, рус. Ты здесь потому, что наш хозяин любит своих людей как родных сыновей, не бросает их в беде и не забывает о них в светлый день.

Гамба очень волновался, когда говорил это. Впервые Феодор услышал о себе то, что думал каждый матрос и каждый гребец. Купец почувствовал, как единственный глаз увлажнился. Но суровый викинг испортил идиллию:

— Мне не нужна защита, Гамба. Если бы у меня была жена, то я бы освободил её из плена сам, без помощи богатого человека. Да этого бы никогда и не произошло. Женщины русов могут убить рысь одним ударом ножа, поэтому скорее умрут, чем дадут себя уволочь на корабль.

Своими словами викинг очень обидел Гамбу. Чернокожий гребец хотел что-то сказать в ответ, но один взгляд хозяина заставил его промолчать. Гамба разжал кулак и опустил голову.

— Ну так почему же? — спросил варяга Феодор, чувствуя, что этот разговор начинает ему понемногу надоедать.

Викинг неторопливо налил себе ещё вина и поднёс кубок к губам. Он пил неспешно, маленькими глотками, будто испытывал терпение Феодора. Купцу показалось, что прошла целая вечность, Олаф из племени русов поставил кубок на стол, стёр капли вина с усов и лишь затем дал ответ на вопрос нанимателя:

— Нельзя съесть больше положенного, и в хмельном деле у каждого есть свой предел. Роскошь ни к чему покойнику, и золото тоже не заберёшь с собой в могилу. Все мы когда-нибудь умрём и останемся жить только в памяти потомков. Так сотворён род людской, что в легенды попадают только воины. Сказителям неинтересны ни ремесленники, ни крестьяне, ни вы, купцы. У нас воинами рождаются все, поэтому в саги попадает только самый отважный. Твоё прозвище, Феодор, вот что меня привлекло. Мой брат Гальдерик служил в варяжской страже Империи. От него я узнал про тебя. Сегодня я с тобой потому же, почему был и раньше. Ты купец, но ты и воин. Ты никогда не уходишь от боя. Даже если ты станешь вести другую жизнь, то бой всё равно найдёт тебя, потому что у тебя беспокойное сердце. Ты никогда не признаешься в этом, но я потомок волхва и поэтому вижу твою душу. Душу, которая жаждет справедливости и ненавидит ложь. У человека с такой душой до самой смерти руки будут по локоть в крови, потому что ложь никогда не сдаётся без боя. Я тоже хочу вечного боя и хочу, чтобы на моих руках никогда не высыхала кровь. С тобой я скорей добьюсь этой цели и попаду в легенду. Наши ярлы и конунги всё реже и реже ходят походами на опустившуюся прибрежными крепостями страну потомка Шарлеманя, потому так много варягов служит у вас, в Империи, а вовсе не потому, что мы так любим ваше золото.

Феодор был в ярости. Лесть была ему приятна, но лжи он действительно не переносил.

— Твои предки были плохими волхвами, о рус! Клянусь божественным Мессией, что никогда не жаждал ничьей крови, кроме нескольких мерзавцев, кои недоступны моей булаве по причине знатности! Я люблю драться, но дружеский поединок мне всегда был милее настоящего боя! Я всегда стараюсь избегать сражения и клянусь душой покойного отца, что если в Ойкумене воцарится вечный мир

и люди наконец станут жить так, как учил Мессия, то Феодор Гинсавр будет самым счастливым человеком от стольного града до края света!

— Не оскорбляй моих предков, Феодор, прошу тебя. И слушай внимательно мои слова. Я не говорил, что ты жаждешь боя, но повторю ещё раз: бой всегда найдёт тебя. И ты не хуже меня знаешь, что счастье боя выше счастья богатства. Твоя доблесть после твоей смерти останется в памяти потомков, а тебе самому поможет достичь Валгаллы. А золото, если его больше, чем нужно, чтобы прокормить себя, лишь пустой груз. Ты не хуже меня знаешь это, вот почему я и спросил: зачем тебе столько золота?

Сказав всё, что хотел сказать, викинг вернулся к вину.

И Гамба и Гаилай молчали, понимая, что хозяин не в духе и лучше не раздражать его излишней болтовнёй.

Предчувствие их не обмануло. Кривой Купец был в тихой ярости. Распрощавшись со школой грамматиков, Феодор не чаял услышать когда-нибудь снова эти презрительные речи о тщете злата и презренности роскоши. Только один человек, которого Кривой Купец надеялся навсегда забыть, осмеливался вести с ним подобные разговоры в его взрослой жизни. И вот теперь, спустя столько лет, его, гордость зелёной димы, снова тычут в нос честно заработанными деньгами! И кто?! Морской разбойник, понятия не имеющий о том, кто такой Диоген. И ему он уже не может сказать, как сказал некогда в школе грамматиков сопливым философам: «Пока вы живёте на деньги родителей, вы можете философствовать и презирать золото, а насчёт Диогена... Если бы не золото, которое ваши отцы заплатили Галифату Кинтарийскому, вы бы никогда не узнали, кто это такой!»

Викинг неспешно поглощал вино, и эти глотки отдавали церковным колоколом в голове Феодора. Когда варяг снова поставил пустой кубок на стол, Кривой Купец уже знал, что ему ответить.

— Ты прав. Золото не заберёшь в могилу. Сей довод зачастую бронзовый щит, коим прикрываются от укоров стариков не только такие киники, как наш добрый Гаилай, но и те, кто пропивает свои деньги в тавернах. Ты не знаешь, что такое школа, и потому никогда не слышал о таком человеке, как Эпикур, и о такой вещи, как гедонизм, пото-

му я объяснил тебе всё так примитивно то, о чём написаны целые трактаты.

Феодор сделал паузу и дрожащей рукой влил в себя половину кубка. Никто, даже викинг, не сказал ни слова, пока он пил.

— Но скажу... скажу тебе, Олаф из племени русов, что одинаковы доступны презрения и те, кто отказывается от злата, и те, кто пропивает его в тавернах.

— Наверное, его правильней было бы отнести вашему Мессии, — усмехнулся викинг.

— Не испытывай моего терпения, Олаф-рус, — хрустнул костяшками Феодор. — Я, в отличие от других купцов, разрешаю верить своим людям во что угодно, кроме лживого пророка детей пустыни, но не надо пользоваться моей благосклонностью, чтобы возводить хулу на Мессию.

Олаф слегка склонил голову и приложил руку к сердцу.

— Феодор Отважный, я не возводил хулу на Мессию. Он великий бог, если ему служит такой человек, как ты. Я уважаю его так же, как ты уважаешь моих богов. Но согласись, что глупо пытаться купить благосклонность бога за деньги.

— Я понял тебя, Олаф-рус. Но запомни, когда человек моей веры несёт золото в храм Мессии, он не покупает его благосклонность, а просто выражает благодарность за успех. Но согласен с тобой, что достоин жалости человек, который отдаёт богу всё до последней монеты. Золото нужно не для этого.

— Так для чего же?! Клянусь молотом Тора, я не понимаю тебя, Феодор Отважный!

Викинг был раздражён, а Феодор, напротив, очень спокоен.

— Дети, Олаф-рус, дети. Ты можешь сам читать Диогена и мечтать о грязном рубище, но дети твои должны ходить в шелках. И после твоей смерти дети наследуют твой дом и богатство. Может быть, они сами начитаются Диогена и захотят вести жизнь, подобную жизни бродячих псов, но ты должен оставить им выбор: нищета или богатство. Тот, кто рождён в богатстве, тот имеет выбор, кто рождён в нищете, тот выбора не имеет. Поверь мне, Олаф-рус. В нашем мире всё обстоит именно так. Я знаю, ты презираешь наш мир, ты, человек народа, который умеет

только воевать. Но подумай: твоя кольчуга, твой меч, твоя одежда — всё создано в нашем мире, мире, где кто-то воюет, а кто-то живёт мирной жизнью.

Олаф-рус был недоволен, но ничего не мог ответить Феодору. Кольчуга его была родом из страны саксов, меч — из королевства потомка Шарлеманя, а одежда куплена в лавках Империи. А Феодор продолжал свою спокойную речь:

— Подняться из нищеты честным путём нельзя. Только разбой или война могут сделать нищего богачом. А убийство невинного человека — для тебя, викинг, это пустые слова, но по моей вере за него тебе придётся отвечать перед Мессией. И кара зачастую настигает человека при жизни. Мой прадед сколотил себе состояние в букелларии одного негодяя. Отойдя от войны, он отдал много золота в храмы, но всё равно умер в муках. Мой дед был благодарен своему отцу за то, что он оставил ему хорошее дело, но он помнил его предсмертную просьбу и прожил честную жизнь. Мой отец не смог пережить смерть моей матери и пустил состояние по ветру. Когда Мессия забрал его, то мне остались в наследство жалкое судно и худшая команда стольного града. Я работал как проклятый и в результате превратил отцовское наследство в три лучших корабля Империи и три самые опытные команды. Мне принадлежит не один дом в стольном граде, и не один сундук с монетами закопан на чёрный день в его окрестностях. Я мог бы достичь всего этого втрое быстрей, если бы жил не по закону Мессии, но я не хочу умирать в муках. Сегодня я получил по воле Господа несметное богатство. И это богатство опять превратится в роскошные дома и новые корабли, которые я оставлю своим детям. Кто-то, узнав о том, как я получил нынешний клад, назовёт меня просто удачливым человеком, но ты, викинг, знаешь, что до сегодняшнего дня ни одной монеты мне не доставалось просто так. Если сегодня Мессия послал мне столько золота, то лишь в награду за мои труды в прошлом. И скажу...

Феодор снова сделал паузу, чтобы опорожнить кубок.

— И скажу ещё раз: не будь у меня даже того жалкого корабля, который мне оставил разорившийся отец, то я бы не имел выбора. Да, я преумножил бедное наследство отца, но если бы в начале торговой жизни не имел даже этой малости, то не смог бы стать тем, кто я сейчас. Наш разго-

вор, варяг, пустая трата времени. У тебя нет своих детей, поэтому ты не поймёшь меня.

Феодор дышал тяжело, как после хорошего боя. Он думал, что спор закончен, но викинг так не считал. Как настоящий воин, вначале он дал возможность противнику отдышаться и лишь потом заговорил.

— Ты знаешь, откуда у меня этот меч? — спросил он купца, медленно вытаскивая оружие из ножен.

Верный Гамба осторожно достал из-за сапога нож, а рука Феодора как бы невзначай легла на рукоятку булавы. Пьяный викинг с обнажённым мечом — всякое может случиться.

Олаф-рус любовался своим клинком, как сладострастник хорошенькой наложницей.

— Из страны, которой сейчас правит потомок Шарлеманя,— осторожно ответил Феодор, приготовившись ко всему.

Он успокоился лишь после того, как Олаф убрал оружие обратно в ножны.

— Да, лучшие мечи делают в этом королевстве. Свой клинок я купил на ту часть добычи, которую получил после боя на Чёрном Острове. То была славная победа ярла Хавьинга, о которой ещё сложат легенды. Я участвовал в этом бою совсем мальчишкой, но сам ярл Хавьинг восхищался моей отвагой! Свой меч я купил у лучшего кузнеца, который может состязаться в искусстве ковки с гномами подземелий! За много лет службы мой клинок ни разу не подвёл меня, и ты, Феодор Отважный, сам видел его в деле! Но клянусь Одином, что по сравнению с клинком отца мой — лишь кусок грубой стали на деревянной рукоятке, обмотанной кожаным шнуром!

Викинг в приступе ярости стукнул кулаком по столу.

— Что это был за меч! Гамба и Гаилай, заткните уши, ибо эти слова для тех, кто способен оценить красоту клинка! Тот клинок разрубал противника в шлеме и кольчуге до пояса, а железную броню разрезал вместе с плотью надевшего её воина! Он мог разрезать на лету шёлк и гусиное перо, но сам был не тяжелее пера, а его рукоятка ласкала руку, как кусок шёлка! В нём была мощь северного медведя, но он был гибок, как плакучая ива! Наконечник его был не закруглён, а хорошо заточен, и там, где не получалось зарубить, мой отец закалывал противников, как свиней!

Варяг в сильном волнении привстал и, оперевшись кулаками о стол, посмотрел безумными глазами на Феодора. Теперь он говорил шёпотом:

— Тот меч ковал великий кузнец и могущественный колдун. Он заключил в клинок ярость волка и силу вепря, хитрость лисы и мудрость змея. В навершие он спрятал кусок железа, отколовшийся во время битвы от молотка Тора, а рукоять сотворил из обломка от копья Одина. Колдун хотел оставить этот меч для себя, но клинок не захотел служить такому хозяину. Он не стал драться за него, когда мой отец пришёл в его земли.

Викинг сел обратно и внезапно засмеялся больным смехом:

— Ха-ха! И ты наверняка думаешь: куда он делся?! Думаешь: почему отец не завещал его мне?! Ха-ха!

Олаф-рус резко оборвал смех.

— Отец забрал его в Валгаллу, потому что он добыт не моей доблестью, а значит, и не мне его носить. Мы, викинги, ничего не завещаем своим сыновьям. Мы считаем, что воин должен добывать всё сам. Да, это тропа разбоя и войны, но для людей моей веры она не является запретной.

Олаф-рус тяжело встал и стал надевать пояс с мечом. Гамба положил свой нож обратно за сапог. Феодор смотрел на пьяного викинга, размышлял над его словами и чувствовал, как начинает понемногу трезветь.

— Скажи, а знаешь ли ты, кто такие нибелунги? — спросил викинг, перед тем как уйти.

Гамба, которому надоело молчать, ответил за хозяина:

— Да, это великаны из ваших легенд, которые могут даровать воину невидимую накидку, хранящую его от стрел.

Викинг засмеялся.

— Вот подземные карлики и превратились в великанов, пока молва несла легенды об их деяниях до ушей чернокожих людей! В кого же они превратятся, когда молва дойдёт до края света?!

— Ты неправ, Олаф. Эти легенды очень старые, их плохо помнят даже многие скальды, — осмелился вступиться за Гамбу Гаилай.

Варяг прекратил смеяться и сказал серьёзным тоном:

— Гаилай, ты и Феодор очень любите изучать наши саги, скажите мне, сколько вы знаете песен о проклятом народе подземных карликов с птичьими ногами?

— Одну, о кузнеце Зигфриде, — ответил Феодор.

— Две, о кузнеце Зигфриде и конунге Эрике Удачливом, — сказал Гаилай.

— Если эта сага об Эрике Удачливом столь же интересна, как та песня о нибелунгах, которую знаю я, то не спеши отходить ко сну, поведай мне её. Я всегда рад послушать хорошую историю из уст хорошего рассказчика, — попросил викинга Феодор.

Он знал, что варягов хлебом не корми, а дай спеть какую-нибудь сагу, но Олаф-рус решил удивить своего нанимателя.

— Нет. Я сегодня плохой скальд. Пусть тебе поведает эту историю твой потешный раб. И запомни, Феодор Отважный, я потомок волхвов. Я вижу, что это золото изменит даже тебя. Ты был храбр, пока у тебя было малое богатство, которое не страшно потерять. Теперь ты станешь таким же осторожным, как другие купцы Империи. Я знал, что ты мечтал о великих деньгах ради великого дела.

Феодор вздрогнул. Он был уверен, что никто на этом свете не знает о его планах по поводу партии прасинов, веры монофизитов и новой династии на троне стольного града. Что никому не известно о тайных складах с оружием и доспехами.

— Ты мечтал об этом ещё вчера, но сегодня уже похоронил свои мечты.

Да, похоронил, но не ради себя, а ради счастья детей! Кто тебя научил в твоих скалах читать мысли людей, проклятый варяг?!

— И мне больше нет смысла служить тебе. По возвращении в стольный град ищи себе другого предводителя дружины.

Феодор покачал головой:

— Мне не нужен другой. Я не из тех, кто забывает в светлый день того, кто не оставил его в трудную минуту. Если дело в деньгах, я готов на любую сумму.

— Нет. — Викинг улыбнулся. — Скажу тебе больше. Из тех сокровищ, что лежат в трюмах, я ни возьму ни монеты, потому что мы взяли их без боя. Мне не нужны деньги,

в которых нет моей доблести. Может быть, если повезёт, на обратном пути встретятся пираты... тогда я подумаю, разумеется, если удача будет опять на нашей стороне.

— Пираты?! Типун тебе на язык! — крикнул Феодор, когда викинг хлопнул дверью.

— Потешный раб?! — возмущался тем временем Гаилай. — Так оскорблять нашу дружбу! Феодор, ну почему меня считают твоим рабом?! Ну что с того, что я ем твою еду и живу за твой счёт?! Это не повод называть рабом свободного человека!

Кулак Кривого Кунца просвистел в ладони от носа Гаилая.

— Замолчи!

Учёный муж немедленно исполнил приказ.

— А теперь рассказывай эту... легенду о нибелунгах. И рассказывай на языке Империи, я слишком пьян, чтобы понимать сейчас другие, да и Гамбе будет интересно послушать. Правда, Гамба?!

— Мне интересно то, что интересно хозяину, — прошептал чернокожий.

Раньше эта преданность купца умиляла, а сейчас раздражала. Он вдруг понял, что будет тосковать по прямым, как дороги Вечного города, речам немолодого викинга. Речам, в которых никогда не было даже намёка на подобострастие. Как это у него водилось, раздражение Кривой Кунец сорвал на Гаилае:

— Я же велел тебе рассказывать, негодяй! Почему ты ещё молчишь?! Или ты затосковал по акулам?!

Странствующий историк прокашлялся и сказал:

— Феодор, ты же мне не хозяин, а друг. Друзей, когда о чём-то просят, делают это более вежливо. Например, говорят одно слово.

— Быстро!!! — Феодор схватился за булаву.

— Ну, я имел в виду «пожалуйста». — Учёный муж обреченно вздохнул. — Но ты сегодня в плохом настроении, поэтому я тебя прощаю.

И он стал рассказывать.

Феодор любил рассказы учёного мужа больше, чем его записки. На пергамент Гаилай заносил легенды слово в слово такими, какими их услышал, а когда пересказывал, расцвечивал иногда сухой стиль повествования яркими срав-

нениями и красивыми эпитетами. Словно придумывал это сказание заново.

Да, у Гаилая было много недостатков, но рассказчиком он был хорошим. У него сменился даже голос, стал более мужественным и более старым. Кривому Купцу временами даже казалось, что это говорит не Гаилай, а где-то в углу сидит невидимый седой скальд и плетёт певучими словами ткань старинной легенды. Через минуту Феодор перенёсся душой из тёплой каюты на палубу варяжского драккара. Палубу заливал дождь, поэтому Феодору было немного холодно.

— ...И снова боги послали победу могучему конунгу Эрику Удачливому. Захватив богатую добычу и много пленных, конунг направил свой драккар домой. Погода стояла мрачная...

* * *

...Погода стояла мрачная, но настоящий мрак царил в душе конунга. Буйное море терзало обшивку судна, мечи молний рубили тёмное небо, а само небо нещадно забрасывало борт копьями дождя. Но конунг не покидал палубу, потому что в сердце его бушевали страсти сильнее.

Его гребцы, пытаясь перекричать оглушающий гром и шум дождя, обсуждали недавний бой, благодарили богов за победу и восхищались мужеством командира. Они были рады. Несколько дней назад воины снова убедились, что те, кто связал судьбу с конунгом Эриком Удачливым, не знают слова «поражение».

Десять лет конунг Эрик водит хирд в походы. Десять лет назад в хирде было сорок бойцов. И десять лет спустя те же сорок бойцов делят с конунгом добычу. Видно, и вправду великий Один во время каждой схватки укрывает невидимой накидкой, хранящей от клинков и копий, войско своего любимца. Эрику Удачливому везёт и на ратном поле, и в игре в кости, и даже в любви. Самая красивая девушка земель соседнего ярла отвергла сотни более знатных воинов, чтобы разделить ложе супружеской любви с их командиром. За девять лет после свадьбы Астрид подарила ему трёх дочерей. Прекрасную Хельгу с волосами цвета весеннего солнца, как у матери. Милую Хари с волосами цвета летней ночи, как у отца. И добрую Мару с волосами

цвета зимней долины, как у славного деда, конунга Тьярви Белого.

Эрик Удачливый с великой злобой слушал хвалебные речи хирдманов.

Конунг не радовался богатой добыче: что толку от золота, если его некому завещать? Не радовался удачному бою: что толку, когда боги хранят тело, чтобы ранить душу? Не радовался славе: что толку в славном имени, если род твой угаснет вместе с тобой?

Эрик Удачливый имел всё, но не имел сына, и это его печалило.

Он молил богов о наследнике, хотя знал, что боги ничего не дают просто так. Что если Один дал тебе великую силу, то не блистать тебе великой мудростью, а у того, у кого самый зоркий глаз, рука не так тверда, как у остальных воинов. И если ты удачлив сверх меры в бою, то не жди везения на другом поприще.

Эрику боги северных морей, добрые и могучие асы, позволили побеждать и в жестокой схватке, и в мирной жизни. Они послали ему сорок верных друзей, красавицу-жену и трёх прекрасных дочерей. Они послали ему больше многих и отняли самую малость. Но именно этой малости и не хватало конунгу для счастья. Конунг боялся, что когда-нибудь его мошна везения иссякнет и копьё врага верней влюблённой девы найдёт путь к его сердцу. Он бы променял посмертные пиры в Валгалле на страшные мучения в аду, только бы умереть, зная, что род его будет жить. Он поклялся со смирением принять будущую потерю — то, что отнимут у него боги за сына.

Сорок раз он произнёс эту клятву, и на сороковой раз гром затих, тучи как по команде развеялись, и воины увидели остров, которого не было на карте.

Каждый викинг знает, что асы иногда поднимают из волн острова, чтобы через годы спрятать их обратно в пучину морских вод, и не удивляется этому. Не удивился и Эрик. Он приказал пристать к пустынному берегу и отправился с тремя воинами осмотреть землю.

На острове не росла трава, не шелестели деревья, не пели птицы. Он только что поднялся из воды.

Суровые скалы и зловещая тишина могли бы нагнать страх на кого угодно, но не на отважных сынов фьордов

северных морей. Эрик пересёк остров из конца в конец и уже собирался уходить, когда заметил небольшую пещеру. Когда он и его воины добрались до её конца, они увидели грот, на стенах которого висело четыре обугленных скелета и горело четыре факела. Стены были мокрые (морские воды недавно покинули пещеру), но факелы горели ярче маяков тёплых морей.

Но не это поразило воинов. Их поразило содержимое грота. Сотни тысяч золотых монет с неизвестным рисунком ждали своих хозяев. Опомнившись, воины уже хотели бежать за остальными, чтобы перенести богатство на корабль, но их остановил мудрый Атли, сын волхва.

— Стойте, безумцы! — крикнул он, загородив дорогу. — Посмотрите на эти монеты. На них изображён карлик с птичьими ногами. Это про́клятое золото про́клятого народа нибелунгов! Видите обугленные скелеты? Это их предсмертные мучения дали силу чёрному колдовству! Это их невинная кровь обагрила золотые монеты! Вспомните судьбу Зигфрида! Оставьте это золото тем, кто его собрал! Покиньте быстрее колдовской остров! Разве мало Один послал вам добычи в прошедшем бою, чтобы вы променяли её на дар чёрных колдунов? Если хотите счастья себе и роду своему, то поспешите поднять парус и сесть за вёсла.

Воины вернулись на корабль, и там конунг рассказал о находке и спросил дружину, как поступить. Хирдманы молчали. Великий Один послал неплохую добычу, но медью и серебром, а в пещере лежало золото.

Они предоставили конунгу решать их судьбу. Конунг не поверил рассказам сына волхва и приказал сменить монеты из дешёвого металла на монеты из дорогого. Чтобы освободить больше места, он решил высадить пленников. Пленникам отдали часть запасов продовольствия и пресной воды и пообещали вернуться, когда золото будет доставлено туда, где ему самое место.

Корабль отплыл, но не успел остров скрыться за горизонтом, как раздался гром среди ясного неба и асы погрузили землю обратно под воду. И снова удача оказалась на стороне Эрика — его судно чудом спаслось от водоворота.

Когда опасность миновала, Атли, сын волхва, показав рукой на безбрежный океан, сказал, напоминая о судьбе пленников:

— Вот оно, проклятие! Первая смерть невиновных людей. Люди, которых мы убили не в честном бою, а обрекли на смерть в мучениях, вцепятся нам в ноги железной хваткой, когда мы пойдём в Валгаллу. Пока не поздно, бросьте про́клятое золото про́клятого народа в море!

Хирдманы снова молчали. Они снова предоставили конунгу решать их судьбу. Конунг снова не поверил рассказам сына волхва и приказал прибавить ходу. Через два дня показались костры родного острова.

Воины свою часть клада переплавили в слитки, а слитки обменяли на красивых пленниц и крепких пленников. Пленники построили им каменные дома и пасли их скот, а пленницы ублажали их похоть. Хирдманы Эрика перестали ходить в походы, забыли о войнах, а тела и души их заросли жиром, как тундра мхом. Многие по году не прикасались к мечу и забыли слово «копьё».

Один Атли отказался от своей доли добычи, остался без каменного дома, красивых пленниц и крепких пленников, но ножны меча не покидали его пояса, и он помнил слово «копьё». Атли стучал в дома бывших друзей и призывал:

— Мужчина должен завоевывать богатство в честном бою, с мечом в руках, а не на горбу рабов, с плёткой под мышкой. Такое богатство встанет на вашем пути непреодолимой горой, когда вы пойдёте в Валгаллу. Пока не поздно, разрушьте свои дома, отпустите пленников, дайте свободу пленницам, вернитесь на корабли и возьмитесь за мечи. Откажитесь от про́клятого дара про́клятого народа!

Хирдманы снова молчали ему в ответ.

Они пришли к бывшему командиру и рассказали про слова Атли. Они снова предоставили конунгу решать их судьбу. Конунг снова не поверил рассказам сына волхва и приказал выгнать его с острова. Через два дня Атли уплыл, чтобы никогда больше не возвращаться.

Сам конунг жил теперь в роскошном замке. Крепкие пленники работали на него день и ночь, а в красивых пленницах он не нуждался, ибо самая красивая женщина делила с ним ложе супружеской любви. И эта красивая женщина подарила ему, через год после того, как он вернулся из последнего в жизни острова похода, сына. Конунг в соответствии с приметой опять клал в супружеское ложе золотую монету, когда узнал, что жена понесла. Только в этот

раз это была не монета стран тёплых морей, а последний золотой из клада нибелунгов.

Три раза примета обманывала Эрика, а на четвёртый раз помогла. Жена Астрид родила ему сына Грани. Прекрасного, как мать, крепкого, как отец, и с глазами умными, как у славного деда, конунга Тьярви Белого.

И возблагодарил богов, добрых и могучих асов, конунг острова, и сказал, что теперь воистину он Эрик Удачливый. А в последний золотой из клада нибелунгов, принёсший ему сына, он вдел шнурок и, когда малыш подрос, стал вешать ему на шею, чтобы счастливая монета охраняла его от глаза злых людей и козней злобных колдунов.

Три года и три месяца не знал горя конунг Эрик, пока не пришла в его замок беда.

Однажды оставил он старшую дочь присматривать за Грани. Услышав же среди ночи крик, не помня себя от ужаса, ворвался в комнату и застал её с топором в руках возле кровати мальчика. Вся кровать была в крови, и вместо ног у малыша дёргались две кровавые культи. Не успела ничего сказать дочь, когда обезумевший отец разрубил ей мечом голову.

И хлынула кровь на волосы цвета весеннего солнца, и лишился Эрик Удачливый старшей дочери, Хельги Прекрасной.

Эрик перевязал малышу раны и отнёс под покровом ночи мёртвое тело в подземелье замка. Чтобы никто не узнал о безумии дочери и грехе отца, всем было сказано, что Грани отъела ноги по недосмотру свинья из хлева, а Хельга сбежала с женихом, но жене Эрик рассказал правду.

В ту же ночь голова Астрид побелела, как шкура полярного медведя.

Эрик хотел уничтожить талисман, который не смог уберечь наследника, но не сумел найти монету, как и ноги мальчика.

Ещё три года и три месяца не знал горя конунг Эрик, пока не пришла в его замок новая беда.

Мальчика отравили. Когда знахари выходили Грани, он смог назвать отцу имя той, что предложила ему напиток со странным запахом. Не помня себя от гнева, обезумевший отец ворвался в комнату завистливой дочери и разрубил ей мечом голову.

И хлынула кровь на волосы цвета летней ночи, и лишился Эрик Удачливый средней дочери, Хари Милой.

Под покровом темноты конунг отнёс мёртвое тело в подземелье замка. Чтобы никто не узнал о зависти дочери и грехе отца, всем было сказано, что Грани отравился по недосмотру, а Хари утонула во время купания, но жене Эрик сказал правду.

В ту же ночь лицо Астрид покрылось морщинами, как треснувшая льдина.

Эрик сделал всё, что мог, но мальчик так и не оправился от яда и почти перестал расти. Он стал слабым и болезненным.

А ещё через три года и три месяца в замок конунга Эрика пришло сразу две беды.

Вначале погибла последняя дочь. Она случайно выпала с балкона, и острый камень пробил ей голову. Обезумевший от горя отец долго горевал над волосами цвета зимней долины, обагрёнными кровью.

Так Эрик Удачливый лишился младшей дочери, Мары Доброй.

В ту же ночь Астрид умерла от горя. Умерла тихо и быстро, как первый снег.

С балконов сталкивают чаще, чем падает кто-то сам. Чтобы не давать почвы тёмным слухам, Эрик никому не сказал правды, а похоронил тела в подземелье замка.

Три года и три месяца Эрик жил только сыном. Он исполнял любые его прихоти и желания, готов был убить за его слезу и отдать жизнь за его улыбку. Он совсем обезумел от этой любви, и когда мальчик сообщил ему о заговоре с целью завладеть замком, рабами и убить хозяина и наследника, Эрик даже не стал спрашивать, как он это узнал. Он просто выгнал всех слуг, пригласил бывших друзей, тридцать девять хирдманов, на ночной пир, сам им прислуживал, а потом повёл их в подземелье, показывать богатство. Там он их и запер, а сам нажал на потайную скобу. Через две минуты подземелья оказались заполнены морской водой.

Так Эрик Удачливый лишился друзей верных.

Он стоял в подземелье и слушал, как хирдманы стучат кулаками в стены в предсмертных судорогах. Когда всё стихло, даже шум воды, кто-то тронул Эрика за рукав. Конунг

обернулся и увидел Грани. Он так любил сына, что даже не спросил, как безногий хилый мальчик сам добрался до подземелья. Вместо этого он спросил, взяв малыша на руки и прижав к груди:

— Что ты хотел, маленький Грани?

— Отец, выведи меня к южной стене замка, напротив моей комнаты, мне нужно тебе кое-что показать.

И отец не сказал ни слова. Он даже не напомнил ему, что вокруг южной стены замка море. Прикажи ему сын, и он бы без страха спустился прямо в ад.

Они выбрались из обезлюдевшего замка, прошли к южной стене, и здесь холодные брызги вернули Эрика в реальность.

— Куда идти? Здесь море, — спросил он.

Сын ничего не ответил, только загадочно улыбнулся. Эрик стал ждать.

Вскоре начался отлив. Сын велел отцу спуститься с ним на обнажившееся дно. Когда отец шёл, он задел что-то ногой, наклонился и заметил, что это увешанный тиной детский скелет. Сердце Эрика сжалось от страшного предчувствия.

Ночь не была холодной, но конунга трясло в ознобе. Он положил Грани на камень и, отойдя на несколько шагов, по-новому взглянул на сына. Сын продолжал загадочно улыбаться. Отблески луны бликовали в его нежных глазах, а ветер развевал тонкие волосы.

— Что ты ждёшь? — спросил мальчик.

— Твоих приказов, — как всегда, ответил отец, только теперь в голосе бывалого воина дрожи было больше, чем любви.

— Ну неужели непонятно? Ищи мои ноги, — сказал мальчик.

Не отрывая взгляда от ребёнка, почему-то боясь повернуться к нему спиной, Эрик наклонился и стал шарить руками. Мальчик сидел в шаге от детского скелета и своей улыбкой подавлял волю конунга.

— Ну как? — спросил с любопытством малыш.

— Н-н-ничего... т-т-т-только куриная лапа, — сказал отец, протягивая ему птичью ногу.

Он уже знал, что именно это сын и искал. Точнее, тот, кого он раньше считал сыном. Поэтому и не удивился, ко-

гда куриная лапа мгновенно приросла к мальчишескому бедру.

— Отлично! — сказал мальчик, любуясь возвращенной конечностью.

Он лежал на камне, задрав ногу вверх. Он шевелил пальцами на фоне лика луны, словно проверял, хорошо ли сработало колдовство. Потом он несколько раз согнул и разогнул ногу, подпрыгнул на ней и, усталый, сел обратно на камень.

— Спасибо, отец, — сказал мальчик, задорно смеясь. — Ну, что смотришь? Вторую ногу нужно найти до прилива.

Выросший в подземельях нибелунг не знал, что прилив уже вот-вот начнётся. Шум приближающейся воды придал сил воину северных морей.

— Ты не мой сын, — прошептал он.

— Отец! Сейчас не время для таких разговоров! Всё, что нужно, ты уже сказал и, главное, сделал. Доделай начатое! — привычным повелевающим тоном сказал мальчик.

Но на Эрика этот тон уже не действовал.

— Ты не мой сын! — крикнул он и побежал.

Мальчик прыжками преследовал его. Через минуту он уже прыгал по колено в воде. Он кричал истошным детским голосом, каким ещё недавно заставлял Эрика исполнить любой каприз:

— Отец! Отец! Вернись! Не бросай меня! Я погибну без тебя, отец! Я тебя люблю!

А Эрик, заткнув уши, бежал и кричал одну фразу:

— Ты не мой сын!

Даже когда волны уже поглотили мальчика на птичьей ноге, Эрик продолжал кричать эти страшные слова.

Вжавшись в стену, заткнув уши, он просидел с дрожащими коленками всю ночь и весь день. Он не слышал, как утром в ворота замка робко стучались его слуги, а вечером, громко — родичи загубленных им хирдманов. Последние пообещали взять замок приступом, если через три дня конунг не выдаст им родственников. Эрик ничего этого не узнал. Он хотел одного: забыть навсегда тот детский крик о помощи, после которого в ушах остался только шум прибоя.

К следующей ночи он пришёл в себя. Когда отлив освободил дно, Эрик спустился и попытался обнаружить тело лже-Грани, но вместо этого нашёл всё тот же скелет всё того

же ребёнка, Грани настоящего, его единственного сына, и монетку на шнуре. Когда конунг разглядел, что на монетке изображён карлик не на двух, а на одной птичьей ноге, голова его тут же побелела, как когда-то у прекрасной супруги Астрид.

Он выбросил монетку и устремился в замок.

Едва переступив порог, Эрик услышал шум в гостиной. Недоумевая, он прошёл в зал и увидел при свете луны, освещающем гостиную через решётчатое окно, пирующих товарищей. Утопленники поедали остатки вчерашнего пира, запивая их остатками вина. Улыбка осветила их синие, разбухшие от воды лица, когда они заметили бывшего командира. Громко приветствуя, они пригласили его присоединиться к пиру. Когда мёртвые хирдманы говорили, то вода вылетала из их лёгких, а некоторые капли попадали конунгу на лицо.

В ужасе Эрик оттолкнул руку с кубком, вырвался от сердобольных утопленников и бросился к выходу. Но у дверей его ждали мёртвые пленники с затонувшего острова, почему-то одетые как рабы.

— Хозяин, какие будут распоряжения? — спрашивали они, и опять вода из лёгких попадала конунгу на лицо.

Конунг попытался укрыться в детской, но там сидели три мёртвых дочери. Они качали скелет Грани и пели ему колыбельную. Увидев отца, две из них бросились к нему в объятия.

Эрик носился по всему замку, пока не нашёл своих покоев. Он долго сидел с мечом в руках на кровати, но никто не пытался ворваться, и конунгу стало казаться, что это был просто дурной сон. Вывели его из этого состояния могильные черви, вдруг поползшие по одежде, резкий запах мертвечины, ударивший в ноздри, ласковые прикосновения костлявых рук к плечам и знакомые, но почему-то очень холодные поцелуи в шею.

Конунг едва вырвался из рук собственной жены, чтобы попасть в объятия друзей, которые наперебой пытались влить ему в губы глоток вина или ткнуть в лицо жирную свиную ляжку.

Таким и застали Эрика вооружённые родичи убитых им хирдманов, когда ворвались в его замок.

— Помогите!!! — закричал конунг, вырываясь из рук утопленников, но люди, побросав оружие, уже разбегались.

В ту же ночь все жители покинули остров. С тех пор никто там не был, но говорят, что и сейчас в обезлюдевшем замке конунг Эрик Удачливый мечется между мертвецами, проклиная себя, богов и проклятое золото проклятого народа.

* * *

Страшная легенда. Страшный народ. Страшные люди, что русы, что словены, не зря они так сошлись. Почему в сказках, которые ему рассказывала бабушка, удачливый человек, умеющий извлечь из всего на этом свете выгоду, получает счастье, а глупых сказках Волока-анта, коими он веселит народ, когда людям скучно, счастье получает глупец?! Почему в сагах этого проклятого викинга боги карают безумием тех, кто меньше всего это заслужил?!

Феодор выгнал Гаилая и Гамбу после того, как учёный муж закончил пересказ легенды, и ещё долго сидел, буравя взглядом стену, и пил маленькими глотками неразбавленное вино.

Он знал, что это глупо, однако всё равно проверил монеты в сундуках. Но подозрения оказались ложными: никакого карлика, никаких птичьих ног.

Он должен был радоваться богатству, но счастья не приносили даже мысли о черноглазых наследниках. В душе купца поселилась тоска, а в голову лезли совсем другие мысли. Мысли, от которых Феодор Отважный мечтал навсегда избавиться и которых страшился.

— Скажи, что ты хочешь, чтобы я сделал?! Чтобы выбросил золото и оставил детей нищими?! Я не понимаю тебя, варяг!

Феодор был очень пьян, впервые за долгое время. Варяг сидел на песке, смотрел на тихое море и не отвечал на вопросы Кривого Купца.

Что мне было делать с новым кораблём, который мне подарил «неизвестный» доброжелатель в диадеме императора? Отвергнуть и продолжить ловить удачу на доживающем свой век судне?..

Всего один раз! Это было всего один раз! И я же взял на себя заботу о его вдове и сыне! Его сын получил такое

воспитание, какое ему не смог бы обеспечить его философствующий отец! Его вдове я дал такое содержание, что она смогла вторично выйти замуж, и не за кого-нибудь, а за самого полководца Льва Тансавра! Об этом случае никто не знает, кроме меня, басилевса и тебя, Мессия! И ты знаешь, что я был вынужден так поступить! Ты знаешь, что на другой чаше весов лежала даже не судьба восстания, а жизнь, которую моя благословенная супруга носила в своём чреве! Вот почему я замарал свою честь оговором! Вот почему я его предал! Не потому, что меня раздражали его речи, его сказки, что богатство — это испытание, посланное Господом, а золото — не благосклонность, а проклятие! И не потому, что он был арианин, наследник того самого нечестивца, что получил пощёчину от Николая Святителя три века назад, а я монофизит, наследник тех, кто не бросал знамя истинной веры в самый тяжёлый год!

Но ты знаешь, что с тех пор я ни разу не поступился твоими заветами. Что я искупил этот грех. Так почему же ты до сих пор посылаешь мне эти мысли, эту тоску, от которой не хочется жить?!

— Поверь мне, варяг. Я сказал правду, там, в каюте. Честным путём невозможно из нищеты попасть в мир роскоши. Нужно иметь хотя бы один корабль, чтобы развернуть честное торговое дело...

Да вот только кораблём было стыдно называть то, что мне оставил вместе с долгами отец. Десять лет я работал как проклятый с худшей командой в стольном граде, и ничего! Я потерял глаз, сражаясь за Империю, но имперских ростовщиков не интересовала моя доблесть!

Но ты же знаешь, что я оговорил его не поэтому! А только ради неё и того, кто жил в её чреве!

— Ха! Варяг! Я сегодня пьян, как никогда в жизни! И я тебе скажу то, что не говорил никому! Мои люди считают меня хорошим человеком, но Мессия знает, что я негодяй! Я ненавижу ложь, но сам один раз в жизни вынужден был солгать! И заставил меня это сделать тот самый жалкий человек, по недомыслию Мессии занявший трон, которого мне завещали ненавидеть предки и с властью которого

я поклялся бороться, когда он погубил моих друзей! Пятнадцать лет назад мои друзья погибали под копытами конницы служителей нечестивого пророка, а басилевс равнодушно наблюдал за этим с вершины холма! Оружием всадников пустыни он избавлялся от тех, кого жаждал увидеть в лапах палача, от лучших людей беспокойной зелёной димы. И именно этот жалкий человек напугал меня! Меня, великана, гнущего подковы и отламывающего щипком край от дубового стола! Он заставил солгать того, кто ненавидит ложь! Помнишь, как мы ловили медведя для его зверинца?! Так вот, я мечтал, что этот медведь когда-нибудь вырвется из клетки и загрызёт его! Как я его ненавижу! С тех пор как басилевс сделал меня предателем, я возненавидел его ещё больше, и планы, которые были зыбкой мечтой, обрели твёрдые контуры! Но сегодня, когда у меня есть деньги, чтобы скинуть с трона не одного палача, а сотню, я похоронил свои мечты! У меня не один сын, а трое! Трое! И я люблю их!..

А что, если этот лжец на троне опять поставит меня перед выбором?! Опять заставит служить лжи?!

Феодор говорил очень долго, потому что об этих вещах он молчал всю жизнь. Увы, а может, к счастью, но когда Кривой Купец коснулся варяга, выяснилось, что тот спит.

Кинтарийский Циклоп оставил его и некоторое время шёл по колено в морской воде, шепча имя того, кого надеялся навсегда забыть, того, кто пал жертвой его оговора. Потом он упал в море, в надежде, что его солёная свежесть, как обычно, принесёт ему облегчение. Но этого не произошло. Тогда он вышел на берег и снял с себя одежду, чтобы просушить.

— Высоко сижу, далеко гляжу, всё, прохвосты, вижу!

Гребцы вскочили с сундука как ужаленные, с ненавистью глянули на Волока-анта и вернулись к работе. Волок-ант пригрозил им шутливо пальцем и снова притворился, что спит.

Эти гребцы были новичками в команде. Когда хозяин пригласил их побороться, они поддались. Этого Феодор не любил, и, чтобы впредь неповадно было, раздражённый купец приказал им упражнять силу всю ночь, то есть таскать

с места на место сундук, пока остальные гребцы спят. Разумеется, когда тот, кто за ними присматривал, ушёл спать, провинившиеся решили отдохнуть, но Волок-ант ради собственного развлечения решил поиграть в надсмотрщика.

В этом не было ничего смешного, но Феодор почему-то засмеялся.

— Прощаю! — крикнул он.

Радостные гребцы покинули берег, и Волок-ант, посмеиваясь, пошёл вслед за ними.

Феодору вдруг стало легко и радостно на душе. Он вспомнил о своём дальнем родственнике в горах далёкого Кауказуса, куда можно отправить черноглазых наследников, пока в стольном граде будут твориться большие дела.

Кинтарийский Циклоп смотрел на корабли, набитые золотом, и это золото само собой превращалось в дорогие ламиллярные доспехи и крепкие железные шлемы, в широкие мечи и тяжёлые булавы, в обоюдоострые секиры и длинные копья. Во все те вещи, которых так не хватало три века назад людям, которым надоел запах горелой человеческой плоти, коим басилевсы освящали площади стольного града вместо фимиама.

Великодушный Мессия сжалился, и мысли, от которых хотелось умереть, опять покинули голову Кинтарийского Циклопа. Голова его была полна великих планов, поступь тверда, а душа горела тем самым неукротимым огнём, о котором ему говорил предводитель варяжской дружины.

Нет, рано тебе ещё покидать мою команду, Олаф-рус!

Ник. Романецкий

ВОРЬЯ НАЛОЖКА

Антон вошел в кабинет, как положено по уставу, — упругим шагом и при целеустремленном взгляде, всем своим видом показывая готовность выполнить любое задание отечества.

Нам-то не трудно, а принципалову самоощущению дюжинного человека — какая-никакая, а услада...

— Здравы будьте, сударь!

— Будьте и вы здравы, чародей! — Принципал жестом указал на стул.

Антон сел.

Хозяин кабинета угнездился в кресле по другую сторону стола. Как и у большинства принципалов-неволшебников, в глазах его жило затаенное недоверие, а в ауре наверняка сияли цвета неприязни. Не надо даже Зрение включать — всё как всегда... Есть в Подлунной мы, дюжинные люди, а есть вы, мужи-волшебники, и никогда нам в приятелях не бывать...

— Вот с какой целью я призвал вас, чародей... — Принципал переложил на столе бумаги. — На фронте произошло несколько случаев пленения наших ратников. Мы бы не стали привлекать к делу Колдовскую Дружину, но сыскники доносят, что в плен сдались те, на ком лежало БМ-заклятие.

Антон понимающе кивнул.

Варяжское заклинание берсеркера, известное у нас под аббревиатурой «БМ» (то есть «бешеный медведь»), заставляло ратника драться с врагом до последней капли крови, а в такой ситуации словен всегда возьмет верх над ордынцем. Волшебникам же Орды БМ-заклятие пока не было известно. То есть они ведали, конечно, что подобное заклятие существует, но, как ни бились, освоить его не могли.

То есть до последних дней не могли... Однако наука, как всякому ведомо, не стоит на месте.

— И мы бы хотели, чтобы вы, чародей, на месте разобрались, в чем там дело. — Принципал хлопнул по пачке бумаг, словно припечатывая ее к столу. — С руководством Колдовской Дружины наше задание согласовано.

Антон снова кивнул, поскольку и явился сюда, в министерство ратных дел, по приказу именно своего руководства.

— Вам уже заказан билет на экспресс «Южный Урал». Отправление — завтра утром с Оренбургского вокзала. Все необходимые материалы получите у моего секретаря. Вопросы есть?

Вопросов у Антона не было.

* * *

Минуло двое суток. Покинувший берега седого Волхова экспресс, перестукиваясь с рельсами, прикатил к не менее седому Уралу.

В Орске Антона встретили местные представители министерства ратных дел. В купе ввалился высоченный широкоплечий воевода, обладатель широкоскулого лица, намекающего на ордынскую кровь, длинных усов и голубых глаз. За воеводой возник еще один — ростом пониже и безусый. Ишь, блюдут этикет! Посылают двоих туда, где и одного бы хватило за глаза. Но ведь чародей приезжает из столицы, та еще штучка, наверное, уважить надо...

Предъявили друг другу документы, после чего Антон подхватил саквояж и колдовской баул и покинул вагон.

Орск не производил впечатления прифронтового города — на улицах толкалось полным-полно штатских, встречались и мамаши с детьми... Впрочем, до фронта было достаточно далеко, да и пускать ордынцев на берега Урала никто не собирался. Даже отъявленные пессимисты в Новогороде и думать не думали об эвакуации жителей Орска. Не та шла война.

Однако если Антон не разберется в происходящем, то исход ее вполне может измениться. И тогда все эти не слишком озабоченные горожане хлынут отсюда людской рекой, а за ними будут скакать на своих низкорослых выносливых коняшках ордынцы и разить, не разбирая...

Антон мотнул головой, отгоняя ужасную картину, и принялся рассказывать столичные сплетни — занятие, которого

не чураются даже волшебники, ибо сплетни живы, пока жив человек, не зря же их распространение является второй древнейшей профессией!

Как всякому чародею, охрана Антону в дальнейшем путешествии не требовалась, а потому местные ратники, доставив его в свой принципат, накормили гостя, пересадили в другой казенный экипаж, и началась новая дорога, уже не железная и более короткая, которая закончилась к четырем пополудни в селе с несловенским названием Алимбет.

* * *

Представитель министерства государственной безопасности Всеслав Кошка скорее походил на мышку — низкорослый типчик неприметной наружности, короткоусенький, с ничего не выражающим взглядом серых, глубоко посаженных глаз.

Судя по изложению вводной, Кошка был неглуп, верно представлял себе направление сыска и, не будь дело связано с заклинаниями, вполне мог бы справиться самостоятельно. Но волшебники у него под началом были низкой квалификации (а чего вы хотите? Высококвалифицированные на каждом углу не встречаются, они все наперечет и работают, как правило, либо в Новогороде, либо если в приграничье, то на высокородных). Потому и пришлось Кошке обращаться за помощью наверх. Не он первый, не он последний...

— Сдалось в плен трое. Они содержатся в ордынском становище, которое расположено верстах в пятнадцати за линией фронта, — говорил Кошка. — Нашим волшебникам это недоступно.

Антон покивал: для армейских сыскников пятнадцать верст в тылу врага — и в самом деле непреодолимое расстояние. Они не владеют заклинаниями, которые могли бы помочь в таком деле.

— Ситуация мне понятна, — сказал он. — Остались ли от попавших в плен какие-либо личные вещи?

— Остались, знамо дело.

— Пусть их немедленно доставят сюда.

Вскоре в палатку внесли три котомки. Антон развязал узлы, вывалил на походный столик ношеные портянки, носовые платки, несколько пар нательного белья, тоже ношеного. Внимательно изучил тряпки, приложив Силу. Увязал все назад и сказал:

— С вашего позволения, я отдохну, пока не стемнело. Где у вас можно прилечь?

Если Кошка и удивился тому, что гость намерен соснуть среди дня, виду он не показал. А может, просто имел представление, как работают столичные волшебники, командированные для сыска в прифронтовую полосу.

* * *

Луны на небе не было, и это изрядно облегчало задачу. Правда, магических сил требовалось больше, чем, к примеру, в полнолуние, но какое это имеет значение для волшебника предвысшего ранга квалификации?!

Антон выскочил из оврага, где провел инициализацию, и помчался к линии фронта. Тьма стояла — хоть глаз выколи, — но это и хорошо. В такой тьме глаз дюжинного человека бессилен обнаружить Антона, а Зрения ордынских волшебников он не боялся и подавно. Самому же света звезд вполне хватало.

Под лапы с шорохом ложилась мягкая трава, но ветерок производил шума гораздо больше, и потому уши дюжинных людей тоже были бессильны.

Вскоре он уже оказался возле становища. Прилег, принюхался. Прополз немного, снова принюхался...

Пленных держали в землянке, под запором. По становищу, знамо дело, прохаживались ордынские часовые, но чем они могли помешать чародею? Тем более что ему и не требовалось преодолевать запертые двери... Однако в нынешнем виде он, разумеется, не мог определить, какое именно на пленных наложено заклятие.

И потому теперь предстояло самое опасное — обрести на несколько мгновений обычную сущность. Правда, работать с магическими атрибутами сейчас не требовалось — как и всякий волшебник предвысшего ранга, Антон умел накладывать ступенчатые заклинания, в том числе и на самого себя. Что он и проделал в палатке, которую ему предоставил для «отдыха» Кошка. Дабы теперь заклятие начало работать, требовалось немногое — перекинуться через голову. Антон принюхался и прислушался, дождался, пока отойдет от землянки некстати приблизившийся ордынец, и сиганул вверх.

Прыжок... переворот... приземление на лапы... вернее, теперь уже на руки и ноги... тут главное — спружиниться, не

сломать кости... шум не важен — суть ступенчатого заклятия такова, что ступень, следующая за превращением волка в человека-волшебника, отвращает от посторонних ушей любые звуки, которые создаст оный вернувшийся в свою сущность чэ-вэ...

Конечно, окажись поблизости шаман, он бы услышал, как шлепается о землю четырехсполовиноюпудовая туша, но вероятность того, что среди ночи рядом с землянками пленных будет болтаться ордынский волшебник, крайне мала. Нечего ему тут делать — ночью волшебники спят, а вместо них работают охранные заклинания. Не ждут же здесь и сейчас словенского чародея специально! Вот если бы Антон пробирался, кутаясь в магическую вуаль, его бы, конечно, шаманы обнаружили, но для того и существует волкодлачество, чтобы спрятаться от волшебников за волчью шкуру, а от дюжинных людей — за волчьи повадки. Разве что много позже, уже утром, волшебники смогут обнаружить Спектрограмму, свидетельствующую, что ночью тут осуществлялось некое магическое действо, но с какой стати им вообще здесь что-то искать? Да и дело ведь это нелегкое, на каждом углу проявлять Спектрограмму не станешь...

Ступенчатое заклинание продолжало работать...

Шлеп на руки и ноги... лечь на землю... Зрение активируется само собой, без магических манипуляций. Ага, вот они, заклятия, наложенные на находящихся в землянке людей... обратное изменение, уже не требующее никаких перекидываний через голову...

И волк стремительно унесся в темноту, огибая перекликающихся гортанными голосами часовых...

Что случилось с пленными, Антону было теперь совершенно ясно. Вóрья наложка.

* * *

Через десять дней он снова оказался в Новогороде.

Эти десять дней ушли не только на обратную дорогу, но и на путешествие по пяти другим, помимо Кошкиного, ратным подразделениям. Каждое путешествие заканчивалось волчьей вылазкой в тыл вражеских позиций и проверкой заклятий, наложенных на сдавшихся в плен ратников. В каждом случае таких было по двое. Итого тринадцать, Велесово число!

Умаялся Антон изрядно, поскольку волкодлачество в течение нескольких дней отнимает немало Силушки. Однако за двое суток пути от Орска до Новогорода выспаться смог бы и мертвый. В персональном-то купе...

Вернувшись, Антон явился в министерство ратных дел, доложил принципалу о случившемся и получил приказ продолжить сыск.

Продолжить так продолжить...

На очереди была картотека принадлежащего Колдовской Дружине Института магических манипуляций. Просматривать всю ее не потребовалось: уже назавтра к вечеру Антон определил, что заклятия на сдавшихся в плен ратников были наложены человеком, учившимся в Ключградской школе волшебников.

* * *

Оказавшись на берегах Невы, Антон первым делом явился в хоромы чародея Буривоя Сметаны, ключградского блюстителя интересов Колдовской Дружины. Необходимые сообщения, касающиеся полномочий Антона, Сметана уже получил из столицы по волшебному зеркалу, однако с бумагами командированного ознакомился внимательно. Чиновник, знамо дело, хоть и волшебник...

Однако работал сей чиновник справно. Тут же были отданы необходимые распоряжения, командированному выделили казенный экипаж, и через три четверти часа путешествия по многочисленным ключградским мостам Антон оказался в канцелярии блюстителя. Еще через четверть часа перед ним лежал список выпускников местной школы волшебников, лишенных Колдовской Дружиной лицензии и не замеченных прежде в нарушении закона. Таких насчитывалось всего трое.

Антон уже знал, что будет делать с этими тремя. След спровоцировать вора, и все яйца будут в лукошке! Провокация — метод ведения сыска, известный еще нашим пращурам. И от наших же пращуров ведомо, что он бывает крайне результативен.

Но кое-какая подготовка все-таки потребуется. Тот, кто нарушает закон, является действующим волшебником, и с легкостью вокруг пальца его не обведешь.

Антон полез в документы.

Так, брате, проверим для начала, кто у нас на подозрении... Ну-ка, ну-ка... Владислав Амрюша, двадцать три года, лишен лицензии девять месяцев назад, освоил заклинания второго ранга квалификации. То есть накладывать искомые заклятия был обучен... Так, следующий... Горимир Каморник, тридцать один год, лишен лицензии десять лет назад, освоил заклинания второго ранга квалификации... И этот не слабее первого... Ну а третий?.. Мирон Хвост, двадцать семь лет, лицензию отобрали в прошлом году, и также освоил заклинания второго ранга квалификации... Второй ранг — это неплохо, это не потребует от Антона сверхусилий при наложении на самого себя маскировочного заклинания. Второй ранг мы вокруг пальца обведем хоть и не с легкостью, но уверенно.

* * *

— Мне нужно БМ-заклятие, — сказал Антон.

Владислав Амрюша, несмотря на свои двадцать три года, выглядел ребенком, потерявшим маму. Глаза у него были тоскливые-претоскливые, а когда он услышал про БМ-заклятие, чуть не бросился бежать.

— Я уже скоро год как не волшебник, — выпалил он дрогнувшим голосом и попятился. — Вас, дядя, ввели в заблуждение, клянусь собственным благополучием! Меня лишили лицензии, я не торгую во́рьими наложками.

Он не врал. И дело не в том, что в его ауре не было цветов лжи — волшебник второго ранга способен блокировать эти цвета, — просто чародей предвысшей квалификации умеет обнаружить ложь и иным, недоступным дюжинному человеку путем.

Да, Амрюша не врал. И определенно страдал, как страдает птица, у которой отрезали крылья, но Антон не был тем человеком, который мог эти крылья вернуть. В конце концов, лишили парня лицензии, значит, было за что...

— А не знаете, где можно купить?

— Да к любому волшебнику обратитесь, у кого есть лицензия.

— У них же дорого! На ордынский фронт ухожу, хотелось бы семье денег побольше оставить.

— Ну... — Амрюша пожал плечами, враз потеряв решимость не ввязываться. — Даже не знаю...

— А все-таки? Очень надо.

Антон врал вдохновенно — как может врать лицедей, которому непременно требуется от хозяина театра намечающаяся роль, как может врать ребенок, боящийся наказания за невинную шалость, как может врать чародей, нагруженный заботой государственной важности...

А вот Амрюша врать не мог. И потому сказал:

— Пару лет назад торговали БМ-заклятиями в питейном домике на Сенной. Называется «У Мира». Поспрашивайте там.

И сразу стало ясно, кто снабдил бедных ратников во́рьей наложкой!

* * *

Тем не менее сначала Антон побывал у Мирона.

Там тоже все оказалось справно. Мирон Хвост даже ничем не смог помочь нуждающемуся будущему ратнику. Но, в отличие от Амрюши, и не сожалел об этом. Я, сударь, давно уже не волшебник. И думать забыл, как творятся заклятия. Так что извиняйте, сударь...

Сударь извинил. И наконец, направился на Сенную, в питейный домик «У Мира».

Как он и ожидал, Миром, хозяином питейной, оказался Горимир Каморник, тот самый — тридцати одного года, бывший волшебник второго ранга, лишенный лицензии десять лет назад.

Конечно, заглянувшему на огонек клиенту никто в питейном домике этого не сказал. Но оно и не требовалось.

— Требуется БМ-заклятие, — заявил напрямую клиент.

— Откуда узнал? — спросил Каморник, по-воровски прищурив глаз.

— От Славунтия.

— Это какой такой Славунтий? С Лигова? — Каморник вовсю рассматривал ауру незваного гостя, отыскивая цвета лжи.

Ничего он там не отыскал.

— Почему с Лигова? — удивился гость. — С Полюстрова.

Наверное, вору след было поразиться, как широко расползлись о нем слухи. Но ведь бояться ему было нечего. Он не помогал татям снимать охранные заклинания с купеческих складов. И не наводил порчу на близживущих девок. Он, в общем-то, делал доброе дело — помогал трусам ста-

новиться смельчаками, да еще за вдвое меньшую цену, чем волшебники с лицензиями. К нему никогда не должно было проявить интерес министерство государственной безопасности, ибо совершаемое Каморником никогда государственной безопасности не угрожало. С местной же стражей он всегда мог договориться. И наверняка договаривался.

— На фронт собрались?

— Да,— сказал Антон.— Воевать с ордынцами. Говорят, на ратников с БМ-заклятием Перун благословенно глаз положил, им везет в боях.

Он опять вдохновенно врал.

— Что ж, дело хорошее,— сказал Каморник.— Пять сотен.

— Согласен.

— Деньги с собой?

Вестимо, незваный гость не производил впечатления человека, у которого имеется пять сотен.

Антон похлопал себя по карману.

— Покажи.

Антон показал.

Каморник удовлетворенно кивнул:

— Поднимемся в горницу. Не здесь же творить заклятие... Ольга, постой за стойкой, я скоро вернусь.

Поднялись наверх, зашли в светлую, опрятную комнатку.

Каморник отодвинул от стола стул с резной спинкой, выставил на середину.

— Садись. И закрой глаза.

Антон послушно выполнил что говорят.

Через пять секунд заклятие было сотворено.

— Готово,— сказал Каморник.— Обновлять заклинание не надо.

— Я знаю.— Антон встал со стула и расплатился.

А ничего другого и не оставалось, потому что на нем теперь было самое настоящее БМ-заклятие, а вовсе не та отвратная ворья наложка, которую он обнаружил у сдавшихся в плен ратников.

* * *

Покинуть питейный домик без шума не удалось.

Когда Антон спустился с зал, там разгоралась свара. Кто-то кого-то задел, проходя к туалету. Или кто-то с кем-то не захотел выпить. Всё как всегда...

И как всегда, в свару ввергаются все присутствующие, кто не успел удрать. Антон не успел. Он еще только шагал в сторону к двери, когда за спиной остро *запахло* опасностью. И пришлось защищать если не жизнь, то хотя бы целость черепа, которому угрожали пустой бутылкой.

Драться с пьяными сподручно и без магии. Твоя ловкость рядом с их неуклюжестью сама по себе — волшебство. Антон пропустил бутылку мимо головы и уложил напавшего одним встречным ударом правой — в такую ряху не промажешь. Остальные разбирались меж собой. Завизжала прячущаяся за стойкой Ольга. Сверху тут же спустился Каморник.

Буянов вдвоем быстро угомонили. Когда все закончилось, пожали друг другу десницы.

— Ну вот, — сказал Каморник, — и наложка моя пригодилась... Выпьем?

— Нет, — покачал головой Антон. — У меня срочное дело.

На этот раз он не врал — у него и в самом деле появилось срочное дело, потому что БМ-заклятия на нем больше не было.

* * *

На следующий день Антон снова поехал в питейный домик.

Каморник встретил его как родного.

— Закончил свое срочное дело?

Антон кивнул.

— Тогда пойдем все-таки выпьем? Наверху, чтобы нам не помешали.

Предложение было вполне подходящим.

Не выпить. Подняться наверх.

Поднялись. Следом пришла Ольга с подносом, улыбнулась Антону как родному брату. Поставила поднос на стол и исчезла.

Каморник хлопнул в ладоши и сделал приглашающий жест. Но Антон покачал головой. И снял с себя маскировочную ауру.

Каморник отшатнулся:

— В-вы... Вы — чародей?

— Чародей, — согласился Антон. — Чародей, работающий на министерство государственной безопасности. Я вас спровоцировал вчера.

Каморник не испугался. Возможно, он сам на себя наложил в свое время БМ-заклятие и с ним оно работало как полагается. Или просто был не из пугливых.

— Чем же я мог перейти дорогу столь серьезной организации?

— Тем, что люди, с наложенным вами БМ-заклятием, сдаются в плен ордынцам.

— Как это?

— Так это!

Антон не стал рассказывать вору подробности, хотя и стоило бы. Откуда тому было знать, что в каждом отдельном случае он накладывал на страждущих БМ-заклятие, но, стоило заклятым оказаться в опасной ситуации, происходило магическое перерождение и БМ-заклятие превращалось в торговый талант. А талантливый купчина непременно примется торговать — даже собственной жизнью, когда ей что-то угрожает...

Но нет, узнает все это Каморник не от Антона, пусть этим занимается трибунал Колдовской Дружины.

А в общем-то, Каморнику не повезло — он был гораздо более талантливым торговцем, чем волшебником. Но если ты ошибся, за невезение не спрячешься. Отвечать придется!

— Отвечать придется, — повторил Антон вслух.

И Каморник сразу сжался. Даже волшебнику-недоучке известно, что в Колдовской Дружине действуют законы, отличные от законов дюжинных людей, и нарушение этих законов карается гораздо строже, чем драка и разбой. Кому многое дано, с того много и спрашивается...

Впрочем, торговец никогда не сдается сразу. В этом торговый талант сродни воинской смелости.

— Что ж, — сказал вор. — Как ни странно, я всегда знал, что у меня будут с этим неприятности, и всегда был готов к ним. И я бы дорого дал, чтобы о случившемся не стало известно. Десять тысяч целковых пригодились бы и чародею.

Да, десять тысяч целковых пригодились бы и чародею.

Но Антон отрицательно покачал головой и включил Зрение, чтобы не проспать внезапную атаку загнанного в угол волшебника.

Эти десять тысяч чародею не пригодятся.

Ибо наступают иногда в родной стране времена, когда умение воевать ценится выше умения торговать.

Однако тянуть с просьбой о повышении жалованья больше не след, и это будет первая забота чародея после возвращения в Новогород.

ОПЛОШКА ВЫШЛА!..

Станимир Копыто проснулся в очень тяжком похмелье. Это было чудно́.

Поскольку заказов вечер не оказалось, они с Рукосуем Молчаном решили пересидеть легкое безработье в трактире. Отправились, по обыкновению, в «Затрапезье», ибо владелец оного питейного заведения был постоянным клиентом Станимира, хорошо относился к обоим волшебникам и ввек не наливал им сивушного. Душа-человек, словом...

Однако, кажись, вчера душа-человек явно изменил своим принципам, потому как ныне с памятью Станимира сотворилось нечто аховое.

— Слезыньки горючие, придется проучить мерзавца, — пробормотал Станимир, кликнул Купаву и велел подать рассолу.

Экономка слегка замешкалась (рассолу хозяин требовал нечасто), однако вскоре принесла — литровую корчажку. Станимир, стуча зубами, выпростал посудину и снова улегся, дожидаясь, покудова перестанут трястись персты.

Наконец трясучка ушла, а мысли прояснились до такой степени, что Станимир вспомнил — заблаговременные заказы ныне имеются токмо на вечер. До вечера же путь неблизок. А значит, можно прибегнуть и к более действенному средству излечения.

Опосля чего Купава принесла хозяину уже медовухи.

Медовуха справно помогла телу, но память ей, увы, не подчинилась. Впрочем, желания проучить мерзавца явно поубавилось.

Ладно, решил Станимир. Встретимся через день-другой с Рукосуем, все вспомним. А и не вспомним — так не умрем!

* * *

День выдался на диво спокойным и бездележным. Народ к Станимиру шел редкий да несерьезный — все

больше сглаз, порча, любовные присушки... Заклятия привычные и для квалифицированного волшебника несложные.

Одна молодица, правда, к вечеру прибежала вдругорядь, пожаловалась, что любушка Ярослав, встретившись, даже не посмотрел в ее сторону... Пришлось объяснить глупой бабе, что присушка — заклятие не сиюминутное: на изменения время требуется; что присушка по пуговице с рубашки желанного менее результативна, чем присушка по его волосам. И что буде у нее, молодицы, есть, скажем, физический изъян, противный любезному Ярославу, то заклятие может и вовсе не подействовать. Молодица, левую грудь которой боги пометили родимым пятном размером с пятак — Станимир ясно различал его сквозь платье и наперсник, — взвилась, потребовала объяснить, на что это тут сударь волшебник намекает, и вообще... Еле-еле успокоил дуру, сказав, что, буде присушка не поможет, он обязательно вернет клиентке деньги.

Наконец наступил вечер, и пошла работа настоящая. Станимир обновил с десяток охранных заклятий на амбарах и складах переяславльских купцов; поставил магический защитный барьер кузнецу-одиночке, дабы на того не навели порчу конкуренты-цеховики; вылечил неожиданно простудившегося сына местного квартального (малец перекупался в Трубеже); наложил отвращающее заклятие на спальню дочки знакомого ратника — девица была на выданье, и отец не хотел, чтобы в постель к дочке залез неугодный ему кавалер. Слава богам, похмелье прошло, и Станимир работал споро и энергично. Акустические формулы заклинаний творил с удовольствием, Волшебную Палочку инициировал как никогда легко. В общем, получал от работы истинное наслаждение и серьезный доход.

* * *

Утром его разбудил неугомонный звон сигнального колокольчика. Купава, видать, ушла на рынок, и посему пришлось подняться. Накинул халатину, вышел в сени, снял с двери охранное заклятие.

Тут же дверь едва не слетела с петель — в сени ворвался вчерашний ратник. Мундир накинут на голое тело, глаза выпучены, рот корытом.

— Я чародею пожалуюсь, муж-волшебник! — (Срамное выражение.) — За что я выложил вам вечор такие деньги? — (Срамное выражение.)

Ратник, по-видимому, изрядное время служил на ордынских рубежах.

Ошарашенный Станимир захлопал глазами:

— Слезыньки горючие, в чем дело, сударь? Что случилось?

— Он еще спрашивает, что случилось!.. — (Срамное выражение.) — Это я должен спросить вас, что случилось! Почему, заглянув ночью в спальню к дочери, я обнаружил там соседского сынка? И теперь дочка заявляет, что она выйдет замуж токмо и токмо за него. А ведь я потому вас и нанял, чтобы избежать этого. Очень мне нужен зять-лоботряс!..

— Годите, годите... Надо разобраться! Может, ваша дочь наняла другого волшебника и он снял мое заклятие?

— Айда со мной! — (Срамное выражение.) — Разбирайтесь на здоровье... Но буде обнаружится ваша вина, я вас...— (Срамное выражение.)

Станимир оделся, подхватил баул с колдовскими атрибутами и, сопровождаемый поносящим его ратником, вышел на улицу.

Перед крыльцом стояла бричка, и добрались они быстро.

Столь же быстро Станимир обнаружил, что его заклятие пребывает в полном порядке. Акустическая формула заклинания звучала в ушах радостной песней. *Ти-ти-та-ра-а-а, ти-ти-та-ра-ра-а!..*

— Позовите своего денщика,— сказал Станимир ратнику.

Явился денщик. Черные усищи словно серпы, на лице готовность жизнь отдать за отца-командира.

— Войдите в эту дверь!

Денщик посмотрел на отца-командира, по-прежнему готовый отдать жизнь. Ратник кивнул. Денщик шагнул к порогу. Аки на лобное место отправился.

Сейчас его станет корчить, сказал себе Станимир.

Корчить денщика и не подумало. Он легко открыл дверь и спокойно шагнул в комнату. Правда, тут же раздался притворный девичий визг, и денщик вылетел назад, аки варом обданный. В дверь изнутри что-то ударилось и шлепнулось на пол.

— Ага! — заорал ратник. — Убедились?! — (Срамное выражение.)

Станимир сделал вид, будто задумался. Теперь ему было ясно, что заклятие не работает, но вот причины сего безобразия он в упор не понимал. Ведь присутствия чужих заклятий в спальне девицы не ощущалось. Вестимо, если бы перед ним стоял клиент-дурак, Станимир обвинил бы дочь ратника, которой невтерпеж, и дело с концом. Однако ратник — не дурак. Он тут же пригласит переяславльского чародея, и тот с легкостью определит, что никаких волшебников, опричь Станимира Копыта, в доме ратника не было. За сим последует надлежащее наказание. В лучшем случае отберут на три месяца лицензию...

— Слезыньки горючие, я немедленно верну вам деньги и выплачу неустойку, — сказал он ратнику, когда тот отослал денщика и успокоил дочь.

— Мне не деньги нужны. — (Срамное выражение.) — Мне нужна дочь-девственница.

Увы, сделать подобное было не в силах Станимира, и распрощались они с ратником в состоянии необъявленной войны. И буде обманутый отец останется при своем мнении, назавтра следовало ждать вызова к чародею.

* * *

Слезыньки горючие: едва он вернулся домой, выяснилось, что на винный склад к купцу-клиенту ночью пробрался тать. К счастью, тать был местным забулдыгой. Убыток купцу он нанес невеликий — украл всего лишь бутылку водки, которую и распил тут же. Потом, похоже, занимался рукоблудием, поскольку заснул на складе со скинутыми штанами, а нагажено не было.

Пришлось пообещать выплату неустойки и купцу.

Больше происшествий у клиентов не случилось, но перепугавшийся Станимир быстренько проверил все свои вчерашние заклятия. И обнаружил, что, хотя акустические формулы заклинаний пребывают в абсолютном порядке, ни одно из них положенным образом не работает.

Опосля этого ему ничего не осталось, как сдаться чародею, не дожидаясь, покудова на него пожалуется обманутый доченькой ратник.

* * *

Чародей Микула Веретено принял Станимира без задержки. Выслушал гостя, тряхнул выбеленной годами гривой и спросил:

— Какой акустической формулой вы, брате, воспользовались?

— Формулой номер пять, брате чародей.

— Давайте-ка глянем... Повторите ваши действия.

Ти-ти-та-ра-а-а, сотворил формулу Станимир. *Ти-ти-та-ра-ра-а!..*

Микула Веретено всмотрелся в ментальную атмосферу.

— Что-то у вас не то получилось, брате... Какую школу вы закончили?

— В Ростове Великом.

— Ага... — Чародей прищурился. — Воспроизведите-ка формулу еще раз!

— *Ти-ти-та-ра...* — начал Станимир.

— Нет-нет,— перебил его Микула Веретено.— В обычной акустике.

— Фа-фа-соль-ля, — пропел Станимир. — Фа-фа-соль-ля-ля!

— Интересно,— сказал чародей,— почему это у вас вместо соль звучит си-бемоль, а вместо ля и вовсе до второй октавы? Давайте-ка проверим другие формулы. Тоже в обычной акустике.

Станимир пожал плечами и принялся петь.

Чародей слушал со все возрастающим изумлением. А потом изумление превратилось в настоящий ужас.

«Слезыньки горючие, чего это он так перепугался?» — подумал Станимир. И замолк.

Молчал и Микула Веретено, боролся со своим ужасом.

— Мне все ясно,— сказал он наконец хриплым голосом.— У вас напрочь пропал музыкальный слух, брате. А теперь давайте разбираться — почему. Не происходило ли с вами в последнее время чего-либо чудно́го?

* * *

Когда чудно́е нашлось, тут же послали за владельцем «Затрапезья». Прибывший трактирщик показал, что сивушного сударям волшебникам наливать не думал. Употребля-

ли чистейшей слезы медовушеньку. Правда, употребили ее весьма и весьма изрядно. А о прочем пусть расскажет муж-волшебник Рукосуй Молчан.

Послали за Рукосуем Молчаном.

Рукосуй долго себя ждать не заставил, прилетел к чародею аки птица небесная.

Микула Веретено поведал ему о беде, постигшей мужа-волшебника Копыта, и спросил напрямик:

— Брате Рукосуй, это ваших рук дело?

Брат Рукосуй и не подумал запираться. Но, признавшись в совершенном злодеянии, тут же достал из баула лист бумаги и подал чародею.

— Уговор,— прочел вслух Микула Веретено.— Мы, мужи-волшебники Станимир Копыто и Рукосуй Молчан, побились об заклад в следующем: Рукосуй Молчан утверждает, что способен, не прибегая к Ночному волшебству, нанести вред колдовской силе Станимира Копыта, а Станимир Копыто утверждает, что брат Рукосуй — пьяный болтун и хвастунишка. Уговорились: буде Рукосуй Молчан реализует свои утверждения, Станимир Копыто заплатит ему пятьсот целковых, буде же нет — оные пятьсот целковых заплатит Копыту Молчан. Подписано в присутствии хозяина трактира «Затрапезье». Подписи... — Он поднял глаза на волшебников.

— В тот день, когда мы с братом Станимиром пошли в трактир, я открыл новое заклятие,— виновато пробормотал Молчан,— ну и сильну решил испытать его...

— Так-так-так, братия... Микула Веретено почесал затылок. — Полагаю, вам, брате Станимир, придется выложить брату Рукосую пятьсот целковых. А вам, брате Рукосуй, надлежит в моем присутствии снять с брата Станимира ваше заклятие и немедленно написать докладную записку на имя Кудесника с описанием вашего открытия. Слава богам, братия, что это заклятие не открыли ордынцы! Приступайте, брате Рукосуй!

Рукосуй Молчан виновато опустил бороду на грудь.

— Простите меня, чародей!.. Вся беда в том, что я забыл противозаклятие. А записать не удосужился. Оплошка вышла!..

— Слезыньки горючие! — пробормотал Станимир, ибо на него теперь тоже обрушился настоящий ужас.

* * *

Микула Веретено вызвал тоскующего в безделье Станимира через месяц. Лицо чародея сияло, седая грива стояла дыбом.

— Радуйтесь, брате! — сказал он. — Академия волшебных наук сумела восстановить позабытое Молчаном противозаклятие. — Микула Веретено сотворил незнакомую Станимиру Копыту акустическую формулу. — Спойте.

— Фа-фа-соль-ля, — пропел Станимир. — Фа-фа-соль-ля-ля!

Чародей радостно хлопнул в ладоши:

— Порядок, брате! Ваш музыкальный слух полностью восстановлен. — Он поднялся из-за стола и продолжил официальным тоном: — Поелику законы Колдовской Дружины, касающиеся связи с Ночным волшебством, не были нарушены, никто из замешанных в инциденте наказан не будет. Однако вам, брате, придется выплатить Рукосую Молчану проигранные пятьсот целковых и заплатить неустойки потерпевшим!

* * *

Неустойка пришлась ратнику как нельзя кстати, ибо он только что (срамное выражение!!!) уступил участи и отдал свою дочь в жены соседскому сынку-лоботрясу.

Вновь обретший суть жизни Станимир быстро наверстал потерянное.

Словом, все остались довольны исходом дела. Окромя дочки ратника: она сразу обнаружила, что молодой супружник доставляет ей в постели гораздо меньшую усладу, чем той, первой ночью, когда папенька непрошенно ввалился в спальню.

Увы, у нее не было колдовской силы, чтобы понять, чем различались ментальные атмосферы той ночи и наступившего медового месяца. А мужу-волшебнику Станимиру Копыту — слезыньки горючие! — и в голову не пришло хотя бы еще раз использовать переложение акустической формулы «фа-фа-си-бемоль-до второй октавы». Иначе он был бы обеспечен благодарными клиентками до конца своей жизни...

СЧАСТЛИВАЯ НЕВЕСТА

Наденька ощутила приближение визитера загодя.

Ясной пожаловал к палатам князя пешком. Не учуянный стражевыми псами — наверное, лишил себя запаха, — перебрался через ограду, никем не замеченный приблизился к черному ходу. За какие-то пять минут снял охранное заклятие, наложенное домашним колдуном князя. Двери Наденькиной темницы, правда, потребовали от него гораздо большего труда, поскольку, опричь заклятия, запирались всякий раз еще и на добрый аглицкий замок. Для кого другого двери стали бы непреодолимым препятствием, но для нынешнего гостя...

Наденька-то хорошо слышала, как он покряхтывал, разбираясь одновременно и с заклятием, и с замком. Непростая работа даже для молодого...

Наконец раздался облегченный вздох, донеслось удовлетворенное бормотание.

Двери темницы бесшумно отворились.

Наденька давно догадалась, что Ясной пришел за нею, и сидела, затаив дыхание. У нее появилось странное ощущение, будто такое уже случалось, умыкали уже ее из этого дома, и не единожды... Наверное, ей просто заранее снилась нынешняя ночь. Ибо все другие объяснения были полной ерундой. Никто с того самого момента, когда князь передал деньги в руки продавца, на нее не покушался. Да и неудивительно — забраться в дом князя Лопуха осмелился бы разве лишь отъявленный тать-волшебник, коих в мире и не бывает вовсе. Либо Ясной... Лет десять назад, правда, залез кто-то в княжеский сад, но был тут же схвачен доблестным домашним колдуном, почуявшим предстоящее злодеяние, и немедля сдан городской страже. Зачем преступник проник в сад, Наденьке осталось неизвестным — князь при ней ни разу не заговорил о случившемся, — но она воображала себе, что тать явился за нею... Иное предположение было бы откровенным скудоумием — чего ради еще можно так рисковать?..

Между тем Ясной, ведомый магическим чутьем — а впрочем, он ведь тоже видит во мраке! — приблизился к ней и, помедлив, сказал негромко:

— Здравы будьте, моя радость! Вот я вас и нашел...

И Наденька убедилась, что на этот раз ее умыкнут непременно.

* * *

Жил он теперь в какой-то жуткой каморке, с драными обоями и давно не мытым полом, совершенно лишенной удобств и почти пустой — ни мебели, ни книг, ни картин... Даже стола нормального и того нет — фанерный ящик из-под мануфактуры (видимо украденный у зазевавшегося купчишки) застелен вытертой клеенкой. Ладно, хорошо хоть, не сальной газетой!.. Посреди клеенки оплывшим сугробом коротенький свечной огарок — значит, Ясной иногда принимает-таки гостей. Ему-то свеча не нужна...

В памяти Наденьки возникла их первая встреча — полвека назад.

Ясной был тогда черноусым, чернобородым, с пышной кучерявой шевелюрой и фиолетовыми очами, по-детски большими и удивленными. Будто вокруг него вечно происходило незнакомое и чудное. Будто сам он и не был наиболее чудным явлением в Колдовской Дружине!.. Как он смотрел на нее тогда — всю седмицу, что работал в доме князя! «Вы просто колдунья!» — говорил с восхищением. А ей оное восхищение казалось приятственным, и не более того. Знамо дело, на невесту князя Лопуха так должен смотреть любой и всякий!.. Это уже потом, через пять лет, когда волхват развел ее и князя, она вспомнила *тот* взгляд...

Между тем Ясной достал из-под заменявшего стол ящика штоф вина, захватанный грязными пальцами стакан, завернутую в газету — все-таки без газеты не обошлось! — селедку и краюху хлеба. Налил, выпил, крякнул.

— За ваше счастье, радость моя! За вечное, непреходящее счастье!

Глаза его сразу поплыли. Наверно, винище было постоянным обитателем этой каморки...

Наденька грустно улыбнулась. Вот и князь все эти лета приходил к ней, всякий раз опившись медовухой. Правда, бывало это редко — в день рождения и смерти их первенца. Первенца и последыша враз — так уж случилось... Сидел князь перед нею, смотрел влюбленными очами. И плакал. Бормотал, оправдываясь:

— Я ведь не виноват, люба моя... Таковы наши законы... Всякий великородный должен продолжать свой род... Если княгиня бесплодна, вон ее из дома... Вестимо, мог бы и пойти супротив общества... Не осмелился... За то и наказан...

Вторая княгиня тоже иногда заглядывала. Но эта не оправдывалась, глядела волчицей облезлою. Впрочем, она-то ни в чем не виновата — так уж судьба положила...

Ясной выпил второй стакан, теперь уже не закусывая. Токмо с шумом понюхал хлебную корочку да утер сучковатой дланью седые усы. А какие персты у него были полвека назад! Словно музыкантовы...

— Ради Таланта я отказался от любви к вам. Любовь к женщине и Талант несовместимы, говорили мне. Так решили боги, говорили мне, и не нам оспаривать их решение. — Он обхватил голову руками и застонал. — Вот я и не стал оспаривать решение богов. И Талант у меня остался. Но *все остальное исчезло.*

Наденька вспомнила их встречу, через два месяца после развода. Эти месяцы она постаралась забыть в первую очередь. А потом пришлось выгнать из памяти и встречу с Ясноем.

Она пришла к нему, помня *тот* его взгляд, восхищенные глаза влюбленного насмерть парня. Но теперь эти глаза были совсем другими. Нет, в самой глубине их что-то еще горело — ей ли не увидеть! — однако ныне это что-то скорее напоминало подернутые пеплом угольки. Потому что человек с *теми* глазами не мог сказать ей: «Вы в своем ли уме, сударыня!.. Зачем вы явились сюда? Если я буду с вами, волшебные силы покинут меня! Нет, между нами не может быть ничего! Я муж-волшебник, а вы...» Как он был безмилостив!

Она лепетала в ответ беспросветную чушь, а он послушал-послушал, выпрямился гордо и молча указал ей на дверь. Князь Лопух — и тот нашел при расставании с бывшей женой пару любезностей! Как в предвенчальные дни... А здесь был жестокий, забывший свои же слова, абсолютно чужой человек. Все эти чародеи сломали его...

Наденька всхлипнула от былого унижения, которое испытала тогда от этого трясущегося старика. Впрочем, тогда он не был стариком. Да и она уже была другая. Не кня-

жеская невеста — разведенка безмужняя... А в тот день она перестала быть и *его*, как ей мнилось, суженой.

Движение возле ящика украло воспоминания. Ясной, качнувшись, встал, приблизился.

— Я всегда интересовался вашей судьбой, — сказал он неожиданно твердым голосом. — Я знал, что вы принялись торговать своим телом, и осуждал вас. И только недавно задумался, сумел понять случившееся с вами. И с собой...— Он вернулся за ящик, вновь плеснул вина в стакан. С шумом выглотал. — Не то все было! Для чего я корпел над этими заклинаниями?.. Волшебник безмозглый! Сдохну — и вспомнить некому! Только вы вот и остались... — Он глянул на нее мутными глазами, опустил голову.

«Зачем я ему? — подумала вдруг Наденька. — Пожаловаться на несчастную судьбу?.. Так ведь сам выбрал эту дорогу...»

И вдруг поняла — да, именно для этого. Потому что бывают в жизни моменты, когда очень хочется пожаловаться, все равно кому. Пусть даже совершенно постороннему человеку. А ведь она ему совсем не посторонняя...

— Кой толк в том, что я подавал когда-то большие надежды? — продолжал Ясной. — Если бы вернуться в былое!.. — Он горестно вздохнул и опрокинул еще стакан. — Я вел бы себя совсем иначе. Мы бы прожили вместе, долго и счастливо. У нас родились бы дети. Как можно было променять детей на заклинания? — Он стиснул руки так, что хрустнули персты. — Все пыжился, думал, вот стану квалифицированным чародеем, совершу великие магические открытия, применю их в своем деле. А дело ушло!.. Единственным моим великим открытием оказались вы, но я даже не заметил этого. — Он вдруг грохнул кулаком по ящику, и Наденька испугалась, что тот развалится. — Большие надежды, черт меня задери! А главную свою надежду, вас, упустил! И все пробежало мимо... И жизнь пробежала мимо, впереди одна смерть. — Он со стоном вздохнул. — И ведь пять лет назад уже понимал это, ведь мог поехать на похороны... Ан не поехал! Передумал! Постеснялся! Струсил!..

Наденька знала, что умерла пять лет назад. В приюте для престарелых — как всякая женщина, которую боги наказали бесплодством и безмужностью. Как всякая шлюха, сумевшая избежать гибели от побоев и пьянства... Умирала

в безбрежном одиночестве, а он, оказывается, знал. Знал и не приехал! Предал ее во второй раз!.. Правду люди говорят: «Единожды предав — предашь и многажды...»

Он вновь смотрел на нее. Теперь в руке у него был нож.

— Не хочу, чтобы вас видели чужие глаза... Она ушла, я уйду, а вы останетесь, та, кто меньше всех заслужил награду остаться... — Голос его вдруг ожесточился. — Нет, я не дам вам остаться! Это будет несправедливо, в первую очередь по отношению к ней!

Он, кряхтя, встал, отбросил в сторону ящик — задавленно звякнула пустая бутылка. Спотыкаясь, бочком, подобрался к Наденьке и замахнулся.

Наденька сжалась в страхе. Зажмурилась.

Но удара не последовало.

Он пристально вглядывался в ее лицо пьяными глазами и беззвучно плакал.

— Нет. не могу, — сказал он через какое-то время. — Не мо-гу!

Нож выпал из его десницы и воткнулся в замызганный пол.

— Я любил вас всю свою жизнь, вы были моим ребенком, вы были моей семьей, моими воспоминаниями и надеждами... — Кажется, он начинал заговариваться. — Живите дальше, я уйду один.

Его шатнуло, и он поневоле опустился на четвереньки. Подполз к хлипкому скрипучему сооружению, на котором в княжеском доме не стал бы спать самый распоследний слуга, ткнулся лицом в серую подушку.

Наденька облегченно вздохнула. И вдруг поняла, что минуту назад он подарил ей жизнь, во второй раз. Как полвека назад. Два раза предал и два раза подарил жизнь. В самом сердце ее родилась благодарность к этому спившемуся старику. Кажется, дочерний долг состоит и в том, чтобы твой отец не умер в безбрежном одиночестве. А он ныне умрет, это Наденька понимала точно. Даже до утра не доживет, иначе бы не умыкнул ее. Она не знала, откуда к ней пришло это понимание. Пришло и пришло. Как будто это уже происходило когда-то с нею... Может, именно таким способом боги разговаривают с простыми смертными?..

Благодарность росла в ней, как ребенок во чреве матери, захлестывала душу теплыми волнами, рвалась наружу.

И тогда Наденька поднялась со стула. Обогнула все еще торчавший в полу нож, приблизилась к ложу и устроилась рядом со спящим.

Пьяный оборванец тут же зашевелился.

— Ш-ш-ш, — прошептала Наденька. — Это я. Я пришла.

— Да, — пробормотал он. — Это вы. Вы пришли. — Он пьяно всхлипнул. — Вы приходили ко мне не раз. И всегда во сне. Что ж, это были не самые худшие сны в моей жизни. Сны-мечты, сны-надежды. Как имя будущей княгини...

Он погладил ее по макушке.

Отвращения в ней не родилось, любовь и благодарность убивают отвращение. Слава богам, это единственное, что они способны убить.

Ясной опять был молод, кучеряв и черноус. Его губы касались ее уха, усы щекотали шею, а руки ласкали перси.

И Наденька ответила на ласку.

Он был неумел, и она помогла ему снять с нее белое невестино платье. Он был очень осторожен, и ей было почти не больно, когда он лишил ее невинности. Да, он был все еще мужчина. Но в самый главный момент — когда услада, зародившаяся внизу живота, захлестнула ей сердце, а он жестокими руками судорожно сдавил ягодицы, — раздался тихий всхлип.

Пьяные так не всхлипывают. Она все еще крепко обнимала его и бурно содрогалась от никогда не испытанной услады, но уже знала, что обнимает труп.

Нет, она не закричала. Ибо не испугалась. Ведь произошло то самое, что и должно было произойти; то самое, чего он ждал нынешней ночью и к чему был давным-давно готов. Поэтому она осторожно сдвинула с себя обмякшее мертвое тело, перевалила его на спину. Неторопливо поднялась, поцеловала мертвеца в еще теплый лоб. Затем подобрала свои тряпки, оделась и вернулась на место.

И только потом заплакала.

* * *

Утром князь Лопух, обнаружив дерзкую кражу, тут же вызвал стражников.

Через три дня «Счастливую невесту» нашли.

Самая гениальная картина великого в молодости, посредственного в зрелости и никакого в старости художни-

ка-волшебника Ясноя Ракиты стояла на старом мольберте в лачуге, где последнее лето жил бывший мастер. Труп его лежал тут же, на убогой постели, со спущенными штанами и уже начал смердеть. Наверно, старик занимался рукоблудием перед собственным творением. Тронувшись умом, забыл о возрасте, и непривычное для волшебника мужицкое наслаждение сгубило его ослабевшее сердце. Своего рода *mors in coitus*...

Стражники немедленно вызвали владельца картины. Князь немедленно прибыл.

И только тут выяснилось, что в последнюю ночь своей жизни умирающий волшебник зачем-то переписал «Невесту», сделав ее плачущей.

Князь нанял было реставратора, дабы вернуть картине прежний вид — благо, копии существовали,— но потом одумался: кто бы ни платил за работу и кем бы ни был в последние сорок лет Ясной Ракита, автором гениального полотна являлся он, и коли в предсмертном переписывании была его последняя воля, оную волю следовало уважать.

Реставратору заплатили изрядный аванс, и обрадованный мастер скорешко убрался восвояси — он понятия не имел, как сообщить князю, что краскам на плачущем лице «Невесты» без малого полвека, а реставрация ей пока еще не требуется.

Картину вновь заперли. Князь не приходил смотреть на первую жену без малого целое лето. А когда, вновь опившись медовухой, пришел, его чуть удар не хватил.

Через день в художественной лавке выставили на продажу доселе неизвестное полотно Ясноя Ракиты. Полотно называлось на италийский лад — «Мадонна с младенцем».

Мина Граф
КУЗНЕЧИКИ

Далеко-далеко, где-то среди зеленых холмов, под синим-синим небом рассыпались разноцветным горохом домики — у того крыша красной черепицей покрыта, у этого на коньке жар-птица резная сидит, солнце встречает, а у иного в палисаднике такие цветы распускаются — залюбуешься и забудешь, куда шел, до вечера простоишь, не в силах глаз оторвать. Эта деревенька и сейчас там, и жители ее все так же пьют чай из смородинных листьев с вареньем из поленики, и пекарь ее по-прежнему знаменит своими караваями с корочкой золотой, хрустящей, да булочками с корицей, а сапожник по сей день шьет свои чудесные сапоги — мягкие, нарядные, и никакой непогоды не боятся, а уж как пойдешь в них плясать, так и не остановишься... Но не о них речь. О Мартине-кузнеце.

Мартин красивым парнем был — кудри льняные вьются, глаза синие, что тот же лен в цвету, а уж сколько у него силы да удали, а уж как пел — заслушаешься... Разожжет горн, раздует меха — и заведет песню: то нежную, то веселую, то задумчивую, а то — такую разудалую, хоть совсем пропадай. И пропадали девки: мечтать начинали, на ромашках все лето гадали, и в зеркале под Рождество все старались его, Мартина, углядеть. Одна, говорят, даже в соседнюю деревню ходила к ведунье — приворожить кузнеца пыталась. Однако бесполезно это было. Со всеми был Мартин одинаково ласков и приветлив, и ни одной из красавиц не отдавал своего сердца.

А мастер был — со всей округи к нему ехали. Выковать мог все, что ни попросишь. Подкову ли для коня резвого, лемех ли для плуга работящего, нож острый, топор или кресало — все ему под силу было. Да только не это глав-

ное... Лучше всего игрушки ему удавались, безделки звонкие — колокольчики, бубенцы, брошки да пряжки, а то и вовсе какая красота бесполезная. Старый кузнец только хмурился, глядя, как Мартин старается, как молоточком постукивает да пробойничком потюкивает — ветки извилистые для деревца выковывает, с листиками резными да бутонами пышными.

— С кузнеца прок должен быть и людям польза, — не раз журил он Мартина. — На нем, считай, вся деревня держится. А ты что творишь?

Мартин не спорил. И замки ковал пудовые, и гвозди крепкие, ни от чего не отказывался. Но и об игрушках не забывал. Красоты-то всем хочется, вот и заходили к нему не за одними подковами: кому фонарь понадобится затейливый, кому петли дверные узорчатые, а кому и вовсе рамку для зеркальца или браслет — жене любимой в подарок.

И вот как-то у пекаря дочка захворала. Да так, что уж думали, что помрет совсем. Целую ночь Мартин из кузни не выходил, а поутро вынес сверток тяжелый и к пекарю направился. Тот его и ругал, и уговаривал — мол, не до подарков ей сейчас, и нам не до гостей, уйди, Мартин, по-хорошему, не гневи бога, — ни в какую. Вошел в дом и оставил безделицу: скамеечка кованая, с ножками гнутыми, со спинкой узорчатой, какие только в большом городе и бывают, а на скамеечке котенок в клубок свернулся. Посмотрела пекарева дочка на котеночка. Улыбнулась и глаза закрыла. Думали, все, отмучилась. Оказалось — уснула, а назавтра и на поправку пошла. Пекарь после этого на радостях неделю гулял, вся деревня старыми сухарями питалась да лепешки пекла, однако ж никто на него не серчал — понимали, что счастье у человека большое.

Тогда-то и пошел слух, что Мартиновы побрякушки — и не побрякушки вовсе, а самое что ни на есть настоящее счастье. И потянулся к кузнице народ — кто каравай кузнецу принесет, кто шапку новую, кто рубаху вышитую, кто ложку расписную... И всем взамен счастья хочется. А Мартину и не жалко, знай меха раздувает да молотом машет.

* * *

А потом старик мельник продал свою мельницу и уехал — решил, что надо ему в город перебираться, к сыну,

что отправился учиться, да так в городе и остался. И появился в деревне новый мельник, да не один, а со статною женой и дочкой зеленоглазою — Данутой звали. И была она не то чтоб красавицей — и в кости тонковата, и нос длинноват, а волосы будто огнем полыхают: глянь — и ослепнешь. И конопушками обсыпана, будто ее дождиком солнечным забрызгало. Запечалился Мартин, тих стал и задумчив. Песни теперь из кузни слышались все больше нежные да кручинные, и даже молот звучал как-то по-другому. Потому что приветлива была Данута, и улыбалась ему весело, и шутила с ним — но все так же, как с другими. А кузнец хотел, чтоб улыбалась только ему и песни только для него одного пела. И чтобы ходила с ним за руку вдоль берега и венок ему сплела своими руками — из васильков да мятлика, из мака алого и незабудок синеглазых. А он бы называл ее своим солнышком, и было бы у них детишек четверо — четыре конопатых солнечных зайчика. Они даже во сне ему снились, двое мальчишек и две девочки, кудрявые, как он, и рыженькие, как она.

И вот однажды мелькнуло что-то в дверях кузни. Будто огонек полыхнул. Не поверил Мартин своим глазам: стоит на пороге его любимая. Глаза опустила, косу теребит.

— Заходи, — только и смог сказать.

Но она лишь головой покачала.

Потом осмелилась, глаза подняла и спрашивает:

— А правду у вас говорят, будто ты что пожелается выковать можешь?

— Говорят, — улыбнулся Мартин.

— И... счастье тоже можешь?

— И это говорят, — согласился он.

— А... мне? Выкуешь?

— Тебе? Да я только о том и...

— Тогда сделай мне подарок, Мартин. На свадьбу подарок...

Кинулся он к ней — обнять, к себе прижать и никогда не отпускать больше, никогда не расставаться, а она дальше говорит:

— Ко мне Захар посватался, меховщик. Свадьба скоро, Мартин. Подари нам счастье. А я тебя за то поцелую.

Тут он и остановился — будто на стену наткнулся.

* * *

Каждая минутка до свадьбы Дануты с Захаром была для Мартина словно капля раскаленного железа на сердце. Так ему все сердце, видно, и выжгло. Ходил он мрачнее тучи, хмурый да молчаливый, и песен его из кузни больше не слышно было. А Данута и не замечала ничего, к свадьбе готовилась, порхала да глазами стреляла по-прежнему.

А он ковал. Раз попросила любимая — не мог отказать. Только подходил временами к той бочке, что в кузне в землю была вкопана, железо остужать, зачерпывал воды и весь ковш на себя выливал. Тяжело у него та работа шла. Будто и вовсе разучился, все ремесло свое забыл, хуже ученика несмышленого: одну поковку начнет — пережжет ее, по другой трещины пойдут... Но не сдавался Мартин: плюнет, бросит испорченное в лом, ковш на себя опрокинет и заново начинает.

Свадьбу играли, когда по всей деревне яблони цвели. И невеста сама была словно яблонька, нежная; кажется, дунь — и разлетится белыми да розовыми лепестками. Столы, конечно, так в саду и поставили: если свадьбу гулять под яблонями, то и жизнь у молодых будет что яблочко наливное, ровная да сладкая. Поздравляли молодых, зерном осыпали, песни пели свадебные, все как полагается. Тут и Мартин подоспел со своим подарком.

— Прими от меня, Данута, безделицу... на счастье.

И ахнули гости, жених заулыбался, а у невесты веснушки будто еще ярче засветились. Такой красоты Мартин еще ни разу не сотворял. Деревце с локоть высотой — яблоня с ветками тонкими, легкими, вся цветами усыпанная, а на ветках две пташки сидят, друг к другу тянутся. К нижней ветке качели привязаны, а на качелях девчушка сидит, одуванчиком играет. Тронешь — и качаются качели, а платьице будто от ветра шевелится.

— Спасибо тебе, Мартин, — сказала невеста.

— Поцелуй с тебя, как обещала. — Горло у него перехватило, но сказал что хотел.

Взглянула Данута на жениха, тот кивнул — мол, раз обещала, что ж, с одного поцелуя не убудет. Собиралась она кузнеца в щеку чмокнуть, по-сестрински, в знак благо-

дарности, но он посмотрел темно, обнял ее крепко и своими губами к ее губам приник, будто к роднику лесному — и холодная вода, зубы ломит, а не оторваться...

Захар этого, конечно, не выпес. Драка случилась. Но что Мартину драки? Он с молотами шутя управляется, а ручники и вовсе играючи перекидывает. Отступил Захар. И то слово, с кузнецом драться — себя не беречь. Да и Мартин продолжать не стал, одним поцелуем напился да ушел, не стал праздник рушить.

* * *

С той поры зарекся кузнец игрушками баловаться. По-прежнему молот в кузне бил, но теперь уж только ради пользы да необходимости. Топор справить если, нож или там кольцо дверное — всегда пожалуйста, а о пустяковинах и не проси, того гляди осерчает да прогонит прочь. Ищи тогда себе кузнеца где подальше.

Прошло время, и женился Мартин на пекаревой дочке — той самой, которую когда-то его скамеечка вылечила. Все говорил кузнец жене своей, всем делился, одного только не рассказывал: временами снилась ему девчушка кудрявая на качелях. Такая же самая, что он на свадьбу Дануте подарил. Качается она, качели поскрипывают, а девчонка смеется Мартину в лицо и приговаривает: «Дурак ты, Мартин, как есть дурак! Не дал мне на свет появиться, в безделку заточил, а ведь могла бы живая бегать...» В такие дни по утрам он сам не свой бывал. Но после вроде успокаивался.

Жили они мирно, покойно, в достатке, но чего-то все этой Мире, дочке пекаря, не хватало. И вот однажды, перед праздником, попросила она: «Не вези мне подарков из города, Мартин. Не нужны мне от тебя платья новые, и конфет в цветных бумажках не нужно. Выкуй безделицу мне, игрушку на счастье...»

Отказаться он собирался, мол, все, зарекся — не кую больше чепухи. Но очень уж она просила, очень уговаривала. Послушал ее — и выковал.

Правда, счастья особого не принесла Мире безделка — пустая, глупая получилась. Вроде и красиво, и глаз радует... но глаз на нее любуется, а душа-то молчит. Будто сама пе-

карева дочка для Мартина: и любит его, и ластится, и он ее в ответ приголубить не прочь, но ласкают руки только, а сердце безучастно. И сам Мартин словно и не здесь вовсе — будто годы прошли, а он там и остался, на Данутиной свадьбе, до сих пор стоит под яблоней, перед гостями и перед женихом, и целуст ее, целует и оторваться не может.

Постояла эта безделка в горнице, постояла, и каждый раз, как взгляд на ней остановится, хмурилась жена Мартина, грустнела. Да сама и убрала прочь — все равно никакой с нее радости не вышло. А после и вовсе покидала вещички в сундук, запрягла кобылку молча и уехала неизвестно куда. Кто говорил, с другим сбежала, а кто сказывал — с бережка крутого да в реку сиганула. Врут, конечно: если б в реку, зачем бы ей вещи собирать? Но и к отцу, к пекарю, не возвращалась.

А Мартин будто и не заметил, что жена от него ушла.

* * *

Закружился снежок. Рябины в тот год уродилось тьма. Гроздья крупные алели, полыхали бесстыдно, ветки под их тяжестью чуть не до земли опускались. А уж снегом ее припорошило — и вовсе глаз не отвести. Деревенские начали к новогодью готовиться. Веселятся, радуются, хохочут; на склоне холма гору залили, молодежь с нее катается, чуть не через всю деревню проезжает. И смотрят — Мартин вроде тоже повеселел, отошел, улыбаться начал, во время работы насвистывает, а то и замурлычет что себе под нос.

И вот под самый праздник пришел кузнец в гости к Дануте с Захаром.

И подарок принес.

«Новый год наступает — новое счастье вам нужно», — сказал и поставил на стол деревце кованое, точь-в-точь как то, что на свадьбу им дарил. Только будто подросло немного, и девочка по-другому сидит, и гроздь у нее в руке рябиновая, и листочки ветерком пошевелило...

Через неделю Дануга пришла к Мартину. Пришла — и осталась.

Так и стали они жить вместе. Захар, конечно, опять драться приходил, да не вышло — спустил его кузнец с крутого крыльца да пообещал на рог наковальни посадить, если еще явится. Тот все ж не сразу сдался, ходил, Дануту вернуться уговаривал — мол, прощу все, забуду, словно и не было, только вернись. Но она ни в какую. Смирился Захар. Против кувалды, как говорится, не попрешь, а с кувалдой Мартин управляться лучше всех умел.

Скоро привыкли все — будто с самого начала за Мартина и вышла Данута, а Захар и не сватался к ней даже. И вроде живи теперь да радуйся; да Мартину опять не так что-то. Данута к нему и так, и этак, и песни поет, и аж светится вся. А ему будто и не в радость ее любовь. Не верит он, что любит она его по-настоящему. Деревце-то новое, что он выковал, не только побольше прежнего было. Там и птички подальше друг от друга сидели, а одна так и вовсе отвернулась, а на соседней ветке вроде как тень какая-то... будто третья, но не видно ее, а так, из листьев фигурка складывается, если присмотреться повнимательней...

И девчонка кудрявая снится по-прежнему: сидит, рябину по ягодке в рот отправляет и не морщится — она ест, а вся горечь Мартину достается. А то одуванчик обрывает по одной пушинке и приговаривает: «Любит... не любит... любит... не любит...» А сколько пушинок на одуванчике — не сосчитать, и Мартин слушает это «любит — не любит», и ждет, и дождаться не может, какая пушинка последней окажется. Всю ночь ворочается, стонет. А днем обнимает Дануту, счастливую да веселую, а в глазах тоска — не сама она к нему пришла, деревце привело. Дай ей волю, так с Захаром и оставалась бы... Разрушил он их счастье, что сам же и ковал, получается. А для себя выковать так и не вышло.

Весна пришла, луга зазеленели нежно, а там и лето жаркое настало. Снова отступился Мартин от своего слова — птичку выковал с крылышками раскрытыми, легкими, ажурными. Утром поцеловал Дануту, подарок на подушку положил и шепнул ей на ухо: «Свободна будь... лети куда хочешь». И ушел.

Ушел в луга шелковые, упал в траву навзничь, среди маков да васильков, среди огоньков да ромашек — и остал-

ся лежать там, на солнце глядя. И чудилась ему у солнца длинная коса и веснушек россыпи...

Так и высушило солнце кузнеца Мартина. Был — и не стало, высох, стаял, в пыль распался. Только застрекотали в высокой траве кузнечики — не серые, не зеленые, а светлые, будто пряжа льняная.

Рассыпались те кузнечики по всему свету. Говорят, если услышишь среди травы: «Мар-тин... Мар-тин... Мар-тин...» — да поймаешь того самого, кто так стрекочет, прошепчи ему свое желание — и оно непременно исполнится. Потому что судьба у Мартина такая: свое счастье не вышло, зато для других по-прежнему куст...

Елизавета Дворецкая

КАК ОГОНЬ ОТ ОГНЯ

«Ну, зимой одно было, а теперь другое».

Метелица стояла на опушке, прижавшись спиной к толстой березе, и провожала глазами уходящего Искрена. Зачем она вообще заговорила с ним: сидела бы с матерью и сестрами на дедовой могиле, блинами заедая недавние слезы и причитания,— нет, увидела его на краю поля, зачем-то пошла к нему, даже окликнула — а ведь уже видела, что он идет мимо, нарочно ее не замечая... И вот — весенний день для нее кончился. Над головой шумел свежий ветер в густой почти по-летнему березовой листве, казалось, весь этот шум сейчас обрушится на голову легким, щекочущим ворохом — но Метелица почти не слышала его за шумом крови в ушах и стуком готового разорваться сердца.

На Дедовом поле везде мелькали белые рубахи: на каких-то курганах женщины еще причитали и бились о землю, взывая к умершим родичам, на других уже отплакали и крошили вареные яйца, угощая дедов, а где-то уже сами принялись за блины, пироги и кашу, попивая брагу и проливая из каждой чарочки немного на траву. В Родоницу, последний весенний праздник поминания предков, все люди из окрестных родов собирались сюда, где в длинных курганах уже не первый век находили себе посмертное жилье все умиравшие в округе Капельской Лады. Народу было много, и Метелица скоро потеряла Искрена из виду, но все смотрела туда, где он пропал среди могил рода Неревичей, смотрела, смотрела, не веря, что все уже кончилось.

«Ну, зимой было одно...» Его слова звучали в памяти, как последние звуки погибающего мира. И от неотвратимой жестокости этих слов весь белый свет — зеленая луговина, светлые стволы берез, темно-голубое небо — словно бы рвался на части и в широкие прорехи лезла черная бездна... Разом

рухнула ее судьба, уже, казалось бы, сложившаяся, и даже было странно, что земля не тает под ногами, что все так же крепок ствол березы за спиной, что шумит листва и дед Гудила уже запевает хриплым полупьяным голосом «Калинушка с малинушкой, лазоревый цвет», а старуха Гудилиха привычно колотит охальника крепким коричневым кулачком по шее... Все как всегда.

«Зимой было одно...» Зимой... Ведь не на веревке же она его таскала всю зиму на посиделки в беседу Куделичей, сам приходил! Сам садился рядом с ней, смеялся, рассказывал то одно, то другое и посматривал на нее так по-особенному: с намеком и словно бы выжидающе. И от этих намеков она потом каждую ночь едва могла заснуть, ворочалась на полатях между младшими сестрами, так что Турица просыпалась и в досаде пихала ее кулачком в бок: дескать, сама не спишь, так хоть другим дай! А она не могла спать, с восторгом и замиранием сердца перебирала в памяти каждый его взгляд, каждое слово, и сам звук его голоса казался значительным и важным. С каким нетерпением она ждала весны, игрищ Ярилина дня, потом Купалы, когда надеялась навек расстаться с девичьим венком. Она твердо верила, что будет женой Искрена. Но вот... «А теперь другое...» И нет смысла напоминать ему о прошлом. Насильно мил не будешь.

— Ой, доченька моя любезная, белая ты моя лебедушка, березка моя стройная! — причитал где-то рядом женский голос. Метелице казалось, что это плачут по ней, что сами подруги-березки оплакивают ее погибшую любовь. — Осталась я без тебя, горемычная, нет мне радости, нет утешения. Некому мне косы девичьи заплести, некого мне домой с игрища поджидать. Все девчоночки, подружки твои, уж который год невестами называются, в девичьих лентах красуются, приданое готовят, женихов поджидают. Ты одна, моя кровиночка, под сырой землей, под зеленой травой. По весне идут все твои подруженьки в зеленую рощу, срывают цветочки лазоревы, свивают веночки девичьи, пускают по водам быстрым, а ты одна, моя голубка сизокрылая, сама как цветочек, рано увядший! Осталась одна я, как горлица на сухом дереве, на вечерней заре ждать мне некого!

Ах да! Метелица медленно обернулась, поглядела. Ее тетка, Былятиха с огнища Лютичей, все еще сидела на кур-

гане, причитая над крохотным, никому, кроме нее, уже не видным бугорком. Там лежала ее единственная дочка, умершая в тот же день, как родилась, не успевшая даже получить первое детское имя. С тех пор прошло семнадцать лет, и Метелица была одной из тех «подружек»-ровесниц умершей, матерям которых так завидовала Былятиха. И сейчас Метелица охотно поменялась бы с той крошкой, которая умерла, не успев ничего увидеть в жизни, не испытав этой ужасной сердечной боли, от которой сам воздух колом застывает в груди.

Отвернувшись, она прижалась лбом к шероховатой, в крупных черных язвах березовой корс, и слезы горячо потекли из-под опущенных век. Весны для нее не было.

Пять дней от Родоницы до Берегининого дня Метелица жила как во сне, стараясь никому не подать виду, как ей плохо. Может, никто и не заметил, что зимой он все льнул к ней... На это надежды было немного, но Метелица скрывала боль и старалась держаться, как будто ничего не случилось.

Правда, и дел ей хватало: уже совсем близок был Берегинин день, когда берегини-росеницы выходят из воды, чтобы почти два месяца жить рядом с людьми и помогать плодородию нив. Их полагалось встречать подарками, чтобы они знали, как рады им люди и как благодарны за помощь. Метелица была хорошей рукодельницей, и каждому гостю на ее свадьбе пришлось бы это признать — для каждого в подарок был заготовлен или вышитый пояс, или рукавицы, или рушник. Она старалась не смотреть на сундук со своим приданым и подарками, которые готовила всю осень и зиму, но слезы то и дело падали ей на колени, орошая рубашку для берегини, как сама берегиня в будущем должна орошать посевы на полях.

— Кончай реветь, иголки заржавеют! — бормотала Турица.

Ей этой весной исполнялось пятнадцать лет, и она тоже готовилась войти в круг невест. И Турице было весьма досадно, что старшая сестра упустила жениха, а значит, и ей, младшей, дожидаться своей судьбы еще невесть как долго!

Вечером накануне Берегининого дня девушки с огнища Куделичей собрались незадолго до сумерек и отправились

в Ладину рощу. Ходить сюда можно было только в дни праздников, и то с осторожностью, чтобы не сорвать ни листочка и не помять на ходу лишней травинки. В глубине рощи таилось озеро, называемое Вилино Око. Не слишком большое, озеро было окружено старыми ивами, свесившими ветви в воду, а со дна его било множество холодных ключей, из-за чего его вода была холодна даже в жару. Из этого озера выходили весной берегини-росеницы, иначе называемые вилами, несущие росу на поля, и потому Вилино Око по праву почиталось всей округой как источник жизни.

В роще уже видны были следы недавних гостей: кое-где на ветках берез и на кустах орешника висели беленые рубахи, украшенные пестрой вышивкой, разноцветные бусы или платки.

— Лютические уже ходили! — определила Первуша, самая старшая из куделинских девушек.

Ей уже исполнилось восемнадцать лет, и все ее ровесницы были замужем, но женихов смущал ее высокий рост, широкие плечи, громкий голос, привычка распоряжаться в доме, где было семь младших сестер. Говорят, в иных землях такие, как она, старшие сестры без братьев, и вовсе замуж не выходят, носят мужское платье и во всем стараются заменить родителям сына. Первуше это подошло бы как нельзя лучше.

— Лютические завсегда раньше раннего приходят! — подхватила Рябинка, невысокая, загорелая, проворная девица. Как ни старалась она ради праздника расчесать и пригладить волосы, нарядная рубаха и красная лента с начищенными медными заушницами не шли ей, казались чужими. В повседневной серой рубашке она смотрелась гораздо ловчее и приятнее.

— Так им ближе к вечеру боязно! — хихикнула Веретейка, совсем хорошая девица, кабы не слишком длинный нос. — Они ж такие все красавицы, что берегиням лучше не попадаться. С собой уведут!

Все прыснули со смеху, но тут же зажали себе рты. В священной роще стояла тишина, даже ветер улегся. В легком колыхании ветвей и высокой травы чудилось первое робкое движение тех сил, что войдут в земной мир этой ночью. Роща ждала, земля ждала, и даже глуповатая Веретейка пони-

мала: случись им не угодить дочерям Даждьбога, поля останутся без росы, а люди — без хлеба.

— Ой, матушка, красиво-то как! — Ирица протянула было руку к висящей на березе рубашке, пытаясь получше рассмотреть вышивку на подоле, но Метелица проворно хлопнула ее по руке:

— Не трогай! Не для тебя повешено!

— Ну, я хоть посмотрю, я не трогаю! — заныла Ирица. — Так ловко сделано. Мне никогда так не суметь! Эдакие цветочки...

— Еще бы! — хмыкнула Первуша. — Для этого руки-то из плеч должны расти, а у тебя из...

— Не серди Ладу! — перебила ее благоразумная Рябинка. — Помолчи, ради чуров, а не можешь, так хоть говори повежливее. А то еще услышат...

Услышать их еще не могли, росеницы придут только ночью, с первым лунным лучом, но боевитая Первуша молча проглотила выговор. Настороженный слух ловил каждое колыхание веточки, и каждая гостья священной рощи помнила: *они* уже совсем близко...

— Да я научу тебя такие цветочки шить! — утешила Метелица расстроенную Ирицу. — Это Резвушкина работа, я вижу. Ее тетка Былятиха научила, и я тоже так умею.

— Я видела вчера Былятиху, — сказала Рябинка. — Встретила ее у нашей крайней ржи, где ручей и там дальше их льны. Дай, говорит, я тебе ленточку поправлю. Такая ты, говорит, ладная да пригожая, был бы мой Шумилка хоть годком постарше, посватали бы тебя ему! — Рябинка хихикнула, но было видно, что ей приятно. — Вот и моя, говорит, деточка, кабы Морана не взяла ее младенчиком, сейчас такая же была бы.

— Жалко ее все-таки! — Метелица вздохнула. Сейчас ей было по-особенному жалко всех, кто пережил ту или иную потерю. — Хорошая баба, а дочки ей больше Макошь не дала, только эти четыре огольца, братики мои любезные, на хворостине верхом вдоль по полю скачут!

— И те еще в женихи не годятся! — поддразнила Рябинку Веретейка и опять хихикнула.

— Ну, не мне, так Перепелке пригодятся! — Рябинка махнула рукой, вспомнив двенадцатилетнюю младшую сестру. — Как раз подрастут еще немного.

— Перепелка ваша пусть сперва веснушки выведет, а то на нее ни недоросточек, ни перестарочек не глянет! — отозвалась вредная Веретейка.

Рябинка протянула было крепкую загорелую ручку к длинной, но жидковатой, цвета мокрой соломы, косе вредины, но вдруг замерла и вскрикнула:

— Тихо!

Все застыли как вкопанные, всех пробрала дрожь. Неужели они, заболтавшись, наткнулись-таки на вил...

Откуда-то издалека долетали поющие голоса. Прислушавшись, разобрали знакомую песню:

На кривой березе
Вила сидела,
Вила сидела,
Рубашку просила.
Девки, молодухи,
Дайте мне рубашку,
Хоть худым-худеньку,
Да белым-беленьку!

Неревинские! — определила Первуша. — Они всегда в том краю развешивают. Что-то мы припоздали сегодня, все вперед нас!

— Да вон наша береза! — Метелица показала на прогалину, где стояло на поляне большое раскидистое дерево. — Она, Рябушка?

— Она! Вон мой платочек привязан! — подтвердила Рябинка.

Под этой березой девушки Куделичей справляли недавний Лелышк, и в траве еще можно было разглядеть крашеную яичную скорлупу и остатки увядших венков из подснежников и пролесок. Возможно, что еще их матери когда-то облюбовали для весенних обрядов это красивое дерево, стоявшее на удобной поляне, но обычай требовал «выбрать» и отметить березу, что Метелица с Рябинкой честно проделали еще неделю назад.

Девушки сложили все принесенное у корней дерева и встали в круг — так, чтобы береза оказалась в середине. Сейчас их было всего пять: иные за зиму вышли замуж, а пополнение девичьего войска ожидалось только через месяц, в Ярилин день. Во всю мочь вытянув руки, чтобы до-

тянуться хотя бы до пальцев друг друга, путаясь ногами в высокой траве, они двинулись вокруг березы, а Первуша запела знаменитым на всю округу голосом:

— Как в лесу береза
Зелена стояла,
А на той березе
Вила сидела...

* * *

— Смотри, вон рубашки висят! — Будила схватил Искрена за локоть, и тот вздрогнул от неожиданности.

— Чего хватаешь? — Искрен освободился. — Ну, рубашки. А ты чего ждал: зверя коркодела?

— Чего? — Будила нахмурился.

— В северных реках такой живет: залегает на водном пути и мимо себя никого без жертвы не пускает! — просветил его Искрен. Прошлой осенью дед брал его на торг в княжеский город Гневославль, и там он наслушался от бывалых людей много диковинного. — Да это от нас далеко, ты не бойся.

— А кто боится? — с вызовом спросил Будила.

— Да ты и боишься! Рубашки простой вон как испугался, аж перекосило.

— Меня перекосило? Сейчас как дам, самого перекосит!

— Не ори! — уверенно осадил его Искрен. — Сам меня звал беречь смотреть, а теперь трясешься, как на морозе. Сам хотел, так иди тихо и не дергайся.

— Что я, дурной, — беречь смотреть! — уже потише отозвался Будила. На самом деле он был благодарен Искрену за то, что тот пошел с ним в рощу, и ссориться не хотел: а ну как брат раздумает и повернет обратно? Дело было небезопасное и недозволенное, но где голова бывает весной? — Девок...

— Да ты рубашку увидел, а уже на помощь зовешь! — опять поддел его Искрен. — А если девку живую увидишь, тогда вообще...

— Да я...

— А, ну тебя! — с досадой отмахнулся Искрен. — Молчи лучше, а то всех девок распугаешь.

Он немного сердился на себя, что поддался на уговоры двоюродного брата и пошел с ним в Ладину рощу накануне Берегининого дня. С Будилой все понятно, его родичи женить хотят поскорее, им работница нужна позарез. Вот и ищет, шальной, все глаза таращит на куделинских и лютических девок, пока мать с отцом не выбрали какую-нибудь, здоровую, как лошадь, и страшную, как Морана. Первушку куделинскую, например.

Заодно с Первушкой вспомнилась и Метелица. А ему-то самому, Искрену, чего надо? Он и сам не знал, почему вдруг охладел к ней, но сейчас ее привычное лицо с высоким лбом и гладко зачесанной, длинной светло-русой косой не вызывало в нем никаких чувств. Зимой, на холоде, его тянуло к ней, казалось, именно такая, как она, сделает его будущий дом уютным, теплым, наполнит его запахами вкусной еды, детскими голосами, и никогда у такой, как она, муж и дети не будут сверкать продранными локтями. Все это оставалось верным и сейчас, но мечты о такой жизни больше не привлекали Искрена. Спокойная, серьезная, ровная, всегда одинаковая — Метелица и сейчас оставалась такой же, какой была зимой. А сам он изменился. Весна тревожила, звала искать что-то иное, новое, неожиданное, манила и обещала... Что? Он и сам не знал.

— Это наши, что ли, здесь ходили? — Будила наклонился к ветке, рассматривая вышитый рукав рубахи и стараясь в полутьме рощи различить узор.

— Нет, это куделинские. Дреманова молодая жаловалась, что они самую лучшую березу каждый год платочком помечают — после Медвежьего дня, что ли, бегут сразу? Вон та береза и есть.

На ветвях красивой раскидистой березы уже висело пять рубашек, еще несколько украшало ближайшие кусты. Среди зеленых ветвей трепетали платочки, поблескивали красные, синие, желтые бусы. Дарить вилам настоящие ожерелья, стеклянные или каменные, было бы слишком накладно, и бусины для них просто лепили из глины и обжигали, но уж зато какими узорами их раскрашивали! Сестра, Громница, целыми вечерами рисуя на цветных бусинах то ромбики с точками, то волны, то ростки, всегда приговаривала, любуясь делом своих рук: «Сама бы носила, да шея тонка!» И в этом была своя правда: крупные и яркие глиняные бусы выходили очень тяжелыми.

— Опоздали мы, брат! — Искрен хлопнул Будилу по плечу. — Наши еще с утра ходили, куделинские тоже дома давно. Разве что лютических застанем.

— Да что-то не слышно никого! — Будила еще раз прислушался к легкому шороху рощи, в котором не слышалось отзвуков человеческих голосов, и со вздохом сдался: — Пойдем-ка до дому, брат.

— Пойдем.

Они повернули назад и прошли немного, но вдруг впереди показалась широкая прогалина и заблестела вода. Искрен изумленно свистнул и даже немного присел. Перед ними было Вилино Око — озеро, запретное для мужчин весь год, кроме одного-единственного дня. И этот день еще не наступил. Тревожить его покой они никак не собирались и совсем не обрадовались, что им пришлось-таки его повидать.

— Вилино Око... — пробормотал Будила и озадаченно почесал макушку. — Вот леший занес...

— Откуда тут другому взяться? А вот как мы к нему попали, если шли-то мы к опушке?

— Говорю же — леший занес!

— Говорит он... Поменьше говори, целее будем. Прости нас, Вилино Око, не гневайся, что потревожили! — Искрен вежливо поклонился темной воде, и кувшинки у берега слегка закачались, точно услышали. — Не по злому умыслу мы — заблудились.

Попятившись, они ушли за толстую иву, а там повернулись к озеру спиной и быстрым шагом двинулись прочь. Миновали поляну с подношениями куделинских девушек, миновали темную стайку мелких елочек, неведомо зачем забредшую в березняк — тоже заблудились, наверное. Под ногами тянулась едва приметная тропинка. Собирать грибы-ягоды в священной роще было нельзя, весь год сюда почти не ходили, поэтому натоптанных тропинок тут не имелось, и только после девушек, приходивших утром, осталась топкая полоса примятой травы.

Парни приободрились. Тропинка, след живых людей, казалась надежным другом: она выведет хотя бы на опушку, а там уж они, с закрытыми глазами знающие всю округу на три дня пешего пути, полями и лугами выйдут к своему огнищу. А если им повезет и эта тропинка осталась после

своих родных неревинских девок под предводительством Искреновой родной сестры Громницы, то приведет прямо ко ржи, а там новые льны и за ручьем — дедовский темный тын на высоком берегу Неревы...

Размечтались. Шедший первым Искрен вдруг резко остановился, и Будила, с размаху налетев на него, нелепо взмахнул руками, чтобы не упасть. Перед ними опять была поляна и раскидистая береза с приношениями куделинских девушек на ветках.

К тому времени как Искрен и Будила вышли к березе в пятый раз, ими уже было испробовано все. Они просили у лешего прощения и уговаривали отпустить их, снимали рубахи и надевали их наизнанку, переобували поршни с правой ноги на левую и наоборот и даже пытались высмотреть дорогу, нагнувшись и глядя назад между ног. Они доверялись то одной, то другой тропинке, шли по несмятой траве, но дорога и бездорожье снова и снова приводили их к березе.

Будила еще что-то бормотал, но Искрен уже понял: их водит не леший. Нечего теперь жаловаться, сами виноваты, что в неположенный день влезли в священную рощу женских и девичьих обрядов. И будет очень хорошо, если добрые богини просто поводят их, дураков, по роще до света, а утром, голодных, замерзших и измученных, выпустят-таки на опушку.

В простой день, скорее всего, так оно и было бы. Но ведь сегодня не простой день, и ночь впереди не простая. И она уже близилась. Ощутимо похолодало, и Будила зябко хлопал себя по плечам, жалея, что доверился весеннему солнышку и бросил кожух дома. Небо посерело, а в роще казалось еще темнее, чем на открытом пространстве. Все утренние тропинки исчезли, примятая трава распрямилась, и теперь оба парня видели только свои собственные следы, которые могли привести их только на старое место.

— Есть охота, хоть волком вой! — бормотал Будила, за досадой скрывая страх. — Хоть бы пирожка какого... — И косился под березы, где из травы заманчиво выглядывали пироги, обернутые вышитыми платками, вареные крашеные яйца, караваи с яичницей внутри.

— Не для тебя положено! Тронешь — самого съедят! — грозил ему Искрен, хоть и сам был голоден. — До дому бы

добраться, а там уже мать тебя покормит... осиновым поленом поперек спины!

Они еще брели куда-то, но оба знали, что все бесполезно и к людям им сегодня не выйти. А может, и никогда... Внутри холодело от этой мысли, но, несмотря на всю очевидную тяжесть их положения, молодым здоровым парням не верилось, что все для них так плохо кончится и что по пути сюда они в последний раз видели небо и солнечный свет.

В простом лесу они давно уже наломали бы лапника, сделали бы лежанки или даже устроили бы шалаш под старой елью, набрали бы сушняка и развели костер, очертили бы заговоренный круг от всяких непрошеных гостей и без горя дождались бы утра. Но в Ладиной роще не то что ветки ломать — даже травинки сорвать нельзя, и те венки, которые на березах завивают девушки, они потом бережно развивают, стараясь не повредить даже листика. Здесь — дом богини, и люди входят сюда, благоговея и трепеща.

Быстро темнело, между белыми стволами заклубился туман. Земля вплывала в священную ночь пробуждения берегинь, туман прятал привычную действительность, и под ним роща неприметно и скрыто превращалась в иную страну.

Пробежал по вершинам ветерок — быстро, шаловливо, прошептал со значением, точно увидел кого. И Искрен сам схватил Будилу за плечо — тот в ужасе вздрогнул и застыл как вкопанный. Стало не до шуток друг над другом — им не было места в этой роще, и теперь только дурак вздумал бы храбриться.

В шорохе ветвей слышался отдаленный смех — тихий, неясный, бесплотный, не звук, а только тень звука. Он долетал из-за туманной завесы, из-за грани волшебной ночи: преграда между мирами делалась все тоньше и прозрачнее, вот-вот незримые ворота распахнутся и выпустят в земной мир тех, кто посещает его так ненадолго в эти светлые и свежие весенние дни...

Как во сне, Искрен сделал еще шаг, невольно ожидая, что и земли-то под ногами уже нет и с этим шагом он рухнет в какие-то непостижимые глубины. Впереди виднелась громада старой дуплистой ивы, в этот час похожая на причудливое жилище какого-то нечеловеческого существа. Широкая длинная старая ветка, почти боковой ствол, тя-

нулась вдоль земли на высоте плеч, и на ней висели две вышитые рубашки. В густых сумерках они казались живыми — вот-вот оживут, соскочат наземь и примутся вертеться и плясать...

За ивой поблескивала широкая темная вода. Вилино Око было совершенно тихим и гладким, но и в этой его тишине мерещилась потаенная, полная скрытого значения и готовая проявить себя жизнь. Что-то зрело там, под темной поверхностью, — священное озеро и было теми воротами, через которые дочери Даждьбога попадают в земной мир, чтобы два месяца до Купалы плясать на полянах и орошать нивы росой из турьих рогов, а в Купальскую ночь растаять росными облачками над полями ржи.

Идти еще куда-то разом расхотелось — у обоих парней подкосились ноги. Не в силах выносить близость молчаливого озера, они ушли с берега и сели под кривой, несуклюжей березой, на которой не висело ни одного подарочка. Может быть, это неказистое дерево игривые росеницы обойдут своим вниманием и не заметят под ним нарушителей запрета?

— Березонька-матушка, укрой нас! — попросил Искрен и низко поклонился. — Пожалей нас, приюти до утра, не дай в обиду!

Береза невнятно шевельнула ветвями, и парни, приняв это за приглашение, повалились на траву. Оба чувствовали себя такими разбитыми, будто ходили без передышки целую неделю.

Было тихо, но сон не шел. В этой тишине ощущалось молчание живого существа, которое просто не хочет говорить, но видит и слышит все. На земле было холодно и жестко, туман навевал тяжелую, морочащую дрему. Шелестели березы, листочки и веточки перешептывались между собой. В облаках тумана меж стволов мерещилось движение, словно неясные фигуры на цыпочках перебегают от дерева к дереву, играют, дразнятся, морочат, а между тем подбираются все ближе и ближе...

Вышла луна. Роща затаила дыхание. От тишины хотелось зажмуриться, закрыть голову руками, зарыться в траву, забиться в ямку под корнями.

Первый лунный луч упал на поверхность озера. И в ответ тихая вода заколыхалась, в ней мелькнуло что-то живое —

в одном месте, в другом. Крупные белые лебеди всплывали прямо со дна и друг за другом тянулись к берегу. В ночной тишине раздавался веселый звонкий смех. Белые птицы кружились по озеру, били крыльями по воде, осыпая друг друга брызгами, гонялись одна за другой, резвились, смеялись, радуясь новой встрече с земным миром.

Вот первая из птиц коснулась крылом берега, и на ее месте из воды вдруг встала девушка — высокая, стройная, белая, по колени окутанная мокрыми светлыми волосами, с которых обильным потоком струилась вода. В туче брызг выскочив на берег, она захохотала громко и победно, гордясь и радуясь, что первая из трижды девяти сестер-росениц завладела этим богатым, ярким, горячим миром. Она отбросила назад мокрые волосы, но вода все так же струилась по ее пышной груди, стройным бедрам и длинным сильным ногам, орошая всю траву вокруг и ручейками устремляясь назад в озеро. А навстречу им на песок уже выбралась вторая берегиня, неся с собой свою тучу брызг и свой каскад искрящегося счастливого смеха.

— Я первая, первая! — кричала одна, и другая плеснула на нее водой лебединым крылом, которое тут же превратилось в прекрасную белую и гибкую девичью руку, и только пара запоздалых перышек закружилась и пропала в брызгах.

Первая берегиня увернулась и бросилась бежать по берегу, вторая погналась за ней, и их смех взлетал к самым вершинам старых ив. А за ними все новые и новые белые птицы текли по волнам взбаламученного Вилиного Ока, и все новые девы выходили на берег.

— Ой, рубашечки! — с ликованием кричал звонкий голос. — Какая красивенькая!

— Это моя!

— Нет, моя! Я первая увидела!

— А я первая взяла!

— Отдай!

— Попробуй возьми!

Две берегини бегали вокруг старой ивы, вырывая одна у другой вышитую рубаху, уже совсем промокшую. Вдруг она с треском порвалась, берегини бросили обрывки на траву и расхохотались. Две или три их сестры уже взлетели на иву и качались на ветвях, так что на берег обрушился настоящий дождь, текущий с их волос, а одна завладела оставшейся на

иве рубахой и вертела ее, прикладывала к себе то одной стороной, то другой, силясь сообразить, как с этим обращаться.

Искрен и Будила под своей березой слышали плеск, визг и смех, долетавшие от озера, разбирали голоса, красивые, но такие, что и не понять: то ли это девушки смеются, то ли птицы кричат. Голоса были звонкими, блестящими и холодными, как лунный свет. Вцепившись друг в друга, оба парня дрожали, не имея в голове ни единой мысли, кроме бессловесной мольбы: только бы их не заметили.

— Ой, кто это? — вскрикнул рядом с ними звонкий голос, полный любопытства и задора. — Смотрите, парень! Какой хорошенький!

Искрен завертел головой, пытаясь увидеть источник голоса, и первым делом обнаружил, что никакого Будилы рядом нет, что он цепляется застывшими руками в траву у корней березы, а в трех шагах от него стоит берегиня и ее горящие зеленые глаза смотрят прямо на него. Нечеловеческое совершенство этого стройного белого тела, лица, густых и длинных волос впушали разом восторг и резкое чувство ужаса, как будто от самого вида этой безумной красоты можно было умереть на месте. В ней играла и бурлила сила самой земли, пробудившейся весной для нового роста и цветения, и столкновения с этой силой человеческое естество не могло выдержать. Хотелось бежать от нее сломя голову и хотелось любоваться ею, пусть даже ценой жизни.

Искрен пошевелился, кое-как поднялся на ноги, цепляясь за березу: он знал, что надо бежать, но трава опутала ноги и не пускала.

— Какой миленький! — вскрикнул с другой стороны новый голос. Искрен обернулся, словно его дернули: подобок стояла другая берегиня, с волосами потемней и с голубыми глазами, так же ярко горящими в ночной темноте. Ее высокая пышная грудь вздымалась от бега и смеха, яркий рот приоткрылся, а глаза обшаривали его в радостном нетерпении, точно новую забаву. — Кудрявенький!

Она мягко протянула к Искрену руки, и невидимая сила вдруг мощно повлекла его в ее объятия, голова закружилась, сознание стало меркнуть. Он забыл свой страх, забыл время и место и ничего не видел и не знал, кроме сокрушительной прелести этого стройного тела.

— Он мой! — крикнула другая берегиня. — Я его первая увидела!

— А я первая возьму!

— Я не отдам!

— А вот попробуй!

Искрен опомнился: да ведь сейчас они просто разорвут его пополам и бросят, как лоскуты рубашки! Чары ослабли, и он бросился бежать, не разбирая дороги. Он знал, что в этой роще он целиком в их власти, но ни о чем сейчас не думал, а только бежал, как зверь, спасая свою жизнь и рассудок. Обе соперницы со смехом и визгом мчались за ним, едва касаясь травы, то отставали, то опять нагоняли и тянули к нему руки, то даже чуть перегоняли и вдруг выскакивали из-за берез, звонко хохоча, когда он от неожиданности спотыкался и ударялся о деревья. Ему уже мерещилось, что их не две, а два десятка и они окружили его со всех сторон.

Он мчался через березняк; казалось, что он бежит уже давно и вот-вот впереди будет опушка, просвет, воля и спасение; он забыл, что даже вечером они не могли найти выход, и только приходил в отчаяние оттого, что роща никак не кончается, что он уже задыхается, а звонкий смех охотниц звучит прямо над ухом и они даже не думают отставать. Его томил жар и трепал озноб, волосы взмокли, рубаха прилипла к спине, все тело болело от ударов о деревья.

Вдруг одна березка встала прямо перед ним, и Искрен невольно ухватился за нее, чтобы не врезаться лбом.

И вдруг обнаружил, что держит в объятиях девушку. Ее длинные распущенные волосы были влажными, и ткань рубашки — на ней была вышитая белая рубашка — местами намокла и липла к телу. От нее пахло влажной свежестью леса, травами и цветами. Раньше, чем он успел сообразить, прохладные гладкие руки жадно обвились вокруг его шеи и губ коснулись холодные влажные губы. Искрен попытался оттолкнуть ее, но она вдруг сама вскрикнула и отшатнулась, точно обожглась.

— Ой, что это! — плачущим голосом воскликнула берегиня, отскочив на пару шагов и потряхивая руками, словно их окатило слишком горячей водой.

А Искрен схватился за маленький мешочек на груди — оберег с полынью. Сегодня утром мать повесила по такому

мешочку всем детям и велела не снимать до самой Купалы, пока берегини не уйдут. Искрен забыл о нем, но оберег верно служил.

— Полынь! — морщась, причитала берегиня. — Жжется, горькая, противная! Сними ее, выбрось!

Искрен попятился, крепко сжимая оберег в кулаке. Он еще едва дышал от бега, но почти перестал бояться, сообразив: пока мешочек при нем, эта прекрасная белая дева не может к нему подойти. Даже смех и визги берегинь, резвящихся на озере и все шире разбегавшихся по роще, перестали внушать ему первоначальный ужас.

— Ну, выбрось! — уговаривала берегиня, мелкими шажками следуя за ним, но не приближаясь. — Куда же ты бежишь от меня? Желанный ты мой, сокол ты мой ясный! — звучным, низким, томительно-страстным голосом позвала она, но от этой страстности на Искрена веяло холодом глубокой воды. — Как я тебя искала, как жаждала с тобой свидеться!

Искрен смотрел на нее, но не мог рассмотреть: лунный свет играл на ее лице, и оно все время менялось, как рябь на воде. Он не мог бы сказать, какие у нее глаза, какие брови и губы, но весь ее облик производил впечатление чего-то невыразимо прекрасного. Она была как игра березовой листвы на ветерке, как облака в небе, как солнечные блики на поверхности реки — всякая и никакая. Неизменной оставалась только рубашка, которую она успела натянуть, — только рубашка, вышитая руками какой-то смертной девушки, придавала ей сходство с человеком. Без нее она вся была бы — туман, лунный луч, колыхание трав и игра волны. И, как от волн и ветра, от нее веяло прохладой. Она пришла в мир как знак любви Земли и Неба, и сама сущность девы росы толкала ее искать любви, питаться и греться этой любовью. Поэтому всех мальчиков с детства учат: не ходи весной в лес один...

— Куда же ты бежишь от меня? — Берегиня протянула к нему руки, и у Искрена дрогнуло сердце — такая страстная, повелительная тоска слышалась в ее голосе, что противиться ей казалось преступлением против всех мировых порядков.

— Чур меня защити! — бормотал Искрен, и ему хотелось зажмуриться, чтобы не видеть этой чарующей красоты, но глаза не хотели закрываться.

— Разве я нехороша? — с нежной тоской вопрошала берегиня, шажок за шажком подкрадываясь к нему поближе. При этом она робко поднимала белые руки, словно хотела прикоснуться к оберегу на шее Искрена, но не смела. — Где ты еще найдешь такую? У тебя невесты нет — где же ты найдешь такую, что со мной может сравниться? Возьми меня в жены.

— Да разве ты в невесты годишься? — отозвался Искрен.

Он знал, что берегиня не может быть женой простого смертного, но почему — сейчас не помнил, и все предостережения ничего не стоили рядом с ее непобедимой красотой и ее жаждой живого тепла.

— Чем же я не невеста?

— А где же твоя невестина лента? — Искрен так осмелел под защитой полыни, что даже улыбнулся. — Невестам лента полагается.

— Какая лента? — в недоумении спросила берегиня.

— А такая. Каждая девица, как в возраст войдет, получает ленту на голову; это значит, взрослая она и к ней можно свататься. Называется «красота», и носят ее, пока замуж не выйдут.

— А где же берут такую ленту?

— От старших сестер получают, под завитой березкой в Ярилин день. Особый девичий праздник для этого есть.

— В Ярилин день, значит?

— Он самый.

— А если добуду ленту, тогда полюбишь меня?

— Там посмотрим. — Искрен опять улыбнулся. Вот и берегиня-росеница заговорила с ним так, как не раз говорили смертные девушки.

Но только где же ей добыть девичью ленту-красоту? На березы их не вешают, потому что берегиня — не живая женщина. В жены их не берут, а значит, знак рода и семьи им не полагается.

— Так на Ярилин день встретимся. — Берегиня улыбнулась ему, и у Искрена сладко заныло в груди, как будто перед ним и правда была живая девушка. — Смотри, не забудь меня. Не забудешь?

Искрен против воли покачал головой, точно зная, что и правда не забудет. Как можно ее забыть — прекрасную, как

жемчужная роса на зеленом листе, и такую же холодную! А когда выйдет солнце, чтобы согреть ее зябкую красоту, — глядь, а ее и нет.

* * *

«Не забудешь меня?»

Она могла бы не спрашивать. Уже наутро Искрен вспоминал свое приключение в Ладиной роще как сон. В воспоминаниях облик берегини виделся каким-то смутным жемчужно-белым искрящимся облачком, он не помнил ее лица, но впечатление чего-то невыразимо прекрасного переполняло его. В ушах звучал ее голос, то низкий и страстный, то звонкий и нежный, и везде, куда бы он ни пошел, на него веяло ароматами лесных цветов.

Утром он без труда вышел на опушку и там же нашел Будилу, крепко спящего и вполне невредимого, хотя и порядком измотанного. Родичам они рассказали, что всю ночь проспали под дубом и никого не видели. Не все им поверили, а дед погнал в баню очищаться травами и водой с уголька. Но, несмотря на это, Искрен знал, что Ладина роща так и не отпустила его до конца. В стволе каждой березы ему мерещилось стройное гибкое тело, движение ветвей на ветерке напоминало волны густых русых волос, в бликах поверхности воды под солнцем ему улыбались самые прекрасные на свете глаза, а в шорохе листвы он слышал тихий, лукавый, призывный смех. Ни одну из девушек округи он больше не замечал.

О Метелице он даже не вспоминал. А вот она хорошо о нем помнила и ни разу за весь месяц травень, когда молодежь собиралась погулять, не ходила туда, где могла встретить неревических парней. Вечерами она по большей части сидела дома. Турица, пока еще вынужденная сидеть вместе с ней, чуть ли не подпрыгивала на лавке от нетерпения и считала дни, самолично делая зарубки на палочке. И никогда еще время от Берегининого дня до Ярилина не тянулось для нее так долго. Но уж когда долгожданный день настал, ни один петух на огнище Куделичей не успел проснуться раньше Турицы.

Именно она разбудила Тешанку и Младинку, для которых этот день был так же важен, и вывела их за ворота. Встав под гремя шумящими березами, они запели:

Вы кумушки, голубушки, подружки мои!
Пойдете вы в зеленый лес — возьмите меня;
Вы станете цветочки рвать — сорвите и мне;
Вы станете венки плести — сплетите и мне;
Пойдете вы на реченьку — возьмите меня...

В ответ на их призыв из ворот показались пять взрослых девиц во главе с Первушей, неизменной «воеводой» девичьего войска. С корзинками в руках, красивые, нарядные, похожие на живые цветы среди яркой свежей зелени, все вместе они двинулись в сторону Ладиной рощи. Снова отыскав свою любимую березу, они сложили у корней корзинки с угощением, свернули низко опущенные ветви в форме венков и осторожно, чтобы не повредить хрупкие косы березы, перевили их цветными лентами, вплетая между прядями цветы на длинных стебельках. Особенно много было темно-голубого барвинка, и такой же венок красовался на голове каждой девушки. Барвинок еще называют «Ладины очи» и говорят, что глаза богини любви точь-в-точь такого же цвета.

Березка, березка,
Завивайся, кудрявая!
К тебе девки пришли,
К тебе красные пришли,
Пирога принесли!

Метелица старалась, чтобы по ее лицу никто не заметил, как ей грустно, но сама с трудом удерживала слезы. Всего два года назад и она вот такая же, как Турица, возбужденная и счастливая, румяная, с горящими от восторга глазами, принимала девичью ленту из рук Купавки, своей любимой старшей сестры и лучшей подруги, которая тем же летом и вышла замуж, далеко, за полтора дня пути. Тогда она верила, что найдет доброго жениха и будет счастлива. Но судьба обманула ее, и ей не на что надеяться сегодняшним вечером — никто не возьмет ее за руку и не поведет в хоровод, никто не потянет ее в сумерках погулять в темную рощу, не обнимет, прячаясь за толстой березой. А если кто-то и захочет — это будет не тот, кого она любит. Искрен совсем забыл ее. И зачем ей эти цветы и ленты, зачем пышный девичий венок, если некому его порвать?

Стараясь справиться с горькими чувствами, Метелица в свой черед подошла к венку на березе и повязала красную ленту на голову Младинки, которая приблизилась к нему с другой стороны. Младинка в ответ подала ей вышитый платок, поклонилась и отошла. Лицо ее сияло, она даже сделалась как будто выше ростом от радостного сознания, что теперь она взрослая и может ждать женихов.

В березовом венке показалась еще чья-то склоненная голова. Кто-то перепутал порядок, но это не беда; Метелица быстро вынула из венка вторую ленту, тоже красную, и просунула ее через венок. Голова придвинулась ближе, чтобы ей было удобнее повязать ленту, но лицо оставалось опущенным. На Метелицу повеяло свежим и пряным запахом трав, на душе вдруг стало легче. Появилась надежда, что все еще как-нибудь наладится, — необоснованная, но такая нужная и желанная, и Метелица предалась ей всей душой, даже заулыбалась. Сама земля в уборе расцветшей весны была юной прекрасной невестой и делилась своим счастьем со всеми, с каждой из своих смертных дочерей.

Она повязала ленту, головка кивнула в знак благодарности, светлое личико поднялось и лукаво улыбнулось. Метелица изумленно моргнула: она этой девушки не знала. Сперва ей показалось, что это Тешанка, потом в лице мелькнули и тут же пропали черты Туринды, потом еще одной девчонки, внучки рыбака Скрипилы, который со своей семьей жил за излучиной Капели... Что за морок такой?

Белая ручка просунулась сквозь венок и протянула ей длинные бусы из белых зерен. Метелица безотчетно взяла их, ручка исчезла, светловолосая головка с новой красной лентой затерялась в хороводе, мелькнула, пропала...

— Ты что, сестра, заснула? — Ирица со смехом подтолкнула ее в бок, схватила за руку и потянула. — Забыла, как ходят? Пойдем, покажу!

Ее затянули в хоровод, и Метелица пошла вместе с увеличившимся девичьим войском вокруг березы, но перед глазами все плыло, и если бы не Ирица и Рябинка, державшие ее за руки с двух сторон, и вправь не смогла бы идти. Что это было? Уж не заснула ли она в самом деле? Оглядывая хоровод, Метелица пыталась пересчитать девушек, но хоровод двигался, кто-то все время оказывался по другую сторону от ствола березы, кого-то заслоняли венки, да и у нее

самой так кружилась голова, что она не в силах была сосчитать до восьми.

Покумимся, кума, покумимся,
Чтобы нам с тобой не браниться,
Вечно дружиться.

Девушки по очереди подходили к венку с разных сторон и целовались через него, тем обещая друг другу вечную любовь и согласие. К Метелице тянулась губами очень довольная и непривычно важная Тешанка: Метелица поцеловала ее и подала вышитый платочек в обмен на пару медных заушниц, отошла, их место заняла другая пара. Кто-то мелькнул за деревом, девушка в красивой белой рубахе показалась из-за ствола и исчезла. Длинные светло-русые волосы были распущены и спускались ниже бедер, но на голове ее красовалась яркая красная лента!

Кумушки, покумитеся,
Где сойдетеся — поклонитеся,
Домой пойдете — не бранитеся,
Распроститеся.

Хоровод опять поднес Метелицу к березовым венкам, и опять какое-то румяное личико тянулось к ней с поцелуем. Яркие, как у самой богини Лады, синие глаза улыбались ей ласково и лукаво; как одурманенная, Метелица наклонилась и поцеловала гладкую, прохладную, как свежий березовый лист, щечку. И сердце вдруг защемило так радостно и тревожно, словно в небе для нее одной раскрылись сияющие ворота к счастью.

Все это было неспроста. В хоровод с ними затесался кто-то чужой, не из их рода и вообще не из их округи. Но Метелица молчала: неведомая сила не давала ей сказать хоть слово, как будто она была призвана беречь какую-то священную тайну.

Спев все песни, девицы уселись на траве под березой и припялись за угощение. Из дома каждая принесла нарочно выпеченный небольшой каравай, в который была вложена яичница: у молоденьких девиц с одним глазком, а у взрослых — с тремя. Третья часть от каждого каравая полагалась богине, и ее долю клали в траву у корней березы.

Метелица еще раз посчитала взглядом знакомые головы: их было восемь, вместе с ней самой, все родные и при-

вычные, и Рябинка, как водится, уже успела разлохматиться. Но ее не оставляло ощущение, что они на этой поляне не одни, что чьи-то лукавые глаза наблюдают за ними из-за стволов и кустов. Это была она, та, которой Метелица повязала вторую ленту. Та, которая не пела с ними песен, а только молча улыбалась ей, благодарно, дружески и немного заговорщицки. У них была какая-то общая тайна, и Метелица не решалась даже думать, что же это такое.

Вдруг она вспомнила про подарок — про бусы из белых зерен, которые и сейчас были у нее на груди. Опустив глаза, Метелица ахнула. Это было не белое стекло, как ей подумалось вначале. На груди у нее мягким перламутровым светом сияли крупные жемчужины, одна к одной, не мельче горошин, круглые, гладкие — такие, что их впору носить только гневославльской княгине.

— Ой, что это у тебя? — Любопытная Веретейка сунулась посмотреть и тоже ахнула: — Глядите, жемчуг! А я и не видела! Да где же ты такое достала? К тебе что, сватался кто-то?

— Да кто же у нас такой жемчуг подарить может, ты глаза протри... — начала было Первуша и прикусила язык: она тоже разглядела, что жемчуг настоящий.

— Подарили... — прошептала Метелица, чувствуя, что и сейчас не может сказать, *кто* ей это подарил. Не может, хотя сама уже знает.

* * *

После полудня, когда девушки Куделичей уже ушли из рощи, русоволосая красавица с красной лентой на голове одна стояла под березой с завитыми на ветвях венками. Подобрав с земли обломок каравая с яичницей внутри, она повертела его в руках, будто впервые видела такую простую и нужную вещь, как хлеб, потом поднесла к лицу, понюхала. Еще раз осмотрела со всех сторон, не зная, как за это браться, потом осторожно откусила совсем маленький кусочек и подержала в зубах, словно выжидая, не будет ли вреда. Она никогда не ела человеческой пищи, но этот хлеб был нарочно выпечен и надлежащим образом посвящен Ладе, Леле и берегиням, а значит, она могла его есть. Осторожно прожевав, девушка проглотила кусочек и застыла, прислушиваясь к своим ощущениям.

Приглаживая новую ленту, она попыталась заправить за ухо длинную непослушную прядь. С пальцев ее сорвалась капля воды, сверкнула, упала в траву и осталась лежать круглой белой жемчужиной.

* * *

К вечеру широкая луговина перед святилищем Лады на мысу была полна людей, голосов и движения. Стоявшее над рекой Капелью святилище называлось Капельской Ладой и дало название всей округе. По большим весенним праздникам сюда собирались сотни людей, и, чтобы вместить их, к святилищу были пристроены длинные хоромины с открытыми очагами в земляном полу, где жители Капельской Лады пировали в Медвежий день, Ярилин день и на Купалу.

Будила уже присмотрел себе молоденькую, лишь сегодня утром принятую в круг невест, русоголовую красавицу из заречных Бобровичей и теперь все кивал на нее своим родителям, и те благосклонно улыбались. Девушка была высокая, сильная, яркий румянец и живой блеск глаз обещали им неутомимую работницу и много здоровых внуков.

Горели костры, парни и девушки ходили хороводом, и только Искрен не находил там себе места. «Увидимся в Ярилин день», — вспоминалось обещание, данное ему голосом озерного тумана. Он и не верил, что снова *ее* увидит, но не мог быть среди простых живых людей, его тянуло прочь от них, в тишину и прохладную тьму священной рощи. Десятки самых красивых девушек улыбались ему и бросали призывные взгляды, но он отводил глаза. Ему хотелось спрятаться от них от всех, хотелось обнять прохладный березовый ствол, как будто только священное дерево богини Лели могло утолить его томление.

Кто-то сзади положил руку ему на плечо, и от этого легчайшего прикосновения Искрен вздрогнул. Повеяло прохладой со свежим запахом трав и цветов, и сердце упало от недоверчивого счастья — неужели... Он обернулся: рядом с ним стояла она — стройная, белая, как березка, с красной лентой на распущенных русых волосах. Прямо ему в лицо смотрели сияющие синие глаза.

— Вот мы и свиделись, как я тебе обещала! — прошептал голос, глубокий и прохладный, как тихая вода. — Ты рад, желанный мой?

— Ты... зачем пришла? — прошептал Искрен.

— Потому что люблю тебя! — ответила берегиня и положила руки ему на плечи. Сквозь рубашку он чувствовал, что ее ладони гладки и холодны, как листы кувшинки, и от нее веяло прохладной влагой, как от текущей воды. — Как увидела я тебя тогда в роще, так и полюбила напек. Не отстану от тебя, пока ты меня не полюбишь. Ну, разве я не хороша?

Искрен против воли обнял ее, и берегиня вздохнула. Ее прохладные свежие губы коснулись его губ и прижались так сильно, словно она хотела выпить все его тепло. И даже сквозь дрожь и головокружение Искрен чувствовал, как в самое его сердце проникает холод лесной воды, а тело берегини под его руками теплеет, теплеет... Его тепло перетекало в нее, и она задышала чаще, на ее белых и бледных, как жемчуг, щеках проступил румянец.

Холод в груди застывал и превращался в лед, грозил разорвать. Из последних сил Искрен оттолкнул берегиню. Но она не хотела отходить и цеплялась за его руки, и в ее тонких пальцах тоже появилось живое тепло. Зато его била дрожь, как будто он стоял в одной рубахе не в теплой роще Ярилиного дня, а в самый мороз солнцеворота.

— Зачем же ты меня гонишь? — часто дыша и всем телом устремляясь к нему, шептала берегиня. — Полюби меня! Сам Перун-Отец Живу-Матушку в эти дни любит, оттого и родится на земле все живое! Кто любить не хочет, тот против богов идет. Тому счастья не будет! Полюби меня!

— Не могу я тебя любить! — Искрен пятился, сжимая в кулаке оберег с полынью, который сегодня уже почему-то не помогал.

— Почему же? Я — невеста не хуже других. Меня ваши девушки в свой круг приняли, подарками со мной менялись, вот и лента у меня. Называется «красота»! — Берегиня горделиво показала ему красную ленту на своих волосах.

— Девушки тебя в круг приняли? — изумился Искрен.

— Ну да! Я с ними хороводом ходила, и для меня песни пели, меня караваем угощали, теперь и я тоже невеста. Возьми меня!

— Да какая же ты невеста?! — в отчаянии воскликнул Искрен, не зная, как отвязаться от этого губительного счастья.

— Чего же еще мне не хватает?

— Ты же не человек! Ни души, ни живого духа в тебе нет, оттого ты и холодная, как лягушка болотная! — Искрен и сам был измучен своим влечением к ее красоте, с которым так трудно было бороться. — Ты и меня погубишь, и сама не согреешься. Уходи, не тревожь меня, все равно нам вместе не быть.

— Как же я от тебя уйду, желанный мой! — Облик берегини заколебался, как туман. Черты растаяли, но голос оставался таким же страстным и нежным. — Навек ты меня приворожил своими очами ясными, бровями соболиными, сердцем огненным. Ты — мое солнце ясное, ты мой месяц светлый, как же я от тебя уйду? Хочешь не хочешь, а быть нам с тобой вместе.

— Человеку только человека любить полагается. А дух человеческий и тепло живое ты, нежить озерная, как ленту, просто так на голову не наденешь!

— Где же я возьму человеческий дух? Где возьму душу?

— Где? — Как же мог простой парень ответить на этот вопрос? — У людей они есть. А у вас, нелюдей, так, видимость одна. И не морочь ты меня, отстань, не могу я тебя любить.

И прежде чем она что-то ответила, Искрен повернулся и бегом бросился из-под тени берез на широкий луг, где ярко горели костры в светлой летней ночи, кружились широкие хороводы и живые человеческие голоса пели песни в честь расцвета всего живого в земном мире.

* * *

Метелица бежала, как будто за ней гнался волк, бежала изо всех сил, потому что действительно не хотела, чтобы ее догнали. Красивая, статная, нарядная девушка нравилась многим, и не один, не два и даже не три парня из Бобровичей, Гляденичей, Глушатичей и еще каких-то подмигивали ей в хороводах, норовили оказаться с ней рядом и взять за руку, выбирали ее в играх и тянули в полутьму берез. В такой день нельзя гневить богинь открытой нелюбезностью, поэтому Метелица терпела все это, улыбалась даже, но улыбка выходила безжизненная, и вся она была как неживая. Здесь не было ее судьбы, и ни один из этих парней не мог заставить ее сердце биться. Их это не сму-

щало: в молодой крови вовсю бурлил Ярила и внушал уверенность, что самую суровую зиму можно растопить, если как следует взяться.

Где-то позади еще звучали веселые визги девушек и азартные выкрики парней, кто-то в стороне кричал «ау», но рядом никого не было. Метелица пошла медленнее, чтобы не рвать без надобности травы, сняла с головы помятый венок и несла его в руках. Может, зря она так? Может, дай она тому здоровому из Гляденичей поймать себя и разорвать ее венок, все изменилось бы к лучшему. Она вышла бы замуж, уехала аж к Турьей горе, никогда бы больше не видела Искрена и забыла бы свое несчастье... Но нет, и незачем себя обманывать. Она знала: образ его так глубоко пророс в ее сердце, так опутал корнями, что вырвать его из груди можно только с самим сердцем.

Впереди открылось широкое, свободное от деревьев пространство. Блеснула вода, и Метелица остановилась: она вышла к Вилиному Оку. Сегодня священное озеро лежало как-то по-особому молчаливо и умиротворенно и было похоже на дом, который хозяева заботливо убрали и украсили к празднику, а сами ушли на гулянье.

Было темно и совершенно тихо. Она была совсем одна здесь, наедине с молчащей водой и старыми ивами. Они были слишком стары, чтобы идти плясать вместе со всеми, их стволы прогнили дуплами, и ноги уже не несут их в круг с молодыми...

Метелица села на одну из самых толстых лежащих на земле ветвей, положила на колени обтрепанный венок, который сегодня столько рук пыталось у нее вырвать. Зачем он ей? Вокруг царили покой и умиротворение священной теплой летней ночи. Земля была влюблена и счастлива, как и каждый из ее молодых детей, и только она, Метелица, была одинока и горька, как вдова-горлица на сухом дереве. Теперь никто ее не видел, а от сознания блаженного покоя вокруг жалость к себе с нестерпимой силой разрывала грудь. Слезы закапали на ее сложенные руки, на венок, и Метелица не старалась их утирать. Вот так бы и сидеть здесь, пока вся душа не вытечет ручейком в священное озеро, но зато тогда ей уже не будет так больно...

— Отчего ты плачешь, сестра? — с участием спросил нежный голос, и легкая рука коснулась плеча.

Метелица обернулась. Рядом с ней стояла необычайно красивая, стройная девушка с красной лентой на голове, и ее густые светло-русые волосы, когда она наклонялась, касались земли.

— Кто ты? — испуганно шепнула Метелица, глотая слезы, хотя сама уже узнала ее.

Это была та самая красавица, которую она мельком видела сегодня утром, та самая, что подарила ей жемчужное ожерелье, и эта лента на ее голове была повязана руками самой Метелицы.

— Я — твоя сестра! — звонким и нежным голосом ответила та, и ее синие глаза смотрели на Метелицу с искренним сочувствием. — Ты мне ленту подарила, ты меня через венок поцеловала и любить всю жизнь обещала, теперь и я тебя всегда любить буду и чем смогу, помогу. Какая твоя печаль, расскажи мне! Расскажи, сестра! — убеждала она, присев на ветку рядом и взяв руку Метелицы.

Рука ее была прохладной и легкой, нежной, как у младенца, и на душе у Метелицы вдруг полегчало. Может быть, судьба смиловалась над ней в эту священную ночь, может быть, озеро поможет ей там, где не помогут человеческие силы?

— Полюбила я парня, и он меня полюбил, а теперь покинул, — тихо сказала она.

«Цвели в поле цветики, да поблекли, любил меня миленький, да покинул». Даже песни про это поются. Сколько людей могли рассказать о себе эту же самую, такую короткую повесть, и в тех же самых словах, но каждый переживает свое горе с новой остротой.

— Уж чем я ему нехороша, не знаю. Не велела Лада, наверное. Против ее воли не пойдешь, а душа так болит, что жить не хочется.

— Душа? — живо переспросила берегиня. — У тебя есть душа?

— Есть, конечно. — Метелица даже не удивилась этому вопросу. — Не было бы, не любила бы я тогда, и сердце не болело бы. Жила бы я, горя не знала.

— Не печалься, я тебе помогу! — Берегиня подумала немного, потом улыбнулась и нежно прижалась щекой к ее щеке. — Ты мне ленту подарила, и я тебя отблагодарю. Любви его я тебе не могу дать, а вот покой и мир я тебе подарю. Ты сестра моя, я для тебя все сделаю. Идем со мной.

— Куда?

— А вот увидишь!

Берегиня поднялась, держа ее за руку, и мягко потянула за собой. И там, где только что был берег и тихая гладь воды, Метелица вдруг увидела какое-то светлое, жемчужно сиявшее облако. На нее повеяло запахом цветов, запах был необычайно сладким, манящим, и с каждым шагом на сердце делалось все легче и легче, как будто горе оставалось позади, отставало, теряло над нею власть. Она уходила туда, куда ему дороги не было.

Две девичьи фигуры одна за другой уходили все дальше в воду священного озера, и вот скрылись совсем. Вода всколыхнулась, принимая их, и затихла. Мелкие волны широко разошлись, ударились о противоположные берега и растаяли.

Потом вода снова зашевелилась, и одна из девушек выбралась на берег. Целые потоки текли с ее волос, с рубашки, с рук и ног. Дрожа и постукивая зубами от холода, она стянула рубашку, кое-как выжала ее и запрыгала, чтобы немного согреться. Она пыталась отжать и волосы, но из них все текла и текла вода, и каждая капля, коснувшись земли, превращалась в круглую блестящую жемчужину, а потом укатывалась обратно в озеро.

Но вот девушка немного отогрелась, натянула влажную рубаху и попыталась расправить ее, но та липла к телу и не слушалась. Небо чуть-чуть посветлело. Ночь кончилась, начинался день, еще один из дней священной русальей недели.

Хмуря брови, девушка кое-как расправила неумелыми пальцами тяжелые, слипшиеся от воды пряди волос и попыталась соорудить из них косу, но даже такое простое дело не очень-то дастся, когда делаешь его в первый раз. Пряди путались, она клала сверху то одну, то другую, но они никак не хотели ложиться ровным ручейком.

Наконец она бросила это занятие и опять повязала на голову промокшую красную ленту. Не беда. Скоро взойдет солнце и все это высушит.

И она пошла навстречу солнцу — в ту сторону, откуда обычно приходили к этому озеру ее новые земные сестры.

* * *

Несмотря на то что ночью поспать почти не пришлось, утро уже никого не застало дома. Все были на пашнях:

пришла пора сеять лен и овес. Завозившись по хозяйству — тяжело одной женщине в доме! — Былятиха едва успела собрать мужу и двоим старшим обед в поле и теперь брела обратно вдоль березняка, вялая и сонная. Двое ее младших, Неугомон и Немил, мальчишки девяти и шести лет, с воплями носились вокруг и палками срубали крапиву и траву на опушке. У обоих на шее болталось по маленькому мешочку с полынью — хоть они и были еще слишком малы, чтобы привлекать вил, оберег лишним не бывает.

Глядя на них, Былятиха вспоминала вчерашнее веселье и вздыхала. Ее старшему, Шумилке, который уже работал с отцом в поле, исполнилось четырнадцать, то есть через годик и он тоже будет плясать с молодежью в хороводе. Еще дождешься, наутро невесту приведет! Она вспомнила Рябинку, такую славную девушку из Куделичей, опять вздохнула: нет, для этой Шумилка еще молод, недоросточек! И еще год, не меньше, ей одной хлопотать по хозяйству, одной управляться со всеми женскими делами в доме, где муж, четверо сыновей и дед по прозвищу Сыч — седой, ворчливый, доживающий седьмой десяток и твердо намеренный скрипеть еще лет двадцать. Так всем и говорит. Пока, дескать, праправнуков не увижу, не помру, и не ждите.

— Ой, мама, смотри! — Самый младший, Немил, вдруг подбежал к ней и задергал за рукав. — Там спит кто-то!

— Где? — Былятиха обернулась.

— А вон там, на опушке! — Мальчик показал палкой, в ошметках крапивы.

— Кто спит?

— Девка какая-то. Не из наших.

— Не из наших? — Былятиха удивилась. — Может, из приезжих кто по темноте в лесу заблудился?

Мальчик подвел ее к ореховому кусту на опушке, и она действительно увидела спящую на земле девушку. Сын был прав: этой девушки и она тоже не знала, но, едва увидев ее, так и всплеснула руками от восхищения. Девушка была хороша, как самая сладкая мечта, скорее даже как исполнение самой сладкой мечты. Тонкая, стройная, с длинными светлыми волосами, разметавшимися по земле, с белыми руками, с мягкими и нежными чертами лица, она лежала в зеленой траве, как солнечный блик, как свежий цветок, и румянец ее щек был сладок, как спелая земляника.

— Откуда же ты такая? — в изумлении прошептала Былятиха и, наклонившись, осторожно тронула девушку за плечо: — Эй, голубушка! Проснись-ка, давно уж утро!

Девушка тут же пошевелилась, приподнялась. На Былятиху глянули яркие, как Ладин цветок-барвинок, синеголубые глаза.

— Не бойся, милая! — приветливо сказала сй женщина. — Иду мимо, а ребята говорят, спит тут кто-то. Ты из каких будешь? Что же ты от своих отбилась?

Девушка ничего не ответила, но улыбнулась ей — так открыто и радостно, словно дочь, после долгой разлуки проснувшаяся наконец в родном доме, возле матери. И от этой теплой, ласковой, еще немного сонной улыбки у Былятихи так защемило сердце, что она всхлипнула и краем платка утерла глаза. Это и правда была ее мечта — мечта о той дочери, которую она когда-то родила и потеряла еще до исхода первого дня ее жизни.

— Ты чья же? — повторила Былятиха. — Откуда к нам-то?

— Я... отсюда, — низким спросонья, но теплым, как парное молоко, голосом ответила девушка и села.

— Где же ты живешь?

— Жила — там. — Девушка показала на березняк позади себя. — А теперь — не знаю. Теперь мне там нельзя жить.

— Как — нельзя?

— Ушла я от своего дома, мне теперь в нем жить нельзя.

— Отчего же? — Былятиха всплеснула руками. — Тебя что же, из дому выгнали? Что же ты натворила, голубушка моя?

— Ничего я не натворила, матушка. Я просто... сама ушла.

— Зачем же?

— Полюбила я... парня одного. Вот и пошла туда... где он есть.

Девушка говорила неуверенно, словно не знала, какие слова выбрать.

— Какого же парня?

— Искрен его зовут. Не знаешь ли ты такого, матушка? Где мне его найти? — Девушка встала с травы и жалобно посмотрела на Былятиху. — Где он живет? Я ради него из дому ушла, а где теперь искать его, не знаю.

— Знаю я такого. — Растроганная женщина кивнула. Она знала, что в красивого парня с огнища Неревичей влюбляются

многие девушки, в том числе и ее собственная племянница Метелица. — Что же, он тебя звал к себе? Обещал в жены взять?

— Обещал. — Девушка кивнула. — Сначала говорил, что я ему не гожусь, потому что у меня ленты невестиной нет и еще... еще чего-то нет. — Она вдруг смутилась и не договорила, но Былятиха ничего особенного не заподозрила. А если она что и подумала, то уж совсем не то, что было на самом деле. — А теперь у меня лента есть, все есть, что он просил! — Осознав все это, девушка словно бы заторопилась и схватила Былятиху за руку. — Матушка, отведи меня к нему!

— Прямо так к нему тебе идти нельзя! — Былятиха покачала головой, но не отняла руки. — Девушки сами к женихам не ходят. Раз обещал, то сам прийти за тобой должен. А тебе надо его дома ждать.

— Я из дому ушла и назад мне дороги нет, и он туда за мной прийти не сможет! — твердо ответила девушка, и Былятиха сразу как-то поняла, что это правда и спорить бесполезно. — Судьба моя с ним быть, и раз он за мной не придет, я сама к нему приду.

— Так дела не делаются... — в растерянности пробормотала Былятиха, не зная, что же тут придумать. — Лучше вот что: идем-ка мы с тобой к нам, а вечером, как с делами управлюсь, сама я сбегаю к Неревичам и ними потолкую.

— К Нере... Это что?

— Ну, род их живет наЕреве-речке, речка тихая, оттого и зовет не-ревой. А их род Неревичами прозывают. Ты разве не знала?

— Нет...

— Ну, я тебе расскажу. А мы — Лютичи, идет наш корень от Люта Старого, он на нашем пригорке жил уже лет двести назад. Сама-то я из-за Скотинки-реки, издалека меня Былята высватал. И наши вчера на праздник приезжали, сейчас, поди, еще в дороге, только завтра, может, до дому доберутся...

Женщина замолчала, пораженная какой-то новой мыслью.

— Звать-то тебя как? — спросила она.

Но вместо ответа на этот простой вопрос девушка лишь улыбнулась и пожала плечами.

— Меня еще никто не звал, — сказала она. — Только ты вот голубкой назвала. Может, это мое имя?

Былятиха открыла было рот, потом закрыла, помолчала и сказала:

— Ну, пойдем. Неугомон-то мой вона куда уже усвистал... — И она оглянулась, выискивая глазами старшего из мальчиков.

Вдоль края рощи они пошли по тонкой стежке к огнищу Лютичей. Девушка молчала, а Былятиха все думала, что же это значит. Не каждый день в лесу спят незнакомые девушки, у которых нет ни дома, ни имени. Впрочем, как женщина умная и сведущая, она уже кое-что сообразила. В ее родных местах, за рекой Скотинкой, рассказывали, будто где-то в Пустом бору, который начинался сразу за их угодьями и тянулся на много дней пути, все-таки живет еще один какой-то род, но очень странный. В нем, как говорили, сохранился древний-предревний, уже везде и всеми оставленный обычай брать в жены только своих, потому что всех чужих они почитали за нечистых духов. Этих людей, которых никто, в общем-то, и не видел, прозвали Лешими. Они не ездили на торги, не приходили к святилищам в великие дни, справляя праздники как-то по-своему. Изредка мужчины с берегов Скотинки, кому случалось зайти поглубже в Пустой бор, замечали следы чьего-то присутствия, чаще — лишь пни, обрубленные топором. За эту дикость, отсталость и замкнутость Леших многие считали настоящими лешими, и знаться с ними, понятное дело, никто не хотел. О них и вспоминали-то только для того, чтобы пугать детей: дескать, не ходи один в лес, а то Лешии утащат.

И если эта девушка родом из тех самых Леших... тогда понятно, почему Былятиха ее видит в первый раз, почему та не знает, кто такие Нерсвичи, и почему Искрен не мог прийти за ней в ее дом. Конечно, Лешии не отдали бы на сторону такую невесту! Да и как у них могла родиться такая лебедь белая, когда они сами там все уже корой и мхом поросли... И потому она не говорит своего имени: ее имя осталось в лесу, как в другом мире, а здесь, среди других людей и других обычаев, у нее имени вовсе нет.

— Все-таки не годится тебе так быть, одной, девицы сами по себе не живут и сами замуж не выходят, — сказала Былятиха, когда они уже приблизились к тыну. — Мы вот что сделаем. Иди ко мне в дочки, а я уж, как мать твоя, тебя постараюсь с Искреном сосватать. Хочешь?

— Хочу... матушка... — ответила девушка, робко оглядывая высокий, темный от времени тын и конский череп над воротами.

— Ну, иди, не бойся. — Былятиха взяла ее за руку. — У нас народ не злой, не прогонят.

Ей самой меньше всего хотелось, чтобы кто-то из стариков не одобрил ее находку. Именно такую дочку она всегда жаждала иметь — именно такой была бы та, погостившая в земном мире так недолго, если бы Морана не забрала ее. Такой же высокой, стройной, белой и румяной, с такими же яркими, полными жизненного огня глазами, с такими же черными бровями и ресницами, из-под которых взгляд сверкает, как молния. Немудрено, что Искрен, перебравший всех окрестных девушек и никого не полюбивший, выбрал ее. Даже если он впрямь как-то пробрался к Лешим и нашел в их зачарованной стороне такую красоту, как Лелю, — она стоила таких трудов.

Когда работники Лютичей пришли с полей, у них только и было разговоров, что про находку. Старики все перебывали в доме у Быляты, все поговорили с девушкой, но всем она сказала то же самое. Былятиха поделилась со стариками своими догадками насчет Леших — здесь тоже кто-то что-то о них слышал, и многие признали, что это очень может быть правдой.

— Ну, бери ее, раз нашла! — решил наконец старейшина Лютичей, дед Жилята. — Одну дочку у тебя боги забрали, другую дали. Как назовешь-то?

— Найденкой назови! — посоветовал другой старик, по имени Дрозд.

— Земляничкой лучше! — сказал Былята и ухмыльнулся. — Под кустом в траве нашла.

— Я ее Гостейкой назову, — ответила Былятиха и вздохнула. — Как первая моя девочка недолго у меня погостила, так и эта: сегодня пришла, завтра уйдет. Семнадцать лет мне ее не растить, не баловать — придут Неревичи, заберут мою красавицу, и приданое приготовить не успеем.

Вместе с двумя старшими женщинами Былятиха отвела новую дочку к ручью, обрызгала водой и дала ей имя. Теперь ее звали Гостейкой, и девушка улыбалась всем встречным, очень довольная, что у нее появился еще один, самый главный знак принадлежности к человеческому роду. И никто

во всем роду не знал, почему для нее это так важно. Но зато все заметили, что, получив имя, нежданная гостья сделалась еще краше, и теперь даже старики, глядя на нее, удивленно качали головами и твердили, что не видели никогда такой красоты. Ну может быть, когда сами были очень молоды... но тогда ведь и все было гораздо лучше, чем сейчас!

— До Купалы ты у меня поживешь, доченька, а уж тогда Неревичи тебя к себе заберут, — говорила Былятиха, усадив Гостейку на лавку под маленьким окошком и вооружившись гребнем. — Как же ты косу-то в лесу истрепала — и не раздерешь теперь... Терпи, вон как все перепутано!

— А когда будет Купала?

— Как это — когда? Через три недели, как положено. Уж мимо него не пройдешь, не бойся.

— А три недели — это сколько?

— Род и Рожаницы! — Былятиха взмахнула руками, в одной из которых был зажат костяной гребень с конскими головками на концах спинки. — Да как же вы там в бору дни считаете? Или у вас там и великих дней не знают — снег пошел, так зима, а растаял, так лето? И богов забыли, не почитаете, как должно! Вот оттого и... Ну, что я с тебя-то спрашиваю? — Женщина спохватилась. Она уже прочно привыкла считать, что ее дочка — из рода Леших, а та не подтверждала, но и не опровергала этого. — Три недели — двадцать дней и один.

— Как долго! — простонала Гостейка и даже хотела обернуться, но Былятиха придержала ее голову, потому что пыталась расчесать самые спутанные пряди. — Неужели я его до тех пор не увижу?

— Увидишь, родная, увидишь! — утешила ее Былятиха, выпутывая из волос обрывки стебля какой-то водяной травы. — Ой, где же ты бродила ночью, родимая, чего только у тебя тут не запуталось! Того гляди, лягушка выскочит... Так вот, ты слушай, как у людей делается, я тебе все расскажу!

— Как у людей? — Гостейка оживилась и даже пошевелилась от нетерпения на лавке. — Расскажи, матушка!

— Сейчас все расскажу, слушай только! — Былятиха не удивилась. Конечно, девушке из такого рода, где братья берут в жены сестер, ни искать жен не надо, ни творить сложных обрядов по переходу из одного рода в другой. —

До Купалы ты у нас должна жить, потому как мы теперь твои родители. Иначе нельзя, уважения не будет. На Купалу будут парни с девушками гулять, там он с тобой по порядку обручится, и ты все равно должна потом с девушками домой вернуться. Но только как обручишься, ты свой венок с головы в реку сбрось. Ну, девки тебя еще научат. Я Зорнице скажу, она девка толковая, приглядит за тобой. И вот вернетесь вы домой, а я с другими бабами, у кого дочери невесты, у ворот буду стоять, вас встречать. И как мы вас увидим, так запоем песню: где ты, дескать, дочка, всю ночь гуляла, где твой веночек лазоревый? А вы нам отвечаете: унесли, дескать, цветочки лазоревы да быстрые реки, унесли с ними и мою волюшку да красотушку. Зорянка тебя этой песне научит, она сама уже совсем замуж сладилась. И тогда, значит, на другой день придут их старики и отец жениха, а он сам не идет, ему нельзя...

Былятиха увлеченно рассказывала, в мечтах о близком будущем переживая все то, чего никогда уже не надеялась пережить, рассказывала о свадьбе, о том, как невеста прощается с чурами и печью, о том, как она отдаст младшей сестре-девочке свою ленту-красоту. Гостейка слушала, и понятно было, что все это для нее совершенная новость. А Былятиха стыдилась спросить, обставляют ли Лешии свои свадьбы хоть какими-нибудь порядками или так и живут, как звери в лесу...

И совершенно не замечала, что из-под ее гребня, которым она старательно чесала еще немного влажную косу новой дочери, одна за другой падают капли чистой воды, на лету застывают белыми жемчужинками и теряются в зеленой траве, которой по случаю праздника был густо усыпан весь пол в полуземлянке...

* * *

Наутро Былятиха, быстро переделав все дела и наказав Неугомону и Немилу самим отнести старшим обед, отправилась к Неревичам. Путь был неблизкий, и давно перевалило за полдень, когда она наконец дошла. Правда, по пути ее ненадолго задержали: встретился родич, Звяга из Куделичей, искавший свою старшую дочь.

— Метелица моя пропала, так с Ярилина дня и не вернулась! — Обеспокоенный отец разводил руками. — Хорошо, что тебя встретил, кума! Говорили люди, будто у вас

какая-то девица объявилась, что сама не знает, кто и откуда. Мы подумали: может, моя... Может, берегини ее в лесу повстречали и так закружили, что сама себя забыла? А? — И он с надеждой смотрел на Былятиху.

— Да что ты, кум! — Женщина всплеснула руками. — Ну, девку берегини могут заплясать до одури, это бывает, что и себя забудешь. Но неужели я-то свою племянницу не узнаю! Да разве я хоть одну девчонку со всей Капельской Лады не узнаю? Нет, кум, не твоя это.

— А моя куда же тогда девалась? — Звяга безнадежно огляделся, точно надеялся, что его старшая дочь сейчас вдруг возьмет и покажется прямо посреди пустого поля.

— Увели куда-нибудь, до Купалы не дотерпели! — Былятиха не очень встревожилась, потому что такие исчезновения вопреки порядку и обычаю время от времени случались. — Дело молодое.

— Да что-то не верю я... — Рыжий Звяга почесал затылок. — Она у меня разумница — не стала бы так...

— Лада велит — никакой разум не поможет. Ну, ищи, кум, Попутник тебе в помощь!

В угодьях Неревичей она сразу принялась расспрашивать, где найти Иверенева сына Искрена, и вскоре обнаружила его на одном из полей, где сеяли ячмень. Поговорив со старшими о приметах на урожай, Былятиха отозвала парня в сторону и зашептала. Старики понимающе ухмыльнулись. Они знали, что у самой Былятихи дочерей нет, но не сомневались, что она пришла спрашивать ответа за разорванный венок какой-то из племянниц. А Искрен, к которому, бывало, приходили с такими разговорами, был удивлен, взволнован, встревожен. Кончилось тем, что он попросил у отца позволения пойти с Былятихой к Лютичам.

— Зачем? — удивился Иверень.

— Невесту смотреть! — ответил ошарашенный парень.

— Да только что ведь всех пересмотрел!

— Этой, батюшка, еще не видел. А надо посмотреть!

— Ну, иди, раз надо! — Иверень развел руками. — Дело молодое...

Когда Былятиха с парнем вошли, Гостейка сидела на скамье возле окошка. Проворная Былятиха перед уходом успела раскроить ей новую рубашку и посадила было шить,

но оказалось, что ее приемная дочь не умеет держать в руках иголку. Зато все в доме было прибрано, посуда вычищена, и трава на полу благоухала свежестью, точно была сорвана только что.

— Ах, умница моя! — воскликнула Былятиха. — Ты и за травой за новой сходила! Когда же успела! Вот, гляди, какая у тебя жена будет проворная!

Она обернулась к Искрену, а он смотрел мимо нее на девушку.

— Я за новой не ходила, это та же все... — прошептала та, тоже глядя на парня.

А он молчал, не зная, что сказать. Такой красоты он не то что не видел, а даже вообразить не мог. В полутьме жилья она сияла каким-то внутренним светом, и даже рассеянные лучи из маленьких окошек казались рядом с ней тусклыми. Высокий стройный стан, белое лицо, синие глаза... Яркий румянец щек и губ... Он подошел ближе, как во сне, и взял ее за руку. Рука была живой, теплой, мягкой, как у всякой девушки, — даже слишком мягкой, будто не знакомой ни с серпом, ни с косой, ни даже с веретеном. Она совсем не напоминала гладкий и прохладный лист кувшинки. И теперь он мог отчетливо разглядеть каждую черту ее лица. Это лицо казалось ему новым, незнакомым, и только какое-то глубинное чувство говорило ему, что они уже встречались. Он не знал, кто перед ним. Берегиня, дочь ночных туманов, не могла быть такой.

— Вот я пришла к тебе, — прошептала она так тихо, чтобы услышал он один. — Люблю тебя, желанный мой, ради тебя на все готова. Бросила я мой дом, моих сестер, все бросила, теперь только ты мой род и только с тобой мой дом. И лента невестина у меня теперь есть, и... дух живой у меня есть. И в сердце моем только ты.

Искрен молчал. Она говорила то же самое, что он слышал от берегини, но перед ним была живая девушка. Да может, это и правда девица из далекого лесного рода, а берегиня просто морочила его?

— Теперь возьмешь меня в жены? — спросила она.

— Возьму, — ответил Искрен.

Он не знал, кто она, да и не хотел знать. Перед ним стояла сама любовь, и теперь он понял, что ее-то он и ждал все это время.

* * *

Прошел еще день. Былятиха хозяйничала вместе со своей новой дочкой и подмечала все новые странности. Шить или ткать Гостейка совершенно не умела, иголку сразу роняла, будто не привыкла держать в пальцах такую маленькую вещь, печной ухват вызвал у нее смех и недоумение. Зато горшки и кринки становились безупречно чистыми, стоило ей только к ним прикоснуться. Трава, цветы и березовые ветки, наломанные в начале русальей недели, у всех уже повяли и доживали последний день, а в доме Быляты они оставались совершенно свежими, как будто их только что принесли. На третий день Гостейка расчесывала волосы и заплетала косу уже сама; но гребень после нее оказался влажным, а под лавкой, где она сидела, Неугомон нашел два блестящих «зернышка» и принес их матери. Это были крупные белые жемчужины, которым, конечно, неоткуда было взяться в простой полуземлянке.

Но женщина молчала, стараясь даже не думать о том, что все это значит. Макошь пожалела ее, соткала для нее дочку из весенних цветов, и Былятиха полюбила ее так, как если бы и впрямь родила и растила семнадцать лет. На другой день Искрен опять приходил, не в силах хотя бы день прожить вдали от такой красоты, и тайком наставлял ее, сидя под березой:

— Когда Купала будет, все парни и девки опять в рощу пойдут, где березы завитые. Там заведут хоровод и будут по двое к венку подходить и через него целоваться. Так ты смотри, будут тебя другие звать, ты не ходи, пропускай других вперед и жди меня. Я тебе через венок кольцо дам. А ты мне платок — и значит, мы тобой обручимся. Поняла?

— Поняла! — Гостейка кивала. — Я ни с кем другим и не хочу, я к тебе одному пришла.

Искрен был задумчив, но помалкивал, и, встречаясь ним взглядом, Былятиха видела в его глазах понимание. Чего тут не понять, дескать? Совсем они дикие, эти Лешии, никакого разумения... А если что-то было и не так, совсем не так... А кому какое дело до этого?

Но пока можно было не беспокоиться: Гостейка всем очень нравилась. Девушки Лютичей уже все как одна гордились дивной красотой и чарующим голосом новой сестры:

они научили ее двум-трем песням, и никто не мог петь их так красиво, как она. Поэтому утром седьмого дня на русальей неделе, когда пора было выбирать додолу, никто и не сомневался, кому ею быть.

Что такое додола, Гостейка не знала, но, когда ей объяснили, все поняла отлично.

— Для дождя! — сразу сообразила она. — Да, конечно! Это я могу, это я умею!

— Тебе ничего и делать пока не нужно, мы будем петь, а ты просто ходишь и вертишься! — наставляла ее Зорница, которая сама в прошлом году была додолой. — А там дальше мы тебя научим.

— Вот увидите, наша додола будет самой главной! — уверяла Жилятина внучка, Резвушка.

— А никто и не сомневается! — отвечала ей Приглядa. — Нашей додоле ни одна из куделинских или неревинских и в подметки не годится.

— А Грозовым Соколом неревинский Искрен будет! — посмеиваясь, добавила Полуница.

— А что это — Грозовой Сокол? — спросила Гостейка, но девушки уже потянули ее вон из дому, и никто не ответил.

Ее повели к речке, протекавшей под обрывом холма, на котором стояло огнище. По пути туда им встретились несколько мужчин: один нес на коромысле два ведра с водой, другие везли сразу несколько ведер на волокуше. Завидев девушек, все весело махали им и кричали что-то задорное.

— Пошевеливайтесь, а то опоздаете! — отвечали им девушки. — Уже вот-вот пойдем!

Но сначала они зашли в ближайший лесок и там набрали новых свежих веток березы, травы и цветов. Потом Гостейку отвели на берег под густые ивы; там подружки сняли с нее всю одежду и обвязали со всех сторон ветвями с листвой, так что на ней оказалось нечто вроде живой зеленой рубашки, на голову ей сплели огромный пышный венок.

— Благослови нас, Мати, додолу водити,
Додолу водити, дождя просити! —

запела первой Зорница и плеснула речной водой на Гостейку.

И все двинулись в поля, которые начинались прямо за лугом на берегу. Впереди шла Гостейка-додола, за ней девушки, все в пышных венках и с пучками цветов в руках.

Ходила додола
От поля до поля,
Додола ходила,
Перуна просила:
Взойди ты на небо,
Отвори ворота,
Дай нам частый дождик
На рожь и пшеницу!

У каждого поля стоял кто-то из старших. При виде идущей к ним процессии каждый брал заранее приготовленное ведро с водой, где плавало несколько свежих цветов, и с размаху выливал его на додолу. Многие старались плеснуть пошире, чтобы попасть и на девушек; те отпрыгивали, визжали, смеялись, но не забывали петь, призывая на поля благодатные дожди:

Вознеси, Перуне, жито колосисто,
Жито колосисто да зерном зернисто!

Додола, почти не видная под ветвями и венком, похожая на гору живой зелени, шла приплясывая, вертелась на месте под потоками воды, и брызги с ее травяной одежды разлетались далеко вокруг. Вода обильно текла с нее на тропу, обозначая ее путь неровной мокрой полосой, и довольные хозяева радостно кричали ей вслед, видя сплошную дорогу воды вдоль всего поля — до следующего, где уже ждало ее новое ведро. Девушки пели, и сама она непрерывно пела какую-то песню без слов: с переливами голоса, со свистом и даже подвыванием, похожим на гул ветра. Так и казалось, что сами небесные вихри идут вместе с ней по полям, волоча за собой целые стада тучных дождевых облаков.

Так обошли все поля и луга Лютичей; девушки, тоже промокшие, уже охрипли от пения и смеха, и только додола оставалась такой же свежей и бодрой, все так же приплясывала и вертелась, и вода лилась, лилась с ее зеленой одежды, с ее белых рук и ног, которые такими жадными взглядами обшаривали мужчины и парни.

Вот поля Лютичей кончились, пошли угодья Куделичей, где тоже водили свою додолу, и пятна мокрой земли показывали места, где ее обливали. Но хотя на лютическую додолу никто больше не лил воды, светлые потоки все так же струились с нее, а она все так же самозабвенно вертелась и приплясывала. У девушек кружилась голова от взгляда на нее, а она даже не замечала их, не видела, куда они идут, а все танцевала, словно это было ее естественное состояние, щедро разбрызгивая вокруг себя воду и не задумываясь, где чьи поля.

А Благуша, самая молоденькая из лютических девушек, остановилась позади всех и с недоумением смотрела в пыль на тропинке. По мокрой земле были разбросаны какие-то блестящие белые зерна. Благуша подумала было, что это град, и даже удивленно подняла голову к небу: откуда? Она хотела поднять одно зернышко, но тут ее окликнули, и она побежала догонять сестер.

Обойдя поля, все снова собрались у Ладиной горы, и отсюда жители всех трех огнищ отправились в рощу. Впереди шли три додолы со своим сопровождением, и лютические девушки с законной гордостью оглядывались на чужих: две другие додолы уже едва держались на ногах, устав бродить по полям в мокрой зелени и непрерывно вертеться, и только их лютическая додола была так же свежа и прекрасна, и ее зеленые одеяния за жаркий день ничуть не увяли и не поблекли.

Старухи — матери родов — на опушке громко попросили у Лады, Лели и росениц разрешения привести с собой сыновей и братьев, чтобы и на них упала часть благословения, и это был единственный день в году, когда мужчинам можно было сюда входить. Среди одетых в белые вышитые рубашки неревинских парней издалека выделялся Искрен: на нем была красная рубаха, потому что на поединках Медвежьего великого дня он заслужил право быть сегодня Грозовым Соколом. На его широком поясе золотой нитью были вышиты узоры со священными Перуновыми знаками: весь год этот пояс хранился в Ладином святилище, и только по великим дням его доставали и вручали тому, кто заслужил право представлять самого Перуна в заклинательных обрядах. От торжества и волнения, счастливый и немного даже придавленный выпавшей ему честью, Искрен был бледен,

но так красив, что у всех смотревших на него захватывало дух.

По единственной тропе, которую Искрен с Будилой безуспешно искали неделю назад, осторожно ступая, чтобы не мять понапрасну траву и не повредить брачные одеяния богини, все множество людей пришло к Вилиному Оку.

— Он побежит за тобой, а ты беги вокруг озера по солнцу, и так три раза, — учила Гостейку по дороге Зорница, тихо, чтобы чужие не услышали и не поняли, что их новая додола не знает того, что знают даже дети. — Сначала поймать себя не давай, пока три раза озеро не обежите, а потом пусть догонит. Он тебе перстень наденет, поцелует, и вас опять водой обольют, и все.

— Что — все?

— Ну, обряду конец. Озеру жертвы принесут, весь народ до ночи будет перед святилищем гулять. А ты можешь домой пойти, высохнуть хоть, переодеться и отдохнуть.

— А чего отдыхать, я и не устала вовсе! — весело ответила додола.

Ее синие глаза так же ярко блестели из-под стеблей и бутонов венка, щеки были румяны, а движения так же легки и бодры, как утром. Казалось, долгий поход по полям и непрерывная пляска не утомили ее, а, наоборот, напитали силой. Как будто она сама и была — Земля, оживающая под струями благодатных дождей.

Старухи и женщины принесли последние жертвы озеру: молоко, мед и хлеб, причем многие бросали в воду разные мелкие вещи, перстни или застежки. Потом Зорница незаметно подтолкнула Гостейку-додолу вперед. Из толпы мужчин вышел Искрен в своей красной рубахе. Он бросил на Гостейку многозначительный взгляд, но она открыто и ласково улыбнулась ему — на ней одной благоговейный трепет толпы не сказывался никак. Хорошо, что под пышным венком ее лица почти не было видно.

Вся толпа отошла от озера чуть дальше, освобождая полосу вдоль берега. Теперь стало заметно, что берег опоясывает чуть заметная тропка, обходящая кусты и стволы ив. Это был священный путь божества, который уже в течение нескольких веков ежегодно пробивали чьи-нибудь молодые резвые ноги.

Старуха Рамениха, из Лютичей, самая мудрая женщина округи, руководившая большинством обрядов, первой принялась бить в ладоши и петь громким резким голосом:

— Из-за лесу, лесу темного,
Лесу темного, дремучего,
Из-за лесу ярый конь бежит,
Конь бежит, земля дрожит,
На земле трава шумит,
На коне узда гремит,
За конем стрела летит...

При первых же словах Зорница многозначительно подтолкнула Гостейку.

— Как по небу да по ясному
Ярый сокол вылетал,
Ярый сокол вылетал,
Сине море оглядал,
Сине море оглядал,
Белу лебедь увидал... —

подхватила за старухой вся толпа.

Вскрикнув резко и звонко, так что народ от неожиданности присел и даже на миг сбился с ритма, Гостейка бросилась бежать по едва видной тропке вокруг озера. Искрен помчался за ней, и парни вдоль тропы били колотушками в железные котелки, изображая гром, с которым Перун гонится по небу за своей полногрудой возлюбленной.

Гостейку можно было не предупреждать, чтобы не давалась слишком скоро: она неслась быстрее ветра, но при этом еще успевала подпрыгивать, вертеться, заламывать руки и всем видом изображать священный ужас перед громовым богом. На ходу она вскрикивала, и взвизгивала, и причитала, и в ее голосе слышалась отчаянная мольба о спасении. От быстрого бега ее зеленые одежды развевались, цветы и листья сыпались в разные стороны, между распавшимися ветвями мелькало стройное белое тело, подогревая азарт громовика и побуждая его не прекращать погони. Никогда еще в округе Капельской Лады не было додолы, которая смогла бы так полно слиться с духом истинной Додолы, богини дождя!

Над рощей загудел ветер, вершины берез закачались. Шум усиливался, так что заклинательное пение уже было

слышно нечетко: земля и небо, ветер и березняк пели и заклинали вместе с людьми. Словно устрашенное этой погоней, солнце спряталось, на поляне потемнело, как будто само озеро со всеми, кто возле него был, погружалось в иное пространство, в то самое, где и решается судьба земного мира. Каждому было жутко, голоса дрожали, но каждый знал: именно теперь все идет как надо!

Гостейка делала уже третий круг, и Искрен забеспокоился, а сумеет ли догнать ее: она мчалась так резво, словно ее нес целый десяток ног. А она, увлеченная бегом, вспомнит ли, что на исходе третьего круга должна быть настигнута?

Но нынешнюю додолу можно было ничему не учить. Сам дух ее знал, что и как она сейчас должна делать. За пару шагов от того места, где она начала свой бег, додола вдруг споткнулась, пошатнулась и замедлила шаг. Одним прыжком запыхавшийся Искрен настиг беглянку и вцепился в зеленые ветки ее одеяния. Додола отчаянно вскрикнула, рванулась, оставив в его руках половину одежды.

Народ ахнул единой грудью: у каждого было чувство, что на их глазах действительно решается судьба мира. Додола отскочила, Искрен опять подался к ней и обнял; она отчаянно билась в его руках, не давая надеть ей на палец кольцо, которое он заранее приготовил и держал в кулаке. Кольцо называлось золотым, но на самом деле было, конечно, медным. Эти брачные перстни Перуна и Додолы для ежегодного праздника изготовляли заново, и они, в отличие от Перунова пояса, оставались на память о выпавшей чести тем, кто их в этот день носил. Додолу всегда представляла только девушка, а Перуна — только неженатый парень; они были лучшими среди своих, и считалось очень правильным и уместным, если в Купалу, которая следует вскоре за вождением додолы, эти двое становятся мужем и женой.

Силясь вырваться, Додола ступила в воду; она извивалась в руках Искрена, стонала, протягивала руки, словно молила кого-то о помощи, и каждого из зрителей переполняли и невольная жалость к настигнутой жертве, и торжество — этот брак ведь обеспечивает дожди и урожай. Одной рукой обнимая свою пленницу, Искрен хотел второй рукой вручить-таки ей кольцо, но она вдруг рванулась в последний раз — и они вместе рухнули в воду озера.

И тут где-то высоко-высоко в небе грянул гром — настоящий гром! — и из сомкнувшихся туч на землю хлынул дождь. Разом обрушившись на рощу, он застучал, замолотил по веткам, и через несколько мгновений на головы людей стали падать обильные капли.

Потрясение было слишком велико: крича в невольном ужасе, народ стал разбегаться с поляны. Теснясь на слишком узкой тропе, воя и прикрывая головы руками, люди бежали прочь от озера. Плечи и спины у всех мигом намокли, но никто не пытался укрыться под деревьями, все стремились скорее уйти от священного озера, из Ладиного березняка, вернуться из иномирного пространства, куда заманила их слишком способная додола, в простой человеческий мир.

У озера остались только три человека. Искрен, придерживая Гостейку, помог ей выбраться на берег, где ждала их, с приготовленным большим рушником и рубахой, Былятиха. Рушник не понадобился, потому что был и сам теперь насквозь мокрым, но Гостейку это ничуть не беспокоило. Все ветки и травы ее наряда остались в озере, там же плавал, как пышная кочка, ее праздничный венок, а она стояла на берегу обнаженная, отжимая воду из густых волос, и смеялась, поднимая голову к небу, подставляя лицо под плотные струи дождя.

Вода текла и текла с ее тела — можно было подумать, что виноват ливень, но эти струи бурлили, искрились, сверкали, как живые, и сам смех ее отражался от белых стволов березняка сотнями смеющихся голосов. Капли сыпались с ее волос и на лету превращались в крупный жемчуг. Разбросанным жемчугом была густо усыпана тропка вокруг озера, по которой она бежала. Само озеро бурлило, нечеловеческие голоса воды, земли и ветра взывали к своей ушедшей дочери, и Искрен с Былятихой едва смели вдохнуть, подавленные мощью открывшихся им сил. И только Гостейка все смеялась, упоенная буйством родной стихии.

Искрен и Былятиха молчали. Они уже все поняли, но не двигались с места.

* * *

Наступали сумерки. Дождь прекратился, но вся земля и зелень еще были влажными, и от свежести их мощного

теплого дыхания разрывалась грудь. Весь народ был в Ладином святилище и пировал в честь свадьбы Перуна и Додолы. Из «новобрачных» была только Гостейка. Уже придя в святилище, Искрен вдруг обнаружил, что у нее нет золотого перстня, которым Перун обручается с невестой, — Гостейка обронила его там, на берегу, когда пыталась вырваться из его рук. А без перстня никак нельзя. Стыдясь сознаться, что упустил такую важную вещь, Искрен незаметно отбился от толпы и пустился бегом назад в рощу. Теперь он боялся только одного: что небольшое колечко затоптали в грязь после дождя, что девушка уронила его в воду и теперь его не найти. Никаких росениц он больше не опасался. Став женихом одной из них, он был надежно защищен от всех прочих.

Сейчас священная роща казалась ему совсем не страшной. Утомленные дождем березы дремали, свесив тяжелые влажные ветви. По уже знакомой тропке, ни разу не сбившись и не усомнившись, Искрен быстро вышел к озеру. Вилино Око тоже дремало, только мелкие волны чуть плескались у берега.

Искрен прошел к тому месту, где настиг свою невесту. В воде у берега еще виднелись зеленые ветки ее брачного наряда. В сумерках было плохо видно: склонившись, Искрен оглядел истоптанную землю, где еще можно было различить небольшие, изящные следочки босых ног Гостейки. Следы вели в воду озера, и он прошел вдоль них, внимательно вглядываясь и даже для верности обшаривая мокрую землю и жидкую грязь.

Кольцо лежало на самой кромке воды, уже не такое блестящее, как утром, но это было оно, и Искрен с облегчением протянул к нему руку. Но тут же его рука почти столкнулась с чьей-то чужой рукой, голова почти ударилась о другую голову, тоже склоненную над берегом. Быстро схватив кольцо, Искрен в изумлении отпрянул и поднял глаза.

И чуть не вскрикнул от неожиданности — на него смотрела Метелица. За последние дни он совсем позабыл о ней и теперь так удивился, как будто перед ним было какое-то чудо морское. Лютый зверь коркодел из далеких северных рек...

— Отдай! — с резкой досадой вскрикнула она и попыталась выхватить у него кольцо.

Изумленный Искрен попятился, и Метелица шагнула за ним. А он рассматривал ее и дивился все больше и больше. Он не мог не узнать девушку, с которой был знаком еще тогда, когда оба они были детьми и играли по зимам во взятие снежной горы. И все же она так изменилась за эти дни, что стала совсем другим существом. Ее волосы, всегда так тщательно расчесанные и заплетенные в гладкую косу, теперь были распущены и висели густыми, спутанными прядями, похожими на стебли водяной травы. Рубашка на ней была мокрой, на бледном лице было враждебное и какое-то слишком жесткое выражение. От нее веяло холодной свежестью лесной воды, и Искрен попятился: его пробрал озноб. Это была совсем не та Метелица, которую он когда-то знал.

— Отдай мне кольцо! — потребовала она, остановившись в шаге от воды. — Оно мое! Оно моим должно быть! Ты мне обещал кольцо подарить, меня обещал в жены взять!

— Я не обещал... — пробормотал Искрен, снова отступая и замечая с облегчением, что она, кажется, не отходит от воды дальше чем на шаг. Жутко было даже думать, что с ним стало бы, не успей он отойти и позволь ей схватить его.

— Обещал! Обещал! — настойчиво возразила Метелица. — Всю зиму ты ко мне ходил, всю зиму возле меня сидел, а значит, мой ты теперь, и я другой не уступлю! И хоть бы какой другой! Ты хоть знаешь, кого в жены взять хочешь? Она ведь берегиня, росеница, нежить! Она — не человек, холодная, мертвая! Ты меня, живую, оттолкнул, опозорил — богиня отомстила тебе, вилу на тебя навела! Кабы ты мне верен был, берегиня бы тебя не тронула, ей ведь только тот парень доступен, у которого невесты нет! Она видит, что в сердце у человека пустота, и идет на эту пустоту, хочет чужое место занять! Ты и меня погубил, и себя погубил, завладела тобой берегиня! Пропадешь ты с ней! Пропадешь! Она — мертвая, и ты с ней погибнешь!

— Молчи, нежить! — в отчаянии крикнул Искрен. В злых и горьких словах Метелицы было немало правды. — Это ты теперь — мертвая!

— Она — берегиня, росеница, холодная, неживая! В ней духа человеческого нет!

— Неправда! Есть в ней дух! Она живая, теплая! Я знаю!

— Есть в ней дух! Она мой дух украла! — дико вскрикнула вдруг Метелица и разрыдалась. — Она меня погубила, в воду заманила! Обещала мне помочь, от сердечной боли исцелить! Исцелила! Она мою кровь теплую украла, дух живой выпила, оттого я теперь холодная, мертвая, как камни речные! Да только душу человеческую украсть нельзя! Нет в ней души и не будет! Не будет!

Она бурно рыдала, ее слезы частым дождем падали в воду озера под ее ногами и расходились кружочками. Искрен повернулся и бросился бежать по тропе, крепко сжимая в кулаке кольцо. Теперь он знал, как берегиня получила тепло и дыхание живого человеческого тела. Она отняла чужой дух, перехватила земную судьбу той, которая дальше жить не хотела. А она — хотела, очень хотела жить среди людей и нашла способ стать человеком.

Но человеком ли она стала? Ведь человек — это не только дух, но еще и душа. А душу не украдешь. И нынешняя Гостейка — совсем не то что несчастная Метелица. Она — другая. Искрен вспоминал ее теплый смех, любовное сиянис ее глаз и не верил, что все это — морок, пустота. Живой огонь в глаза бросает только душа. И где же Гостейка ее взяла?

* * *

Выйдя из рощи, Искрен обнаружил, что пир уже окончен — вся толпа вышла из хоромин и клубилась пестрым облаком на лугу перед воротами. И тут же его одолело предчувствие, что там что-то неладно. Отдельной кучкой стояли несколько человек, и среди них он, несмотря на густеющие сумерки, сразу различил стройную фигуру Гостейки. Рядом с ней застыла Былятиха, которую под локоть поддерживал ее рослый, плечистый муж, возле него жалась и вертела озабоченно головой Зорница. Спереди всех их прикрывал дед Жилята.

А впереди всей толпы стоял Звяга, отец Метелицы, и на лице его была написана злая решимость. Искрен ускорил шаг, почти побежал. Пока он ходил к озеру, здесь началось что-то нехорошее. Теперь он точно знал, куда подевалась пропавшая Метелица, но говорить об этом сейчас было бы совсем некстати.

— Ты сам-то посмотри, откуда такое богатство! — говорил между тем Звяга, протягивая к Жиляте руку. В его загрубе-

лой широкой ладони лежало несколько крупных округлых жемчужин, и даже в полутьме от них исходило нежное, мягкое сияние. — Да такие у самой гневославльской княгини небось все наперечет! А тут у девки простой! Какие тут Лешии, ну их к лешему! Откуда им взять столько жемчуга, да такого крупного!

— Да все же видели, все видели откуда! — вставила Лихачиха, одна из неревинских женщин. — Все видели — из ее косы вода течет и течет, ее уж поливать когда перестали, а она все течет и течет! А как наземь упадет, так жемчугом обернется! Моя девчонка подобрала такие же вон зернышки, на поле подобрала, где ее утром водили! Понятно, откуда такое! Да вы вон гляньте: и сейчас еще капает!

Все поглядели на Гостейку. Теперь она была в новой вышитой рубахе, убрана ожерельями и лентами, как полагается приличной девушке на празднике, ее волосы были расчесаны и заплетены руками Былятихи в опрятную косу с красивым косником из бусинок и медных бляшек. Но самый конец косы был влажным, время от времени с него срывались прозрачные капельки воды, и за время, что она стояла здесь, на земле возле ее ног уже скопилось семь-восемь белых жемчужин...

— А как она поет! А как пляшет! То-то ливень пошел, когда она у озера бегала! — заговорили в толпе с разных сторон.

— Не голос поет, а ветер гудит! Разве человеку такое суметь!

— Не человек она!

— Да и где простой девке такой красивой уродиться, й-и-их! — с насмешливой и страстной тоской вздохнул старик Гудила, и Гудилиха привычно дала ему по шее.

Кое-кто ухмыльнулся, но большинство лиц осталось сурово.

— А что вы растревожились, люди добрые? — внешне невозмутимо спросил Жилята. — Ну, может, она и берегиня. Не упырь же! Ну, жемчуг с волос каплет — не жабы ведь ядовитые! Кому какая беда? Дождь умеет заклинать — в засушливый год ведь ты сам, Звяга, за такое умение полжизни отдашь, чтобы только детей голодом не поморить.

— Польза от нее может быть, а вот не было бы вреда! — Звяга огляделся, и толпа у него за спиной тревожно зашу-

мела. — Берегиня — нежить, и что у нее на уме, один леший знает! Дождь она заклинает, а вот как пойдут у вас дети и девки чахнуть, молодые парни с ума сходить — вот тогда запоете!

— У вас еще ладно, а если у нас? — поддержала его Лихачиха. — Я своих детей берегине не отдам! И близко не пущу!

— Гоните вы ее прочь, пока беды не наделала! — добавил худой мужик по имени Сухота и погрозил Гостейке костлявым кулаком. — А то смотри, Жилята, мы ее сами погоним!

— Молчи, дурной! — крикнула ему Былятиха и шагнула вперед. Ее муж, за свои охотничьи успехи носивший прозвище Медвежья Смерть, шагнул вместе с ней, хотя на его честном лице отражались сомнения. — Она мне дочь, и я свою дочь всяким-разным бранить не позволю! Из своего дома кого хочешь гони, хоть чуров из-за печи, а из моего дома я тебе никого гнать не дам! Она мне дочь, мне ее Макошь и Лада послали, и я, пока жива, ее в обиду не дам!

— Так вы, Жилята, ее в род принимаете? — спросил Звяга.

— В род мы ее приняли, а своих не выдаем. Даже если кто и недоволен. — Жилята кивнул и погладил бороду. Может быть, он и поступил опрометчиво, слишком легко поддавшись прелести девичьих глаз и уговорам Былятихи, но поменять свое решение считал невозможным. — Теперь думаем замуж отдать.

— И кто же такой смелый, что хочет ее взять?

— Да я и есть, ты что, забыл? — Искрен прошел вперед и взял Гостейку за руку. Она улыбнулась ему, так же ласково и безмятежно, как будто все, что здесь говорилось, к ней не имело отношения. — Я ее в жены беру.

— Ты совсем с ума сошел, Иверень, что за сына вилу лесную сватаешь! — Лихачиха всплеснула руками. — А ты родичей спросил? Не желаю я, чтобы у меня в родичах лесная нежить жила, не желаю!

— Да когда сватать уговаривались, она не берегиней еще была... — пробормотал отец Искрена, не зная, как тут поступить.

Брать в дом берегиню было слишком страшно, но с трудом верилось, что этакая красота может кому-то причинить вред.

— Не была, а потом стала? Это как же так? — хмыкнул Гудила и заранее отступил на шажок от своей грозной супруги. — Не сомневайся, парень, такое счастье один раз в жизни в руки идет, и то не всякому. Полюбила бы меня берегиня, я бы уж... А то женился на простой девке, а теперь живу с упырицей ненасытной... — Не договорив, он бегом побежал прятаться за спины соседей, потому как такого поношения Гудилиха уж никак не могла стерпеть.

Народ опять слегка засмеялся. Переждав смех, Искрен ответил:

— А я и не думаю отказываться. Она — судьба моя, а от судьбы не бегают. А что она нежить — неправда. Она — человек, в ней дух живой, человеческий. Кто смелый — подойти, потрогай! — Он приподнял руку Гостейки. — Она теплая, и кровь в ней живая.

— Правда, правда! — пробормотала Зорница, и другие девушки Лютичей закивали.

— Дух — еще не душа, — сказала наконец старуха Рамениха. Все это время она молчала, сложив сильные толстые руки под могучей грудью, выкормившей девять человек детей, и только переводила строгий взгляд с одного на другого. Но теперь, когда она заговорила, все замолчали и обернулись к ней. — Дух и в звере лесном есть, а душа только человеку дана. Без нее среди людей жить нельзя, кто ты ни будь. Но уж если она есть, то в лес человеческую душу не прогонишь, хоть она и не в человеческом теле поселилась.

— А как же узнать? — Звяга развел руками. — Научи, матушка, если знаешь.

— В ней есть душа! — воскликнул Искрен, твердо в это веря, но не зная, как убедить. — Она любит меня, а без души разве любить можно? И я ее люблю.

— Да ты замороченный, тебя еще очищать надо! — Лихачиха махнула на него рукой. — Куда только мать смотрела! Вот я бы...

— А пойдемте-ка на Дедово поле! — решила Рамениха. — Душу телесными очами не увидишь. Увидят ее те, кто свои земные очи навек закрыл, зато на жизнь нашу земную теперь с изнанки смотрят и многое, чего нам не видно, видят.

Ее не очень поняли, но спорить не стали, и вся толпа, в настороженном молчании и тревожном перешептывании,

двинулась к Дедову полю. Гостейка шла впереди, между Былятихой и Искреном. Приемная мать держала ее за руку, твердо намеренная не дать в обиду свое дитя, что бы ни случилось. А сама Гостейка была так же спокойна и так же ласково улыбалась.

Погребальное поле Капельской Лады располагалось неподалеку от святилища, но, когда до него дошли, сумерки уже настолько сгустились, что земля казалась черной и пологие холмы старых курганов были едва различимы. На само поле Рамениха никого не пустила, велев всем остановиться у кромки.

— А ты, детонька, возьми лучину и ступай! — сказала она Гостейке и показала на темное поле. Рамениха говорила с девушкой спокойно, без страха и осуждения, и казалась сейчас похожей на саму Макошь, богиню человеческих судеб. — Если нет в тебе души, деды наши тебя не примут. Если есть в тебе зло — пусть сожгут его синим огнем. А если есть душа — пусть укажут. Как деды рассудят, так мы и решим.

Толпа невнятно загудела. А Гостейка взяла у старухи сухую длинную щепку, которую Рамениха подобрала по дороге, и ступила на Дедово поле.

Она шла медленно и осторожно, но в ее движениях не было страха, только почтение и уважение к предкам всех окрестных родов — и ныне сгинувших, и вновь нарожденных. После смерти они селились на этом поле уже совместно. Ее кровных предков здесь не было. Но ведь многие женщины приезжают с мужьями в земли, где никогда не жили их предки, и вступают под покровительство духов того рода, к которому будут принадлежать их дети. Гостейка шла по полю, под каждой пядью которого таились чьи-то кости, и что-то невнятно напевала без слов, покачиваясь и словно чуть-чуть приплясывая, своим чутким духом улавливая течения силы под этой травой.

Люди следили за ней молча, не шевелясь, не дыша. Это тихое движение стройной белой фигурки, едва различимой во тьме и похожей на дух, зачаровывало даже сильнее, чем ее же стремительный бег вокруг озера в грохоте железа и гуле ветра.

Она дошла до края, и Былятиха сильно стиснула руку мужа. Там был их родовой курган, и там когда-то лежали крохотные, наверняка давно истлевшие косточки ее ново-

рожденной дочери. Та девочка погостила у нее недолго и быстро покинула мать; неужели и вторая, заменившая ее в сердце Былятихи, побудет не многим дольше?

И вдруг во тьме появился огонек. Робкая желтоватая искра замерцала на вершине кургана, и кто-то в молчаливой толпе охнул от неожиданности. Как разбуженная, толпа загудела. Искра разгорелась, и даже стала видна фигура девушки — она стояла на кургане, держа в руке горящую лучину.

Пораженная этим зрелищем толпа загомонила. А Былятиха вдруг разрыдалась, привалившись головой к груди мужа. Маленький желтый огонек ответил на их вопросы. Спящие под травами отцы приняли в род пришедшую со стороны девушку. Лучина в ее руке загорелась сама собой, разожженная душами ушедших поколений. Огонь — вечен и вездесущ, но никогда куча топлива не загорится сама собой. Огонь родится от другого огня. И душа человеческая родится от другой души, и пищей ей служит любовь — та сила, которая не дает вселенной развалиться на части.

Гостейка медленно шла по полю к народу, неся в руке горящую лучину, как тот первый огонь, спущенный с небес на землю и подаренный людям. В благоговейном почтении толпа немного отступила. У края поля остались лишь несколько человек. Те, кто поделился с берегиней огнем своей собственной души и тем ввел ее в круг человеческого рода.

СОДЕРЖАНИЕ

Дмитрий Тедеев, Мария Семёнова
БУСЫЙ ВОЛК – 2 (отрывки из романа) 5

Григорий Дондин
НЕДОСКАЗАННОЕ ЗАКЛИНАНИЕ 37

Андрей Валентинов
ВЫШЕ ТЕЛЕЖНОЙ ЧЕКИ 84

Елена Евдокимова
УКРОТИТЕЛИ МИРОВ 216

Светлана Васильева
ДОЛГ 228

Ника Ракитина, Елена Ольшанская
НАВЬ 237

Эльдар Сафин и Юлия Гавриленко
ВАСИЛИСА 271

Фёдор Чешко
ОН 281

Павел Молитвин
ПЯТНИСТЫЙ ЩАСВИРНУС 316

Наталья Болдырева
КОЛДУН 338

Владимир Аренев
КОЩЕЕВО OVUM 348

Екатерина Мурашова, Мария Семёнова
СКАЗКА ПРО ПЕЧКУ 356

Вадим Калашов
ПРОКЛЯТИЕ 372

Ник. Романецкий
ВО́РЬЯ НАЛОЖКА 419
ОПЛОШКА ВЫШЛА!.. 430
СЧАСТЛИВАЯ НЕВЕСТА 437

Минна Граф
КУЗНЕЧИКИ 444

Елизавета Дворецкая
КАК ОГОНЬ ОТ ОГНЯ 452

С 47 **Славянское** фэнтези: Антология. — СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2008. — 512 с.
ISBN 978-5-395-00222-8

В сборник «Славянское фэнтези» вошли произведения Марии Семёновой, Андрея Валентинова, Елизаветы Дворецкой, Николая Романецкого и других известных авторов.

Доблестные витязи, могучие чародеи и коварные злодеи, мастерски владеющие всеми видами оружия, вновь сходятся в смертельных поединках. Не на живот, а на смерть бьются за любовь прекрасных дев, счастье своих близких, ради славы или презренного металла, дающего власть над людьми и странами. Берегини смертельно ранят любовными стрелами, змии подколодные, летучие и плавучие стремятся извести человечий род, волхвы и ведуны бродят по градам и весям нашей и «параллельной» Руси, награждая, карая и милуя, когда по заслугам, а когда и потакая собственной блажи. Мужают мальчишки, брошенные в бурный водоворот жизни, обретают вторую молодость старики...

Авторы имеют несхожие представления о том, что такое «славянское фэнтези». Одни широко используют мифологию и этнографический материал, другие делают попытку создать альтернативную историю Руси, кто-то по-своему пересказывает древние былины, а кто-то задействует «славянский» антураж для решения вечных или, напротив, злободневных вопросов. Но все это сработано со «славянской добротностью» и российским размахом. Динамичное действие, яркие, запоминающиеся герои, головокружительные повороты сюжета. Если льется кровь — то рекой; если пир идет — то горой; если бой — то «последний и решительный», а уж коли свадебные колокола гудят... то это еще не значит, что свадьба состоится.

Добро пожаловать в новые, или хорошо забытые, миры, страны и земли!

Серия «DragonLance»

Маргарет Уэйс
Трэйси Хикмэн
«Драконы Повелительницы Небес»

Впервые на русском языке новый роман знаменитой серии «DragonLance», повествующий о приключениях злейших соперниц Лораны и Китиары, которые сражаются за сердце Таниса Полуэльфа!

Мечтая покорить Соламнию, император Ариакас отправляет Китиару за магическим артефактом, Оком Дракона. Но коварная судьба сталкивает Темную Госпожу с ненавистной Лораной, которая вместе с верными друзьями Стурмом, Флинтом и Тассельхофом тоже решилась на рискованное путешествие. Жизнь Китиары висит на волоске; чтобы спастись и доказать свою преданность Богине Такхизис, Темная Госпожа клянется привести под ее знамена легендарного Рыцаря Смерти.

Серия

Сборники произведений, посвященных одной теме

Только лучшие авторы!
Только лучшие истории!

В серии вышли:

Вампиры
Волшебники
Оборотни
Ужасы
Юмористическое фэнтези
Герои: Другая реальность
Научная фантастика: Ренессанс
Научная фантастика: Возрождение
Реально смешное фэнтези
Космическая фантастика: Космос будет нашим

ПО ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ КНИГ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЗБУКА» ОБРАЩАЙТЕСЬ:

Торговый Дом «Азбука»

Санкт-Петербург:

ул. Решетникова, 15

Почта: 196105, Россия, Санкт-Петербург, а/я 192

Тел.: (812) 327-04-56, факс: (812) 321-66-60

E-mail: **office@azbooka.spb.ru**

Москва:

Старопетровский проезд, д. 7а, стр. 19

Почта: 125130, Россия, Москва, а/я 91,

тел./факс (495) 627-57-28

info@azbooka-m.ru

Информация о новинках и планах, а также условия сотрудничества на сайте

www.azbooka.ru

ЖУРНАЛ

КИНО • ИГРЫ
КНИГИ • АНИМЕ

WWW.FFAN.RU

ПОДПИШИСЬ НА ЛУЧШИЙ В ЕВРОПЕ ЖУРНАЛ О ФАНТАСТИКЕ И

СЭКОНОМЬ ДО 30%

КАК ПОДПИСАТЬСЯ?

HTTP://MEGA-PRESS.RU/ITEM.3698.HTML

Варианты подписки	1 месяц	3 месяца	6 месяцев	12 месяцев
Курьерская доставка (Москва)	169 р.	507 р.	1 014 р.	2 027 р.
Почтовая доставка (Россия)	171 р.	512 р.	1 023 р.	2 046 р.
Почтовая доставка (зарубеж)	390 р.	1 168 р.	2 336 р.	4 672 р.

По всем вопросам, связанным с редакционной подпиской, звоните по телефону: 8(495) 967-9009

Литературно-художественное издание

СЛАВЯНСКОЕ ФЭНТЕЗИ

Руководитель проекта Денис Лобанов
Ответственный редактор Павел Молитвин
Редактор Ольга Нинчук
Художественный редактор Антонин Каллас
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Корректоры Нина Тюрина, Татьяна Никонова
Верстка Александра Савастени

Директор издательства Максим Крютченко

Подписано в печать 29.09.2008.
Формат издания 84 × 108 $^{1}/_{32}$. Печать офсетная.
Гарнитура «Петербург». Тираж 10 000 экз.
Усл. печ. л. 26,88. Изд. № 222. Заказ № 11453.

Издательский Дом «Азбука-классика».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192. www.azbooka.ru

Отпечатано по технологии CtP
в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

В сборник «Славянское фэнтези» вошли произведения Марии Семёновой, Андрея Валентинова, Фёдора Чешко, Елизаветы Дворецкой, Ник. Романецкого и других известных авторов.

Доблестные витязи, могучие чародеи и коварные злодеи, мастерски владеющие всеми видами оружия, вновь сходятся в смертельных поединках. Берегини ранят любовными стрелами, змии стремятся извести человечий род, волхвы и ведуны бродят по градам и весям нашей и «параллельной» Руси, награждая, карая и милуя. Мужают мальчишки, брошенные в бурный водоворот жизни, обретают вторую молодость старики…

Авторы имеют несхожие представления о том, что такое «славянское фэнтези». Одни широко используют мифологию и этнографический материал, другие делают попытку создать альтернативную историю Руси, кто-то по-своему пересказывает древние-былины, а кто-то задействует «славянский» антураж для решения вечных или, напротив, злободневных вопросов. Но все это сработано со «славянской добротностью» и российским размахом. Динамичное действие, яркие, запоминающиеся герои, головокружительные повороты сюжета.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В НОВЫЕ,
ИЛИ ХОРОШО ЗАБЫТЫЕ, МИРЫ,
СТРАНЫ И ЗЕМЛИ!

ISBN 978-5-395-00222-8
9 785395 002228
www.azbooka.ru